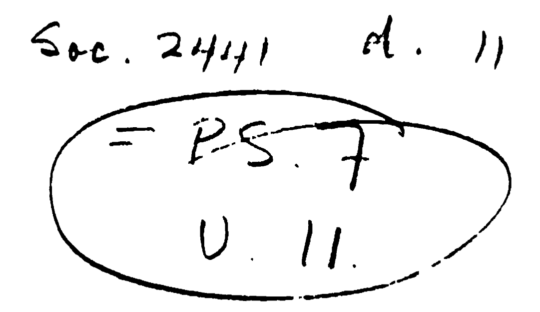
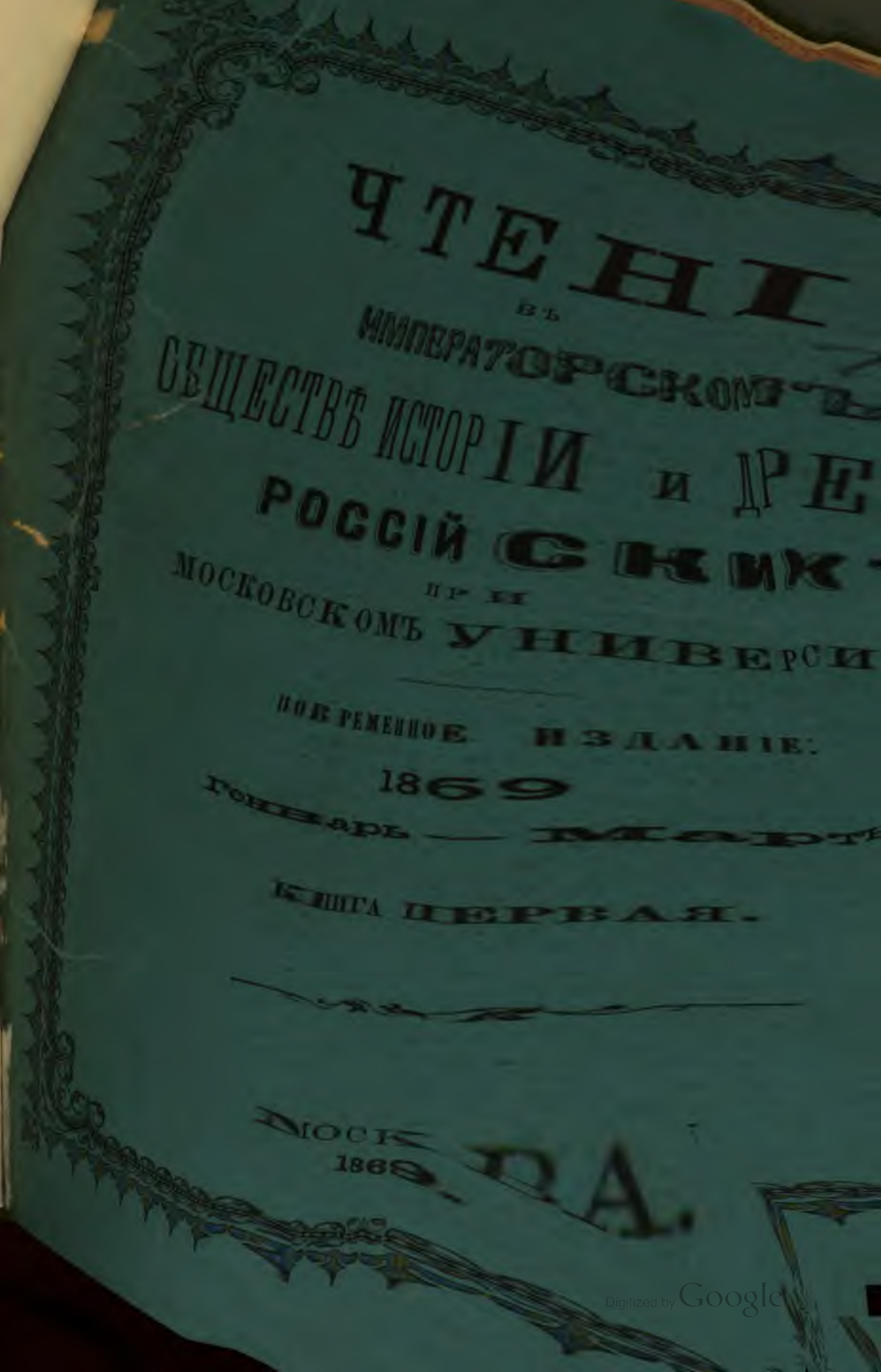

Soc. 24441 d. 11
= PS. 7
U. 11.

ЧТЕНІ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕ

РОССІЙСКИХ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1869

ГЕНВАРЬ — МАРТ

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1869.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

Труды и Лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Ро[illegible]. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, опис[illegible] объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова, съ рисунк[illegible] 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокра[illegible]ныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. [illegible]

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за [illegible]

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 [illegible] 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданы Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго, пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

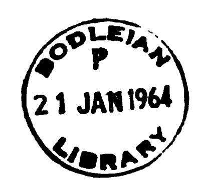
О. М. Бодянскаго.

1869

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ
1869.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВТОРОЙ ТОМЪ.

Исчисляя заслуги Кутузова, предъ назначеніемъ его въ Главнокомандующіе въ 1812 году, между прочимъ сказано (стр. 11): «Удачный походъ на Дунаѣ, и миръ, заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова» и т. д.

Не думаю, чтобы выраженіе: удачный походъ на Дунаѣ, было удачно. Кутузовъ, принявъ начальство послѣ Графа Каменскаго, очистилъ правый берегъ Дуная и отступилъ въ Княжества. Верховный Визирь имѣлъ безразсудство переправиться за нимъ въ Слободзеѣ и окопаться, оставивъ лагерь свой безъ достаточнаго прикрытія. Сдѣсь Кутузовъ явилъ глубокое знаніе свойствъ непріятеля и, на основаніи того, принялъ, какъ искусный вождь, мѣры, о которыхъ онъ бы и не подумалъ противъ всякаго другого Европейскаго полководца. Генералъ-Лейтенантъ (Е. И.) Марковъ переправленъ былъ нѣсколько выше чрезъ Дунай и, имѣя въ авангардѣ Генералъ-Маіора (В. Д.) Иловайскаго, внезапно атаковалъ лагерь и, овладѣвъ имъ, отрѣзалъ всякое сообщеніе Визирю съ своими средствами. Попавшись такимъ образомъ въ западню со всѣмъ своимъ войскомъ, гибнувшимъ отъ голода, самъ онъ скрытно бѣжалъ на лодкѣ. [1] Послѣдствіемъ этого

[1] Полагаютъ, что Кутузовъ зналъ о намѣреніи Верховнаго Визиря бѣжать, но отдалъ приказаніе Флотиліи не препятствовать этому, въ томъ предположеніи, что безъ свободы Верховнаго Визиря онъ не могъ бы заключить мира по существовавшему тогда понятію Турокъ. Не вдаюсь въ дальнѣйшія по сему предмету разъясненія.

было заключеніе мира. Во всякомъ случаѣ слово: «удачный походъ на Дунаѣ» тутъ не идетъ; оно могло быть замѣнено другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ событію, на примѣръ: дѣйствіе при Дунаѣ.

Описывая характеръ и свойства Кутузова, Г.-М. Богдановичъ присоединяетъ, на стр. 16-й:.... «важнѣйшія бумаги, подносимыя къ подписи Фельдмаршала, оставляемы были до завтра, и это завтра повторялось иногда нѣсколько недѣль» и т. д. Не знаю, въ какой степени это справедливо, но не можетъ быть, чтобы важнѣйшія бумаги оставались имъ не подписанными, когда онъ былъ Фельдмаршаломъ, какъ сдѣсь сказано. Лично я никогда не состоялъ при немъ, но въ 1812 году, по должности, мною тогда занимаемой, бывалъ иногда и по нѣскольку разъ въ день въ Главной Квартирѣ, и не разъ получалъ на присылаемыя къ нему словесныя донесенія немедленныя и ясныя разрѣшенія. Я могъ бы слышать отъ товарищей то, что приписывается Фельдмаршалу, но и того не было. Да и какъ допустить, чтобы Главнокомандующій арміею, во время ея дѣйствія (и противъ кого еще? противъ Наполеона!), оставлялъ важнѣйшія бумаги по нѣскольку недѣль безъ подписи! Параграфъ продолжается одинаково о Кутузовѣ, и въ концѣ онаго ссылка на приложеніе къ XV главѣ № 41, но въ приложеніяхъ къ этой главѣ, послѣдняя № 14 (на стр. 499); въ опечаткахъ же не отмѣчено; слѣдовательно, нѣтъ возможности знать положительно, кто это такъ соперничаетъ съ Тьеромъ въ изображеніи нашего полководца?

На слѣдующей 17-й страницѣ продолжается очеркъ Кутузова, и тутъ поражаютъ слѣдующія выраженія: «не смотря на недовѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружавшими его; недостатки и слабости его не помѣшали ему снискать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда, на канунѣ Люценскаго сраженія, одинъ изъ Адъютантовъ Фельдмаршала привезъ свѣдѣніе объ его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубокой тайнѣ: такимъ образомъ уже не было Кутузова, но Русская армія пошла въ бой, какъ будьто руководимая его тѣнью.»

Не понимаю, что Генералъ Богдановичъ хотѣлъ сказать этѣмъ страннымъ выраженіемъ, въ особенности тогда, какъ Императоръ Александръ самъ лично находился при войскахъ. А притомъ, это можетъ быть принято за иронію; ибо къ какому подвигу руководила тѣнь Кутузова? А вотъ къ какому: мы проиграли Люценское сраженіе и изъ окрестностей Лейпцига ушли за Эльбу; потеряли сраженія: подъ Бауценомъ (Будышинымъ), Герлицемъ (Згорѣльцемъ) и отступили до Одера, а сдѣсь заключили перемиріе. Какъ же понять сказанное сдѣсь о тѣни Кутузова, руководившей будьто бы войска въ Люценскомъ сраженіи, первомъ въ Германіи, которое мы проиграли, и съ какими послѣдствіями! Сомнѣваюсь даже, чтобы хотѣли сохранить въ тайнѣ смерть Кутузова, съ цѣлью, чтобы этѣмъ не потрясти духъ солдата. Нашъ солдатъ отъ подобныхъ впечатлѣній не приходитъ въ уныніе, а, напротивъ, ожесточается и стремится къ отмщенію. Но, независимо отъ сего, повторяю: сдѣсь находился самъ Государь, если можно такъ выразиться, боготворимый, обожаемый солдатами и всѣми. Сверхъ же того, войсками подъ Люценомъ начальствовалъ Графъ Витгенштейнъ, къ которому любовь солдата, въ 1812 году, далеко превосходила ту, которую они питали къ Кутузову по самой простой причинѣ: Кутузовъ отдалъ непріятелю Москву, а Витгенштейнъ, не только что тогда, но и по нынѣ въ народѣ, почитается спасителемъ Петрова града. Словомъ, выраженіе неудачное во всѣхъ отношеніяхъ.

Разсмотрѣнный мною параграфъ, какъ замѣчено выше, заключается ссылкой, которой нѣтъ.

Въ этомъ же параграфѣ, на 15-й страницѣ, приведено обстоятельство, читанное мною еще въ 1834 году у самаго сочинителя «Записокъ,» на которыя ссылается Г. Богдановичъ, и вотъ какъ послѣдній представляетъ оное: «Одинъ изъ чиновниковъ Главной Квартиры его (Кутузова), Маевскій,[1] говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился

---

[1] Въ описываемое время Сергѣй Ивановичъ Маевскій былъ не просто однимъ изъ чиновниковъ, а Генералъ-Аудиторомъ арміи, исправляя иногда и обязан-

доложить Фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ Русскихъ армій. «Кого же лучше, отвѣчалъ Кутузовъ, какъ не Рѣзваго: онъ (стр. 16-я) человѣкъ умный, опытный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ.» Едва лишь онъ успѣлъ произнести этѣ слова, какъ пріѣхалъ къ нему Графъ Аракчеевъ. «Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго Генерала, сказалъ онъ; выборъ его предоставленъ Вашей Свѣтлости. Его Величество полагаетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову.»— «Спросите у него,» отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевскаго: «мы только что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшій выборъ?»

Я не знаю, какъ близки были ихъ отношенія, дозволившія Генералъ-Аудитору, или еще, какъ Г. Богдановичъ говоритъ, одному изъ чиновниковъ, разсуждать, или и еще лучше, дать понять Фельдмаршалу необходимость сосредоточенія командованіемъ артиллеріею! Но болѣе всего кажется мнѣ невѣроподобнымъ то, что когда пріѣхалъ къ Кутузову Аракчеевъ изъ Петербурга отъ Государя, то, во первыхъ, конечно, прежде чѣмъ Графъ вошелъ въ комнату Князя, всѣ тѣ, которые могли въ ней случиться, получили бы весьма естественное приказаніе выйти, или, не дожидаясь приказанія, сами бы сдѣлали это: современники помнятъ, что такое былъ Аракчеевъ, особенно въ 1812 году. Во вторыхъ, если

ность Правителя Канцеляріи. Я съ нимъ былъ знакомъ гораздо прежде, съ 1808 года, потомъ въ 1812 году видѣлся часто. Въ 1813 году, въ Калишѣ, онъ и Скобелевъ получили полки, а Маевскій, какъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и въ то время полковыхъ командировъ, вскорѣ получилъ Георгія и сдѣлался извѣстнымъ. Съ 1815 по 1828 годъ мы не видались, но въ Турецкую, 1828—1829 г., войну онъ былъ назначенъ Директоромъ Госпиталей. По окончаніи войны, въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта, получилъ 13 дивизію и съ 1833 по 1835 годъ находился въ Тульчинѣ, гдѣ я тогда проживалъ. Не проходило дня безъ воспоминаній былаго. Мы давали другъ другу свои Записки, и я во многомъ съ нимъ не соглашался, а онъ дѣлалъ замѣчанія на мои. Онъ владѣлъ перомъ хорошо, но часто увлекался, для приданія силы своимъ выраженіямъ. Въ то время бѣловыя Записки его были уже сданы, а кому, не сказалъ, да я и не любопытствовалъ.

бы Аракчеевъ вошелъ въ кабинетъ Кутузова внезапно, то тѣмъ болѣе еще всѣ поспѣшили бы удалиться. Въ третьихъ, предположивъ, однако же, что чиновникъ рѣшился остаться и дожидать, покуда ему не будетъ приказано выйти, то рѣшительно ни въ какомъ уже случаѣ онъ не могъ оставаться, или не быть высланнымъ, когда Аракчеевъ началъ съ словъ: «Государь Императоръ» и пр. Слѣдовательно, повторяю, ни въ какомъ случаѣ чиновникъ Маевскій не могъ оставаться въ той же комнатѣ, [3] когда Аракчеевъ, присланный отъ Государя къ Кутузову, началъ сообщать Главнокомандующему волю Императора. Все, что написалъ Маевскій относительно Кутузова, Рѣзваго и Ермолова, онъ могъ слышать изъ смежной комнаты, Адъютантской, куда вышелъ; но чтобы Маевскій оставался присутствующимъ лицомъ въ той же комнатѣ, когда они говорили о томъ, этого, сто разъ повторяю, быть не могло и вошло въ Записки, такъ себѣ, для прикрасы.

Но какъ бы то ни было, Г. Богдановичъ неумолимъ въ приводимыхъ имъ очеркахъ о Кутузовѣ безъ всякаго разбора, такъ что расточаемая ему мѣстами хвала, часто похожая на фразы, не только помрачается, но и совершенно исчезаетъ при исчисленіи его недостатковъ, какъ Главнокомандующаго, и даже какъ человѣка. Книга эта переведена уже на Нѣмецкій языкъ: жаль и очень жаль, что иноземцы изъ устъ нашего военнаго исторіографа получатъ ложное понятіе о лицѣ, которому, по какимъ бы то ни было причинамъ, но, однако же, была ввѣрена борьба съ гигантомъ. Положимъ, что кое-что могло быть отчасти и справедливо, [4] но въ классической книгѣ, описывающей столь важный для

---

[3] Этотъ служебный этикетъ или приличіе соблюдается и нынѣ даже между Директорами Департаментовъ. Если какой либо Директоръ Департамента входитъ къ другому, то, кто бы тутъ ни случился, тотчасъ удаляется. А сдѣсь Аракчеевъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга къ Фельдмаршалу, на Березинѣ — и чиновникъ остается третьимъ лицемъ. Не могло и не можетъ быть!

[4] Можно себѣ вообразить восторгъ Тьера! Онъ провозгласитъ сочиненіе нашего Профессора, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Ксенофонтовымъ описаніемъ отступленія десяти тысячъ. Самъ Тьеръ въ своей Исторіи сказалъ

Россіи эпизодъ, должно было избѣгать такихъ данныхъ, которыя могли быть писаны подъ вліяніемъ различныхъ страстей и отношеній, и во всякомъ уже случаѣ имѣть мѣсто не въ текстѣ, а въ приложеніяхъ, если уже признавалось необходимымъ ввести разсказъ «одного изъ чиновниковъ.»

Наконецъ, вотъ и дошли до XXII главы (стр. 174): «Сраженіе при Бородинѣ.»

Почтенный исторіографъ предпосылаетъ, какъ уже я замѣтилъ, [5] этой гигантской битвѣ какъ бы предисловіе, наставленіе, необходимое для описанія большихъ сраженій, гдѣ исчисляетъ онъ всѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ «принимающій на себя священную обязанность жреца истины,» и какъ бываетъ онъ поставленъ въ тягостное положеніе увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ.» Указавъ на всѣ препятствія и затрудненія эти, Г. Богдановичъ заключаетъ свое вступленіе слѣдующими словами: «Все сказанное нами показываетъ, по чему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій, и можетъ, хотя отчасти, пояснить, по чему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ.»

Послѣ такого объясненія причинъ, до сихъ поръ не замѣченныхъ военными историками при описаніи большихъ сраженій, и въ особенности Бородинскаго, не совсѣмъ удовлетворительно изложеннаго въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ, мы вправѣ были ожидать, что почтенный исторіографъ нашъ, проникнувъ въ причины такихъ препятствій и, указавъ на нихъ, создастъ что либо образцовое, или, по крайней мѣрѣ, обой-

---

несравненно менѣе; онъ не столько отнимаетъ у Кутузова достоинствъ, сколько забавляется разсказомъ, что онъ былъ старъ, тяжелъ, кривъ, любилъ хорошо поѣсть, страстенъ къ женскому полу и т. п.

[5] При замѣчаніяхъ на общее предисловіе (т. I) сочиненія, это предпосланіе разсмотрѣно подробно; здѣсь нахожу необходимымъ вкратцѣ еще упомянуть о содержаніи этого предпосланія къ Бородинскому сраженію.

деть, устранить тѣ причины, которыя были неразгаданы его предшественниками, и изобразить эту великую битву достойно ея значенія. Но, къ сожалѣнію, указанныя и исчисленныя имъ причины, не смотря на всю свою истину, могутъ послужить указаніемъ только для другихъ; самъ же почтенный исторіографъ не руководствовался оными, и сдѣсь невольно приходитъ на память двустишіе изъ одной сатиры Кантемира:

> На столбѣ дорожный нашъ философъ Петръ походитъ:
> Всѣмъ путь указываетъ, а самъ по немъ не ходитъ.

Не сознавая въ себѣ достаточно силъ для достойнаго изложенія этой битвы, ограничиваюсь только замѣчаніями на нѣкоторые эпизоды оной, разсказываемые Г. Богдановичемъ. Я обращусь нѣсколько назадъ и начну съ того времени, когда только пошла рѣчь о Бородинѣ.

На стр. 135, между прочимъ, сказано: «Кутузовъ рѣшился принять сраженіе на позиціи у Бородина, избранной Генераломъ Вистицкимъ (а по свѣдѣтельству Бернгарди, Генеральнаго Штаба Подполковникомъ Гартингомъ) и одобренной Беннингсеномъ.»

За симъ слѣдуетъ ссылка въ примѣчаніяхъ на XX главу № 45 (стр. 533): «Клаузевицъ приписываетъ выборъ позиціи Толю (Denkwurdig. т. II, 18 (§ 137).»

Не уже ли и въ этомъ случаѣ должно ссылаться на Бернгарди и Клаузевицевъ? Вѣдь сказано же, что позиція избрана была Генераломъ Вистицкимъ (который былъ Генералъ-Квартирмейстеромъ 2-й арміи) и одобрена Беннингсеномъ. Взято же это изъ какихъ либо данныхъ; и какъ было не знать, имѣвши подъ руками матеріялы всѣхъ Архивовъ, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Въ избраніи ея могли участвовать и Вистицкій, и Гартингъ, и Беннингсенъ, и Толь. Да за чѣмъ тутъ Бернгарди, Клаузевицъ, какъ путеводители въ Исторіи Отечественной войны 1812 года?

Выборъ позиціи, начиная отъ Смоленска до Москвы, происходилъ слѣдующимъ образомъ: Генералъ - Квартирмейстеры, а иногда и Полковникъ Габбе, взявъ съ собой изъ находящихся

при Главной Квартирѣ Офицеровъ, сколько почитали нужнымъ, отправлялись на это порученіе. Встрѣтивъ мѣстность, которая казалась благопріятною, оставляли одного или двухъ Офицеровъ, для обозрѣнія ея въ подробностяхъ и легкой на глазомѣръ (не сходя съ лошади) съемки, и съ прочими отправлялись иногда далѣе. Найдя еще позицію, ее обозрѣвали, дѣлали также съемку и возвращались въ Главную Квартиру. Тутъ отдавали отчетъ объ одной или двухъ найденныхъ позиціяхъ; тогда отправлялись или Толь, или Вистицкій (если позиція не ими избрана) и наконецъ Беннингсенъ. Съ послѣдняго перехода къ Бородину, ночью, Оберъ-Квартирмейстеры отправились съ дивизіонными Квартирмейстерами и Квартиргерами для принятія позиціи, каждый для своего корпуса. Въ этотъ разъ приказано было ожидать въ самомъ Бородинѣ. Съ разсвѣтомъ насъ потребовали къ Горкамъ: сдѣсь находились Вистицкій, Габбе, Гартингъ и другіе Офицеры Главной Квартиры. Вистицкій поручилъ Габбе указать мѣста правому флангу, а самъ, приказавъ примкнуть правый флангъ 6-го корпуса къ Горкамъ, поѣхалъ, въ сопровожденіи всѣхъ, по направленію къ лѣвому флангу. Я отсталъ, провѣряя отмѣриваемое пространство для каждаго полка, и когда догналъ Вистицкаго, тутъ былъ уже Толь, а вскорѣ на курганѣ показался и Беннингсенъ. Онъ и Толь сдѣлали койкакое измѣненіе въ размѣщеніи. Когда я достигъ мѣста, гдѣ оканчивался лѣвый флангъ, Оберъ-Квартирмейстеръ 7-го корпуса началъ принимать мѣсто для 7-го корпуса, а я остался. Артиллерію Толь приказалъ поставить какъ придется, но во всякомъ случаѣ ее не располагать до его приказанія, которое вечеромъ и послѣдовало. Кромѣ размѣщенія конныхъ корпусовъ, въ пѣхотныхъ не было значительныхъ перемѣнъ, и 6-й оставался, какъ его первоначально поставили, по утру, 22-го числа, до ночи на 29-е.

Слѣдовательно, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Конечно, Вистицкій, а Беннингсенъ и Толь ее одобрили. Можетъ быть, Гартингъ былъ употребленъ для обозрѣнія ея частностей; но чтобы онъ ее избралъ, это неосновательно, хотя онъ и былъ Офицеръ съ большими способностями.

Описывая Бородинскую позицію и разсуждая о возвышеніи или курганѣ, находящемся въ центрѣ оной, предъ интерваломъ

между 1 и 2 арміями, или между 6 корпусомъ Дохтурова и 7 Раевскаго, сказано (стр. 141): «Беннигсенъ изъявилъ мнѣніе въ пользу занятія позиціи по прямой линіи, предлагая построить на выдающемся возвышеніи сильное сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, на случай непріятельской атаки, съ какой бы стороны она ни послѣдовала. Такое укрѣпленіе, доказывалъ онъ, слѣдовало вооружить 24-ю, либо 36-ю, батарейными орудіями, безъ лошадей и занять нѣсколькими баталіонами. Напротивъ того, Толь полагалъ сдѣлать на этомъ пунктѣ люнетъ, вооружить его 18 орудіями и включить его въ будущую черту позиціи; Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя, и такимъ образомъ расположеніе нашихъ армій было направлено отъ Горокъ къ возвышенію, а оттуда влѣво, подъ тупымъ исходящимъ угломъ, чрезъ Семеновское къ Утицѣ.»

Сдѣсь анахронизмъ: армія 22 числа была поставлена въ прямой линіи, такъ что возвышеніе это находилось впереди, а совѣщаніе, о которомъ сдѣсь говорится, происходило на самомъ курганѣ, въ полдень 25 числа, что далѣе будетъ видно; ибо не разъ должно будетъ говорить объ этомъ пунктѣ, слѣдуя за разсказомъ сочинителя, а теперь вотъ въ чемъ дѣло: сочинитель, между словами: «угломъ и чрезъ,» дѣлаетъ ссылку (№ 1, стр. 535). Естественно, что такой важный предметъ завлечетъ каждаго узнать, чье это засвѣдѣтельствованіе. Но очень ошибутся въ желаніи удовлетворить свою любознательность. Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы назвать источникъ, очень наивно говоритъ, что «по другимъ показаніямъ», [6] и присовокупляетъ: «позиція для 2-й арміи была избрана первоначально въ прямой линіи съ позиціею 1-й арміи Генераломъ Вистицкимъ, а Беннигсенъ, 24-го Августа, при осмотрѣ позиціи, найдя за лѣвымъ крыломъ ея оврагъ, осадилъ 2-ю армію назадъ [7] подъ исходящимъ угломъ, назвавъ тогда же курганъ, гдѣ находилась вершина его, ключомъ позиціи.»

---

[6] Да по какимъ же другимъ, когда и первыя не названы?

[7] Изъ этого видно, какъ почтенный сочинитель искалъ быть яснымъ и предостерегъ читателей отъ мысли, что могли осадить и впередъ.

Вѣдь это приличнѣе было помѣстить въ текстъ, и во всякомъ уже случаѣ здѣсь ссылка была необходима, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ни Бутурлинъ, ни Михайловскій-Данилевскій и никто не говорилъ печатно: обстоятельство важное, ибо могло дать совершенно другой исходъ битвы.

Описывая вооруженныя укрѣпленія на позиціи, говоритъ (стр. 142): «Начиная съ праваго фланга, сооружена на курганѣ у Горокъ, [8] по правую сторону дороги, батарея на три орудія (по тому что на этомъ пунктѣ невозможно было помѣстить болѣе артиллеріи), а другая на девять орудій впереди первой, въ разстояніи отъ нея 200 саженъ, на скатѣ отлогости, спускающейся отъ Горокъ къ Бородину. Обѣ этѣ батареи были заняты батарейною ротой Маіора Дитерикса.»

Опять нѣтъ ссылки, а она была необходима; ибо не только всѣ иностранные писатели говорятъ, что у Горокъ была сооружена сильная батарея, но и Михайловскій-Данилевскій (ч. II, стр. 187, изд. 1840) пишетъ: «насыпана была сильная батарея у Горокъ, [9] прикрытая другою батареей ниже ея въ 300 саженяхъ. [10]

Но еще болѣе: самъ же Г. Богдановичъ приводитъ вполнѣ донесеніе Барклая де Толли Князю Кутузову о Бородинской битвѣ, а въ донесеніи этомъ сказано (стр. 557): «Правый флангъ 6-го корпуса примкнулъ вечеромъ къ высотѣ у деревни Горки, на которой устроена была батарея изъ десяти батарейныхъ ору-

[8] Да вѣдь не здѣсь былъ правый флангъ: это правый флангъ только 6 корпуса, а правый флангъ армія простирался далѣе вправо отъ Горокъ, гдѣ было расположено нѣсколько корпусовъ и построены многія укрѣпленія; да и самъ Г. Богдановичъ помѣстилъ на своемъ планѣ нѣсколько такихъ укрѣпленій.

[9] Конечно, онъ разумѣлъ подъ словомъ сильная, по мѣстности ея, а уже никакъ не по количеству орудій; онъ видѣлъ эту батарею.

[10] Бутурлинъ не опредѣляетъ силы батареи (т. е., числа орудій), упоминая, что въ 200 саженяхъ ниже ея была другая.

дій» и т. д. [11] Слѣдовательно, ссылка была неизбѣжна; ибо отъ трехъ орудій до сильной батареи въ такомъ сраженіи, какъ Бородинское, разстояніе велико. Почтенный сочинитель, выписывая буквально все, что сказалъ выше, и если уже, по безпристрастію своему, какъ жрецъ истины, не хотѣлъ указать источника, то не слѣдовало выпускать изъ таинственнаго для публики (но извѣстнаго сочинителю) источника, стоящихъ передъ Дитериксомъ буквъ «Х. И.;» ибо Дитериксъ былъ подъ Бородиномъ не одинъ, а нѣсколько братьевъ, и всѣ—артиллеристы.

Что касается до позиціи въ общемъ смыслѣ, то описывать ее подробно и исчислять ея недостатки и выгоды, здѣсь было бы излишне. Замѣчу только одно, что на всемъ пространствѣ отъ Царева Займища, куда прибылъ Кутузовъ, до Москвы, не было ни одной позиціи, которая, послѣ всѣхъ недостатковъ, приписываемыхъ Бородинской, была бы для насъ лучше. А дать битву до Москвы, по соображеніямъ Главнокомандующаго, было необходимо. Слѣдовательно, вопросъ о позиціи рѣшается самъ собой. Перейду къ размѣщенію на оной войскъ.

Бородинская позиція, начиная съ ея праваго фланга отъ Москвы рѣки противъ с. Маслова, проходила чрезъ с. Горки, [12] три версты; отсюда до с. Семеновскаго двѣ версты, и наконецъ до Утицы [13] около трехъ верстъ. Всего протяженія до осьми верстъ.

---

[11] Несомнѣнно, что Барклай разумѣлъ тутъ обѣ батареи: одну на курганѣ, а другую, какъ замѣчено выше, на спускѣ къ Бородину; ибо онъ очень хорошо зналъ, что на курганѣ мѣста было только для трехъ орудій, посѣщая его нѣсколько разъ: 22, 23, 24, 25 и 26 чиселъ. Или, наконецъ, онъ предполагалъ при Горкахъ (но не на курганѣ), на случай, что армія предприметъ на другой день атаковать непріятеля, устроить еще батарею, для чего и приготовлены были ратники, какъ увидимъ далѣе, и это тѣмъ болѣе вѣроподобно, что и сочинитель говоритъ о вечерѣ 26 числа.

[12] На столбовой отъ Смоленска въ Москву дорогѣ передъ Горками около версты; на той же дорогѣ и село Бородино на Колочѣ.

[13] На такъ называемой старой Смоленской дорогѣ, соединяющейся съ столбовой въ Можайскѣ.

Такимъ образомъ пространство отъ Москвы рѣки до Горокъ естественно составляло правый флангъ: отъ Горокъ до Семеновскаго центръ, и наконецъ отъ Семеновскаго до Утицы лѣвый флангъ.

По прибытіи на эту позицію арміи, рано 22-го Августа, она расположилась слѣдующимъ образомъ: между Москвой рѣкой и Горками 2-й и 4-й пѣхотные корпусы, за ними 1-й и 2-й кавалерійскіе и Платовъ съ 9-ю Казачьими полками.

Между Горками и Семеновскимъ 6-й и 7-й пѣхотные корпусы; за ними 3-й и 4-й кавалерійскіе.

Между Семеновскимъ и Утицей, начиная отъ Семеновскаго, 8-й пѣхотный съ нѣсколькими еще полками влѣво къ Утицѣ и Казачій отрядъ Карпова, но въ ночь на 25 число направленъ туда, изъ резерва, еще третій пѣхотный корпусъ, который такимъ образомъ и связалъ войска, находящіяся въ Утицѣ, съ лѣвымъ флангомъ 8-го корпуса. За нимъ Московское и Смоленское ополченія.

Резервъ, состоящій изъ 5-го пѣхотнаго корпуса (гвардейскаго), съ нѣсколькими егерскими полками и артиллеріей, за 6-мъ и 7-ми корпусами, около с. Князькова. Далѣе, резервная артиллерія, Главная Квартира въ Татариновѣ.

Сдѣсь рождаются слѣдующія замѣчанія:

1. По чему, почти на осьмиверстномъ протяженіи первоначальнаго расположенія войскъ на позиціи, центромъ названъ только одинъ 6-й корпусъ, занимавшій изъ всей позиціи едва одну версту, тогда какъ, по естественному дѣленію позиціи, центръ ея должны были составлять 6-й и 7-й корпусы, расположенные въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго по мѣстности единообразной? Это соотвѣтствуетъ и самому дѣленію позиціи, какъ замѣчено выше; тѣмъ болѣе, что съ самаго начала сраженія 6-й корпусъ составилъ уже не центръ, а правый флангъ боевой линіи; 7-й и 8-й корпуса и подошедшій еще 4-й, центръ, а 3-й корпусъ, съ нѣкоторыми другими войсками, и потомъ прибывшій

къ Утицѣ съ упраздненнаго праваго фланга, 2-й пѣхотный корпусъ, составляли лѣвое крыло боевой линіи.

2. Почему 8-й пѣхотный корпусъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 7-го корпуса, не обозначенъ на планѣ, подобно всѣмъ другимъ корпусамъ, хотя всѣ дивизіи его: 27-я пѣхотная, сводная гренадерская (Воронцова), показаны какъ продолженіе лѣваго фланга 7-го корпуса, а 2-я гренадерская тутъ же за ними какъ бы во второй линіи или въ резервѣ; но обозначенія корпуса на планѣ нѣтъ, да и въ описаніи битвы чуть ли не одинъ только разъ упомянутъ 8-й корпусъ, и едва ли не столько же и начальникъ онаго, Г.-Л. Бороздинъ?

3. 25 Августа, по полудни, рѣшено было сдѣлать измѣненіе въ расположеніи войскъ 6 и 7 корпусовъ, стоявшихъ, какъ замѣчено выше, въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго, имѣя предъ интерваломъ своимъ на треть пушечнаго выстрѣла, курганообразную высоту. Измѣненіе это заключалось въ томъ, чтобы 6 корпусъ, оставивъ свой правый флангъ при Горкахъ, подалъ свой лѣвый впередъ и примкнулъ къ помянутой высотѣ, а 7 корпусъ, оставивъ лѣвый флангъ при Семеновскомъ, правымъ примкнулъ бы къ той же высотѣ, которая по сему и включалась въ первую линію позиціи, составивъ такимъ образомъ выходящій уголъ между помянутыми двумя корпусами. Движеніе это приказано было привести въ исполненіе за нѣсколько времени до разсвѣта слѣдующаго дня, 26 Августа. [1] Одновременно съ приказаніемъ, отданнымъ для сего передвиженія, рѣшено было на помянутой высотѣ соорудить люнетъ для 18 батарейныхъ орудій, къ чему и приступлено около пяти часовъ по полудни, 25 Августа.

На той же 142 страницѣ сочинитель, разсказывая объ этомъ укрѣпленіи и описывая затрудненія, встрѣченныя отъ почвы и т. п., присовокупляетъ: «Сооруженіе этого укрѣпленія было начато

---

[1] По этой-то причинѣ, на планахъ сраженія, приложенныхъ къ нѣкоторымъ иноземнымъ сочиненіямъ, высота эта и показана впереди противъ интервала между 6 и 7 корпусами, какъ это снимавшіе планъ съ позиціи видѣли съ 22 по 25 число.

не прежде пяти часовъ по полудни 26 Августа, т. е., уже около вечера на капунѣ Бородинскаго сраженія, по тому что ратники Московскаго ополченія, командированные на работу, не были снабжены ни лопатами, ни кирками [15] и не имѣли ни малѣйшаго понятія о приготовленіи туровъ и фашинъ. На разсвѣтѣ готовы были амбразуры только на десять орудій и люнетъ далеко еще не былъ оконченъ. Артиллерія, занимавшая его, находилась подъ начальствомъ полковника Шульмана (стр. 143)... Недостатокъ въ фашинахъ не позволилъ сдѣлать одеждъ; всѣ скаты были очень отлоги, что, съ одной стороны, замедляло насыпку брустверовъ, а съ другой, способствовало эскаладѣ; о палисадѣ и другихъ искуственныхъ препятствіяхъ не могло быть и рѣчи.»

И сдѣсь опять нѣтъ ссылки, не смотря на всю ея потребность: помимо уже того, что слабость этого укрѣпленія не представляла непріятелю большихъ препонъ къ овладѣнію онымъ, и которое онъ выставляетъ чрезвычайно крѣпкимъ, а уже по одному тому, что у насъ подумали такъ поздно объ укрѣпленіи ключа позиціи, какъ это было всѣми признаваемо. За чѣмъ же это новое обстоятельство, не высказанное ни Бутурлинымъ, ни Окуневымъ, ни Михайловскимъ-Данилевскимъ, не подкрѣплено ссылкой, откуда оно заимствовано? Я совершенно сознаю, что послѣ сказаннаго почтеннымъ Профессоромъ, въ 1 № «Военнаго Сборника,» 1858 года, приводить какъ это, такъ и все то, что и выше было сказано безъ ссылки, для него было затруднительно, но въ такомъ случаѣ уже не слѣдовало бы поминать онаго. [16]

---

[15] Не «по тому» начато было такъ поздно, какъ и самъ исторіографъ въ другомъ мѣстѣ скажетъ; кирками же и лопатами назначенное для работъ ополченіе тотчасъ было снабжено полками 6 корпуса.

[16] Г. Богдановичъ въ этѣхъ случаяхъ, какъ и должно, чрезвычайно строгъ относительно другихъ; вотъ что находимъ въ его Исторіи (т. I, стр. 525): «Новѣйшій историкъ войны 1812 г., Тьеръ, полагаетъ, что планъ дѣйствій Наполеона былъ составленъ имъ прежде, нежели наступленіе Русскихъ могло быть ему извѣстно. Излагая это мнѣніе, Тьеръ ссылается на переписку Наполеона съ Маршаломъ Даву, но не прилагаетъ въ доказательство приводимаго имъ факта» (т. I, стр. 528); далѣе встрѣчаемъ: «Генералъ Михайловскій-Данилев-

Между тѣмъ сдѣсь, для критическихъ соображеній, представляется слѣдующее, кажется, еще не разобранное, а именно:

Разсмотрѣть, имѣло ли вліяніе на ходъ сраженія передвиженіе 6 и 7 корпусовъ, съ цѣлію включить помянутое возвышеціе въ линію позиціи, на томъ основаніи, какъ говорилъ Толь, что если оставимъ оное внѣ линіи позиціи, впереди, то непріятель, занявъ его, будетъ обстрѣливать всю линію. Возвышеніе же онъ полагалъ укрѣпить люнетомъ и вооружить оный 18 батарейными орудіями. Или могло быть предпочтительнѣе мнѣніе Беннингсена, полагавшаго оставить корпуса на своихъ мѣстахъ, а на возвышеніи сдѣлать сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, вооружить оное 36 батарейными орудіями, съ треми или болѣе комплектами зарядовъ, вынутыхъ изъ ящиковъ и помѣщенныхъ въ изготовленное для сего безопасное мѣсто, ящики же и всѣхъ лошадей отправить назадъ. Въ такое укрѣпленіе онъ думалъ помѣстить три, или четыре, баталіона. Беннингсенъ доказывалъ выгоду такого распоряженія тѣмъ, что непріятель хорошо устроеннымъ и сильно вооруженнымъ укрѣпленіемъ легко овладѣть не можетъ, что для того ему нужно будетъ употребить особыя усилія и, можетъ быть, цѣлый день, и безъ успѣха еще, тѣмъ болѣе, что у него не было высоты, которая командовала бы этѣмъ пунктомъ, тогда какъ укрѣпленіе могло бить непріятеля по всѣмъ направленіямъ, а все это въ совокупности должно будетъ неминуемо разстроить нападающихъ. [17] Мы же, напротивъ, присовокупляль

скій, не показывая, однако жь, откуда онъ заимствовалъ мнѣніе, выраженное Паскевичемъ» (на совѣтѣ при Смоленскѣ)». Но Данилевскій писалъ это при живомъ еще Фельдмаршалѣ; слѣдовательно, упрекъ за это ослабѣвается, а Г. Богдановичъ не упоминаетъ поименно живыхъ, и говоритъ только «другіе» и т. п., и оставляетъ все безъ ссылки.

[17] Тутъ Беннингсенъ упомянулъ о Полтавской битвѣ, въ которой наши передовые редуты разстроили атакующихъ Шведовъ, и тогда на нихъ была сдѣлана общая атака. Мы увидимъ, какъ это укрѣпленіе, въ томъ даже несчастномъ состояніи, въ которомъ оно находилось, озабочивало непріятеля, не иначе называвшаго оное, какъ «terrible, fatale redoute» и т. п.; но невольно сознаешь, что если бы послѣдовали совѣту Беннингсена, то битва имѣла бы совершенно иной исходъ. Дѣйствительно, непріятель разшибся бы объ оное.

онъ, изъ нашихъ линій будемъ дѣйствовать не стѣсняясь и пользоваться всѣми моментами въ нашу выгоду и т. д. Относительно же мнѣнія Толя, который, какъ выше было видно, говорилъ, что непріятель, овладѣвъ высотой, будетъ громить наши линіи, Беннингсенъ возразилъ, что когда уже неотмѣнно должно допустить, что непріятель займетъ этотъ пунктъ, тогда будетъ еще хуже; ибо непріятель получитъ возможность анфилировать наши линіи въ обѣ стороны и довершитъ разстройство войскъ, которыя должны будутъ къ этому времени болѣе или менѣе быть уже въ такомъ положеніи безполезно выдвинутыми подъ сильный непріятельскій огонь. Толь возражалъ, и извѣстно, что Главнокомандующій предпочелъ его мнѣніе. Предсказанія Беннингсена, къ несчастію, буквально оправдались, [18] и укрѣпленіе, не будучи сомкнутымъ, дало возможность даже конницѣ Коленкура временно ворваться въ оный съ тыла. Критическому разсмотрѣнію будетъ предстоять разборъ выводовъ Беннингсена относительно его мнѣнія, и если бы оно было принято, то какого должно было ожидать послѣдствія отъ онаго? Самыя Семеновскія флеши были бы обезпечены. [19]

Г. Богдановичъ, разсуждая о помянутой высотѣ, и приведя вкратцѣ мнѣнія Беннингсена и Толя о родѣ укрѣпленія, присоединяетъ еще третье, но, по видимому, лицо таинственное, конечно, только ему извѣстное, предлагавшее построить на оной «укрѣпленіе въ видѣ бастіона съ полутеналями по сторонамъ, и присовокупляетъ, что для сего не было ни времени, ни средствъ.»

Вотъ это-то послѣднее и вызываетъ на критическій анализъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

---

[18] Помню очень хорошо, когда возвратились по своимъ мѣстамъ съ этой высоты, на которой происходили совѣщанія предъ Кутузовымъ, сидящимъ на скамейкѣ, всѣ опытныя лица отдавали предпочтеніе мнѣнію Беннингсена, но во время преній всѣ молчали!... Монахтинъ, раздраженный, кажется, вѣрно объяснилъ это присутствовавшимъ, обвиняя Беннингсена; далѣе—молчу.

[19] Въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы и пр. 1866 г.», сказано объ этомъ нѣсколько словъ.

Съ самаго мгновенія занятія позиціи, 22 Августа, высота эта была признана ключомъ оной, что подтверждаетъ и нашъ почтенный исторіографъ. А потому спрашивается: по чему же на этотъ пунктъ, которому въ предстоящей битвѣ, по всему видимому, предназначалось играть значительную роль, не было тотчасъ обращено всего вниманія, для устройства на оном того или другого укрѣпленія? 22, 23, 24 и за полдень 25 чиселъ тутъ ни чего не предпринималось. На возвышеніи этомъ въ началѣ поставили 12 орудій и потомъ присоединили еще 6 и приготовили ничтожное количество туровъ и фашинъ, на правомъ же флангѣ начали возводить различныя укрѣпленія съ 22 числа; при Горкахъ устроили 23 ч. двѣ батареи и начали шанцы; при Семеновскомъ въ тотъ же вечеръ стали устроивать флеши, а при Шевардинѣ редутъ, который, при появленіи непріятеля 24 ч., не былъ еще совершенно окопченъ; то же самое отчасти было и съ флешами, но объ укрѣпленіи ключа позиціи не было еще и рѣчи. Только послѣ полудня 25 ч. рѣшено было поставить тутъ люнетъ, къ устройству котораго могли приступить около пяти часовъ подъ вечеръ и къ открытію, въ 6 часовъ утра 26 Августа, дѣйствій, онъ остался далеко не оконченнымъ. Слѣдовательно, если бы подумали о бастіонѣ съ полутеналями по сторонамъ, заблаговременно, то было бы и время и средство. А всѣ эти обстоятельства и требуютъ строгаго критическаго разбора, который, надо полагать, долженъ имѣть какіе либо слѣды въ архивахъ, что, съ помощію возможности проникать въ сокровенныя причины дѣйствій, объяснить развязку такихъ загадочныхъ распоряженій.

Недоконченность предпринятыхъ работъ на главныхъ пунктахъ позиціи и была единственною причиной, что непріятель, такъ сказать, съ перваго раза овладѣлъ всѣми нашими укрѣпленіями, которыя не разъ переходили изъ рукъ въ руки; то же было и съ Шевардинскимъ редутомъ: ни непріятелю овладѣть оными, ни намъ отбивать ихъ по нѣскольку разъ, не оказалось искуственныхъ препонъ, и только грудь Русскаго солдата, благоразумно и безстрашно предводимая начальниками, составляла единственную твердыню въ этой кровопролитной битвѣ.

Генералъ Богдановичъ находитъ, какъ и нѣкоторые другіе, что позиція наша при Бородинѣ была слишкомъ растянута, что правый флангъ ея долженъ былъ начинаться отъ Горокъ, и тогда два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса, составлявшіе оный, могли бы усилить настоящую боевую линію отъ Горокъ до Утицы, уменьшивъ, такимъ образомъ, протяженіе ея на три версты. Оставленное же четырьмя корпусами пространство могло быть наблюдаемо даже однимъ Платовымъ съ его Казаками; ибо, по мѣстности, лежащей предъ нашимъ правымъ флангомъ, нельзя было предполагать, чтобы Наполеонъ предпринялъ что либо важное на этомъ пространствѣ. Это неоспоримая истина, но она требуетъ быть также подверженной строгому критическому разсмотрѣнію, по сложности обстоятельствъ сего заключенія.

Не только что мѣстность, изрѣзанная глубокими и въ перпендикулярномъ направленіи къ нашей позиціи оврагами и, въ томъ же положеніи, длинными извилинами Колочи, затруднила бы движенія непріятельскихъ колоннъ и взаимное ихъ между собой, во время сообщенія для натиска на нашъ правый флангъ, но здѣсь было еще то главное, что Наполеонъ не имѣлъ бы простора къ маневрированію, будучи для сего стѣсненъ на своемъ лѣвомъ крылѣ теченіемъ Москвы рѣки. Предположивъ съ его стороны даже успѣхъ, и пусть бы онъ оттѣснилъ наше правое крыло, то самый этотъ успѣхъ ни какъ не могъ бы равняться съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти на нашемъ лѣвомъ. Правый нашъ флангъ былъ бы отодвинутъ только назадъ, и дорога къ отступленію чрезъ Можайскъ на Москву была бы намъ открыта, и ни въ какомъ случаѣ не могла быть угрожаема, составляя перпендикуляръ къ линіи расположенія нашего праваго фланга. Но увѣнчайся полнымъ успѣхомъ натискъ Наполеона на нашъ лѣвый флангъ, тогда, при малѣйшей оплошности Кутузова, арміи угрожала бы потеря сообщеній по столбовой дорогѣ на Можайскъ, могла (армія) быть стѣснена Москвой рѣкою, и непріятель, форсируя по старой Смоленской дорогѣ, чрезъ Утицу, могъ пріити въ Можайскъ и чрезвычайно затруднить наше положеніе. Но, повторяю опять, что это могло случиться тогда только, когда бы съ нашей стороны вдались въ обманъ; ибо правый флангъ и центръ нашъ были на

кратчайшемъ сообщеніи съ Можайскомъ. Въ свое время ни кто и не думалъ, что непріятель атакуетъ нашъ правый флангъ; всѣ знали, что Наполеонъ великій мастеръ своего дѣла, чтобы предпринять такую нелѣпость и не умѣть воспользоваться шансами, представлявшимися ему въ направленіи къ Утицѣ.

Войска наши, занимавшія правый флангъ въ началѣ сраженія, оставляли свои мѣста (кромѣ 1-го кавалерійскаго корпуса и Платова съ Казаками), и всегда во время поспѣвали туда, куда ихъ направлялъ Кутузовъ, что свѣдѣтельствуетъ и Г. Богдановичъ. Слѣдовательно, въ этомъ еще нѣтъ ни какого повода обвинять его, а по ходу сраженія, позиція наша сама собой вошла въ тѣ предѣлы, т. е. между Горками и Утицею, въ которые критики хотѣли ее включить при первоначальномъ занятіи оной.

Трудно допустить себѣ думать, чтобы Кутузовъ имѣлъ въ виду, на неприступномъ нашемъ правомъ флангѣ, поставить 22-го Августа и оставлять до утра 26-го числа четыре корпуса и Платова съ Казаками, въ томъ предположеніи, что непріятель изберетъ этотъ флангъ для главнаго своего напора. По чему не предположить, что все это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы заставить Наполеона отдѣлить часть войскъ своихъ отъ замышленнаго имъ натиска на наше лѣвое крыло и лѣвый флангъ центра, давая тѣмъ ему понять, что такое скопленіе войскъ, почти третьей части арміи, на нашемъ правомъ флангѣ, могло угрожать его лѣвому и принять въ данный моментъ, въ свою очередь, наступательное движеніе? Тѣмъ болѣе предположеніе это вѣроподобно, что уже 24 и 25 Августа намѣренія Наполеона въ натискѣ на нашъ лѣвый флангъ сдѣлались очевидны.

Все это болѣе или менѣе прояснится строгимъ разборомъ расположенія непріятеля, какъ предъ битвой, когда онъ еще видѣлъ грозную массу войскъ нашихъ правѣе Горокъ, такъ и тогда, когда войска этѣ оставляли свои мѣста и направлялись туда, гдѣ ихъ присутствіе оказалось необходимымъ, и наконецъ, какія послѣ сего были передвиженія на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ? Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ повѣствователей, въ особенно-

сти неприятельскихъ, объяснить это обстоятельство и разъ на всегда опредѣлить положительно, было ли распоряженіе это сдѣлано съ намѣреніемъ, или безсознательно, и вдался ли Наполеонъ въ обманъ?

При этомъ, для полноты обсужденія, критику необходимо принять въ соображеніе и слѣдующее: дѣйствительно ли Кутузовъ ожидалъ нападенія на свой правый флангъ и, въ этомъ предположеніи, расположилъ на ономъ почти третью часть арміи, или онъ думалъ этѣмъ только обмануть Наполеона? Въ томъ или другомъ случаѣ, одинаково замѣчательно, по чему обращено было такое вниманіе къ укрѣпленію этой неприступной части позиціи еще и искуственно? Ибо, какъ я сказалъ выше, всѣ инженерныя части 1-ой арміи отправлены были туда вечеромъ 22 Августа, для возведенія многихъ укрѣпленій, такъ что двѣ батареи и шанцы при Горкахъ, а равно и центральная батарея, поручены были мѣстному Офицеру Генеральнаго Штаба, за неимѣніемъ инженеровъ, занятыхъ преимущественно на помянутомъ флангѣ, и на устройство сообщеній на разныхъ мѣстахъ позиціи, и въ тылу оной, на случай отступленія.

Если возведеніемъ этѣхъ укрѣпленій думали только обмануть непріятеля и показать ему, что мы заботимся объ искуственномъ усиленіи нашего праваго фланга, ожидая нападенія на оный, или, въ случаѣ, что мы должны будемъ перейти въ наступательное движеніе и потерпѣть неудачу, то, чтобы имѣть точку опоры отъ преслѣдованія непріятельскаго, для сего достаточно было бы имѣть половинное число, или еще менѣе, знающихъ дѣло, а остальныхъ употребить тамъ, гдѣ, какъ всѣ предвидѣли, будетъ разыгрываться главная драма предстоящей битвы.

Словомъ, все, что относится до вышеозначенныхъ обстоятельствъ, только тогда получитъ приблизительную вѣроятность, когда будутъ критически разработаны всѣ данныя и матеріалы, съ содѣйствіемъ находящихся еще живыми, можетъ быть и изъ инженеровъ и пр. Иначе все останется голословнымъ, темнымъ, сбивчивымъ.

На стр. 144 говорится о расположеніи войскъ на позиціи и, между прочимъ, сказано: «Пѣхотные полки были построены въ баталіонныхъ колоннахъ, расположенныхъ въ двѣ линіи, такъ что между колоннами оставались интервалы, достаточные для развертыванія ихъ.»

Не знаю, какъ построены были полки въ другихъ корпусахъ; но что касается до 6 корпуса, то утвердительно могу сказать, что первая линія стояла развернутымъ фронтомъ; да какъ же это и могло быть иначе на позиціи, гдѣ изготовлялись къ оборонѣ? Могли ли опытные: Фельдмаршалъ Кутузовъ, Барклай, Багратіонъ, Беннингсенъ и другіе построить войска иначе? [20] Впрочемъ, есть тому еще живые свѣдѣтели, стоявшіе въ фронтѣ 6 корпуса. Объ этомъ нечего и говорить, какъ бы ни утверждали и ни были убѣждены, что Офицеры настоящаго времени лучше прежнихъ: [21] и прежде, точно также, какъ и нынѣ, понятіе о построеніяхъ для обороны или атаки было не чуждо.

На той же 144 страницѣ сказано: «состоявшіе же въ дивизіяхъ егерскіе полки сперва были разсыпаны въ цѣпи впереди фронта боевыхъ линій, а потомъ (когда потомъ?) отступили на позицію, за исключеніемъ двухъ полковъ (какихъ?), стоявшихъ въ лѣсу на правомъ крылѣ, и шести полковъ (опять какихъ?) въ кустахъ между Багратіоновыми флешами и Утицей, которые постоянно дѣйствовали въ разсыпномъ строю.» Объ этомъ говорится не только прежде Бородинской, но и Шевардинской битвы! На стр. 145, тоже прежде Шевардина, опять говорится объ егерскихъ полкахъ: «Егерскіе полки пѣхотныхъ корпусовъ, стоявшихъ въ боевыхъ линіяхъ, были разсыпаны впереди фронта этѣхъ войскъ, кромѣ 20, 21, 11 и 41 полковъ (въ послѣд-

---

[20] Въ диспозиціи, приведенной Г. Богдановичемъ, сказано, что армія располагается въ колоннахъ; но въ дѣйствительности въ колоннахъ стояла только вторая линія: опять повторяю, что говорю о 6 корпусѣ. Да на стр. 145, какъ видно будетъ, самъ же сочинитель говоритъ о предположеніи прикрыть всю первую линію брустверомъ: то вѣдь не колоннами же обороняются за брустверомъ!

[21] С.-Петербургскія Вѣдомости, № 280, 1859 года.

ствіи поддержанныхъ 49 и 50 полками), кои (въ послѣдствіи чего?) занимали кусты по рѣчкѣ Каменкѣ и влѣво отъ флешей по направленію къ старой Смоленской дорогѣ, и двухъ егерскихъ полковъ, 4 и 34, стоявшихъ въ рощѣ, за правымъ крыломъ, между вторымъ пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами». Такое повтореніе, сказанное на предшествующей 144 страницѣ, сбиваетъ читателя; ибо, что такое: прежде, потомъ, въ послѣдствіи? И все это говорится за два дня до Бородинской битвы. Гораздо лучше было бы излагать послѣдовательно дѣйствія, нежели говорить впередъ: это сбивчиво; впрочемъ, и весь разсказъ объ этомъ великомъ днѣ одинаково перепутанъ.

Продолжая описывать приготовленіе на Бородинской позиціи къ оборонѣ, сказано (стр. 145): «предполо́жено было прикрыть бруствѣрами всю пѣхоту, стоявшую въ первой линіи, но это намѣреніе осталось безъ исполненія». Опять безъ ссылки, и то же затрудненіе сдѣлать оную.[22]

Говоря о рѣшительности Кутузова ожидать непріятеля на Бородинской позиціи, Генералъ Богдановичъ, конечно, по своему умозаключенію (ибо нѣтъ ссылки), присовокупляетъ (стр. 164), что онъ (Кутузовъ) «не могъ льстить себя надеждой одержать рѣшительную побѣду; но для него достаточно было удержаться въ своей позиціи и преградить непріятелю путь къ Москвѣ». А если бы Кутузовъ успѣлъ въ этомъ вполнѣ, то развѣ это не было рѣшительною побѣдой? Отразить непріятеля отъ позиціи и преградить путь къ Москвѣ, чего же нужно было болѣе? А наконецъ, какое ручательство было и въ томъ, что онъ

[22] Отъ Горокъ противъ Псковскаго, а частію Московскаго, мушкетерскихъ полковъ, ровъ, если какъ тогда названо было, шанцы уже были сдѣланы, а далѣе мнѣ приказано было прекратить по тому только, чтобы не утомлять людей, предполагая употребить на работу ополченіе; а когда вечеромъ, 25 Августа, лѣвый флангъ 6 корпуса долженъ былъ податься впередъ къ центральной батареѣ, оставивъ лѣвый у Горокъ, то предположеніе продолжать шанцы далѣе было и вовсе оставлено; даже и то пространство, на которомъ они были уже проведены, пришлось разрушать; ибо они перерѣзывали линію полковъ, въ особенности Московскаго.

удержится на позиціи? Въ слѣдъ за послѣдними словами онъ присовокупляетъ еще: «И даже не рѣшительное сраженіе было выгодно для Русскихъ, по тому что заставляло Наполеона снова искать боя.» Смысла послѣднихъ словъ рѣшительно не понимаю. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, подобное разсужденіе, пожалуй, могло бы имѣть свое мѣсто по окончаніи битвы, но отнюдь не прежде.

Въ заключеніи диспозиціи Князя Кутузова было сказано (стр. 169): «Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость Русскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ повелѣнія на преслѣдованіе, для чего и буду ожидать безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6 корпусомъ.» [23]

По повѣствованію Генерала Богдановича, Кутузовъ представляется первымъ нарушителемъ своей диспозиціи: Кутузовъ (говоритъ и онъ, стр. 177) «на разсвѣтѣ отправился изъ Татариновой въ Горки, гдѣ и находился, вмѣстѣ съ Генераломъ Беннигсеномъ, до самого конца битвы.» Неправда! Кутузовъ былъ вѣренъ своей диспозиціи: онъ былъ съ разсвѣтомъ дня у Горокъ, и отправился, какъ назначилъ, за 6 корпусъ, около версты отъ 2 линіи, куда я неоднократно былъ посыланъ къ нему съ донесеніемъ отъ Генераловъ Дохтурова и Капцевича. Около полудни онъ появился на нѣкоторое время опять у Горокъ, и потомъ, до конца сраженія, оставался тамъ, гдѣ назначилъ это диспозиціей. Въ пять часовъ, будучи посланъ къ нему въ этотъ день въ послѣдній разъ, я нашелъ его на томъ же мѣстѣ. Это могутъ подтвердить, кромѣ меня, и другіе, находящіеся еще въ живыхъ и посылавшіеся къ нему съ донесеніями. Ни Бутурлинъ, ни Михайловскій-Данилевскій, никто, какъ мнѣ извѣстно, не гово-

---

[23] Стр. 172: «На пространствѣ квадратной мили находилось двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, болѣе шестидесяти тысячъ лошадей и болѣе тысячи двухсотъ орудій.» Не приличнѣе ли было въ Русской Отечественной книгѣ опредѣлить квадратъ верстами, или, по крайней мѣрѣ, назвать, какая миля: Англійская, Итальянская, Нѣмецкая, Шведская, или какая другая?

ритъ того, что повѣствуетъ Г. Богдановичъ. [24] И можно ли допустить самую мысль о томъ, чтобы Кутузовъ, въ этотъ рѣшительный день, удалился отъ театра главныхъ дѣйствій Утицы: Семеновскаго и центральной батареи, на оконечность праваго фланга центра, гдѣ не было ни какой нужды ему находиться, послѣ того, какъ онъ предписалъ движеніе Платова и Уварова? А притомъ это было бы и безразсудно; ибо хотя на Горки постоянно и не сосредоточивалось сильныхъ батарей, какъ на Семеновское и на центральную батарею, однако же по временамъ были направляемы непріятельскія орудія и на этотъ пунктъ, въ особенности после окончательнаго овладѣнія центральною батареей, когда конница атаковала 7 дивизію, канонада была очень живая. Слѣдовательно, повторяю, Кутузову было бы безразсудно, какъ Главнокомандующему, и по одному этому, въ продолженіе цѣлаго дня, подвергать себя болѣе или менѣе усиленной канонадѣ.

Въ слѣдъ за приведенными строками Генералъ Богдановичъ присовокупляетъ: «Какъ успѣхъ боя рѣшался на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, то нашъ Главнокомандующій не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ сраженія, [25] тѣмъ болѣе, что преклонность лѣтъ заставляла его постоянно оставаться на мѣстѣ и ограничиваться распоряженіями, которыя, по отдаленію его отъ пунктовъ рѣшительной непріятельской атаки, не всегда были своевременны.» Да по чему же не приведено ни чего въ примѣръ этому? Обвиненіе голословное! Сочинитель продолжаетъ послѣ точки: «Это обстоятельство, лишивъ нашу армію необходимаго единства въ дѣйствіяхъ, оказало невыгодное вліяніе на ходъ сраженія.» Сдѣсь опять ссылка на Гофмана, стр. 54. Но вотъ что замѣчательно, что послѣ такого обвиненія, Г. Богдановичъ, на стр. 226, говоря о неправильности занятія позиціи и

---

[24] Генералъ отъ Кавалеріи Монтрезоръ, бывшій тогда Адъютантомъ Кутузова, можетъ свѣдѣтельствовать это, тоже Генералъ-Адъютантъ Граббе; да есть еще, повторяю, и другіе: имъ должно дать болѣе вѣры, нежели Клаузевицу, Гофману и т. под.

[25] Самъ Тьеръ ни чего сильнѣе не сказалъ противъ Кутузова. Сдѣсь онъ показанъ совершенно ничтожнымъ.

расположенія на ней войскъ, повторяя опять обвиненія Кутузова за то, что онъ (только въ воображеніи сочинителя) былъ цѣлый день у Горокъ, смягчился къ старцу и говоритъ: «...Кутузовъ во все продолженія боя, находясь у Горокъ, не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла (и вдругъ), но всѣ его распоряженія были весьма основательны.» Надо полагать, что почтенный сочинитель позабылъ сказанное имъ на 177 страницѣ (см. выше). Что же, наконецъ, все это значитъ? Какъ все это назвать и чему вѣрить? Сдѣсь еще можно было бы привести и послѣдующія строки, въ которыхъ говорится, что «невыгодное первоначальное расположеніе арміи то же не имѣло вліянія; ибо всѣ части во время поспѣвали къ надлежащему мѣсту.» Дѣйствительно, какъ очень справедливо сказалъ почтенный сочинитель замѣчательной статьи: «Недоумѣнія, возбужденныя чтеніемъ Исторіи Отечественной войны 1812 года, соч. Г. Богдановича»: [26] «книга невольно выпадаетъ изъ рукъ.» Но довольно объ этомъ, а то можно зайти далеко. Спрашиваю только: въ чемъ же Кутузовъ виноватъ, если и съ этого пункта всѣ его распоряженія были основательны и всѣ направляемыя имъ части во время поспѣвали?

Относительно Беннингсена такая же небылица. Беннингсенъ безпрерывно являлся, въ продолженіе цѣлаго дня, на разныхъ пунктахъ битвы. Ѳ. Н. Глинка, близко видѣвшій все то, что описываетъ, свѣдѣтельствуетъ (Очерки Бородинской битвы, ч. II, стр. 21, 76, 77), что Беннингсенъ, въ самыя жаркія схватки, явился на лѣвомъ флангѣ, и присовокупляетъ, что, «въ самый разгаръ битвы, за реданты и за редантами (Семеновскія) Беннингсенъ прискакавъ, вмѣстѣ съ Барклаемъ, ободряли войска» и пр. Почтенный сочинитель «Очерковъ» не только что видѣлъ тутъ Беннингсена, но передаетъ и слышанный имъ разговоръ и т. д. Словомъ, всѣ бывшіе въ этой исполинской битвѣ могутъ свѣдѣтельствовать, что видѣли побѣдителя при Прейсишъ-Эйлау на Бородинскихъ поляхъ во всѣ критическіе моменты; одинъ только

---

[26] Статья помѣщена въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Российскихъ». Кн. третья, 1866 г.

Генералъ Богдановичъ, полвѣка спустя, видитъ его цѣлый день въ Горкахъ!

Далѣе, на 177-й страницѣ, сказано: «По утру, въ исходѣ 9-го часа, правая Французская батарея Генерала Сорбье... открыла огонь, вмѣстѣ съ выдвинутыми на одну съ нею высоту батареями Генерала Пернети.» Значитъ, что дѣло началось въ исходѣ девятаго часа. Но на страницѣ 179 сказано: «Одновременно съ началомъ упорнаго боя на Семеновскихъ высотахъ, Вице-король атаковалъ Бородино. Въ шесть часовъ утра, вмѣстѣ съ открытіемъ канонады, направлены были.... войска на Бородино» и т. д. Сдѣсь обозначенъ уже не исходъ девятаго часа, а шесть часовъ утра. Я искалъ, нѣтъ ли въ опечаткахъ исправленія той или другой цифры, но тщетно. Несомнѣнно, что одна изъ цифръ выставлена ошибочно; ибо въ разныхъ мѣстахъ далѣе говорится о разгарѣ битвы въ седьмомъ, въ осьмомъ часу; тѣмъ не менѣе этотъ недосмотръ, вмѣстѣ съ множествомъ подобнаго, доказываетъ, по крайней уже мѣрѣ, въ высшей степени небрежность.

Описывая атаку на Бородино, защищаемое гвардейскими егерями, между прочимъ сказано (стр. 180): «Барклай де Толли, находившійся тогда, съ своей свитой, на Горицкой батареѣ, направилъ противъ непріятеля 1-й егерскій полкъ Полковника Карпенки (II-й дивизіи) и егерскую бригаду Полковника Вуича (19-й и 40 егерскіе полки 24-й дивизіи)» и т. д.

Нѣтъ ссылки, откуда это почерпнуто. Михайловскій-Данилевскій упоминаетъ о Карпенкѣ съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, и о Вуичѣ съ 19-мъ и 40-мъ. Бутурлинъ же говоритъ объ одномъ только Вуичѣ съ его двумя полками. Но главное въ томъ, что Г. Богдановичъ говоритъ, что «Барклай де Толли направилъ 1-й егерскій полкъ Карпенки и Вуича съ 19-мъ и 40 мъ егерскими полками.» Вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ донесеніе Барклая де Толли Князю Кутузову о Бородинской битвѣ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о Карпенкѣ, [27] а говорится (стр. 553): «Я приказалъ Полковнику Вуичу,

[27] Значитъ, что это вставлено самимъ сочинителемъ въ донесеніе Барклая. Такія дополненія замѣчены прежде меня другими.

начальнику егерской бригады 24-й дивизіи, атаковать сего непріятеля въ правый флангъ. Сей храбрый Офицеръ ударилъ въ штыки, и вмигъ, перешедшій на нашъ берегъ, непріятель былъ опрокинутъ. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ присоединился къ сей бригадѣ и прогналъ опять непріятеля за рѣку; мостъ же сожгли до основанія, не взирая на сильный огонь непріятельскій.»

Изъ сего каждый безпристрастный читатель усмотритъ, какъ необходима была сдѣсь сылка и даже критическое изслѣдованіе показаній, между собою не согласующихся. Это важно еще тѣмъ болѣе, что Генералъ Богдановичъ, не смотря на авторитетъ Барклая де Толли, пишетъ другое, а откуда взятое, про то знаетъ только онъ и Аллахъ!

Замѣчу сдѣсь мимоходомъ: гдѣ же былъ Кутузовъ въ это время? Вѣдь, какъ замѣчено выше, онъ долженъ былъ находиться тутъ же, на Горицкой батареѣ? Но это уже почти придирки, хотя на основаніи двухъ предисловій и можно требовать самой тщательной отчетливости, или только бы однаго согласованія тѣхъ обстоятельствъ, которыя описываются въ разныхъ мѣстахъ. Пусть правильно или нѣтъ, все равно, было бы только гладко! [28]

Сдѣсь не лишне еще разъ сказать, что, не бывши въ томъ сраженіи, которое описываемъ, и блуждая въ матеріялахъ, во множествѣ объ ономъ имѣющихся, трудно, или едва ли возможно, распутать разногласія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, хотя всѣ этѣ разнорѣчія справедливы относительно своего основанія. Такъ, на примѣръ, нѣтъ ни чего проще, какъ объяснить помянутое разногласіе въ показаніяхъ о Карпенкѣ и Вуичѣ; но это можетъ сдѣлать только тотъ, кто былъ свѣдѣтелемъ.

Вотъ развязка этому: 25-го Августа, когда сооружалась центральная батарея на курганѣ, отъ котораго начинается узкая, бо-

---

[28] Что касается вниманія Г. Богдановича, на согласованіе одного и того же событія, въ одной и той же книгѣ, то это положительно доказано въ 199 нумерѣ Русск. Инв. 1838 г. четырьмя статьями Военно-Энциклопедическаго Лексикона, издававшагося подъ его редакціею.

лѣе оврагоподобная, потомъ постепенно расширяющаяся, лощина или балка, къ правому берегу Колочи, и, сходясь съ Горицкой, оканчивается противъ Бородина; то въ лощинѣ этой, саженяхъ въ двадцати отъ кургана, вооруженнаго 18-ю орудіями, приказано было поставить два орудія [29] батарейной роты Веселицкаго, для обстрѣливанія оврага. Начальникъ же Штаба 6-го корпуса, Полковникъ Монахтинъ, по распоряженію Барклая, приказалъ мнѣ поставить егерскую бригаду Вуича, на половинѣ пути отъ помянутыхъ двухъ орудій Вальца и села Бородина, занятаго гвардейскими егерями, что разумѣется было тотчасъ исполнено и о томъ донесено. Слѣдовательно, Барклай де Толли зналъ, что Вуичъ ближе всѣхъ къ Бородину, а о точномъ мѣстопребываніи Карпенки, съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, разсыпаннымъ вмѣстѣ съ другими въ кустарникахъ по Колочѣ, могъ и не знать, между тѣмъ какъ полкъ Карпенки, вмѣстѣ съ 18-мъ егерскимъ полкомъ, находились влѣво отъ устья помянутой балки, идущей отъ кургана. По первымъ выстрѣламъ въ Бородинѣ, Карпенко, съ 1-мъ баталіономъ, бросился къ оному, а въ слѣдъ за нимъ поспѣшилъ туда же и Вуичъ, съ своимъ 19 егерскимъ полкомъ, до полученія еще приказанія отъ Барклая де Толли. Когда же приказаніе это было передано, то и Созоновъ, съ 40 егерскимъ полкомъ, присоединился къ 19-му егерскому полку.

Отъ жреца истины, рѣшившагося писать безпристрастно и о своихъ и о непріятелѣ, не должно быть скрыто одно обстоятельство, которое ему могли бы подтвердить очевидцы, если онъ, какъ говоритъ въ Предисловіи, дѣйствительно прислушивался къ ихъ разсказамъ: что гвардейскіе егеря, занявъ Бородино, обрадовались, найдя въ богатомъ селѣ этомъ пространныя бани, и захотѣли воспользоваться ими по очереди. Въ то самое время, когда Французы сдѣлали нападеніе, цѣлый баталіонъ былъ въ баняхъ. Вотъ настоящая причина потери и

[29] Съ орудіями былъ Прапорщикъ Вальцъ 2-й (Александръ), а мѣсто онымъ показалъ дивизіонный Квартирмейстеръ 24 дивизіи, Н. Н. Брозинъ, который, при первой атакѣ курганной батареи, 26 числа, былъ раненъ ядромъ въ обѣ лядвіи.

30-ти Офицеровъ и половины людей. Многіе, выскочивъ изъ бани, успѣли надѣть только суму и схватить ружье, и такъ вступили въ бой. Нѣсколько въ такомъ видѣ найдены были убитыми.[30] Полвѣка прошло, къ чему скрывать истину, какъ почтенный сочинитель выразился при описаніи Московскаго пожара. Вся армія знала этотъ несчастный случай, и онъ могъ бы найти мѣсто въ приложеніяхъ.

Стр. 183: «Графъ Воронцовъ былъ тяжело раненъ штыкомъ.» Это откуда? Гдѣ ссылка? Нѣтъ ея, какъ большею частію, гдѣ сочиняется обѣщанное новое!

Въ 1812 году я былъ въ первой арміи, но имя Графа, хотя и находившагося во второй, было извѣстно всѣмъ, и какъ онъ былъ раненъ, тоже. Съ начала же 1813 года по исходъ 1818 я былъ съ нимъ неразлучно. То же самое опять съ половины 1823 до начала 1828 года. Неоднократно заходила рѣчь о Бородинской битвѣ, и съ нимъ и съ его Адъютантами; но я никогда не слыхалъ о штыкѣ. Еще болѣе: я прожилъ три года во Франціи вмѣстѣ съ М. А. Маркусомъ (въ послѣдствіи Лейбъ-Медикомъ), перевязывавшимъ Графа на самой батареѣ, какъ это было всѣмъ извѣстно, и отъ него не слыхалъ о штыкѣ, да и не могло быть рѣчи о штыкѣ: всѣ знали рану Князя Воронцова. Прочитавъ въ настоящей книгѣ, что Воронцовъ раненъ штыкомъ, я остановился въ недоумѣніи, но, увидѣвъ, что нѣтъ ссылки, рѣшился получить ее изъ первыхъ рукъ, и написалъ М. А. Маркусу, зная, что онъ, кромѣ удивительной памяти, имѣетъ еще журналъ, и просилъ его разрѣшить мое недоумѣніе. Онъ, тоже больной, на другой день прислалъ мнѣ записку, съ выпиской изъ своего дневника, слѣдующаго содержанія: «Графъ Воронцовъ былъ раненъ пулею въ бедро; пуля проникла глубоко до бедренной артеріи, но не повредила оной, по тому что, при перевязкѣ Графа на батареѣ, я вытащилъ пулю съ рубашкой, и тогда пальцемъ въ глубинѣ раны могъ ощупать бьющуюся артерію. Когда поса-

[30] Есть еще нѣкоторыя подробности сему происшествію, но полагаю излишнимъ говорить о нихъ.

дилъ я Графа на тележку и прощался съ нимъ, ядро разбило переднее колесо.» Подписалъ: «Маркусъ, исправлявшій должность дивизіоннаго Доктора 27-й дивизіи Генерала Неверовскаго.» И такъ, откуда заимствовано свѣдѣніе, что Графъ раненъ штыкомъ?[31] Уже не изъ сказки ли Керъ-Портера, или кто другой подшутилъ? [31] Но, можетъ быть, почтенный сочинитель думалъ придать этимъ Графу болѣе славы, самоотверженія. Но это трудъ напрасный: Графъ Михайло Семеновичъ былъ слишкомъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи, и прежде Европейскихъ войнъ и послѣ оныхъ на Кавказѣ, когда онъ былъ уже Главнокомандующимъ, а не дивизіоннымъ начальникомъ, какъ при Бородинѣ, не разъ бравшись за шашку съ невозмутимостью, его всегда отличавшею. [32] Въ Бородинѣ не представлялось ему случая быть раненымъ штыкомъ

[31] Также сказано, что Тучковъ 4-й убитъ ядромъ, и опять безъ ссылки. Но какъ я зналъ Александра Алексѣевича лично, служивъ вмѣстѣ всю Шведскую войну и бывъ знакомъ со всѣми Офицерами Ревельскаго полка, то на другой день въ Можайскѣ, проѣзжая мимо полка, я завернулъ въ оный, и мнѣ говорили, что онъ убитъ пулею прямо въ лобъ чрезъ шляпу, и что Адъютантъ его, Миллеръ, раненый тоже пулей, былъ убитъ ядромъ, когда его несли, и о другихъ знакомыхъ. Но подобной ссылки, какъ о Графѣ, представить не могу; это дѣло исторіографа. Между тѣмъ подобныя сказки дѣлаются достояніемъ Исторіи! А доказательство тому—«Русскій Вѣстникъ» (Генварь, 1862 г., стр. 159), конечно, со словъ Г. Богдановича, ранитъ Князя Воронцова также штыкомъ. Изъ иноземцевъ, сколько мнѣ извѣстно, только одинъ Керъ-Портеръ говоритъ о такой ранѣ.

[32] Въ продолженіе всей моей боевой жизни мнѣ встрѣчалось видѣть много храбрыхъ (я разумѣю тутъ и мужество и сохраненіе присутствія духа въ величайшихъ опасностяхъ), но такія качества, какъ въ Князѣ Воронцовѣ, я встрѣтилъ только у Барклая де Толли и у Графа П. П. Палена. Въ нихъ не замѣчалось ни какого измѣненія ни въ рѣчахъ, ни въ расположеніи духа, ни въ движеніяхъ, ни въ самыхъ физіономіяхъ. Осыпаемые картечью и пулями, они не измѣняли своего положенія, какъ и въ кабинетѣ среди мирныхъ занятій и пр. Многіе и очень многіе не уступали имъ въ храбрости среди величайшихъ опасностей; но одни дѣлались веселѣе, другіе мрачнѣе, одни измѣняли голосъ, отдавали приказаніе голосомъ болѣе громкимъ, нежели обычнымъ; другіе дѣлались молчаливѣе, въ физіономіяхъ нѣкоторыхъ замѣчалось необычное, и всѣ не оставляли опасностей даже тогда, когда бы могли болѣе отдалиться отъ нихъ. Словомъ, исключая названныхъ выше трехъ лицъ, во всѣхъ другихъ видны

такъ, какъ былъ раненъ Тучковъ 3-й подъ Лубиномъ, Лихачевъ (прикладомъ), тоже дивизіонный начальникъ, подъ Бородиномъ.

На стр. 184: «Новороссійскіе драгуны (а по другимъ свѣдѣніямъ кирасиры Дуки) овладѣли конною батареей.» Что же это значитъ? Въ Исторіи Отечественной войны, написанной по достовѣрнымъ источникамъ, не извѣстно, кѣмъ совершенъ описываемый подвигъ! Если бы онъ былъ совершенъ непріятелемъ, то это еще кое-какъ, но собственными нашими войсками!! «Новороссіскіе драгуны, а по другимъ свѣдѣніямъ кирасиры Дуки, овладѣли непріятельскою конною батареей!» Подвигъ немаловажный! А въ Отечественной войнѣ, для изложенія которой Г. Богдановичъ получилъ всѣ средства, это событіе должно быть опредѣлено положительно. Какое впечатлѣніе сдѣлаетъ такое повѣствованіе на участниковъ подвига, если есть изъ нихъ живые, или на сыновей, которымъ отцы передавали свои дѣла, въ этотъ ужасный день, ими совершенныя? Генералу Богдановичу открыты были всѣ Архивы. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ могъ прибѣгнуть къ формулярамъ того времени, и затрудненіе въ опредѣленіи полка исчезло бы. При томъ же: что такое кирасиры Дуки? Подъ его начальствомъ былъ не одинъ полкъ: который же изъ нихъ совершилъ подвигъ? Если тотъ, котораго онъ былъ шефомъ, то такъ бы и сказать, а то мракъ и мракъ!

Но еще лучше: чрезъ десять строкъ сдѣлана ссылка подъ № 11; я заглянулъ въ нее съ намѣреніемъ, не добьюсь ли толку, и вотъ что нашелъ (стр. 541): «Рапортъ Князю Кутузову Генералъ-Маіора Графа Сиверса, отъ 26-го Сентября, за № 278 (В. Т. Депо № 29, 177), Bernhardi 11, 70, 71, Hoffmann 50.» (1).

Помилуйте же! Здѣсь, конечно, рапортъ Графа Сиверса, доносящаго о своихъ дѣйствіяхъ, долженъ былъ быть достовѣрнѣе

были впечатлѣнія, борьба естественная при видѣ смерти съ долгомъ, съ честію, которые силою души торжествовали надъ животной природой человѣка... Здѣсь длинно и неумѣстно было бы приводить всѣ тѣ замѣчанія, которыя я могъ собрать объ этомъ предметѣ, съ приложеніемъ ихъ къ личностямъ и т. д.

Бернгарди и даже Гофмана, находившагося на лѣвомъ флангѣ при Утицѣ; слѣдовательно, далеко отъ описываемаго подвига, и во всякомъ случаѣ въ текстѣ должно было назвать положительно полкъ, и если иноземцы, и даже наши писатели, приписывали подвигъ другимъ полкамъ, то, пожалуй, можно было упомянуть въ приложеніи и разсмотрѣть критически, но по другимъ; въ подобномъ случаѣ, повторяю, въ текстѣ неловко; рапортъ Графа Сиверса, начальника части дивизій въ свое время, отчетъ начальству, есть фактъ несокрушимый.

Стр. 186: «Герой Багратіонъ, Генералъ по образу и подобію Суворова, какъ называлъ его Графъ Растопчинъ.» Гдѣ и когда такъ названъ Багратіонъ Графомъ Растопчинымъ, любопытно было бы указать по странности выраженія. Положимъ, еще можно допустить по образцу, но не по образу, а еще менѣе подобію. Это выраженіе, взятое изъ книги Бытія, вовсе не йдетъ, и въ особенности безъ ссылки, которою это неловкое выраженіе Господинъ Профессоръ спустилъ бы съ своей отвѣтственности.

Въ слѣдъ за помянутыми словами, на этой же страницѣ: «Пораженный (Багратіонъ) въ ногу картечною пулею, раздробившею ему берцовую кость» и т. д. Подъ словомъ картечь въ мое время понимали извѣстное число пуль, правильно сложенныхъ и обвязанныхъ сѣткой изъ проволоки, или также уложенныхъ въ жестяную форму. Слѣдовательно, ранить картечью, значитъ ранить пулею. [33] Это поясненіе едва ли не лишнее; лучше было бы сказать, въ которую ногу, по тому что въ рапортѣ Кутузова Государю (стр. 230) сказано просто: «Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу,» Сдѣсь, конечно, должно полагать, что ружейною; ибо, въ противномъ случаѣ, по тогдашнему понятію, было бы сказано картечью, а Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 219) говоритъ, что «черепокъ чиненаго ядра [34] ранилъ Князя

---

[33] Что въ другихъ случаяхъ Г. Богдановичъ и соблюдаетъ, какъ, на пр., (т. 1, стр. 300) онъ говоритъ просто, что Генералъ Филисовъ былъ раненъ картечью, и многіе другіе.

[34] Сдѣсь тоже замѣчательное выраженіе: вмѣсто гранаты — чиненое ядро! Въ этомъ случаѣ Казаки правильнѣй выражаются, называя ихъ просто—чиненки.

Багратіона въ правую ногу и пробилъ переднюю часть берцовой кости.» Хотя чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ (стр. 255), что онъ былъ раненъ уже не въ правую, а «въ лѣвую,» и уже не черепкомъ чиненаго ядра, а «пулей.»

Между тѣмъ, какъ оба исторіографа не прибѣгли къ источнику, болѣе другихъ вѣрному, а именно, къ «Запискамъ о походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Князя Н. Б. Голицына,» находившагося на ординарцахъ при Князѣ Багратіонѣ, и на стр. 16-й описавшаго этотъ моментъ слѣдующими словами: «Въ 11 часовъ утра, обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго Генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня.» Князь Н. Б. Голицынъ есть лучшій свѣдѣтель, тѣмъ болѣе еще, что онъ отвезъ раненаго Главнокомандующаго въ Симу, имѣніе отца своего, гдѣ Князь Петръ Ивановичъ и скончался, 2-го Сентября.

«Когда Кутузову донесли о ранѣ Багратіона, то, «обратясь (стр. 186) къ находившемуся въ его свитѣ Герцогу Александру Виртембергскому, Кутузовъ предложилъ ему начальство надъ 2-ю арміею; но едва лишь Герцогъ успѣлъ отправиться на лѣвое крыло, начальство надъ 2-ю арміею было поручено Генералу Дохтурову.»

Отъ кого же послѣдовала эта перемѣна? Сочинитель обѣщаетъ проникать въ сокровенности, а это обстоятельство не долженствовало оставаться темнымъ, или лучше было бы совсѣмъ не упоминать о назначеніи Герцога, отправившагося уже на мѣсто чести. Онъ доказалъ свои военныя дарованія при Данцигѣ. Не надо также забывать и то, что онъ былъ родной дядя Императора Александра. Безъ поясненія этого обстоятельства могутъ быть многіе толки. Память его должна быть очищена отъ тѣни, набрасываемой приведенными словами, которыя могутъ дать пищу многимъ перетолкованіямъ.

На этой же 186 страницѣ четвертое замѣчаніе: Г. Богдановичъ изобразилъ ужасы битвы при Семеновскомъ словами: «Гулъ орудій, призывы начальниковъ, побѣдные клики, стоны раненыхъ,

сливаясь съ перестрѣлкою и съ звуками холоднаго оружія, напоминали воображенію послѣдній день міра.»

Я не поэтъ, а по тому ни какъ не понимаю, чтобы воображенію могло напоминать о томъ, чего еще не было. Могло представлять воображенію—это другое дѣло. [35] Относительно же картины битвы, то изображенная сдѣсь должна уступить краснорѣчивости воображенія о семъ Керъ-Портера (р. 154), также, какъ и Г. Богдановичъ, не видавшаго онаго. Этѣ слова: «напоминали воображенію послѣдній день міра» равносильны, если еще не превосходятъ выраженія Михайловскаго-Данилевскаго (т. II, стр. 196, изд. 1841 г.): «Ночь освѣтила новые пожары» (!). Если бы не предъявлено было Генераломъ Богдановичемъ притязанія на достовѣрность и непогрѣшимость своей Исторіи, то этѣ слова могли бы быть и не замѣченными; но сдѣсь рѣчь идетъ о томъ, что не всѣ же читатели не понимаютъ дѣла и будутъ довольствоваться только предисловіемъ и журнальнымъ воспѣваніемъ.

Стр. 191: «Наконецъ дѣло было рѣшено сдѣсь атакой во флангъ непріятелю Ахтырскаго гусарскаго полка (вооруженнаго пиками, по увѣренію Шрекенштейна и Бернгарди).»

Что же и это? Опять достовѣрная Исторія не можетъ опредѣлить, какимъ оружіемъ нашъ Гусарскій полкъ былъ вооруженъ? Ну просто было бы сказать уже пиками, не упоминая свѣдѣтельства двухъ иноземныхъ Нѣмцевъ о вооруженіи нашихъ войскъ! Можно допустить ихъ сужденіе о битвѣ, но стыдно намъ не знать, чѣмъ мы были вооружены. Знаютъ же и не одни только Профессоры военныхъ наукъ, чѣмъ были вооружены Скиѳы, Амазонки, Евреи, Египтяне, Греки, Римляне, Галлы и пр., но

[35] Впрочемъ, вѣдь какой-то Нѣмецъ, независимо отъ «Космоса,» составляетъ міръ въ стаканѣ; значитъ, что онъ знаетъ, какъ онъ сотворенъ (см. Русск. Инв. 1866 г.), а какъ оканчивается, разсказано Барономъ Брамбеусомъ, съ іероглифовъ, найденныхъ имъ въ одной изъ пещеръ Медвѣжьяго острова.

довольно! Пожалуй, если было нужно и здѣсь упомянуть Бернгарди и Шрекенштейна, какъ авторитетъ о вооруженіи нашего полка, то, для куріоза, сказать бы въ примѣчаніяхъ, но ни какъ не въ текстѣ; а если полкъ былъ дѣйствительно вооруженъ пиками, то и имена этѣхъ лицъ излишни, развѣ только для увеличенія цифры ссылокъ.

Стр. 192. «Къ счастію, густая пыль, поднявшаяся столбомъ при кавалерійскихъ атакахъ, и дымъ отъ выстрѣловъ многочисленной артиллеріи, которой большая часть (какъ увѣряютъ, до семисотъ орудій) была сосредоточена съ обѣихъ сторонъ въ окрестностяхъ Семеновскаго, не позволили непріятелю видѣть, до какой степени было разстроено и ослаблено лѣвое крыло нашей арміи.»

Кто же увѣряетъ?.. Во всемъ параграфѣ, оканчивающемся на слѣдующей страницѣ, нѣтъ ссылки даже ни на Бернгарди, ни на Шрекенштейна. Между же тѣмъ это важное событіе должно быть основано на фактѣ, а не на голословномъ: какъ увѣряютъ, и засвѣдѣтельствовано разстройство и ослабленіе лѣваго крыла нашей арміи.

Описывая дѣйствіе при Утицѣ, сказалъ (стр. 193): «Тучковъ, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, отвелъ свои войска назадъ, и расположилъ ихъ на болѣе выгодной позиціи, близъ высокаго кургана, на которомъ, по тѣснотѣ его вершины, можно было поставить только четыре батарейныхъ орудія» и т. д.

На страницѣ же 203 говорится опять объ этомъ курганѣ, доставшемся непріятелю и который мы вновь заняли: «Лишь только дружными усиліями нашихъ войскъ непріятель былъ сброшенъ съ кургана, мы поспѣшно взвезли на оный шесть батарейныхъ орудій и, поставя ихъ на уменьшенныхъ интервалахъ открыли пальбу» и т. д.

На стр. 193 было сказано, что «по тѣснотѣ вершины кургана, можно было поставить только четыре батарейныхъ орудія», а сдѣсь помѣщается шесть, правда на уменьшенныхъ интерва-

лахъ; но по чему же это не сдѣлано прежде, а утвердительно сказано, что можно было помѣстить только четыре? Если бы еще присовокуплено было, что этѣ орудія размѣщены были на указанную для ученья дистанцію, орудіе отъ орудія, это было бы понятно. Понятно и то, что тамъ, гдѣ поставлено двѣнадцать орудій, два могутъ, иногда, найти еще мѣсто; но тамъ, гдѣ, по тѣснотѣ вершины, можно было поставить только четыре, трудно найти мѣсто еще двумъ. Подобные промахи очень часто случаются у компиляторовъ, пишущихъ по разнымъ запискамъ, не согласивъ оныхъ, и сдѣсь это видимо. Такой обмолвки очень хорошо можно было бы избѣгнуть, сказавъ въ первый разъ просто, что было поставлено четыре орудія, а въ другой разъ и шесть, пожалуй, съ прибавкой, на уменьшенныхъ интервалахъ; но такъ, какъ это сдѣлано, очень неловко.

Сдѣсь замѣчательно то, что ссылка (25 гл. XXII) о возможности помѣщенія на курганѣ только четырехъ орудій еще болѣе для меня непонятна; вотъ она (стр. 542): «Hoffmann 52, 53 и 58. Bernhardi II, 73. Коновницынъ, въ рапортѣ Кутузову, писалъ... что на курганѣ были поставлены шесть орудій роты Полковника Глухова» (!).

За чѣмъ говорить изъ Гофмана и Бернгарди, а не изъ офиціяльнаго донесенія Коновницына?! Опять повторяю, что это могло имѣть мѣсто въ приложеніи, но не въ текстѣ, да за чѣмъ и въ приложеніи писать такой вздоръ? За чѣмъ вездѣ, и кстати и не кстати, втискивать засвѣдѣтельствованія этѣхъ иноземцевъ?

Со 194 страницы начинается первая атака на курганную батарею, о которой я уже много говорилъ, а въ другомъ мѣстѣ придется говорить и еще болѣе, а по тому сдѣсь замѣчу только, что Генералъ Богдановичъ не всегда уже называетъ эту батарею батареей Раевскаго; ибо, не смотря на то, что онъ (въ 1 нумерѣ «Военнаго Сборника» 1858 года) утверждалъ, что она такъ называлась, но въ послѣдствіи, по видимому, не найдя въ современныхъ документахъ себѣ подпоры, даже и у Бернгарди, Гофмана, Клаузевица и Шрекенштейна, чѣмъ не упустилъ бы онъ воспользоваться, рѣшился называть ее попеременно дюжиной различныхъ именъ, о чемъ далѣе скажу подробнѣе.

Стр. 196. Опять: «говорятъ, будьто бы Ермоловъ отклонялъ Кутайсова отъ намѣренія ѣхать съ нимъ во 2 армію, въ которой, замѣтить слѣдуетъ, былъ свой начальникъ артиллеріи.» Но кто же говоритъ? Впрочемъ, это очень вѣроподобно; ибо Ермоловъ понималъ значеніе начальника артиллеріи арміи, которому предстояли заботы не для отбитія батареи, ведя на нее баталіонъ.

На стр. 199 встрѣчается, выписанный изъ Михайловскаго-Данилевскаго (но безъ ссылки), панегирикъ Кутайсову, гдѣ сказано, что будьто бы смерть его имѣла сильное вліяніе на Бородинское сраженіе; что отъ этого простояли нѣсколько ротъ артиллеріи въ резервѣ; что встрѣтился недостатокъ въ снарядахъ и т. п. Все это могъ еще писать Данилевскій, утверждавшій, что Кутузовъ говорилъ это ему, но Г. Богдановичу не слѣдовало разсказывать эту притчу, или, по крайней мѣрѣ, сослаться, отъ кого онъ ее знаетъ. Онъ же самъ пишетъ (стр. 195), что на курганной батареѣ не было снарядовъ, когда непріятель атаковалъ ее, а тогда, вѣдь, Кутайсовъ былъ еще живъ, и погибъ послѣ въ головѣ баталіона, съ которымъ онъ бросился преслѣдовать выбитаго уже непріятеля. Но главное, въ повѣствованіи почтеннаго историографа есть то, что на центральной батареѣ не было недостатка въ зарядахъ, что мнѣ, какъ близкому тогда свѣдѣтелю на этомъ пунктѣ, коротко извѣстно. Батарея начала тотчасъ дѣйствовать, какъ только Ермоловъ, Монахтинъ и Капцевичъ, съ полками 6 корпуса, ее очистили отъ остатковъ бригады Генерала Бонами. [36] Самъ сочинитель, упоминая о Ермоловѣ и Монахтинѣ, называетъ полки 6 корпуса, Дохтурова, но такъ, что тотъ, кто близко не ознакомленъ съ составомъ тогда корпусовъ, приметъ этѣ полки принадлежащими къ 7 корпусу Раевскаго.

---

[36] Весь этотъ періодъ о Кутайсовѣ, разсказанный Михайловскимъ-Данилевскимъ (и цѣликомъ взятый Г. Богдановичемъ), будьто бы со словъ Кутузова, разъясненъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ въ Варшавѣ» и пр. Матеріялы для Отечественной войны 1812 г. Спб. 1867 г., стр. 112 и пр.

Стр. 199—200: «Нѣсколько минутъ (?!) спустя по взятіи батареи (центральной) нашими войсками былъ тяжело раненъ даровитый Офицеръ, начальникъ Штаба 6 пѣхотнаго корпуса, Полковникъ Монахтинъ. «Ребята!» сказалъ онъ солдатамъ 6 корпуса, поставленнымъ въ прикрытіе при орудіяхъ: [37] «Эта батарея — Россія; отстоимъ ее грудью богатырскою!» И съ послѣднимъ словомъ палъ, пораженный въ животъ картечью.»

Сдѣсь, во первыхъ, слово взятіе неумѣстно: оно должно быть замѣнено словомъ «по отбитіи». Во вторыхъ, Монахтинъ былъ раненъ среди самой батареи, въ свалкѣ, когда ее отбивали у войскъ Бонами. Въ третьихъ, получивъ два удара штыкомъ въ лядвію, онъ продолжалъ распоряжаться. Въ четвертыхъ, раненъ не картечью, [38] а ружейною пулей въ животъ, какъ оказалось послѣ, съ прострѣломъ только сальника. Въ пятыхъ, не повергался на землю, а его тотчасъ снялъ съ лошади, съ помощію другихъ, бывшій при немъ старшій Адъютантъ, Дубельтъ (въ послѣдствіи Генералъ отъ Кавалеріи). За тѣмъ онъ проводилъ его на первый перевязочный пунктъ, гдѣ былъ нашъ корпусный Докторъ, Кошеревскій, который перевязалъ его и сказывалъ намъ, что рана въ животъ не опасна, слѣдовательно, не тяжело. Смерть его извѣстна: я писалъ о ней и независимо отъ того, что я былъ близкій тому свѣдѣтель, но и имѣю собственноручный разсказъ Дубельта. Эпизодъ этотъ былъ уже подробно изложенъ мною. [39] Въ шестыхъ, Михайловскій-Данилев-

---

[37] Какимъ же это образомъ? На стр. 194 говорится, что тутъ былъ 7 корпусъ, а сдѣсь, вдругъ солдаты 6 корпуса поставлены въ прикрытіе при орудіяхъ!.. А еще спорилъ въ 1 нумерѣ «Военнаго Сборника,» 1858 г.! Кто же изъ насъ правъ? Тутъ разсудитъ самъ Г. Богдановичъ.

[38] Чего и быть не могло. Откуда взялась бы картечь на батареѣ, гдѣ, кромѣ нашихъ пушекъ, не было другихъ; да если бы Французы и могли откуда ни будь дѣйствовать картечью, то не сдѣлали бы этого; ибо, когда схватились въ рукопашную, то надо было бить и своихъ. Въ прежнее время, когда у насъ существовалъ кулачный бой, дѣйствовали на такъ схватившихся только пожарными трубами.

[39] См. тамъ же.

скій относитъ этотъ подвигъ къ одному изъ редутовъ или флешей Семеновскаго. Это была ошибка. Откуда же Г. Богдановичъ почерпнулъ то, что Монахтинъ раненъ не на Семеновскихъ укрѣпленіяхъ, а на центральной батареѣ? Перемѣняя то, что предшествовавшіе историки говорили, мы обязаны дѣлать ссылки: почему же ихъ нѣтъ? Понятно: по тому что это взято отъ лица, на котораго неловко ссылаться!

На этой же страницѣ: «Генералъ Ермоловъ, сдавъ батарею Лихачову, отправился къ лѣвому флангу позиціи, и также былъ тяжело раненъ въ шею.»

Къ чему такъ часто и такъ напрасно ставить слово тяжело? Коль скоро пуля попала въ шею, она могла ранить и легко и тяжело. Ермолову это прилагательное не нужно; рана была чувствительна, но не тяжела, такъ какъ былъ раненъ Багратіонъ, Тучковъ 1-й и другіе, коимъ это слово приложено. Но сдѣсь оно очень неудачно; ибо самъ же Г. Богдановичъ изображаетъ Ермолова, чрезъ пять дней подъ Москвой, неутомимымъ дѣятелемъ въ совѣтахъ и не покидающимъ коня. Какъ же все это согласовать?

Стр. 201. Когда Адъютантъ Милорадовича прискакалъ къ Принцу Евгенію Виртембергскому, требуя его къ своему Генералу, «на вопросъ Принца: «гдѣ найти его?» Бибиковъ показалъ рукой, которую въ это мгновеніе оторвало ядромъ; онъ поднялъ другую и, указавъ, куда надлежало ѣхать Принцу, отвѣчалъ: «Сюда поспѣшите!»

Параграфъ, въ которомъ это, между прочимъ, разсказывается, имѣетъ сорокъ пять строкъ и ни одной ссылки. Я разсказалъ этотъ случай печатно въ 1858 году,[40] изъ книги принца Евге-

[40] См. тамъ же. Высказавъ это присутствіе духа Бибикова (бывшаго въ послѣдствіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ), я взывалъ къ извлеченію подобныхъ примѣровъ, которыхъ 1812 годъ былъ преисполненъ. Но каково было удивленіе, когда, чрезъ два года послѣ сего, въ появившейся «Исторіи Отечественной войны,» разсказанъ едва ли не только одинъ этотъ, мною упомянутый, примѣръ, а многіе

пія, изданной въ Бреславлѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ. По чему нѣтъ ссылки ни на того, ни на другого? А какія были обѣщанія!

Стр. 208. Описывая движенія Уварова па лѣвый флангъ Французовъ, между прочимъ сказалъ: «Пѣхота Вице-Короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенной въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало лейбъ-Казачьему полку промчаться чрезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохой, которую произвело это неожиданное нападеніе, наши Казаки отступили обратно чрезъ плотину.» Не понимаю связи всего этого параграфа. Не понимаю, отъ чего же они ушли? Для чего они ходили? Лучшаго успѣха ожидать не могли. Во всякомъ случаѣ, тутъ что-то или не договорено, или переговорено.

На этой же страницѣ Г. Богдановичъ излагаетъ свое мнѣніе о поискѣ Уварова; разсужденія его требуютъ замѣчаній нѣсколько пространныхъ, а по тому оныя будутъ сдѣланы при окончаніи настоящихъ бѣглыхъ только указаній.

Теперь дошли до описанія послѣдней борьбы центральной батареи и овладѣнія оною. Посмотримъ, съ какою отчетливостію

другіе, вошедшіе уже въ печатныя страницы, не упомянуты, какъ, на пр., подвигъ Раевскаго и сыновей его при Салтановкѣ, Графа Растопчина въ Вороновѣ, помѣщицы Бѣлявиной, которая, получивъ извѣстіе о двухъ павшихъ сыновьяхъ своихъ, посылаетъ послѣдняго сына, еще юношу, въ армію и множество другихъ! А сколько есть въ запискахъ участниковъ такихъ подвиговъ, объясняющихъ Русскій духъ! Какъ, на примѣръ, Графа Панина, доставившаго сына своего, Александра, почти отрока, въ Бородино, за два дня до битвы, поручивъ его извѣстному храбростію Генералу Дохтурову. Но едва 17-ти лѣтній Графъ, котораго Генералъ приказалъ помѣщать со мной, былъ одушевленъ такимъ патріотизмомъ, такимъ желаніемъ раздѣлить всѣ опасности, что должно было его удерживать въ безполезномъ самопожертвованіи: это общій тогда духъ, который есть принадлежность повѣствованія Отечественной войны, а почтенный исторіографъ похерилъ подобные подвиги, вошедшіе даже печатно въ предшествовавшія исторіи. Въ 1845 году, когда я послѣдній разъ видѣлъ Графа Александра Панина, онъ и тогда, вспоминая объ эпизодахъ той поры, воспламенялся и съ жаромъ вступалъ въ разговоръ; и тому подобные патріотическіе подвиги, повторяю, прямо принадлежащіе «Отечественной войнѣ».

и ясностію нашъ почтенный Господинъ Профессоръ военныхъ наукъ и исторіографъ Отечественной войны изображаетъ это событіе, главное, или, можно сказать, единственное въ 1812 году, какъ подвигъ мужества съ обѣихъ сторонъ.

На стр. 210-й, сказавъ, что «Французскіе историки сравниваютъ наше курганное укрѣпленіе со стальной массой, сверкавшей пламенемъ»,[41] сочинитель продолжаетъ: «Кирасиры Ватье, перейдя Семеновку, ниже устья Каменки, направились кратчайшимъ путемъ влѣво отъ батареи и опрокинули часть 6-го пѣхотнаго корпуса, стоявшую правѣе укрѣпленія, въ Горицкій оврагъ,[42] между тѣмъ какъ 5-й кирасирскій полкъ, слѣдовавшій, въ послѣднемъ эшелонѣ, повернулъ вправо, перенесся черезъ ровъ и брустверъ на батарею.»

Изъ приведенныхъ словъ, кажется, очень ясно, что кирасиры, повернувшись вправо, вскочили въ батарею, перенесясь черезъ ровъ и брустверъ. Сдѣсь инаго толкованья и быть не можетъ. За тѣмъ сочинитель продолжаетъ: «но огонь пѣхоты, расположенной за укрѣпленіемъ, тотчасъ заставилъ (стр. 211) кирасировъ очистить его, и самъ Коленкуръ былъ убитъ пулей въ горжѣ батареи». И изъ этого опять ясно, что послѣ того, какъ кирасиры перенеслись черезъ ровъ и брустверъ на батарею, пѣхота, расположенная за батареей, заставила кирасиръ тотчасъ очистить ее. Наконецъ ясно и то, что Коленкуръ убитъ пулей.[43] А между тѣмъ эта кажущаяся ясность, помимо того, что, какъ увидимъ, неправильно разсказано, ставитъ въ тупикъ, какъ понимать сдѣсь, что «влѣво,» что «правое» и что «вправо?» Отъ какого пункта берутся всѣ этѣ направленія? Въ особенности же путаешься обозначеніемъ мѣста переправы кирасиръ. По чему

---

[41] Это такъ, но это говорится или тогда, когда наступила на ономъ борьба, а не прежде, какъ говорится сдѣсь; это я замѣчаю мимоходомъ.

[42] О Горицкомъ оврагѣ будетъ случай сказать нѣсколько словъ далѣе.

[43] Сочинитель говоритъ, что онъ убитъ въ горжѣ; значитъ, что онъ, перенесясь чрезъ ровъ и брустверъ, не хотѣлъ тѣмъ же путѣмъ оставить укрѣпленія, а склалъ спасенія чрезъ горжу. Во всякомъ случаѣ не ясно, не отчетливо.

бы не сказать такъ, какъ это сказано большею частію историковъ-участниковъ въ битвѣ, и особенно въ разсказываемомъ эпизодѣ, и тогда, какъ увидимъ далѣе, оказалось бы, во первыхъ: что кирасиры повернули не на право, а на лѣво; во вторыхъ, что они не переносились черезъ ровъ и брустверъ, и въ третьихъ, что Коленкуръ убитъ не пулею, а ядромъ. Изъ вышесказаннаго почтеннымъ исторіографомъ видны три ясныя опредѣленія, отуманивающія, однако, истину. Неясность же въ приведенномъ текстѣ только одна, и именно въ обозначеніи мѣста, занимавшагося пѣхотой. Что такое «сзади укрѣпленія?» Это очень неопредѣлительно. Всѣ безъ изъятія повѣтствователи единогласно обозначаютъ ея мѣсто «за оврагомъ, противъ горжи.» Горжа же была пространна; она открывала совершенно всю внутреннюю часть укрѣпленія. Объ этомъ послѣ.

«Дивизія Де Франса слѣдовала, оставя батарею влѣво, атаковать нашу позицію, одновременно съ кирасирами, но она нѣсколько опоздала, а между тѣмъ корпусъ Латуръ-Мобура также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга. Уланская дивизія Рожнецкаго, построенная въ двѣ линіи, составляла правое крыло, а кирасирскіе полки, двигавшіеся одни за другими, лѣвое; въ центрѣ находились конныя батареи. Впереди всѣхъ Саксонская гвардія пошла въ атаку прямо на батарею, а кирасиры Пастрова и Малаховскаго, поддержанные Вестфальскою бригадой, ударили на полки Перновскій, Кексгольмскій и 33-й егерскій, стоявшій съ лѣвой стороны батареи, нѣсколько позади горжи ея, въ оврагѣ (!); но этѣ храбрые полки, допустивъ непріятеля на разстояніе около шестидесяти шаговъ, встрѣтили его залпами и обратили назадъ въ совершенномъ разстройствѣ.»

Во первыхъ, замѣчу, что названные полки никогда не стояли въ оврагѣ за горжею, а за оврагомъ, и сдѣсь-то они блистательно отбивались. Въ оврагѣ же была пѣхота, но не за горжею укрѣпленія, а саженъ полтораста впереди онаго къ Колочѣ; это былъ отрядъ Г.-М. Цыбульскаго, составленный изъ 24 дивизіи, и именно изъ Уфимскаго и Ширванскаго мушкетерскихъ полковъ и части 19-го егерскаго. Объ этѣхъ-то, засѣвшихъ въ

оврагъ, такъ распространяется Шрекенштейнъ. Весь приведенный выше параграфъ очень неясенъ: «дивизія Де Франса нѣсколько опоздала атаковать нашу позицію одновременно съ кирасирами.» Съ какими кирасирами? Съ кирасирами Коленкура, или съ какими другими? Тутъ были и Саксонскіе и Польскіе. «А между тѣмъ,» т. е., между тѣмъ, какъ Де Франсъ опоздалъ, Латуръ-Мобуръ также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга.» Въ обходъ батареи! Значитъ, что между тѣмъ, какъ Коленкуръ переносился чрезъ ровъ и брустверъ, то Латуръ-Мобуръ пошелъ въ обходъ. Изъ этого выраженія не иное что можно понять, какъ на эту же батарею, но только въ обходъ, чтобы напасть на нее съ тыла? По общему же засвѣдѣтельствованію, именно съ тыла-то, чрезъ горжу, и вскочилъ Коленкуръ. Потомъ опять неясность. Росписавъ, какъ видѣли выше, боевой порядокъ корпуса, такъ что по пространству, которое онъ долженъ былъ занимать, дѣло шло не о батареѣ, вдругъ читаемъ: «впереди всѣхъ Саксонская гвардія [44] пошла въ атаку, прямо на батарею.» Пока она идетъ въ атаку, мы видѣли, что кирасиры Цастрова и Малаховскаго атаковали нашу пѣхоту, ставшую за горжею, и были отбиты. Въ слѣдъ за симъ сочинитель продолжаетъ любимымъ своимъ словомъ: «между тѣмъ Тильманъ, съ Саксонскими гвардейскими кирасирами, перейдя черезъ ровъ и брустверъ, ворвался въ укрѣпленіе.»

Сдѣсь опять ясно только одно то, что войска Тильмана ворвались въ укрѣпленіе, перейдя ровъ и брустверъ, точно также, какъ предъ симъ сдѣлалъ это и Коленкуръ. И хотя сочинитель ни слова не говоритъ о томъ, что сталось съ укрѣпленіемъ, по изгнаніи изъ онаго Коленкура, но можно подразумѣвать, что укрѣпленіе получило возможность къ сопротивленію и противъ Тильмана; ибо замѣтивъ, что пѣхота наша, занимавшая батарею, оборонялась отчаянно, [45] заключаетъ помянутый пара-

---

[44] Конная гвардія («garde de corps»): вся номенклатура сдѣсь полковъ, національностей и имена предводителей, обозначаются такъ, что очень трудно уразумѣть участвующихъ въ описываемые моменты.

[45] А вмѣстѣ съ тѣмъ дается подумать, что Тильманъ, какъ будьто въ одно время

графъ ссылкой № 8, и въ слѣдъ за симъ описываетъ плѣненіе тутъ Генерала Лихачова: эпизодъ, не менѣе замѣчательный разсказомъ своимъ, о которомъ замѣчу послѣ, а теперь обращаюсь къ ссылкѣ № 8, которою онъ указываетъ на источники для своего разсказа.

Въ ссылкѣ этой (стр. 546) находимъ: «Hoffman 61; Bernhardi 103, 104; Boutourlin I, 342, 343; Schrekenstein 84, 124.»

Какъ близкій свѣдѣтель описываемаго эпизода, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность заглянуть въ указываемые почтеннымъ сочинителемъ источники.

Гофманъ, изъ Прусской службы, въ 1812 году находился Капитаномъ въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ и во время Бородинской битвы, въ войскахъ, дѣйствовавшихъ при Утицѣ, почти за четыре версты отъ центральной батареи. По окончаніи войны, будучи Полковникомъ, вновь перешелъ въ Прусскую службу, и уже Генералъ-Лейтенантомъ, чрезъ 34 года послѣ помянутаго сраженія, описалъ оное и издалъ въ 1846 году, посвятивъ сочиненіе свое Принцу Евгенію Виртембергскому. [46] Гофманъ чистосердечно объявляетъ, что свѣдѣніями о взятіи центральной батареи и о кавалерійскихъ атакахъ онъ обязанъ Шрекенштейну, находившемуся при бригадѣ Тильмана. [47] Казалось, что, послѣ такого заявленія, ссылка на него не должна бы имѣть мѣста съ ссылкой на

съ Коленкуромъ занялъ батарею, перенесясь чрезъ ровъ и брустверъ въ другомъ мѣстѣ. Неясно!

[46] Die Schlacht von Borodino mit einer Uebersicht des Feldzug von 1812, v. General v. Hoffmann. Koblenz, 1846. Въ этомъ же году Принцъ Евгеній Виртембергскій издалъ и свою книгу.

[47] Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Шрекенштейнова книга появилась въ свѣтъ только въ 1855 году, т. е., девять лѣтъ спустя послѣ книги Гофмана; слѣдовательно, заимствованное Гофманомъ у Шрекенштейна можетъ относиться только къ рукописи, еще не обнародованной, а можетъ быть еще и не вполнѣ составленной, а пожалуй и изъ устныхъ разсказовъ, что и очень правдоподобно, какъ увидимъ изъ печатнаго разсказа Шрекенштейна.

Шрекенштейна, котораго и самаго, какъ видно будетъ, разсказъ слишкомъ неположителенъ. Но такъ какъ Г. Богдановичъ нашелъ это совмѣщеніе удобнымъ, то слѣдуетъ заглянуть и въ разсказъ Гофмана, который, можетъ быть, прибавляетъ кое-что и имъ самимъ видѣнное.

На 61 страницѣ, на которую ссылается Г. Богдановичъ, Гофманъ дѣйствительно говоритъ, что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе не чрезъ горжу, чего будьто бы сдѣлать было не возможно по причинѣ крутизны, но что кирасиры проникли чрезъ части бруствера, уже утоптаннаго.[48] За чѣмъ же нашъ исторіографъ ни слова не сказалъ, что брустверъ былъ растоптанъ, и тѣмъ какъ бы усиливаетъ подвигъ непріятеля? Гофманъ сказавъ, что пѣхота, стоявшая за оврагомъ (Г. Богдановичъ пишетъ просто сзади или въ оврагѣ), своимъ огнемъ скоро выгнала Коленкуровыхъ кирасиръ, присовокупляетъ, что въ слѣдъ за симъ Саксонскіе garde de corps, тоже чрезъ части утоптаннаго бруствера, «гдѣ мѣстность не такъ была крута,» вошли въ укрѣпленіе, производившее еще сильный огонь, и что только пѣхота Вице-Короля окончательно заняла укрѣпленіе и взяла въ плѣнъ Лихачова. Слѣдовательно, и появленіе среди укрѣпленій конницы Тильмана не могло еще овладѣть онымъ. Появленіе же конницы Тильмана въ укрѣпленіи дѣйствительно было, но, какъ увидимъ, совершенно при другихъ условіяхъ.[49] Посмотримъ второй источникъ.

---

[48] Валъ, въ особенности по флангамъ, былъ не совсѣмъ еще и оконченъ, когда началось сраженіе; а потомъ дѣйствіе непріятельской артиллеріи, и особенно въ борьбѣ вломившейся въ укрѣпленіе бригады Генерала Бонами, потомъ преслѣдованіе спасавшихся, много попортили брустверъ вообще, въ особенности же фланговыя части, въ коихъ и не всѣ амбразуры были одѣты фашинами; все это дѣйствительно представляло удобство проникнуть въ оный.

[49] Сочинитель присовокупляетъ, что при сильныхъ атакахъ Французской кавалеріей, нашей пѣхоты (послѣ овладѣнія укрѣпленіемъ) онъ видѣлъ Барклая, долго стоявшаго у Перновскаго полка (10-й дивизіи), атакованнаго со всѣхъ сторонъ: «онъ, казалось, искалъ смерти.» Прибывшіе полки 23-й дивизіи (4 корпуса) и отбили всѣ атаки, но, по мнѣнію сочинителя, Барклай былъ слабъ, чтобы предпринять что либо противъ взятаго укрѣпленія.

Бернгарди—издатель и дополнитель Записокъ Графа Толя, появившихся въ 1851 году.[50] Многое въ Запискахъ Графа не могло принадлежать ему, и всеконечно уже есть дополненіе издателя, лица не военнаго и Нѣмца, вездѣ старающагося унижать Русскихъ, что замѣчено и самимъ Г. Богдановичемъ; но дѣло не въ этомъ: обратимъ вниманіе на его разсказъ, послужившій источникомъ нашему исторіографу. Бернгарди, описывая этотъ эпизодъ, одинаково, какъ и Гофманъ, заявляетъ его заимствованнымъ у Шрекенштейна же и еще отъ какого-то Французскаго Штабъ-Офицера, присовокупляя: «на разсказы этѣ полагается.» Странная ссылка и на Бернгарди! Пусть еще на Гофмана: этотъ, по крайней мѣрѣ, участвовалъ въ Бородинской битвѣ и, находясь отдаленно отъ центральнаго укрѣпденія, могъ заимствовать этотъ эпизодъ у своего камрада; но Бернгарди едва ли былъ тогда и на свѣтѣ; Графу же Карлу Θедоровичу не было надобности прибѣгать къ засвѣдѣтельствованію Шрекенштейна въ томъ, что происходило у насъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этотъ великій день.

Но какъ бы то ни было, а Бернгарди говоритъ (т. II, S. 101—103 etc.), что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе, частію чрезъ ровъ и бруствeръ, который былъ разбитъ артиллеріею и утоптанъ прежними атаками, а по тому было гораздо легче, нежели чрезъ горжу, въ которой онъ былъ и убитъ. Когда же Французскіе кирасиры были вынуждены оставить укрѣпленіе, тогда Саксонскіе garde de corps, не смотря, что укрѣпленіе производило еще сильный огонь, ворвались въ оное чрезъ ровъ и бруствeръ.» Само собою разумѣется, что послѣ Коленкура сдѣлать это было еще легче. Бернгарди присовокупляетъ, что тутъ былъ взятъ въ плѣнъ раненый Генералъ Лихачовъ, Вице-Король же, съ тремя пѣхотными дивизіями, спѣшилъ къ укрѣпленію, и вошелъ въ оное со стороны откоса. Вообще разсказъ этого періода чрезвычайно сбивчивъ, и Г. Бернгарди видимо натягиваетъ всю славу на свой элементъ. Онъ говоритъ то, чего Графъ Толь

---

[50] Denkwürdigkeiten aus Leben der Kaiserl.-Russisch. General von den Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856.

ни какъ сказать не могъ, а въ особенности вопреки всѣхъ засвѣдѣтельствованій, что будьто бы «Русскіе, защищавшіе укрѣпленіе, частію бѣжали (!), частію сражались около орудій, но должны были уступить ворвавшейся Саксонской конницѣ.» Перваго не было, а послѣднее произошло по тому, что даже артиллеристы, вооруженные одними банниками и пальниками, какъ извѣстно, не хотѣли сдаваться, предпочитая смерть плѣну.

Относительно же того, что Коленкуръ, послѣ атаки нашей пѣхоты, повернулся будьто бы на право, чтобы атаковать центральное укрѣпленіе, то по самому уже описанію мѣстности видно, что этого быть не могло, а что для сего онъ обратился на лѣво, какъ всѣ повѣствователи-участники свѣдѣтельствуютъ. Замѣчательно, что нашъ почтенный исторіографъ ввелъ эту ерунду въ свою исторію. Вице-Король стоялъ противъ самаго центральнаго укрѣпленія нашего, а Коленкуръ правѣе, у Мюрата, который и направилъ его для атаки нашей пѣхоты, стоявшей на Семеновскихъ высотахъ, и если бы послѣ сего онъ повернулся на право, то очутился бы въ Утицѣ, а не въ тылу центральной батареи. Но пусть эта путаница не была разобрана, какъ бы то слѣдовало; но за чѣмъ, повторяю, Г. Богдановичъ не внесъ ихъ засвѣдѣтельствованій, что ровъ и брустверъ были растоптаны, сглажены, а по тому и не представляли нашимъ надежной обороны?!

По порядку сдѣсь слѣдовало бы привести Бутурлина, но такъ какъ онъ показываетъ совершенно отлично отъ упомянутыхъ съ нимъ трехъ Нѣмецкихъ писателей, и не извѣстно даже, по чему Бутурлинъ попалъ вмѣстѣ съ ними, то и отнесу его далѣе въ число Русскихъ, говорящихъ объ этомъ эпизодѣ, а сдѣсь буду продолжать тотъ же родъ и приведу показаніе Шрекенштейна.

Шрекенштейнъ написалъ книгу свою о дѣйствіи конницы въ этой битвѣ чрезъ 43 года. [51] Эпизодъ борьбы съ центральной

---

[51] Die Kavelerie in der Schlacht an der Moskwa (von den Russen: Schlacht bei Borodino gennant...) am 7 September 1812. Nebst einigen ausfürlichen Nachrichten

батареей находится на стр. 81 — 94 включительно. [52] Разсматривая внимательно эту книгу, приходишь къ заключенію, что для составленія оной, по крайней мѣрѣ, эпизода овладѣнія централь ной батареей, Генералъ Шрекенштейнъ не имѣлъ современныхъ записокъ, а писалъ чрезъ 43 года на память; а если и имѣлъ, оныя, то не иначе, какъ въ видѣ самыхъ краткихъ замѣчаній, и это я основываю на слѣдующемъ: во первыхъ, по заявленію Гофмана и Бернгарди, всѣми свѣдѣніями, относящимися до борьбы на центральной батареѣ, они обязаны Г. Шрекенштейну, какъ участнику при овладѣніи оною. Гофманъ издалъ книгу свою за девять лѣтъ до выхода книги Шрекенштейна. Слѣдовательно, Гофманъ долженъ былъ довольствоваться разсказами и записывать опые, или просматривать краткія замѣчанія, которыя могъ имѣть Шрекенштейнъ. Тоже самое и Бернгарди, который хотя и издалъ книгу свою въ 1856 году, т. е., въ слѣдующемъ послѣ появленія книги Шрекенштейна, но, само собою разумѣется, что въ столь короткій промежутокъ времени онъ не могъ перемѣнить того, что вошло уже въ рукопись (составившую три толстыхъ печатныхъ тома), которая въ это время, очень можетъ быть, находилась и въ типографіи. А отъ этого и произошло, что многое, приводимое Гофманомъ и Бернгарди, какъ будьто бы сообщенное Шрекенштейномъ, не согласуется съ тѣмъ, что высказывается въ его книгѣ; и во вторыхъ, самъ сочинитель этой послѣдней книги разсказываетъ, что когда полкъ Цастрова остановился и не могъ ни чего сдѣлать стоящей въ оврагѣ пѣхотѣ (отрядъ Цыбульскаго), «то я, продолжаетъ Г. Шрекенштейнъ, послѣдовалъ за тѣми, которые вошли въ укрѣпленіе (центральное). Онъ былъ такъ полонъ конниками, что я не могъ пробраться впередъ, и замѣтилъ только, что въ немъ происходила сильная свалка, [53] возвра-

---

über den Leistungen des 4 Kavalerie Corps unter der Anführung des General Latour-Maubourg. Von General-Leutenant Freyherrn Böth von Schrekenstein. Münster, 1855.

[52] Г. Богдановичъ означаетъ «стр. 84 и 124.» На первой дѣйствительно начинается эпизодъ, но на 124 продолженіе списка Офицерамъ, убитымъ въ Бородинскомъ сраженіи вообще!

[53] Ясно, что конница не могла одолѣть защитниковъ укрѣпленія.

тился къ полку Цастрова. Кажется, я хотѣлъ отыскать Г. Тильмана, и я говорю истину, что у меня обо всемъ этомъ осталось только темное воспоминаніе. Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно слѣдуешь мгновенному внушенію; не вполнѣ знаешь, что дѣлаешь, и послѣ, слыша разсказы, перепутываешь съ ними и то, что самъ видѣлъ» и т. д. Вообще разсказъ во многомъ неположителенъ; такъ, на примѣръ: безпрестанно встрѣчаешь «кажется; можетъ быть; не замѣтилъ; могъ только замѣтить, что пѣхота Вице-Короля шла на укрѣпленіе; не помню; полагаю; сколько помню.» Онъ выказываетъ сомнѣніе, что Французскіе кирасиры были на батареѣ прежде Тильмана; потомъ приводитъ засвѣдѣтельствованіе Шамбре, который и положительно говоритъ, что «дивизія Ватье, послѣ отступленія отъ редута, заняла прежнее свое мѣсто на правомъ флангѣ Вице-Короля; когда этотъ послѣдній и Тильманъ шли на укрѣпленіе, то оно производило сильный огонь; сколько замѣтилъ, около укрѣпленія падало еще много людей; когда Саксонскіе garde de corps подходили, на нихъ лился потокъ пуль;» а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что, «вѣроятно, въ укрѣпленіи пѣхота постоянно не находилась, по тому что артиллерія занимала всѣ мѣста и, кажется, разсчитывали двинуть ее въ укрѣпленіе изъ оврага, бывшаго за онымъ, [54] но что быстрая атака конницы со всѣхъ сторонъ не дозволила многимъ предположеніямъ исполниться; но очень хорошо помнитъ, что многіе изъ его товарищей, бывшихъ въ укрѣпленіи прежде его, разсказывали, что «видѣли, какъ гарнизонъ выходилъ чрезъ горжу и часть его изрублена.» Что за ерунда! Кто же осыпалъ пулями? Съ кѣмъ боролся Коленкуръ и потомъ Тильманъ? Не съ одними же артиллеристами боролись Французскіе, а потомъ Саксонскіе, кирасиры и другіе; и какимъ образомъ, когда непріятель бился въ укрѣпленіи, часть гарнизона оставляла оное чрезъ горжу! Все, что было въ укрѣпленіи, повторяю, предпочитало смерть плѣну и, конечно, уже не помышляло бѣжать изъ онаго. Самъ же онъ говоритъ, что слышалъ, какъ «одинъ Русскій Офицеръ, имѣвшій Аннинскій крестъ на шеѣ,

[54] Вѣроятно, Г. Богдановичъ заимствовалъ у Шрекенштейна помѣщеніе пѣхоты въ оврагѣ за укрѣпленіемъ, какъ это замѣчено выше.

защищался на лафетѣ и былъ изрубленъ.» Г. Шрекенштейнъ продолжаетъ говорить иногда и очень много, но очень мало утвердительно: «Кажется, я могу утверждать; Г. Тильманъ, вѣроятно, ходилъ лично въ атаку. Что происходило за шанцемъ [55] и въ нижней части оврага (у Цыбульскаго), за дымомъ не было видно; полагаю, что атака не удалась. Кажется, что тогда пришли Польскіе кирасиры. Попытка должна была быть неудачна. Что было въ этомъ дѣлѣ, я не знаю; знаю только, что Полковникъ Малаховскій былъ очень доволенъ подвигомъ моихъ кирасиръ.»

Пріостанавливаюсь исчисленіемъ подобныхъ засвѣдѣтельствованій Г. Шрекенштейна (а этотъ «роди Гофмана и Бернгарди»), котораго Г. Богдановичъ предпочелъ даже Маркизу Шамбре, объявленному имъ въ предисловіи за историка противъ всѣхъ другихъ болѣе безпристрастнаго, и на такомъ основаніи сдѣлалъ на него и болѣе ссылокъ, нежели на другихъ, сдѣсь же и не упоминаетъ о немъ. По чему?—Про это знаетъ онъ и Аллахъ. Но какъ бы то ни было, обратимся къ главной цѣли овладѣнія укрѣпленіемъ. Г. Шрекенштейнъ говоритъ, что «garde de corps ворвались въ оное чрезъ осыпавшійся, вырытый въ рыхломъ пескѣ, ровъ и разбитый брустверъ». На другой день, когда Г. Шрекенштейнъ осмотрѣлъ укрѣпленіе, то, относительно его фигуры (чертежа), осталось у него «темное воспоминаніе.» Но присовокупляетъ, что «такъ-какъ шанецъ этотъ сооруженъ поспѣшно и состоялъ изъ щебня и глины, то удивительно какъ пострадалъ и подъ конецъ могъ доставлять защитникамъ только малое прикрытіе. Земля же обсыпалась въ ровъ, такъ что онъ сдѣлался очень неглубокимъ.[56] Линіи состояли только изъ бруствера и неширокаго рва, который весь былъ почти засыпанъ. Орудія стояли внутри верка и думаю, что брустверъ былъ сдѣланъ только для прикрытія пѣхоты.» Что за ерунда опять: то пѣхоты не было, то сдѣлано для пѣхоты?! и т. п. А вотъ и

[55] Такъ вездѣ почти онъ называетъ нашу центральную батарею.

[56] И первоначальную глубину онъ даетъ въ три фута.

еще: Г. Шрекенштейнъ сосчиталъ въ укрѣпленіи орудія; число ихъ не согласно съ другими историками, что еще не бѣда; но онъ говоритъ, что орудія наши были десятифунтоваго калибра, ни когда у насъ, по крайней мѣрѣ въ 1812 году, не существовавшаго.

И такъ, вотъ источникъ, который избранъ почтеннымъ исторіографомъ нашимъ, чтобы описать дивный подвигъ Русскихъ. И это сдѣлано не по тому, чтобы не было другихъ засвѣдѣтельствованій; нѣтъ, ихъ множество, какъ это увидимъ далѣе, а теперь посмотримъ эпизодъ о плѣненіи Лихачова, разсказываемый нашимъ исторіографомъ, въ слѣдъ за ссылкой № 8. Не посчастливится ли ему, по крайней мѣрѣ, сдѣсь; и вотъ какъ начинаетъ онъ: «Въ углу укрѣпленія, на походномъ стулѣ, сидѣлъ, изнуренный болѣзнію, но крѣпкій духомъ, начальникъ защитниковъ кургана, Генералъ Лихачовъ. Возвышая слабый свой голосъ среди грома выстрѣловъ и крика сражающихся, онъ возбуждалъ своихъ подчиненныхъ къ геройскимъ подвигамъ. Когда же, наконецъ, уже не было ни какой возможности отстоять батарею, Лихачовъ собралъ послѣднія силы и кинулся въ толпу непріятелей, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ потерею залога, ввѣреннаго его защитѣ Отечествомъ. Уже храбрый воинъ, пораженный нѣсколько разъ штыками, былъ повергнутъ на землю, но непріятели, узнавъ въ немъ Русскаго [57] Генерала, остановили смертный ударъ, готовый поразить его.»

За симъ слѣдуетъ ссылка № 9, къ которой обращусь послѣ, а теперь сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на текстъ.

[57] Замѣчу мимоходомъ, что, по моему мнѣнію, сдѣсь слово Русскій—совершенно лишнее. У насъ подъ Бородиномъ не было другихъ Генераловъ, кромѣ Русскихъ. Такое обозначеніе могло бы быть правильно приложено къ Генералу Наполеоновской арміи, въ коей были Генералы Французскіе, Прусскіе, Виртембергскіе, Саксонскіе, Баварскіе, Вестфальскіе, Итальянскіе, Польскіе, словомъ, множество различныхъ національныхъ войскъ съ ихъ Генералами, да и самъ Г. Богдановичъ, описывая (стр. 197) плѣненіе Генерала Бонами на этой же батареѣ, не называетъ его Французскимъ Генераломъ и пр.

Для изнуреннаго болѣзнію въ той степени, какъ Г. Лихачовъ тутъ представляется, нужно было имѣть особенныя силы, чтобы перенести пораженіе нѣсколькими штыками, быть повергнутымъ на землю, и послѣ всего этого, какъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ Французскихъ писателей, онъ, взятый въ плѣнъ, отправленъ былъ пѣшкомъ къ Наполеону въ Шевардино! Все это какъ-то невѣроятно! Лихачовъ въ это время дѣйствительно страдалъ, но не былъ лишенъ силъ до той степени, какъ онъ тутъ описывается, сидящимъ на стулѣ въ углу укрѣпленія (а по нѣкоторымъ, и нюхающій еще табакъ) и пр. Онъ могъ и сидѣть, и лежать, и прохаживаться, какъ это бываетъ въ случаяхъ, когда кругъ начальствованія ограничивается нѣсколькими шагами и все находится подъ глазами. Но не въ этомъ сила.

Въ ссылкѣ № 9 (стр. 546) показанъ источникъ, а именно: «Императоръ Александръ 1-й и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. I, Жизнеописаніе Лихачова». И что жь оказывается? Въ приведенномъ источникѣ ни слова не говорится о штыкахъ, а просто сказано: «поверженный ружейными прикладами на землю.» Положимъ, что въ поэзіи названіе штыкъ и прикладъ можетъ быть допущено, по тому что это оконечности одного и того же ружья; да какимъ же образомъ Г. Богдановичъ описываетъ овладѣніе редутомъ конницею, а говоритъ о ранахъ Лихачова штыками, и ссылается на источникъ, въ которомъ, вмѣсто штыковъ, оказываются приклады, которые тоже, какъ и штыкъ, есть принадлежность пѣхоты, а не конницы, въ особенности не спѣшенной, гдѣ у драгунъ и могли бы встрѣтиться штыки и приклады, но этого, вѣдь, тутъ не было? Сочинитель начинаетъ говорить о пѣхотѣ уже послѣ плѣненія Лихачова, и вотъ онъ какъ это дѣлаетъ, тотчасъ послѣ ссылки № 9, на страницахъ 211 и 212:

«Въ продолженіе этого боя (т е., боя конницы въ укрѣпленіи съ Лихачовымъ) Вице-Король, съ пѣхотными дивизіями Брусье, Морана и Жерара, подошелъ къ кургану, [58] и занялъ

[58] О различныхъ наименованіяхъ, даваемыхъ сочинителемъ этому укрѣпленію, говорится особо.

головными своими баталіонами (9-го линейнаго полка) нашу батарею.» Значитъ, онъ не участвовалъ въ овладѣніи батареей, а занялъ, т. е., смѣнилъ конницу, которая взяла ее, какъ о томъ сочинитель выше и говорилъ. [59] Конницу эту мы тотчасъ видимъ въ другомъ уже мѣстѣ.

Въ концѣ этого параграфа ссылка № 10, и въ ней (стр. 346) «Thier XIV, 379, 380, Bernhardi II, 103, двухъ лицъ, не участвовавшихъ въ битвѣ, и потомъ ссылка на Жизнеописаніе Генерала Костенецкаго, не имѣющая ни какого отношенія къ эпизоду о занятіи укрѣпленія, по чему о ней и не будетъ рѣчи, а обращусь къ двумъ первымъ.

Посмотрѣвъ, въ Тьерѣ, на указанныя страницы 379 и 380, я нашелъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не о Бородинской битвѣ, а уже о пребываніи Наполеона I въ Москвѣ; описаніе же помянутой битвы оканчивается у него на ст. 347. Заглянулъ въ опечатки: тамъ нѣтъ! Что же это значитъ? [60] Такія шуточки, и не въ маломъ числѣ, вѣдь у всякаго отобьютъ охоту справляться въ приводимыхъ ссылкахъ; но пойдемъ далѣе. [61]

Выше было видно, что почтенный военный исторіографъ нашъ, описывая овладѣніе непріятелемъ центральной батареей нашей, говоритъ, что кирасиры Ватье перенеслись чрезъ ровъ и брустверъ и вторгнулись въ укрѣпленіе, и когда они огнемъ нашей пѣхоты были вынуждены оставить укрѣпленіе, то Саксонская конница Тильмана тѣмъ же путемъ, черезъ ровъ и бруст-

---

[59] Всѣ другіе повѣствователи, какъ увидимъ, говорятъ, что нѣсколько полковъ пѣхоты Вице-Короля въ одно время со всѣхъ сторонъ бросилось на укрѣпленіе.

[60] Кажется, что въ 1859 году, когда сочиненіе Г. Богдановича появилось, не было втораго изданія Тьера, кромѣ перваго, въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Да если бы и было, то, при указаніи на страницы, слѣдовало бы указать изданіе.

[61] Между тѣмъ, нельзя, однако же, отрицать, чтобы послѣ каждаго изъ трехъ томовъ не замѣчались погрѣшности, но какія! Перестановка буквы, запятой, вмѣсто другого знака препинанія, и обратно, а на правильное возстановленіе именъ и тому подобное не обращено вниманія.

веръ, вновь овладѣла укрѣпленіемъ. Повѣствованіе свое Генералъ Богдановичъ основываетъ, какъ видно было выше, на описаніи этого эпизода тремя Нѣмецкими сочинителями. [62] Правда, они говорятъ, что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе не чрезъ горжу, какъ это свѣдѣтельствуется многими другими, но что, какъ 5 кирасирскій полкъ Коленкура, такъ и Тильманъ, проникли въ оное чрезъ ровъ и брустверъ, и прибавляютъ, что ровъ и брустверъ были утоптаны, и что этотъ путь былъ удобнѣе, нежели чрезъ горжу, по причинѣ ея крутизны. Нашъ исторіографъ не нашелъ нужнымъ дѣлать эту оговорку, а сказалъ просто: «перенеслись чрезъ ровъ и брустверъ», да и баста!

Допустимъ, что это былъ пропускъ, или недосмотръ, при поспѣшности сложенія исторіи, но сдѣсь замѣчательно то, что Генералъ Богдановичъ, для описанія этого высшей важности эпизода, избралъ только трехъ Нѣмецкихъ повѣствователей, разсказывающихъ оный почти одинаково [63] и совершенно противно засвѣдѣтельствованіямъ всѣхъ другихъ очевидцевъ, и нашихъ, и Французскихъ, и даже Нѣмецкихъ, писавшихъ не сорокъ лѣтъ спустя, а гораздо ближе къ событію, при жизни еще многихъ дѣятелей той поры.

Для объясненія этого эпизода, я укажу на нѣкоторые источники, заслуживающіе довѣріе, конечно, несравненно болѣе, нежели избранные Г. Богдановичемъ: Гофманъ, Бернгарди и Шрекенштейнъ, [64] и начну, какъ и почтенный исторіографъ, съ Нѣмецкихъ, потомъ приведу засвѣдѣтельствованія Французовъ, Италіянцевъ и Англичанъ, и заключу показаніями Русскихъ, соблюдая, по возможности, помѣщать прежде сказанія участвовавшихъ въ

---

[62] Четвертый изъ указанныхъ, Бутурлинъ; но этотъ, какъ замѣчено выше, говоритъ оное съ тремя другими.

[63] Выше было замѣчено, что запѣвалой былъ Шрекенштейнъ, сознающійся, что «о всемъ этомъ осталось у него только нѣмое воспоминаніе». Гофманъ и Бернгарди начали подтягивать, а за ними послѣдовали нѣсколько и болѣе мелкихъ пѣвцовъ, а въ заключеніе и нашъ Г. исторіографъ.

[64] Мы видѣли, что этѣ лица составляютъ одно—Шрекенштейна.

битвѣ, и за тѣмъ повѣствователей-компиляторовъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Миллеръ, Маіоръ Виртембергскаго Генеральнаго Штаба (Darstellung der Feldzugs des Franz. verbundeten Armee gegen die Russen im Jahr 1812 etc., v. Moritz v. Müller. Stuttgart, 1822, in 4°, 2 v.) (S. 118), что Коленкуръ, съ 5 кирасирскимъ полкомъ, вторгнулся въ редутъ [65] съ тыла (чрезъ горжу), но пѣхота Русскаго 6 корпуса заставила его тотчасъ оставить укрѣпленія, которымъ вскорѣ овладѣла пѣхота Вице-Короля. [66] Другое Нѣмецкое сочиненіе (Der Krieg d. Franzosen und ihrer Alli irten gegen Russland, von ...r. Leipzig, 1814, in 8, 2 v.) говоритъ (S. 113) то же самое.

Бомсдорфъ, Прусскій Маіоръ и Бригадный Адъютантъ (Mittheilungen aus dem Russischen Feldz. etc. Leipzig, 1818, in 12, 2 v.), разсказавъ (t. II, S. 113) вскользь, что Коленкуръ съ 5 кирасирскимъ полкомъ бросился на центральную батарею, но былъ убитъ, а кирасиры прогнаны, присовокупляетъ, что укрѣпленіе взялъ Тильманъ, войдя въ оное чрезъ ровъ и брустверъ, а частію и чрезъ горжу, въ одно время съ Французскими кирасирами, вторгнувшимися съ другой стороны. [67]

Въ Прусскомъ военномъ журналѣ, издававшемся Офицерами Генеральнаго Штаба (Denkwürdigkeiten für die Kriegs-Kunst und Kriegs-Geschichten, v. einigen Officieren des Königl.-Preussischen Generalstab. Berlin, 1818), говорится (3 Heft, S. 117) почти тоже.

---

[65] Иноземцы называютъ укрѣпленіе то редутомъ, то батареей, то шанцами и т. п. Я буду называть центральнымъ укрѣпленіемъ, батареей, которая и была дѣйствительно таковой, изображая общимъ очертаніемъ полумѣсяцъ.

[66] О Тильманѣ—ни слова.

[67] Разсказъ не вполнѣ ясенъ, но во всякомъ случаѣ набѣгъ конницы съ разныхъ сторонъ въ одно время точенъ, какъ это разъяснится въ заключеніи. Не ошибается ли здѣсь сочинитель, а за нимъ и другіе? Саксонскіе кирасиры дѣйствительно вскочили на батарею, но не на эту, а на одну изъ Семеновскихъ флешей, что Шамбре разсказываетъ въ т. II, стр. 67, а также есть и другіе, Нѣмецкіе, писатели, изъ коихъ очень не многіе описываютъ съ должною ясностію.

Вольдендорфъ, Маіоръ Баварскаго Генералъ-Квартирмейстерскаго Штаба (Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian etc. München, 1826) говоритъ (т. III, S. 151, 153): «26 дивизія Русскихъ, сильно атакованная дивизіею Де Франса (конная), около Семеновскаго, приведена была въ безпорядокъ. Мюратъ, видя, что Вице-Король приготовляется къ атакѣ центральной батареи, приказалъ Коленкуру оттѣснить отъ онаго 12 дивизію; Русскую, и потомъ повернуться влѣво и, если можно, ворваться въ укрѣпленіе. Коленкуръ бросился со 2 кирасирскимъ корпусомъ и, оттѣснивъ пѣхоту, замѣтилъ, что онъ проскакалъ линію указанной батареи, повернулъ влѣво и чрезъ тылъ ворвался въ оную; однако Русскіе, стоявшіе за оврагомъ, заставили кирасиръ удалиться изъ оной, при чемъ былъ убитъ Коленкуръ. Но Вице-Король велъ уже пѣхоту на приступъ укрѣпленія, въ которомъ Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть. Лѣвый флангъ наступающей пѣхоты (дивизіи: Брусье, Морана и Жерара), былъ прикрытъ конницею Груши, въ головѣ которой шли Баварскіе полки №№ 1 и 2. Правый флангъ прикрывался конницею Монбрена (2 корпусъ). Французская пѣхота, полки № 9, 17, 21 и 35, окружили укрѣпленіе и, по кровопролитномъ сопротивленіи, овладѣли онымъ, въ то время, когда кирасиры оставили его».

Сочинитель, какъ видѣли, Баварецъ, участвовалъ при этомъ овладѣніи, и по тому такъ отчетливо и правильно излагаетъ, какъ это замѣтится въ заключеніи. О Тильманѣ нѣтъ и помина. Онъ не натягиваетъ на свой элементъ того, что другіе дѣлаютъ изо всей силы.

Меергеймъ (Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee während des Feldzuges in Russland, 1812. Dresden, 1860) [**] говоритъ (S. 99, 100), что «когда Саксонцы вошли въ укрѣпленіе, то увидѣли, что не были первыми; ибо онъ былъ заваленъ убитыми Французскими кирасирами Коленкура и пѣхотой (Бонами). Тильманъ съ бригадой устремился чрезъ ровъ и брустверъ въ укрѣ-

[**] Книга написана участникомъ и, по смерти его, издана сыномъ, Капитаномъ Саксонскихъ войскъ бригады Кронъ-Принца, Рихардомъ Меергеймомъ.

пленіе. «Само собою разумѣется (присовокупляетъ сочинитель), многіе дрались во рву, но потомъ, слѣдуя примѣру Минквица и храбрыхъ предводителей, Тильмана и Латура, перешли чрезъ брустверъ и увидѣли ужасную рѣзню. Тильманъ находился съ бригадой въ опасномъ положеніи въ укрѣпленіи. Въ одно съ нами время пѣхота, находящаяся на лѣво и штурмовавшая укрѣпленіе, намъ помогла».

Какъ Саксонецъ, онъ не могъ не сказать нѣсколько словъ о Тильманѣ, но несравненно скромнѣе другихъ; въ сущности, какъ видно будетъ, онъ говоритъ правильно: конница, прикрывавшая фланги пѣхоты, охватила оконечности разрушеннаго бруствера, и пока пѣхота одолѣвала защитниковъ, конница начала перебираться имъ въ тылъ, думая тѣмъ и охранить себя отъ производимаго огня изъ за оврага. Впрочемъ, Меергеймъ приписываетъ прямо пѣхотѣ окончательное овладѣніе этой батареей.

Штабъ-Офицеръ Саксонскаго Генеральнаго Штаба (Die Feldzug der Sachsen in den Jahren 1812, und 1813. Dresden, 1821) говоритъ (S. 433—435), что «бой, для овладѣнія центральною батареей, былъ самый ужасный. Русскіе употребляли всѣ усилія, чтобы удержать этотъ главный пунктъ своей позиціи. По минованіи опасности на лѣвомъ крылѣ, Вице-Король возвратился къ позиціи противъ центральной батареи, чтобы употребить всѣ силы для занятія оной. Всѣ строились къ приступу, а корпусъ Груши долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ атакующихъ. Въ это время пронеслась дивизія Ларжа, въ головѣ которой была бригада Тильмана, которая бросилась въ укрѣпленіе, но едва была бы въ состояніи удержать оное, если бы не подоспѣлъ Вице-Король съ пѣхотой на штурмъ, и тогда укрѣпленіе было взято».

Въ описаніи войнъ, послѣдовавшихъ послѣ паденія Людовика XVI (Geschichte der Kriege in Europa seit dem Jahre 1792 etc. Berlin, Posen und Bamberg 1839, mit 4 Planen, Jahr 1812), свѣдѣтельствуется (9-te Theil, S. 95), что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе черезъ горжу, гдѣ и былъ убитъ, а потомъ Тильманъ черезъ ровъ и брустверъ, между тѣмъ прибыла пѣхота Вице-Короля и т. п. Сочинитель усиливается возвышать свой эле-

ментъ, и какъ ни запутываетъ этотъ эпизодъ, но итогъ тотъ, что пѣхота окончательно овладѣла онымъ, а до того времени наскакивавшая на него конница не могла оставить его за собой.

Либенштейнъ (Der Krieg Napoleons gegen Russland in des Jahren 1812 und 1813, von L. A. F. Liebenstein. Frankfurt am Main, 1819, in 8, 2 v.), говоритъ (S. 53 etc.), что «Коленкуръ, съ 2 кирасирской дивизіей Ватье, бросился въ головѣ 5-го кирасирскаго полка на лѣвую сторону батареи чрезъ горжу, и убитъ ядромъ. Кирасиры, осыпанные огнемъ стоявшей за оврагомъ пѣхоты, отступаютъ. Между тѣмъ подоспѣла Французская пѣхота, поддерживаемая конницею Груши, которая прошла справа и лѣва окопъ укрѣпленія, и сдѣсь произошелъ ужасный бой, въ которомъ Груши и три его Адъютанта ранены. Укрѣпленіе было окружено Французами, но оставалось еще во власти Русскихъ. Тутъ ворвались въ оное полки пѣхотной дивизіи Брусье и 2-й дивизіи Морана, подъ предводительствомъ Вице-Короля и его Штаба. Русскіе артиллеристы заколоты при орудіяхъ, которыми такъ геройски защищались. Врутренность представляла ужасное зрѣлище. Брустверы были разрушены, пушки опрокинуты, лафеты раздроблены; кучами лежали убитые и стонавшіе отъ ранъ. Всѣ защитники укрѣпленія пали, исключая одного Офицера, ими предводившаго.[69] Завидуя почтенной смерти своихъ товарищей, и желая раздѣлить ее вмѣстѣ съ ними, онъ бросился на Французовъ со шпагой въ рукахъ, но, чтобы остался хотя одинъ свѣдѣтель ихъ побѣды, они отказали ему въ смерти. Герой обезоруженъ и отведенъ къ Вице-Королю, который встрѣтилъ его съ уваженіемъ, какъ должною данью его доблести.» По чему бы Г. Богдановичу не предпочесть такое отчетливое описаніе, какъ увидимъ, и многія другія Шрекенштейновой ерундѣ? Сдѣсь, какъ и слѣдовало, не упоминается Тильманъ, а только корпусъ, въ которомъ онъ находился, и выставлены одни главные дѣятели.

---

[69] Это былъ, разумѣется, Генералъ Лихачовъ.

Шнейдавиндъ (Die Feldzuge in den Jahren 1812—1815. Bamberg, 1826. Erster Band) описываетъ это событіе слѣдующимъ образомъ (S. 133—135): «Мюратъ и Вице-Король условились приступить единовременно къ центральной батареѣ съ разныхъ сторонъ: Коленкуръ, съ 2 кирасирскимъ корпусомъ, долженъ былъ перейти равнину между Семеновскимъ и батареею, опрокинуть войска, защищающія сію послѣднюю, и стараться пробраться въ нее съ тыла. Въ это же время пѣхотныя дивизіи: Брусье, Жерара и Морана (корпуса Вице-Короля) должны дѣйствовать слѣва. Въ головѣ 5 кирасирскаго полка дивизіи Ватье, Коленкуръ бросился на тылъ укрѣпленія. Тутъ онъ былъ убитъ, кирасиры же его не могли выдержать сильнаго огня, производимаго корпусомъ Остермана, и Русскіе вновь овладѣли укрѣпленіемъ, [70] пославъ свою конницу преслѣдовать Французскую. Въ одно время бригада Тильмана (корпуса Латуръ-Мобура), взявъ лѣвѣе, приблизилась къ укрѣпленію, [71] когда Адъютантъ Наполеона передалъ ей приказаніе взять это укрѣпленіе. 3 кирасирскій полкъ тотчасъ бросился исполнить это приказаніе. Саксонскіе garde de corps тоже бросились чрезъ брустверъ, уже много поврежденный, и оно было взято. Часть Русскихъ вышла (!), другая же еще сильно сражалась и получила подкрѣпленіе, съ приказаніемъ, во что бы ни стало, вновь овладѣть онымъ (за чѣмъ же вновь овладѣвать, когда она еще не уступала укрѣпленія?), и уже Саксонскіе и Польскіе кирасиры стали ослабѣвать (ясно, что не одолѣли еще), не смотря на присланные къ нимъ два полка Французскихъ конныхъ карабинеръ; они употребляли послѣднія усилія, чтобы удержать за собой укрѣпленіе, какъ приблизились къ оному, вначалѣ одинъ, а потомъ еще два пѣхотные полка корпуса Вице-Короля, который бросился съ 9 и 35 полками, обойдя укрѣпленіе слѣва, и вторгнулся въ оное. Генералъ Лихачовъ былъ при этомъ взятъ въ плѣнъ.»

---

[70] Русскіе не оставляли укрѣпленія; они только отбились отъ кирасиръ; слѣдовательно, имъ не нужно было вновь брать онаго.

[71] Это конница шла на флангахъ пѣхоты Вице-Короля. Въ заключеніи, при согласованіи всѣхъ разнорѣчій, это пояснится.

Что за безсмыслица: одна часть (изъ укрѣпленія) ушла, другая, т. е., оставшаяся еще, сильно защищалась и получила подкрѣпленіе! Вѣдь это чистая чушь: ушла и получила подкрѣпленіе; и это все защищалось такъ, что, не смотря на присланные два конно-карабинерные полка, наши одолѣвали ихъ, а только прибытіе трехъ пѣхотныхъ дивизій рѣшило бой. Чѣмъ же тутъ хвастаться? Фразы не затемняютъ послѣдовавшихъ итоговъ; и какъ бы Г. Шнейдавиндъ, со всею своею братіею, ни натягивалъ подвиговъ на своихъ брудеровъ, но итогъ, ими же самими высказываемый, обличаетъ ихъ: имъ хочется показать, что, мы, де, били Русскихъ лучше, нежели то дѣлали тогдашніе наши господа, Французы. Но, не смотря на всѣ натяжки, на свой Индо-Германскій элементъ, въ этомъ случаѣ ясно видно, что укрѣпленіемъ окончательно овладѣла пѣхота Вице-Короля, какъ въ заключеніи этого эпизода и окажется.

Въ другомъ сочиненіи (Prinz Eugen. Stokholm, 1857) Шнейдавиндъ остылъ и положительно уже говоритъ (S. 225), что Коленкуръ атаковалъ пѣхоту (у Семеновскаго) и, отбросивъ ее, повернулъ на лѣво и съ кирасирами ворвался въ укрѣпленіе, «съ тыла чрезъ горжу;» кирасиры прогнаны, и Коленкуръ былъ убитъ, и что въ это время «бригада Тильмана, принявъ лѣвѣе, приблизилась къ укрѣпленію, которое ей приказано было взять. Она ворвалась чрезъ брустверъ, и уже Русскіе, подъ начальствомъ Лихачова, стали одолѣвать ее, но подоспѣла пѣхота Вице-Короля и овладѣла укрѣпленіемъ. Лихачовъ былъ взятъ въ плѣнъ» и т. д. Опять очень ясно, что, не смотря на наскоки конницы Коленкура, пусть и Тильмана съ Саксонцами и другими Нѣмецкими и Польскими полками, а укрѣпленіе не было ими взято: оно защищалось чѣмъ попало, и только навалившіяся три пѣхотныя дивизіи окончательно овладѣли онымъ.

Бишофъ (Geschichte des Feldzug von 1812 in Russland etc., von L. Wesel u. Leipzig, 1840) свѣдѣтельствуетъ, что Коленкуръ повернулъ на лѣво въ горжу, и былъ убитъ ядромъ. Одинъ эскадронъ вскочилъ чрезъ брустверъ, что было гораздо легче, ибо онъ былъ совершенно обрушившимся; точно также, чтобы и оставить укрѣпленіе, Кирасиры подвергались менѣе,

спасаясь черезъ оный, нежели черезъ горжу, обстрѣливаемую изъ за оврага.

Рёдеръ (Францъ), Полковникъ Генеральнаго Штаба Великаго Герцогства Гессенскаго (Der Kriegszug Napoleons gegen Russland im Jahr 1812. Mit Planen und Carte. Leipzig, 1848) говоритъ (S. 145, 146): «Мюратъ приказалъ Коленкуру обойти отъ Семеновскаго большую батарею (центральную), наносившую большія потери войскамъ, и овладѣть ею съ тыла. Приказаніе это было исполнено. Коленкуръ, въ головѣ 2-й кирасирской дивизіи, опрокинувъ все, имъ встрѣченное, и замѣтивъ, что миновалъ уже батарею, приказалъ 5 кирасирскому полку вернуться, [72] и такимъ образомъ ворвался въ батарею съ тыла. Но Французы не могли въ ней держаться и едва не покинули ея, какъ на помощь къ нимъ подошла пѣхота Вице-Короля, приступившая къ укрѣпленію съ фронта и фланговъ. При этомъ былъ взятъ Генералъ Лихачовъ» и т. д. За симъ, вѣроятно, для удовлетворенія самолюбія своего элемента и чтобъ не раздразнить его истиной, сочинитель приводитъ, въ выноскѣ, разсказъ Австрійской военной газеты: «Кирасиры (т. е., Коленкура) отступили, и Русскіе опять овладѣли батареей. (Вздоръ! До пѣхоты Вице-Короля батарея была за нами.) Въ это время Саксонская бригада 4 кавалерійскаго корпуса взяла влѣво, какъ въ два часа по полудни прискакалъ Адъютантъ Наполеона съ приказаніемъ взять большую батарею. Саксонцы и Поляки (три полка), не смотря на картечь и ядра, перешли брустверъ, почти уничтоженный уже огнемъ, при чемъ Адъютантъ Тильмана, Поручикъ Минквицъ, былъ первымъ, вскочившимъ въ укрѣпленіе, которое и было взято (!). Часть Русскихъ войскъ удалилась, другая сражалась и еще оспаривала; скоро Русскіе были подкрѣплены и Саксонцы уже отчаявались, какъ въ это время подошла пѣхота Вице-Короля». Что опять за безтолочь! Минквицъ вскочилъ—и укрѣпленіе было взято, и Саксонцы уже отчаявались—но въ это время подошла пѣхота Вице-Короля, т. е., спасла ихъ.

---

[72] Хотя сочинитель не говоритъ на лѣво, но отъ Семеновскаго онъ, повернувшись на право, попалъ бы, повторяю, въ Утицу.

Въ книгѣ очевидца 1812 г., или Наполеонъ въ Россіи (Das Buch von Jahr 1812, oder Napoleon in Russland. Dargestellt von einem augenzeugen. Zw. Band. Mit 3 Planen. Leipzig, 1844), разсказывается (S. 273, 274), что «Польскіе и Нѣмецкіе кирасиры 4 корпуса Латуръ-Мобура, подъ начальствомъ Тильмана съ одной стороны, а съ другой Коленкуръ со 2 кирасирскимъ корпусомъ, обогнувъ укрѣпленіе, соединились въ тылу онаго. Русскіе, замѣтивъ, что они не имѣютъ пѣхоты, дѣйствовали всѣми родами оружія, и уже Французы должны были отступить, какъ имъ на помощь пришелъ Вице-Король съ пѣхотными дивизіями Брусье, Жерара и Морана.

Хотя разсказъ этотъ и не вполнѣ отчетливъ: такъ на примѣръ, сказано, что когда 2 и 4 корпуса соединились въ тылу укрѣпленія и общими силами начали наступать на оное, то, будьто бы, сдѣсь лично распоряжался Мюратъ, чего ни одинъ изъ другихъ повѣствователей не говоритъ; изъ всего видно, что участникъ въ битвѣ не находился на этомъ пунктѣ; однако, не менѣе того ясно видно, что конница не могла одолѣть защитниковъ укрѣпленія, которое пало тогда только, когда налѣзли на оное три пѣхотныя дивизіи.

Цельнеръ (Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812 etc., v. L. Cellner. Reutlingen, 1839) приписываетъ (S. 81) подвигъ овладѣнія центральною батареей Коленкуру, [73] но о Тильманѣ и Саксонцахъ ни слова.

Стегеръ (Der Feldzug von 1812, v. Friedr. Steger etc. Braunschweig, 1845) говоритъ (S. 98), что, для овладѣнія центральною батареей, приготовились три пѣхотныя дивизіи: Брусье, Морана и Жерара, и Саксонская конница. Коленкуръ бросился въ тылъ и ворвался въ редутъ, между тѣмъ какъ пѣхота съ фронта овладѣла брустверомъ и т. д.

---

[73] Цельнеръ говоритъ, что Коленкуръ убитъ пулей. То же говорятъ еще двое, конечно, списывая одинъ у другого, а отъ нихъ, конечно, заимствовалъ и нашъ исторіографъ.

Профессоръ Вёрль (Geschichte der Kriege von 1729 bis 1815, mit Schlachten-Atlas. Von Proffesor Dr. S. C. Woerl etc. Freiburg und Breisgau, 1852, petite in fol., 2 v.) пишетъ (S. 203), что кирасиры ворвались въ укрѣпленіе чрезъ горжу и казалось, что оно взято, но Русскіе съ другихъ батарей осыпали ихъ огнемъ. Коленкуръ палъ съ большею частію кирасиръ, подоспѣла пѣхота Вице-Короля съ конницею Груши, и укрѣпленіе было взято штурмомъ.

Маіоръ Бейтцке, компиляторъ, преимущественно изъ Бернгарди, издалъ книгу свою только въ 1856 году (Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812, von Heinrich Beitzke, Major u D., mit Plan etc. Berlin, 1856) описываетъ (S. 210 etc.) этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «Вице-Король употребилъ для приступа три пѣхотныя дивизіи: Итальянскую, Брусье, и Французскія, Морана и Жерара. Для поддержанія атаки пѣхоты, приданъ былъ ему кавалерійскій корпусъ Груши. Сверхъ того, Императоръ назначилъ многочисленную конницу корпусовъ Монбрена и Латуръ-Мобура, владѣвшихъ уже Семеновскою возвышенностью (plateau), для атакъ лѣваго фланга Барклая и тыла центральной батареи. Такимъ образомъ атака на оное ведена была съ двухъ сторонъ. Въ то время, какъ дивизіи Вице-Короля, поддерживаемыя страшною артиллеріею, шли отъ нижняго Семеновскаго оврага и Колочи, на штурмъ холма, на которомъ находилась центральная батарея, конница Монбрена и Латуръ-Мобура бросилась на лѣвый флангъ Русскихъ и съ тылу приступила къ страшному холму. Рѣдкимъ случаемъ удалось коннпцѣ Монбрена, которую по смерти его велъ пылкій Коленкуръ, ворваться въ укрѣпленіе съ тыла вмѣстѣ съ своею смертью. Французская конница не удержала за собой укрѣпленія и была выгнана ожесточенными Русскими. Но еще одна атака Саксонскаго Генерала Тильмана въ головѣ garde de corps, которая въ этотъ день покрыла себя славой, рѣшила (облегчила) обладаніе онымъ въ пользу Французовъ. [74] Между тѣмъ дивизіи

---

[74] Тильманъ принадлежалъ къ конницѣ, которая назначена была прикрывать съ фланговъ движеніе пѣхоты Вице-Короля, и пока та боролась съ защитниками разрушеннаго рва и бруствера, конница прошла около фланговъ и, найдя окопъ сглаженнымъ, и избѣгая огня изъ за оврага, частію вскочила въ укрѣпле-

Вице-Короля подступили и вошли съ другой стороны.» Далѣе сочинитель описываетъ мужественную борьбу Барклая съ кавалеріей и заключаетъ, что Французы, овладѣвъ холмомъ, будьто бы начали укрѣплять его. Замѣчательно, что Бейтцке, при описаніи этого эпизода, разнорѣчитъ съ Бернгарди и говоритъ правильнѣе.

Сдѣсь приведу два сочиненія, писанныя лицами, служившими въ Русской арміи и блистательно участвовавшими въ Бородинскомъ боѣ, которые могли бы быть причислены къ историкамъ Русскимъ; но, какъ сочиненія ихъ писаны по Нѣмецки и изданы за границей, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ событія, то и отношу ихъ къ разряду Нѣмецкихъ; ибо иначе должно было бы причислить къ Русскимъ и Гофмана и Клаузевица, какъ тогда временно же служившихъ въ рядахъ нашихъ.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. Als Commentar etc., Breslau, 1846), говоритъ (S. 85—87):.... [75] «1-й кирасирскій корпусъ Коленкура (младшаго), который принялъ надъ нимъ команду послѣ убитаго Монбрена и раненыхъ Ватье и Де Франса, и 3-й, подъ начальствомъ Груши, должны были устремиться на укрѣпленіе съ лѣвой, а 4-й, Латуръ-Мобура, съ правой стороны: Вице-Король съ дивизіями: Морана, Жерара и Брусье получилъ повелѣніе атаковать его въ то же время съ фронта. Непріятельская (т. е., Французская) конница охватила со всѣхъ сторонъ и возвышеніе, на которомъ находилась батарея и всѣ стоящіе по близости отъ нея Русскіе баталіоны... Коленкуръ палъ; но Тильманъ, въ головѣ Саксонскихъ кирасировъ, ворвался въ укрѣпленіе чрезъ открытую его горжу. [76] Артиллеристы

ніе, но оно еще сопротивлялось, какъ это видно изъ сказанія большей части очевидцевъ, и пало только предъ тремя дивизіями пѣхоты, тогда какъ въ ней не осталось почти уже ни одного человѣка.

[75] Сохраняю сдѣсь переводъ «Военнаго Журнала», 1848 г., № 1, стр. 70 и 71.

[76] Нѣсколько далѣе Принцъ говоритъ въ этомъ отношеніи другое. Разсказавъ

частію были изрублены, частію захвачены въ плѣнъ. Другія Французскія извѣстія приписываютъ весь успѣхъ атаки 9-му и 35-му полкамъ, говоря, что они первые, подъ личнымъ предводительствомъ Вице-Короля, овладѣли высотой. Какъ бы то ни было, только въ самомъ укрѣпленіи Французы не оставили ни какихъ войскъ, по тому что сторона его, обращенная къ намъ, не имѣла ни какой фортификаціонной выгоды.

Принцъ, не будучи самъ на этомъ пунктѣ, описываетъ, какъ видѣли выше, событіе наономъ очень поверхностно, но, однако же, говоритъ положительно, что кирасиры проникли чрезъ горжу, а не переносились чрезъ ровъ и брустверъ. Изъ самаго разсказа видно, что Тильманъ ворвался въ укрѣпленіе, гдѣ многіе артиллеристы были изрублены, но не сказано, что онъ завладѣлъ укрѣпленіемъ, которое въ то же время окончательно взято пѣхотой. Относительно того, что приписывается Тильману, то это заимствовано отъ нѣкоторыхъ изъ его земляковъ.

Флигель-Адъютантъ, въ 1812 г., Полковникъ Вольцогенъ, въ послѣдствіи Прусскій Генералъ отъ инфантеріи (Memoiren. Leipzig, 1851), участникъ въ битвѣ, находясь при Барклаѣ де Толли, свѣдѣтельствуетъ (S 143—144), что Мюратъ приказалъ Коленкуру взять укрѣпленіе съ тыла, между тѣмъ какъ Вице-Король, съ тремя пѣхотными дивизіями, приступитъ съ фронта и съ правой стороны. Часть Французской конницы пошла на Русскую пѣхоту, а Тильману, съ Саксонскими кирасирами, удалось войти въ укрѣпленіе, которое между тѣмъ, послѣ упорнаго боя, взято пѣхотой Вице-Короля, и плѣненъ Генералъ Лихачовъ.

Сдѣсь ясно, что редутомъ, какъ это и было, овладѣла пѣхота, конница же тутъ, какъ говорится, только гарцовала, а Тильманъ приплетенъ, какъ Нѣмецъ: нужно же было показать, что и мы, де, пахали и торжествовали надъ Русскими.

взаимныя атаки нашей конницы съ непріятельскою, присовокупляетъ: «Дѣло кончилось тѣмъ, что пѣхота Вице-Короля удержалась на возвышеніи батареи, а Русскіе за Горжскимъ оврагомъ» и т. д.

Прекращаю дальнѣйшую выписку изъ Нѣмецкихъ повѣтствователей, коихъ сдѣсь, болѣе или менѣе извѣстныхъ, [77] приведено двадцать, независимо отъ трехъ указанныхъ Г. Богдановичемъ. Приводя болѣе, оказался бы тотъ же итогъ, о которомъ замѣчу при приведеніи источниковъ Французскихъ и другихъ, а равно и нашихъ.

Теперь приведу повѣтствованія Французовъ, и начну съ Генерала Маркиза Шамбре, котораго Г. Богдановичъ, для составленія своей Исторіи, избралъ изъ всѣхъ, какъ болѣе правдиваго и безпристрастнаго, но въ изложеніи эпизода овладѣнія центральной батареей, конечно, заподозрилъ его, вмѣстѣ со всѣми Французами участниками, и не призвалъ ни одного изъ нихъ къ засвѣдѣтельствованію.

Маркизъ Шамбре, артиллерійскій Полковникъ, въ послѣдствіи Генералъ (Histoire de l'expédition de Russie, avec atlas etc. Paris, 1825, in 8, 3 vol.), положительно говоритъ (t. 1, p. 71, 72), что Коленкуръ, въ головѣ дивизіи Ватье, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, пріобрѣтя успѣхи въ атакѣ нашихъ линій, повернулъ на лѣво (а не на право, какъ пишетъ Г. Богдановичъ), атаковалъ войска, стоявшія тотчасъ за батареей, и потомъ проникъ въ оную чрезъ горжу (а не переносился ни чрезъ ровъ, ни чрезъ брустверъ), въ то время, какъ прямо на редутъ подходила пѣхота Вице-Короля, а о Тильманѣ и Саксонцахъ ни слова.

---

[77] Клаузевицъ, въ описаніи Бородинской битвы, почти ни чего не говоритъ объ этомъ эпизодѣ, но за то, на страницѣ 158, изволилъ сказать, что въ Бородинѣ съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало двѣ тысячи пушекъ! Это простительно Керъ-Портеру, дающему, на стр. 154, то же число орудій, и Бретонъ де ла Мартиньеру, на стр. 44; но Французамъ это ни по чемъ. Такъ въ жизнеописаніи Генерала Фріана находимъ, что Преображенскій полкъ подъ Бородиномъ потерялъ (p. 239) 3600 человѣкъ!!, а въ жизнеописаніи Наполеона (L'Empereur Napoleon. Paris, 1837, p. 141) prince Rimniskou Golonitcheff Koutousoff! Pouttourlin! Кажется, авторъ, обогатившій изданіе свое множествомъ гравюръ работы Réveil-я, въ 25 лѣтъ могъ вычитать настоящія имена, имъ приводимыя. «Въ пятидесятилѣтіи Бородинской битвы» приведено нѣсколько подобныхъ примѣровъ, и, если обстоятельства позволятъ, я соберу всѣ такіе курьезы въ одно цѣлое.

Генералъ Пеле (Bibl. hist. et milit. 1853, t. VII), лучше многихъ описавшій Бородинскую битву, [78] свѣдѣтельствуетъ (p. 527), что Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе съ тыла, и въ то же время, чрезъ брустверъ, проникала помянутая пѣхота, и опять нѣтъ и помина о Тильманѣ и о Саксонцахъ.

Лабомъ, Полковникъ Генеральнаго Штаба, находившійся при Вице-Королѣ (Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Sixième édit. Paris, 1820), а по тому не только что свѣдѣтель, но и близкій дѣятель въ описываемомъ эпизодѣ, излагаетъ оный съ особенными подробностями, не встрѣчаемыми у другихъ историковъ. [79] Разсказавъ удачную атаку кавалерійскихъ корпусовъ, направленныхъ Мюратомъ на Семеновскую возвышенность (plateau), присовокупляетъ (p. 150 — 155): «Вице-Король, желая воспользоваться этою рѣшительною минутою, тотчасъ дѣлаетъ распоряженіе для совокупной, дружной атаки большой батареи 1-ю, 3-ю и 4-ю дивизіями. По постройкѣ въ боевовой порядокъ, войска этѣ бодро двинулись впередъ; они шли на укрѣпленіе, когда всѣ орудія онаго дѣйствовали картечью, внося въ ряды наши опустошеніе и ужасъ. Сначала солдаты поколебались отъ такой гибельной встрѣчи. Замѣтивъ это, Вице-Король воспламенялъ ихъ къ храбрости, напоминаніемъ каждому полку прежнихъ ихъ подвиговъ, одному онъ говорилъ: «Сохраните за собой ту храбрость, которая доставила вамъ названіе непобѣдимыхъ!» другимъ: «Помните, что ваша слава зависитъ отъ сегодпишняго дня!» потомъ, обратясь къ 8-му линейному полку, онъ, съ волненіемъ, вскричалъ: «Храбрые солдаты! Вспомните, что въ Ваграмѣ вы были со мной, когда мы прорвали

---

[78] Пеле былъ начальникомъ Штаба пѣхоты, Онъ разставлялъ войска и самъ водилъ части, по тому присовокупляетъ, что, по занятіи укрѣпленія, Французы опрокинули пушки изъ опасенія, что если мы опять возьмемъ редутъ обратно, какъ это было утромъ, то чтобы не могли изъ нихъ дѣйствовать.

[79] Я сохраню разсказъ этотъ вполнѣ; ибо онъ, при описаніи эпизода, не можетъ быть исключенъ, какъ свѣдѣтельствующій о той геройской оборонѣ, которую оказали защитники укрѣпленія, и т. д.

центръ непріятеля.» Такими словами, но болѣе личнымъ примѣромъ, онъ возбудилъ ихъ мужество, такъ что вездѣ послышался трепетный голосъ радости, и всѣ опять двинулись впередъ [80] на укрѣпленіе, поклявшись честью, что ни пули, ни ядра, ни раны, не вынудятъ ихъ отступить ни на шагъ. Вице-Король, объѣзжая ряды, приказывалъ атаковать съ хладнокровіемъ, и направлялъ наступленіе, возбуждая дивизію Брусье, между тѣмъ, какъ Генералъ Нансути, въ головѣ тяжелой кавалеріи Генерала Сенъ-Жермена, атаковалъ то, что находилось вправо, и очищалъ равнину до оврага сожженной деревни. Бригада карабинеровъ, подъ начальствомъ Генераловъ Польтра и Шуара, одинаково шла въ головѣ, обращая всѣхъ, которые осмѣливались воспротивляться. Они покрыли себя славой одинаково, какъ и конные егеря Пажоля. Генералъ Монбренъ, въ головѣ своей конницы, окончилъ славную свою жизнь, когда бригада кирасиръ, принадлежавшая къ его же корпусу, получила приказаніе атаковать непріятеля, который тутъ встрѣтится, [81] и дебардировать большую батарею, дѣйствующую во флангъ всей нашей конницѣ. Въ одно мгновенье эта бригада (въ которой, въ числѣ другихъ, находился 5-й кирасирскій полкъ), подъ начальствомъ Коленкур'а, бросилась на укрѣпленіе, и представила нашимъ удивленнымъ взорамъ чудесное зрѣлище: все это возвышеніе, которое господствовало надъ нами, казалось движущеюся желѣзною горой: блескъ оружія, касокъ и кирасъ, отражая солнечные лучи, смѣшивались съ огнемъ пушекъ, метавшихъ смертью во всѣ стороны, представляли изъ

---

[80] Опять! слово знаменательное въ устахъ участника, доказывающее дѣятельную оборону храбрыхъ защитниковъ, которые, угрожаемые со всѣхъ сторонъ торжествующею конницею, могли огнемъ своимъ остановить три пѣхотныя дивизіи такъ, что требовались необыкновенныя усилія, чтобы заставить ихъ вновь тронуться впередъ. Жаль, что все это исключено изъ нашей Отечественной Исторіи, и, не говоря уже о печеныхъ яблокахъ на деревьяхъ и о многомъ, тому подобномъ, внесенномъ въ страницы ея, но и въ самомъ эпизодѣ этомъ выше упомянутый разсказъ историка-участника, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ, могъ бы найти мѣсто гораздо приличнѣе, нежели многое, разсказанное Шрекенштейномъ, который, какъ замѣчено выше, смутно припоминаетъ то, что «описываетъ». Лабомъ же писалъ тотчасъ послѣ войны.

[81] Пространство это между Семеновской и центральной батареями.

укрѣпленія видъ вулкана среди арміи. Непріятельская пѣхота, стоявшая близъ оврага, находящагося за укрѣпленіемъ, произвела столь ужасный залпъ на нашихъ кирасиръ, что заставила ихъ удалиться; тогда наша пѣхота заступаетъ ихъ мѣсто; она поддерживается 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Груши, коего полки, подъ начальствомъ Генераловъ: Лагусе, Шателя, Тири и Доманже, и Полковниками: Лафона, Бріяна и Талуе, опрокидываютъ все, что имъ встрѣчается; Адъютанты: Карбонель, Тюрень, Грамонъ и Дюфоръ ранены около Генерала Груши; самъ онъ скоро раненъ осколкомъ гранаты, но при видѣ, что укрѣпленіе скоро будетъ нашимъ, онъ забываетъ, что кровь его течетъ. Наши войска (т. е., конница), дебардировавъ ретрашаменты, производятъ ужасное избіеніе Русскихъ, которыхъ всѣ усилія обращены были, чтобы намъ не восторжествовать овладѣніемъ оныхъ. Вице-Король и его Штабъ, не смотря на страшный непріятельскій огонь, идя въ головѣ дивизіи Брусье, впереди 7-го и 13-го легкаго, 21-го и 30-го линѣйныхъ полковъ, бѣглымъ шагомъ вошли въ укрѣпленіе черезъ горжу и избили артиллеристовъ на ихъ пунктахъ.» [82] Пропускаю эпизодъ столкновенія кавалергардовъ и другой конницы съ Французскою, и потери, ею понесенныя. Лабомъ продолжаетъ: «Внутренность укрѣпленія представляла ужасающую картину. Трупы лежали кучами, и между ними много раненыхъ, коихъ вопли не могли быть внимаемы; всѣхъ оружій люди, разбросанно покрывали пространство внутри укрѣпленія; нарапеты, въ половину разрушенные, имѣли всѣ свои гребни сбитыми, а амбразуры замѣчались только по пушкамъ; но большая часть пушекъ была опрокинута, и отдѣльно отъ своихъ разбитыхъ лафетовъ. [83] Среди этого безпорядка я замѣтилъ одного Русскаго артиллериста, имѣвшаго въ петлицѣ три ордена: этотъ храбрый подавалъ еще признаки жизни. Въ одной рукѣ онъ держалъ обломокъ шпаги, а другою крѣпко прижималъ къ себѣ

[82] Здѣсь Лабомъ упоминаетъ о молодомъ Сенъ-Марселинѣ, который первый изъ Штаба Вице-Короля вскочилъ въ укрѣпленіе, получилъ въ затылокъ сабельный ударъ, награжденъ крестомъ почетнаго легіона, присовокупляя, «что эта схватка навсегда останется достославной для Штаба 4 корпуса,» т. е., Вице-Короля.

[83] Очень естественное явленіе..., что пояснится въ своемъ мѣстѣ.

пушку, которая такъ хорошо ему служила. Непріятельскіе солдаты, на которыхъ возложена была защита этого укрѣпленія, предпочли лучше умереть, нежели сдаться; то же было бы и съ Генераломъ, который ими начальствовалъ, если бы уваженіе, внушенное его мужествомъ, не спасло ему жизни. Этотъ почтенный воинъ обѣщалъ умереть на своемъ посту, и хотѣлъ сдержать свое слово: оставшись однимъ изъ всѣхъ, онъ бросился на насъ, чтобы получить смерть: солдаты готовы были зарѣзать его, если бы честь имѣть такого плѣнника не остановила жестокость ихъ. Вице-Король, желая почтить въ немъ несчастное мужество, передалъ его Полковнику Асселину, для препровожденія къ Императору.»

Кажется, Лабомъ заслуживалъ бы ссылки преимущественно не только что предъ Шрекенштейномъ, да и предъ многими другими, но, конечно, почтенный исторіографъ нашъ имѣлъ на это свои причины не вѣрить ему сдѣсь, а вѣрить тамъ, гдѣ показанія его скорѣй сомнительны, нежели достовѣрны; но во всякомъ же случаѣ такого дѣятеля въ описываемомъ эпизодѣ обойти было нельзи, не опровергнувъ критически его разсказы.

Ассоланъ (Camp de Russie en 1812, par Alfred Assolant. Paris, 1866), говоря объ атакѣ этой батареи, присовокупляетъ (p. 179), что Коленкуръ, поворотивъ назадъ влѣво, овладѣлъ укрѣпленіемъ, и убитъ въ лобъ изъ biscaïen [84] (большаго ружья).

Полковникъ Шапюи, которому исторія кампаніи 1812 г. такъ обязана разъясненіемъ многихъ эпизодовъ, между прочимъ, въ замѣчаніяхъ на предшествовавшихъ ему повѣствователей на этомъ поприщѣ, говоритъ (Bibliot. hist et milit. t. VII, p. 568), что 4-й кирасирскій полкъ (Коленкуръ) проникъ въ редутъ съ тыла; и далѣе, поясняя сказанное Генераломъ Фезансакомъ, что кирасиры, овладѣвшіе редутомъ, были изгнаны, но что потомъ онъ былъ взятъ пѣхотой Вице-Короля, присовокупляетъ (p. 591),

---

[84] Ни какихъ biscaïen въ рукахъ Бородинцевъ не было; да и вообще въ арміи, съ 1807 года, когда я началъ службу, такихъ ружей и въ употребленіи войсками не встрѣчалъ.

что «голова 5-го кирасирскаго полка (Коленкуръ) проникла въ редутъ чрезъ горжу, но изгнана изъ онаго Русскими, храбро защищавшимися. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ такой борьбы непріятельскія войска, стоявшія за укрѣпленіемъ, произвели столь сильный ружейный и пушечный огонь на кирасиръ, какъ вторгнувшихся въ редутъ, такъ и находившихся внѣ онаго, что 5 кирасирскій полкъ былъ принужденъ отступить; но въ то самое время, когда онъ оставлялъ редутъ, 21-й, 17-й, 9-й и 35 полки лѣзли чрезъ брустверъ и вступили въ бой съ тѣми, которые не подпали подъ палаши кирасиръ. Дивизіонный Генералъ Лихачовъ былъ взятъ въ плѣнъ.» и пр. Что же можетъ быть яснѣе: пѣхота, штурмовавшая укрѣпленіе съ фронта, овладѣла онымъ и взяла Лихачова въ плѣнъ тотчасъ послѣ, какъ кирасиры были изгнаны!

Баронъ Денье (Itinéraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812 etc. Paris, 1842) говоритъ (p. 76, 77): «Непріятель упорно противостоитъ, но въ особенности являетъ онъ энергическое упорство въ центрѣ; роковой редутъ [85] опустошаетъ ряды наши; онъ взятъ, отбитъ, опять взятъ, и вновь оспариваемъ. Наполеонъ, въ нетерпѣніи прекратить взаимное избіеніе, отдаетъ приказаніе овладѣть этой гигантской батареей съ эполементами и рвами. [86] Коленкуръ, разсудивъ, что пѣхоту должно ободрить, располагаетъ атаку и, обойдя редутъ, проникаетъ (слѣдовательно, съ тыла чрезъ горжу), и падаетъ въ ономъ мертвымъ. Пѣхота поддерживаетъ это движеніе. Ожесточеніе одушевляетъ всѣ сердца; забываютъ все, чтобы вырвать только побѣду изъ рукъ непріятеля; Русскіе защищаются какъ львы; Французы сражаются какъ герои» и т. п.

---

[85] Каждый разъ, какъ приходится говорить о немъ, невольно съ грустью припоминаешь совѣтъ Беннингсена. Если эта не оконченная батарея, подобная полумѣсяцу, могла столько озабочивать непріятеля, то что бы произвелъ редутъ съ прорѣзанными кругомъ амбразурами, съ двойнымъ числомъ орудій и четырьмя батальонами!!

[86] Слишкомъ преувеличено—для хвастливости.

Генералъ Графъ Солтыкъ, находившійся при Наполеонѣ (Napoleon en 1812, mém. hist. et milit. de la campagne de Russie, etc. avec une carte. Paris, 1836, gros in 8°), говоритъ (p. 239—240), что въ головѣ втораго кавалерійскаго корпуса шелъ Коленкуръ; въ началѣ конница эта атаковала корпусъ Остермана, и потомъ, смѣлымъ фланговымъ движеніемъ на лѣво (а не на право), обошла большую батарею (центральную), въ которую 5 кирасирскій полкъ, шедшій въ головѣ (а не въ послѣднемъ эшелонѣ), проникъ, чрезъ горжу, въ батарею. Но артиллерія оной была уже разстроена [87] и пѣхота Вице-Короля вскорѣ послѣ подошла къ оной съ фронта и овладѣла ею». И сдѣсь нѣтъ ни слова о томъ, чтобы кирасиры переносились чрезъ ровъ и брустверъ, а ворвались въ укрѣпленіе чрезъ горжу, и что овладѣла онымъ пѣхота; нѣтъ помина о Тильманѣ и Польскихъ Генералахъ, чего бы Графъ Солтыкъ не упустилъ сдѣлать, онъ, который упоминаетъ не только что о подвигахъ, но и о каждомъ шагѣ своего родича Поляка. [88]

Генералъ-Адъютантъ Наполеона, Раппъ (Mémoires. Paris, 1823) свѣдѣтельствуетъ то же (p. 205), что Коленкуръ проникъ въ редутъ съ тыла, и присовокупляетъ, что одинъ солдатъ, скрыв-

---

[87] Она могла очень потерпѣть отъ ужаснаго и продолжительнаго огня многочисленной непріятельской артиллеріи, но не была разстроена; ибо въ то самое время, какъ Коленкуръ появился въ горжѣ, наше укрѣпленіе производило убійственный еще огонь на наступающую на оную пѣхоту, что свѣдѣтельствуется Лабомомъ и множествомъ другихъ очевидцевъ-повѣствователей, не иначе называющихъ это укрѣпленіе, какъ fatale, terrible и т. п.

[88] Замѣчательно, что и сдѣсь Графъ Солтыкъ ищетъ изливать злобу противъ Русскихъ вымыслами, самыми пошлыми, о которыхъ ни одинъ изъ другихъ повѣствователей не упоминаетъ; такъ, на примѣръ, о представленіи Наполеону Г. Лихачова съ какимъ-то вымышленнымъ Адъютантомъ, тогда какъ одинъ изъ его Адъютантовъ, Капитанъ Калмаковъ, былъ раненъ и не попалъ въ плѣнъ, другой Адъютантъ Левенштернъ былъ посланъ къ Капцевичу, и уже не могъ возвратиться въ укрѣпленіе, въ это время взятое; о найденномъ зарядѣ, составленномъ изъ гвоздей и желѣзныхъ отрубковъ и т. п., и отзывъ о семъ Наполеона, съ множествомъ другихъ вымышленныхъ безобразностей, приписываемыхъ Русскимъ.

шійся въ амбразурѣ, убилъ его на повалъ; но чѣмъ и какъ, не говоритъ.

Унгернъ, въ образцовомъ твореніи своемъ (Des exploits et des vicissitudes de la cavallerie etc. Bataille de Borodino. Journal des sciences milit. etc. 1849, № 28, статья помѣщенная въ нѣсколькихъ нумерахъ), свѣдѣтельствуетъ то же, что 5 кирасирскій полкъ, послѣ извѣстной атаки цѣлымъ корпусомъ, повернулъ на лѣво и бросился въ редутъ чрезъ горжу. «Правда, присовокупляетъ Унгернъ, что послѣ огромныхъ потерь и самого Коленкура, кирасиры принуждены были оставить редутъ, и что Русская конница одно время отбила атаку Французской; но вторая атака, произведенная Саксонскою кирасирскою бригадой Тильмана, имѣла лучшій успѣхъ и окончательно облегчила Французамъ обладаніе этой знаменитой батареей, которую пѣхота Вице-Короля скоро и заняла» и пр. Сдѣсь ясно, что Тильманъ поддержалъ Французскую конницу, которая подалась было назадъ, и тѣмъ облегчилъ пѣхотѣ Вице-Короля овладѣть батареей. Если бы Тильманъ, какъ говоритъ Генералъ Богдановичъ, на основаніи засвѣдѣтельствованія только Шрекенштейна, переносился чрезъ ровъ и брустверъ въ батарею послѣ того, какъ изъ оной выгнаны были кирасиры Коленкура, то, конечно, Унгернъ, посвятившій трудъ свой специяльному изложенію дѣйствій конницы, ни какъ бы не упустилъ сказать о томъ. Но онъ объясняетъ событіе вѣрно, какъ это будетъ видно далѣе.

Офицеръ Французскаго Генеральнаго Штаба, въ классическомъ твореніи своемъ (Mémoires pour servir à l'hist. de la guerre entre la France et la Russie en 1812, par un officier de l'etat-major de l'armes François etc. 2 vol. in 4), говоритъ (t. I, p. 185) то же, что и всѣ вышеназванные участники и очевидцы, т. е., что Коленкуръ, послѣ успѣшной общей атаки, перешедши за линію большой батареи, поворотилъ влѣво съ 5 кирасирскимъ полкомъ, и вторгнулся въ оную чрезъ горжу. Но огонь батареи и пѣхоты 24 дивизіи, стоявшей за оврагомъ, раздѣляющимъ оба редута, [89] принудилъ кирасиръ очистить оный. Между тѣмъ дви-

[89] Сдѣсь сочинитель разумѣетъ орудія, стоявшія чрезъ дорогу отъ Горокъ; ибо

женіе 4 корпуса (Вице-Короля) продолжалось, и 21, 17, 9 и 34 полки окружили батарею съ фронта и фланговъ, и вошли въ оный, когда кирасиры очищали его.

Графъ Сегюръ (Hist. de Napoleon et de la grande armée pendant l'anne 1812, 4-e édit. Bruxelles, 1825, in 8, 2 v.) разсказываетъ (t. I, p. 297), что, когда, по смерти Монбрена, Коленкуръ принялъ начальство надъ корпусомъ, Мюратъ, указавъ ему на вновь выставленныхъ Русскихъ, сказалъ, что надо ихъ опрокинуть до линіи горжа ихъ большой батареи, и что между тѣмъ какъ легкая кавалерія будетъ пользоваться своими успѣхами, онъ, «Коленкуръ, долженъ внезапно повернуться съ своими кирасирами влѣво, чтобы взять въ тылъ этотъ ужасный (terrible) редутъ, котораго фронтъ поражалъ еще Вице-Короля. [90] Коленкуръ, исполнивъ это, былъ убитъ пулей,» и присовокупляетъ, что, когда происходила эта атака, Вице-Король, увидѣвъ, что редутъ прекратилъ противъ него огонь, поспѣшилъ раздѣлить побѣду и увѣнчалъ оную овладѣніемъ укрѣпленія. [91] Ни слова о Тильманѣ и пр. Генералъ Гурго, не прощающій Сегюру ни одной, такъ сказать, запятой, умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ.

Баронъ Фенъ, Секретарь Наполеона и Архивистъ его (Manuscrit de mil-huit-cent douze, etc. Paris. 1812, grand in 8, 2 v.) пи-

---

другихъ батарей или редутовъ въ право отъ центральной до Горокъ не было, хотя на нѣкоторыхъ иноземныхъ планахъ это и показано. Въ разныхъ и другихъ мѣстахъ стояли орудія, но безъ искуственнаго прикрытія.

[90] Сегюръ приписываетъ Мюрату мысль объ овладѣніи укрѣпленіемъ съ тыла, а Вине, издавшій Записки Графа Бельяра, говоритъ (t. I, p. 31), что мысль взять этотъ редутъ съ тыла была дана Мюрату Графомъ Бельяромъ; дружба ихъ извѣстна. Канфигъ же, какъ увидимъ далѣе, приписываетъ это Наполеону. Но тутъ едва ли было какое либо предварительное соображеніе этого рода; мнѣ кажется, оно родилось внезапно въ головѣ двадцатишестилѣтняго Корпуснаго Командира послѣ успѣшно-произведенной предъ тѣмъ атаки.

[91] Прекращенія огня противъ наступающей пѣхоты не было; напротивъ свидѣтельствуется, что картечь опустошала ряды ея и что во рву и на разбитомъ брустверѣ защищались еще чѣмъ могли. Фразъ у Графа Сегюра достаточно.

шетъ (t. II, p. 35, 36), что Коленкуръ вторгнулся въ редутъ съ тыла въ то время, когда Вице-Король штурмовалъ брустверъ.

Мортонваль (Hist. de la guerre de Russie en 1812. Portaits, plans et cartes. Paris, 1829) разсказываетъ (p. 275), что Коленкуръ, послѣ успѣшной атаки, обращается назадъ, влѣво на тылъ укрѣпленія, и беретъ оное. Огонь съ Русскихъ батарей и пѣхоты 24 дивизіи осыпаетъ его; онъ падаетъ мертвымъ. Малое число кирасиръ, избавившихся отъ этого убійственнаго огня, оставляютъ свои пріобрѣтенія, но Вице-Король, съ 21, 17, 9 и 35 полками, штурмуютъ укрѣпленіе съ фронта и фланговъ, и врываются въ оное въ то время, какъ кирасиры оставляютъ его. Пѣхота производитъ ужасную бойню надъ оставшимися послѣ конницы. Укрѣпленіе взято, и Генералъ Лихачовъ плѣненъ.

Генералъ Водонкуръ (Hist. polit. et milit. du Prince Eugène Napoleon, Vice-Roi d'Italie. Paris, 1828) разсказываетъ (t. II, p. 103), что Король Неаполитанскій, увидѣвъ распоряженія Вице-Короля и желая воспользоваться онымъ, приказалъ 2-му кавалерійскому корпусу атаковать пѣхоту и стараться проникнуть до центральнаго укрѣпленія. Коленкуръ, опрокинувъ двѣ линіи Русскихъ, въ головѣ 5-го кирасирскаго полка ворвался въ укрѣпленіе чрезъ горжу, но непріятель, стоявшій за онымъ, заставилъ нашу конницу покинуть батарею; Коленкуръ былъ убитъ. Почти въ то же время Вице-Король наступалъ, и непріятель, только что вновь занявшій укрѣпленіе, [92] былъ опять атакованъ. Пѣхотные полки (пропускаю одни и тѣ же названія) вторгнулись въ оное. Все, что тутъ было, убито, а Генералъ взятъ въ плѣнъ.

Форъ (Faur), корпусный Докторъ 1-го кавалерійскаго корпуса, во время войны 1812 года (Souvenirs du nord, ou la guerre de Russie. Paris, 1821) говоритъ (p. 55), что 5-й кирасирскій полкъ вскочилъ въ укрѣпленіе, и тѣмъ облегчилъ пѣхотѣ овладѣніе онымъ.

---

[92] Пѣхота не оставляла укрѣпленія, но она отстаивала оное до послѣдней минуты, до послѣдняго человѣка.

Генералъ Фезензакъ (Souvenirs militaires de 1804 à 1814. Paris, 1863), говоритъ только (p. 235), что Коленкуръ былъ убитъ въ редутѣ.

Дю-Кассъ (Mémoires etc. corresp. polit et milit. du Prince Eugène etc. Paris, 1859) приводитъ (t. VIII, p. 8), что, когда Вице-Король возвратился съ лѣваго фланга и устроивалъ пѣхоту въ наступательный порядокъ на центральную батарею, Коленкуръ бросился на лѣвую сторону укрѣпленія и маршъ маршемъ (pas de charge) вскочилъ въ оное чрезъ горжу.... Коленкуръ убитъ, а уцѣлѣвшіе кирасиры вынуждены были очистить укрѣпленіе. Но въ это время подходила пѣхота Вице-Короля (пропускаю тѣ же именованія дивизіи и полковъ) и «въ свою очередь уже окончательно овладѣла онымъ. Всѣ, защищавшіе оное, были убиты, или плѣнены. [93] Лихачовъ былъ взятъ.» Далѣе, въ представленіи Вице-Короля молодаго Сенъ-Марселлена къ кресту, читаемъ: «храбрость, имъ оказанная, при взятіи укрѣпленія, неоспорима.» Изъ сего ясно, что бой, при овладѣніи бруствером, происходилъ, Сенъ-Марселленъ былъ раненъ въ шею бѣлымъ оружіемъ. Генералъ Ланаберъ и многіе другіе были тутъ убиты.

Наконецъ 18-й бюллетень, излагая Бородинскую битву, положительно говоритъ, что Коленкуръ, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, проникаетъ въ редутъ чрезъ горжу и убитъ ядромъ и т. д. Положимъ, что отчеты бюллетеней не всегда признавались вѣрными, но въ этомъ случаѣ нѣтъ уже ни какого повода подозрѣвать бюллетень въ неточности: онъ былъ написанъ въ то же время, и, конечно, братъ убитаго, Оберъ-Шталмейстеръ, видѣлъ трупъ павшаго.

И такъ, по повѣствованію приведенныхъ выше нѣсколькихъ Нѣмецкихъ и Французскихъ историковъ, бывшихъ дѣятелями въ Бородинской битвѣ и описавшихъ ее, ни одинъ не говоритъ того, о чемъ разсказываетъ Генералъ Богдановичъ. Прежде,

---

[93] Плѣнныхъ не было, кромѣ лежавшихъ раненыхъ, но изъ нихъ, конечно, ни одинъ не остался въ живыхъ.

тѣмъ сдѣлать общій выводъ о разсматриваемомъ предметѣ, приведу къ свѣдѣтельствованію объ этомъ эпизодѣ повѣствованіе нѣсколькихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, историковъ, имѣвшихъ всю возможность почерпать свѣдѣнія отъ участниковъ въ событіяхъ.

Генералъ Саразенъ (Hist. de la guerre de Russie etc. Paris, 1815) говоритъ, что Коленкуръ съ кирасирами врывается въ редутъ чрезъ горжу.

Въ описаніи революціонныхъ войнъ (Tableau des guerres de la révolution etc. Paris, 1838) сказано (p. 429), что кирасиры Коленкура, поддерживаемые огнемъ 80-ти орудій, соединенныхъ съ Фріаномъ, опрокидываютъ все, имъ встрѣчающееся, проникаютъ въ редутъ чрезъ горжу; Коленкуръ убитъ, а кирасиры, осыпанные ядрами, оставляютъ это «роковое» покореніе, и Вице-Король беретъ укрѣпленіе.

Въ Beautés, victoires, et combats etc. (p. 240,) говорится, что бригада кирасиръ, бросившаяся въ редутъ, потрясенная отъ неожиданнаго залпа пѣхоты, скоро была вынуждена отступить, но на мѣсто ихъ пѣхота Вице-Короля бросается на редутъ и вторгается въ него чрезъ горжу. [94]

Въ Trophées des armées Françaises (Paris, 1819 — 1820, t. V, p. 124—125) этотъ эпизодъ описывается такъ: «5-й кирасирскій полкъ проникъ въ редутъ чрезъ горжу, но не могъ утвердиться. Артиллерія, стоящая за оврагомъ, понудила его тотчасъ удалиться. Коленкуръ палъ, смертельно раненый ядромъ. Вице-Король бросился на редутъ, и овладѣлъ онымъ.»

Сентъ-Илеръ (Hist. de la camp. de Russie pendant l'année 1812. Paris) говоритъ (t. II, p. 22), что «Коленкуръ круто повернулъ назадъ на лѣво и чрезъ горжу съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ ворвался въ укрѣпленіе. Но непріятельская пѣхота, стоявшая за оврагомъ, принудила ихъ отступить. Между тѣмъ (p. 23) Фран-

---

[94] Часть оной дѣйствительно могла пройти и въ горжу.

цузская пѣхота, окруживъ укрѣпленіе съ фронта и фланговъ, проникла въ оное.... артиллеристы не хотѣли сдаваться и всѣ переколоты; Лихачовъ взятъ въ плѣнъ.»

Лавале (Hist. des Français etc. Paris, 1838 — 1840) пишетъ (t. V, p. 545): «кирасиры Колекура проникаютъ въ редутъ чрезъ горжу, а пѣхота Лапабора штурмомъ чрезъ парапетъ.»

Биньйонъ (His de France depuis le commencement de la guerre de Russie jusqu'à la deuxième restauration. Bruxelles, 1846) разсказываетъ (p. 39), что «послѣ извѣстной атаки линій, Коленкуръ вдругъ обращается назадъ и вторгается въ редутъ, чрезъ горжу, въ то самое время, когда штыки Вице-Короля штурмуютъ парапетъ.

Капфигъ (L' Europe pendant le consulat et l'empire de Napoleon. Paris, 1840, in 8, 12 v.), повѣствуетъ (p. 274 — 275), что «когда донесли Наполеону о смерти Монбрена, то, обратившись къ Коленкуру, онъ сказалъ ему: «Allons, Kolincourt à la redoute! Vous savez, qu'il nous la faut.» Кирасиры проникли чрезъ брешь,[95] опрокинутые Русскіе умираютъ на пушкахъ, не трогаясь съ нихъ. Тогда Вице-Король, прикрываемый конницею, вторгается въ редутъ.»

Въ собраніи Французскихъ побѣдъ и пр., сочиненіи, писанномъ тотчасъ послѣ войны обществомъ военныхъ людей (Victoires, conquêtes, désastres, revers etc. des Français de 1792 à 1815. Paris, 1820), при описаніи Бородинскаго сраженія, объ эпизодѣ центральной батареи говорится (t. XXI, p. 211)):... «Коленкуръ, въ головѣ кирасирской дивизіи Ватье, опрокинулъ все встрѣченное, а послѣ послѣдней атаки нашедшись за нею, поворотилъ назадъ на лѣво и проникнулъ въ батарею чрезъ горжу, но пѣхота, стоявшая за нею, принудила кирасиръ оставить ее. Коленкуръ убитъ ядромъ. Въ это время Французская пѣхота подступила, овладѣла укрѣпленіемъ и взяла Лихачова въ плѣнъ.

---

[95] Подъ словомъ брешь Капфигъ разумѣетъ не иное что, какъ горжу; ибо брешей тутъ не было ни какихъ.

Въ эфемеридахъ (Ephémérides militaires depuis 1792 — 1815, Paris, 1820) находимъ (t. V, p. 96) тоже, что Коленкуръ повернулъ назадъ, на лѣво, и вошелъ въ укрѣпленіе черезъ горжу, по осыпанный огнемъ самой батареи и огнемъ пѣхоты; кирасиры оставили ее, и Коленкуръ былъ убитъ ядромъ. Вице-Король, увидѣвъ блистательную атаку кирасиръ, [26] двинулся для атаки центральной батареи. Войска наши (Французскія) двинулись впередъ, по картечный огонь былъ такъ силенъ, что заставилъ ихъ замяться. Вице-Король становится въ головѣ ихъ, приказываетъ подать сигналъ на приступъ со всѣхъ сторонъ и, обнаживъ шпагу, со всѣмъ своимъ штабомъ бросается на укрѣпленіе. Наши воины, одушевленные его примѣромъ, приходятъ въ движеніе, идутъ въ штыки и проникаютъ въ укрѣпленіе (не повторяю №№ полковъ), въ то время, когда Коленкуровы кирасиры оставляютъ оный.»

Изъ повѣствованія этого, какъ и изъ другихъ, которыя описывали эпизодъ съ нѣкоторою подробностію, видно, что наскокъ Коленкура на укрѣпленіе, въ которое ворвалась часть кирасиръ, немного повредилъ оному и отнюдь не ослабилъ его защиты противъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, наступившихъ на него и вынужденныхъ обороною замяться, какъ объ этомъ говоритъ и Лабомъ, близкій участникъ въ эпизодѣ.

Овладѣвъ укрѣпленіемъ, Вице-Король приказалъ Груши перейти оврагъ, атаковать Русскую пѣхоту, и поддерживалъ это нападеніе. И сдѣсь, какъ и вездѣ почти, объясняется присутствіе Тильмана при овладѣніи укрѣпленіемъ, но онъ его не бралъ и воспѣтъ только своими соотечественниками, которые одинъ у другого перебиваютъ славу, что, дескать, мы порубили таки Русскихъ. О присутствіи тутъ Тильмана скажется въ концѣ.

Въ Исторіи битвъ и проч., сборника, составленнаго обществомъ людей военныхъ и литераторовъ, вскорѣ по окончаніи вой-

---

[26] Эта атака еще не на укрѣпленіе, а на Семеновскія высоты, съ которыхъ уже Коленкуръ повернулъ на лѣво, на центральную батарею.

ны (Histoire des batailles, sièges et combats des Français depuit 1792 jusqu'en 1815 etc, par une societé de militaires et de gens de lettres; publiée par P. Blanchard. Paris, 1818), сказано (p. 46), что «Коленкуръ, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, повернулъ назадъ, влѣво, и проникнулъ въ укрѣпленіе чрезъ горжу, но не могъ удержаться по причинѣ огня съ другихъ Русскихъ батарей и пѣхоты изъ за оврага, что и принудило его почти тотчасъ же оставить пунктъ, съ такою славою имъ пріобрѣтенный. [97] Въ то самое время, когда онъ оставлялъ его, былъ убитъ ядромъ. Непріятель не имѣлъ времени возстановить батарею, она тотчасъ же была взята (envahie) войсками Вице-Короля.»

Какъ же это envahie! Значитъ, она защищалась? Такъ это и было.

Кастельверъ (Mémorial militaire des Français par M. de Castelverd. Paris, 1846) говоритъ (p. 276): «кирасиры Коленкура и пѣхота Ланабера овладѣли укрѣпленіемъ.» Одинъ другому содѣйствовали, это такъ, но овладѣла укрѣпленіемъ пѣхота, при чемъ, какъ извѣстно, Генералъ Ланаберъ былъ убитъ.

Кальйо (Abrégé de la camp. des Français contre les Russes jusq'au mais de Decembre 1812 etc., par Ant. Caillot. Paris, 1813) говоритъ (p. 212), что Коленкуръ прорвался въ укрѣпленіе съ лѣвой стороны и убитъ ядромъ.

Рульйонъ-Пети (Campagnes mémorables des Français depuit l'époque de l'expédition d'Égypte à 1815. Paris, 1817, grand in fol. 2) пишетъ (t. II, p. 112): «Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе чрезъ горжу.»

Норвенъ (Hist. de Napoleon etc. 9-me édit. Paris, 1833, 5 v.) говоритъ (t. III, p. 310): «Коленкуръ вторгается въ укрѣпленіе чрезъ горжу въ то же самое время, какъ Вице-Король съ другой стороны овладѣваетъ онымъ.»

---

[97] Неоспоримо, что наскокъ былъ славный, но онъ не пріобрѣлъ батареи, слѣдовательно, не чего было и удерживать. Обычныя фразы!

Я могъ бы сдѣсь привести еще многія удостовѣренія въ противность тому, что читается объ этомъ эпизодѣ въ «Исторіи Отечественной войны 1812 г.,» но полагаю достаточнымъ заключить Французскихъ писателей двумя знаменитыми историками, изъ коихъ Генералъ Баронъ Жомини, тогда еще во Французской службѣ, и хотя не находился въ Бородинскомъ сраженіи, но былъ въ нашихъ предѣлахъ, въ арміи Наполеона, и по тому имѣлъ всю возможность писать положительно, и наконецъ Тьеръ.

Генералъ Баронъ Жомини (Vie polit. et milit. de Napoleon. Bruxelles, 1842, 2 v., g. in 8°, atlas des batailles in fol.) говоритъ (т. II, p. 227) только, что Коленкуръ проникъ въ редутъ, гдѣ нашелъ смерть, но кирасиры скоро вынуждены были оставить оный и перестроиться подъ прикрытіемъ своей пѣхоты. Нѣсколько спустя Вице-Король, съ тремя дивизіями пѣхоты, овладѣлъ редутомъ, «два раза братымъ.» Тутъ сочинитель разумѣетъ взятіе онаго по утру Генераломъ Бонами и (неопредѣленный) Коленкуромъ. [98] Главное же въ этомъ разсказѣ то, что кирасиры были выгнаны изъ редута прежде, нежели Вице-Король овладѣлъ онымъ, что согласуется и съ большимъ числомъ повѣствованій.

Тьеръ (Hist. du consulat et de l'empire. Paris, 1856, in 8), конечно прочиталъ не только все, что было напечатано относительно описываемой имъ войны, но могъ видѣть множество рукописей, не для всѣхъ доступныхъ, могъ почерпать изустныя свѣдѣнія отъ лицъ, участвовавшихъ въ борьбѣ (т. XIV, p. 341, 342). Хотя онъ описываетъ этотъ эпизодъ общими мѣстами, однако же именно говоритъ, что Коленкуръ, послѣ успѣшной атаки линій, замѣтивъ сзади себя пѣхоту Лихачова, охраняющую укрѣпленіе, внезапно поворачивается назадъ влѣво, (а не на право, и не переносится черезъ ровъ и брустверъ), бросается на оное и падаетъ мертвымъ. Вице-Король, находившійся на лѣво, въ головѣ 9-го линѣйнаго полка, à perte d' haleine, взбѣгаетъ на возвыше-

---

[98] Это неправильно; ибо Коленкуръ хотя и появлялся въ укрѣпленіи, гдѣ нѣсколько защитниковъ порублено, но онъ его не бралъ, такъ какъ въ то же время орудія съ онаго дѣйствовали губительнымъ огнемъ на наступающую пѣхоту.

ніе и, пользуясь схваткой боя и густотой дыма, беретъ штурмомъ парапетъ укрѣпленія и пр.

Въ Итальянскомъ сочиненіи (Storia della ultima guerra fra le alte potenze etc. Firenza, 1815, in 8, 42 v.) свѣдѣтельствуется, что Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе черезъ горжу и убитъ ядромъ.

Извѣстный Англійскій Генералъ, Сиръ Робертъ Вильсонъ (въ Нѣмецкомъ переводѣ: Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812. Leipzig, 1861), говоритъ (S. 131), что «Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе съ тыла чрезъ открытую горжу, но Русская пѣхота уничтожила почти всѣхъ, ворвавшихся конниковъ, Коленкуръ былъ убитъ, и укрѣпленіе осталось въ рукахъ Русскихъ, однако подоспѣвшіе четыре полка Французской пѣхоты овладѣли онымъ. Ни одинъ изъ Русскихъ не сдавался въ плѣнъ.»

Наконецъ, хотя почтенный исторіографъ нашей Отечественной войны и не даетъ ни какой вѣры нашимъ Русскимъ дѣятелямъ при Бородинѣ, но, по моему мнѣнію, они заслуживаютъ несравненно болѣе довѣрія, нежели Гофманы, Клаузевицы, Бернгарды, Шрекенштейны и другіе соратники этого Нѣмецкаго легона, изъ коихъ одни въ то время находились въ нашихъ рядахъ до окончанія войны, а потомъ обратились въ свою отечественную службу, и только чрезъ 30 и 40 лѣтъ описывали войну 1812 года, другіе бились при Бородинѣ противъ насъ, и теперь передаютъ свои подвиги, какъ они прыгали черезъ рвы и брустверы, какъ кололи, рубили и рѣзали Русскихъ, и этѣмъ ищутъ присвоить себѣ пальму первенства противъ самихъ Французовъ, которыхъ въ то время они были найпокорнѣйшими слугами. Послѣдовавшіе за ними, хотя и не бывшіе еще въ ту пору на свѣтѣ, предпочитаютъ составлять свои исторіи на основаніи тѣхъ, которыя болѣе выставляютъ подвиги ихъ единоземцевъ противъ Русскихъ, не разъ ихъ спасавшихъ.

Ѳ. Н. Глинка (Очерки Бородинской битвы. М. 1839), тогда Адъютантъ Милорадовича, слѣдовательно, близкій свѣдѣтель эпизода дѣйствій на центральной батареѣ, дѣйствій, происходившихъ на разстояніи выстрѣла отъ него, подъ его, такъ сказать, глаза-

ми (и слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній выстрѣлъ былъ не Дрейзена, не Шаспо и даже не Минье, орудій то же), въ замѣчательныхъ частными подробностями «Очеркахъ Бородинскаго сраженія,» между прочимъ, стр. 89, говоритъ: «Коленкуръ, успѣвъ обогнуть редутъ и, чрезъ тыловой въѣздъ, промчался въ самое укрѣпленіе. Коленкуръ убитъ пулею въ лобъ, [99] и 5-й кирасирскій полкъ, ошеломленный потерею Генерала и сильнымъ отпоромъ, ускакалъ прочь.» А описавъ дѣйствіе конницы съ обѣихъ сторонъ редута, на стр. 90-й продолжаетъ: «Между тѣмъ, какъ повторялись этѣ жаркія схватки около люнета, войска Вице-Короля грозно къ нему приближались. Нѣкоторые полки вытянуты, другіе сжаты въ колонны, 21-й линѣйный, изъ дивизіи Жерара, 17-й дивизіи Морановой, 9-й и 35-й изъ дивизіи Брусье, охватили редутъ съ лица и съ боку. Солдаты дивизіи Лихачова, бившіеся до послѣдней крайности (стр. 91), покрытые потомъ и порохомъ, обрызганные кровію и мозгомъ человѣческимъ, не могли долѣе противиться и защищать люнетъ. Но мысль о личной сдачѣ далека была отъ нихъ. Почти всѣ приняли честную смерть и легли костями тамъ, гдѣ стояли. Вице-Король, съ 9-мъ и 35-мъ полками, обогнулъ люнетъ съ лица и, послѣ ужасной сѣчи, сопровождаемый своимъ штабомъ, торжественно вошелъ побѣдителемъ чрезъ тыловый въѣздъ. Всѣ канониры наши побиты на пушкахъ, [100] и валялись на опрокинутыхъ лафетахъ, на искрошенномъ орудіи!» Сдѣсь замѣчу только, что батарея взята, какъ это и было, штыками, а не палашами и саблями конницы, какъ хочетъ увѣрить Г. Богдановичъ.

Радожицкій, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ (Походныя Записки артиллериста Подполковника. Москва, 1835) стоялъ съ ро-

---

[99] Сдѣсь почтенный сочинитель, конечно, писавшій очерки своевременно, могъ слышать это прежде появленія Французскихъ оффиціяльныхъ извѣстій и другихъ повѣствованій, но Г. Богдановичъ имѣлъ уже передъ глазами всѣ матеріялы, остальное же онъ могъ видѣть и передать правильно: пуля, или ядро, убившія Коленкура, не могли быть видимы, кромѣ тѣми только, которые были съ нимъ.

[100] Общее засвѣдѣтельствованіе всѣхъ иноземныхъ писателей. См. книгу: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» и пр.

той лѣвѣе Горокъ, слѣдовательно, гораздо менѣе, нежели за версту отъ центральной батареи, но, по положенію мѣстности, могъ очень хорошо видѣть, что происходило около помянутаго пункта и, конечно, тотчасъ же слышать отъ сослуживцевъ о подробностяхъ тутъ происходившей борьбы; вотъ какъ онъ описываетъ этотъ эпизодъ (т. I, стр. 118 — 119): «Коленкуръ ворвался съ тыла въ редутъ; кирасиры же его, встрѣченные внѣ онаго нашею пѣхотой, были засыпаны пулями и прогнаны съ большимъ урономъ. Между тѣмъ пѣхота непріятельская лѣзла на валъ со всѣхъ сторонъ и была опрокидываема штыками Русскихъ; ровъ наполнился трупами убитыхъ, но свѣжія колонны заступали мѣста разбитыхъ и съ новою яростью лѣзли умирать; наши, съ равнымъ ожесточеніемъ, встрѣчали ихъ и сами падали вмѣстѣ съ врагомъ. Наконецъ Французы съ бѣшенствомъ ворвались» и пр. Сдѣсь тоже видно, что пѣхота овладѣла укрѣпленіемъ послѣ того, какъ изгнаны были кирасиры Коленкура, а о Нѣмецкой конницѣ нѣтъ и помина.

А. И. Михайловскій-Данилевскій (Описаніе Отечественной войны. С. п. б., 1840) говоритъ объ этомъ эпизодѣ не съ должною отчетливостью, но, однако же, и онъ свидѣтельствуетъ, что конница ворвалась въ редутъ съ тыла, а не переносясь чрезъ ровъ и бруствeръ, и что онъ былъ взятъ пѣхотой; вотъ его слова (т. III, стр. 272): «Пока непріятельская конница, предводимая Коленкуромъ, заступившимъ мѣсто Монбрена (убитаго), врубалась въ пѣхоту 24-й дивизіи, прикрывавшую курганную батарею, а пѣхотныя колонны Вице-Короля подошли подъ самый курганъ, бывшія на немъ орудія, послѣ окончательнаго залпа, умолкли. Непріятельская пѣхота взбиралась на валъ со всѣхъ сторонъ; ее опрокидывали штыками въ ровъ, наполнявшійся трупами убитыхъ.» Далѣе—повтореніе сказаннаго Радожицкимъ о защитѣ, и за тѣмъ сочинитель продолжаетъ: «Наконецъ (значитъ, когда редутъ былъ уже взятъ пѣхотой) бывшая въ головѣ Французовъ Саксонская конница Тильмана ворвалась въ редутъ съ тыла. За Саксонцами мчался весь корпусъ Коленкура. Груды тѣлъ лежали внутри и внѣ окопа, почти всѣ храбрые его защитники пали. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, пущенныхъ съ

нашей батареи, [101] убитъ Коленкуръ.» Тутъ присовокупляется и плѣнъ Лихачова.

Сдѣсь не ясность изложенія заключается въ томъ, что въ началѣ дается понимать, какъ будьто бы конница, и именно Саксонская Тильмана, за которой мчался весь корпусъ Коленкура, ворвалась въ редутъ съ тыла, уже послѣ того, какъ пѣхота Вице-Короля, по кровопролитной и упорной борьбѣ, проникла въ оный со всѣхъ сторонъ черезъ ровъ и брустверъ; но, вникнувъ въ смыслъ разсказа въ совокупности, ясно видно, что укрѣпленіе было взято пѣхотой; а разъ это сдѣлано, не было нужды непріятельской конницѣ врываться въ оное съ тыла, да при томъ ей и не до того было, какъ видно изъ повѣствованій всѣхъ сочинителей; ей было достаточно работы около редута съ нашею конницей, на которую она и устремилась. Впрочемъ, такая неясность извинительнѣе Данилевскому и непростительна Г. Богдановичу: первый, въ скромномъ названіи книги своей «Описаніемъ» Отечественной войны разсказываетъ безъ всякихъ ссылокъ объ этомъ эпизодѣ, между тѣмъ какъ второй, подъ громкой вывѣской: «Исторія по достовѣрнымъ источникамъ,» прибѣгая къ ссылкамъ, уже обязанъ бóльшею отчетливостью и критическимъ разборомъ того, что говоритъ, на основаніи источниковъ, часто между собой несогласныхъ въ особенности же исключать изъ избранныхъ для сего ни одного слова, какъ противное тому мы видѣли въ описаніи овладѣнія центральною батареей.

Князь Н. Б. Голицынъ (Bataille de Borodino. S.-P., 1839), участникъ въ битвѣ, свѣдѣтельствуетъ, что Коленкуръ атакуетъ пространство между Семеновскимъ и центральною батареей, чтобы зайти въ тылъ этой послѣдней, и успѣлъ съ 5 кирасирскимъ полкомъ ворваться въ оный, но огонь пѣхоты прогналъ ихъ. Между тѣмъ Вице-Король подступилъ съ фронта съ пѣхотой, которая, послѣ упорной обороны, взошла въ укрѣпленіе.

---

[101] Ядро это пущено было не изъ укрѣпленія, о которомъ идетъ рѣчь, но изъ за оврага, отдѣляющаго горжу отъ прикрывавшей оную пѣхоты, при которой находилось нѣсколько орудій, поставленныхъ просто, безъ всякаго окопа.

Въ другой брошюрѣ, приписываемой Графу Толю (Bataille de Borodino et Chewardino. S.-P. 1839), говорится (p. 53, 54), что пѣхота Вице-Короля, окруживъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе, была встрѣчена штыками и опрокинута въ ровъ, уже наполненный убитыми. Свѣжія колонны бросились на возвышеніе, но и съ этѣми завязалась горячая схватка. Саксонская конница Тильмана бросилась на редутъ чрезъ горжу и, въ слѣдъ за ней, весь корпусъ Коленкура.' Коленкуръ былъ убитъ однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, ядромъ.

Сдѣсь, надо полагать, опечатка; ибо, вмѣсто корпуса Коленкура, слѣдовало бы сказать корпуса Латуръ-Мобура, которому принадлежалъ Тильманъ; во всякомъ случаѣ, всѣ безъ изъятія источники признаютъ, что первымъ былъ Коленкуръ, а не Тильманъ, который явился тогда, когда пѣхота уже подошла къ укрѣпленію. Положительно же сдѣсь то, что не переносились чрезъ ровъ и брустверъ.

Наконецъ, еще Отечественный источникъ, Бутурлинъ, на котораго, какъ замѣчено выше, Г. Богдановичъ ссылается вмѣстѣ съ Гофманомъ, Бернгарди и Шрекенштейномъ; по чему онъ соединилъ перваго съ тремя послѣдними, остается загадочнымъ, при описаніи завладѣнія центральною батареей. Разсказъ Бутурлина правиленъ, и совершенно противоположенъ разсказамъ другихъ, трехъ вмѣстѣ съ нимъ указанныхъ.

Вотъ какъ Д. П. Бутурлинъ (Исторія нашествія Императора Наполеона. Переводъ съ Франц. Г.-М. А. Хатова. Спб., 1823) описываетъ этотъ эпизодъ (т. I, стр. 281): «Генералъ Коленкуръ, съ кирасирскимъ полкомъ дивизіи Ватье, успѣвшій пробиться за люнетъ, и даже войти въ оный съ тыла съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, нашелъ тамъ смерть, а кирасиры его принуждены были оставить сіе укрѣпленіе, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса преслѣдовали непріятельскую кавалерію..... Въ то время (стр. 283), какъ сіи удачныя нападенія, производимыя съ одной стороны люнета, съ другой подступали къ нему пѣхотныя колонны Вице-Короля Италіянскаго и линейные полки: 21 отъ дивизіи Жерара, 17 отъ дивизіи Брусье, спереди и во флангъ атаковали оный.

Батальоны 24-й дивизіи Генералъ-Маіора Лихочова, оборонявшіе сіе укрѣпленіе, уже ослабленные потерями, прежде понесенными, не могли долѣе сопротивляться. Вице-Король, съ 9 и 35 полками, обойдя люнетъ слѣва, овладѣлъ онымъ; а какъ Россіяне, находившіеся въ укрѣпленіи, не сдавались въ плѣнъ, то и были побиты на голову. Генералъ Лихачовъ, одержимый болѣзнію и покрытый ранами, однако бросился въ ряды непріятельскіе,» и т. д.

Тутъ ясно и правильно: Бутурлинъ говоритъ совершенно иное, что разсказываютъ Гофманъ, Бернгарди и Шрекенштейнъ, указанные Генераломъ Богдановичемъ. Съ какою же цѣлію была ссылка на Бутурлина, совмѣстно съ тремя помянутыми Нѣмцами, когда въ разсказъ Господина исторіографа внесено только то, что пишутъ этѣ послѣдніе и ни слова изъ Бутурлина? Пожалуй, подобная совмѣстность ссылокъ можетъ существовать, но тогда слѣдовало уже разобрать критически этѣ противоположныя между собой свѣдѣтельствованія и привести читателя къ чему ни будь одному, хотя бы только приблизительно къ истинѣ; но такъ, какъ сдѣлано сдѣсь, то уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ! Не указанъ же Бутурлинъ для того только, чтобы сказать, что пѣхота наша защищала укрѣпленіе отчаянно, что всѣми безъ изъятія источниками, иноземными и нашими, единогласно свѣдѣтельствуется.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ сдѣсь двадцати Нѣмецкихъ повѣствователей (не включая въ это число трехъ, приведенныхъ Г. Богдановичемъ), тридцати пяти Французскихъ, одного Итальянскаго, одного Англійскаго и шести Русскихъ, всего шестидесяти трехъ источниковъ, большею частію очевидцевъ и дѣятелей въ описываемомъ эпизодѣ, оказывается, что все сказанное объ ономъ въ исторіи «Отечественной войны 1812 г.» представляется совершенно въ иномъ видѣ.

Во первыхъ, Коленкуръ, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ шелъ не въ послѣднемъ эшелонѣ, а въ головѣ корпуса. Во вторыхъ, онъ повернулъ не на право, а на лѣво, чтобы атаковать укрѣпленіе, какъ это всѣ и говорятъ единогласно. [102] Въ

---

[102] Впрочемъ, какъ было уже замѣчено выше, и какъ будетъ еще видно, если Г.

третьихъ, всѣ же безъ изъятія говорятъ, что Коленкуръ вторгнулся въ укрѣпленіе чрезъ горжу, тогда какъ почтенный исторіографъ нашъ говоритъ, что кирасиры Коленкура перенеслись чрезъ ровъ и брустверъ, и сказалъ это на основаніи сказаннаго Гофманомъ, Бернгарди и Шрекенштейномъ, [103] но не извѣстно, по какой причинѣ не досказалъ ими тутъ же присовокупляемое, что ровъ и парапетъ отъ огня непріятельскаго (Французскаго) и отъ свалокъ, предшествовавшихъ этому моменту, былъ утоптанъ и представлялъ вторженіе болѣе удобнымъ, нежели чрезъ горжу, по причинѣ, будьто бы, ея крутизны. За чѣмъ Г. исторіографъ нашъ упустилъ это замѣчаніе? А разница вѣдь громадная! Этѣ нѣсколько словъ трехъ Нѣмецкихъ писателей, можетъ быть и не хотя, указываютъ на легкость, которая представлялась имъ вторгнуться въ укрѣпленіе, и на то необъяснимое затруднительное положеніе, въ которомъ находились храбрые защитники укрѣпленія за такими преградами. Въ четвертыхъ, весьма немногіе, но и то только Нѣмецкіе сочинители, заимствующіе одинъ у другого, говорятъ, что послѣ того, какъ кирасиры Коленкура были выгнаны изъ укрѣпленія, оно, будьто бы, было взято Тильманомъ съ Саксонскими gardes de corps и другими, то же перенесясь чрезъ ровъ и брустверъ. [104] Въ пятыхъ, сбивчивость въ разсказѣ

Профессоръ военныхъ наукъ усвоилъ себѣ называть правое лѣвымъ, а лѣвое правымъ, то, пожалуй, движеніе Коленкура и правильно. Жаль, повторяю, что такой прогресъ въ номенклатурѣ не обнародывается.

[103] То есть, какъ замѣчено, Шрекенштейнъ былъ источникомъ для Гофмана и Бернгарди.

[104] Принимая въ соображеніе истощеніе лошадей во Французской конницѣ, о чемъ многіе изъ повѣствователей въ этотъ день упоминаютъ, невольно приводишь на память «Душеньку»,—когда, въ слѣдствіе прорицанія, сослали ее на вершину какой-то горы (куда взбиралась она въ колесницѣ на усталыхъ коняхъ):

«Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки рвы» и пр.

Какая ясность! «Кони поднимали ноги вверхъ, а не внизъ! Впрочемъ, излишняя ясность не мѣшаетъ, и Богдановичъ, пѣвецъ «Душеньки», понялъ это.

о плѣненіи Лихачова то кирасирами, то штыками, и неправильность ссылокъ и т. д., и т. д.

Свѣдѣтель эпизода, и свѣдѣтель очень близкій, я изложу оный такъ, какъ я его видѣлъ, какъ слышалъ отъ другихъ, участвовавшихъ на разныхъ пунктахъ, и наконецъ, повѣривъ и сообразивъ, тогда же внесъ въ Дневникъ.[105] Можетъ быть, разсказъ мой послужитъ къ согласованію разнорѣчій, встрѣчающихся между повѣствователями не только что различныхъ національностей, ищущихъ каждая себѣ первенства въ этомъ, дѣйствительно славномъ, подвигѣ, но и между сочинителями одной и той же народности, иногда разнорѣчащихъ отъ того только, что тотъ или другой былъ болѣе или менѣе близкимъ свѣдѣтелемъ описываемаго имъ эпизода, или видѣлъ оный не съ той точки, съ которой видѣлъ другой, или наконецъ слышалъ только разсказы отъ участниковъ о кругѣ ихъ дѣятельности, безъ общей связи. Вѣрное изложеніе защиты и овладѣніе центральною батареей одинаково славно и для насъ и для Французовъ: такіе подвиги проявляются вѣками.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу, необходимо припомнить, что центральная батарея для 18 орудій не была окончена, когда началась битва.[106] Съ разсвѣтомъ до ста орудій открыли по ней, какъ ключу всей позиціи, огонь, продолжавшійся безостановочно около двухъ часовъ, а въ исходѣ девятаго была взята, и на ней произошелъ упорный рукопашный бой двухъ непріятельскихъ колоннъ съ нашими батальонами, осилившими врага,

---

[105] Въ послѣдствіи, не разъ встрѣчаясь съ участниками какъ этого эпизода, такъ и вообще съ бывшими въ Бородинскомъ сраженіи, я пополнялъ и согласовалъ то, что было уже мною современно занесено; отъ нѣкоторыхъ имѣю письменные разсказы и т. д.

[106] На половину амбразуры не были еще одѣты фашинами: Ровъ, а по тому и брустверъ, въ особенности на флангахъ: первый не имѣлъ предположенной глубины и ширины, второй надлежащей вышины и достаточной твердости, при отсутствіи надлежащаго количества дерна и пр., какъ объ этомъ уже замѣчено выше.

почти до одного человѣка тутъ истребленнаго вмѣстѣ съ ихъ Генераломъ Бонами, израненнымъ штыками и взятымъ въ плѣнъ. А. П. Ермоловъ, оставшись на батареѣ, сдѣлалъ распоряженіе о замѣнѣ подбитыхъ орудій. Свѣжія были тотчасъ ввезены, но не было ни какой возможности, подъ усиленнымъ еще болѣе огнемъ, продолжавшимся безпрерывно пять часовъ, вывезти, или лучше сказать, вынести, замѣненныя орудія. Два, изъ сохранившихъ колеса, были спущены въ оврагъ, но поднять ихъ изъ онаго не было уже ни какой возможности, въ особенности одного, при спускѣ перевернувшагося; такъ они и остались въ оврагѣ. Тѣ же орудія, у которыхъ колеса были раздроблены, ихъ своротили въ сторону, чтобы дать мѣсто свѣжимъ. Подъ такимъ адскимъ огнемъ и при недостаткѣ людей къ вынесенію батарейныхъ орудій, и помышлять было излишне о томъ, и они остались на батареѣ, съ которой, при другомъ исходѣ, думали ихъ спасти. А это и объясняетъ справедливость показанія Лабома и другихъ, что въ укрѣпленіи они взяли 21 пушку. [107] Но положительно то, что батарея никогда не имѣла дѣйствующихъ орудій болѣе 18-ти; такимъ числомъ она была вооружена первоначально, а послѣ пораженія Бонами замѣцены только тѣ, которыя были подбиты, и она осталась съ тѣмъ же количественнымъ вооруженіемъ. Когда же Вице-Король вломился въ батарею, то оставалось изъ 18-ти только 10 пушекъ, не поврежденныхъ такъ, чтобы нельзя было изъ нихъ дѣйствовать, и мы видѣли изъ повѣствованія всѣхъ иноземныхъ, какъ этотъ redoute terrible, fatale, и т. п., дѣйствовалъ.

Наконецъ объ исправленіи бруствера, послѣ истребленія Бонами, при помянутыхъ условіяхъ, нельзя было и думать. И такъ изъ изложеннаго само собою разумѣется, что ко времени окончательнаго приступа укрѣпленіе это не могло ни чего представлять непріятелю, какъ одну только слабую искуственную препону, и

---

[107] По ихъ словамъ нѣкоторыя изъ пушекъ лежали отдѣльно отъ лафетовъ, и это точно, какъ замѣчено выше, но непріятель какъ бы даетъ понимать, что это сдѣлано нами съ намѣреніемъ, чтобъ они не могли ихъ увезти, и что мы, видя невозможность сохранить батареи, сняли орудія съ лафетовъ! Противъ такой безсмыслицы нельзя и возражать. Было къ тому время, но произошло такъ, какъ это объяснено.

сила всей обороны сосредоточивалась въ самообреченіи храбрыхъ ея защитниковъ.

За тѣмъ, вотъ какъ происходило окончательное овладѣніе непріятелемъ этого пункта, и прошу благосклонной снисходительности, если я войду въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть и совершенно излишнія, но день этотъ такъ памятенъ, что участвовавшій въ немъ не можетъ устоять, если бы и не было у него даже и Дневника, чтобы не припомнить малѣйшихъ случаевъ, которые имѣютъ какъ бы связь съ обстоятельствами важнѣйшими.

Во время демонстраціи Платова и Уварова противъ лѣваго крыла Французской позиціи, огонь непріятельской артиллеріи замѣтно сдѣлался слабѣе по всей линіи. Въ это время наша линія освѣжалась прибывающими войсками и наполняла промежутки, открывшіеся по причинѣ огромныхъ потерь; но противъ курганной батареи огонь, казалось, былъ еще болѣе усиленъ. Генералъ-Лейтенантъ Капцевичъ, заступившій мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ, оставался со своею 7-ю дивизіею на первоначальной своей позиціи, по направленію отъ Горокъ къ центральной батареѣ. Въ это время отъ стоявшей лѣвѣе его 24-й дивизіи оставалось только три полка, много уже пострадавшіе, а именно: Ширванскій и Уфимскій мушкетерскіе и 19-й егерскій, которые, отодвинувшись къ центральной батареѣ, остановились нѣсколько впереди оной, по правую сторону оврага, расширяющагося отъ батареи къ Колочѣ, что и образовало довольно большой интервалъ между лѣвымъ флангомъ 7-й дивизіи и помянутымъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Шефа Уфимскаго полка, храбраго Генералъ-Маіора Цыбульскаго. Интервалъ этотъ былъ еще болѣе чувствителенъ отъ большой убыли людей въ продолженіе почти осьмичасовой битвы. Остальные три полка 24-й дивизіи были: Томскій и 40-й егерскій на центральной батареѣ, подъ личнымъ начальствомъ дивизіоннаго Командира, Г.-М. Лихачова, и Бутырскій, подъ начальствомъ Шефа онаго, Полковника П. В. Денисьева, за оврагомъ, противъ горжи центральной батареи, исключая одной роты, введенной въ укрѣпленіе.

Генералъ Капцевичъ безпрерывно посылалъ на батарею узнавать о происходящемъ на оной: такъ и я былъ разъ туда по-

сладъ. Убитые и тяжело раненые, изъ двухъ колоннъ Генерала Бонами, покрывали не только что на дальнее разстояніе окружность укрѣпленія, но множество лежало во рвахъ. Изъ внутренности редута всѣ, по утру убитые, Французы были вынесены за валъ; наши же убитые и вновь убиваемые прибирались и складывались къ брустверу. Послѣ отбитія Бонами мнѣ пришлось быть въ первый разъ въ укрѣпленіи; амбразуръ, изъ коихъ не всѣ были обложены фашинами, какъ бы болѣе не существовало; ядра безпрестанно врѣзывались въ срединѣ. [108] Передавъ приказаніе Г.-М. Лихачову, и получивъ отъ него отвѣтъ, пробывъ, не слѣзая съ лошади, минутъ шесть или нѣсколько болѣе, я возвратился. Съ кургана тогда не было замѣтно ни какихъ особенныхъ движеній къ сторонѣ Колочи, но за Бородинымъ что-то шевелилось. Не прошло получаса, какъ я возвратился отъ Генерала Лихачова, прискакалъ Адъютантъ его, Капитанъ Баронъ Левенштернъ, [109] съ донесеніемъ Капцевичу, что въ кустарникахъ начала показываться строющаяся пѣхота, а вправо и влѣво стоявшая непріятельская конница стала садиться на лошадей. Капцевичъ тотчасъ поскакалъ на батарею. Въ этѣ нѣсколько минутъ огонь на нее былъ усиленъ до неимовѣрной степени: тутъ мы ясно увидѣли, какъ прибывающая артиллерія пристроивалась уже къ стоявшей на позиціи, снималась съ передковъ и тотчасъ начинала дѣйствовать. Непріятельская пѣхота только еще сдвигалась, но двѣ огромныя массы конницы, одна брала направленіе къ Семеновскому, другая лѣвѣе, по направленію къ стоящей 7-й дивизіи. Командующій корпусомъ поспѣшилъ къ своему мѣсту; на пути онъ приказалъ Г.-М. Цыбульскому, что если бы непріятель-

---

[108] Но бодрость и веселость пѣхотинцевъ, сидѣвшихъ, за неимѣніемъ дѣла, подъ брустверомъ, и живость артиллеристовъ, безпрерывно дѣйствовавшихъ и къ которымъ часто подбѣгали пѣхотинцы—были удивительны; многихъ изъ знакомыхъ Офицеровъ уже не было; оставшіеся еще въ живыхъ разспрашивали, что дѣлалъ и я. Въ это время у артиллерійскаго Полковника, Веселицкаго, оторвана была нога, а за часъ предъ тѣмъ дивизіонный Квартирмейстеръ, Н. И. Бразинъ, былъ раненъ въ обѣ ноги ядромъ и др.

[109] Младшій братъ извѣстнаго Генералъ-Маіора Владимира Ивановича, умершаго въ 1858 году.

ская пѣхота двинулась на батарею, то дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, но имѣя въ виду главное—защиту батареи. Мы не успѣли еще доѣхать, какъ огонь артиллеріи по 7-й дивизіи сдѣлался болѣе учащеннымъ. Непріятельская конница двинулась впередъ и, пріостановившись, выдвинула изъ своихъ колоннъ большое число конной артиллеріи, начавшей дѣйствовать. Мы тоже усилили огонь, и онъ опять сдѣлался столь же живымъ, какъ и до полудни. Скоро и пѣхота Вице-Короля двинулась впередъ, но и скоро пріостановилась, а тогда и отрядъ Генерала Цыбульскаго подвинулся къ оврагу. Наконецъ тронулась было опять и кавалерія, но она остановилась, какъ бы перестроиваясь. Мы увидѣли, что и съ нашей стороны показалась конница, но она была отъ насъ далѣе, нежели непріятельская. Въ это время я посланъ былъ съ донесеніемъ къ тому, кого прежде встрѣчу: Кутузова, Барклая, или Беннигсена. Перваго увидѣлъ я Барклая, поджидавшаго кирасиръ; онъ, сидя верьхомъ, стоялъ на пригоркѣ съ трубой, приложенной къ глазу. Выслушавъ меня въ томъ же положеніи, какъ я его засталъ, такъ же и отвѣчалъ, что «все это онъ видитъ,» и, одобривъ распоряженіе относительно Цыбульскаго, замѣтилъ, чтобы онъ не очень отдалялся отъ остальной пѣхоты, и присовокупилъ: «Пусть Петръ Михайловичъ (Капцевичъ) дѣлаетъ то же, что по утру, а конница будетъ помогать ему.» Тутъ лошадь его была убита ядромъ (кажется, третья), и я какъ-то замедлилъ, но онъ, вставъ, не выпуская изъ рукъ трубы, потребовалъ скоро лошадь, а мнѣ сказалъ: «Спѣшите!» [110] Въ этотъ моментъ подъѣхалъ къ нему Беннигсенъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ и Толя, быстро несущагося по направленію къ Семеновскому. Капцевичъ потребовалъ къ себѣ полковыхъ Командировъ, и, раздавая имъ наставленія, мы увидѣли, что правая непріятельская масса конницы пошла рысью, по направленію на нашу пѣхоту, стоявшую лѣвѣе отъ курганной батареи. На этомъ мѣстѣ огонь артиллеріи какъ бы пріутихъ, но за то послышался сильный батальный огонь пѣхоты. Съ мѣста же, на которомъ мы

---

[110] Тогда при немъ были только Полковники: А. А. Закревскій (въ послѣдствіи Графъ) и Флигель-Адъютантъ Вольцогенъ, а изъ его Адъютантовъ одинъ Ротмистръ Каверъ; остальные всѣ были разосланы, и половина уже перебита и переранена.

находились, намъ видѣть всего, тамъ происходившаго, было нельзя, по тому что возвышеніе, на которомъ стояла наша центральная батарея, тому препятствовало; въ это время она сильно отстрѣливалась изъ орудій. Мы смотрѣли болѣе на начавшую приближаться къ намъ лѣвую массу непріятельской конницы, и часто заглядывали назадъ и, какъ будьто, вздохнули, когда увидѣли массы и нашей, значительно къ намъ подвинувшейся. Выставленныя отъ нея батареи, вмѣстѣ съ другими, посылали ядра черезъ насъ, но непріятельскія сосредоточивались преимущественно на нашу пѣхоту и на артиллерію, при немъ стоявшую. Вдругъ, среди усиливавшагося огня, лѣвѣе нашей батареи, мы увидѣли изъ за возвышенія показавшихся противъ горжи непріятельскихъ всадниковъ, и въ это самое время изъ за оврага, отдѣляющаго горжу, гдѣ стоялъ Бутырскій полкъ и нѣсколько батальоновъ, только что подошедшихъ изъ другихъ корпусовъ, послѣдовалъ учащенный огонь. Суматоха между непріятельскими всадниками была замѣтна, но мы не могли видѣть, что именно тамъ происходило; какое-то грустное оцѣпенѣніе овладѣло нами всѣми; но когда-тотчасъ за симъ увидѣли, что пространство около горжи очистилось, что въ это самое время послѣдовало съ батарей нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ непріятельскую пѣхоту, начавшую, какъ уже и намъ было видно, наступать съ фронта на укрѣпленіе, Капцевичъ снялъ шляпу и, перекрестясь (ему послѣдовали всѣ), сказалъ: «Слава Богу, тамъ здорово!» Обратившись къ Адъютанту своему, 2-го егерскаго полка Капитану Капукарану, приказалъ ему съѣздить къ Лихачову и узнать, что тамъ? Въ этотъ самый моментъ ядро ударило въ голову его лошади, и Капукаранъ скатился подъ нее. Другой Адъютантъ его, того же полка, Капитанъ Дуровъ, раненъ въ руку и не оставлялъ своего мѣста, но видимо ослабѣлъ: тогда Петръ Михайловичъ приказалъ мнѣ исполнить это порученіе, и увидѣвъ, что непріятельская конница начала болѣе рѣшительное движеніе впередъ, велѣлъ тотчасъ обѣимъ линіямъ нашимъ построиться въ каре.

Подскакивая къ батареѣ, тутъ только я увидѣлъ, что появлявшаяся въ горжѣ непріятельская конница большею частію состояла изъ кирасиръ. Ихъ убитые и раненые люди и лошади лежали густо на большомъ пространствѣ. Отогнанные же отъ

горжи, чтобы скорѣе скрыться отъ огня изъ за оврага, не всѣ повернули назадъ тѣмъ же путемъ, но около ста человѣкъ бросились въ противоположную сторону и спустились въ оврагъ, идущій по правую сторону батареи къ Колочѣ и съ тыла ударили на стоявшія тутъ два орудія Прапорщика Вальца, для обстрѣливанія оврага, [111] и, такимъ образомъ, совершенно нечаянно очутились въ тылу и отряда Генерала Цыбульскаго, спустившагося въ это время въ оврагъ отъ угрожавшей ему съ фронта и праваго фланга конницы, идущей на 7-ю дивизію. Съ огромной потерей храбрые полки этѣ отдѣлались отъ такого внезапнаго со всѣхъ сторонъ нападенія [112] (Шрекенштейнъ распространяется объ этой

---

[111] Замѣчательно, что ни одинъ человѣкъ изъ находившихся при орудіяхъ не пострадалъ, всѣ вскочили на обрывъ, и когда кирасиры проскакали, вновь спустились къ орудіямъ; кирасирамъ было не до того, чтобы причинить какой либо вредъ орудіямъ.

[112] Полки, уже много потерявшіе прежде, сдѣсь потеряли еще болѣе. Шефъ Уфимскаго полка, Г.-М. Цыбульскій, одинъ изъ храбрѣйшихъ людей, былъ такъ тяжело раненъ, что во всю войну не могъ уже служить; полковой Командиръ, Подполковникъ Демидовъ, заступилъ его мѣсто. Шефъ Ширванскаго полка, Полковникъ Ѳ. В. Зварыкинъ, тяжело раненый въ Смоленскѣ, еще не прибылъ къ полку, которымъ начальствовалъ полковой Командиръ, Полковникъ Николай Николаевичъ Тепловъ, предъ симъ не за долго убитый (стоя безъ дѣйствія подъ ужаснымъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы развлечь молодыхъ Офицеровъ и показать солдатамъ примѣръ презрѣнія къ ядрамъ и гранатамъ, онъ, сидя на барабанѣ, металъ штосъ, и въ это время палъ, пробитый ядромъ), вмѣсто коего начальствовалъ сдѣсь полкомъ столь же достойный, Маіоръ Иванъ Андреевичъ Племянниковъ; 19 егерскимъ полкомъ начальствовалъ Шефъ, Полковникъ Николай Васильевичъ Вуичъ, извѣстный своею храбростію (въ Финляндскую войну онъ былъ Шефомъ 25 егерскаго полка), который, послѣ раны Цыбульскаго, принялъ начальство надъ отрядомъ (въ послѣдствіи дивизіонный начальникъ). Во время этой-то атаки, такъ неожиданно произведенной, полкъ Вуича, тогда не болѣе уже 250 чел., не успѣвъ собраться изъ разсыпнаго строя, по командѣ Шефа, легъ вмѣстѣ съ нимъ. Конница пронеслась чрезъ него на нашу, но была обращена, чѣмъ храбрые егеря и спаслись. Часть Ширванцевъ послѣдовала ихъ примѣру, и до сихъ поръ одинъ изъ такъ спасшихся находится въ живыхъ, тогда ротный Командиръ, нынѣ полный Генералъ, А. Н. Бѣлогужевъ. Вообще при Бородинѣ 24 дивизія потерпѣла много: дивизіонный начальникъ Г.-М. Лихачовъ, израненный, взятъ въ плѣнъ; бывшіе съ нимъ на батареѣ оба Шефа, тяжко раненые, лишились возможности продолжать войну: Томскаго

пѣхотѣ въ оврагѣ, описывая, какъ безуспѣшно полкъ Цастрова и другіе пытались почать ее), чему обязаны первой удачной атакѣ нашей конницы. Правѣе же наши кирасиры, ведомые подъ жесточайшимъ огнемъ самимъ Барклаемъ, шли на выручку 7-й дивизіи.

Подскакавъ къ центральной батареѣ, около которой, особенно въ самой горжѣ, лежали груды убитыхъ и бьющихся раненыхъ и придавленныхъ людей и лошадей такъ, что, не смотря на очень длинное протяженіе горжи, было труднѣе проѣхать въ нее, нежели чрезъ правую оконечность рва и вала, тутъ уже почти незамѣтнаго, я услышалъ стонъ, визгъ раненыхъ лошадей, крики, пушечные и ружейные выстрѣлы, которые какъ бы оглушали. Едва я, однако же, переѣхалъ черезъ валъ, какъ встрѣтилъ Адъютанта Левенштерна, который что-то мнѣ кричалъ, но не было возможности разслышать: оба спѣшили въ противоположныя стороны. Въ самомъ укрѣпленіи лежало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ непріятельскихъ кирасиръ и лошадей; немногіе изъ нихъ проникли, но уже ни одинъ не возвратился. Остававшаяся въ укрѣпленіи пѣхота встрѣтила ихъ и съ своей стороны ружейнымъ огнемъ, но пущенныя ядра изъ за оврага были гибельны и нашимъ. Нѣсколько человѣкъ было убито и ранено.

Въ это время, какъ я подскакалъ къ Генералу Лихачову, онъ, съ помощію старшаго Адъютанта, Капитана Калмакова и

Полковникъ Иванъ Ивановичъ Поповъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку и сохранившій мундиръ онаго; 40 егерскаго полка Полковникъ Сазоновъ; Командиръ батарейной роты, Полковникъ Веселицкій, убитъ; изъ роты его остались въ живыхъ два Прапорщика, Я. И. и А. И. Вальцы (о Цыбульскомъ и Тепловѣ сказано). Ширванскій полкъ вступилъ въ дѣло въ числѣ около 1,300 человѣкъ, а вышелъ въ числѣ съ чѣмъ-то 90, съ однимъ Штабъ-Офицеромъ, Маіоромъ Племянниковымъ, и тремя Оберъ-Офицерами, изъ коихъ одинъ, помянутый Г. Бѣлогужевъ. Уфимскій и Томскій мушкетерскіе, 19 и 40 егерскіе, полки, соединенные вмѣстѣ, составили по одному слабому батальону, и такъ продолжалось до 1813 года; когда резервы доставили людей и раненые присоединились, тогда полки приняли опять свои имена и нумера. 7 дивизія одинаково имѣла огромныя потери, но я умалчиваю о нихъ, имѣя въ виду только 24 дивизію, какъ оборонявшую центральную батарею.

Унтеръ-Офицера, спускался съ вала, на который всходилъ для обозрѣнія. Но едва онъ сошелъ, какъ пуля ранила Калмакова въ голову, онъ облился кровью, и тотъ же Унтеръ-Офицеръ, поддерживая его, направился къ горжѣ. Три непріятельскія пѣхотныя колонны, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, подвигались рядомъ; предшествующая имъ цѣпь стрѣлковъ производила частый огонь, подобно бѣглому. [113] Двѣ колонны конницы были по сторонамъ пѣхоты. Изъ редута осыпали непріятеля гранатами и картечью. Артиллеристы дѣйствовали съ удивительнымъ присутствіемъ духа, съ веселыми поговорками. Пѣхота же наша сидѣла за брустверомъ, не показываясь непріятелю, съ приказаніемъ не стрѣлять, пока не будетъ отдано приказанія, и тогда внезапно подняться изъ за прикрытія и въ упоръ встрѣтить залпами и штыками. Въ двухъ мѣстахъ среди укрѣпленія стояли маленькіе резервы. [114] Вообще людей было мало. Какая-то мрачная религіозная тишина царила въ редутѣ; она прерывалась только выстрѣлами нашихъ орудій и свистомъ летавшихъ уже пуль непріятельскихъ стрѣлковъ, ядра и гранаты урѣдѣли. Генералъ Лихачовъ былъ совершенно спокоенъ; онъ сказалъ мнѣ, что посылалъ было Левенштерна къ Капцевичу просить его подкрѣпить гарнизонъ редута и присовокупилъ: «да теперь уже поздно: онъ не можетъ, а я боюсь за Цыбульскаго.» Въ это время началась кавалерійская атака на 7-ю дивизію. Конечно, я не пробылъ въ редутѣ и пяти минутъ, и едва успѣлъ перебраться черезъ горжу, какъ въ одно и то же время раздались крики: «Vive l'Empereur!» и наши залпы. Потомъ рѣдкіе ружейные выстрѣлы уже въ укрѣпленіи, крики: ура! суматоха была ужасная. Выбравшись изъ горжи и спустившись въ оврагъ, я увидѣлъ, что влѣво, около самаго оврага, отдѣляющаго редутъ отъ позиціи, занимаемой 7-й дивизіей, показалась идущая рысью конница, приготовлявшаяся къ атакѣ на-

[113] Нѣкоторые писатели неправильно утверждаютъ, что непріятель шелъ прямо на штыки, какъ это сдѣлалъ по утру Бонами; въ этотъ разъ колонны ихъ предшествуемы были, какъ говорилось тогда, густою цѣпью, «nuée de tirailleurs».

[114] Однимъ изъ этѣхъ микроскопическихъ резервовъ начальствовалъ храбрѣйшій и веселѣйшій изъ людей, которыхъ я встрѣчалъ только — Поручикъ Лизандеръ. Онъ былъ скоро жестоко раненъ и вынесенъ.

шихъ пѣхотныхъ линій, находившихся внѣ редута.[115] То же самое вправо къ сторонѣ Семеновскаго; около же редута появилось, какъ мнѣ казалось, гораздо болѣе, и стрѣлки, пославшіе нѣсколько пуль въ оврагъ, чрезъ который пробирался я еще съ нѣсколькими ранеными изъ редута. Съ противоположной стороны отвѣчали непріятелю залпами и картечью. Конные, преимущественно находившіеся по лѣвую сторону редута, какъ всѣ очень хорошо видѣли, чтобъ избавиться огня, частью обратились къ главной массѣ, находящейся на высотахъ Семеновскаго, частью же вскочили въ редутъ чрезъ флангъ укрѣпленія, гдѣ ровъ и бруствѣръ уже не существовали.[116] То же видно было и съ правой стороны: нѣкоторыя части укрылись въ редутъ, другія въ оврагъ, но большей частью поскакали на присоединеніе къ той конницѣ, которая облегла 7-ю дивизію и бывшій отрядъ Цыбульскаго.

По одиночнымъ выстрѣламъ и крикамъ казалось, что въ редутѣ, занятомъ уже Французскою пѣхотой, бой не утихалъ, но онъ происходилъ далеко не въ соразмѣрныхъ силахъ и рукопашный.

Мнѣ не было уже возможности попасть прямымъ путемъ къ Коновницыну, находящемуся не далѣе, какъ за полверсты: кареи его были окружены. Лошадь моя была изнурена; перемѣнная была при Корпусномъ Штабѣ; иначе я бы попыталъ прискочить къ пѣхотѣ. Мнѣ и бывшимъ со мной оставалось одно—спѣшить выбраться изъ оврага къ пѣхотѣ, стоявшей противъ горжи и по протяженію къ Семеновскому. Исполнить это верхомъ не было ни какой возможности: убитые и умирающіе люди и лошади заграждали путь въ этомъ оврагѣ, а между тѣмъ надо было спѣшить; ибо непріятельская конница миновала уже батарею, оставила ее

---

[115] Какая именно была эта конница, я не знаю, хотя и очутился отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ; замѣтилъ только у нѣкоторыхъ уланскіе кивера и слышалъ чрезвычайно сильный голосъ какого-то командпаго слова на Нѣмецкомъ языкѣ.

[116] Надо полагать, что это и былъ Тильманъ, коего подвигъ воспѣтъ нѣкоторыми изъ его братій.

влѣво, готовилась ударить на пѣхоту, къ которой мы направились. Къ этой коннице начали выскакивать и скрывшiеся отъ выстрѣловъ въ укрѣпленiи. Здѣсь я нашелъ части Бутырскаго полка (24-й дивизiи), вмѣстѣ съ прибывшими только предъ тѣмъ двумя полками 4-го корпуса Графа Остермана.

Въ укрѣпленiи все было потеряно. Бывшiе ближе къ горжѣ, увидѣвъ, что, независимо отъ пѣхоты, хозяйствующей уже въ редутѣ, пробралась, какъ сказано выше, съ фланговъ и конница, а по тому, думая быть отрѣзанными, рѣшились было защищаться на смерть; но вдругъ эта конница въ пространной, совершенно открытой, горжѣ, не видя себя достаточно обезпеченной отъ сыпавшихся пуль, быстро начала пробираться чрезъ Французскую пѣхоту, тащившую уже къ горжѣ свои пушки, чтобы отвѣчать огню, производимому изъ за оврага. Этимъ быстрымъ удаленiемъ конницы открылся путь къ спасенiю малаго числа изъ храбрыхъ, большею частiю раненыхъ, защитниковъ укрѣпленiя; они бросились въ оврагъ и въ слѣдъ за мной взобрались на противоположную сторону. Унынiе, вмѣстѣ съ ожесточенной жаждой мести, одушевляло насъ всѣхъ; то, что мы видѣли; то, что слышали о послѣднихъ усилiяхъ, оказанныхъ при защитѣ укрѣпленiя, возбуждало еще болѣе остатки, тутъ находившiеся, 24-й дивизiи, броситься обратно на выручку. Даже невозмутимый Шефъ Бутырскаго полка, Полковникъ Денисьевъ, изъ флегматика воспламенился ожесточенiемъ вмѣстѣ съ молодежью.[117] Но не долго

[117] Петръ Васильевичъ Денисьевъ (въ 1830 г. Генералъ-Маiоръ), богатый Курскiй помѣщикъ, съ большою начитанностью и свѣтскимъ умомъ, былъ лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Небольшаго роста, довольно плотный, съ смуглорозовымъ лицомъ, всегда улыбающимся, флегматикъ; ни что не могло смущать его; онъ былъ идеаломъ практическаго философа. Дормезъ его во всю войну былъ наполненъ клѣтками съ канарейками и разныхъ рѣдкихъ породъ самыхъ миніатюрныхъ собачекъ. Находясь въ величайшихъ опасностяхъ, онъ сохранялъ ту же невозмутимость, какъ и перемѣняя кормъ канарейкамъ, или расчесывая собачекъ. Ему не было еще сорока лѣтъ и, по засвидѣтельствованiю его племянника (потерявшаго подъ Краономъ ногу) и другихъ, онъ не зналъ еще женщинъ. Но въ Германiи и Францiи любилъ къ хлѣбосольству своему приглашать женщинъ, въ особенности, когда въ 1813 г., въ продолженiе трехъ мѣсяцевъ, мы блокировали Кюстринъ и онъ стоялъ въ замкѣ Тамзелѣ, что случалось

продолжалось это настроеніе наше. Выбравшаяся изъ редута, черезъ передовой фасъ, конница присоединилась къ массамъ, несущимся на насъ. Ее подпустили на нѣсколько шаговъ. Убійственный, хорошо удавшійся, залпъ произвелъ въ ней ужасный безпорядокъ, который, впрочемъ, замѣтенъ былъ, когда она еще шла на насъ, и по тому мы не видѣли уже надлежащей стройности въ рядахъ ея; пораженіе это вызвало Русское удальство: многіе одиночно изъ строя выскакивали на нее съ штыкомъ. Кавалерія, оставивъ значительное число на мѣстѣ, казалось, быстрѣе удалялась, нежели шла впередъ: она приняла отъ насъ влѣво, къ частямъ, боровшимся на Семеновскихъ высотахъ. Это успѣшное отбитіе какъ-то нѣсколько овеселило всѣхъ. Въ это же самое время мы дѣли, что кареи Капцевича съ тыла очищаются отъ Французской конницы, тѣснимой нашей, и я бросился на лошадь, которую мнѣ далъ Полковникъ Денисьевъ, и успѣлъ прискакать къ Капцевичу, такъ славно отстоявшему. [118] Въ слѣдъ за мной и Бутырскій полкъ пошелъ на соединеніе съ остатками, бывшими въ отрядѣ Цыбульскаго, примкнувшаго къ 7-й дивизіи, а мѣсто Бутырцевъ занялъ, прибывшій изъ 4-го корпуса, полкъ, къ бывшимъ уже тремъ.

Едва успѣлъ я перемѣнить лошадь, какъ Капцевичъ послалъ меня къ Барклаю донести ему то, что я видѣлъ. Въ это время непріятельская конница очистила тылъ кареевъ второй линіи и, тѣснимая кавалергардами, конною гвардіей и другими, тутъ собравшимися, частями, приготовлялась ихъ встрѣтить. Барклай былъ

очень часто; онъ бывалъ тутъ тихо-веселымъ, улыбающимся наблюдателемъ и страстно любилъ подтрунивать. Я разстался съ нимъ во Франціи въ 1815 г., оставшись въ корпусѣ Графа Воронцова. Въ 1840 г., проѣзжая по службѣ чрезъ Бѣлгородъ, я встрѣтился съ нимъ нечаянно на почтѣ. Онъ былъ уже женатъ на вдовѣ Штабъ-Офицера Перовскаго. Я нашелъ его тѣмъ же, хотя уже подъ шестьдесятъ лѣтъ; мы ночевали вмѣстѣ. Онъ отправлялся на ярмарку, гдѣ всегда разбивалъ палатку.

118. Барклай де Толли, не щедрый на похвалы, если онѣ дѣйствительно не вполнѣ заслужены, въ рапортѣ своемъ Кутузову, какъ замѣтилъ и Г. Богдановичъ, описывая положеніе Капцевича во время этой громадной на него кавалерійской атаки, называетъ пѣхоту его «безподобною!»

недалеко съ помянутыми полками. [119] Выслушивая меня и продолжая ѣхать малой рысью, онъ ни чего не распрашивалъ (да и къ чему бы то повело? потерю центральной батареи всѣ видѣли), и отпуская, приказалъ мнѣ только сказать Капцевичу, что если онъ можетъ отлучиться, то подъѣхалъ бы къ нему. Въ это самое время ядра, гранаты и картечь сыпались какъ горохъ; латники наши шли впередъ, Французскіе готовились встрѣтить ихъ. Такъ какъ не болѣе пятидесяти саженъ отдѣляли Барклая отъ Капцевича, то этотъ послѣдній возвратился скоро и сказалъ, что если удастся атака конницы, то Барклай намѣренъ выгнать Французовъ изъ центральной батареи. Извѣстіе это всѣхъ обрадовало и оживило. Между тѣмъ бой пѣхоты продолжался, а вмѣстѣ съ тѣмъ схватилась и конница.

Участь центральной батареи кончилась, а по тому излишне говорить о другомъ: я высказалъ то, что нашелъ въ дневникѣ своемъ; оно, можетъ быть, не полно, но вѣрно, по тому что то, о чемъ говорю, я видѣлъ, [120] помню и не разъ по настоящее время пополнялъ, исправлялъ со словъ участвовавшихъ въ этомъ событіи лицъ, тогда служившихъ въ 24-й дивизіи, и теперь попытаюсь согласовать все, сказанное объ этомъ эпизодѣ иноземными, съ тѣмъ, чему я былъ свѣдѣтелемъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ приведенныхъ описаній, отбросивъ обычныя фразы Французовъ и хвастливыя натяжки нѣкоторыхъ изъ Нѣмецкихъ писателей, эпизодъ этотъ въ существѣ своемъ является у всѣхъ одинаковымъ своимъ послѣдствіемъ: «не конница, а пѣхота овладѣла онымъ.» По взаимному ли соглашенію Мюрата съ Вице-Королемъ, по сдѣланному ли распоряженію самимъ Наполеономъ о нападеніи на центральную батарею,—это все равно. Мюратъ направляетъ сильныя массы конницы на Семеновскія высоты, и въ то самое время Вице-

---

[119] Лѣвѣе его при другой колоннѣ я замѣтилъ Беннингсена съ своимъ бѣлымъ пожелтѣвшимъ, необыкновенно высокимъ, перомъ на шляпѣ. Онъ ѣхалъ рысью, кажется, около конногвардейскаго полка.

[120] Дѣятельность моя на этомъ пунктѣ засвѣдѣтельствована оффиціяльно.

Король, съ тремя пѣхотными дивизіями, прикрывая свои фланги конницею, направляется на центральную батарею. Между тѣмъ 2-й корпусъ Коленкура, послѣ успѣшной атаки нашихъ линій, на пространствѣ между Семеновскимъ и центральной батареей, прошедши эту послѣднюю, оставшуюся у него влѣво, сзади; и здѣсь опять все равно, по приказанію ли Мюрата, или самого Наполеона, или, что гораздо вѣроподобнѣе, по собственному соображенію, побужденію самаго Коленкура, который увидѣлъ, что Вице-Король находится въ полномъ движеніи на фронтъ центральной батареи, захотѣлъ въ то же время, пользуясь своимъ положеніемъ, содѣйствовать ему, атакуя съ другой стороны тотъ же пунктъ, и для сего круто обращается на лѣво, назадъ (brusquement se rabat à gauche), и въ головѣ 5-го кирасирскаго полка достигаетъ горжи. Часть кирасиръ проникаетъ чрезъ оную въ батарею, гдѣ встрѣчаетъ отпоръ; большая же часть, столпившаяся у горжи, подвергнутая сильному огню отъ стоявшей за оврагомъ пѣхоты, должна была спѣшить оставить укрѣпленіе, при чемъ убитъ и Коленкуръ. Въ это время пѣхота Вице-Короля, подошедшая къ батареѣ, боролась съ ея защитниками, а шедшая у ней по сторонамъ кавалерія обскакивала укрѣпленіе съ фланговъ, и хотя нѣсколько конниковъ и проникали въ батарею, но это былъ только наскокъ и отнюдь не доставляло имъ обладанія онымъ до тѣхъ поръ, пока и пѣхота не окружила батарею со всѣхъ сторонъ (и даже часть оной проникла чрезъ горжу): тогда только совершилось полное обладаніе укрѣпленіемъ. Таковъ итогъ, къ которому приходятъ безъ изъятія всѣ повѣствующіе объ этомъ, не смотря на нѣкоторыя выходки Нѣмецкихъ историковъ, желающихъ ввести въ эту драму Тильмана съ его Саксонскими garde de corps, какъ бы игравшаго что-то въ родѣ роли Коленкура. Но попытка эта слишкомъ неудачна, по тому что и сами они говорятъ, что Тильманъ нашелся бы въ самомъ критическомъ положеніи, если бы пѣхота Вице-Короля не подошла въ это время. Появленіе же Тильмана на батареѣ очень естественно: онъ былъ съ своею бригадой въ 4-мъ корпусѣ Латуръ-Мобура, прикрывавшаго пѣхоту Вице-Короля, и по тому, пока она боролась на валу и часть ея начала облегать укрѣпленіе, конники могли перейти въ оное, не имѣвшее уже достаточно искуственной оборонительной преграды на всемъ протяженіи ли-

нія его защиты, и, опять повторяю, что тѣ же самые повѣствователи Нѣмцы, которые съ такимъ тріумфомъ заставляютъ Тильмана переноситься чрезъ ровъ и брустверъ, говорятъ, что этѣ препоны уже не существовали, что онѣ были сглажены, что Тильманъ не удержался бы, если бы пѣхота не овладѣла и т. п. Вотъ къ чему приходятъ всѣ сказанія Нѣмецкихъ писателей. Само собою разумѣется, что Французскіе повѣствователи ни слова не говорятъ о Тильманѣ, какъ не игравшемъ ни какой отдѣльной роли, находясь въ корпусѣ Латуръ-Мобура, который весь участвовалъ при предпріятіи Вице-Короля.

Заключая этотъ эпизодъ, нельзя еще разъ не замѣтить, что почтенный исторіографъ нашъ, положившись въ своемъ изложеніи на показаніе одного Шрекенштейна, добродушно, впрочемъ, сознающагося, что все, теперь имъ писанное, «смутно представляется его памяти,» избралъ его предпочтительно всѣмъ другимъ источникамъ для изложенія этого эпизода! А изъ этого произвольнаго, безъ критической разработки, избранія, и произошли тѣ значительные недостатки, которые такъ поражаютъ каждаго, который пожелалъ бы получить точное понятіе объ этомъ, единственномъ во всю войну, обоюдномъ подвигѣ. Дѣйствительно, недоумѣваешь, какимъ, на примѣръ, образомъ почтенный исторіографъ, на основаніи только помянутаго Шрекенштейна, заставляетъ Коленкура, послѣ его успѣшной атаки нашихъ линій, повернуться на право, чтобы попасть къ батареѣ, тогда какъ всѣ повѣствователи, излагающіе этотъ эпизодъ съ нѣкоторою подробностію, положительно говорятъ, что Коленкуръ повернулся назадъ влѣво, что иначе и быть не могло; ибо, повернувшись на право, ему пришлось бы попасть къ Утицѣ. Изъ приведенныхъ выше 63-хъ повѣствователей, пять шестыхъ говорятъ, что Коленкуръ проникъ въ батарею черезъ горжу, съ тыла, а нашъ почтенный исторіографъ, на основаніи того же, «смутно помнящаго,» Шрекенштейна и компилаторовъ изъ него, Гофмана и Бернгарди, увѣряетъ насъ, что Коленкуръ перенесся черезъ ровъ и брустверъ, и при томъ выпускаетъ еще ими сказанное, что ровъ и брустверъ были почти сглажены; что чрезъ горжу, по причинѣ ея крутизны, было труднѣе! Четырнадцать изъ приведенныхъ сочинителей, говорятъ, что Коленкуръ былъ убитъ

ядромъ, и нѣкоторые присовокупляютъ даже, что однимъ изъ послѣднихъ, пущенныхъ съ батареи, и еще болѣе: смерть его отъ ядра подтверждается и бюллетенемъ, между тѣмъ какъ о пулѣ говорятъ только двое, и двое пишутъ, что онъ убитъ изъ «Biscaïen! (Бискайское ружье), т. е., крѣпостное ружье, котораго при Бородинѣ въ употребленіи быть не могло; [121] оно несравненно большаго калибра. Остальные за тѣмъ ограничиваются только словомъ убитъ, что, по моему мнѣнію, было бы глаже такъ сказать и намъ, нежели, вопреки засвѣдѣтельствованію большинства, говорить «пулей.» Тильманъ упоминается двѣнадцатью повѣствователями, исключительно Нѣмцами, въ числѣ которыхъ Гофманъ и Бернгарди, заимствовавшіе это отъ Шрекенштейна, что отсюда вошло и въ нашу исторію, между тѣмъ какъ 51 другихъ повѣствователей, изъ коихъ многіе были дѣятелями въ эпизодѣ, и въ числѣ которыхъ есть даже и Нѣмцы, ни слова не говорятъ о Тильманѣ. Довольно о семъ! Если обстоятельства позволятъ, я разсмотрю этотъ эпизодъ отдѣльно, съ приведеніемъ уже всѣхъ повѣствователей, говорящихъ о немъ, а теперь иду далѣе.

. . . .

На стр. 212, говоря о нѣкоторомъ движеніи непріятеля и о намѣреніи Барклая де Толли выбить вторично Французовъ съ курганной батареи, присовокуплено:.... «и хотя это покушеніе (непріятеля) не удалось, однако жь заставило Барклая отказаться отъ нападенія на курганъ и ускорило отступленіе Русскихъ войскъ за Горицкій оврагъ.»

Какъ, за Горицкій оврагъ? Этого не выходитъ даже и по приложенному плану! Развѣ къ Горицкому оврагу. Впрочемъ, уже на страницѣ 195, сочинитель, какъ это замѣчено, разсказывая о взятіи этого же укрѣпленія Генераломъ Бонами, присовокупляетъ: «Французы кинулись на этѣ орудія и взяли ихъ, выбивъ прикрытіе изъ укрѣпленія и отбросивъ его за Горицкій

---

[121] Вотъ какъ оно опредѣляется въ артиллерійскомъ словарѣ: «Biscaïen. Mousquet de biscaye de fort calibre, ou fusils de rempart. On donné aussi ce nom au plus petit des boulets du canon.» Слѣдовательно, и послѣдніе два писателя, называя «Biscaïen,» могли относить это къ ядру малаго калибра.

оврагъ.» [122] Сдѣсь же нельзя и сказать, какъ сказано мною выше: развѣ къ Горицкому оврагу, по тому что прикрытіе отошло или, пожалуй, и было отброшено за оврагъ, идущій отъ курганной батареи къ Колочѣ, и который съ Горицкимъ оврагомъ соединяется своими устьями только противъ села Бородина, у Колочи.

На стр. 213, описывая атаку Французскою конницей 7-й дивизіи Капцевича, сказано: «Одно изъ нашихъ каре 19-го егерскаго полка было прорвано атакою Французскихъ карабинеровъ, дивизіи Де Франса.» Не прорвано. Въ этомъ, такъ называемомъ, каре было едва сто восемьдесять человѣкъ и самъ шефъ; Полковникъ Вуичъ. Усмотрѣвъ несущуюся на него съ тыла массу конницы (см. выше) и не успѣвъ совершенно построиться, онъ скомандовалъ лечь. Не собравшаяся изъ разсыпнаго строя часть Ширванскаго полка сдѣлала тоже; одинъ изъ участниковъ этого дѣйствія, какъ уже было замѣчено, и до сихъ поръ живъ (Г.-Л. Бѣлогужевъ). Линія пронеслась, не причинивъ ни какого вреда; тогда егеря открыли въ тылъ ей огонь; къ счастію, наша конница, подоспѣвшая въ это время, выручила ихъ. [123]

Говоря о непріятелѣ, опрокинутомъ Корфомъ, встрѣчаемъ выраженіе (стр. 215): «атаковалъ непріятеля (вѣроятно 7-й драгунскій полкъ).»

---

[122] Сдѣсь является противорѣчіе: вѣдь тамъ укрѣпленіе, по словамъ почтеннаго исторіографа, взято было конницею? и пр.

[123] Полтора года спустя, одинъ баталіонъ 40-го полка (одной бригады), подъ начальствомъ Подполковника Царьева, хотѣлъ было прибѣгнуть къ подобной стратагемѣ, подъ Краономъ, но, къ несчастію, онъ сдѣлалъ это не противъ карабинеровъ, а противъ уланъ, которые, правда, и переносились черезъ лежавшихъ навзничъ, по рѣдкій не отвѣдалъ пики, начиная съ самаго Царьева, и сдѣсь баталіонъ былъ выручень блистательно атакой Ланскаго съ гусарами и Ушакова съ драгунами, поплатившимися за это жизнію: первый смертельно раненъ, а Ушаковъ убитъ на мѣстѣ. Оба и въ ту пору, такъ справедливо какимъ-то поэтомъ названную—вѣкомъ богатырей, занимали одно изъ блистательныхъ мѣстъ въ рядахъ арміи, особенно Ланской съ своимъ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ.

По чему же Генералъ Богдановичъ полагаетъ, что это былъ вѣроятно 7-й драгунскій полкъ? Конечно, это предположеніе сдѣлано на какомъ либо основаніи, что не худо было бы сказать; ибо выраженіе вѣроятно не въ согласіи съ достовѣрностію.

Стр. 216: Опять за Горицкій оврагъ! «Въ продолженіи кавалерійскаго дѣла, Вице-Король сильно занялъ курганную батарею и пространство по сторонамъ ея, а Русскія войска, отойдя окончательно за Горицкій оврагъ, расположились въ четвертомъ часу по полудни, въ разстояніи около четырехъ сотъ саженей отъ взятаго непріятелемъ укрѣпленія, проникнувъ правымъ флангомъ къ селенію Горкамъ.»

Выше я сказалъ уже, что этого не видно и на планѣ, да и не могло и быть; ибо Горицкій оврагъ [124] находится по лѣвую сторону дороги, при самомъ селеніи; перейдя оный и дорогу, встрѣчаемъ курганъ, на которомъ стояла наша батарея въ три орудія. Къ этому пункту примыкалъ намъ правый флангъ центра, а лѣвый на нѣкоторое разстояніе по направленію къ Семеновскому, какъ тутъ же и говорится; какимъ же образомъ за Горицкій оврагъ? Тогда не возможно было бы и примыкать правымъ флангомъ къ Горкамъ! Взлянувъ на планъ, въ этомъ легко убѣдится всякій, кто и не былъ въ битвахъ. [125]

Когда на другой день предполагали возобновить битву, сказано (стр. 221): «между тѣмъ Барклай принималъ мѣры къ возведенію редута у селенія Горокъ, для чего было употреблено двѣ тысячи ополченія» и т. д. Это не согласуется съ логикой. Яснѣе было бы сказать: назначено, предназначено употре-

---

[124] Въ немъ течетъ ручеекъ Стонецъ, рѣдко имѣющій воду и, во время Бородинской битвы, онъ былъ совершенно сухъ, по крайней мѣрѣ, отъ Горокъ до устья въ Колочу, противъ с. Бородина.

[125] Сдѣсь можно замѣтить, что обозначая такимъ образомъ мѣстность, нужно было бы подписывать на планѣ и овраги, что, впрочемъ, зависѣло не отъ картографа, а отъ самого историка.

бить для работъ.[126] За упомянутыми строками говорится о курганной батареѣ. Сдѣсь нахожу нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, для разъясненія той путаницы, которая проявляется въ разсматриваемой Исторіи, хотя въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы» мимоходомъ и замѣчено это.

Генералъ Богдановичъ, при описаніи этой исполинской битвы, чрезвычайно сбивчиво для читателей именуетъ центральную батарею, одинъ и тотъ же пунктъ, попеременно: люнетомъ; батареей Раевскаго; важною высотой; укрѣпленіемъ, составляющимъ ключъ нашей позиціи; высотой центра; курганомъ Раевскаго; большимъ укрѣпленіемъ; высотою съ десятью орудіями; курганомъ-ключомъ позиціи, и просто курганомъ, въ томъ же значеніи; высотой съ частію артиллеріи, и просто высотой, въ томъ же значеніи; укрѣпленной высотой; центральной батареей; курганнымъ укрѣпленіемъ... Такая плодовитость названій одного и того же мѣста похожа на даваемыя имена одному и тому же лицу.[127]

Въ обоихъ случаяхъ это сбивчиво, да пожалуй и вовсе не понятно для тѣхъ, которые въ первомъ: не твердо изучили имена и титулы грандовъ Пиренейскаго полуострова, а по тому изъ дюжины этѣхъ именъ, упоминая попеременно то одно, то другое, могутъ легко принять каждое изъ нихъ за принадлежащее особому лицу. То же самое и во второмъ, встрѣчающемся у Г. Богдановича, не съ лицомъ, а съ пунктомъ, съ ключомъ Бородинской позиціи!

Само собой разумѣется, что не бывшіе подъ Бородиномъ, но посвятившіе себя точному изученію этого сраженія, хотя и

---

[126] Выше было сказано, что Барклай доносилъ Кутузову, что у Горокъ онъ примкнулъ правый флангъ къ батареѣ въ десять орудій, изъ чего и слѣдуетъ, что онъ разумѣлъ тотъ редутъ, который намѣревался достроить.

[127] Такъ, на примѣръ: Дона Марія, Анна, Фернанда, Леопольдина, Михаэля, Рафаэля, Габріэля, Шарлота, Антонія, Юлія, Викторія, Праксседесъ, Франциска д'Ассизъ, Гонзаго, де Браганца, Бурбонъ и т. д. Это имена одной изъ Португальскихъ Принцесъ.

пожмутъ плечами, но, не сводя глазъ съ плана, добьются толку; всѣ же другіе могутъ принять этѣ разнородныя названія за отдѣльныя, въ разныхъ мѣстахъ устроенныя, укрѣпленія, изъ коихъ: батарея, люнетъ и редутъ представляютъ между собой большую разницу, а отъ этого происходитъ путаница, въ которую ни какъ не могъ бы впасть участникъ въ битвѣ.

Еще замѣчательно то, что изъ ста десяти разъ, что это укрѣпленіе упоминается подъ разными фирмами, только одинъ разъ оно названо правильно—«центральной батареей», и кѣмъ еще оно такъ названо? Просто, Барклаемъ, въ донесеніи Кутузову! Кажется, чего бы сочинителю желать лучшаго авторитета, анъ нѣтъ:. онъ изъ числа этѣхъ ста десяти разъ называетъ оное двадцать пять разъ батареей Раевскаго, тогда какъ изъ приведенныхъ имъ же самимъ рапортовъ Барклая, Ермолова, даже Раевскаго и другихъ ссылокъ, нигдѣ она такъ не называется, и не могла такъ называться, хотя почтенный сочинитель, въ статьѣ своей, помѣщенной въ 1858 году, въ 1-мъ № «Военнаго Сборника,» сильно утверждалъ, что батарею эту отцы наши привыкли называть батареей Раевскаго, а нынѣ, перебравъ всѣ, имѣющіеся въ архивахъ, матеріялы, онъ, по видимому, не могъ отыскать ни чего того, что могло бы покрѣпить его поэтическое воображеніе, и, конечно, не упустилъ бы этѣмъ воспользоваться, и чрезъ два года въ настоящую исторію свою онъ взялъ цѣликомъ все то, что относится до центральной батареи, до мнѣній Беннингсена и Толя, до степени состоянія батареи или неоконченнаго люнета, и многое другое, изъ Мюнхгаузена, не ссылаясь однако же, на него. А отъ этого самого вышло то, что все, имъ тутъ сказанное, осталось безъ всякихъ ссылокъ. Тотъ же, котораго онъ сравнилъ въ своей статьѣ съ Нѣмецкимъ юмористомъ, исправлялъ тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса, велъ дневникъ, и на него было возложено сооруженіе этого люнета. Дѣло въ томъ, говорю, что историкъ долженъ неотмѣнно указывать вводимыя имъ обстоятельства, о которыхъ прежде сего не было и рѣчи; а если уже, по какимъ либо отношеніямъ, онъ не хотѣлъ указать на источникъ, то лучше вовсе не вводить; ибо и безъ того, какъ было уже замѣчено, Бородинское сраженіе, вмѣстѣ съ прочимъ, сошло бы съ рукъ. Но совсѣмъ не то съ батареей Раевскаго.

Почтенный сочинитель упорствуетъ такъ называть это укрѣпленіе, хотя и не нашелъ себѣ, какъ замѣчено, нигдѣ подпоры, а умиротворяетъ это только тѣмъ, что изъ ста десяти разъ онъ только двадцать пять разъ называетъ оное батареей Раевскаго, даже и долго послѣ того, когда тутъ вовсе уже не было ни войскъ Раевскаго, ни его самаго, а защищали оный другіе Генералы. [128] Дайте достовѣрную ссылку, тогда и я признаю такъ, какъ это будетъ слѣдовать, а безъ того нельзя вводить въ Исторію вымышляемое, и изъ одной настойчивости поддерживать то, чего на дѣлѣ доказать нельзя, какъ это видно изъ самого сочиненія. Бородинская же битва достойна по всѣмъ отношеніямъ быть правильно переданной новому поколѣнію и потомству. Слава нашей арміи того требуетъ, а честь нашей военной литературы поставляетъ это первою обязанностью. Посмотрите, какое въ настоящее время наши литераторы обратили вниманіе на возстановленіе правильности даже въ стихотвореніяхъ извѣстныхъ поэтовъ, въ сочиненія которыхъ, въ послѣдствіи, вкрались перестановки словъ, или подобныя тому искаженія!

Движеніе демонстраціи, диверсіи или поиска Уварова и Платова съ нашего праваго фланга на оконечность лѣваго непріятельскаго, имѣвшаго столь великое вліяніе на ходъ Бородинской битвы, заслуживаетъ полнаго критическаго разбора, доселѣ остающагося не тронутымъ.

Генералъ Богдановичъ, отъ котораго имѣли полное право ожидать удовлетворительныхъ поясненій этого предпріятія, ограничивается только краткимъ очеркомъ, да и то не съ надлежащею ясностію. [129] Онъ говоритъ (т. II, стр. 203), что «Платовъ,

---

[128] Такое упорство наводитъ на извѣстный Малороссійскій разсказъ о спорѣ мужа съ женой. Первый утверждалъ, что овца брита; жена же, опровергая то, говорила, что стрижена. Мужъ, раздраженный долгимъ упрямствомъ жены, столкнулъ ее въ воду. Утопая, она по временамъ всплывала, и появлявшаяся изъ воды рука представляла пальцами дѣйствіе ножницъ. Бываютъ же такія натуры!

[129] По крайней мѣрѣ, для меня.

съ большею частью Казаковъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го кавалерійскаго корпуса, за рощею, утромъ, въ продолженіи сраженія, нѣсколько разъ посылалъ разъѣзды для открытія бродовъ на Колочѣ, при чемъ имѣлъ случай удостовѣриться, что у Бородина, на лѣвомъ крылѣ непріятельской позиціи, оставалось весьма немного войскъ. Полагая возможнымъ обойти Французовъ съ лѣваго фланга, [130] и воспользоваться неожиданностью этого обхода для нанесенія имъ вреда, Платовъ послалъ, находившагося при немъ волонтеромъ Полковника, Принца Эрнста Гессенъ-Филиппстальскаго, къ Кутузову, вызываясь перейти, съ значительнымъ числомъ кавалеріи, въ бродъ чрезъ Колочу и атаковать непріятеля. Принцъ Гессенскій обратился сперва къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ этого нападенія, какъ диверсіи, могшей отвлечь часть силъ непріятеля отъ рѣшительныхъ пунктовъ его атаки, исходатайствовалъ [131] у Князя Кутузова разрѣшеніе употребить для предположеннаго дѣйствія весь 1-й кавалерійскій корпусъ Генерала Уварова, въ числѣ 2500 человѣкъ.»

Преже всего замѣчу: на какомъ основаніи сказано такъ опредѣлительно, что Платовъ посылалъ «утромъ, въ продолженіе сраженія, отыскивать броды на Колочѣ.»

Платовъ находился тутъ съ 22-го числа, слѣдовательно, четыре дня до сраженія; а кто служилъ въ войну съ Казаками, да еще въ Платовское время, тотъ очень хорошо знаетъ, что Казаки, остановившись на мѣстѣ, не будутъ ожидать четырехъ дней, чтобы не тотчасъ же ознакомиться на дальнее разстояніе съ окружающею ихъ мѣстностію, а не только съ находящеюся у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, Колочею, которая не могла не

---

[130] По моему мнѣнію и тутъ неясность: мы должны были обходить не съ лѣваго фланга, а съ праваго; правильнѣе было бы сказать — обходить лѣвый флангъ Французовъ.

[131] Слово, опять, по моему мнѣнію, очень неловкое, которое Г. Богдановичъ употребилъ также и относительно Коновницына и Ахшарумова, какъ будетъ видно далѣе. Кутузовъ же былъ довольно самостоятеленъ въ подобныхъ случаяхъ.

обратить на себя еще особеннаго вниманія Казаковъ и тѣмъ, что тутъ она служила имъ рубежемъ, отдѣляющимъ ихъ отъ непріятелей. А при томъ Г. Богдановичъ самъ же говоритъ, что 22-го числа отряжено было пять Казачьихъ полковъ собственно для наблюденія за низовьемъ этой рѣчки, гдѣ были съ ними разсыпаны и нѣсколько егерскихъ полковъ, съ цѣлію охранять съ этой стороны нашу позицію; по этому само собой уже разумѣется, что въ особенности тѣ мѣста, гдѣ непріятель могъ удобнѣе переправиться, были тотчасъ же открыты, и нѣтъ возможности допустить, чтобы Платовъ ознакомился съ рѣкой только 26-го ч. утромъ. Расположенные тутъ по Колочѣ Казаки, конечно, уже съ 22-го числа поили лошадей своихъ изъ этой рѣчки и неотмѣнно тотчасъ же съ нею освоились. Помянутое выраженіе несомнѣнно сорвалось съ пера сочинителя и неумышленно набросило тѣнь на общепризнанныя, въ этѣхъ случаяхъ, неподражаемыя никѣмъ способности нашихъ Донцовъ. Но довольно объ этомъ; разсмотрю главное.

Изъ помянутаго разсказа видно покуда только то, что первая мысль сего спасительнаго для насъ движенія принадлежитъ Платову; но что для исполненія его предложенія назначенъ былъ не онъ, а Уваровъ съ своимъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ 2500 человѣкъ, слѣдовательно, безъ Казаковъ и Платова, и это подтверждается на страницахъ 206 и 207. Да и быть иначе не могло; ибо Платовъ былъ тогда Генераломъ отъ Кавалеріи, а Уваровъ Генералъ-Лейтенантомъ; слѣдовательно, Платовъ не могъ быть подъ начальствомъ сего послѣдняго, который, получивъ приказаніе къ произведенію движенія, могъ бы приказать Атаману присоединиться къ 1-му кавалерійскому корпусу. Въ такомъ случаѣ и Платовъ направилъ бы Принца Гессенскаго къ Уварову, а не прямо къ Кутузову, съ предложеніемъ помянутаго движенія. Но, какъ говорится, не тутъ-то было. Почтенный сочинитель, описавъ подробно, съ наименованіемъ всѣхъ полковъ, составлявшихъ корпусъ Уварова, и частные ихъ подвиги во время этой демонстраціи, ни слова не упоминая о Казакахъ, вдругъ, со второй строки, снизу, 207 стр., начинаетъ любимымъ и столь часто повторяемымъ въ Исторіи словомъ: «между тѣмъ Платовъ съ нѣсколькими Казачьими полками (?), перешедшій че-

резъ Колочу одновременно съ Уваровымъ, найдя выше Беззубова удобное мѣсто для перехода черезъ Войну, перевелъ на другую сторону этой рѣчки своихъ Казаковъ, которые разсыпались въ кустахъ между непріятельскими колоннами и зашли имъ въ тылъ. Пѣхота Вице-Короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенною въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало лейбъ-Казачьему полку промчаться чрезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохой, которую произвело это неожиданное нападеніе, наши Казаки (т. е., лейбъ-Казаки), отступили обратно чрезъ плотину. Между тѣмъ полки Уварова, получивъ отъ Барклая де Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, отошли, вмѣстѣ съ Казаками Платова, къ Горкамъ, около четырехъ часовъ пополудни.»

Этотъ параграфъ вызываетъ необходимость поясненія: 1-е, какимъ образомъ такъ внезапно является сдѣсь Платовъ, не получившій приказанія на это движеніе, хотя имъ и предложенное, и съ своими войсками, Казаками, совершаетъ подвиги? Они разсыпаются между непріятельскими колоннами, заходятъ въ тылъ и заставляютъ пѣхоту Вице-Короля, опасающуюся быть отброшенной въ болото, оставить выходъ на плотину и отойти отъ рѣчки? 2-е, Это самое способствуетъ лейбъ-Казакамъ промчаться чрезъ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты и т. д. Но сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, что лейбъ-Казаки не находились у Платова, а у Уварова, но тутъ такъ выражено, какъ бы полкъ этотъ былъ вмѣстѣ съ Платовымъ, котораго подвигъ описывается, а объ Уваровѣ нѣтъ и рѣчи! 3-е, Когда «между тѣмъ» полки Уварова получили отъ Барклая де Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, то отошли вмѣстѣ съ Казаками Платова къ Горкамъ. Что же это: Платовъ съ своими Казаками является вездѣ, какъ бы созвѣздіемъ Уварова? Онъ не получаетъ ни приказанія итти, ни отойти, а играетъ тутъ роль спутника! Исторія обязана была разъяснить это загадочное положеніе и Платова и Уварова. Тѣмъ болѣе еще это требовало разъясненія, что въ подробномъ рапортѣ Уварова Барклаю де Толли (стр. 560) нѣтъ ни слова о дѣйствіи Казаковъ Платова, а говорится только о полкахъ, составлявшихъ 1-й кавалерійскій корпусъ

и о приказаніяхъ, полученныхъ Уваровымъ на счетъ движенія впередъ и потомъ отступленія. Въ чрезвычайно же краткомъ рапортѣ Платова Кутузову (Прил. стр. 588) сказано: «Въ бывшемъ 26-го числа прошлаго Августа мѣсяца, при селеніи Бородинѣ, съ непріятелемъ генеральномъ сраженіи, находился, по приказанію Вашей Свѣтлости, съ Казачьими полками, на правомъ флангѣ нашей арміи. Каково происходило дѣйствіе противъ непріятельскаго лѣваго фланга, Вашей Свѣтлости, по личному присутствію Вашему, извѣстно.»

Все это ни сколько не разъясняетъ обстоятельствъ дѣла. Если Платовъ, на предложенное имъ движеніе, такъ пространно разсказанное, имѣлъ какое либо повелѣніе отъ Кутузова дѣйствовать, то объ этомъ слѣдовало упомянуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о посылкѣ имъ къ Кутузову Принца Гессенскаго; но тамъ объ этомъ ни слова, а только объ одномъ Уваровѣ, у котораго Платовъ ни какъ не могъ находиться подъ начальствомъ, что ясно видно изъ донесеній Уварова, равно какъ и Платова, коего рапортъ отзывается какъ бы неудовольствіемъ. Что же? Не уже ли каждый изъ нихъ, на одномъ и томъ же пунктѣ, дѣйствовалъ независимо одинъ отъ другого? Но повелѣнія, какъ къ наступленію, такъ и отступленію, посылались къ младшему, и Атаманъ Донскаго войска, старшій въ чинѣ, на котораго часто возлагались отдѣльныя экспедиціи и послѣ битвы подъ Бородиномъ (ему поручено было начальствованіе аррієргардомъ всей арміи), [132] сдѣсь служитъ только созвѣздіемъ, спутникомъ Уварова!! Нѣтъ! Это не такъ; должно быть что либо иное, болѣе согласное съ смысломъ!

Въ Примѣчаніяхъ же къ XXIII гл., № 4-й, упоминается о другомъ рапортѣ Платова къ Кутузову, въ которомъ исчисляются полки, принимавшіе участіе въ этомъ поискѣ и, между прочимъ,

---

[132] Почтенный сочинитель впалъ въ ошибку, сказавъ, что 27 Августа было послѣднимъ днемъ командованія Платовымъ арріергардомъ, тогда какъ назначеніе Милорадовича на его мѣсто послѣдовало въ ночь на 29-е число. Причинъ тому сдѣсь не привожу.

присовокуплено, что Подполковникъ Харитоновъ «на всѣхъ ударахъ былъ впереди.» А это даетъ понимать, что рапортъ долженъ включать въ себѣ нѣкоторыя подробности. Жаль, что Г. Богдановичъ не привелъ онаго цѣликомъ и даже въ ссылкѣ не выставилъ ни нумера, ни числа. Очень можетъ быть, что изъ этого донесенія можно было бы получить какое-либо уясненіе. Къ несчастію же, почтенный сочинитель, въ описаніи нашей Отечественной войны, увлекается вообще указаніями иноземныхъ Нѣмцевъ; такъ и въ этомъ случаѣ, онъ ссылается, въ помянутомъ же приложеніи, на Клаузевица и Шрекенштейна, [133] присовокупляя:

---

[133] По видимому, Г. Богдановичъ не имѣлъ подъ рукоіі Записокъ Поручика Генеральнаго Штаба (И. Ѳ.) Богдановича, находившагося, въ продолженіе всего 1812 г., при Платовѣ и имѣвшаго подробныя записки, начиная съ Посольства въ Китай Графа Головкина, при которомъ онъ былъ вмѣстѣ съ Поручикомъ Ивановымъ (въ 1812 г. Капитанъ и Оберъ-Квартирмейстеръ) до окончанія войны въ 1814 г. Въ послѣдніе два года (1813 и 1814) онъ находился при Г.-А. Чернышевѣ (въ корпусѣ Г.-А. Барона Винцегероде), съ которымъ въ послѣдствіи ѣздилъ на Донъ для устройства Казаковъ, и умеръ Сенаторомъ. Что сдѣлалось съ его любопытными Записками, мнѣ не извѣстно; конечно, онѣ остались въ его семействѣ и, Богъ знаетъ, сохранились ли. Записокъ бывшаго Адъютантомъ у Платова (М. М.) Кузнецова, недавно умершаго Генералъ-Лейтенантомъ и Походнымъ Атаманомъ въ Варшавѣ, человѣка просвѣщеннаго, также не слышно. Не разъ случалось мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ поискѣ, особенно въ 1828 г., когда онъ съ своимъ полкомъ находился въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со мною на аванпостахъ при Шумлѣ, живя рядомъ въ палаткахъ. По возвращеніи моемъ изъ за границы, въ 1851 г., въ Варшавѣ, онъ тотчасъ посѣтилъ меня; въ два вечера мы перебрали все былое и, само собой, разумѣется, что Бородино стояло на первомъ планѣ, и все, что онъ разсказывалъ при нѣкоторыхъ лицахъ, въ дополненіе, или объясненіе, своихъ Записокъ, еще болѣе утвердило меня во многихъ моихъ заключеніяхъ. Наконецъ, третье лицо, бывшее участникомъ въ этомъ поискѣ и также имѣвшее Записки, не разъ бывшія у меня и у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ рукахъ здѣсь въ Петербургѣ, это Г.-Л. (В. Д.) Иловайскій, подъ Бородиномъ уже Генералъ-Маіоръ, и 3 Ноября, 1860 года умершій въ Москвѣ, изъ которой онъ изгналъ запоздалыхъ Французовъ 11 Октября, 1812 года. Въ продолженіе пребыванія его здѣсь (съ 1844 по 1847 г.) не проходило дня, чтобы современники 1812 г. не собирались, иногда по нѣскольку человѣкъ, для воспоминаній и поясненій того, что казалось кому изъ нихъ темнымъ. Въ этѣхъ-то и нѣкоторыхъ другихъ Запискахъ Г. Богдановичъ нашелъ бы многое несравненно правильнѣе изложеннымъ, чѣмъ у Клау-

«Нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи изложено подробно въ сочиненіи Клаузевица, бывшаго Оберъ-Квартирмейстеромъ въ 1-мъ кавалерійскомъ карпусѣ.»

Мнѣнію этого-то Клаузевица (находившагося при 1-мъ корпусѣ) Уваровъ не послѣдовалъ, чтобы прежде разстроить артиллеріею часть непріятельской пѣхоты и потомъ уже атаковать; отъ этого три атаки лейбъ-гусаръ были безуспѣшны. Конечно, это есть въ сочиненіи Клаузевица.

Относительно же того, что, при отступленіи Уварова и Платова, они перешли Колочу и отошли къ Горкамъ около 4-хъ часовъ по полудни, слѣдовало бы показать мѣсто, гдѣ они совершали переправу чрезъ Колочу, чтобы отойти къ Горкамъ. Замѣчу только, что они пошли прямо опять на то мѣсто, съ котораго выступили. Относительно же времени, сдѣсь встрѣчается разнорѣчіе: Бутурлинъ (т. I, стр. 281) говоритъ, что «Г.-А. Уваровъ отступилъ къ селу Новому, при коемъ и стоялъ до ночи, пока не получилъ отъ Главнокомандующаго приказанія возвратиться за рѣчку Колочу.» Слѣдовательно, онъ тутъ же, въ Новомъ, конечно и перешелъ эту рѣчку, но уже ни какъ не около четырехъ часовъ по полудни. Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ о пунктахъ переправы чрезъ Колочу, какъ туда, такъ и обратно. Во всякомъ случаѣ этѣ показанія предшествовавшихъ историковъ должно было оговорить и, буде повѣствуемое ими неправильно, опровергнуть, на тотъ конецъ, чтобы истина была опредѣлена. Но не въ этомъ еще дѣло, а вотъ что сдѣсь стоитъ на первомъ планѣ:

Бутурлинъ (т. I, стр. 277), говоря о распоряженіяхъ Кутузова, приказавшаго Милорадовичу потянуться влѣво (съ перваго крыла), съ 4 пѣхотнымъ и 2 кавалерійскимъ корпусами, къ центру, присовокупляетъ: «кромѣ сего приказано было Генералу Платову, съ его Казаками, и Г.-А. Уварову съ 1-мъ кавалерій-

---

зевица и ему подобныхъ литераторовъ, гоняющихся за вычурными выраженіями и выставляющихъ себя на первомъ планѣ.

скимъ корпусомъ, дабы, перейдя рѣчку Колочу въ бродъ, ниже села Бородина, атаковали лѣвый флангъ Вице-Короля Италіянскаго (стр. 280). Г.-А. Уваровъ, исполняя данное ему приказаніе, перешелъ рѣчку Колочу, при селѣ Маломъ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и нѣсколькими Казачьими полками (конечно, отъ Платова), съ помощію коихъ принудилъ легкую кавалерійскую дивизію Орнано поспѣшно отступить за ручей Войну» и т. д.

Михайловскій-Данилевскій, который въ описываемый моментъ находился при Кутузовѣ, говоритъ еще опредѣлительнѣе на счетъ движеній Уварова и Платова. Вотъ что читается въ немъ (т. II, стр. 225): «Когда Кутузовъ былъ при Горкахъ и, желая лучше обозрѣть мѣстность, взъѣхалъ на курганъ, на которомъ находилась батарея въ три орудія, то слѣдствіемъ этого обозрѣнія были два приказанія, отданныя Кутузовымъ: 1-е, Милорадовичу, съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ Графа Остермана и 2-мъ кавалерійскимъ Корфа, приблизиться къ центру; 2-е, Платову съ Казаками и Уварову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина [134] и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Симъ движеніемъ Князь Кутузовъ надѣялся развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть силъ его отъ нашего лѣваго крыла.» И даже описываетъ дѣйствія помянутыхъ двухъ Генераловъ, на которыя смотрѣлъ съ Горской батареи Кутузовъ, и когда увидѣлъ, что цѣль достигнута, послалъ повелѣніе возвратиться и т. д.

Тутъ выходитъ уже совсѣмъ не то, что говоритъ Г. Богдановичъ. Сдѣсь мысль сдѣлать движеніе нашимъ правымъ флангомъ на лѣвый непріятельскій, была слѣдствіемъ личнаго обозрѣнія Кутузовымъ хода дѣла, а о предложеніи Платова чрезъ Принца Гессенскаго и объ исходатайствованіи Толя ни слова; между тѣмъ это обстоятельство чрезвычайно важное; ибо имѣло сильное вліяніе на исходъ Бородинскаго дня. За чѣмъ же отнимать славу этой мысли у того, кому она принадлежитъ по праву? Чтобы опредѣлить съ историческою точностію, кто правъ

---

[134] Видимая опечатка: должно быть ниже Бородина.

и кто виноватъ, почтенному сочинителю своей Исторіи слѣдовало данными опровергнуть повѣствованіе Бутурлина и Данилевскаго, но онъ почелъ за лучшее въ этомъ эпизодѣ даже и вовсе не упоминать о нихъ, а пустить въ ходъ указаніе Клаузевица!

Еще одно замѣчаніе: въ текстѣ показано въ отрядѣ Платова четырнадцать Казачьихъ полковъ и двѣ конныя батареи (слѣдовало бы роты, но за симъ въ этомъ сочиненіи гоняться нельзя), а на планѣ позиціи и сраженія означено только девять Казачьихъ полковъ съ нѣсколькими орудіями. По чему же остальные пять полковъ Казачьихъ не показаны на планѣ, расположенными отъ Москвы рѣки по низовью Колочи для наблюденія, какъ это сказано при описаніи позиціи, тогда какъ пѣхотные полки, для того же назначенія, тутъ размѣщенные, на планѣ показаны? Точно также вездѣ говорится, что въ отрядѣ Г.-М. Карпова, на старой Смоленской дорогѣ, были шесть Казачьихъ полковъ, а на планѣ означены только пять.

Генералъ Богдановичъ проходитъ молчаніемъ: бралъ ли Платовъ съ собой на поискъ Донскую артиллерію, или только часть оной; мѣстность тому препятствовать не могла; ибо съ Уваровымъ находилась же конная артиллерія, а Донская того времени была несравненно легче въ дѣйствіи. Во всякомъ случаѣ, какъ можно было не упомянуть о 24-хъ орудіяхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ этой Исторіи говорится даже и о двухъ орудіяхъ, съ именемъ начальника оныхъ, Подпоручика, или Поручика, въ случаяхъ, ни чего не значащихъ?!

Изъ девяти Казачьихъ полковъ (за откомандированіемъ пяти, какъ замѣчено выше), стоящихъ съ Платовымъ на позиціи, Г. Богдановичъ называетъ (примѣч. къ XXIII гл., № 4) только семь и часть Атаманскаго: принимавшихъ участіе въ поискѣ, и ни слова не говоритъ, что сдѣлалось съ однимъ цѣлымъ Казачьимъ полкомъ и большею частію Атаманскаго: были ли они оставлены на позиціи, можетъ быть, для прикрытія артиллеріи, если она оставалась на мѣстѣ; а при томъ, отъ кого было и прикрывать оную? Тѣмъ болѣе еще, что впереди, по пути Платова за Колочу, находились, для наблюденія за нею, пять полковъ, незави-

симо отъ егерскихъ? Или, наконецъ, цѣлый полкъ и большая половина Атаманскаго получили другое назначеніе, а то иначе они, вмѣстѣ съ однимъ полкомъ изъ отряда Карпова, какъ бы исчезли изъ Исторіи?

Всѣ этѣ недостатки, недоговоры, противорѣчія, темныя мѣста и т. п., оставляютъ военнаго читателя, особенно любознательнаго, въ недоумѣніи. Другимъ же какое дѣло до этѣхъ частностей? Не они дѣлаютъ оцѣнку сочиненія. Однако же «Исторія Отечественной войны 1812 года» составляетъ предметъ, который можетъ занять и не однихъ военныхъ, [135] а по тому точность необходима для изображенія тогдашнихъ подвиговъ всѣхъ сословій нашего Отечества. Съ другой же стороны, можно ли, по всей справедливости, требовать, какъ уже замѣчено, чтобы громадный трудъ этотъ не содержалъ въ себѣ всевозможныхъ недостатковъ, когда на составленіе онаго употреблено только три года? И кажется, что почтенный сочинитель этѣми тремя годами желаетъ показать, какое долгое время употребилъ онъ на сочиненіе своей Исторіи! И дѣйствительно сочинилъ. [136]

О вліяніи, которое имѣли на общій ходъ Бородинской битвы движенія Платова и Уварова Бутурлинъ говоритъ очень коротко, сознавая при томъ, что оно заставило Наполеона, потерять много времени (стр. 194—195). Окуневъ пишетъ относительно боковаго движенія Генерала Уварова: «Сіе движеніе конницы не

[135] И это торжественно доказано въ высшей степени любопытнымъ взглядомъ, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Недоумѣнія при чтеніи книги Г. Богдановича» и пр., помѣщенной въ третьей книгѣ «Чтеній въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1866 годъ. А въ четвертой книгѣ тѣхъ же «Чтеній» за 1867 г. статья Г. Жукова не менѣе любопытна и знаменательна своими замѣчаніями на Исторію Г. Богдановича.

[136] По моему же крайнему разумѣнію, въ этомъ случаѣ можно сказать то же самое, какъ лѣтъ шесть, или семь, тому назадъ одно лицо, на представленномъ ему какомъ-то проектѣ, написало: «По моему мнѣнію сумлѣваюсь, чтобы проэктъ можно было оболванить къ Юлю.» Такъ и я сомнѣваюсь, чтобы въ три года можно было изучить матеріялы и написать Исторію войны 1812 года безупречно, по крайней мѣрѣ, безъ взаимныхъ противорѣчій.

имѣло всего ожидаемаго отъ него успѣха при его предпріятіи, но произвело, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую нерѣшимость въ наступательномъ дѣйствіи непріятельскаго центра, коею Русскіе воспользовались для приведенія въ порядокъ утомленныхъ войскъ.» Окуневъ присовокупляетъ, что онъ «знаетъ сіе отъ Генерала, начальствовавшаго одною изъ пѣхотныхъ дивизій, весьма дѣятельно участвовавшаго въ сей славной битвѣ. Онъ увѣрялъ меня, что весьма было примѣтно въ наступательномъ движеніи Наполеона ослабленіе, которому въ первую минуту не знали истинной причины, но въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что сіе ослабленіе центра произошло отъ опасенія, возбужденнаго боковымъ движеніемъ Уварова.» Жомини одинаково свѣдѣтельствуетъ, [137] что Кутузовъ выигралъ время симъ движеніемъ, и что Наполеонъ, получивши о семъ извѣстіе, пріостановилъ сдѣланное распоряженіе для обновленія атаки на нашъ центръ, и опасался за свой путь сообщенія и т. д. Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 27) говоритъ, что «дѣйствія Платова и Уварова имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе Князя Кутузова. Лѣвый флангъ нашъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго взяты. Наполеонъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну атаку за другою. Наконецъ онъ въ то же время приказалъ Вице-Королю атаковать курганную батарею,—и вдругъ измѣнился видъ дѣла. Гвардіи велѣно остановиться, а Вице-Королю не итти въ атаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-Король и самъ Наполеонъ, завидя кавалерію Платова и Уварова и произведенную тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія Князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ, какъ и тогда кто-то справедливо замѣтилъ, можно было свободнѣе вздохнуть. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона

---

[137] Vie pol. et milit. de Napoleon. t. II, p. 226. Édit. de Bruxelles, 1842.

возможности воспользоваться побѣдой, уже склонявшейся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ маневра Кутузова, маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ.[138]

Генералъ Богдановичъ съ своей стороны дѣлаетъ слѣдующій выводъ (т. II, стр. 208): «Вообще же нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи, произведенное безъ содѣйствія пѣхоты, которое, по свойствамъ мѣстности въ окрестностяхъ Бородина (?), было необходимо, не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій, но принесло намъ большую пользу, заставя Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ мы успѣли усилить нашъ центръ войсками съ праваго крыла и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареей Раевскаго и Семеновскимъ.» Сдѣсь ссылки на Шамбре и на Тьера.[139] Я недоумѣваю, какимъ образомъ могло составиться подобное разсужденіе. Движеніе Уварова (замѣтьте о Платовѣ опять ни слова) не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій! И тотчасъ, въ слѣдъ за тѣмъ, что это движеніе заставило Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ; что въ это время мы успѣли усилить нашъ центръ войскомъ съ праваго фланга и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареей Раевскаго и Семеновскимъ. Это бездѣлица, по мнѣнію Г. Богдановича! Да какія бы могли быть послѣдствія, если бы мы не имѣли времени сдѣлать всѣ этѣ распоряженія? Пусть почтенный сочинитель прочитаетъ только написанное имъ же, что когда, послѣ потерянныхъ Наполеономъ двухъ часовъ времени, давшихъ намъ возможность сдѣлать помянутыя передвиженія, непріятель напалъ на центральную батарею и занятый уже нами промежутокъ между оною и Семеновскимъ, то какія усилія мы должны были употребить противъ натиска многочисленной непріятель-

---

[138] Г. Богдановичъ, какъ видѣли выше, приписываетъ первую мысль онаго Платову, что, по тщательномъ обзорѣ матеріяловъ, должно объясниться.

[139] Прил. къ XXIII гл., № 6.

ской конницы и колоннъ его пѣхоты, чтобы устоять, но и то не на всѣхъ пунктахъ? Что же было бы, повторяю, если бы мы не имѣли возможности воспользоваться этѣми двумя часами!.... Конечно, тогда были бы рѣшительныя послѣдствія и для насъ и для непріятеля, но совершенно одни другимъ противоположныя. Остается только удивляться, какъ могло помянутое разсужденіе быть написано, и при томъ заимствованное только изъ двухъ Французскихъ повѣтствователей, изъ коихъ одинъ точно также, какъ и нашъ почтенный исторіографъ, не былъ въ дѣлѣ, слѣдовательно, они оба компилировали и на попавшую на глаза тему фантазировали!

Въ слѣдъ за послѣдними выше приведенными словами читается слѣдующее: «Князь Кутузовъ полагалъ, что при этомъ нападеніи наша кавалерія могла бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи?» Это опять откуда почерпнуто? Ни сдѣсь, ни до самаго конца параграфа, ссылки нѣтъ, а она видимо была необходима, ибо свѣдѣтельствуетъ мнѣніе Кутузова. Если бы почтенный сочинитель находился на лицо самъ, то авторитетъ его былъ бы не сомнителенъ, все равно, слышалъ ли бы онъ самъ отъ Кутузова, что онъ надѣялся на большіе успѣхи, или тогда же сказали о томъ другіе; но какъ ни того, ни другого не было, слѣдовательно, повторяю, и ссылка была необходима; иначе, по мнѣнію самого же исторіографа, заявленному въ 1-мъ нумерѣ «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, пришлось бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ Мюнхгаузенъ въ своемъ твореніи, извѣстномъ у насъ въ переводѣ: «Не любо не слушай» и т. д. Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Изъ донесенія Уварова видно, что ему было приказано отвлечь непріятеля отъ покушеній на вторую армію, но что въ послѣдствіи онъ получилъ отъ Барклая и отъ самого Кутузова повелѣніе [140] возвратиться «на позицію.» Выше видно было, что Уваровъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе, отвлекъ вниманіе

[140] Значитъ, письменное; ибо иначе сказано было бы приказаніе; а если письменное, то не въ немъ ли находится сѣтованіе Кутузова, что наша кавалерія могла бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи? Повелѣніе это необходимо было бы приложить.

непріятеля отъ второй арміи, заставивъ его потерять около двухъ часовъ времени, что въ самомъ концѣ Августа, по краткости дня, весьма важно. Слѣдовательно, Кутузовъ, соображая безполезность дальнѣйшаго пребыванія коннаго отряда на изрѣзанной мѣстности, и послалъ приказаніе или повелѣніе возвратиться, а можетъ быть, онъ это сдѣлалъ и съ другою цѣлью, ниже изложенною.

За симъ слѣдуетъ собственное критическое разсужденіе почтеннаго сочинителя: «Дѣйствія нашего отряда могли бы имѣть болѣе важныя послѣдствія (а какія, не сказано) только тогда, когда онъ былъ бы въ значительныхъ силахъ и состоялъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, или, если бъ Уваровъ получилъ опредѣлительную инструкцію (!), въ которой было бы ясно выражено, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля, и что эту атаку слѣдовало повести даже и въ такомъ случаѣ, если бы нашъ отрядъ подвергался совершенному пораженію.»

Относительно состава отряда Уварова въ значительныхъ силахъ изъ всѣхъ родовъ войскъ я замѣчу, что Г. Богдановичъ самъ же описалъ мѣстность противъ нашего праваго фланга, по которой значительный отрядъ, въ составѣ всѣхъ родовъ войскъ, не иначе могъ бы двигаться, какъ чрезвычайно медленно, а это дало бы время и возможность непріятелю притянуть къ защитѣ необходимое число войскъ, что, по близости его массъ и удобству мѣстности, ему очень было бы легко сдѣлать. [141] И разъ отбивши нашъ натискъ, весь отрядъ подвергался бы истребленію при отступленіи чрезъ нѣсколько рѣчекъ съ крутыми и обрывистыми берегами, оврагами и другими значительными физическими препятствіями. А при томъ, откуда бы взялась у насъ пѣхота, которая долженствовала въ такомъ отрядѣ быть въ силѣ? Сдѣсь нуженъ былъ отважный кавалерійскій налетъ легкой конницы и въ особенности Казаковъ; тутъ дѣло шло не объ упорныхъ схваткахъ, но о быстротѣ, а можетъ быть и для того, чтобы усмо-

---

[141] Частію онъ и исполнилъ это противъ конницы Уварова.

трѣть, какое вліяніе это произведетъ на непріятеля, чтобы въ послѣдствіи воспользоваться симъ, о чемъ скажется далѣе.

Что же касается до того, что если бы Уваровъ получилъ опредѣлительную инструкцію, съ яснымъ выраженіемъ, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля, даже и въ такомъ случаѣ, если бъ отрядъ этотъ подвергался совершенному пораженію, то, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю смыслъ этѣхъ словъ! Для Генерала, уполномоченнаго на такой подвигъ, всякая опредѣлительная инструкція только бы стѣснила его въ распоряженіяхъ; ибо заблаговременное опредѣленіе дѣйствій зависитъ не отъ тѣхъ, которые составляютъ инструкцію. Въ подобныхъ случаяхъ опредѣлительность опредѣляется моментами дѣйствій, и по тому совершенно зависитъ отъ исполнителя; и наконецъ, какую бы пріобрѣли пользу, если бы начальникъ отряда, при видимой, на мѣстѣ, невозможности имѣть какой либо успѣхъ, руководствовался ясно выраженною и опредѣлительною инструкціею, написанною за нѣсколько верстъ отъ мѣста дѣйствія и подвергъ ввѣренный ему отрядъ совершенному пораженію? Какая была бы въ томъ польза? повторяю. А вотъ какая: успѣхомъ симъ непріятель бы воодушевился, а въ нашихъ рядяхъ послѣдовало бы уныніе, первый шагъ къ потерѣ духа, который составляетъ главнѣйшія качества воина. Такъ, если бы въ этой ясно выраженной опредѣлительной инструкціи сказано было, для успѣха въ главныхъ предначертаніяхъ, Уваровъ не долженъ останавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ и тогда даже, когда бы подвергалъ отрядъ свой значительной потери людей, или что либо подобное, но уже ни какъ совершенному пораженію. Конный отрядъ, послѣ многихъ безъуспѣшныхъ атакъ, не подвергается еще столь сильному и такъ опредѣлительному выраженію совершеннаго пораженія!

Мнѣ никогда не случалось слышать о подобныхъ предписаніяхъ, подъ названіемъ инструкцій, да еще опредѣлительныхъ, ясно выраженныхъ! Между же тѣмъ, по роду моей службы, мнѣ приходилось, съ 1808 по 1830 годъ, переписывать и писать съ диктовки подобныя распоряженія лицъ, очень по-

нимающихъ дѣло. Все, что относилось до боевыхъ распоряженій по войскамъ, называлось: диспозиція, дополненіе къ оной, предписаніе, приказаніе, даже пусть: наставленіе, разъясненіе въ случаѣ нужды, но все таки не инструкція, которая, по принятому правилу, дается только обревизирователямъ какого либо Департамента Провіантской, или Коммисаріятской, Коммисіи, партіоннымъ Офицерамъ и т. п.; по крайней мѣрѣ, въ мое время, въ военной бюрократіи, это было такъ принято. Сколько странно было бы слышать, что получившій порученіе обревизовать Департаментъ, Коммисію и т. п., или дипломатъ, для руководства въ своихъ сношеніяхъ, вмѣсто прямаго слова, въ подобныхъ случаяхъ, инструкція, были бы снабжены диспозиціею, столь же странно слышать, что Генералъ, долженствующій тотчасъ атаковать непріятеля, получаетъ инструкцію![142] Всѣ этѣ названія имѣютъ свое специяльное значеніе въ военной терминологіи.

Относительно же содержанія помянутой опредѣлительной инструкціи, повелѣвающей, не смотря ни на что, атаковать непріятеля, если бы даже пришлось и потерпѣть совершенное пораженіе, то и этого выраженія, безъ особенныхъ къ тому добавленій, въ продолженіе всей моей боевой службы, не приходилось нигдѣ встрѣчать, да и послѣ, до самаго появленія настоящей книги, гдѣ либо и читать.

Впечатлѣніе, произведенное на непріятеля движеніемъ нашего праваго фланга, должно быть тщательно разсмотрѣно, и перебрано все то, что пишутъ иноземцы-свѣдѣтели и слышавшіе тогда же о безпорядкѣ, происшедшемъ на этомъ флангѣ, о чемъ вскользь упоминаетъ и самъ Генералъ Богдановичъ. Суматоха на возвышеніи отъ Бородина, по направленію къ Колоцкому

---

[142] Я нахожу въ этѣхъ двухъ случаяхъ ту же оригинальность, какъ если бы кто въ руководствѣ обязанностей своеручно написалъ: «Наблюдать, чтобъ на этапахъ было достаточно дровъ для пищеваренія,» вмѣсто для варенія пищи. Или вычеркнулъ слово госпиталь, а написалъ «гауптспиталь», по тому что караульня пишется гауптвахта, а не гопвахта.

монастырю, была ясно видна отъ Горокъ, и съ какою поспѣшностію многія палатки были сняты!

Что касается собственно моего мнѣнія, основаннаго на многихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ, въ то же время и въ послѣдствіи слышанныхъ отъ лицъ, свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, изъ коихъ нѣкоторыя и учавствовали въ этомъ поискѣ, то я вполнѣ убѣжденъ, что даже послѣ того, что Уваровъ не успѣлъ сломить каре, и когда Платовъ произвелъ описываемый безпорядокъ въ непріятельской пѣхотѣ около Беззубова, первый отошелъ бы (какъ онъ это и сдѣлалъ), обратно черезъ Колочу, на прежнюю свою позицію, а Платовъ скрытно принялъ бы вправо чрезъ Логиново, если нельзя этого сдѣлать около Беззубова, и перенесся на путь, приведшій Наполеона къ Бородину, то произвелъ бы въ тылу его арміи сильную тревогу. Колоцкій монастырь, заваливаемый ранеными въ продолженіе цѣлаго дня; снаряды, обозы военные и въ особенности частные, и маркитанты на этомъ пространствѣ, услышавъ выстрѣлы и крики ура и другіе, хотя бы при ложныхъ атакахъ, распространили бы ужасъ [143] до самыхъ рядовъ арміи, утомленной жестокою, въ продолженіе цѣлаго дня, битвою, терпящей издавна голодъ, съ конницею, которая изнурена и разстроена была до высочайшей степени. Поискъ части Казаковъ, по направленію на Гжатскъ, также заваленный больными, какъ и на всемъ протяженіи отъ Колоцкаго монастыря; отсталые и мародеры, всегда въ большомъ количествѣ находившіеся въ то время на дальнія разстояніи въ тылу тогдашнихъ Французскихъ армій, все это неминуемо должно было произвести смятеніе. Нѣсколько же выстрѣловъ изъ Донской артиллеріи могло имѣть неисчислимыя послѣдствія, особенно же принявъ въ соображеніе, что тревога въ тылу Французовъ дѣлаетъ на нихъ особенное впечатлѣніе. Присоедините еще къ сему удачный набѣгъ (въ успѣхѣ котораго

---

[143] Только одно появленіе, и еще днемъ, Платова и Уварова было уже поводомъ къ безпорядкамъ и безотчетной паникѣ въ обозахъ. Мнѣніе о семъ самихъ Французовъ см. въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы». Москва. 1866.

нельзя было бы и сомнѣваться) на Колоцкій монастырь, [144] истребленіе находившихся тутъ госпитальныхъ фуръ, медицинскихъ потребностей и лицъ, перехватъ снарядовъ и части продовольствія, шедшихъ изъ Смоленска и находившихся въ то время около Гжатска, и едва ли частію не по сю сторону, подъ слабымъ прикрытіемъ, которое отъ внезапнаго и ни какъ неожиданнаго нападенія, не могло бы охранить длинной вереницы зарядныхъ ящиковъ, фуръ и повозокъ, и должно было бы разсѣяться и предоставить все въ добычу.

Платовъ могъ, оставивъ на мѣстѣ даже отъ 1500 до 2000 человѣкъ, имѣть съ собой еще отъ трехъ до трехъ съ половиной тысячь Казаковъ, при которыхъ могла находиться и часть Донской артиллеріи. Ему не предстояло ни какой опасности; пространство было въ его распоряженіи; оставшіеся жители, преимущественно скрывшіеся въ окрестныхъ убѣжищахъ, были озлоблены на врага, и по тому содѣйствовали бы Казакамъ наблюденіями и указаніями своими. Непріятель не имѣлъ средствъ преслѣдовать Платова и его партій далеко отъ главной массы своихъ войскъ; конница его была бы вѣрною жертвой.

При таковомъ положеніи дѣлъ, Наполеону трудно было бы на другой день оставить мѣсто битвы и слѣдовать за нашей арміей. Онъ долженъ бы былъ либо значительно себя ослабить, оставивъ болѣе сильный отрядъ на мѣстѣ, чѣмъ около 8500 Вестфальцевъ съ Жюно, который былъ бы въ такомъ случаѣ не въ силахъ прикрывать въ Можайскѣ и Колоцкѣ магазины, раненыхъ, больныхъ и обезпечивать путь, либо же наконецъ отказаться идти на Москву. По сказанію Г. Богдановича, Наполеонъ уже колебался по причинѣ недостатка въ снарядахъ послѣ Бородинской битвы. Платовъ же, по соображеніямъ Главнокомандующаго, все-

---

[144] Говорили въ свое время, и въ послѣдствіи изъ разговоровъ близкихъ къ Платову можно было заключить, что онъ предлагалъ этотъ налетъ, но предложеніе не было принято. Положительно же въ Запискахъ (И. Ѳ.) Богдановича, Кузнецова и Иловайскаго сказано, что Платовъ, возвращаясь съ поиска, приказалъ полковымъ командирамъ замѣчать мѣстность на случай возвращенія ночью.

гда имѣлъ возможность въ данный моментъ присоединиться къ арміи; ибо ограничивался бы только истребленіемъ врага, отъ Колоцкаго монастыря до Гжатска ближайшихъ къ арміи непріятельскихъ госпиталей. Съ подобнымъ подготовленіемъ Платовымъ, въ ночь, послѣдовавшую за битвой, не мудрено, что предначертаніе атаковать непріятеля 27-го числа съ разсвѣтомъ положило бы конецъ его дальнѣйшему движенію, и можетъ быть съ важными послѣдствіями. Иноземные историки-участники говорятъ о семъ, и, замѣчательно, что Господинъ Профессоръ нашъ, избравшій предпочтительно предъ всѣми другими Шамбре, не приводитъ даже и его мнѣнія, какъ относительно предположенія нашего атаковать Наполеона до разсвѣта 27-го, такъ и о послѣдствіяхъ поиска Платова и Уварова, если бы они продолжали оный. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ (t. II, pag. 76): «Это предпріятіе (пустить ополченіе ночью) было бы полезно по тому, что оно потревожило бы покой арміи и могло «произвести большой безпорядокъ» и т. д. Относительно же втораго онъ, пишетъ (pag. 81): «Диверсія, исполненная Уваровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно полезнѣе, если бы онъ вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ и ожидать (Французъ ни на шагъ отъ фразъ!), а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, ведущую изъ Смоленска, онъ бы распространилъ безпорядокъ и смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его отступленіе не было такъ опасно и затруднительно, какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ исполнить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, которыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.» Унгернъ, [145] говоря объ этой демонстраціи, между прочимъ (pag. III), присовокупляетъ: «Девять Казачьихъ полковъ могли бы проникнуть въ тылъ Французской арміи, и если бы имъ посчастливилось овладѣть парками и обозами, или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ

---

[145] Exploits et vicissitude de la cavallerie etc. (Journale des sciences milit.. 1849, № 28).

только отступить, то такое предпріятіе могло имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія и т. д. Это же говорятъ и другіе. Все это, вѣдь, безспорно есть чистая принадлежность Исторіи войны 1812 года. Въ ней, кажется, должны бы быть соединены всѣ сказанія иноземныхъ повѣтствователей и вмѣстѣ съ нашими пропущены чрезъ здравую критику, а этого-то до сихъ поръ и нѣтъ!

Поясняя весь этотъ эпизодъ, критику слѣдуетъ принять въ соображеніе и къ обсужденію еще слѣдующее: приказаніе Платову и Уварову возвратиться съ поиска на позицію было отдано около третьяго часа по полудни, когда Кутузовъ былъ еще въ твердой рѣшимости атаковать непріятеля въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Солнце было еще высоко и ни что не мѣшало Платову и Уварову продолжать, по обстоятельствамъ, присутствіемъ своимъ тревожить непріятеля, у котораго произошло уже смятенія въ обозахъ и т. п., и вѣсть эта тотчасъ разнеслась по всей его арміи, встревоживъ самаго Наполеона: Уваровъ, по приказанію Барклая, отступилъ и, не переходя Колочи, остановился на лѣвомъ ея берегѣ. Но Кутузовъ повторилъ Уварову приказаніе возвратиться на позицію, что онъ и исполнилъ уже вечеромъ Переносясь въ ту пору, перебирая остающіяся еще свои записки и приводя себѣ на память все, что было говорено въ то время и въ послѣдствіи, прихожу къ тому заключенію, что Кутузовъ, отзывая такъ рано Уварова, и въ особенности Платова, обратно на позицію, дѣлалъ это не безсознательно, или безъ разсчета, но съ цѣлію усыпить вниманіе непріятеля съ этой стороны и заставить его думать, что этѣмъ ничтожнымъ набѣгомъ кончается и все предпріятіе наше на лѣвое крыло его арміи. Между тѣмъ, усмотрѣвъ нравственное вліяніе, произведенное этѣмъ поискомъ, нашъ Главнокомандующій очень вѣроподобно представлялъ себѣ возобновить оный съ большею настойчивостью одновременно съ наступленіемъ нашей арміи въ слѣдующее утро. Но такъ какъ это послѣднее предположеніе отмѣнено около десяти часовъ вечера, [146] то и поискъ Платова и Уварова не имѣлъ тѣхъ по-

[146] Все, что относится до этого предначертанія Кутузова, въ которомъ онъ стоялъ твердо въ продолженіе около восьми часовъ времени и дѣлались нужныя къ

слѣдствій, которыхъ вправѣ были ожидать, и несомнѣнно, если бы мысль атаковать непріятеля до разсвѣта въ слѣдующій день не родилась уже у Кутузова, онъ не отозвалъ бы такъ рано Уварова, въ особенности же Платова, который, продолжая угрожать тылу оконечности лѣваго непріятельскаго крыла, понудилъ бы Наполеона обратить еще большее вниманіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и нападеніе на центральную батарею нашу могло быть отложено, а можетъ быть и вовсе отмѣнено. Извѣстно, что внезапное появленіе нашихъ войскъ на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ заставило Вице-Короля Италіянскаго немедленно притянуть изъ центра къ угрожаемому пункту часть пѣхоты, которая, по отступленіи Платова и Уварова, вновь присоединилась къ войскамъ, готовившимся къ нападенію на нашу центральную батарею.

Продолжай Уваровъ занимать непріятеля отдѣльными атаками, а Платовъ прими еще правѣе Беззубова и переправься на лѣвый берегъ Войны, повернись потомъ круто влѣво, угрожая Колоцкому монастырю и пути въ Гжатскъ, сомнительно, повторяю, предприняль ли бы Наполеонъ свою атаку на нашу центральную батарею, безъ войскъ Вице-Короля, которыя неотмѣнно должны были стянуться къ угрожавшемуся пункту и въ особенности къ Колоцкому монастырю, центральному перевязочному пункту, или долженъ былъ бы употребить онъ для сего послѣдній свой резервъ, около осьмнадцати тысячъ гвардіи, на что едва ли бы рѣшился, отказавъ не разъ сдѣлать это въ самые рѣшительные мгновенія дня.

Словомъ, все, что относится къ этому движенію, должно быть, совокупно съ показаніями Французскихъ писателей, разобрано критически, лицомъ, знакомымъ съ мѣстностію, съ характеромъ и свойствами войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, и притомъ твердо знающимъ то, за что берется, иначе же все оста-

---

тому предварительныя распоряженія и о внезапномъ измѣненіи этого намѣренія, а равно и представлявшіеся ходы въ этомъ предпріятіи, предполагаю разсмотрѣть въ особой статьѣ.

нется самопроизвольнымъ наборомъ словъ, перемѣшанныхъ выраженіями, одни другимъ противорѣчащими, но отнюдь не наукой. Такъ не пишутся и порядочныя повѣсти и похожденія, а еще менѣе книги, подъ громкимъ названіемъ Исторіи. Эта послѣдняя требуетъ другихъ условій, которыя не для всѣхъ легко доступны. Откровенное высказываніе истины не должно стѣснять критика въ указаніяхъ безсмыслицы изложенія; иначе офиціяльное значеніе сочинителей на степеняхъ ученыхъ, по назначенію званій, останется авторитетомъ. [147]

Обращаюсь къ стр. 221, гдѣ Генералъ Богдановичъ разсудивъ, могли ли мы предпринять что либо на другой день, присовокупляетъ: «Съ перваго взгляда кажется, что Барклай де Толли, зная положеніе нашей арміи, не имѣлъ основательной причины искать новаго боя, но это желаніе легко объясняется тѣмъ, что какъ ни велики были наши потери, мы считали ихъ меньшими непріятельскихъ. Упорное сопротивленіе Русскихъ войскъ въ незабвенный день Бородинской битвы поселило въ нашихъ воинахъ надежду преградить непріятелю путь къ Москвѣ, и отъ того не возможное казалось возможнымъ.» [148]

Я нахожу, что послѣднія слова, безъ подробнаго критическаго разбора всего, относящагося до положенія въ ту ночь, какъ нашей, такъ и непріятельской, армій, сказаны неосновательно, тѣмъ болѣе еще, что Барклай, Дохтуровъ, Раевскій и другіе опыт-

---

[147] Впрочемъ, нельзя и отрицать, чтобы гдѣ либо вовсе не встрѣчались такіе повѣствователи, которые подходятъ подъ смыслъ нѣкоторыхъ билетцовъ, въ старину употреблявшихся на конфектцахъ, каковы, на примѣръ, слѣдующіе:

«Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей:
За тѣмъ, что выше всѣхъ взбиваетъ свой тупей!

Кто взялся написать Исторію безъ смысла,
И ставитъ тамъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла!» и пр.

[148] Объ этомъ замѣчательномъ выраженіи сказано нѣсколько словъ въ книгѣ (предисловіе, стр. XIX—XXIII): «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?»

ные наши Военноначальники того времени, не находили этого невозможнымъ, какъ признается это нынѣ чрезъ полвѣка. [149] Не то ли это, какъ если бы теперь кто либо началъ критиковать Аннибала, что онъ не долженъ былъ итти по той дорогѣ, которой пошелъ, а по другой и т. д? Такія сужденія можно выводить послѣ обозрѣнія, какъ замѣчено выше, всѣхъ обстоятельствъ, съ приведеніемъ всѣхъ безъ изъятія современныхъ мнѣній, но и это едва ли можетъ дать удовлетворительный выводъ, развѣ разборъ всѣмъ по сему предмету разногласіямъ будетъ сдѣланъ тѣмъ, кто самъ въ то время былъ въ дѣйствіи, хоть бы то Прапорщикомъ во фронтѣ. Засвѣдѣтельствованіе и его имѣетъ несравненно болѣе вѣса истины, чѣмъ всевозможное краснорѣчіе всѣхъ каѳедръ міра, хотя бы съ нихъ кричали Димосѳенъ и Цицеронъ.

На стр. 223-й говорится о потерѣ, понесенной непріятелемъ. Разсказъ объ этомъ отличается тою же отчетливостью и ясностью, какъ и многія другія мѣста разсматриваемой Исторіи. Сдѣсь я не дѣлаю замѣчаній; ибо въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» посвящена цѣлая глава этому предмету.

На стр. 226-й Генералъ Богдановичъ разсуждаетъ о томъ, что когда бы «отчаянное сопротивленіе нашей арміи заставило Наполеона отойти назадъ, онъ все таки не подвергался ни какой опасности при этомъ отступленіи, по тому что оно было бы прикрыто многочисленною конницей, а по достиженіи Смоленска, Наполеонъ усилился бы.»

На страницѣ же 228-й, продолжая разсужденіе, встрѣчается слѣдующее: «Непріятельская армія, не смотря на успѣхи, ею одержанные въ Бородинской битвѣ, находилась въ затруднительномъ состояніи. Войска Наполеоновы имѣли крайнюю нужду въ провіантѣ и фуражѣ; все жилье отъ Смоленска

---

[149] Въ помянутой же книгѣ и это подробно разобрано

до Гжатска было завалено больными и ранеными; подкрѣпленія и парки отстали отъ арміи» и пр.

И такъ если Французская армія находилась въ такомъ состояніи послѣ успѣховъ, одержанныхъ въ Бородинской битвѣ, то въ какомъ положеніи была бы эта армія, вынужденная, послѣ отчаяннаго сопротивленія нашего въ Бородинской же битвѣ, и особенно еще по возобновленіи оной на другой день, отступать къ Смоленску?

Въ III-мъ же томѣ, на стр. 402, 403 и слѣдующихъ, вновь разсужденіе, въ которомъ сказано, что если бы Наполеонъ остановился въ Смоленскѣ по занятіи его, то неотмѣнно бы погибъ! По чему же сдѣсь, когда онъ уже потерялъ значительную часть своей арміи, положеніе его было бы лучше нашего? Курьозъ! Не было бы конца приводить сдѣсь всѣ, встрѣчающіяся въ книгѣ, разнорѣчія въ выводахъ, собственно принадлежащихъ почтенному исторіографу, и этѣ-то именно разнорѣчія затемняютъ смыслъ: лучше было бы держаться одного чего ни будь. Не входя въ подробный разборъ всѣхъ этѣхъ противоположныхъ одно другому разсужденій, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на высказанное имъ на 226 стран., какъ упомянуто выше.

Во первыхъ. Генералъ Богдановичъ отвергаетъ необходимость побѣды, утверждая, что отступленіе Наполеона послѣ Бородина было бы для насъ хуже, чѣмъ занятіе имъ Москвы и ея истребленіе; въ этомъ случаѣ онъ вторитъ Бутовскому, [150] воспѣвавшему на это предложеніе.

Во вторыхъ. Если бы послѣдовала послѣ Бородина на другой день битва, и Наполеонъ былъ вынужденъ отступать до Смоленска, т. е., болѣе трехъ сотъ верстъ, откуда взялась бы у него многочисленная конница, тогда какъ въ Бородинской битвѣ, происшедшей 26-го Августа, она получила ударъ, послѣ котораго никогда уже не могла поправиться, а выдержавъ еще такое же сраженіе, которое должно было послѣдовать на дру-

---

[150] Матеріялы для Отечественной войны 1812 г. Спб., 1867, стр. 119.

гой день, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что она была бы доведена до послѣдняго исхода; ибо сочинитель, конечно, читалъ Унгерна, [151] который говоритъ (р. 96), что, подходя къ Москвѣ, Неаполитанскій Король, недовольный одною атакой конницы, исполненной безъ должной силы и быстроты, замѣтилъ это Генералу Нансути, который орвѣчалъ: «Это происходитъ отъ того, что лошади мои не имѣютъ патріотизма; наши солдаты хорошо дерутся безъ хлѣба, но лошади безъ овса не исполняютъ своей обязанности!» Самъ Г. Богдановичъ говоритъ неоднократно о затрудненіи Французской кавалеріи въ добываніи фуража отъ самаго Смоленска. Усилія Наполеоновой конницы при Бородинѣ были послѣдними: это были усилія предсмертныя. Потерявъ еще болѣе въ битвѣ на другой день, и какъ Г. Богдановичъ предполагаетъ, что Наполеонъ долженъ бы былъ отступить, въ такомъ случаѣ онъ не могъ имѣть многочисленной конницы, которая прикрывала бы его отступленіе на пути, гдѣ все было истреблено, а запасовъ еще не собрано и магазиновъ не учреждено. Наша конница и не одни Казаки насѣли бы на непріятеля несравненно съ большимъ удобствомъ для наступательныхъ движеній, чѣмъ это было зимой. Она могла слѣдовать по сторонамъ большой дороги, гдѣ находила бы себѣ продовольствіе, между тѣмъ какъ Французы не осмѣливались бы ити въ сторону для фуражировокъ, подвергаясь нападенію жителей и нашихъ партій, а посылать большіе отряды также было бы безполезно; населеніе на этомъ пространствѣ, отъ Бородина до Смоленска, не включаетъ въ себѣ такихъ пунктовъ, на которыхъ, найдя обильные запасы, можно было бы тотчасъ поднять ихъ, да, сверхъ того, подобное отдѣленіе большихъ отрядовъ въ сторону замедляло отступленіе и дано бы время нашей пѣхотѣ, отдохнувъ, настигнуть непріятеля. Наконецъ

Въ третьихъ. Разсужденіе Генерала Богдановича по сему предмету есть чисто теоретическое, кабинетное; онъ, кажется, не принялъ въ соображеніе характеристики Французскихъ армій

---

[151] Histoire critique des exploits et vicissitudes de la cavallerie pendant les guerres de la revolution et de l'Empire.

со времени первой революціи. Французская армія по духу есть армія наступательная; она грозна въ подобныхъ движеніяхъ; но разъ принужденная отступать, она деморализируется и никогда не можетъ исполнять сего движенія въ порядкѣ, особенно, когда ее живо преслѣдуютъ. Дисциплина слабѣетъ, а иногда и вовсе исчезаетъ. Въ Смоленскѣ, еще на пути къ Москвѣ, когда Ней, убѣждая Наполеона не идти далѣе, присовокупилъ (Vie de Marechal Ney, pag. 51): «Впрочемъ, я долженъ Вамъ сказать, что солдаты теряютъ свою веселость, вообще Французы легко теряютъ свой духъ (se decouragent), когда они находятся вдали отъ своего отечества, и опытъ глубоко обдуманный убѣдилъ меня, что малѣйшая неудача (revers) для нихъ достаточна, чтобы забыть всѣ прежніе успѣхи: она ввергаетъ ихъ dans les plus grand abattement.» Эта истина сознана всѣми ихъ писателями, которыхъ труды, конечно, были предъ глазами нашего почтеннаго сочинителя, но, по видимому, онъ усвоилъ себѣ иной взглядъ.

Въ 1812 году, не успѣвъ проложить путь чрезъ Малоярославецъ, Французская армія вынуждена была къ отступленію, и предприняла оное 14 Октября. Сочинитель нашъ тутъ не былъ, но онъ изучилъ всѣхъ историковъ, говорившихъ о той порѣ, какъ очевидцевъ и участниковъ; онъ долженъ былъ вычитать въ повѣствованіяхъ (не нашихъ, ибо къ нимъ онъ не имѣетъ довѣрія) самихъ тогда враговъ нашихъ, что погода была прекрасная и удобнѣе для маршей, чѣмъ лѣто; что армія была всѣмъ снабжена, и что съ перваго перехода отъ Малоярославца—дисциплина исчезла. Въ Можайскѣ солдаты начали уже силой отпрягать лошадей изъ подъ артиллеріи и повозокъ съ продовольствіемъ и впрягать ихъ въ свои возы, отягощенные разными расхищенными предметами въ Москвѣ, и наконецъ, что морозъ, и то не нестерпимый, послѣдовалъ за симъ только чрезъ двѣнадцать дней, а именно 26 Октября; [152] но тогда, по засвѣдѣтель-

[152] Въ книгѣ: «Настоящія причины гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г.», составленной изъ иноземныхъ писателей, 1835 г., и посвященной Государю, сдѣланы выписки изъ всѣхъ помянутыхъ сочинителей, при каждомъ ихъ ночлегѣ и пр.; но, кажется, книга эта не заслужила вниманія почтеннаго Профессора.

ствованію самихъ же Французовъ, армія уже распалась, разбрелась, побросала оружіе; еще до Вязьмы образовались кучки, толпы мародеровъ, которые, впрочемъ, всегда существовали во Французскихъ арміяхъ, когда они двигались даже и впередъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи. Это доказываютъ подвижныя колонны, которыя всегда слѣдовали за арміями, чтобы собирать отсталыхъ и мародеровъ и подгонять къ арміи. Въ описаніи Французами движенія на Смоленскъ изображено это ясно и, конечно, было предъ глазами Г. Богдановича. Если же мы встрѣчаемъ во время сего отступленія, или, правильнѣй сказать, бѣгства иногда порывы храбрости, какъ, на примѣръ, подъ Вязьмой, въ особенности же подъ Краснымъ, то это должно относить исключительно къ тому отчаянному положенію, въ которомъ каждый, въ отдѣльности, находился, къ остервененію, свойственному всѣмъ животнымъ при видѣ неминуемой опасности. [153]

Я, вопреки мнѣнію Гг. Бутовскаго и Богдановича, полагаю, что если бы Наполеонъ былъ разбитъ подъ Бородиномъ такъ, что былъ бы принужденъ отступить до Смоленска, то послѣдствія были бы тѣ же, что и зимой,—распаденіе арміи, съ тою только разницей, что, вмѣсто погибшихъ отъ изнуренія Французовъ, мы имѣли бы болѣе плѣнныхъ, а сами бы не пострадали отъ преслѣдованія, такъ какъ это было. Разсмотрѣвъ внимательно всѣ повѣствованія, видимъ, что Французская армія потеряла болѣе отъ Смоленска до Москвы (не считая Бородина), чѣмъ отъ Москвы до Смоленска, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, таково мое мнѣніе, которое я могъ бы развить, на основаніи Исторіи и опытовъ, не имѣя ни какого притязанія на докторскую мантію, какъ Г.

---

[153] Мнѣ не разъ случалось видѣть, что сотня и болѣе Турокъ, пораженныхъ паническимъ страхомъ, спасаются бѣгствомъ отъ несравненно меньшаго числа непріятеля. Но когда одинъ изъ нихъ настигнутъ и окруженъ, то защищается на смерть, не обращая вниманія на всѣ предложенія о сдачѣ. Израненый, поверженный на землю, онъ идетъ еще вредить непріятелю хотя зубами. Такъ и маленькая собачка, спасаясь, поджавши хвостъ, отъ большой собаки, и видя, что эта послѣдняя настигаетъ ее и готова разорвать, оборачивается и сама еще бросается на нее. То же, болѣе или менѣе, почти и у всѣхъ животныхъ.

Богдановичъ упрекнулъ меня въ этомъ желаніи въ первомъ нумерѣ Военнаго Сборника. Я пишу не для каѳедръ, а для биваковъ. Замѣтимъ отступленія Французскихъ армій въ послѣдующіе годы, чтобы подкрѣпить мною сказанное.

Въ 1813 году, отступленіе послѣ Лейпцига было ли сопутствуемо всѣми тѣми правилами, которымъ учатъ съ военныхъ каѳедръ? Не своевременный взрывъ моста на Эльстрѣ, оставивъ часть арміи въ добычу непріятелю, доказываетъ, какъ Наполеонъ зналъ свойство своихъ солдатъ. Ему нужно было болѣе сутокъ, чтобы не быть преслѣдованнымъ и водворить дисциплину въ остальной части, съ нимъ слѣдующей. Частныя описанія этого отступленія поразительны въ такой арміи, какою привыкли почитать Наполеонову. Не говорю о нашемъ отступленіи вообще и въ частности въ 1812 году послѣ Смоленска, Лубина и Бородина; но похоже ли это на отступленіе Суворова изъ Швейцаріи, Кутузова къ Аустерлицу и т. п.?

Въ 1814 году, послѣ продолжительнаго, почти полуторагодоваго отступленія, проявляла ли Французская армія въ отечествѣ своемъ то мужество, которое привыкли видѣть въ ней до занятія Москвы? Высокія стратегическія соображенія Наполеона уже не поддерживались прежнею мощью, начиная отъ солдатъ до предводителей. Мы узнавали старыхъ Французовъ только въ тѣхъ битвахъ, гдѣ лично предводительствовалъ ими Наполеонъ. Равнодушіе, оказанное арміею при занятіи въ глазахъ ея Парижа, говоритъ много. [154]

Какъ назвать оставленіе Французскою арміею поля Ватерловской битвы въ 1815 году? Вмѣсто того, чтобы отступать къ

---

[154] Главная Французская армія, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, преслѣдуемая при быстромъ своемъ отступленіи конницею, подъ начальствомъ Барона Винценгероде, отъ Баръ де Дюка, проходила по направленію къ Фонтенебло; на другой день, по занятіи Парижа, почти въ виду оной, не изъявляла большой охоты спасать свою столицу, и Наполеонъ, при представлявшихся еще ему успѣхахъ, не дерзнулъ положиться на нее. Но довольно о семъ.

Лану (Laon), гдѣ сосредоточивалась резервная армія, все внезапно обратилось въ бѣгство, куда глаза глядятъ. Восклицанія: «Sauve, qui peut!» вдругъ раздались во всѣхъ концахъ и поразили паникой Французскіе полки, съ такою же могущественною силой, какъ и у Турокъ «Яуръ-гіельди!» Большая часть начальниковъ, или на своихъ лошадяхъ, или схвативши, какъ могли, почтовыхъ, не думая ни о Ланѣ, ни о Парижѣ, куда ускакалъ и самъ вождь ихъ, разными путями начали пробираться за Луару! А отступленіе изъ подъ Константины, въ тридцатыхъ годахъ, и усилія, употребленныя Генераломъ Савари, для установленія дисциплины! Ни одна армія не уподобляется столько Турецкой въ подобныхъ случаяхъ, какъ Французская: неудача, и даже не всегда вынужденное отступленіе, поражаетъ Французовъ паническимъ страхомъ.

Въ концѣ XXIII главы, на страницахъ 225 и 226, Генералъ Богдановичъ, приведя слова, сказанныя Наполеономъ на островѣ Св. Елены, о Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Хотя въ военномъ дѣлѣ ни что не подлежитъ точному математическому расчету, однако жъ, **судя по ходу сраженія, можно вывести заключеніе** (вотъ изволите видѣть!), что участіе въ бою двадцати тысячъ отборнаго Французскаго войска доставило бы Наполеону **рѣшительную побѣду**, которая, будучи **сопряжена съ совершеннымъ разстройствомъ Русской арміи**, произвела бы сильнѣйшее вліяніе на духъ нашего народа, нежели занятіе Москвы непріятельскими войсками.»[155]

На слѣдующей же 227 стр. XXIV-ая глава начинается слѣдующими словами: «Послѣ битвы при Бородинѣ, Русская армія была **ослаблена и разстроена**, какъ обыкновенно бываютъ войска, выдержавшія упорный бой съ сильнымъ противникомъ, **но не лишилась возможности принять вновь сраженіе.**»

---

[155] А по чему Г. Богдановичъ это думаетъ? Развѣ онъ могъ въ то время наблюдать за тѣмъ, или другимъ, вліяніемъ? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, нужны были тутъ ссылки на современника; иначе, это пустословіе, наборъ словъ. О положеніи обѣихъ армій послѣ сраженія при Бородинѣ, въ той же книгѣ: «**Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы**» говорится подробно, на основаніи всѣхъ иноземцевъ, описавшихъ эту битву.

Какое внезапное разительное измѣненіе мнѣнія, разногласіе съ самимъ собой! Въ концѣ XXIII главы, какъ было видно, Русская армія была совершенно разстроена, а въ началѣ слѣдующей, XXIV, сказано, что она была только ослаблена и разстроена, какъ обыкновенно бываютъ войска, выдержавшія упорный бой съ сильнымъ непріятелемъ, но не была лишена возможности принять вновь сраженіе. [156] Такъ близко оба этѣ выраженія какъ-то не сходятся взаимно.

Относительно же того, что если бы Наполеонъ ввелъ свою гвардію, то одержалъ бы рѣшительную побѣду, то это есть не что иное, какъ предположеніе (даже не «calcul de probabilité); ибо если онъ имѣлъ двадцать тысячъ, не бывшихъ въ бою отборныхъ войскъ, [157] то и мы несовершенно были лишены войскъ, не принимавшихъ участія въ битвѣ, каковы, на пр., Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбаталіонномъ составѣ, да и гвардейскіе егеря въ продолженіе цѣлаго дня успѣли отдохнуть и, конечно, усиливались бы отмстить за свою утреннюю неудачу; за тѣмъ мы имѣли нѣсколько егерскихъ полковъ подъ начальствомъ Потемкина и егерскіе полки, разсыпанные по низовью Колочи на нашемъ правомъ флангѣ; цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова: поискъ его на лѣвый флангъ непріятеля не былъ утомителенъ и кровопролитенъ; Платовъ съ своими Казаками; множество артиллеріи, находившейся въ резервѣ; наконецъ, нѣсколько тысячъ

---

[156] Не принять! ибо объ этомъ ни кому и въ голову не могло прійти по одному уже тому, что позиція и въ началѣ пространная, по случаю страшной убыли, не могла быть занятой, а дать сраженіе она могла съ выгодой, т. е., самой атаковать непріятеля, какъ это предполагалось, и противъ чего сочинитель возстаетъ (См. книгу «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы»).

[157] Въ сущности было менѣе, какъ говорятъ многіе изъ Французскихъ писателей. Сдѣсь Г. Богдановичъ взялъ самую высшую цифру, чтобы придать болѣе вѣсу своему предположенію, и къ этой высшей цифрѣ прибавилъ и отъ себя еще тысячи полторы. А слѣдуетъ еще замѣтить, что часть гвардейской артиллеріи была употреблена, и сверхъ того полкъ, а иногда и два полка пѣхоты старой гвардіи, среди которыхъ, начиная отъ Смоленска, находился Наполеонъ, конечно, не были бы пущены въ дѣло, какъ равно и два конныхъ той же гвардіи, составлявшихъ его конвой.

ополченія, которое въ рукопашномъ бою поработало бы не хуже гренадеръ, такъ что мы, конечно, собрали бы если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столько же резерва, какъ и Наполеонъ. Но сдѣсь, во всякомъ случаѣ, была бы разница въ томъ, что мы были сыты и не изнурены, непріятель же напротивъ. А въ томъ нѣтъ и сомнѣнія, что армія оказала бы ту же твердость и мужество, которыми она была руководима цѣлый день. Лучшіе вожди: Барклай, Беннингсенъ, Дохтуровъ, Раевскій, Милорадовичъ, Багговутъ, Коновницынъ, Графъ Строгановъ, Графъ Паленъ, Паскевичъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, Платовъ и многіе другіе остались невредимыми, и, несомнѣнно, если бы Наполеонъ ввелъ въ сраженіе послѣдній свой резервъ — гвардію, это еще болѣе одушевило бы нашихъ и побудило бы ихъ къ горячей схваткѣ. [158]

Слѣдовательно, предполагать, вмѣстѣ съ Клаузевицемъ, навѣрное, что Наполеонъ одержалъ бы рѣшительную побѣду, неосновательно. Да и самъ Г. Богдановичъ допускаетъ возможность, что отчаянное сопротивленіе могло бы отразить Наполеона и заставить его отступить къ Смоленску; но что это, какъ уже замѣчено, по его мнѣнію, было бы для насъ хуже!

На стр. 233 сказано, что въ самый разгаръ сраженія, Князь Кутузовъ, къ письму Графу Ростопчину, прибавилъ собственноручно: «Сраженіе самое кровопролитное» и пр., и письмо это обозначено: № 69, 26-го Августа, 1812 года. Село Бородино. Въ два часа по полудни.» Это должно быть описка, которая, однако же, въ опечаткахъ не оговорена; ибо Г. Богдановичу, какъ исторіографу этой войны, должно быть извѣстно, что село Бородино съ разсвѣта занято было Французами, а по тому и Кутузовъ тамъ находиться не могъ. Конечно, слѣдовало бы быть вмѣсто «село»—«позиція,» или что ни будь подобное, но уже ни какъ не село. А если бы, паче моего чаянія, на этомъ письмѣ и было выставлено Кайсаровымъ село, то слѣдовало бы оговорить;

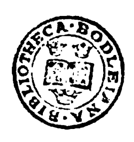
---

[158] Эпизодъ этотъ разсматривается подробнѣе въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы».

иначе, пожалуй, подумают, что въ два часа пополудни мы не только что занимали село Бородино передовыми войсками, но что тутъ былъ и самъ Главнокомандующій. Если Французы увидятъ это, то опять закричатъ и припишутъ это нашему хвастовству, въ чемъ, какъ извѣстно, они насъ упрекаютъ. Г. Богдановичъ въ иныхъ случаяхъ исправляетъ, или оговариваетъ, такіе видимые промахи. Такъ, на пр. (t, III, стр. 4), въ письмѣ Кутузова къ Бертье, чрезъ Полковника Бертеми, между прочимъ, сказано, что Русскій народъ, уже за триста лѣтъ не подвергавшійся непріятельскому нашествію» и т. д. Сочинитель, вмѣсто трехъ сотъ, поставилъ, какъ и слѣдуетъ, двѣсти, замѣтивъ въ выноскѣ: «Въ письмѣ Князя Кутузова сказано: «триста лѣтъ.»

Стр. 237 — 238: «Главныя наши силы отступили съ поля сраженія (Бородинскаго) двумя колоннами: первая, состоявшая изъ войскъ праваго крыла и центра, по дорогѣ, ведущей отъ Бородина къ Можайску, а лѣвая изъ войскъ Дохтурова, по старой Смоленской дорогѣ.» Сдѣсь опять, какъ и подъ Витебскомъ, о чемъ упомянуто выше, колонна, пошедшая по старой Смоленской дорогѣ, названа лѣвой! Но сдѣсь замѣчательно особенно то, что тутъ была только одна лѣвая колонна, а не было не только что средней, какъ подъ Витебскомъ, но даже и правой, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ, то есть, что наши силы отступали двумя колоннами; изъ этѣхъ двухъ колоннъ одна была первая, а другая лѣвая! Опять прихожу къ тому же убѣжденію, что, конечно, теперь принято называть правое лѣвымъ, а лѣвое правымъ! И это измѣненіе принадлежитъ, вѣроятно, къ тому числу новаго, что обѣщается въ предисловіи! Но вотъ что сдѣсь положительно неправильно: по окончаніи сраженія Дохтуровъ прибылъ въ главную квартиру, въ Татариново, и, послѣ свиданія съ Фельдмаршаломъ, возвратился въ свой 6-й корпусъ, съ которымъ и шелъ отъ Горокъ прямо къ Можайску, составляя, по старымъ понятіямъ, лѣвую колонну. Кто же велъ войска, сражавшіяся послѣ раны Багратіона, подъ начальствомъ Дохтурова, не знаю, но положительно знаю, что не онъ.

Умалчиваю о другихъ эпизодахъ Бородинской битвы, вызывающихъ критику, часто несогласныхъ между собой при обсужде-

нія одного и того же обстоятельства; все это требуетъ разсмотрѣнія и сближенія разногласій и взглядовъ многочисленныхъ повѣствователей. Трудъ, по моему мнѣнію, превышающій силы одного человѣка, какъ это уже замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ. Изъ общихъ же взглядовъ на эту битву въ критическомъ отношеніи, по моему мнѣнію, болѣе удовлетворительные суть: Жомини, Окунева, Пеле и Шанюи, которые, за всѣмъ тѣмъ, одинаково требуютъ, вмѣстѣ съ другими, критическаго сближенія. Г. Окуневъ, приступая къ длинному критическому разбору этой битвы, начинаетъ слѣдующими словами: «И [159] когда презрѣніе жизни ознаменовалось въ чертахъ разительнѣйшихъ, нежели въ битвѣ Бородинской! Сіи славные Греки, положившіе животъ въ тѣснинахъ Термопильскихъ, или сія горсть храбрыхъ, погребшаяся подъ развалинами Миссолунги, чѣмъ могутъ превзойти въ величіи самопреданія и непоколебимаго мужества сіи двѣ огромныя арміи, остановившіяся на полѣ сраженія, дабы побѣдить, или умереть? Уже кровь осьмидесяти тысячъ героевъ омыла сію долину, священную для храбрыхъ всѣхъ народовъ; но мужество не ослабѣло; нравственное опьяненіе, претворившееся въ кровавую жажду, еще не насытилось. Казалось, что оба сіи колосса хотѣли погребстись подъ собственными развалинами, и представили бы, наконецъ, безъ сомнѣнія, объятой ужасомъ Европѣ, единственный примѣръ двухъ армій, истребившихъ одна другую въ спорѣ за побѣду, ежели бы Полководцы, сами устрашенные горами тѣлъ, повсюду поражавшими взоры ихъ, не остановили битвы. Сколько дѣяній блистательныхъ погибло въ семъ хаосѣ крови и убійства! Сіи мученики любви къ отечеству расплатились съ родинами своими; они выкупили ихъ цѣной собственной крови, и оставили пережившимъ ихъ святой долгъ столько чтить память ихъ, сколько заслуживаетъ того великодушіе, съ которымъ всѣ они обрекли себя на смерть.»

Въ слѣдъ за симъ онъ приступаетъ къ подробному критическому разбору этого сраженія, исчисляя ошибки, происшедшія, какъ въ расположеніи нѣкоторыхъ частей войскъ, такъ и дви-

[159] Сохраняю въ подлинникѣ Русскій переводъ, стр. 181.

женій, замѣчая, между прочимъ, «почти всѣ сіи ошибки исправлены храбростію войскъ.» Этѣми нѣсколькими словами онъ вѣрно изображаетъ характеръ битвы. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о мнѣніи нѣкоторыхъ писателей, полагавшихъ, что если бы Наполеонъ употребилъ главное усиліе на натискъ нашего лѣваго фланга, въ Утицѣ, то могъ вогнать нашу армію въ уголъ, образуемый Колочею, при впаденіи своемъ въ Москву рѣку. П. Окуневъ опровергаетъ это нелѣпое заключеніе пространнымъ разсмотрѣніемъ со всѣхъ сторонъ ихъ выводовъ, и очень справедливо заключаетъ, что «предположивъ даже, чтобы хотѣли загнать такимъ образомъ 130 тысячъ овецъ, я бьюсь объ закладъ, что половина изъ нихъ уйдетъ.

Генералъ Богдановичъ въ своей Исторіи не обратилъ ни какого вниманія на труды своего соотечественника, относительно Отечественной войны, и даже ни разу не сослался на его мнѣніе, хотя бы съ одною цѣлію опровергнуть оное. Между тѣмъ, всѣ сочиненія Полковника Окунева были приняты ученою Европой за образцовыя, что свѣдѣтельствуется многими современными отзывами въ разныхъ Европейскихъ военныхъ журналахъ. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ Генералъ Жомини (Аналитическая картина и т. д.) о книгѣ П. Окунева: «Разсмотрѣніе свойствъ трехъ родовъ войскъ.» «Изъ всѣхъ писателей, занимающихся симъ предметомъ, Полковникъ Окуневъ есть, безспорно, тотъ, который раскрылъ его съ большею проницательностію и наилучшимъ успѣхомъ. Онъ долженъ быть изучаемъ каждымъ Офицеромъ, который имѣетъ хотя малѣйшее желаніе узнать основательно правила войны.»

Оставляя подробныя многозначительныя засвѣдѣтельствованія о достоинствѣ сочиненій Полковника Окунева по разнымъ отраслямъ военныхъ знаній, обращусь къ его сочиненію о войнѣ 1812 года, какъ къ предмету, прямо принадлежащему къ настоящему дѣлу.

Французскаго Генеральнаго Штаба Полковникъ Жаненъ, по выходѣ помянутаго сочиненія П. Окунева, помѣстилъ (въ Observateur militaire, t. VIII, p. 344), пространный разборъ этого со-

чиненія, гдѣ, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «Хотя Господинъ Полковникъ Окуневъ и заявилъ намѣреніе писать исторію Россійскаго похода, но подъ скромнымъ названіемъ разсужденіе представляетъ онъ быструю и живую картину сего, слишкомъ славнаго событія. Онъ предваряетъ его топографическимъ описаніемъ большаго очерка и стратегическими разсужденіями додостойными величайшаго вниманія.»

За симъ слѣдуетъ изложеніе всего сочиненія, прерываемое примѣчаніями, каковы, на примѣръ: «выгоды и неудобства движенія къ Руднѣ составляютъ предметъ глубокаго разсужденія, въ которомъ сочинитель, не оставляя отечественнаго характера, даетъ опытъ величайшей независимости въ своихъ сужденіяхъ.[160] Онъ вступаетъ въ прѣніе съ сочинителями, ему предшествовавшими, и должно признаться, что иногда ихъ побѣждаетъ.»

Еще слѣдующее: «Полковникъ Окуневъ, разбирая различныя примѣчанія на отступленіе Русской арміи отъ Смоленска къ Москвѣ, пользуется симъ случаемъ для изложенія блистательныхъ идей о перемѣнѣ линій военнаго дѣйствія. [162]

Оставляя и это, перехожу еще ближе къ предмету, а именно, къ Бородину. Полковникъ Жаненъ продолжаетъ: «Описаніе Бородинскаго поля сраженія ясно, точно и сопровождается весьма умными разсужденіями. Распредѣленіе на ономъ войскъ обсуждено съ отличнымъ дарованіемъ. Сочинитель не ищетъ скрыть его недостатковъ, коихъ поправку весьма хорошо указываетъ, а въ разсужденіяхъ своихъ о самомъ дѣйствіи вскорѣ оправдываетъ правила своими примѣрами.»

---

[160] Независимость своихъ сужденій! Многіе ли могутъ симъ похвалиться? Впрочемъ и то надо сказать: сужденіе и сужденіе бываютъ разнородны и опредѣляются степенями пониманія предмета, о которомъ разсуждаютъ.

[161] Сдѣсь длинное разсужденіе о правильности взглядовъ Полковника Окунева на этотъ предметъ, оправданный въ послѣдствіи движеніемъ Князя Паскевича въ Варшавѣ и т. п.

Мнѣніе его объ ошибкѣ «Французскаго Военачальника въ семъ дѣлѣ заслуживаетъ особенное вниманіе.»

«Иногда сочинитель (Окуневъ), оставляя тонъ дидактическій, предается чувству души военной, и не въ силахъ будучи противиться воспоминаніямъ о величіи сего воинскаго событія, выражаетъ самый благородный восторгъ.»

Критикъ оканчиваетъ статью свою слѣдующими словами: «Симъ заключается примѣчательное сочиненіе сіе, которое должно занять мѣсто въ каждой военной библіотекѣ для чтенія, съ удовольствіемъ и пользой военныхъ людей всѣхъ званій.»

Генералъ Богдановичъ, конечно, имѣлъ свой особенный взглядъ на труды предшествовавшихъ ему нашихъ соотечественниковъ.

Лѣтъ восемь тому назадъ, я высказалъ свое мнѣніе: [162] Какимъ образомъ у насъ могли бы достигнуть достовѣрнаго описанія Бородинской битвы и всей войны 1812 года, которое, появившись въ свѣтѣ, не заставило бы краснѣть, а достойно пополнило бы пробѣлъ, но теперь уже поздно. Если же кто изъ предпріимчивыхъ нашихъ военныхъ литераторовъ рѣшился бы на подвигъ описать Бородинскую битву, сколь возможно удовлетворительнѣе, я смѣлъ бы ему предложить избрать за основу описаніе этого сраженія Генераломъ Пеле, который былъ въ немъ дѣятелемъ въ званіи Начальника Штаба всей пѣхоты, разставлялъ войска, водилъ нѣкоторыя части въ атаку. Это лучшее изъ всѣхъ описаній, хотя и не лишенное обычныхъ Французамъ красныхъ выраженій. Взявъ оное за основаніе, разобрать критически въ приложеніяхъ, состоящихъ не изъ однѣхъ ссылокъ на томъ и стра-

[162] Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ «Отечественной войнѣ», вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ. Статья эта уясняетъ нѣкоторыя мѣста настоящей книги и возраженіе Генералу Богдановичу. См. «Матеріалы для Отечественной войны 1812 г.» Спб., 1867 г., стр. 15.

ницу всѣхъ сочинителей, которые разногласятъ, или сходно съ нимъ описывая различные эпизоды битвы; но основаніе сраженія должно быть сохранено, какъ написалъ Пеле, у котораго послѣдовательность моментовъ изложена лучше, нежели у всѣхъ другихъ, и, исполнивъ это, примѣнять и изображать наши дѣйствія съ наименованіемъ частей войскъ и лицъ съ большею точностію и подробностію, чѣмъ сдѣлано у него, не имѣвшаго къ тому средствъ: тогда только можетъ выйти что либо не безобразное. Продолжаю разборъ.

При описаніи арріергарднаго дѣла у Крымскаго, между прочимъ, сказано (стр. 241): «Для поддержанія 4-го егерскаго полка и бригады Потемкина, были постепенно введены въ дѣло: сперва 34 (33-й?) полкъ» и т. д.

Не уже ли Г. Богдановичъ, имѣвшій подъ рукой всѣ архивы, не могъ опредѣлить, который изъ этѣхъ двухъ полковъ точно былъ употребленъ? На предыдущей страницѣ онъ говоритъ о 34-мъ егерскомъ полкѣ, и въ ссылкѣ сказано, что у Генерала Бутурлина, вмѣсто 34-го полка, показанъ 33-й; но откуда сочинитель почерпнулъ, что сдѣсь дѣло идетъ не о 33-мъ, а о 34-мъ, егерскомъ полкѣ, не извѣстно, по тому что другой ссылки въ этомъ параграфѣ нѣтъ. У Михайловскаго-Данилевскаго также названъ 33-й егерскій полкъ, а о 34-мъ нѣтъ и рѣчи. Во всякомъ случаѣ скобка и знакъ вопросительный не умѣстны. Г. Богдановичъ имѣлъ всю возможность къ точному опредѣленію; ибо самъ онъ говоритъ, что писалъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ.

На той же 241-й страницѣ, продолжая повѣствованіе объ этомъ дѣлѣ, о выбывшихъ изъ фронта около двухъ тысячъ человѣкъ, присовокуплено: «Въ числѣ ихъ былъ Принцъ Эрнестъ Гессенъ-Филиппстальскій, потерявшій ногу. Уронъ Французовъ былъ еще болѣе нашего.»

Въ слѣдъ за симъ словомъ ссылка № 26, и вотъ что я нашелъ въ оной: «Butourlin, I, 353, 356.»

Сдѣсь опять я усумнился въ своей памяти, не помня, чтобы у Бутурлина упоминалось о ранѣ Принца Эрнеста, а по тому просмотрѣлъ ссылку и убѣдился, что Бутурлинъ ни слова не говоритъ объ этомъ, ни въ подлинникѣ, на Французскомъ языкѣ, ни въ Русскомъ переводѣ Г. Хатова. Сказано только, что у насъ выбыло изъ фронта двѣ тысячи человѣкъ и что «непріятельскій уронъ былъ значительнѣе.» О ранѣ Принца говорилъ не Бутурлинъ, а Михайловскій-Данилевскій, а между тѣмъ указанъ не онъ! Вѣдь это, вмѣстѣ съ другими подобными же шуточками, заподозриваетъ и всѣ прочія; пожалуй, иной на досугѣ и провѣритъ.

Описывая прибытіе Кутузова на позицію въ Москвѣ, сказано (стр. 243, 244): «Между тѣмъ Кутузовъ, опередивъ войска, прибылъ на Поклонную Гору, гдѣ для него поставлена была скамейка.»

Кто же могъ поставить на Поклонной горѣ скамейку для Кутузова? Ее всегда возилъ конвойный Казакъ; когда Фельдмаршалъ выходилъ изъ двумѣстныхъ дрожекъ, или когда сходилъ съ лошади, съ намѣреніемъ остаться нѣкоторое время на мѣстѣ, то спрашивалъ скамейку, и тогда оную ему подавали; но, покуда онъ не приказывалъ подавать, никто не приготовлялъ, и она оставалась у конвойнаго.[163] Во всякомъ случаѣ выраженіе: «поставлена скамейка для Кутузова», не ловкое, независимо отъ своей неправильности.

Пропускаю все, что происходило подъ Москвой, до сдачи ея. Этотъ эпизодъ частію уже прежде разсмотрѣнъ мною, по поводу повѣствованія о семъ Михайловскаго-Данилевскаго, да и далѣе придется коснуться его отчасти. Сдѣсь ограничусь замѣтить только нѣсколько выраженій, которыя не соотвѣтствуютъ

---

[163] Это была низенькая, не выкрашенная скамеечка, почти квадратная, около двухъ, или трехъ, четвертей въ квадратѣ. Сверху отверстіе, чтобы удобнѣе брать ее рукой. Такую я видѣлъ на курганной батареѣ, 25 Августа, подъ Бородиномъ, на Поклонной Горѣ, подъ Краснымъ и т. д.

той опредѣлительной достовѣрности, которой читатель въ правѣ былъ ожидать на основаніи предисловія.

При разсужденіи о положеніи дѣлъ подъ Москвой: должно ли было вступать въ битву, или оставить столицу безъ боя, встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее (отр. 247): «....числительная сила котораго (войска), съ Казаками и Ополченіемъ, простиралась, какъ утверждали, до девяноста тысячъ.» По моему мнѣнію, выраженіе: какъ утверждали, не ловкое. Если бы дѣло шло объ описаніи столкновенія Сипаевъ съ Англичанами, то это еще такъ; но имѣя предъ глазами всѣ документы того времени, можно было бы избѣгнуть этого выраженія и замѣнить его спасительнымъ: около. Поставленная тутъ ссылка (№ 35) [164] не можетъ оправдать употребленіе слова: какъ утверждали, если оно и дѣйствительно тамъ находится. Очень понятно, что сочинитель, помѣстившій оное въ свои записки, могъ употребить его правильно, по тому что былъ частнымъ начальникомъ (дивизіоннымъ), не имѣя положительныхъ данныхъ общей наличной силѣ, а по тому и употребилъ слово: какъ утверждали; но въ настоящемъ сочиненіи это уже не годится.

На этой же страницѣ встрѣчаемъ: «Но еще труднѣе было принять сраженіе, потеря котораго не подлежала сомнѣнію.»

Очень могло случиться, что мы потеряли бы сраженіе; но сказать, что это не подлежало сомнѣнію, накожу слишкомъ рѣзкимъ; [165] ибо числительность нашихъ войскъ, какъ утверждали, въ девяносто тысячъ человѣкъ, противъ ста тысячъ Французовъ, въ то время могла бы ожидать выраженія болѣе снисходительнаго, въ замѣнъ: не подлежало сомнѣнію,

---

[164] «Erinnerungen aus dem Feldzug des Jahres 1812.» S. 98.

[165] А при томъ выше было видно, что сочинитель допускалъ возможность, что мы, послѣ Бородина, могли заставить вторымъ сраженіемъ Наполеона отступить къ Смоленску. Какъ же сдѣсь, когда мы усилились, а Наполеонъ еще болѣе ослабѣлъ, разбитіе насъ не подлежало сомнѣнію?

а притомъ и вооруженные Москвичи съ Графомъ Растопчинымъ вышли бы на подмогу и значительно увеличили бы нашу числительность. Сдѣсь облегчало возможность замѣнить это слово болѣе мягкимъ: дѣйствительное неудобство позиціи, что неотмѣнно должно было входить въ соображеніе полководца.

Тутъ же нѣсколько далѣе: «Говорятъ, будтобы Графъ Растопчинъ даже проговорился, что войска, очистивъ Москву, увидятъ ее пылающею.»

Кто же говоритъ это? Не сказано и нѣтъ ни какой ссылки, тогда какъ обстоятельство это чрезвычайно важно и по тому одному уже, что далѣе встрѣтимъ длинный рядъ разсужденій о Московскомъ пожарѣ. Во всякомъ случаѣ, нахожу неумѣстнымъ помѣщать въ такомъ сочиненіи, составленномъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, слова: говорятъ, будто бы; по крайней мѣрѣ, еще повторяю, слѣдовало бы указать на современное засвѣдѣтельствованіе; тогда бы сочинитель очистилъ себя; но не учавствовавъ самъ въ этой войнѣ, по очень естественной причинѣ, онъ не можетъ служить ни какимъ авторитетомъ.

На стр. 254-й встрѣчаемъ повтореніе сказаннаго уже Михайловскимъ-Данилевскимъ, что, по засвидѣтельствованнію Кайсарова, Кутузовъ, въ ночь, предъ оставленіемъ Москвы, «нѣсколько разъ плакалъ», и у Михайловскаго-Данилевскаго есть ссылка слѣдующаго содержанія: «Нынѣ Генералъ отъ инфантеріи», и ссылка эта все таки имѣетъ нѣкоторую силу, по тому что Михайловскій-Данилевскій указываетъ на свѣдѣтеля еще живаго, а притомъ онъ и самъ могъ тогда же слышать это, находясь при главной квартирѣ. Но Г. Богдановичъ не засвѣдѣтельствовалъ этого обстоятельства, и если Кайсаровъ не оставилъ Записокъ своихъ, что и очень вѣроятно, то ссылка на Михайловскаго-Данилевскаго была необходима.

Замѣчателенъ отзывъ Г. Богдановича о Графѣ Растопчинѣ (стр. 257):»... Нельзя не сознаться въ томъ, что настойчивость и пылкость характера Графа Растопчина иногда вовлекали его въ необдуманные поступки. Къ тому же онъ, получивъ превос-

ходное свѣтское образованіе, но, не имѣя ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній, могъ быть душею общества, но не былъ достаточно приготовленъ къ занятію важныхъ Государственныхъ должностей. Его преданность Государю была безпредѣльна, а любовь къ Отечеству доходила до восторга и обратилась, во время нашествія Наполеона на Россію, въ ненависть къ иностранцамъ, которая была тѣмъ болѣе поразительна въ его характерѣ, что, будучи окруженъ въ юности Французскими наставниками, онъ предпочиталъ Французскую литературу всѣмъ прочимъ.»

Ѳеофрастъ, Плутархъ и Лабрюеръ, въ изображеніи различныхъ свойствъ и характеровъ, не называли личностей, по крайней мѣрѣ, собственными ихъ именами. Но сдѣсь Г. Богдановичъ указываетъ лицо, котораго онъ, вѣроятно, никогда не видалъ и не зналъ на столько, чтобы имѣть возможность опредѣлять его качества. Въ такомъ случаѣ необходимы были ссылки на мнѣнія о Графѣ тѣхъ лицъ, которыя могли оцѣнять его достоинства и замѣчать его недостатки. Въ Плутархѣ, вѣроятно, знакомомъ Г. Богдановичу, онъ могъ замѣтить, что и этотъ Греческій писатель, въ жизнеописаніи лицъ, жившихъ до его времени, всегда искалъ опоры своему мнѣнію въ мнѣніи тѣхъ, которые писали о нихъ до его времени. Слѣдовательно, *для* описанія характера и свойствъ Графа Ѳедора Васильевича, игравшаго столь важную роль въ Отечественную войну, недостаточенъ одинъ голословный авторитетъ лица, не знавшаго Графа Ростопчина лично, чтобы произнести подобное мнѣніе.

Но далѣе сочинитель говоритъ, что главными предметами заботливости его (Графа Растопчина), при вторженіи непріятеля въ предѣлы Имперіи, «было строгое наблюденіе за иностранцами и успокоеніе жителей, взволнованныхъ предстоящею опасностію.» Продолжая разсказывать о расположеніи народа въ Москвѣ противъ иностранцевъ, присовокупляется (стр. 258): «Правительство (т. е., Растопчинъ) всячески старалось оказать покровительство иностранцамъ; однихъ Французовъ, въ то время проживавшихъ въ Москвѣ, было болѣе трехъ тысячъ, изъ коихъ лишь не многіе были высланы изъ города. Къ

этой мѣрѣ приступлено непроизвольно» и т. п., и сочинитель приводитъ распоряженіе о семъ, сдѣланное въ Петербургѣ и одобренное Государемъ: «Только сорокъ (по другимъ свѣдѣніямъ, [166] шестьдесятъ пять) человѣкъ, особенно замѣченныхъ по дурному поведенію и вредному образу мыслей, были отправлены водою въ Макарьевъ.»

Гдѣ же тутъ ненависть къ иностранцамъ, въ которой Г. Богдановичъ упрекаетъ его? Далѣе: самъ же онъ разительно противорѣчитъ своему мнѣнію, говоря (стр. 272): что когда Графъ отдалъ на судъ народа Верещагина, то освободилъ приведеннаго съ нимъ Француза, сказавъ: «Что касается до тебя, Французскаго уроженца, прошу впередъ говорить осторожнѣе.... Ступай, я прощаю тебя» и т. д. [167]

На стр. 259-й находимъ: Въ «Москвѣ, сердцѣ Россіи, стекались вѣсти объ успѣхахъ непріятельскаго нашествія и, расходясь оттуда, не рѣдко въ преувеличенномъ видѣ, во всѣ концы Имперіи, возмущали общее спокойствіе. Графъ Растопчинъ противодѣйствовалъ этому злу» и т д. Разсуждая о Московскомъ пожарѣ, сказано (стр. 313): «Намѣреніе Графа Растопчина сжечь Москву, въ случаѣ занятія ея непріятелемъ, было не мимолетнымъ увлеченіемъ пылкаго патріота, а соображеніемъ, обдуманнымъ на досугѣ» и т. д.

Вотъ какъ онъ былъ неспособенъ занимать Государственныя должности! Одно изъ двухъ: или не надо было такъ рѣзко описывать его свойства или характеръ и Государственныя неспособности, или не показывать такъ ясно и блистательно его великія заслуги въ званіи, имъ занимаемомъ. Далѣе, почтенный исторіографъ еще болѣе возвыситъ его.

---

[166] Опять по другимъ свѣдѣніямъ!

[167] Сдѣсь ссылка: № 22. «Собственноручныя записки Бестужева-Рюмина» и пр. По засвѣдѣтельствованію же: «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1866, кн. 4.: «Дѣло о Верещагинѣ,» стр. 258, въ примѣч. О. Б., въ Запискахъ Бестужева этого не находится.

Глава XXVI посвящена Московскому пожару. На стр. 311 сказано: «Постараюсь разрѣшить вопросъ: кто былъ виновникомъ Московскаго пожара?»

Я не стану подробно входить въ разсмотрѣніе этого предмета, что сдѣлано уже прежде, [168] и что можетъ служить къ критическому разбору и настоящей главы; сдѣсь замѣчу только итогъ разрѣшенія вопроса: кто былъ виновникомъ Московскаго пожара?

Генералъ Богдановичъ отклоняетъ всякое участіе высшаго Правительства въ этомъ пожарѣ, что ясно доказалъ Михайловскій-Данилевскій прежде его.

Главнымъ виновникомъ событія онъ признаетъ Графа Растопчина, и это видно также изъ помянутаго сочиненія; слѣдовательно, это не ново; объ этомъ уже было говорено гораздо прежде появленія книги Г. Богдановича, въ которой во многихъ мѣстахъ сохранены даже подлинныя строки печатно сказаннаго объ этомъ предметѣ не у одного Михайловскаго-Данилевскаго.

А ново въ главѣ Московскаго пожара опроверженіе того, что Русскій патріотизмъ жителей города будьто бы не принималъ ни какого участія въ этомъ великомъ событіи. Г. Богдановичъ употребляетъ всѣ усилія своего краснорѣчія, чтобы лишить Москвичей славы этого дивнаго подвига, которымъ, конечно, потомство будетъ гордиться.

Опровергнувъ мнѣніе нѣкоторыхъ иноземныхъ писателей, будьто бы высшее Правительство предначертало планъ этого замысла, и указавъ на нѣкоторыя распоряженія Графа Растопчина

---

[168] Въ книгѣ «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году». Спб. 1855, включена и отдѣльная пространная статья о Московскомъ пожарѣ, въ которой критически разобраны всѣ повѣствованія объ этомъ событіи.

къ сожженію города, сочинитель присовокупляетъ (стр. 315): «Наконецъ, причиною нѣкоторыхъ пожаровъ было умышленное зажженіе жителями собственныхъ домовъ своихъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ (продолжаетъ сочинитель, стр. 316), «чтобы Московскій пожаръ былъ преднамѣреннымъ подвигомъ жителей первопрестольной столицы, которые, будто бы, въ великодушномъ порывѣ любви къ Отечеству, рѣшились, для спасенія его, принести общую, великую жертву. Не входя въ изслѣдованіе вопроса, послужилъ ли Московскій пожаръ въ пользу Россіи, мы могли бы справедливо гордиться имъ, если бы въ дѣйствительности всѣ жители столицы, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, единодушно совершили этотъ подвигъ, жертвуя своимъ достояніемъ, для нанесенія вреда непріятелю. Но этого не было и не могло быть. Исторія не должна (стр. 317) приписывать бѣдствіе, постигшее нашу древнюю столицу, ни злобѣ Наполеона, ни самоотверженію Москвитянъ. Къ чему намъ оскорблять истину хвастливымъ изложеніемъ не бывалаго подвига?»

Дѣйствительно! Жрецу истины, вооруженному свѣтильникомъ и облеченному въ мантію, не прилично и не подобаетъ искажать истину и хвастать.

Такое направленіе духа «Исторіи 1812 года» могло быть внушено почтенному сочинителю только Шрекенштейнами, Бернгардами, Клаузевицами, Гофманами и другими соратниками иноземно-Нѣмецкой фаланги, временно находившейся тогда въ нашей арміи, и которыхъ показанія и мнѣнія такъ обильны въ его ссылкахъ. Что касается до самого Г. Богдановича, то онъ видимо не раздѣляетъ внутренно этого мнѣнія, по тому что, по принятому имъ порядку, во многихъ случаяхъ противорѣчитъ самому себѣ, отвергаетъ все, имъ сказанное выше противъ тогдашняго патріотизма Русскаго народа, приводя данныя, совершенно обращающія въ прахъ сказанное имъ; такъ напримѣръ:

Стр. 304: «Сперва загорѣлись Москательныя лавки и Гостиный рядъ въ Китай городѣ, потомъ вспыхнуло пламя на Бал-

чугѣ и запылалъ въ Земляномъ городѣ Каретный рядъ, зажженный хозяевами лавокъ.[169]

Сдѣсь сочинитель признаетъ, что Каретный рядъ былъ зажженъ хозяевами лавокъ. Но не должно ли, и, едва ли не положительно, утвердить, что то же самое было и съ Москательными лавками, и съ Гостинымъ рядомъ и пр.? Тѣмъ болѣе это вѣроподобно, что на стр. 272 читаемъ: «купцы, встрѣчая солдатъ на улицахъ, зазывали ихъ въ лавки, предлагая брать, что приглянется: «Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели Французамъ!» Слѣдовательно, съ приближеніемъ Французовъ, при такомъ общемъ въ Россіи, какъ увидимъ, настроеніи духа, одинъ исходъ для удовлетворенія своего душевнаго расположенія, было предать свое имущество пламени.

Такъ, въ глазахъ нашихъ, во многихъ мѣстахъ, дѣйствовалъ патріотизмъ Русскихъ на пути отъ Смоленска до Москвы. Самъ Г. Богдановичъ (стр. 119) свидѣтельствуетъ: «Непріятель занялъ городъ Вязьму, зажженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ самими жителями, ушедшими въ слѣдъ за войскомъ.» Далѣе, на стр. 129, опять встрѣчаемъ: «Русскіе, отступая къ Москвѣ, находили въ пути нѣкоторые запасы, косили овесъ въ поляхъ для своихъ лошадей и, уходя далѣе, вмѣстѣ съ жителями, поджигавшими дома свои» и т. д. На какомъ же основаніи онъ отвергаетъ подобное самоотверженіе Москвичей?

Говоря о занятіи Смоленска (т. 2, стр. 398) сказано: «Большая часть Смоленской Губерніи обратилась въ пустыню, усѣян-

---

[169] Г. Богдановичъ называетъ этѣ пожары первыми, начавшимися «съ самаго вступленія непріятеля 2-го числа». Но на стр. 315 онъ измѣняетъ своё мнѣніе и, говоря о порученіи Частному Приставу зажечь Коммисаріятъ, оставшіяся барки у Краснаго Холма и Данилова монастыря, Винный и Мытный Дворы, и что онъ исполнилъ до десятаго часа вечера, 2-го Сентября, въ виду непріятеля, присовокупляетъ, что «этѣ пожары были первые, по выступленіи нашей арміи изъ Москвы; послѣдующіе же произошли, весьма естественно, отъ безпорядка, господствовавшаго въ городѣ.» И такъ, слѣдуетъ рѣшить: который же былъ первый? ибо сдѣсь представляется два первыхъ.

ную развалинами. Жители, скрывъ въ недоступныхъ убѣжищахъ свои семейства, стада и все, что успѣвали увезти съ собою, не рѣдко сами поджигали дома свои, и даже предавали пламени хлѣбъ въ поляхъ, чтобы онъ не достался въ руки Французамъ.»

Еще прежде: описывая сраженіе при Валутинѣ и объясняя положеніе непріятеля по вступленіи онаго въ Смоленскую Губернію, сочинитель продолжаетъ (т. 1, стр. 306, 307): «Встрѣтивъ на первомъ шагѣ своемъ въ коренныя области Россіи, города и села оставленные, обращенные въ пепелъ ихъ жителями» и т. д.

Мысль же истребить свои жилища въ Москвѣ не была внезапно порожденною: она вселилась гораздо ранѣе въ высокія свойства нашего народа, что свѣдѣтельствуетъ и самъ сочинитель.

На стр. 313 (т. 2) приведено письмо Графа Растопчина къ Князю Багратіону еще отъ 12/24 Августа, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что, въ случаѣ вторженія непріятеля въ Москву, «народъ, слѣдуя Русскому правилу: «Не даставайся злодѣю!» обратитъ городъ въ пепелъ» и т. д.

На стр. 315 сказано: «Графъ Растопчинъ пишетъ, что купцы, мастеровые и другихъ званій люди, изъявляя опасеніе, чтобы Москва не досталась въ руки непріятеля, не рѣдко говорили: «Лучше сжечь ее!» Онъ же свѣдѣтельствуетъ, что «въ послѣдствіи, во время пребыванія его въ главной квартирѣ Князя Кутузова, онъ видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои дома.»

На стр. 305 встрѣчаемъ окончаніе поэтическаго выраженія Г. Богдановича: «Не Москву жгли Русскіе... они жгли городъ, гдѣ гнѣздились враги ихъ.»

Прекрасное выраженіе! Но и оно намекаетъ, что жгли городъ хозяева; ибо поэзія не гармонируетъ съ дѣйствіями однихъ полицейскихъ служителей и бродягъ, какъ сочинитель замѣчаетъ

на стр. 315: «Остававшіеся въ Москвѣ жители были большею частію люди бездомные, бродяги, которымъ терять было нечего и кои, пользуясь обстоятельствами, грабили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поджигали дома, чтобы удобнѣе скрывать свои преступленія.» Таковъ господствующій колоритъ въ изложеніи высокаго патріотизма Московскихъ жителей въ ту пору! Преступленіе?! Сочинитель называетъ преступниками тѣхъ, которые жгли городъ среди непріятеля?!

Алексѣй же Петровичъ Ермоловъ, въ Запискахъ своихъ, какъ будетъ видно, говоря о Московскомъ пожарѣ, присовокупляетъ: «Нѣтъ преступленія въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа.» [170]

Относительно же грабежа, если они участвовали въ немъ съ Французами, то, конечно, для существованія; ибо къ чему могъ служить имъ въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, всякій другой хламъ?.. За чѣмъ такъ пятнать, основываясь на догадкахъ того, что происходило современно съ рожденіемъ сочинителя!.. По чему не придать этому другой причины, болѣе согласной съ истиной?.. Ихъ главная цѣль была жечь что ни попало, и они совершали это среди всѣхъ опасностей! За чѣмъ, повторяю, выказывать, и то догадочно, черную сторону? И что значило (какъ замѣчаетъ и Данилевскій) ничтожное число этѣхъ, какъ сочинитель называетъ, грабителей, среди ста тысячъ непріятелей, грабившихъ Москву и, для лучшаго удобства, поджигавшихъ разныя зданія, что видно изъ множества засвѣдѣтельствованій самыхъ Французскихъ писателей? Сдѣсь, между сими послѣдними и нашими грабителями, представляется та разница, что Французскіе мародеры имѣли въ виду на первомъ планѣ грабежъ и, чтобъ удобнѣе совершать оный, предавали огню то зданіе, на которое имѣли свои виды, между тѣмъ какъ у нашихъ грабителей на первомъ планѣ былъ поджогъ.

---

[170] Замѣчательное сопоставленіе мнѣнія и выраженій! Это какъ бы буквальное возраженіе сказанному Г. Богдановичемъ.

Продолжая упорствовать въ мнѣніи, что Русскій патріотизмъ не имѣлъ большаго участія въ истребленіи столицы, Г. Богдановичъ ищетъ доказать это свое умозаключеніе слѣдующими строками (стр. 316): «Изъ числа домохозяевъ весьма лишь незначительная часть оставалась въ городѣ; всѣ же прочіе выѣхали, покинувъ свои дома пустыми, либо оставя ихъ на попеченіе управляющимъ, дворецкимъ, дворникамъ и вообще людямъ, которые не могли ни рѣшиться сами на сожженіе домовъ, состоящихъ подъ ихъ надзоромъ, ни получить отъ владѣтельлей домовъ разрѣшенія на столь опасное дѣло. Не возможно предположить, чтобы всѣ (!?) жители такого обширнаго города условились между собой сжечь домы свои; если же на это рѣшились только не многіе (какъ и было въ дѣйствительности), то ихъ патріотическій подвигъ имѣлъ весьма невыгодное значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія (!). Слѣдовательно, выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта, столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ. Наполеонъ, въ первые дни своего пребыванія въ Москвѣ, не только не приказывалъ жечь города, но старался прекратить пожаръ; въ послѣдствіи разноплеменныя его войска предавались грабежу и безчинію, дѣйствительно участвовали въ поджогахъ, но вовсе не имѣли въ виду сжечь Москву.»

Весь этотъ параграфъ, по своему знаменательпому содержанію, вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія:

Во первыхъ: Очень понятно, что опасность, угрожавшая городу занятіемъ его непріятелемъ, должна была побудить многихъ съ семействами оставить домы свои и выѣхать, и что тѣ, которые имѣли возможность, вывезли и болѣе драгоцѣнные предметы. Но это отнюдь не доказываетъ, чтобы они были чужды общему, тогда господствовавшему въ Россіи, духу, не подчиняться непріятелю.

Во вторыхъ: По чему и на какомъ основаніи не предполагать, чтобы управляющіе, дворецкіе, дворники и вообще люди,

которымъ были ввѣрены домы, не могли раздѣлять патріотическаго чувства съ другими, предававшими огню дома свои, и чтобъ они, увидѣвъ поруганіе святынь, насиліе и грабежъ, хотя бы и не получали буквальнаго приказанія сжечь домъ при занятіи Москвы непріятелемъ, не рѣшились на это сами по общему, повторяю, настроенію въ то время духа, истреблять все, чтобы непріятеля лишить средствъ? Самъ Г. Богдановичъ приводитъ примѣръ Вязьмы и другихъ мѣстъ. Наконецъ, по чему не допустить, что были и такіе хозяева, которые, выѣзжая заблаговременно изъ Москвы, не отдали бы приказанія тѣмъ, на кого оставляли дома свои, поступить такъ, какъ поступятъ другіе? Сами они не могли зажигать домовъ, по тому что оставляли Москву, все еще имѣя надежду, что, можетъ быть, непріятель и не проникнетъ въ нее.

Въ третьихъ: Само собой разумѣется, что «не возможно предполагать, чтобы всѣ жители такого обширнаго города условились между собой сжечь домы свои.» Я принимаю этѣ строки за игру словъ; ибо Г. Богдановичъ, конечно, также хорошо, какъ и я, понимаетъ, что слово всѣ ни сдѣсь, ни гдѣ либо, имѣть мѣста не можетъ. Вездѣ есть, хотя бы и не много, лица противнаго мнѣнія съ большинствомъ: всѣ никогда и нигдѣ не бываютъ одного мнѣнія; но сдѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе то главное, что когда непріятель едва вступилъ на пространство, обитаемое Русскими, и былъ еще почти въ четырехъ стахъ верстахъ отъ Москвы, первымъ чувствомъ нашего народа было истребленіе своего жилища, и это продолжалось до Москвы. Самъ сочинитель говоритъ (стр. 402): «Вторженіе Французовъ въ Московскую Губернію было встрѣчено ея жителями также непріязненно, какъ и Смолянами. И мѣщане и поселяне, оставляя дома свои, уничтожали все, что могло сдѣлаться добычею непріятеля; зажигали строеніе и скрывались въ лѣсахъ» и т. д. [171] И такъ, за что же

[171] А развѣ Дворяне не дѣлали того же? Между тѣмъ, говорится только о мѣщанахъ и поселянахъ. Въ «Отечественной Исторіи,» по моему мнѣнію, каждое выраженіе, каждое слово, имѣетъ свой вѣсъ.

же отнимать у Москвичей то же высокое чувство, которымъ одушевились первые Русскіе, встрѣтившіе врага на поляхъ своихъ, и что продолжалось до стѣнъ самой Москвы? По чему непремѣнно утверждать, что въ Москвѣ на это рѣшились только не многіе? Гдѣ данныя, могущія опровергнуть хотя бы только то, что привелъ самъ сочинитель въ доказательство противному?

Въ четвертыхъ: Г. Богдановичъ сказалъ: «Если же на это рѣшились только не многіе [172] (какъ и было дѣйствительно, присовокупляетъ онъ), то ихъ патріотическій подвигъ имѣлъ весьма невыгодное значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія.»

Несомнѣнно, что потеря всего имущества должна быть чувствительна всякому. Но бываютъ исключенія, и именно исключеніе это можно отнести къ описываемымъ событіямъ въ Москвѣ. Сдѣсь же должно принять во вниманіе и то, что, для сомнительнаго сохраненія имущества, жителямъ должно было остаться въ домахъ своихъ и подчиниться распоряженіямъ непріятеля нести тяжесть постоевъ, продовольствовать квартирующихъ и многія другія повинности, неразлучныя съ войной, что, конечно, Г. Богдановичъ не имѣлъ случая испытать; по книгамъ же этого понять ни какъ нельзя. Сверхъ всего сего могла быть потребована значительная контрибуція, безъ которой Наполеонъ никогда не обходился, а сдѣсь, какъ видно изъ его словъ, онъ думалъ вознаградить армію за дальній и тяжкій походъ. Слѣдовательно, послѣдствіемъ не выѣзда хозяевъ было одинаковое разореніе, независимо отъ уничиженія предъ врагомъ, что въ глазахъ Русскихъ того времени стояло на первомъ планѣ. По выѣздѣ же изъ домовъ вся оставленная движимость должна была почитаться уже какъ бы потерянной. Очень не многіе, возвратясь

[172] Не многіе и оставались. Когда Французы вошли въ Москву и тѣ изъ жителей, которые не успѣли еще выйти изъ оной, совершили это въ первые дни, а истребивъ свое имущество и пользуясь безпорядкомъ, тайно ускользали изъ города.

нашли часть оной сохранившеюся, чему обязаны единственно случаю, который ввелъ въ ихъ домы главнѣйшихъ лицъ арміи. Оставляя домы свои, хозяева, лишаясь своей движимости, избѣгали непріятельскаго ига и зажечь ихъ они не могли; ибо это было преждевременно. Впрочемъ, расчитывая на приготовленіе разныхъ горючихъ матеріяловъ и упрочившуюся молву, что городъ, при занятіи непріятелемъ будетъ сожженъ, не находили, может быть, нужнымъ и дѣлать для того особенныхъ распоряженій. Изъ тѣхъ же хозяевъ, которые дожидались 2-го Сентября, не многіе, а едва ль не всѣ, при первой возможности, сами зажигали дома свои. Во всякомъ случаѣ, если уже въ планъ Г. Богдановича входило показать, что въ Москвѣ патріотизмъ не былъ господствующимъ, то онъ могъ, по моему мнѣнію, хотя бы нѣсколько смягчить свой приговоръ; за что онъ, какъ бы упрекаетъ, сказавъ, что этотъ патріотическій подвигъ «не многихъ имѣлъ весьма невыгодное вліяніе на тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія?»

Надлежало быть среди тогдашнихъ Русскихъ, чтобы судить объ этомъ правильно. Несомнѣнно, повторяю, горько лишиться всего, но чтобы кто либо въ то время укорялъ за предпринятую мѣру, этого допустить нельзя. Могли случиться сѣтованія нѣкоторыхъ, можетъ быть и многихъ, на судьбу, на какія либо личности, но этѣмъ все и оканчивалось. Изгнаніе врага, повторительныя побѣды въ 1813 году, и наконецъ взятіе Парижа въ 1814-мъ, когда, на высотахъ Монмартрскихъ, изъ среды всѣхъ союзныхъ, взнеслись первыя знамена Русскія; когда Александръ возвратилъ престолъ династіи, отчужденной отъ онаго, въ продолженіе двадцати лѣтъ, и сопутствовавшія тому событія, все это, упояя Русскихъ славой, вмѣстѣ съ изліяніемъ милостей Царя на пострадавшихъ, скоро доставило возможность позабыть претерпѣнныя бѣдствія и гордиться своими пожертвованіями.

За чѣмъ такъ неосновательно клеймить патріотизмъ Москвичей, написавъ (еще повторяю) ненавистныя строки, что этотъ «патріотическій подвигъ не многихъ имѣлъ весьма невыгодное вліяніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара

все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго (!) самоотверженія?» Сдѣсь остается одно утѣшеніе предполагать, что Г. Богдановичъ написалъ этѣ строки, какъ говорится, такъ себѣ, безъ всякаго убѣжденія въ истинѣ, заключающейся въ оныхъ; ибо въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ совершенно тому противное, какъ бы предоставляя читателямъ на выборъ одно изъ своихъ мнѣній, совершенно между собой противоположныхъ.

Вотъ, на примѣръ: послѣ всего того, что онъ сказалъ такъ краспорѣчиво о сдѣлавшихся невольными страдальцами чужаго самоотверженія, на стр. 416-й говоритъ о Московскомъ пожарѣ слѣдующее:... «Въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе оттуда пѣшкомъ, въ сермягахъ и лаптяхъ, которые (?) радовались, [173] что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.»

Сопоставьте этѣ страданія за чужое самоотверженіе и радованіе за послѣдствія такого подвига. Какой непростительный промахъ и непослѣдовательность въ сочинителѣ! Но спрашивается: чему же вѣрить? Конечно, послѣднему, по тому что это истина, которой есть живые свѣдѣтели, и что, наконецъ, сочинитель еще въ эту минуту чувствовалъ себя Русскимъ, тогда какъ первое его мнѣніе было изложено подъ вліяніемъ Шрекенштейновъ. Иначе и быть не могло.

Сами ли помянутые странники зажигали дома свои, или это было сдѣлано по ихъ приказанію, или, наконецъ, дома ихъ сдѣлались жертвой пламени отъ сосѣдственныхъ пожаровъ, или же все горѣло по распоряженію Графа Растопчина, все равно. Потерявшіе сотни тысячъ въ Москвѣ, радовались, что имущество ихъ было истреблено огнемъ ко вреду врага. На слѣдующей 417 й страницѣ приводятся слова изъ Сегюра, доказываю-

---

[173] Сдѣсь непонятно, кто именно радовался—потерявшіе имущество, или сермяги и лапти?

щія высокое самоотверженіе Русскихъ. Историкъ этотъ говоритъ: «Жертва, ими (Русскими) принесенная, была огромна, безусловна. Они не сожалѣли о своихъ потеряхъ и не требовали ни какого возмездія даже по занятіи непріятельской столицы, обязанной имъ своимъ сохраненіемъ.»

Гораздо выше встрѣчаемъ (а именно на 4-й страницѣ): «Не было никого, говоритъ Вильсонъ, Англійскій Генералъ, состоявшій въ качествѣ довѣреннаго лица отъ своего Правительства при главной квартирѣ нашей арміи, ни мужчины, ни женщины, ни старика, ни юноши, кто не считалъ бы презрительнымъ роптать, или жаловаться, на потерю имущества.» [174] Очень жаль, что Г. Богдановичъ поскупился на подобныя ссылки, которыхъ бы онъ нашелъ очень много у Французскихъ писателей-очевидцевъ, а предпочелъ имъ иноземныхъ Нѣмцевъ, которыхъ мнѣніе, къ несчастію, у него господствуетъ.

Наконецъ, въ пятыхъ: Г. Богдановичъ, какъ было видно, заключаетъ разсматриваемый параграфъ словами: «Слѣдовательно, выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ.» Сочинитель говоритъ, что Наполеонъ принималъ мѣры къ потушенію пожара и т. д.; это очень естественно; ибо вся его надежда основывалась на цѣлости Москвы. Объ этомъ нечего и говорить: это аксіома; она признана всѣми современниками нашими. Замѣчу, однако же, еще два, три, мѣста, приводимыя самимъ же Г. Богдановичемъ, въ которыхъ сожженіе Москвы приписывается прямо Французамъ, и мѣста этѣ оставлены безъ оговорки, а именно:

На стр. 293 приводится письмо Императора Александра къ наслѣдному Принцу Шведскому, въ которомъ приписывается положительно сожженіе Москвы Наполеону. Вотъ что чита-

---

[174] Въ слѣдъ за симъ сочинитель приводитъ засвѣдѣтельствованіе Вильсона же, какъ всѣ плакали отъ радости, когда онъ говорилъ, что Государь не заключитъ мира и пр.

емъ: «Раздраженный тѣмъ, что не нашелъ въ Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ (Наполеонъ) сжегъ прекрасную столицу, теперь обращенную въ груду пепла и развалинъ.» Это требовало бы поясненій, безъ которыхъ читатель, въ особенности мало знакомый съ событіями, путается и не получаетъ яснаго и опредѣлительнаго понятія. Подобныя разнорѣчивыя данныя повторяются неоднократно, подтверждая то одно, то другое; такъ, на примѣръ:

Въ Высочайшемъ Манифестѣ, на имя Графа Растопчина, по изгнаніи Французовъ (т. III, стр. 521): находимъ: .... «Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для войны зажиганій, грабительствъ и подрываній, нанесъ ей тяжкій вредъ» и т. д.

На стр. 329 (т. II) находимъ такъ себѣ, краснорѣчіе, выраженіе, гдѣ, между прочимъ, однако же, встрѣчаемъ: «Исторія скажетъ, что онъ (Александръ) отстоялъ честь и самостоятельность Россіи, отмстилъ за пожаръ Москвы спасеніемъ Парижа.» Сдѣсь опять выходитъ, что Французы сожгли Москву! Вѣдь можно было бы написать: за занятіе Москвы, пусть даже за разореніе, но ни какъ за пожаръ, послѣ всего того, что сочинитель сказалъ уже объ этомъ! Не уже ли нельзя, въ порывахъ поэтическаго увлеченія, гоняясь за выраженіями, избѣгать въ Исторіи противорѣчій, высказываемыхъ не только что вскользь, но прямо, безъ всякаго вниманія къ публикѣ? Подобныя выраженія, противорѣчащія одни другимъ, хоть кого собьютъ съ толку. Въ такихъ случаяхъ уже лучше было бы слѣдовать логикѣ Михайловскаго-Данилевскаго, который, также гоняясь за выраженіями, наконецъ утомясь и не зная, какъ выбраться изъ лабиринта, въ который зашелъ, героически разсѣкъ гордіевъ узелъ относительно Московскаго пожара и остроумное свое разсужденіе заключилъ слѣдующими словами: «Русскіе не уступятъ никому чести въ Московскомъ пожарѣ; но главными виновниками были Французы:

безъ нашествія Наполеона не сгорѣла бы и Москва.» Чистая логика!! Тутъ нельзя и спорить. [175]

Не знаю, кто высказываетъ пожаръ Москвы въ видѣ Сагунта. Г. Богдановичъ замѣчаетъ, что это нелѣпо. Тутъ нѣтъ ссылки. Но я не могу допустить себя до мысли, чтобы онъ, почитаемый за ученаго, могъ самъ сближать эти два событія, совершенно различныя и въ главныхъ своихъ основаніяхъ и во всѣхъ совершенно частностяхъ.

Сказавъ о Графѣ Растопчинѣ, какъ о главномъ дѣятелѣ къ произведенію пожара въ Москвѣ, ни слова не сказалъ, что въ то же утро, 2-го Сентября, когда онъ отправилъ Частнаго Пристава, какъ видѣли выше, жечь Коммисаріятъ, барки у Краснаго Холма и Данилова монастыря, Винный и Мытный Дворы, «Князь Кутузовъ, съ своей стороны извѣстясь, что не было ни какой возможности спасти отъ непріятеля Коммисаріятскія барки, слѣдовавшія позади остановившихся, за тяжестію груза, артиллерійскихъ барокъ, приказалъ ихъ жечь и топить. Въ одно время загорѣлись аммуничныя вещи и полетѣли на воздухъ огнестрѣльные снаряды.»

Между тѣмъ это находится въ книгѣ Михайловскаго-Данилевскаго (т. II, стр. 332), и написано не на слово, не по другимъ свѣдѣніямъ, не на говорятъ и т. п., а основано на мнѣніи Государственнаго Совѣта, 7-го Мая, 1817 года, что должно было

---

[175] Сдѣсь невольно приходитъ на память народная у насъ сказка: Староста пріѣхалъ изъ деревни къ Барину въ городъ. На вопросъ: Все ли здорово? Онъ отвѣчалъ: Все благополучно, только любимый вашъ воронъ издохъ.—Отъ чего?—Обожрался стервы.—Какой стервы?—Да вороной-то конь вашъ околѣлъ.—Какъ такъ?—Да запрягли въ оглобли, съ непривычки и надорвался, а надо было много воды возить.—На что воды?—А домъ-то Барскій сгорѣлъ.—Отъ чего?—Факелами запалили.—Какими факелами?—Да какъ матушку-то вашу хоронили.—Вотъ и тутъ смерть матушки была всей бѣдѣ причиной. Не умри она, и воронъ бы не издохъ, и конь не околѣлъ, и домъ бы не сгорѣлъ. Съ такимъ точно добродушіемъ и Александръ Ивановичъ утверждаетъ, чего, впрочемъ, и отрицать никто не будетъ: «Не приди Наполеонъ въ Москву, то и она бы не сгорѣла.»

находиться предъ глазами почтеннаго Профессора. Но если бы онъ и не призналъ этого за достовѣрное, то, во всякомъ случаѣ, надо было оговорить; ибо подобныя дѣла не должны быть выпускаемы, что очень хорошо могло быть сдѣлано съ другими мѣстами, по ничтожности своей не имѣющими рѣшительно ни какой занимательности для Исторіи, а развѣ только для нѣкоторыхъ личностей. Неупомянуто также о сожженіи с. Воронова самимъ Графомъ Растопчинымъ, что обозначаетъ тогдашнее время и бросаетъ свѣтъ на господствующій духъ вообще и въ частности. Обстоятельство это, которому многіе были свѣдѣтелями, описано Михайловскимъ-Данилевскимъ (т. III, стр. 17). То же свѣдѣтельствуетъ и Подполковникъ (въ послѣдствіи Г.-М.) И. Т. Радожицкій въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста» (т. I, стр. 192), какъ очевидецъ событія, коему свѣдѣтелемъ былъ и весь Штабъ 6-го корпуса. [176] Оно нашло мѣсто и во многихъ иноземныхъ, какъ современныхъ, личныхъ засвѣдѣтельствованіяхъ, такъ и въ послѣдствіи до изданія Записокъ извѣстнаго Англійскаго Генерала Серъ Роберта Вильсона, бывшаго не только что свѣдѣтелемъ подвига Графа Ѳедора Васильевича, но и помогавшаго ему въ распоряженіяхъ и т. д. Если почтенный сочинитель своей Исторіи не нашелъ всѣ сказанія о семъ достовѣрными и извѣстное по исторіи письмо Графа къ Французамъ вымысломъ, то слѣдовало бы оговорить. Исторія должна быть очищаема.

И такъ, изъ выше приведенныхъ примѣчаній видно, что несправедливо лишать Московскихъ домохозяевъ (разумѣется, тѣхъ, которые оставались до 2-го Сентября въ Москвѣ, за другихъ же распорядился Растопчинъ) подвига въ самоотверженіи и преданіи своихъ домовъ огню, по собственному ли побужденію, или по внушенію свыше, или по приказанію. По моему мнѣнію, исполненіе приказанія въ подобныхъ случаяхъ возвышаетъ еще болѣе народный Русскій характеръ; ибо мысль зажечь домъ при оставленіи его, могутъ внушить страсти, вовсе чуждыя патріотизму;

---

[176] Графъ Растопчинъ, близко знакомый съ Дохтуровымъ, большею частію совершалъ переходы съ нимъ. Подробности этого событія замѣчательны по многимъ отношеніямъ.

но сжечь его, повинуясь общему распоряженію властей, есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собой, въ слѣдствіе случайнаго раздраженія его страстей обстоятельствами. Тутъ болѣе чести, болѣе истинной славы, для народнаго характера. Мы видѣли Наполеона въ 1814 и 1815 годахъ, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы возбудить патріотическое увлеченіе въ своемъ народѣ, но народъ Французскій остался глухъ ко всѣмъ сильнымъ воззваніямъ своего Императора и ближайшихъ властей, имѣвшихъ для сего въ распоряженіи своемъ значительныя суммы. Наполеонъ и народъ его въ этомъ случаѣ не понимали одинъ другого, но Растопчинъ и Москва поняли другъ друга: они не отстали отъ народа, начинавшаго истреблять огнемъ свои жилища и хлѣбъ на корнѣ при первомъ шагѣ врага въ Смоленскую Губернію, и такъ провожали его до Москвы, а сдѣсь сожженіе ея, повторяю, отнюдь не служитъ къ уничиженію ни Правительства, ни народа, а напротивъ еще болѣе возвышаетъ обоихъ.

Заключу параграфъ о сожженіи Москвы еще другими очевидцами: Бутурлинъ, между прочимъ (т. I, стр. 305), говоритъ: «Кромѣ нарочно подосланныхъ, сами обыватели зажигали собственные дома свои безъ всякаго приказанія, а единственно изъ озлобленія противъ непріятеля.» Дмитрій Петровичъ былъ очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, и издалъ книгу свою почти за двадцать лѣтъ до появленія книги Михайловскаго-Данилевскаго, и хотя онъ не пользовался тѣми матеріялами, которые были въ распоряженіи послѣдняго, но имѣлъ то преимущество, что писалъ ближе ко времени событій, былъ самъ Москвичъ, и по тому ему представлялось болѣе средствъ почерпнуть достовѣрныя свѣдѣнія, а главное, нигдѣ не противорѣчитъ самому себѣ. Онъ написалъ книгу свою при Императорѣ Александрѣ I-мъ, слѣдовательно, при живомъ свѣдѣтелѣ и главномъ виновникѣ гибели враговъ. Г.-М. Хатовъ издалъ переводъ книги Бутурлина въ 1824 году, и второе изданіе съ примѣчаніями посвятилъ Императору Николаю I-му. Ни Бутурлинъ, ни Хатовъ не могли бы говорить о Московскомъ пожарѣ такъ, какъ представили оный, если бы это не было согласно съ истиной, которая под-

крѣплялась въ то время большимъ числомъ живыхъ еще свѣдѣтелей и разными рукописными повѣтствованіями.

Вотъ что говоритъ Полковникъ Окуневъ [177] о Московскомъ пожарѣ, и говоритъ это при жизни еще множества свѣдѣтелей событію (стр. 199): «но вѣрные жители Москвы, на величайшія жертвы всегда готовые, не ограничились оставленіемъ жилищъ и богатствъ своихъ: пожирающее пламя должно было лишить непріятеля даже всякой надежды дать нѣкоторое отдохновеніе арміи его, и вскорѣ Москва превратилась въ груду развалинъ..... Тщетно хотѣли бы затмить славу сего патріотическаго поступка, котораго въ самоотверженіи ни что превзойти не можетъ. Тщетно отказали бы великодушнымъ жителямъ Москвы вѣнецъ гражданской доблести: безпристрастное потомство его имъ присудитъ, какъ справедливую награду за ихъ преданность къ Отечеству» и т. д.

У Михайловскаго-Данилевскаго, какъ объ этомъ я сказалъ уже, [178] встрѣчается много неясностей, но господствующее мнѣніе его было, что Москва сожжена жителями оной.

Наконецъ, А. П. Ермоловъ, въ изданныхъ въ 1863 году Запискахъ, говоритъ (стр: 192):..... «Собственными руками нашими былъ разнесенъ истребившій ее (Москву) пламень... Нѣтъ преступленій въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа.... За что отнимать у себя славу пожертвованія столицей, когда справедливый непріятель у насъ ее не похищаетъ? Ни одинъ народъ изъ всѣхъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ предъ счастьемъ Наполеона смирившихся, не явилъ подобнаго примѣра: судьба сберегла его для славы Россіи.»

Таковы засвѣдѣтельствованія очевидцевъ, и какихъ очевидцевъ! Они отдали полную справедливость патріотизму жителей

[177] «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году». Издано въ Парижѣ 1829 года, переведено же на Русскій языкъ 1832. Спб.

[178] Въ Книгѣ: «Дѣйствительныя причины гибели Французскихъ полчищъ въ 1812 году». Спб. 1855. Статья: «Пожаръ Москвы».

Москвы, изображая истину; не отрицая того, чѣмъ каждый Русскій гордился,[179] гордится и будетъ всегда гордиться, какими бы то словоизвитіями его ни опутывали.

Бывшіе въ Тарутинскомъ лагерѣ, конечно, помнятъ, точно также, какъ помню и я, что Московскіе выходцы разсказывали, какъ они сами и другіе Москвичи поджигали свои дома и лавки предъ тѣмъ, какъ уйти.[180] Находясь въ Корпусномъ Штабѣ Дохтурова, который былъ самъ Москвичъ, имѣлъ тамъ многихъ родственниковъ и большой кругъ знакомыхъ, а Штабъ его почти весь былъ составленъ изъ Московскихъ Дворянъ, я видѣлъ, какъ на каждомъ переходѣ, начиная отъ Боровскаго перевоза, въ Подольскѣ, въ Красной Пахрѣ и другихъ мѣстахъ, до Тарутина даже, являлось по нѣскольку выходцевъ изъ Москвы, знакомыхъ или съ самими господами, или съ ихъ прислугой, смотря по состоянію, разсказывали о всѣхъ продѣлкахъ, употреблявшихся ими и ихъ знакомыми для сожженія домовъ своихъ, чтобы не быть пойманными и уличенными непріятелемъ, изыскивая даже возможность поджигать дома, когда въ нихъ собирались враги. Совершивъ свой подвигъ, они оставляли городъ, присовокупляя, что многіе остаются тамъ единственно по тому только,

---

[179] Не исчисляю здѣсь засвѣдѣтельствованія тогдашнихъ нашихъ враговъ, свѣдѣтелей, неоспоримо повѣствующихъ о главныхъ виновникахъ зажженія Москвы, съ достаточными подробностями. Но вотъ и полвѣка спустя послѣ событія, въ «Economiste Belge» (Еженед. Приб. къ Русск. Инв. 1864, № 28), помѣщено воспоминаніе нѣкоего Ванрамини, остававшагося въ Москвѣ во время занятія ея Французами. Изъ статьи этой ясно видна преднамѣренность зажечь Москву, да и въ этомъ едва ли кто, кромѣ почтеннаго сочинителя Исторіи Отечественной войны 1812 г., сомнѣвается, или, лучше сказать, вовсе отвергаетъ.

[180] Баронъ Кросаръ, въ 1812 году Полковникъ нашего Генеральнаго Штаба, находившійся при Кутузовѣ (въ Mémoires mil. et. polit. etc. t. IV, p. 370), говоритъ, что въ первый же день выступленія изъ Москвы, когда показался въ ней дымъ, Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ изъявилъ сожалѣніе, при потерѣ состоянія передъ выступленіемъ изъ Москвы, что «онъ не самъ зажегъ свой домъ» и пр., и на стр. 374 удостовѣряетъ, что событіе это, сожженіе Москвы, было соображено прежде, а не было случайностью и т. д.

что не находятъ возможности привести въ исполненіе глубоко задуманнаго своего намѣренія, и говорили это съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ и пр. Шрекенштейны, Бернгарди, Клаузевицы и имъ подобные не понимали этого, и очень естественно: впустивъ въ столицы свои Французовъ, они повиновались ихъ военнымъ Генералъ-Губернаторамъ; подвигъ Русскихъ былъ для нихъ необъяснимъ. Жаль, что Г. Богдановичъ рѣшился искать отклонить въ этомъ событіи участіе Русскаго патріотизма.

Описывая очень кратко и, можно сказать, по значенію книги, неудовлетворительно, пребываніе Французовъ въ Москвѣ и безпорядки, которымъ они предавались, почтенный исторіографъ нашъ, на стр. 327-й, говоритъ: «Упадокъ чинопочитанія дошелъ до того, что сами Офицеры участвовали въ подобныхъ поступкахъ нижнихъ чиновъ.» Между тѣмъ какъ Шамбре, сочинитель, избранный Г. Богдановичемъ по преимуществу предъ всѣми другими, описывая безчинства, происходившія въ Москвѣ, на стр. 223 говоритъ: «Всѣ грабили, и корысть не одинъ разъ соединяла въ одномъ мѣстѣ шитый мундиръ Генерала и скромную одежду солдата.» Данилевскій, такъ раскритикованный почтеннымъ Профессоромъ, вѣдь не упустилъ ввести это въ свое описаніе Отечественной войны, какъ эпизодъ, безспорно ей принадлежащій.

Сами Французы представляютъ это время въ краскахъ самыхъ яркихъ и не вскользь, какъ это сдѣлано въ настоящей Исторіи, которая должна была, по моему мнѣнію, изобразить полную картину этого эпизода. Предметъ этотъ, конечно, заслуживаетъ быть въ Исторіи нашей Отечественной войны выставленнымъ въ полномъ свѣтѣ, или пусть хотя бы уже только такъ, какъ онъ представленъ самимъ врагомъ нашимъ, [181] чѣмъ,

---

[181] Въ книгахъ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855», и въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы. Москва. 1866 г.,» я соединилъ многое о семъ изъ повѣствованій Французовъ и ихъ союзниковъ; но какъ обѣ книги относились только собственно до обозначенныхъ въ заглавіи предметовъ, то я и не находилъ умѣстнымъ дѣлать полную выписку разсказываемаго о грабежѣ и буйствѣ самими Французами. Мнѣ

безъ всякихъ современныхъ засвѣдѣтельствованій (по крайней мѣрѣ не указанныхъ), называть бродягами и преступниками тѣхъ изъ Русскихъ, которые жгли Москву, находясь среди Французовъ, и совершенно голословно уничтожать патріотизмъ Москвичей въ дѣлѣ сожженія своей столицы. Слава этого подвига переживетъ всѣ естественныя измѣненія во взглядахъ и убѣжденіяхъ; она во всѣ вѣка будетъ питать героевъ и вѣрныхъ гражданъ любовью къ славѣ и самопожертвованіемъ на пользу отечества. Ни одинъ изъ историческихъ пожаровъ не отражается такимъ величественнымъ заревомъ въ сумракѣ вѣковъ, какъ пожаръ Москвы въ 1812 году. Горѣлъ и Сагунтъ, горѣли и Аѳины предъ Саламинской битвой, но Московскій пожаръ всегда былъ и будетъ единственнымъ пожаромъ, освятившимъ дѣло разрушенія и увѣковѣчившимъ самыя возвышенныя чувства народа. [182]

Пусть болѣе Исторія представляетъ намъ примѣровъ такихъ пожаровъ: отъ нихъ сердце не обольется кровію, они не испугаютъ самой робкой души. Смотря на нихъ и на погибшія съ пожаромъ Москвы могущество и славу Наполеона I, невольно вспомнимъ строфу изъ политическаго стихотворенія великаго Нѣмецкаго поэта:

So vergehn des Lebens Herrlichkeit,
So entfliet das Traumbild der eitlen Macht.

Довольно о Московскомъ пожарѣ; онъ ожидаетъ еще достойнаго своего историка.

На страницахъ 330—331 встрѣчаемъ: «Нѣкоторые изъ отличнѣйшихъ нашихъ Генераловъ, послѣ потери Москвы стали

кажется, что стоило бы заняться симъ для полнаго изложенія этого эпизода, характеризующаго Западное просвѣщеніе, дисциплину и человѣчность, т. е., все то, чѣмъ намъ самохвалы колятъ этѣ глаза.

[182] Такъ современники событію, самые даже Французы, признавали этѣ преимущества за Русскими. Въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» приведено нѣсколько взглядовъ иноземцевъ по сему случаю.

сомнѣваться въ успѣхѣ войны, и въ числѣ ихъ былъ даже Барклай де Толли который, будучи прежде Военнымъ Министромъ, имѣлъ возможность совершенно узнать военныя средства Россіи. Говорятъ (?!), что когда къ нему являлся Подполковникъ Клаузевицъ съ нѣсколькими Офицерами, отъѣзжавшими изъ главной квартиры въ корпусъ Графа Витгенштейна, Барклай сказалъ: «Благодарите Бога, что васъ отозвали отсюда; у насъ сдѣсь нельзя ожидать ни чего дѣльнаго.» Въ слѣдъ за послѣднимъ словомъ, поставлена ссылка № 27-й, а въ ссылкѣ: Klausewitz. Der Feldzug in 1812 in Russland. S. 184, 185.

. . . .

. . Такъ вотъ кто говорятъ! т. е., это говоритъ самъ Клаузевицъ! Да позвольте мнѣ, почтенный сочинитель, крѣпко усомниться въ удостовѣреніи Клаузевица. Барклай могъ быть недоволенъ, могъ писать это одному Государю, но сообщать свое неудовольствіе на дѣйствія Кутузова, облеченнаго властію Главнокомандующаго всѣхъ дѣйствующихъ армій, сообщать оное, и кому еще? — иноземному Офицеру, этого быть не могло. Барклай былъ столь уменъ и характеренъ, что никогда не низшелъ бы на подобную откровенность съ Клаузевицемъ, да при томъ онъ былъ и не словоохотливъ. [183] Все, что Г. Богдановичъ приводитъ о немъ,

---

[183] Я говорю это на томъ основаніи, что долгое время находился при Барклаѣ, когда онъ былъ только Начальникомъ 6-й дивизіи, будучи при его Штабѣ въ 1808 году, при завоеваніи Новой Финляндіи, жилъ вмѣстѣ съ его Адъютантами: Бартоломеемъ и Каверомъ. По роду службы моей, часто, отъ ранняго утра до вечера, долженъ былъ писать съ его диктовки различныя распоряженія, или тутъ же переписывать сдѣланныя уже имъ распоряженія и начерно набросанныя Бригадъ-Маіоромъ (тогда не было еще Штабовъ), лейбъ-гренадерскаго полка Маіоромъ А. В. Воейковымъ (въ послѣдствіи Флигель-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ), пользовавшимся особеннымъ довѣріемъ Михайла Богдановича, а по тому я имѣлъ всю возможность постигнуть его свойства. Онъ былъ вообще болѣе молчаливъ, и каждое его слово, казалось, было со всѣхъ сторонъ обдумано и взвѣшено. Не рѣдко, въ продолженіе цѣлаго обѣда, онъ не произносилъ ни одного слова, но и не находилъ неумѣстнымъ, чтобы обѣдающіе у него, когда нѣтъ постороннихъ, хранили молчаніе. Иногда на что либо сказанное вырывалась у него улыбка, но не болѣе. Въ 1812 году я опять имѣлъ случай видѣть его, по обязанности службы, почти ежедневно. То же случалось иногда въ послѣдующихъ годахъ; все, что я могъ заключить,

какъ въ переписке съ Государемъ, такъ и на совете въ Филяхъ и во всехъ другихъ случаяхъ, дышетъ возвышенностью его характера, не допускающаго ни въ какомъ случае верить Клаузевицу о сказанномъ ему Барклаемъ. Клаузевицъ прикрасилъ этимъ свой разсказъ, и только. [184]

Но могло ли быть, однако же, для Г. Богдановича достаточнымъ такое засвидетельствованіе, чтобы ввести оное въ текстъ нашей Отечественной исторіи? Барклай отчаявался въ успехе войны!! Такой отзывъ нашего почтеннаго Профессора не можетъ выдержать уже ни какой критики, въ особенности при сопостановленіи съ темъ, что самъ же Г. Богдановичъ приводитъ о Барклае до самаго оставленія Москвы. Такъ осуждать необходимы данныя, указанія на лица, и еще какія? а не на одного Клаузевица. Больно видеть, какъ «Исторія Отечественной войны 1812 года» ищетъ разочаровывать полувековое утвердившееся мненіе о лицахъ, которыхъ, въ особенности мы, свидетели ихъ подвиговъ, привыкли чтить: Кутузова, Барклая, Багратіона, Беннигсена, Растопчина, Милорадовича и т. п. [185] Но обращаюсь къ другой половине помянутаго выраженія.

есть твердое убежденіе въ томъ, что онъ не могъ сказать того Клаузевицу что говоритъ Г. Богдановичъ, если даже и со словъ Клаузевица.....

[184] Я не имею теперь подъ рукой Клаузевица, а потому и не могу видеть ссылки; ибо очень могло случиться, какъ это оказалось въ другихъ местахъ, что тутъ вкралась погрешность.

[185] Сдесь какъ-то невольно хочется сделать вопросъ сочинителю: да кто же, на конецъ, одолелъ непобедимаго до того времени генія, полководца, Государя, приведшаго къ намъ семисотъ-тысячную армію, закаленную въ двадцатилетнихъ победахъ, подъ предводительствомъ опытныхъ въ военномъ деле Королей, Герцоговъ, Владетельныхъ Князей и т. п.? Ужь не Клаузевицы ли, Вольцогены, Гофманы, Люцы, Дисты, Раты, Тетенборны, Пфули, Винценгероде и т. п., принятые въ ряды наши по разгромленіи ихъ армій подъ Ульмомъ Еной и другихъ местахъ? Не уже ли, повторяю, безъ этихъ лицъ мы бы погибли? Грустно видеть, что вера въ сказаніе этихъ пришлецовъ господствуетъ въ книге, предназначенной къ изложенію славныхъ подвиговъ Русскихъ въ Отечественную войну.

Читатели, однако же, оставлены въ недоумѣніи, кто другіе отличнѣйшіе изъ нашихъ Генераловъ, которые сомнѣвались въ успѣхѣ войны? Ихъ имена были необходимы для полноты, но, конечно, не по засвѣдѣтельствованію Клаузевица, который, положимъ, можетъ быть, проводимъ, когда дѣло шло о движеніи при Бородинѣ корпуса Уварова, при которомъ онъ находился, но не въ оцѣнкѣ нашихъ Генераловъ, чего, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія его въ арміи, и сдѣлать не могъ, при всѣхъ своихъ метафизическихъ познаніяхъ.

Теперь дошли до одного изъ первостепенныхъ эпизодовъ войны 1812 года, относящагося собственно до великихъ стратегическихъ соображеній, вполнѣ удавшихся, [186] и именно до безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи перехода арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу. Посмотримъ каѳедральное мнѣніе нашего почтеннаго Профессора военныхъ наукъ: вотъ что онъ предпосылаетъ, въ глубокихъ размышленіяхъ своихъ объ этомъ передвиженіи, возвращаясь къ прѣніямъ въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ.

На стр. 252-й онъ начинаетъ такъ: «Что касается до вопроса: предполагалъ ли уже въ это время Кутузовъ перейти на Калужскую дорогу, или сообразилъ сіе передвиженіе въ послѣдствіи, находясь на Рязанской дорогѣ, вопроса весьма важнаго въ историческомъ отношеніи, то, по всей вѣроятности, онъ останется нерѣшеннымъ (точно ли?). «Кутузовъ никогда не сообщалъ никому своихъ намѣреній прежде ихъ исполненія, [187] и по тому

---

[186] Собственно вполнѣ удавшихся такихъ соображеній въ 1812 году было только два: первое, здѣсь упоминаемое; второе—передвиженіе арміи изъ Тарутина въ Малоярославецъ, и какъ оба они недостаточно выяснены! За исключеніемъ движенія 6-го корпуса Дохтурова изъ Лиды къ Дриссѣ, о чемъ едва упоминается въ Исторіи, всѣ другіе не были увѣнчаны тѣмъ успѣхомъ, какой могъ быть ожидаемъ, а именно: соединеніе 2-й арміи, движеніе послѣ Смоленска къ Соловьеву Перевозу, вырученное грудью Русскихъ и оплошностію Французовъ, въ особенности корпуса Жюно и пр. О движеніяхъ же Чичагова, Витгенштейна и самаго Кутузова, засѣвшаго въ Копысѣ, и говорить нечего.

[187] Если Кутузовъ никогда не сообщалъ никому своихъ намѣреній, то само собой

трудно сказать (но если сообразите, то и не трудно), когда именно было задумано искусное фланговое передвиженіе нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу. Отступленіе во фланговую позицію (какъ мы уже видѣли), было предложено Толемъ, и по тому нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что онъ предложилъ это движеніе и въ послѣдствіи, по прибытіи арміи на Рязанскую дорогу (какъ увѣряетъ Бернгарди), либо, по крайней мѣрѣ, имѣлъ участіе въ составленіи этого соображенія.»

Всеконечно, что нѣтъ уже ни какой причины сомнѣваться въ сказанномъ почтеннымъ сочинителемъ «Исторіи Отечественной войны,» по тому именно, что въ этомъ «увѣряетъ Бернгарди.»[188] Лѣтъ шесть тому назадъ, въ «Военномъ Сборникѣ» была помѣщена статья почтеннаго М. Иванина, подъ заглавіемъ: «Заслуги Князя Кутузова, какъ дипломата» и т. д. Въ статьѣ этой были сдѣланы бѣглыя замѣчанія и на «Исторію Отечественной войны 1812 года,» въ числѣ истинно вѣрныхъ взглядовъ говорится и о томъ, кому принадлежитъ мысль перехода съ Рязанской на Калужскую дорогу, и вотъ что читаемъ: «Если ихъ (маневръ въ Тарутино и преслѣдованіе южною дорогой) приписать и Графу Толю, то Кутузовъ также заслуживаетъ похвалы за оцѣнку и принятіе умнаго совѣта.»

Нельзя не раздѣлять мнѣнія почтеннаго сочинителя статьи; ибо такое качество въ военачальникѣ (да и въ каждомъ), т. е., окружать себя дѣльными людьми и оцѣнивать дѣльную мысль, едва ли не столь-

---

разумѣется, объ этомъ можно было узнать только по совершеніи ихъ: лишнее выраженіе.

188 Въ концѣ послѣдняго слова приведеннаго параграфа, Г. Богдановичъ, въ ссылкѣ № 47, вводитъ еще слѣдующее: «По увѣренію Бернгарди, Флигель-Адъютантъ, Полковникъ Мишо, передъ совѣщаніемъ въ Филяхъ, обратилъ вниманіе Князя Кутузова на то, что Ока, разливаясь въ осеннюю пору, наводняла окрестности сей рѣки, и что въ такомъ случаѣ наша армія, двинувшись по Нижегородской дорогѣ (какъ предлагалъ Барклай де Толли), была бы разобщена отъ южныхъ областей Имперіи,» Г. Богдановичъ присовокупляетъ: «Бернгарди полагаетъ, что это замѣчаніе (т. е., замѣчаніе Мишо) побудило Кутузова отступить по Рязанской дорогѣ.» Что за ералашъ!

ко же высоко и неоцѣнимо, какъ и то, если бы онъ и самъ замыслилъ совѣтуемое. Здѣсь же дѣло не въ томъ, кто замыслилъ этотъ маневръ: Кутузовъ, или Толь? а главное заключается въ опредѣленіи времени, когда пришла эта мысль, соображеніе: въ продолженіе ли совѣщаній въ Филяхъ (а пожалуй и прежде), или тотчасъ послѣ онаго, до оставленія Москвы, или на пути по Рязанской дорогѣ, или наконецъ въ Кулаковѣ (второй переходъ), отъ котораго начался помянутый маневръ? Обстоятельство это, чрезвычайно важное, еще не разсмотрѣно критически; для сего, думаю, найдутся и матеріялы, можетъ быть достаточные, въ распоряженіяхъ Генералъ-Интенданта Ланскаго, въ особенности послѣ Бородинской битвы.[189] Тщательная разработка всего, до сего относящагося, покажетъ, былъ ли этотъ маневръ въ соображеніи Главнокомандующаго на случай, если онъ будетъ вынужденъ оставить Москву, или маневръ этотъ пришелъ на мысль безъ предварительнаго соображенія, а внезапно.

Мы знаемъ, что въ совѣщаніяхъ въ Филяхъ, Беннигсенъ (по Данилевскому) первый предлагаетъ отступить по старой или новой Калужской дорогѣ, «для угроженія сообщеніямъ непріятеля.»[190] Толь, предлагая расположить подъ Москвою армію такъ, чтобы лѣвый флангъ былъ на новой Калужской дорогѣ и, если

---

[189] Само собою разумѣется, что для дѣльнаго и критически вѣрнаго сужденія о событіяхъ, необходимы: проницательный взглядъ на вещи, ловкая діалектика и основательная логика. Эти качества должны быть непремѣннымъ достоинствомъ безпристрастнаго историка; иначе онъ будетъ часто и самъ себѣ противорѣчить.

[190] Данилевскій (т. 2, стр. 285 и слѣд.) послѣдовательнѣе, нежели то дѣлаетъ Г. Богдановичъ, описывая совѣщаніе въ Филяхъ; и очень естественно; ибо онъ состоялъ лично при Кутузовѣ, занимавшемъ его для передачи письменныхъ приказаній, иногда въ нѣсколько строчекъ и даже словъ, тогда какъ Г. Богдановичъ есть только компиляторъ давно прошедшаго, и не всегда называющій источникъ, а по тому онъ несомнѣнно по Бернгарди и говоритъ, что Толь былъ первымъ, упомянувшимъ о Калужской дорогѣ и т. д., между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, по его же разсказу, первая мысль о семъ принадлежала не Беннигсену и не Толю, а выражена еще до Совѣта самимъ Главнокомандующимъ. Рѣшительно ни на чемъ остановиться нельзя!

обстоятельства потребують, отступить по старой Калужской дорогѣ, Барклай—къ Владимиру, или Нижнему Новгороду, а Кутузовъ рѣшилъ отступать по Рязанской дорогѣ. Изъ этѣхъ сказаній Генерала Михайловскаго-Данилевскаго видно, что Беннигсенъ первый упомянулъ о Калужской дорогѣ; но это еще ничего не доказываетъ; ибо отступить отъ Москвы по Калужской дорогѣ, или перейти на нее съ Рязанской—большая разница, о чемъ излишне и говорить. Что же относится (по Богдановичу) до Толя, то и онъ на совѣщаніи въ Филяхъ предложилъ только расположить лѣвый флангъ арміи на новой Калужской дорогѣ и, если обстоятельства потребуютъ, отступать по старой Калужской дорогѣ, что также совершенно иное отъ того, что совершилось со втораго перехода по Рязанской дорогѣ.[191]

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 334) исторіографъ говоритъ: «Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной имъ славы, силятся доказать, что первоначальная мысль объ этомъ фланговомъ движеніи не принадлежитъ нашему полководцу, и что самое движеніе сіе было ошибочно.[192] Легко можетъ статься, что это фланговое движеніе было предложено Кутузову Толемъ, или кѣмъ либо другимъ изъ его сподвижниковъ. Генералъ Ермоловъ, которому лучше другихъ было извѣстно все, что дѣлалось въ арміи, приписываетъ честь этого движенія Беннигсену» и т. д. И это, какъ увидимъ далѣе, могло быть сдѣлано и прежде общаго совѣщанія въ Филяхъ.

По моему мнѣнію авторитетъ А. П. Ермолова ни кѣмъ уже не можетъ быть оспариваемъ, въ особенности же Бернгарди

---

[191] Такое движеніе подъ выстрѣлами непріятеля тотчасъ бы выяснило ему планъ нашъ, и онъ, конечно, сдѣлалъ бы натискъ, который очень могъ затруднить наше отступленіе, по причинѣ множества слѣдовавшаго за арміею обоза, преимущественно жителей, которые предпочли бы взять то же направленіе, какъ и армія, какъ это оправдалось по Рязанской дорогѣ.

[192] Сочинитель ссылается на Бернгарди и Вольцогена. Но если оно было «ошибочно,» то, вѣдь, его предложили Нѣмцы, а по тому и не вижу, чтобы этѣмъ лишали Кутузова заслуженной имъ славы.»

съ товарищи; слѣдовательно, этотъ вопросъ, за неимѣніемъ другихъ, столь же полновѣсныхъ засвѣдѣтельствованій противному, и должно полагать окончательно рѣшеннымъ.

Но главный еще вопросъ предстоитъ, повторяю, рѣшить, съ одинаковою же ясностью, а именно: когда былъ задуманъ этотъ маневръ? Оба исторіографа наши недостаточно разработали его критикой, между тѣмъ какъ изъ приводимыхъ ими матеріяловъ и нѣкоторыхъ сужденій, можно положительно заключать слѣдующее: 1, О занятіи Калужской дороги было въ первый разъ упомянуто не Толемъ и Беннингсеномъ, а самимъ Кутузовымъ, 1-го Сентября, еще до собранія въ Филяхъ; 2-е, На совѣтѣ Кутузовъ назначилъ отступленіе по Рязанской дорогѣ; но, какъ увидимъ, Калужская дорога тогда уже была въ его соображеніи и маневръ, на которую онъ и исполнилъ его въ послѣдствіи.

На стр. 335-й читаемъ: «Напрасно говорятъ, [193] что Кутузовъ 4-го (16-го) Сентября не донесъ Государю о предпринятомъ на слѣдующій день [194] фланговомъ движеніи, и даже оставилъ въ невѣдѣніи о своихъ намѣреніяхъ всѣхъ, его окружавшихъ; [195] будьто бы по тому, что самъ тогда еще не составилъ опредѣлительнаго плана.»

Почтенный Профессоръ нашъ защищаетъ въ этомъ случаѣ Кутузова, скрывавшаго отъ всѣхъ свои замыслы; но онъ опредѣлилъ бы это событіе вѣрнѣе, если бы заглянулъ въ Дневники бывшихъ тогда Оберъ-Квартирмейстеровъ, да и въ своемъ описаніи держался бы чего ни будь одного, пусть бы и неправиль-

---

[193] Сдѣсь ссылка № 3 (стр. 604) «Wolzogen 159.» Значитъ, это говоритъ, (а не говорятъ) Вольцогенъ. По чему бы прямо и не сказать: «Вольцогенъ говоритъ»; это было бы и короче, и менѣе ссылокъ, и безъ мистификаціи.

[194] Мнѣ кажется, было бы отчетливѣе замѣнить слово о предпринятомъ на другой день, словомъ о намѣреніи предпринять. Предпринявъ уже движеніе, оно было бы правильно, а такъ, кажется не ловко.

[195] Думаю, что и слово «всѣхъ,» неправильно; сноснѣе было бы сказать «никому,» но это мимоходомъ.

наго; но сдѣсь, во всякомъ случаѣ, не было бы сбивчивости для читателя.

Я не вижу ни какого основанія думать, чтобы планъ этого маневра не былъ задуманъ Кутузовымъ, по крайней мѣрѣ не позже, какъ подъ Москвой, и прежде даже собранія совѣта въ Филяхъ, гдѣ, по Данилевскому, первый намекнулъ объ этомъ Беннингсенъ, или, какъ говоритъ Г. Богдановичъ, первый былъ Толь. Но на стр. 247-й (прежде нежели Кутузовъ съ позиціи поѣхалъ въ Фили) читаемъ, что этотъ же послѣдній пишетъ: «По возвращеніи Ермолова съ рекогносцировки, онъ подробно донесъ Главнокомандующему о замѣченныхъ имъ неудобствахъ позиціи, Кутузовъ спросилъ у него: «Нельзя ли будетъ отступить съ ней (съ позиціи) на Калужскую дорогу?» и получивъ въ отвѣтъ, что непріятель, атакуя насъ въ позиціи, сблизится съ сею дорогой и не позволитъ намъ отступить на нее» и т. д. Послѣ сего Кутузовъ уѣхалъ въ Фили. [196]

И такъ, что же побуждаетъ Генерала Богдановича такъ хлопотать и такъ запутывать обстоятельство очень ясное, и именно, что первая мысль объ отступленіи и занятіи Калужской

---

[196] На этой же страницѣ встрѣчается, что когда Кутузовъ сказалъ извѣстныя предъ отъѣздомъ слова Принцу Евгенію Виртембергскому: «Графъ Растопчинъ, подойдя къ Принцу, сказалъ съ жаромъ: «Если бъ у меня спросили, что дѣлать, я отвѣчалъ бы: «Разрушьте столицу прежде, чѣмъ уступите ее непріятелю!» Таково мое мнѣніе, какъ Графа Растопчина, но какъ Губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ столицы, не могу подать такого совѣта.» Сдѣсь нѣтъ ссылки, а она была, мнѣ кажется, необходимой, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ, несравненно меньшей важности, указываются и страницы, правда, не всегда вѣрно, и бываетъ, что въ такихъ ссылкахъ приводятся и не тѣ сочинители, по тутъ недостаточно давать только подразумѣвать, что это можно найти въ Запискахъ Принца, да и это только догадка; ибо гораздо выше есть ссылки на Принца относительно числа войскъ, а гораздо ниже, гдѣ описываются событія въ Филяхъ, находится ссылка № 36-й, въ которой сказано только: «Всѣ свѣдѣнія о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ извлечены изъ донесеній Императору Александру Барклая де Толли и Беннингсена, Записокъ Растопчина и частныхъ писемъ.» Кто же приводитъ слова Растопчина?

дороги принадлежала не Беннингсену и не Толю, а прямо самому Кутузову? Отступить изъ Москвы прямо по этой дорогѣ было не возможно, но цѣль Фельдмаршала занять оную была опредѣлительна и, вопреки мнѣнію Вольцогена и т. п., планъ этотъ былъ уже составленъ прежде 4-го Сентября, когда онъ доносилъ Государю объ оставленіи Москвы, и если въ донесеніи этомъ онъ не упомянулъ, что на другой день онъ совершитъ передвиженіе, то этому были совершенно иныя причины, и вотъ какъ я понимаю ихъ:

Въ донесеніи 4-го Сентября, на канунѣ предпринятаго перехода съ Рязанской на Калужскую дорогу, Кутузовъ именно говоритъ: «О намѣреніи своемъ совершить фланговое движеніе для прикрытія Тулы, Брянска и плодороднѣйшихъ Губерній Имперіи, и для угроженія непріятельскаго пути дѣйствій на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска.» Сдѣсь слишкомъ ясно высказано его намѣреніе. Ежели же онъ въ помянутомъ донесеніи своемъ Государю не говоритъ, что предполагаетъ начать это движеніе отъ Боровскаго перевоза, именно на другой день, то это очень естественно по тому, что онъ и самъ могъ не знать, можно ли будетъ начать оное отъ Боровскаго перевоза, или отъ Бронницъ, или наконецъ, еще съ болѣе отдаленнаго пункта по Рязанской дорогѣ. Все должно было зависѣть отъ степени преслѣдованія его непріятелемъ; ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія, что если бы онъ былъ преслѣдованъ по пятамъ значительною частію войскъ Наполеона, то, само собою разумѣется, что онъ, такъ сказать, подъ выстрѣлами непріятеля продолжалъ бы движеніе на Рязань и избралъ бы моментъ болѣе удобный къ своему фланговому маневру; но такъ какъ въ началѣ непріятель выслалъ за нимъ незначительную часть войскъ, которая не близко тѣснила нашъ арріергардъ, то Фельдмаршалъ и не откладывалъ болѣе своего флангового движенія.

Все выше помянутое подкрѣпляется тѣмъ, что происходило 4-го числа въ нашей арміи. Около полудня приказано было отправить обозы къ Бронницамъ. Всѣ Оберъ-Квартирмейстеры собрались, по обыкновенію, въ главную квартиру, въ Кулаково, для полученія приказаній и диспозиціи на слѣдующій день. Мы

начали писать съ диктовки, каждый для своего корпуса. Первое, что было сказано въ ней, заключалось въ томъ, чтобы въ шесть часовъ по полудни (настоящаго 4-го числа) отправить резервную артиллерію и парки за Бронницы, гдѣ будетъ имъ указано мѣсто. Въ слѣдъ за тѣмъ въ избу вошелъ А. П. Ермоловъ и приказалъ пріостановить дальнѣйшую диктовку. Чрезъ полчаса пришелъ Толь и, взявъ диспозицію изъ рукъ Полковника Габе, спросилъ: «До котораго мѣста продиктовано?» Ему указали. Обратившись къ намъ, онъ, по обыкновенію, отрывисто сказалъ: «Подождать!» Черезъ полчаса присланъ былъ Капитанъ Гартингъ съ приказаніемъ продолжать. Не успѣли собраться (ибо нѣкоторые вышли изъ избы), какъ Толь вошелъ торопливо, взялъ диспозицію и сказалъ намъ: «Собраться въ девять часовъ; сказать Корпуснымъ командирамъ, чтобы къ полуночи были готовы къ выступленію.» Но куда, не объявлено. Мы разошлись. Собравшись въ указанное время, опять были распущены, а велѣно явиться въ два часа по полуночи. Исполнивъ это, въ двухъ словахъ сдѣлана была диспозиція для открытія фланговаго движенія.

Изъ всего этого безспорно должно предполагать, что колебаніе въ распоряженіи происходило отъ свѣдѣній, получаемыхъ изъ авангарда и боковыхъ партій. Когда же разъ Фельдмаршалъ убѣдился, что онъ не близко наблюдаемъ и преслѣдуемъ непріятелемъ, находящимся въ незначительномъ числѣ, чтобы затруднить предпринимаемое движеніе, тогда оно тотчасъ и было начато. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю это. Строгій критическій разборъ, по имѣющимся, конечно, матеріямъ, можетъ положительно разъяснить это обстоятельство, удовлетворить и разсѣять недоумѣніе нѣкоторыхъ: по чему Кутузовъ, въ донесеніи Государю, отъ 4-го числа, не упомянулъ о своемъ намѣреніи, именно, на другой день, или лучше сказать, чрезъ нѣсколько часовъ начать отъ Боровскаго перевоза свое фланговое движеніе, цѣль котораго, впрочемъ, онъ ясно излагаетъ въ своемъ донесеніи.

На этой же страницѣ параграфъ начинается: «Напрасно полагаютъ (!)» и т. д., но этѣмъ оканчиваю замѣчанія на выраженія: говорятъ; полагаютъ; думали, и другія; их множе-

ство! Это порядокъ, принятый сочинителемъ; слѣдовательно, тутъ нечего и говорить. Мнѣ же кажется, повторяю, что отчетливѣе было бы прямо указывать на мнѣнія лицъ, и не заставлять читателя доискиваться въ ссылкахъ, думая, что тутъ встрѣтится какое либо объясненіе, вмѣсто котораго онъ находитъ имя какого ни будь Бернгарди, Шрекенштейна и т. п. Приложенія должны были бы заключать въ себѣ критическій разборъ мнѣній, матеріялы, подобно тому, какъ у Карамзина, а простыя отдѣльныя ссылки на имена и страницы могли бы быть помѣщаемы подъ звѣздочкой.

На стр 336: «По правому берегу Пахры, къ Фроловскому яму (іомъ?)»

Что же означаетъ въ скобкахъ: іомъ, да еще и съ знакомъ вопросительнымъ? Кто называетъ Фроловскій ямъ и кто іомъ? Не уже ли подъ Москвой мѣстность менѣе извѣстна, чѣмъ въ Бенгаліи? Гораздо лучше было бы написать уже одно что ни будь: ямъ, или іомъ.

На стр. 339 сказано: «Предполагая изложить въ послѣдствіи образъ нашихъ партизанскихъ дѣйствій и результаты ихъ, ограничусь сдѣсь объясненіемъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ употребленію этого средства» и т. д.

Г. Богдановичъ приводитъ извѣстное уже предложеніе Давыдова, перваго, коснувшагося этого предмета. Далѣе, на стр. 378 по 387, сочинитель дѣлаетъ обозрѣніе разныхъ партизанскихъ партій, вызывающее многія замѣчанія; но такъ какъ обозрѣніе это, по мѣсту своему, не можетъ быть тѣмъ, что сочинитель обѣщалъ изложить въ послѣдствіи; ибо, въ такомъ случаѣ, онъ, вмѣсто слова въ послѣдствіи, сказалъ бы далѣе, или что ни будь подобное, по тому я сдѣсь и воздерживаюсь отъ замѣчаній. Можно было также предполагать изъ смысла помянутаго обѣщанія, что онъ оставилъ предметъ до конца III тома, когда партизанскія дѣйствія прекращаются, но и тамъ нѣтъ ни слова болѣе. Любопытно будетъ увидѣть изложеніе образа дѣйствій нашихъ партизановъ, въ особенности съ практической точки зрѣнія.

На стр. 367 Г. Богдановичъ пишетъ: «Говорятъ, будто бы (!!) Наполеонъ, желая подорвать Государственный кредитъ нашего Правительства, пустилъ въ ходъ большое число фальшивыхъ Русскихъ ассигнацій, но это обвиненіе не основано ни на какомъ достовѣрномъ свидѣтельствѣ.» [197]

Какъ! Говорятъ, будто бы, и что нѣтъ ни какихъ достовѣрныхъ свѣдѣтельствъ!! Мнѣ не вѣрится, что это могло быть напечатано, и съ какою цѣлью? Г. Богдановичъ могъ вычитать противное тому у Данилевскаго (т. III, стр. 259), что когда Французы были изгнаны изъ Москвы и другихъ мѣстъ, то «къ военному начальству представляли жители доставшіяся имъ, по разнымъ случаямъ, во время непріятельскаго нашествія, сторублевыя ассигнаціи Французскаго издѣлія, такъ искусно поддѣланныя, что даже въ Ассигнаціонномъ Банкѣ приняли ихъ съ перваго взгляда за настоящія; онѣ отличались отъ Русскихъ ассигнацій только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована.»

Если этого засвѣдѣтельствованія Г. Богдановичъ не принялъ, по тому что Данилевскій не подтвердилъ онаго ссылкой, то самъ Данилевскій могъ уже служить ссылкой, какъ очевидецъ того, что описываетъ, и что всѣ мы (т. е., учавствовавшие въ этой войнѣ) видѣли этѣ фальшивыя ассигнаціи, какъ у Казаковъ, находившихъ ихъ у плѣнныхъ и въ ихъ повозкахъ, такъ и въ Минскѣ, Вильнѣ и почти въ каждомъ Жидовскомъ мѣстечкѣ, и потомъ въ Варшавѣ встрѣчали ихъ. Они во множествѣ ходили и въ Петербургѣ, гдѣ многіе помнятъ ихъ очень хорошо. Отличить ихъ отъ настоящихъ можно было только тѣмъ, что они были напечатаны гуще, и подписи на нихъ были гравированы. [198] Старые мѣнялы могли бы дать Г. Богдановичу любопытныя свѣдѣ-

---

[197] Сдѣсь ссылка № 62 и: «Histoire de la destruction de Moscou en 1812,» p. 135—137.» Книга эта направлена противъ Русскихъ, и по ней-то Г. Профессоръ произноситъ свой приговоръ!

[198] Главное, сколько я помню, для отличія поддѣльныхъ отъ настоящихъ заключалось въ томъ, что поддѣлыватель просмотрѣлъ, что на настоящихъ штрихъ, пересѣкающей двойной въ большой буквѣ Х, останавливается съ каждой стороны у встрѣтившагося штриха, а онъ прочеркнулъ его чрезъ средину.

нія. Но во всякомъ случаѣ ссылка на Данилевскаго была необходима, и, пожалуй, засвѣдѣтельствованіе его можно было опровергать; для сего, однако же, слѣдовало справиться и въ архивѣ Ассигнаціоннаго Банка; ибо исторіографъ какъ бы ссылается на оный. Данилевскій же (т. IV, стр. 259), описывая побѣгъ начальниковъ Французской арміи изъ Вильны за Нѣманъ, говоритъ о письмѣ Бертье къ Наполеону, гдѣ онъ, между прочимъ, изъявляетъ свою горесть о потерѣ «послѣдней своей коляски, въ которой были самыя тайныя бумаги.» Данилевскій присовокупляетъ: «Въ ней найдено было нами очевидное доказательство мошенничества Наполеона: доска для дѣланія фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій.»

Что, и это было недостаточно для Г. Богдановича, чтобы сослаться на Данилевскаго? Но вотъ еще (т. III, стр. 259): «Большой запасъ сего бездѣльничества былъ найденъ нами въ послѣдствіи въ Кенигштейнѣ. И такъ повелитель всего Западнаго материка Европы, владѣвшій силами и богатствами двадцати народовъ, приведенныхъ имъ для покоренія Россіи, промышлялъ фальшивыми ассигнаціями!»

Не уже ли и этого еще мало, чтобы, по крайней мѣрѣ, повторяю, сослаться на Данилевскаго? Не должно забывать, что Александръ Ивановичъ Данилевскій, въ 1812 году находился при Князѣ Кутузовѣ, а въ 1813-мъ (и послѣдующихъ 1814 и 1815) при Князѣ П. М. Волконскомъ уже Флигель-Адъютантомъ; слѣдовательно, онъ имѣлъ ближе всѣхъ возможность знать то, что онъ писалъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, какъ въ 1812, такъ и въ 1813 годахъ о найденномъ запасѣ въ Кенигштейнѣ. Не уже ли Г. Богдановичъ не нашелъ въ предоставленныхъ ему матеріялахъ ни какого слѣда о томъ, что знала вся Россія [199] и чего онъ не хотѣлъ ввести въ свою исторію, по тому, какъ надо полагать, что Данилевскій не подтвердилъ своего сказанію ссылкой?! Положимъ, что Г. Богдановичъ, желая Исторію свою сдѣлать непогрѣшимо достовѣрной, какъ это онъ объявилъ въ

[199] Извѣстно также, что многіе, воспользовавшись нѣкоторыми обстоятельствами, составили себѣ огромное состояніе.

предисловіи своемъ, принявъ санъ «жреца истины и съ свѣтильникомъ въ рукахъ,» не хотѣлъ вводить въ свое повѣствованіе трехъ выше приведенныхъ отрывковъ, которые, по моему убѣжденію, не могли быть отвергнуты, на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что Данилевскій въ этомъ отношеніи могъ быть принятъ за авторитетъ и заслуживалъ, по крайнѣй мѣрѣ, чтобы упомянуть объ его показаніи, хотя бы только въ приложеніяхъ; ибо онъ былъ тоже исторіографъ этой поры и писалъ равно, какъ и Г. Богдановичъ, по Высочайшему повелѣнію, и также съ разрѣшеніемъ доступа къ матеріяламъ, хранящимся въ разныхъ архивахъ. А при томъ, въ этомъ случаѣ онъ представляетъ собой несравненно большій авторитетъ, именно по тому, что онъ писалъ то, что самъ видѣлъ.... Но пусть, наконецъ, Г. Богдановичъ принялъ за строгое правило ни чего не вводить въ свою Исторію безъ ссылокъ на документы, то, какимъ образомъ должно будетъ объяснить слѣдующій отрывокъ того же сочинителя (т. III, стр, 144): «Лесепсъ предлагалъ Тутолмину взять для расходовъ по Воспитательному Дому денегъ ассигнаціями; Тутолминъ денегъ не принялъ и писалъ въ донесеніи: «Ихъ была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собой весьма большое число, и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье.» Но здѣсь Данилевскій указанъ уже: «Донесеніе Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11 числа Ноября.» *

Кажется, этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы, говоря о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, сказать не такъ, какъ слѣлалъ это Г. Богдановичъ. Если онъ не имѣлъ довѣрія къ повѣствованію своего предшественника, то не слѣдовало уже ссылаться на него въ другихъ мѣстахъ а иногда и выписывать изъ его книги цѣлые параграфы; правда, что въ этѣхъ послѣднихъ случаяхъ не всегда говорится, откуда заимствовано. Приведенное же донесеніе Тутолмина, остававшагося въ Москвѣ все время занятія оной непріятелемъ, по значенію своему, не можетъ быть подозрѣваемо въ

* Оно напечатано въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 161—184. О. Б.

вымыслѣ: онъ имѣлъ всю возможность знать все то, что относилось до сего предмета и не дерзнулъ бы писать небывалое въ донесеніи къ Императрицѣ. Данилевскій указываетъ на то донесеніе, слѣдовательно, Г. Богдановичъ долженъ былъ имѣть оное въ виду, а по тому и упомянуть въ своей исторіи, если не имѣлъ времени порыться далѣе. Засвѣдѣтельствованія Тутолмина и Данилевскаго заслуживаютъ болѣе вѣры, чѣмъ Шрекенштейны, Клаузевицы, Бернгарди, Гофманы и имъ подобные, на которыхъ ссылки въ нашей Исторіи Отечественной войны 1812 года такъ изобильны. Но если бы почтенный сочинитель принялъ на себя трудъ, или имѣлъ бы время, какъ я замѣтилъ выше, порыться въ архивахъ Министерствъ, на примѣръ: Финансовъ, Военномъ, Опекунскаго Совѣта, [200] Внутреннихъ Дѣлъ и въ переданныхъ въ послѣдствіи въ оное Дѣлъ Министерства Полиціи, въ архивахъ Московскаго и С.-Петербургскаго Военныхъ Генералъ-Губернаторовъ, а пожалуй и въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Главнаго Почтамта, то, всеконечно, Г. Богдановичъ нашелъ бы разъясненіе обстоятельства и открылъ бы, что еще съ весны 1812 года намъ было извѣстно, что Наполеоновскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Герцогъ Бассано (Маре), поручилъ Варшавскому банкиру Френкелю, изготовленныя, на двадцать милліоновъ рублей, фальшивыя ассигнаціи, предварительно вступленія Французовъ, впускать въ наши предѣлы. Въ однихъ Бродахъ на сей предметъ было на полтора милліона такихъ ассигнацій. Волынскій Губернаторъ, независимо отъ другихъ, доносилъ объ этой злонамѣренной цѣли. Графъ Гурьевъ, Графъ Аракчеевъ, сообщали Высочайшія повелѣнія; посылались чиновники для надзора по сему предмету за нашей границей отъ Риги до Радзивилова; но Евреи, столь ловкіе въ такихъ случаяхъ и ни кѣмъ въ этомъ промыслѣ незамѣнимые, до вступленія еще Французовъ успѣли уже распространить часть оныхъ, какъ между помѣщиками, такъ и среди войскъ. По вступленіи Французовъ, они расходовали этѣ ассигнаціи въ мѣстахъ, ими занимаемыхъ, и уже съ Октября 1812 года такія ассигнаціи начали входить

---

[200] Объ этѣхъ трехъ Вѣдомствахъ упоминаетъ Данилевскій. Взглянуто ли въ нхъ Архивы?

въ Банкъ.[201] Почтенный сочинитель своей исторіи, какъ онъ называетъ ее, нашелъ бы въ архивахъ, что при переходѣ за наши границы, въ концѣ 1812 года, было объявлено Графомъ Аракчеевымъ по сему предмету нѣсколько Высочайшихъ повелѣній, между коими предписывалось также Кутузову, по занятіи Варшавы, отыскать банкира Френкеля; нашелъ бы переписку Вязьмитинова, Маркиза Паулучи и т. д. Не моя надобность наставлять исторіографа въ обязанности, которую онъ на себя принялъ; я замѣчаю сдѣсь это обстоятельство по тому только, чтобы читатели видѣли, что сказанное Г. Богдановичемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ основано только на его собственномъ умозаключеніи; ибо, по настоящему, слѣдовало, какъ я сказалъ выше, порыться, или уже вовсе не упоминать объ этомъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы только пропускъ, и пропускъ, какихъ въ сочиненіи его встрѣчается много. Но Г. Богдановичъ, относительно фальшивыхъ ассигнацій, произнесъ свой приговоръ диктаторски, какъ бы Профессоръ съ каѳедры своимъ ученикамъ, обязаннымъ быть его слушателями, внимать и вѣрить ему, а не такъ, какъ исторіографъ предъ публикой, обязанный все сказанное подкрѣплять данными, и не покрывать столь великодушно дѣйствій тогда существовавшаго Правительства во Франціи. Для меня рѣшительно не понятенъ этотъ пропускъ и выраженіе его о фальшивыхъ ассигнаціяхъ!

Независимо отъ всѣхъ этѣхъ, слишкомъ положительныхъ, свѣдѣній, еще въ 1846 году старожилы указывали двѣ комнаты на Преображенскомъ Безпоповщинскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, изъ коихъ въ одной стоялъ станокъ для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій и жили жандармы.[202]

---

[201] До 1814 года въ Банкъ поступило изъ Почтамта отъ разныхъ лицъ, служившихъ въ арміи и пересылавшихъ сюда деньги, около двѣнадцати тысячъ настоящихъ и болѣе чѣмъ на полмилліона фальшивыхъ, попавшихся въ Польшѣ и Германіи. Въ этомъ же году, по возвращеніи войскъ, въ артельныхъ суммахъ изъ милліона пяти сотъ тысячъ оказалось на триста тысячъ фальшивыхъ и т. д. Если я, частный человѣкъ, могъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архивовъ, то что бы могъ найти въ секретныхъ отдѣленіяхъ Министерствъ Г. Богдановичъ, которому всѣ они открывались?!

[202] Кладбище это пользовалось особеннымъ покровительствомъ Французовъ, по

Не могу не присоединить еще къ сему, что, будьто бы о фальшивыхъ ассигнацiяхъ, предварительно впущенныхъ и потомъ ввезенныхъ Наполеономъ въ Россiю, «нѣтъ ни какихъ достовѣрныхъ данныхъ,» между тѣмъ какъ выше я замѣтилъ, такiя данныя находятся у насъ въ различныхъ Вѣдомствахъ, но почтенный сочинитель не прослѣдилъ указанiй Данилевскаго, и изъ числа иноземныхъ избралъ только сочинителя «Исторiи разрушенiя Москвы,» Нѣмца, A. F. de B.....ch, служившаго въ Русской службѣ и написавшаго книгу на своемъ природномъ языкѣ, переводъ которой и принятъ нашимъ почтенымъ исторiографомъ за единственный авторитетъ, не смотря на то, что вся книга, какъ я замѣтилъ выше, недоброжелательна намъ, Русскимъ. Не уже ли же Г. Богдановичъ ни чего не вычиталъ у другихъ современныхъ писателей объ этомъ предметѣ? Но оставимъ ихъ и замѣтимъ, что не далѣе, какъ 29 Iюля (10 Августа н. ст.), истекшаго 1864 года, въ Парижскомъ Ассизномъ Судѣ, по дѣлу Франковскаго, адвокатъ его, Тюсъ, публично упомянулъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1812 году Наполеонъ чеканилъ Русскiе фальшивые рубли, слѣдуя примѣру союзниковъ, наводнившихъ въ 1793 году Францiю фальшивыми ассигнацiями.» Чего же нужно болѣе, когда въ настоящее время, при племянникѣ Наполеона I-го, публично, съ каѳедры, говорятъ о семъ? Не было же это исторической тайной! Что же побудило почтеннаго исторiографа такъ отозваться о фальшивыхъ ассигнацiяхъ? Пропускъ этотъ и упоминанiе о столь важномъ предметѣ: en passant, по моему, по крайней мѣрѣ, уразумѣнiю, бросается въ глаза! Точно также, какъ не объясняю себѣ и сказаннаго вскользь о пристрѣливанiи нашихъ плѣнныхъ, тогда какъ это былъ случай не мѣстный и не единственный во время бѣгства Наполеона изъ Малоярославца,

---

тому что Раскольники онаго, при вступленiи непрiятеля, послали Депутатовъ къ Коменданту Кремля, и пр. Наполеонъ былъ на этомъ кладбищѣ. Мюратъ и нѣкоторые Маршалы неоднократно посѣщали оное. Старикамъ, жившимъ тамъ, данъ былъ охранительный отрядъ, и всѣ часовни ихъ были сохранены. Сдѣсь не нахожу нужнымъ упоминать нѣкоторыя другiя подробности, да и нѣтъ къ тому повода.

а мѣра общая, принятая Наполеономъ при самомъ вступленіи въ Москву. [203]

Какъ же можно было, при изображеніи «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» такъ легко коснуться этихъ двухъ эпизодовъ, и упомянуть о нихъ только, какъ бы въ опровержение существующихъ уже объ этомъ данныхъ! По моему убѣжденію: приготовленіе и распущеніе фальшивыхъ денегъ, вмѣстѣ съ избіеніемъ нашихъ плѣнныхъ, какъ мѣрою общей, составляютъ два предмета первой важности; ибо выходятъ изъ среды общепринятыхъ правилъ веденія войны. Они очерчиваютъ, съ одной стороны, тогдашнее положеніе Русскихъ воиновъ и страны, занятой непріятелемъ, съ другой, что непріятель нашъ, называющій себя стоящимъ на первой степени просвѣщенія, не останавливался, да конечно и впредь не остановится, предъ употребленіемъ и пользованіемъ всѣми средствами, отвергаемыми нравственностью и человѣколюбіемъ: [204] все остальное болѣе или менѣе обще во всѣхъ войнахъ.

Какимъ же образомъ, повторяю, эти два эпизода нашей «Исторіи Отечественной войны 1812 года» могли быть обойдены? За чѣмъ искать смывать два грязныя пятна съ врага нашего и, въ замѣнъ этого молчанія, безъ ссылокъ (ибо таковыхъ и нѣтъ), а собственнымъ авторитетомъ, густо набрасывать черную краску

---

[203] Это возмутительно печальное событіе, достаточно разсказано, какъ повѣствователями Французскими, изъ коихъ нѣкоторые были ярыми сторонниками Наполеона, такъ и ихъ тогда союзными. Недавно видѣли мы подтвержденіе сему въ Запискахъ Г.-А. Графа В. А. Перовскаго, какъ ближняго тому свѣдѣтеля (Русск. Арх. 1865 г. вып. 3). Событіе это въ возможной полнотѣ изложено мною въ заключеніи книги: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы.»

[204] Не торжественно ли это доказывается въ Крымской войнѣ 1853—1855 годовъ, подговоромъ Татаръ къ измѣнѣ? А что сказать о послѣднемъ Польскомъ мятежѣ, подвигнутомъ и питавшемся цивилизированными народами? Что сказать, наконецъ, о разныхъ поддѣльныхъ бумагахъ, распространявшихся у насъ ихъ агентами, которымъ сами Правительства даютъ убѣжище, кормятъ ихъ и спускаютъ со своры, когда заблагоразсудятъ? Могутъ ли насъ, Русскихъ, упрекнуть въ чемъ либо подобномъ?

на многіе дивные подвиги патріотизма, а о другихъ, включенныхъ уже въ Исторію, вовсе умалчивать?!

Оставить безъ замѣчаній такіе промахи въ книгѣ Г. Богдановича мы не могли изъ уваженія къ истинѣ.

Въ описаніи пріѣзда Лористона къ Кутузову, 23-го Сентября, въ Тарутино, на стр. 391, сказано: «Проѣхавъ поперегъ весь лагерь, Лористонъ и Волконскій (который привезъ его на дрожкахъ изъ авангарда), прибыли въ Тарутино, гдѣ была приготовлена изба для предстоявшаго свиданія.»

Вотъ четыре строки, которыхъ ни какъ нельзя согласовать между собой.

Не вхожу въ разсмотрѣніе, какъ свѣдѣтель; ибо Штабъ 6-го корпуса находился въ Тарутинѣ; обращусь только къ плану Тарутинской позиціи, приложенному къ сочиненію.

Тарутино лежитъ на берегу Нары; на стр. 374 сказано, что 2-й и 6-й корпуса были передовыми и стояли на гребнѣ высоты, въ разстояніи около 800 шаговъ отъ праваго берега рѣки Нары, въ двѣ линіи, въ развернутомъ фронтѣ; за ними, въ тысячѣ шагахъ, стали также въ двѣ линіи, но въ колоннахъ, корпуса 4, 5, 3 и 7, и такъ далѣе до Леташевки, находящейся въ пяти верстахъ отъ позиціи. Главная квартира находилась сперва въ деревнѣ Транищевой, противъ Тарутина, [205] потомъ въ Леташевкѣ; Фельдмаршалъ принялъ Лористона въ Тарутинѣ.

Спрашивается: какими судьбами Лористонъ, ѣхавшій изъ авангарда въ Тарутино, могъ проѣхать поперегъ весь лагерь?

Могутъ замѣтить, что между тѣмъ, какъ Нащокинъ поскакалъ въ авангардъ, чтобы пригласить Лористона: «войска полу-

[205] Селеніе это извѣстно подъ общимъ названіемъ Тарутина. Транищево есть часть онаго; но въ то время названіе это не было извѣстнымъ.

чили приказаніе (стр. 390) расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ, для чего нѣкоторые полки были переведены съ занимаемыхъ ими мѣстъ на другія; разведены большіе огни; приказано варить кашу съ мясомъ; во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни и играла музыка.» [206]

Всѣ этѣ распоряженія превосходны, если бы и были буквально приведены въ исполненіе. Положимъ что нѣкоторые полки, въ это короткое время, и были переведены на другія мѣста, чтобы растянуть позицію (но отнюдь не передвинуть войска впередъ, да еще и чрезъ Нару), и развели большіе огни, и что ночью нельзя было замѣтить издали, имѣютъ ли они бивуаки, или нѣтъ; ибо Лористонъ пріѣхалъ въ Тарутино въ половинѣ одиннадцатаго, вечеромъ. Что приказано было пѣть пѣсни и играть музыкѣ, все это такъ. Лористонъ могъ видѣть издали огни, могъ слышать голоса пѣнія и звуки музыки, но ни въ какомъ случаѣ, повторяю, не могъ проѣхать поперегъ весь лагерь, который былъ въ 800 шагахъ отъ праваго берега Нары, а Тарутино лежитъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Слѣдовательно, не могъ видѣть и мяса, приготовленнаго для каши. [207] Если бы онъ поѣхалъ въ Леташевку, то дѣйствительно проѣхалъ бы поперегъ весь лагерь. Хотя бы Кутузовъ принялъ его даже не въ Тарутинѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу Нары, а въ Траницевѣ, на правомъ, и въ такомъ случаѣ Лористонъ не видалъ бы ни лагеря, ни мяса, а только насладился бы пѣніемъ и музыкою шаговъ на 200, или на 300, ближе. Стоитъ только, повторяю, взглянуть на планъ, чтобы убѣдиться въ промахѣ.

---

[206] Если дѣйствительно, положимъ, и было приказано варить кашу съ мясомъ, то, конечно, не съ цѣлію, чтобы Лористонъ могъ видѣть это и заключить объ изобиліи нашего продовольствія. Кутузовъ понималъ, что Лористонъ, ѣхавши къ нему, не увидитъ такъ близко лагеря. Можетъ быть, эта стряпня, въ столь позднее неурочное время для каши, была приказана съ цѣлью одушевить солдатъ присылкою посла просить мира и т. п.

[207] Это все равно, если бы кто сказалъ, что, проѣзжая изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ къ Семеновскому путному двору, онъ на пути этомъ проѣхалъ чрезъ Васильевскій островъ!

Между же тѣмъ, на стр. 469, находимъ повтореніе этому: «Кутузовъ, прибывъ въ Тарутино, передъ сраженіемъ съ Мюратомъ, сказалъ, при входѣ въ избу, гдѣ онъ принималъ Французскаго парламентера: «Вотъ я здѣсь говорилъ Лористону, что мы никогда не согласимся на миръ!» Г. Богдановичъ утверждаетъ ссылкой (но только ли это, или что либо другое, въ параграфѣ заключающееся, не знаю) на Записку А. А. Щербинина.

Выше я замѣтилъ уже о свиданіи Лористона съ Кутузовымъ, а здѣсь долженъ присовокупить, что когда свиданіе это, 23-го Сентября, происходило, главная квартира была въ деревнѣ Транищевѣ, въ слѣдъ за симъ она была перенесена въ Леташевку. Тогда Тарутино, вмѣстѣ съ Транищевой, было не въ томъ уже видѣ, какъ 4-го Октября. Село это осталось въ распоряженіи 6-го корпуса и скоро заключилось только въ семи дворахъ (изъ числа коихъ съ нѣкоторыхъ сняты были крыши); ибо всѣ остальныя избы были разобраны на дрова въ лагерь; собственно же въ Тарутинѣ, лежащемъ черезъ мостъ, на противоположномъ берегу, не было уже и слѣдовъ строеній къ 1-му Октября. 5 числа для Кутузова очищена была изба, которую занималъ Г.-М. Талызинъ (противъ избы Дохтурова), послѣдняя на правой рукѣ. Въ Тарутинѣ же, повторяю, не было уже ни какого строенія, а по тому и должно полагать, что вкралась ошибка. На моей прямой обязанности лежало распредѣленіе избъ на дрова; слѣдовательно, мнѣ близко извѣстно то, что я говорю, и могутъ быть тому и другіе свѣдѣтели.

Бутурлинъ, разсказывая свиданіе Лористона съ Кутузовымъ, говоритъ просто (т. II, стр. 11): «23-го Сентября, вечеромъ, Лористонъ имѣлъ свиданіе съ Фельдмаршаломъ въ селѣ Тарутинѣ.» Михайловскій-Данилевскій (т. III, стр. 76, 77) прикрашиваетъ это свиданіе: «Арміи велѣно было разложить множество огней. Казалось, что въ лагерѣ стояло 200 или болѣе тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые полки были переведены съ одного мѣста на другое, въ намѣреніи скрыть отъ Лористона настоящее расположеніе войскъ и размѣщеніемъ ихъ на обширномъ пространствѣ дать видъ многочисленности. Людямъ велѣно было варить кашу съ мясомъ и пѣть пѣсни, сопровождаемыя музыкою среди шумнаго веселья войскъ

и безсчисленныхъ огней. Князь Волконскій и Лористонъ ѣхали мимо бивуаковъ въ Тарутино.» Сдѣсь сказано осторожнѣе, по тому что какъ Лористонъ встрѣченъ былъ на аванпостахъ, то онъ могъ проѣзжать мимо бивуаковъ авангарда. Конечно, и тутъ есть поэзія; но Г. Богдановичъ, не довольствуясь и Михайловскимъ-Данилевскимъ, пожелавъ представить эпизодъ этотъ положительно, достовѣрно, прибавилъ, что Лористонъ съ Волконскимъ проѣхалъ поперегъ весь лагерь! Опять отсылаю къ плану и къ его же описанію позиціи.

О безжалостномъ обращеніи нашего народа съ непріятелемъ читаемъ (стр. 416): «Восторженное состояніе могучаго, но, большею частію, необразованнаго, грубаго народа, иногда подавало поводъ къ жестокому обращенію съ безоружными непріятелями. Люди, не щадившіе самихъ себя, не рѣдко были безжалостны къ чужеземцамъ, пришедшимъ изъ далекихъ странъ для опустошенія Россіи. Наполеонова армія, составленная въ 1812 году изъ двадцати различныхъ націй (?), не отличалась дисциплиною, и по тому Русскіе, видя на каждомъ шагу грабительство, насильство и презрѣніе къ святынѣ, не могли питать ни какого Христіянскаго чувства къ непріятелямъ, попиравшимъ предметы ихъ благоговѣнія и мстили за жестокость. [208] Всякій народъ, поставленный въ такое положеніе, въ какомъ находились наши соотечественники при нашествіи Французовъ, поступилъ бы не лучше нашего (?!). [209] Вспомнимъ, что дѣлали гверильясы на Пиренейскомъ полуостровѣ и ополченіе Кардинала Руффо въ Южной Италіи, и, не обременяя добраго Русскаго народа незаслуженнымъ упрекомъ въ неслыханномъ жестокосердіи (!), пожалѣемъ о человѣчествѣ, которое въ самыя великія эпохи

---

[208] Значитъ, по мнѣнію автора, имѣй Французы дисциплину, Русскій патріотизмъ и стремленіе истреблять непріятеля, вошедшаго въ страну, былъ бы парализированъ. Но это неосновательно; ибо прежде, чѣмъ замѣтили ослабленіе дисциплины со вступленіемъ его въ Смоленскую Губернію, народъ началъ истреблять свои жилища.

[209] Значитъ, по мнѣнію сочинителя, Русскіе дѣлали худо, истребляя врага? Такъ понимается.

платитъ дань своему не совершенству» и т. д. [210] Вотъ это уже философія!

Но этотъ незаслуженный упрекъ доброму Русскому народу, необразованному, грубому, [211] за неслыханную жестокость противъ врага, попиравшаго его святыню и т. п., былъ уже дѣлаемъ выше сего.

Говоря о дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, находимъ, на стр. 380: «Ежели партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ или плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ Казаковъ и поселянъ; если же, по значительному отдаленію, или по малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ къ арміи оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли. [212] Справедливость требуетъ сознаться въ томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ (и въ особенности Фигнеръ) [213] поступали весьма немилосердно не только съ сопротивлявшимися имъ непріятелями, но и съ плѣнными, предавая ихъ мщенію ожесточенныхъ крестьянъ, которые убивали безъ пощады.»

Во первыхъ, я рѣшительно не понимаю выраженія, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ поступали весьма немилосердно не только съ сопротивлявшимися имъ непріятелями, но и съ плѣнными и т. д. Съ сопротивляющимися непріятелемъ не иначе можно поступать, какъ стараясь лишить его жизни, или ранить, словомъ, свалить, чтобы сохранить свою

---

[210] Не вхожу въ разсмотрѣніе нѣсколькихъ выраженій, противорѣчащихъ одни другимъ своимъ значеніемъ и смысломъ.

[211] Испанскіе гверильясы и ополченіе Кардинала Руффо, конечно, необразованностію и грубостію своею далеко превосходятъ Русскаго мужика, одареннаго умомъ и необыкновенною смѣтливостію.

[212] Правда, были случаи: но тогда, когда партизанамъ должно было сдавать ихъ въ прилегающіе Уѣзды, Сеславинъ же и Давыдовъ не истребили ни одного.

[213] А другіе нѣкоторые кто?

жизнь; это непремѣнный законъ битвъ; и тутъ слово немилосердіе не имѣетъ ни какого смысла. Развѣ въ книгѣ подразумѣваются плѣнные, которые сдались послѣ нѣкотораго сопротивленія, и плѣнные, взятые сонными, или безоружными: въ такомъ случаѣ можно было бы сказать: «съ плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ, и съ плѣнными, набранными безъ оружія;» тогда было бы ясно и понятно.

Во вторыхъ, не знаю, была ли историческая необходимость выставлять такъ рѣзко и часто, безъ ссылокъ на современниковъ, необразованность, грубость, неслыханную жестокость (и какую? не сказано) нашего народа въ ту пору; и за что награждается онъ этѣми эпитетами? За то, что онъ (не говорю ни о святотатствѣ, ни о насиліи) не хотѣлъ терпѣть у себя иноземнаго непріятеля, вторгнувшагося въ Россію; онъ его билъ вездѣ, гдѣ встрѣчалъ и имѣлъ къ тому случай, за то, что вошли въ его отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Во Франціи есть законъ, что если кто перелѣзетъ черезъ заборъ во дворъ, въ садъ, или виноградники, хозяинъ можетъ застрѣлить его, и не отвѣчаетъ за то предъ закономъ. По чему же не допустить до такого же права и поселянина, который, какимъ бы средствомъ ни было, убиваетъ того, кто, безъ его согласія, переступаетъ рубежъ его отечества, его поля, его усадьбы? Въ заключеніе замѣчу, что исторіографъ несравненно снисходительнѣе къ непріятелю: въ разсказѣ его нѣтъ и десятой доли тѣхъ безчинствъ, которымъ предавались Французы, особенно же ихъ союзники въ Москвѣ, что можно найти и въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ.[214] Напротивъ, Г. Богдановичъ, на стр. 26-й (т. III), приводитъ, нѣсколько измѣнеными только выраженіями, какъ сказано это Данилевскимъ (т. III, стр. 258), какимъ образомъ, тотчасъ, по выходѣ Францу-

---

[214] Жестокость! По чему сочинитель не говоритъ о великодушіи Французовъ, въ слѣдствіе котораго они разстрѣливали нашихъ плѣнныхъ? Объ этомъ онъ едва упоминаетъ, да и то на одномъ только случаѣ, тогда какъ это была общая мѣра. Въ книгѣ «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» соединено все объ этомъ предметѣ, до сихъ поръ не бывшемъ разработаннымъ критически.

зовъ изъ Москвы, явились окрестные поселяне съ порожними возами забирать недограбленное и т. п., и это безъ ссылокъ, а Г. Богдановичъ не приводитъ даже и Данилевскаго, и оба, видимо, дѣлали это для того только, чтобы возвысить распорядительность нѣкоторыхъ лицъ, будьто бы воспользовавшихся пустыми возами для вывоза изъ города нечистотъ. Если это дѣйствительно было такъ, какъ разсказывается, то по чему было бы не сослаться на донесенія Иловайскаго, или Полковника Бенкендорфа, которому приписываются всѣ этѣ распоряженія? Это должно быть въ ихъ рапортахъ, которые, конечно, также существуютъ въ архивахъ; а если нѣтъ современныхъ засвѣдѣтельствованій, то за чѣмъ выставлять такъ поносно, безъ современныхъ указаній, черную черту подмосковныхъ жителей? Можно было, кажется, довольствоваться уже тѣмъ, что сказано объ оставшихся въ Москвѣ, какъ это было видно выше. Не уже ли Исторія требуетъ того? За чѣмъ? Но довольно: этѣмъ за чѣмъ не было бы конца.

Разсуждая о причинахъ, которыя рѣшили Кутузова не воспользоваться совершеннымъ разгромленіемъ Мюрата на Чернишнѣ, Г. Богдановичъ говоритъ (стр. 483): «Гораздо вѣроятнѣе, что неудача обхода, предпринятаго Беннингсеномъ, утвердила Кутузова въ убѣжденіи и необходимости избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, и заставила его отказаться отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара.»

Выраженіе, что Кутузовъ утвердился въ убѣжденіи о необходимости избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, опровергается рѣшимостію его принять Бородинскую битву. Что же касается до того, будьто бы это, такъ неосновательно приписываемое Г. Богдановичемъ Кутузову, убѣжденіе, «заставило его отказаться отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара, то ни какое краснорѣчіе, ни самихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ, не сниметъ съ Кутузова укора въ томъ, что онъ не дѣйствовалъ сообразно съ ходомъ дѣла. Положимъ, что обходъ не удался, но 6-й корпусъ, при которомъ я находился, и другіе корпуса стояли на картечный выстрѣлъ свѣдѣтелями, какъ Французы справлялись съ напавшими на нихъ, а наша масса не трогалась, тогда какъ одно движеніе ея впередъ было бы достаточно. Словомъ, пятьдесятъ тысячъ чело-

вѣкъ смотрѣли, какъ въ циркѣ зрители, на арену. Надлежало быть тамъ, чтобы судить объ этомъ, и конечно, всѣ причины, какъ они ни были разнообразны между собою, приписываемыя очевидцами этому событію, имѣютъ несравненно болѣе вѣса, чѣмъ самыя высокія стратегическія умствованія и тактическіе выводы, дѣлаемые тѣми, которые не были на мѣстѣ дѣйствія и не слыхали современниковъ, въ особенности моментныхъ разсужденій Генераловъ, конечно, не хуже образованныхъ въ битвахъ самого Кутузова, который былъ между ними только Несторомъ по лѣтамъ. Ни что, повторяю, не оправдаетъ этого бездѣйствія со стороны Кутузова. Онъ могъ и долженъ былъ знать, по расторопности, приписываемой Г. Богдановичемъ, нашимъ партизанамъ, находившимся около Москвы, что Наполеонъ съ главными силами находится въ ней; слѣдовательно, онъ не могъ опасаться, что, двинувъ массу въ пятьдесятъ тысячъ, ночевавшую на картечный выстрѣлъ отъ фронта непріятельской позиціи, могъ сблизиться съ Наполеономъ, находящимся въ Москвѣ, [215] за семьдесятъ верстъ отъ него; между тѣмъ, какъ этѣмъ движеніемъ, когда часть обхода показалась, а другая часть была уже въ тылу лѣваго непріятельскаго фланга, онъ не допустилъ бы непріятеля къ той мужественной оборонѣ, которую онъ оказалъ нашимъ войскамъ, ударившимъ ему во флангъ и тылъ, и побѣдоносно достигъ крѣпкой позиціи при Спасъ-Куплѣ, только за нѣсколько верстъ отъ насъ. Разъ это совершено, тогда, конечно, уже ни чего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обратиться вспять. По моему понятію, это дѣло приноситъ болѣе славы непріятелю, нежели намъ.

Сдѣсь остается только пожалѣть, что замѣтилъ и почтенный разбиратель книги Г. Богдановича, въ Сѣверной Пчелѣ, что сочинитель разсматриваемаго сочиненія не помѣстилъ всеподданнѣйшаго письма Беннингсена, которое, томясь въ папкахъ Генеральнаго Штаба, могло бы бросить свѣтъ на это дѣло; ибо не долж-

---

[215] Битва происходила 6-го Октября, а Французская армія, за четыре уже дня передъ тѣмъ начала оттягиваться отъ Москвы по другому направленію. Партизаны не знали ни тогда, ни долго послѣ объ этомъ (какъ это будетъ видно изъ примѣчаній на 3-й томъ, при Малоярославцѣ).

но забывать, что Беннингсенъ самъ, какъ Главнокомандующій, начальствовалъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау, и, присовокуплю еще, что противъ непріятеля сильнаго, свѣжаго, а не такого, каковымъ этотъ послѣдній былъ на Чернишнѣ; слѣдовательно, авторитетъ Беннингсена несомнителенъ. Но издатель книги, конечно, имѣлъ свои причины оставить письмо это подъ спудомъ; не такъ онъ поступилъ съ Барклаемъ.

На слѣдующій 485 страницѣ, послѣ всего того, что было сказано на двухъ предыдущихъ страницахъ о причинахъ, по которымъ Кутузовъ отказался отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара, вдругъ читаемъ: «Сраженіе при Тарутинѣ не удовлетворило ожиданіямъ Кутузова.»

Что же это значитъ? Вѣдь, по смыслу выходитъ, что Кутузовъ ожидалъ еще большей путаницы отъ обхода, коего нѣкоторыя части сбились съ дороги ночью, въ лѣсу, что нѣсколько и замедлило общее появленіе частей онаго въ назначенныхъ пунктахъ; но, не смотря на все это, Кутузовъ могъ бы не только что все это исправить, но и нанести непріятелю рѣшительный ударъ, да отказался отъ того.

Симъ оканчиваю замѣчанія на нѣкоторыя мѣста втораго тома.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ГОЛОСОВЫЯ

или

ПРОТЯЖНЫЯ.

1.

У сосѣда развеселая была бесѣда,
Бесѣдушка была веселая,
Хозяюшка была молодая;
У хозяйки сидятъ гости,
Сидятъ гости — красны дѣвки,
Сидятъ-то онѣ, сидятъ,
Сидятъ всѣ со парнями,
Молодушки со мужьями.
Одна лишь дѣвушка
Сидитъ безъ парня,
Зародилась горька несчастна,
Несчастна, молъ, она безталанна.
Съ парнемъ шуточку,
Она стала шутити,
Она съ ноги на ногу
Стала ему ступати,
Стала ноженька больно болѣти,
Стала рученька сильно ломити,
Стала дѣвушка по немъ тужити.
Не тужи-ка ты, моя милая!
Не тужи, моя дорогая!
Не покину я тебя!

Зап. В. А. Мясоѣдовой, Сарат. Г. Сердоб. У.

2.

Кручинушка ты моя, кручинушка великая!
Ни кому ты, моя кручинушка, не извѣстна,
Извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу,
Покрыта ты, моя кручинушка, бѣлой грудью,
Запечатана ты, моя кручинушка, крѣпкой думой.
Заной-ко, заной, мое сердечушко, заной, ретивое!
Заслышь-ко, моя любезная, заслышь мой голосочикъ!
Ужь выдь, моя раздушинька, на красный крылечикъ!
Погляди-ко ты, моя разлапенька, во чистое поле:
Не бѣлы-то снѣжки во чистомъ полѣ забѣлѣлися,
А забѣлѣлися дружка милаго бѣлыя палаты,
Во палатахъ раскинуты шатры шелковые,
Во шатрахъ-то стоятъ три столика дубовые,
На столахъ-то пораскинуты скатерти бранны,
За столами-то сидятъ три молодца бравы.

Зап. мною Симбир. Г. Корсун. У., въ с. Усть-Уренѣ.

3.

Сказали про молодца,
Будьто не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго,
Будьто безъ вѣсти пропалъ;
Вечеръ добрый молодецъ
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Шибко, громко просвисталъ,
А мнѣ, красной дѣвицѣ,
Въ теремъ голосъ подавалъ,
Чтобъ я, красна дѣвица,
Не дремала, не спала,

Горѣла бъ у дѣвицы
Воска ярова свѣча,
Ждала бъ, ждала бъ, дѣвица,
Къ себѣ милова дружка.

Тул. Г. сообщ. С. И. Карнѣевой.

4.

Шелъ Ванюшка долиною,
Чужою-то межою,
Чужимъ Ваня огородомъ,
По заднимъ воротамъ,
Набираетъ, нажимаетъ,
Съ горъ бѣлаго снѣгу,
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ,
Ко Дунѣ въ окошко:
Догадайся, душа Дуня,
Радость, домекнися! —
Я бы рада догадалась,
У батюшки гости,
У батюшки въ гостяхъ гости,
У матушки сестры,
У матушки моей сестры,
У братца товарищи,
У братца мово товарищи,
У меня подружки.

Зап. А. Шумилинъ въ с. Даниловкѣ Тул. Г. Крапив. У.

5.

Ты трава ль моя,
Ты шелковая,
Ты, весной росла,
Лѣтомъ выросла,
Подъ осень, травка,
Засыхать стала,
Про мила дружка,
Забывать стала;
Милъ сушилъ, крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свелъ меня
Съ ума, разума.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

6.

Заводы мои, вы заводушки,
Вы кирпичные, горемычные!
Вы не стойте, заводы, близко къ берегу:
Что придетъ-то, придетъ, весна красная,
Что пойдетъ-то, пойдетъ, вода вольная,
Вода вольная, половодная,
Что подмоетъ твои всѣ корешечки,
Позасохнутъ твои сучки, вѣточки,
Сучки, вѣточки, всѣ отросточки.
Ужь и кто жь этѣ заводы заводилъ?
Завела этѣ заводы красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, Пелагеюшка,
Заведемши заводы, сама въ лѣсъ пошла,
Въ лѣсъ по ягодки, по черную по смородинку;
Усѣ дѣвки понабралися,
Одна дѣвка не набралася,

Съ молодцомъ дѣвка застоялася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую она засмотрѣлася:
Ты рябина моя, рябинушка,
Ты рябина моя кудреватая,
Кудреватая рябина, щеглеватая!
Не стой, рябина, близко къ берегу,
Что придетъ-то, придетъ, весна красная,
Что подмоетъ твои сучки, вѣточки,
Сучки, вѣточки, всѣ отросточки.

Зап. А. Шумилинъ Тул. Г. Крапив. У.

7.

Ужь охъ вы мухи, комары,
Безъуемны ваши головы!
Спокой ночки мнѣ уснуть не дали!
Чуть заснула на первой зарѣ,
Хорошъ сонъ мнѣ младой видѣлся,
Будьто миленькій ко мнѣ пришелъ,
По новымъ сѣнюшкамъ прошелъ,
Ко кроваткѣ подошелъ,
Раскрылъ бѣло полотно,
На бѣлыя груди палъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Въ уста меня цѣловалъ.

Зап. учен. Гимназ. 6 клас. Тюкинымъ, Твер. Г. Осташк. У. въ с. Ѳедор. Двора.

8.

Ты злодѣй-то, лиходѣй, удалъ добрый молодецъ!
Изсушилъ ты, сокрушилъ, мое сердце дѣвичье.
Долго ли моему сердцу будетъ ныть, болѣть?
Ужь пойду я съ горя лягу на кроватку,
По кроватушкѣ млада раскачуся,
Съ пуховой-то я подушкой обоймуся,
По миленькомъ дружкѣ спохвачуся,
Горючими слезами зальюся:
Ужь вы, ночи мои, ночи, ночи долги темныя!
Надоѣли вы мнѣ, ночи, надоскучили,
Съ милымъ дружкомъ меня разлучили!

Зап. мною въ Москвѣ отъ крест. Яросл. Г. д. Жаровъ.

9.

Что ты, Саша, пріуныла,
Пригорюнившись сидишь?
Прежде пѣла, говорила
Ко подруженькамъ своимъ:
Веселитеся вы, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ,
Весна придетъ, солнце взойдетъ,
Сгонитъ снѣги, весь морозъ,
Пріударитъ частый дождь,
Разцвѣтутъ въ полѣ цвѣточки,
Всѣ рокитавы кусточки.
Между этѣхъ-то кусточковъ
Быстра рѣчка протекла,
Рѣчка быстра, вода чиста,
Съ крутымъ бережкомъ ровна;
На ту рѣчку, на ту быстру,
Гулять съ милымъ выхожу,

Выхожу я гулять съ милымъ,
Тоску-горе выношу:
Неси подальше мое горе,
Чтобъ не чуть было про него,
Чтобъ не чуть было, не слышно,
Ни въ которой сторонѣ!

Зап. И. Ѳ. Никольскій Твер. Г. Корчев. У.

10.

Веселитеся, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ.
Весна придетъ, солнце взойдетъ,
Сгонитъ снѣги, весь морозъ,
Пріударитъ частый дождь,
Разцвѣтутъ въ саду цвѣточки,
Всѣ раскинутся кусточки,
Между этѣхъ двухъ кусточковъ
Быстра рѣчка протекла,
Течетъ рѣчка, течетъ быстра,
Съ крутымъ бережкомъ ровна;
Я на эту быстру рѣчку,
Гулять съ милымъ выхожу, 2
Печаль-горе выношу,
Быстрой рѣчкѣ говорю:
Рѣка быстра, вода чиста,
Ты возьми горе съ собой!
Рѣка быстра отвѣчала:
Не пойдетъ горе за мной —
На водѣ горе не тонетъ,
И волною не несетъ,
Прибиваетъ мое горе,
Ко крутому бережку, 2
Ко желтому ко песку,

Что на этѣмъ на песочкѣ
Бѣлъ горючь камень лежитъ,
А на этѣмъ да на камнѣ
Красна дѣвица сидитъ,
Отца съ матерью бранитъ:
Что за отецъ, да что за мать,
Не даютъ воли гулять!

Зап. мною въ Твери отъ извощ. Григорья.

11.

Засидѣлась Доня моя поздно вечеромъ,
Ждала, поджидала, къ себѣ гостя милова,
Притомилась Доня, притомилась,
На тесовую кроватку спать ложилась,
Непріятенъ сонъ Донѣ пригрезился,
Сгрезилось не про батюшку, не про матушку,
Только сгрезилось про Ванюшечку:
Мой любезненькій во дали живетъ,
Во дали, въ дали, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, за Москвой, за Питеромъ,
За Москвой, за Питеромъ, въ славномъ Порховѣ,
Въ тяжелой работушкѣ, въ тяжелой во каменной,
И енъ строитъ миленькій дворецъ,
Дворецъ, тюрьму каменну,
Енъ, построивши, милый дворецъ,
Самъ по рыночку пойшелъ, 2
На почтовый дворъ зайшелъ,
Енъ послалъ милой посылочку,
Посылочку—алую косыночку.

Псков. Г. Порхов. У. сообщ. М. И. Семевскимъ.

12.

Полно, солнышко, по залѣсью ходить,
Полно, красное, въ саду яблонь сушить!
Полно, дѣвица, по молодцу тужить! —
Какъ мнѣ, дѣвицѣ, не плакать, не тужить?
Мнѣ такова дружка по вѣкъ не нажить,
Мнѣ не ростомъ, не пригожствомъ, красотой,
Молодецкой поступочкой—щегольствомъ.—
Не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улицы свѣтилъ,
Заря бѣлая, день въ окошечко взошелъ,
Ко мнѣ машенька сама въ гости пришла,
Всѣ забавы, всѣ утѣхи принесла,
Въ окошечко бѣлы ручки подала,
По другіимъ увѣряла молодца,
Увѣрявши, чернобровымъ назвала:
Чернобровый, черноглазый, милый мой,
Мнѣ не долго во любви пожить съ тобой,
Во любви пожить, въ согласьи погулять,
Тебя, молодца, женить скоро хотятъ:
Тебя женятъ, меня замужъ отдадутъ;
По дорожкѣ заѣзжай ко мнѣ, милой:
На послѣдки распростимся мы съ тобой!

Зап. мною Твер. Г. Новоторжск. У. въ с. Селиховѣ.

13.

Какъ и во полѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей птица сидитъ,
Горьку ягоду, калинушку, клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью два сокола,
Взяли, брали, соловеюшку съ собой,
Посадили его въ клѣточку, *

* Посадили его въ зеленомъ саду.
Какъ заставили пѣсень пѣть:

За серебряну рѣшеточку.
Что заставили пѣсни пѣть:
Ужь ты пой, воспѣвай, мой соловей!
При кручинѣ спотѣшай молодца,
При великой разговаривай его,
Чтобы молодецъ не плакалъ, не тужилъ,
Всее ноченьку молоденькой не спалъ,
Все во золоты цимбалы проигралъ,
Все бы душу дѣвицу спотѣшалъ,
Чтобы дѣвушка любила молодца,
Чтобъ любила его, жаловала,
При людяхъ его надеждою звала,
А въ безлюдьицѣ душичкою!

Зап. А. В. Соколовымъ въ Твери.

Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей!
При кручинѣ утѣшай молодца!
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Все въ золотые цимбалы проигралъ,
Онъ душу красну дѣвицу вспотѣшалъ,
Чтобъ дѣвица любила молодца,
Чтобъ любила и жаловала,
При своихъ сестрахъ надежою звала,
Безъ людей—сердцемъ, душичкой:
Ахъ, ты душечка, удалой молодецъ!
Еще нѣтъ нигдѣ такого молодца,
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
У Макарья на желтыхъ пескахъ,
Ни у насъ въ каменной Москвѣ.
Проявился удалой молодецъ,
Что у насъ ли, во Покровскомъ во селѣ,
Во вдовушкиномъ онъ во дворцѣ;
Что у вдовушки у голубушки,
Ни отца нѣту, ни матери,
Лишь одинъ у ней удалой молодецъ,
Онъ и родъ-племя и миленькій другъ.

Изъ стар. рукоп. Семин. Сборн. въ Твери.

14.

Что-то не павушка по дворику гуляла,
Красная дѣвушка по сѣничкамъ ходила,
Ена нянюшекъ и мамушекъ будила:
Вы вставайте, няньки, мамки, пробужайтесь!
Иль да вы ли, души, красны дѣвицы!
Вы подумайте мнѣ младенькой, пригадайте,
Что за что меня вечоръ отецъ и мать бранили,
На весь-то на родъ-племя меня, хорошую, журили,
Не велѣли мнѣ по миленькомъ плакать,
Не велѣли мнѣ по хорошоемъ тосковать.
Ужь вы сами, добрые люди, разсудите, 2
Ино какъ же мнѣ по миломъ не тосковать?
Ужь какъ же мнѣ по хорошемъ не плакать?
Какъ енъ хорошъ, пригожъ, мой миленькій уродился:
Вышелъ мой миленькій родствомъ, пригожествомъ,
Вышелъ мой миленькій всею красотою,
Вышелъ мой миленькій всею молодецкою поступкою.

Зап. мною Новг. Г. Валд. У. въ с. Гоголевѣ отъ 74-лѣт. крестьянки

15.

Все то мнѣ мило, все то мнѣ хорошо,
Одно то не мило—чужа сторона:
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить,
Умѣючи жить, поклонному быть,
И старому и малому все низкій поклонъ,
Молодымъ молодушкамъ пониже всѣхъ,
А краснымъ дѣвушкамъ шапочка долой.
Ужь ѣхалъ я, ѣхалъ, вдоль по селу,
Ужь видѣлъ я, видѣлъ, милую свою,
Она ходитъ, гуляетъ, въ зеленомъ саду,

Щипитъ, ломаетъ, изюмъ-виноградъ,
Мечетъ, бросаетъ, милому на кровать.
Щипи, щипи, милая, и мнѣ и себѣ!
Нащипишь, душа моя, ко мнѣ принеси!

Зап. мною въ Тулѣ.

16.

Какъ за рѣчушкой садикъ вороcталъ, * 2
Какъ да за быстрою зеленъ разцвѣталъ, 2
Во томъ во садикѣ соловей поетъ, 2
Краснымъ дѣвушкамъ голосъ подаетъ: 2
Красныя дѣвушки, спойте соловья! 2
Соловеюшко, мальчикъ молодой, 2
Да чернобровый, хорошій, удалой, 2
Встань, послушай, что я тебѣ скажу, 2
Словесно, чудесно, да все разскажу! 2
Ой, не пой рано, соколикъ, по утру,
По утренней по холодной по росы:
Ой, роса утренняя холоднешенька,
Ой, доброму молодцу жить скучнешенько, 2
Скучно, грустно—не знаю, по чему, 2
Знаю, знаю, по чемъ сердце болитъ, 2
По любушки дѣвушки по своей; 2
Не гнѣвайся, дѣвчонка, да на меня, 2
Ой, что я не балъ ** у гостяхъ у тебя,
Балъ я, балъ у сумерки безъ огня,
Не узнала ты, любезная, меня.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У.

---

* Выросталъ.

** Былъ.

17.

На горѣ часовня стояла,
Ни кто въ ту часовню не ходитъ,
Одна Александра ходила,
За матушку Богу молила,
Съ тово голова заболѣла,
Ретивое сердце защемѣло.

На горѣ часовня стояла,
Ни кто въ ту часовню не ходитъ,
Одна Александра ходила,
За мила дружка Богу молила,
Съ тово голова не болѣла,
Ретивое сердце не щемило.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Остров. У.

18.

Во сыромъ бору подъ сосенкой, подъ сушинкой,
Что подъ бѣлою, подъ кудрявою, подъ березой,
Собиралися добры молодцы на лужечикъ,
Становилися, разудалые, во кружечикъ,
Ены думали думу крѣпкую за едино,
За едино, за свое ретивое за сердечко:
Нѣтъ намъ волюшки, добрымъ молодцамъ, погуляти,
По своей по родимой по сторонушкѣ походити,
На сударушкино на окошечко некогда посмотрѣти,
У сударушки некогда про здоровьице распросити:
По здорову ли, моя сударушка, живешь, можешь? —
Плохое мое здоровьице, какъ крутое изголовье,
Я почесь всю ноченьку мало спала,
На окошечкѣ своей бѣлой грудью пролежала,
Всѣ я свои горючи слезы проливала,
Я ждала къ себѣ любезнаго, дождала,
Я насилу къ себѣ любезнаго дождалася,

Я своимъ горючимъ слезамъ облилася,
Во слезахъ своему любезному говорила,
Во глаза своему милому попеняла:
Ты по что ко мнѣ, миленькій, рѣдко ходишь?

Зап. мною Новг. Г. Валд. У. въ с. Гоголевѣ отъ 74-лѣт. крестьянки.

19.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ заботушки, 2
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Что дѣтинушка Дворянскій сынъ;
Зазнобя сердце, вы походъ пошелъ,
Вы походъ пошелъ, въ иныя земли,
Въ иныя земли, вы Турецкія,
Изъ Турецкіихъ вы Шведскія.
Ужь я тутъ съ другомъ прощалася,
Вся Москва-царство сдивовалася:
Что не братъ съ сестрой прощается,
Что не мужъ съ женой разстается,
А полюбовникъ съ полюбовницей.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ отъ дворовой.

20.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки,
Скачетъ молодецъ по дороженьки,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей,

Распрощался онъ съ своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка,
Распрощался онъ съ красной дѣвицей,
Онъ оставилъ ей на討 поминъ себѣ
Дорогой перстень со алмазами,
На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное,
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ,
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоминаючи.
Коль помыслю я о другой любви,—
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь,—
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня.

Зап. Тул. Г. Епиф. У. въ с. Сукромнѣ уч. У. Уч. Демидовымъ.

21.

Дунюшка, ты моя ли Дуняшенька!
Какъ у Дунюшки лицо, личико бѣлешенько,
Безъ румянъ лицо, щечки разгараются.—
Пройди, миленькій Ванюшка дружокъ, вдоль по улицы,
Взглянь, хорошенькій, на мое окошечко!
На моемъ окнѣ миленькій бѣдой лежитъ,
Что бѣдинушка бѣда, родна сухота.
Ай, да что ссушилъ, скрушилъ дѣвушку съ малешенька,
Самъ отправился любезный въ путь, во дороженьку,
Хоть не въ дальнюю миленькій и не въ ближнюю,
Ай, да жалко милова дружечка, жаль его, тошнешенько.

Воротись, мой милой, назадъ поскорешенько!
Не воротишься, миленькій, съ тоски помру,
Да съ такой тоски, со большой досадушки.
Я про эту про досаду сама знала, вѣдала,
Да что мнѣ будетъ съ милымъ дружкомъ разставаньице,
Чужедальняя сторонка, рѣдкое свиданьице;
Какъ ближняя сторонка—частое свиданьице.
Мой миленькій дружокъ все наказывалъ,
Ай да енъ наказывалъ право, наговаривалъ:
Ай, да поживи, мой другъ Дуняша, безъ дружка, безъ Ванюшки,
Хоть одинъ годочекъ безъ худой безъ славушки.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У.

22.

На гулянье хожу на радости,
Ужь я жду къ себѣ дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милова,
Дружка милова, хорошаго.
Какъ идетъ, идетъ ко мнѣ милый другъ:
Здравствуй, дѣвица, раскрасавица!—
Добро жаловать, мой любезный другъ!—
Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ у вашей милости доложитися,
Позволишь ли ты мнѣ женитися?—
Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Я не чаяла отъ тебя того;
Ты бъ сказалъ мнѣ такое словечушко,
Прострѣлилъ ты мое сердечушко;
Ты возьми, возьми, саблю вострую,
Ты разрѣжь, разрѣжь, мою бѣлу грудь,
Погляди мое ретиво сердце!
Не бѣлѣе чернаго бархата.—

Не плачь, дѣвица, раскрасавица!
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго;
Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его во зеленый садъ,
Мы по садику разгуляемся,
Мы подарочкомъ размѣняемся:
Ты возьми, возьми, свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай, мой Тальянскій платъ!
Тебѣ перстнемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго,
Дружка прежняго, расхорошаго.

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ д. Карцевѣ отъ крестьянки

23.

Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги, восковой свѣчи,
Восковой свѣчи, воску ярова,
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милова!
Я не гость пришелъ, не гоститися,
Пришелъ я къ дѣвушкѣ доложитися,
Всѣмъ подарочкомъ размѣнятися:
Ты возьми, возьми, свой Тальянскій платъ,
Ты отдай, отдай, мое золото кольцо!
Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этѣмъ кольцомъ обручатися,
Позволь, милая, мнѣ женитися!
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:

Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Ты не будь, миленькій, насмѣхателемъ,
Красной дѣвицѣ поносителемъ!

Зап. В. Тюкинъ Твер. Г. Осташк. У. въ с. Ѳедоровъ Дворъ.

24.

Я вечоръ-то, вечоръ, добрый молодецъ,
Вечоръ загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся;
Я у любушки, у своей сударушки,
Слова дожидался;
Какъ сказала она, шельма,
Сказала, отвѣтила:
Ты отстань-ко, отстань,
Отстань, добрый молодецъ!
Ты отстань-ко, отстань,
Отстань съ доброй волюшки!
Не отстанешь съ доброй волюшки,
Отстань по неволюшкѣ!
Я со этого словечушка
Былъ въ тоскѣ, кручинушкѣ,
Что никто-то, никто, моему горюшку,
Никто не пособитъ,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни братъ, ни сестрица,
Пособитъ ли, поможетъ ли, моему-то горюшку,
Душа красная дѣвица.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Остров. У.

25.

Проходили усѣ наши веселые деньки,
Наступаютъ слезовыя горьки времена,
Посмотрѣлъ бы, мой любезный дружокъ, на меня.
Слышу, вижу, милъ, досаду твою, 2
Я про ту про досаду въ домѣ не скажу 2,
Я ни батюшки, ни матушки родной,
Я скажу только подруженькѣ своей потайной:
Ты, подруженька, голубка моя,
Ты не знаешь, что за горе пришло, за бѣда!
Со всего свѣту напасти пали на меня,
Разсердился мой любезный дружокъ на меня,
Енъ и ходитъ, гуляетъ, по чисту двору,
Енъ скоро заходитъ во конюшню свою,
Беретъ вдругъ Черкаское новое сѣдло,
Сѣдлаетъ любезный доброва коня,
Соѣзжаетъ мой любезный съ чистова двора,
Становится дружечикъ противъ Дунина окна:
Прощай, моя Дуня, душечка моя!

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У. въ с. Θедорцевѣ.

26.

Если бы мнѣ, молодцу,
Имѣть сизы крылышки,
На сизомъ на крылышкѣ
Золотыя перушки,
Вздынулся бы я высоко,
Полетѣлъ бы я далеко,
Къ любошки, сударушки,
Въ зеленый садочикъ,
Съ зеленаго садочка
Подъ красное окошечко,

Подъ краснымъ окошечкомъ
Сталъ бы гурковати,
Къ любушки, сударушки,
Свой голосъ подавати,
И словечкамъ увѣщати:
Когда тебѣ, любушка, скучно,
Пиши ко мнѣ письма. —
Писать я не умѣю,
Писарямъ я не вѣрю,
Писаря — наши злодѣи,
Разлучить они насъ хотѣли.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. д. Будовичи.

27.

Сердце мое, сердце,
Сердце мое бѣдное!
Оно ноетъ, ноетъ,
Ноетъ, заныаетъ,
Тоски прибавляетъ.
Нажила я себѣ друга,
По совѣсти вѣрной,
Что таковъ, сякой, не ласковъ,
Соколикъ мой ясный,
Высоко соколъ летаетъ,
Меня спокидаетъ,
Спокидаетъ меня въ горѣ,
Какъ корабль на морѣ,
Спокидаетъ меня въ кручинѣ,
Какъ корабль въ пучинѣ:
При разлукѣ, моя радость,
Пиши ко мнѣ письмы. —
Я бы радъ къ тебѣ писати,
Не съ кѣмъ переслати;

Я буду писать слезами,
Отошлю съ друзьями,
Съ буйными вѣтрами;
Если хуже ты меня полюбишь, —
Меня воспомянешь,
Если лучше ты меня полюбишь, —
Меня на вѣкъ позабудешь.

Зап. мною въ Твери отъ извощ. Григорья.

28.

Ахъ вы мысли, мои мысли,
Печальныя мысли,
Скажите вы, мысли мои,
Про мое несчастье:
Какъ же мнѣ, молодчику,
Жить въ такой ненасти!
Печальное мое сердце
Безпрестанно тужитъ,
Тоскуетъ оно, горюетъ,
Все по прежней волѣ.
Я имѣлъ бы крылушки,
Еще златы перья,
Взвился бы высоко я,
Полетѣлъ бы далеко:
Гдѣ бы мнѣ понравилося,
Тамъ бы я опустился,
Ко своей сударушкѣ
Сѣлъ бы я на окошко,
Сѣлъ бы я на косящетое,
Сталъ бы я ворковати,
Свою разлюбезную
Сталъ бы я спотѣшати.

Зап. И. С. Тверск. Г. Весьег. У. въ с. Смердыни,

29.

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты широкая,
На той ли на долинѣ
Выростала калина,
На той ли на калинѣ,
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?—
Ужь и какъ же мнѣ, кукушечки,
Какъ не куковати!
Ужь и какъ же мнѣ, горемычиной,
Какъ не горевати?
Одинъ былъ зеленый садъ,—
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,—
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младёшеньку,
Одное меня покидаетъ!

Зап. Г. А. Шумлинымъ Тулск. Г. Крапив. У.

30.

Ты пройди, пройди, мой милый,
Вдоль да по улушкѣ,
По смотрит-ко, мой милый,
На мое на окошечко,
На моемъ ли, на окошечкѣ,
Не бѣда ли тамъ лежитъ—
Лежитъ сухота большая,
Что ссушила, сокрушила,
Меня молодешеньку,

Дѣвушку глупешеньку;
Выѣзжаетъ мой милой
На чужу сторонушку,
На чужой сторонушкѣ
Житье невеселое, 2
Гулянье нерадостно,
Со тоски ли я помру,
Со большой со досадушки.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Остров. У.

31.

Разглупая ты, Саша,
Разглупенькій твой умокъ!
Не умѣла же ты, Саша,
Въ рукахъ счастьице держать;
Любила-то молодчика,
Не могла любовь признать;
Стала любовь признавать,
Сталъ мой милый отставать, 2
Со иной Сашей гулять.
Гулянье ты, мое гуляньице,
Гулянье вѣрное мое:
Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
Все дружка на умѣ держу,
Все на умѣ, да на разумѣ,
На своихъ крѣпкихъ мысляхъ.
Свѣти-ко, свѣтелъ мѣсяцъ,
Свѣти новый, молодой,
Просвѣти ты ту дорожку,
Куда милый мой пошелъ;
Пошелъ мой миленькій
Вдоль улицы вы конецъ,

Ко вдовушки вы дворецъ,
У вдовушки, у вдовой,
Была дѣвка хороша,
Свѣтикъ Аннушка душа.

Зап. И. О. Никольскимъ Твер. Г. Корчев. У.

32.

Ты заря ль моя, зорюшка вечерняя,
Не дала ты мнѣ, зорюшка, повыспаться,
Повыспаться дѣвушкѣ, понѣжиться,
По той-то зарѣ дѣвка долго гуляла,
Долго гуляла, глупо сдѣлала,
Глупо сдѣлала, любить парня кинула;
За чѣмъ ты его любить кинула?—
Худую славу слышала,
Что ходишь во Царевъ кабакъ,
Пьяно напиваешься,
По черной грязи валяешься,
Нихто въ тѣмъ его не спознается;
Познавалась его родна матушка,
Увидѣла изъ терема изъ высокова,
Начала его журить, бранить:
Не брани-ко меня, родна матушка,
Я не одинъ-то зашелъ,
Зашелъ со товарищемъ,
Съ товарищемъ къ красным дѣвушкамъ.

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ дер. Карцевѣ.

33.

Распростроился городъ Москва,
Ни велика Москва, широка,
Никто по Москвѣ не ходилъ гулять,
Только шелъ, прошелъ, парень молодой,
Онъ со вечера головку чесалъ,
Онъ въ полуночи на гульбу пошелъ,
Онъ на утро со гульбы идетъ,
Стучитъ, гремитъ, въ новы ворота:
Я не воръ иду, не разбойникъ,
Не разбойникъ, удалой молодецъ.
Гулять къ дѣвушкамъ охотничекъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Великолуцк. У.

34.

У нашего Ванюшки заболѣла голова,
Заболѣла головушка отъ зелена вина,
Глазки дремлютъ, спать хотятъ,
Спать хотятъ, на свѣтъ бѣлый не глядятъ;
Проглянните глазушки: путь-дорожка — темный лѣсъ,
Во темномъ во лѣсикѣ, ни чего тамъ не слыхать,
Слышно, слышно, во лѣсикѣ мелки листушки шумятъ,
Шумятъ, гремятъ, листушки, про березу говорятъ:
Березушка бѣлая, бѣлая, кудрявая,
На той на березѣ солетались пташечки,
Солетались пташечки: соловей съ кукушечкой;
Ай, кукуитъ кукушичка во своимъ теплымъ гнѣздѣ,
Плачитъ дѣвушка о своимъ горькимъ житьѣ:
Жила я, дѣвушка, долго въ дѣвушкахъ жила,
Въ дѣвушкахъ жила, худой славы нажила,
Въ дѣвкахъ сына родила, горькой долей нарекла,
Во солдатушки сдала на чужую сторону.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У. въ с. Ѳедорцевѣ.

35.

Приходитъ пора, времячко,
Жаркій сѣнокосъ,
Не пущаютъ меня, доброва молодца,
Во всю ночь гулять.
Гуляй, гуляй, добрый молодецъ,
Во всю ночку,
Во всю темную ночку,
Ночь осеннюю!
Гуляй, гуляй, добрый молодецъ!
Самъ знаю объ чемъ,
Люблю дѣвушку хорошую,
Ее сдѣсь и нѣтъ,
За моремъ-то, за озеромъ,
На той сторонѣ,
Что на той ли на сторонкѣ,
Въ Новымъ Городѣ;
Что во томъ ли Новымъ Городѣ,
Пріятель живетъ,
У мово ли у пріятеля
Горенка нова,
Что въ этой-то во горенкѣ
Дѣвушка сидитъ,
Сидитъ дѣвушка хорошая,
Узорики шьетъ.

Зап. мною Тверск. Г. Новотор. У. въ с. Селиховѣ.

36.

Ты развей-ко, раздуй-ко, рябинушка раскудрявая!
Не вызрѣвши рябины, нельзя заломать,
Не вызнавши красную дѣвушку, нельзя замужъ взять,
Я вызнаю ума, разума, возьму за себя,
Часы мои развеселые сердцу моему!

Мое ли 2 сердечушко все сныло во мнѣ!
Съ того ли дворца, съ того ли крыльца,
Ведутъ дѣвушку къ вѣнцу,
Одинъ ведетъ за рученьку, а другой за другу,
Третій стоитъ, слезы ронитъ:
Любилъ дѣвушку да не взялъ,
Кормилъ, поилъ, сударушку я самъ по себѣ,
Досталася расканалья не мнѣ, дураку!

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У.

37.

Ахъ размолоденьки, ахъ вы дружки мои,
Ахъ унесите вдаль меня!
Ахъ то не вѣтеръ разнесъ
Кудри мои золотистые,
Разнесла ихъ грусть тоска!
Ахъ долго, долго не видать ее,
Мнѣ голубушку свою,
Такъ на гляжусь же про запасъ!

Сообщ. А. А. Мамоновымъ Саратов. Г.

38.

Разумильныя мои подруженьки!
Не сказать ли вамъ про горюшку,
Про свое горе про великое?
Разсердился милъ, прогнѣвался,
Назадъ сердцемъ не возмилится:
У мово ли, у любезнаго, сердце замерло,
Сердце замерло, нутренымъ замкомъ заперто.

Запирала замкомъ красна дѣвушка,
Заперты ключи потеряла,
Находила ключи молодая ключница,
Молодая ключница, моего друга разлучница.

Зап. мною Туг. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ отъ двор.

39.

Жила была дѣвушка семнадцати лѣтъ,
Полюбила меня, молодца, двадцати трехъ лѣтъ,
Пришло раставаньице, не милый бѣлый свѣтъ,
Не милъ милешенекъ, ни мать, ни отецъ,
Ай, со эстой со досадушки бѣгу въ темный лѣсъ,
Во лѣсу, во лѣсикѣ, дорожка лежитъ,
По эстой по дороженьки коляска бѣжитъ,
Во эстой во колясочкѣ молодецъ сидитъ,
На своихъ вороненькихъ посвистываетъ,
Ай, да позади колясочки дѣвица идетъ,
Своимъ громкимъ голосомъ воскрикиваетъ:
Постой, постой, молодецъ, подожди дѣвку, меня,
Радъ ба * я, любезная, радъ ба я подождать,
Троечку вороненькихъ пришло не удержать.—
Крутись, крутись, молодецъ, крутись твоя голова!
Не дастъ же Богъ счастьица черезъ дѣвку, меня,
Ни въ полѣ, ни во дворѣ, ни въ милыхъ животахъ.

Зап. мною Пск. Г. Велеколуцк. У.

---

* Бы.

40.

Всѣ я ноченьки просиживала,
Свѣчи сальныя просвѣчивала,
Подруженекъ уговаривала:
Ложиться спать, подруженьки!
На васъ нѣтъ такой заботушки,
Заботушки, дружка милаго;
На меня милой другъ осердился,
Онъ осердился, прогнѣвался;
Я просила свово милова:
Пусти, милый, на кроватушку!
У милаго сердце каленно,
Золотымъ замкомъ заперто,
Заперши, ключи потеряла,
Находила ключи ключница,
Съ милымъ дружкомъ разлучница.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ.

41.

Ай да при долинушки стоялъ кустъ да малинушки,
На калинушки сидитъ самъ веселъ соколъ,
Сидѣлъ енъ да посвистывалъ, да жалко выговаривалъ,
Меня, красную дѣвушку, все подговаривалъ:
Выйди, красная дѣвушка, за меня, за доброва молодца,
За доброва молодца, за горькую пьяницу.
Я, красная дѣвушка, его не послушала,
На его ласковыя словечки не спонадѣялась.
Сидя подъ окошечкомъ ена думу думала,
Котораво красной дѣвушки полюбить было молодца,
Полюбить мнѣ было холостова—холостъ больно дерется,
Полюбить мнѣ было женатова—жена будетъ сердиться;
Полюбила солдата молодова:
Пойдетъ солдатъ въ чужую сторону,
И меня съ собою возьметъ, красну дѣвицу.

Псков. Г. Великолуцк. У. отъ М. И. Семевскаго.

42.

Охъ вы ночи, мои ночи, ночи темныя,
Ночи темныя мои, вы осеннія!
Ужь я всѣ ночемьки, млада, просидѣла,
Всѣ думушки, въ эти ночи, придумала.
Какъ одна думушка съ ума не йдетъ,
Мнѣ съ ума не йдетъ, со разума:
Проторилъ милой путь-дороженьку,
Путь-дороженьку, широкую:
Проложилъ-то милой худу славушку,
Худу славушку онъ про дѣвушку.
Я сама, дѣвка, глупо сдѣлала;
Назвала дружка горькой пьяницей;
Горькой пьяницей и пропоицей.
Будьто милый пьянешенько напивается,
Будьто милый въ солдаты нанимается.

Зап. мною въ Твери.

43.

Размолоденькая дѣвчонка
Кляла свое сердце:
Распроклятое такое мое сердце!
На часъ неутомимо,
Все во мнѣ изныло,
Болитъ, ноетъ, занываетъ,
Ни чего не скажетъ,
Только скажетъ мое сердце
Кого я любила:
Я любила, горевала,
Мало ночи спала,
Не сплю ночи, до полночи,
До втораго часа,

Сижу млада за тѣтами,
Заливаюся слезами,
Въ слезахъ дружка не узнала,
Его подлымъ называла:
Ужь ты подлый, воръ негодный,
Насмѣшечку сдѣлалъ,
Ты насмѣшку небольшую,
Пустилъ славушку худую!
Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной,
На улицу выйти,
Всѣ старые и малые,
Въ глаза мнѣ смѣются.

Зап. мною въ Москвѣ отъ крестьянки д. Жаровъ Ярос. Г.

44.

Ужь вы да ночи, ночи темныя,
Вечера ли мои веселые!
Всѣ я ноченьки просиживала,
Всѣ я думушки продумывала,
Какъ одна мнѣ дума съ ума не йдетъ,
Съ ума не йдетъ, съ великаго разума:
Тутъ проторилъ милый другъ дороженьку
Мимо садика, садика зеленаго,
Я сама-то дѣвка глупо сдѣлала,
Своего дружка прогнѣвала,
Назвала я дружка горькой пьяницей.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лаповникѣ отъ дворовой.

45.

Вы комарики мои, разудаленьки мои!
Вы летаете поздно, вы кусаете больно,
Вы кусаете больно за мое бѣло лицо,
За мое бѣло лицо, за румяну за щеку,
Какъ со той ли со щеки протекала рудица,
Какъ со той ли со рудицы протекала быстра рѣка,
Какъ на той быстрой рѣкѣ добрый молодецъ коня поилъ,
Красну дѣвушку-душу за себя сподманивалъ:
Выйди, выйди, дѣвушка, выйди замужъ за меня,
Выйди замужъ за меня, за удалова молодца! —
Не пойду, я дѣвушка, за насмѣшника за тебя.

Зап. мною Псков. Г. Великолуц. У.

46.

Во поленькѣ еленька,
Подъ еленькой тропинка.
По тропинкѣ Анна шла,
А за Анюшей Ванюша,
Меня Ваня настигалъ,
Съ руки перстень скидалъ,
Съ руки перстень разсыпной,
А я пошла, залилась,
Отцу съ матерью жалилась:
Ты не мой ли батюшка,
Не моя ли матушка!
Меня Ваня настигалъ,
Съ руки перстень скидалъ,
Съ руки перстень разсыпной.—
Пойдемъ Ваню побранимъ,
Пойдемъ глупаго пожуримъ:
Ты за чѣмъ ее настигалъ,

Съ руки перстень скидалъ? —
Я за то ее пастигалъ:
Поздно вечеромъ не ходи,
А другого-то не люби,
Мое сердце не бряди;
Мое сердце очень зло,
Ретивое пережгло.
Въ твоемъ перстнѣ слова нѣтъ,
А тебѣ, батюшка, дѣла нѣтъ.

Зап. Н. А. Никольскій Твер. Г. въ с. Куманинѣ.

47.

Полынь ты моя, полыньюшка, горькая трава,
Полынь горькая трава, шелковая!
Не я ли тебя, полыньюшка, сѣяла,
Не сама ли ты, полыньюшка, злодѣй, уродилася,
По зеленому по садику, злодѣй, расплодилася?
Заняла ты мнѣ, полыньюшка, въ саду мѣстечко,
Въ саду мѣсто доброе, хлѣбородное;
Во саду ли во садикѣ виноградъ растетъ,
Виноградъ растетъ, черносливъ цвѣтетъ.
Свѣти-ко, свѣти, ты, свѣтелъ мѣсяцъ,
Чтобы было видно мнѣ, куда милъ пошелъ!
Пошелъ мой миленькій изъ улицы въ край,
Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ въ домъ,
У вдовушки дочушка была, дочь одна,
Ложилась спать подъ окошечкомъ,
Открывала окошечко немножечко,
Говорила съ милымъ по тихонечку.

Зап. мною Твер. Г. Новотор. У. въ с. Селиковѣ.

48.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать?
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ —
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
Срублю, срублю, сыры дубы,
Сыщу, найду, красну дѣвицу;
Бѣгу отъ горя въ чисто поле —
За мной горе съ косой бѣжитъ:
Скошу, скошу, чисто поле,
Сыщу, найду, красну дѣвицу.
Куда жь мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море —
За мной горе бѣлой рыбицей:
Выпью, выпью, сине море,
Сыщу, найду, красну дѣвицу.
Я отъ горя замужъ уйду —
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла —
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла —
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ горе выхваляется:
Вогнало, вогнало, я дѣвицу въ сыру землю!

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ отъ дворовой.

Сравн. «Русск. нар. пѣсни, собр. въ Сарат. Г. А. Н. Мордовцовымъ и Н. И. Костомаровымъ,» напеч. въ «Лѣтоп. Рус. Лит. и Др. Тихонрав.», т. IV, отд. 2, стр. 90.

49.

Что ты, голубчикъ, не веселъ сидишь? —
Какъ же мнѣ, голубчику, веселому быть?
Въ вечеру позднешенько голубка была,
Голубка была, на крылѣ спала,
На крылѣ спала, другимъ обняла, 2

Другимъ обняла, дружкомъ назвала:
Дружокъ миленькій, голубь сизенькій!
И спи и не спи, голубчикъ мой,
И не проспи, голубчикъ, ты меня!
Проснулся голубчикъ—голубушки нѣтъ;
Кидался, бросался, по всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ, по Барскимъ домамъ,
Что по Барскимъ, по Царскимъ, по купеческимъ;
Нашелъ я голубушку у купца въ саду,
У купца въ саду, подъ яблонею,
Подъ яблонею, подстрѣленною:
Подстрѣлилъ голубку купеческій сынъ,
Купеческій сынъ со ружьемъ ходилъ.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ сельцѣ Красная слободка.

50.

Голубь ты мой, голубь сизенькій!
Что же ты, голубчикъ, не веселъ сидишь? —
Чему жь мнѣ, голубчику, веселому быть?
Вечоръ у меня, голубчика, голубка была,
Голубка была, на крылѣ спала;
Проснулся, хватился—голубушки нѣтъ,
Кидался, бросался, по всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ. по Барскимъ домамъ,
По Барскимъ, по Царскимъ, по купеческимъ;
Я нашелъ голубку у купца въ саду,
Подъ грушей зеленой застрѣленною;
Тамъ ходилъ, гулялъ купеческій сынъ,
Въ ружьецо стрѣлялъ, въ голубку попалъ,
Подъ право крыло, подъ сизо подъ перо.

Зап. мною въ Твери отъ извощика Григорья.

51.

Изъ подъ камышка, изъ подъ бѣлова,
Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
Что кипитъ сердце молодецкое,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Ни по душечкѣ, молодой женѣ,
Что кипитъ сердце молодецкое,
Ужь по душечкѣ, красной дѣвицѣ,
По своей прежней полюбовницѣ.
Перепалася ко мнѣ вѣсточка,
Красна дѣвица разнемоглася,
И за вѣсточкой скоро грамотка,
Красна дѣвица переставилась.
Ужь пойду съ горя на конюшій дворъ,
Ужь я выведу коня доброва,
Что ни доброва, самолучшаго,
И пойду я къ Божьей церкови,
Привяжу коня къ колоколенкѣ,
Самъ ударюся объ сыру землю:
Разступися ты, мать сыра земля!
И откройся ты, гробова доска!
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна дѣвица,
Красна дѣвица, прежняя полюбовница!

Изъ старин. рукоп. Семинар. Сборн. въ Твери.

52.

Погуляй-ко, Дунюшка,
Пока волюшка своя, 2
Не покрыта голова!
Покроютъ головушку,—
Минуетъ вся гульба,

Всѣ отступятся друзья;
Не захочется Дунюшкѣ
На улицѣ погулять,
Съ ребятами поиграть;
Сидѣла бы Дунюшка
Поздно вечеромъ одна,
Горѣла бы у Дунюшки
Бѣлъ-сальная свѣча,
Ждала бъ, дожидалася
Себѣ милаго дружка;
Не дождавшись Дунюшка
Постелюшку послала,
Пославши постелюшку,
Ложилася спать одна;
Ложилася, божилася,
Всѣми клядьбами клялась.
Стучалъ, гремѣлъ, Иванушка
У косящата окна:
Спишь ли ты, Дунюшка,
Али такъ лежишь? —
Не сплю, не сплю, Ванюшка,
Больше такъ лежу,
На умѣ держу, Ванюшка,
Думу крѣпкую о тебѣ.

Зап. мною Твер. Г. и У. въ дер. Гласковѣ.

53.

Изъ за лѣсика, лѣсу темнова,
Изъ за садику изъ зеленова,
Вылеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ, бѣлокрыльчастый,
На лету у сокола крылушки примахалися,
Отъ худой погодушки перья приломалися,

А у доброва молодца кудерушки завивалися,
Но въ одинъ рядъ вились кудерушки ровно въ три ряда,
Надъ этѣмъ кудерышкамъ люди дивовалися,
Всѣ Московскіе купцы съѣзжалися,
А красныя дѣвушки кудрямъ любовалися,
Одной красной дѣвушки кудри полюбилися,
За этого молодца замужъ похватилася,
Вышедши дѣвушка, послѣ воспокаялась;
Пошла дѣвушка на кипучій ключь,
На ключъ дѣвушка слезно плакала,
Проклинала это-то замужьице:
Распроклятая жизнь замужняя!
Расхорошее житье дѣвичье!

Зап. мною Новгор. Г. Валд. У. дер. Гоголева отъ 74-лѣтней крестьянки. Поется и въ Псков. Г. Великолуц. У.

54.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ.
Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти,
Ни какой нѣтъ забутушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
У меня ли, у молодешеньки,
Есть и горе и заботушка,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ повысушилъ.
Я сама дружка повысушу,
Я не зельями, не кореньями,
Я своими горючьми слезьми:
И ты кань, кань, горюча слеза,
Къ милу дружку на бѣлую грудь,
На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!

Зап. мною Тульск. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ.
Срав. Сахаров. т. I, стр. 214, № 51.

55.

Охъ, матушка, тошно мнѣ!
Голова болитъ!
Болитъ больно головушка,
Да не знаю, какъ быть:
Дружка милаго не могу забыть.
Полюбился мнѣ Боярскій сынъ,
Молодой Боярскій сынъ,
Меня высушилъ,
Суше вѣтра, суше вихря,
Суше травушки подкошеной.
Я сама же на грѣхъ наступлю,
Я сама же его высушу,
Сдѣлаю его какъ былочку,
Какъ былочку въ чистомъ полѣ;
Я не зельями, не кореньями,
Я своими горючьми слезьми,
Сдѣлаю какъ былочку,
Какъ былочку во чистомъ полѣ.

Сообщ. П. М. Глѣбовымъ Тул. Г. Веневск. У. въ с. Хайдаковѣ.

56.

Дрянь дѣвочка по лужечку гуляла,
Зло коренье копала,
Накопамши зло коренье,
Во платочекъ связала,
А связамши зло коренье,
На Дунай рѣку пошла:
Ужь я мыла зло коренье,
Бѣло на бѣло его,
Я вымымши зло коренье,
Сухо на сухо сушу,

Изсушомши зло коренье,
Мелко на мелко столкла,
Истолчомши зло коренье,
Въ меду, въ сахару, сварю,
Я, сваримши зло коренье,
Дружка въ гости позову,
Я зазвамши разлюбезнова,
На кроватку посажу,
Посажомши на кроватку,
Стаканъ меду поднесу.
Поднесомши стаканъ меду,
Я любезнова спрошу:
Ты скажи-ка, мой любезный,
Что на сердцѣ на твоемъ? —
На моемъ на сердцѣ,
Точно лютый змѣй шипитъ,
На моей на бѣлой груди
Тяжелъ камушекъ лежитъ.
Ты умѣла, расканалья,
Меня ядомъ напоить,
Ты умѣй же, расканалья,
Мое тѣло схоронить:
Ты положь-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ,
Между Питерской, Московской,
Между Кіевской большой,
Ты поставь же, расканалья,
Животворящій крестъ!

Зап. мною Рязан. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

57.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла,
Зло коренье копала.
Я копала злокоренье,

Глыбко на глыбко его;
Ужь я мыла зло коренье,
Бѣло на бѣло его;
Ужь сушила зло коренье,
Сухо на сухо его;
И толкла я зло коренье,
Мелко на мелко его;
Я варила зло коренье
Я варила, наровила
Немилому дружку,
Какъ попало зло коренье,
Братцу родному:
Какъ со вецера мой братецъ,
Поразохался;
Ко полуноци мой братецъ,
Онъ Попа спросилъ;
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился:
Схорони меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ,
Между Питерской, Московской,
Межъ Тверской-Ямской;
Кто ни ѣдетъ, кто ни йдетъ,
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ даетъ.

Зап. мною Тверск. Г. Новоторж. У.

58.

Какъ по саду, вдоль зеленаго,
Тамъ ходитъ, гуляетъ, удалой молодчикъ,
Чешетъ свои кудри частымъ гребешкомъ,
Очески бросаетъ въ быструю рѣчку:
Плывите, мои очески, вдоль быстрой рѣки,

Чтобы васъ, очески, соколъ не поймалъ,
Соколъ не поймалъ, гнѣзда не свивалъ,
Какъ братецъ къ братцу въ гости приходилъ:
Родимый ты мой братецъ, пожалуй ты мнѣ коня,
Пожалуй ты мнѣ коня, съѣздить до села! —
Родимый ты мой братецъ, бери безъ проша,
Бери безъ проша, ступай куды хошь! —
Родимый мой братецъ, поѣдемъ со мной,
Сватать за меня, другую за тебя!

Зап. мною Рязанск. Г. Данков. У.

59.

По лугу, зеленому лугу,
Выростала трава шелковая,
Выросли цвѣты лазорливые.
Я по тымъ цвѣтамъ воскормлю коня,
Ужь я выкормлю, выглажу яво,
Снаряжу коня во золоту узду,
Поведу коня ко батюшку,
Поведу коня ко родному:
Ахъ, ты батюшка, свѣтъ родный ты мой,
Ты прими слово привѣтливое,
Полюби ты слово ласковое:
Не отдай за стараго замужъ,
Да я старова на смерть не люблю,
Я со старымъ и спать не пойду.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Опочецк. У.

60.

Не ясенъ соколъ по воздуху летаитъ,
Добрый молодецъ на ворономъ конѣ разъѣзжаитъ,
Онъ разъѣзжаитъ, ище такова человѣка,
Кто бы изъ вострой сабли ржавчинку вывелъ,
Кто бы изъ мова ретива сердца кручинушку вынулъ;
Что не ржавчинка востру саблю изъѣдаетъ,
Не кручинушка мое ретиво сердце сокрушаетъ,
Что сушитъ, крушитъ, молодчика одна худая слава;
Отъ худой славы я, молодчикъ, погибаю.
Какъ задумалъ я, добрый молодчикъ, задумалъ жениться,
Не на душички, на красной дѣвицѣ,
А на той на горькой на безчастной на вдовицѣ,
У вдовушки у молодушки разумъ не дѣвичій:
Постелю она стелетъ, сама слезно плачетъ,
Возголовье кладетъ, сама возрыдаетъ,
Своего первова мужа она поминаетъ,
А меня, доброва молодчика, проклинаетъ.

Зап. мною Рязан. Г. Данк. У. въ с. Красной слободкѣ.

61.

Отдаютъ меня младеньку
Не во маленьку семейку,
Охъ, охъ, охъ, охти мнѣ! *
Да и къ свекору, къ свекрови,
Къ четыремъ деверькамъ, 2
Къ тремъ золовушкамъ.
Ужь какъ свекоръ взговоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;
Какъ свекровь-то взговоритъ:

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Къ намъ неряху ведутъ;
Какъ золовки взговорятъ:
Къ намъ непряху ведутъ;
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ смутьянку ведутъ.
Ужь ты, свекоръ, на палатяхъ —
Словно кобель на канатѣ,
А свекровь-то на печи —
Словно сука на цѣпи;
Деверья-то соколы —
Что борзые кобели;
Вы золовки-колотовки, —
Вамъ самимъ замужъ итти,
На людей работать,
Людей слушаться,
А я мужа не боюсь,
Пойду въ ножки поклонюсь.

Зап. П. В. С. Твер. Г. Корчев. У. въ с. Петровскомъ.

Ср. Рыбник. т. III, стр. 446, № 8, и Якушк. стр. 143.

62.

Отдавали молоду
За сѣдую бороду,
Въ небольшую семью,
Только свекоръ да свекровь,
Да два деверя,
Двѣ золовушки,
Третья тетушка.

Замѣчанія этѣхъ лицъ тѣ же, а въ отвѣтѣ молодой есть слѣдующая разница:

По утру-то молода
Не осмѣлилась,

Ввечеру-то молода
Я осмѣлилась:
Благослови, свекоръ-батька,
Вдоль по избы пройтить,
Слово вымолвити:
Медвѣдицы живутъ,
Во темномъ во бору, и т. д.

Зап. мною въ Твери.

63.

Я не знала молода,
Ай, люли, люли, люли! *
Какъ просватана была,
Я узнала молода,
Пріѣхали сватовья;
Сватовья на дворѣ,
Женихи-то въ теремѣ;
Какъ взяли молоду
За правую за руку,
Повезли меня, младу,
Ко вѣнчаньицу,
Отъ вѣнчаньица везутъ
Къ свекру-батюшкѣ на дворъ;
Какъ свекоръ говоритъ:
Медвѣдицу везутъ;
Свекровушка говоритъ:
Щеголиху везутъ;
Деверечикъ говоритъ:
Расточиху везутъ;
Золовушка говоритъ:
Щекотуху везутъ.

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

А какъ я, молода,
Во смыслу за мужъ шла,
Какъ я стала, молода,
Посередь избы,
Какъ я стала, молода,
Отговаривать:
Медвѣдихи, батюшка, —
Во темныхъ во лѣсахъ;
Щеголиха, матушка, —
Что Попова попадья;
Расточиха, деверекъ, —
Большая сноха;
Щекотуха, золовушка, —
Сорока на дворѣ.

Зап. мною въ Тулѣ отъ крестьян. Епиф. У. с. Пашкова.

64.

Отдалъ меня батюшка *
Не въ малую деревню, 2
Не въ согласную семью,
Что и свекоръ и свекровушка,
Четыре деверья, 2
Двѣ золовушки 2
Да три тетушки.
Какъ меня, молоду,
Широкимъ дворомъ ведутъ,
Какъ и свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;
А свекровь-то говоритъ:
Людоѣдицу ведутъ;
Деверья-то говорятъ:

---

* Послѣ каждаго стиха слѣдуетъ припѣвъ: Охъ, охъ, охъ, охти мнѣ!

Къ намъ неряху ведутъ;
А тетки говорятъ:
Къ намъ неткаху ведутъ.
Ты позволь-ка, свекоръ-батюшка,
Вдоль по избы ходитъ:
Какъ медвѣдицы живутъ
Во темныхъ во лѣсахъ,
Людоѣдицы живутъ
Во сырыхъ воборахъ,
Какъ и свекоръ на палатѣ, —
Точно кобель на канатѣ;
Какъ свекровушка на печи, —
Точно сука на цѣни;
Вы, деверья, вы, деверья,
Вы — борзые кобеля,
У васъ жены таковы;
Вы воловки, колотовки,
Вамъ самимъ въ люди итить;
Ужь вы, тетушки,
Не прогнѣвайтесь:
Я поставлю на порогъ,
Да въ три шеи за воротъ.
Мужъ на лавки сидитъ,
На жену косо глядитъ:
Ты косись, не косись,
Не боюся я тебя,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!
Мужъ руку отвелъ, —
Жену по уху оплелъ;
Жена руку отвела, —
По всей харѣ оплела.

Зап. мною въ Тулѣ.

65.

Я у матушки одиночка была,
У родимой я красавицей слыла,
По утру рано не хаживала,
Вечеромъ поздно не гуливала;
У меня жь теперь свекровушка лиха,
Что лихая, непорядливая,
Не пускаетъ на улицу погулять,
Посылаетъ все туда и сюда,
И туда, и сюда, и невѣдомо куда:
По утру рано на ключъ за водой,
Вечеромъ поздно скотину убирать;
Я пошла млада, замѣшкалася,
Сладкой водочки накушалася,
Мнѣ на встрѣчу младой Ванюшка горюнъ;
Вотъ какъ сталъ Ваня пошучивати,
За бѣлы груди похватывати:
Не шути ты, не шути, Ваня горюнъ!
Мое личико разгарчивое,
Свекровь матушка догадливая,
Ни съ чего догадается,
Съ чего лицо разгарается.

Зап. М. А. Тетяевымъ въ Твери.

66.

Спиться мнѣ младенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:

Встань, встань, встань, ты сопливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сопливая, дремливая, неурядливая!

Спиться мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Свекровь матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

хоръ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты сопливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сопливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Милъ любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько, поговариваетъ.

хоръ.

Спи, спи, спи, ты, моя умница!
Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдадена.

Сообщ. К. А. Шавровой Тверск. Г.

Срав. Якушк. стр. 178.

67.

Понизешеньку солнце ходитъ,
Поблизешеньку братецъ ѣздитъ,
Ко мнѣ въ гости не заѣдитъ,
Аль енъ дороженьки не знаетъ?
Аль енъ тропинушки не утямитъ?

Аль енъ добра коня не управитъ?
Аль енъ семью мою стыдится?
Аль енъ собакъ моихъ боится? —
Ай, ты сестрица моя, горестница!
Я собакъ твоихъ не боюся,
Я и семью твою не стыжуся,
Я пріѣду, а ты плачешь,
Я и поѣду, ты возрыдаешь.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У.

68.

Рано калинушка, рано въ полѣ разцвѣтала,
На ту пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись съ умомъ, разумомъ, въ чужіе люди отдала,
Въ чужихъ во людюшкахъ надо жить умѣючи;
Не стану я къ матушкѣ ровно три года ходить,
На четвертый годикъ ли горькой пташкой полечу,
Прилечу я къ матушкѣ въ зеленый садокъ,
Сяду я на яблоньку, на яблоньку, на сучокъ,
Засушу я матушкѣ весь зеленый садокъ,
Грушенья и вишенья въ слезахъ горькихъ потоплю,
Родимоей матушкѣ животъ, сердце, надорву.
Родимая матушка по горницѣ ходила,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживала:
Встаньте-ко, невѣстушки, голубушки мои!
Что это за пташечка въ нашемъ зеленомъ саду?
Не мое ли дѣтятко изъ чужой дальней стороны!

Зап. мною Твер. Г. Новотор. У. въ с. Селиховѣ.

69.

Изъ куста изъ смородинки,
Рѣчка протекла,
На ту пору меня матушка
Горькую родила,
Не собравшись съ умомъ, разумомъ,
Замужъ отдала,
Въ чужую дальнюю сторону,
Незнакомую;
Меня свекоръ-батюшка
Напрасно бранитъ,
Свекровушка-матушка
По пусту журитъ.
Вскипусь я, взброшусь я,
Кукушечкою,
Полечу на свою сторону,
На батюшкину,
Сяду я у батюшки
Въ зеленомъ саду,
На любимую на яблоню
На матушкину,
Стану, стану, куковать,
Жалко причитать,
Жалкими причетами
Народъ прослежу,
Горькими слезами
Весь садъ затоплю.
Матушка по сѣнюшкамъ
Похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ
Пробуживаетъ:
Невѣстушки-ластушки,
Вставайте скорѣй!
Что это за пташка
Въ нашемъ саду?
Большой сынъ взговоритъ:
Пойду застрѣлю;

Середній сынъ взговоритъ:
Пойду спужну;
Меньшой-то сынъ взговоритъ:
Пойду погляжу,
Не наша ли горькая
Съ чужой стороны,
Съ чужой дальней сторонушки,
Родная сестра? —
Ты пойди, пойди, сестрица,
Въ нашъ высокъ теремъ,
Свое горе разскажи,
Наше распроси!

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ отъ дворов. Арины.

Ср. у Сахар. т. I, стр. 208, № 27; Якушк. стр. 110, 129, 130; у Костомар. Лѣтоп. Лит. и Древ. Тихонр. стр 45.

70.

Всѣ луга, болота, вода поняла,
Меня, молоденьку, слеза прошибла,
Давно я, давно, у матушки была,
Травою дорожка моя заросла;
Какъ я похочу, траву притопчу,
Калинушку, малинушку, приломаю,
У роднаго батюшки побываю,
За тесовымъ за столикомъ сяду, посижу,
Шелковую скатерть раскатаю,
Со родимой матушкой о всемъ разговорю.

71.

Высоко, высоко, кленовый листъ,
Хотя жь и высоко, а быть на землѣ;
Далеко, далеко, батюшкинъ дворъ,
Хотя жь онъ далеко, а быть мнѣ у его,
За тесовымъ за столикомъ мнѣ посидѣть,
Шелковую скатерть мнѣ раскатать,
По тесову столику ее разостлать,
Винную чарочку спить мнѣ у его,
Сахарное яблочко на закусочку.

Обѣ зап. Ю. Ѳ. Ауэрбахъ Орлов. Г. Дмитров. У. въ с. Глодневѣ.

72.

Во лѣсахъ было во дремучіихъ,
Что брала-то дѣвка грибы, ягоды,
Что она, брамши, въ лѣсу заблудилася,
Заблудимшись дѣвка слезно плакала:
Что ау то, ау, милъ сердечный другъ!
Что нельзя то ли, мнѣ нельзя,
Нельзя милой отаукнуться,
Что глядятъ-то, смотрятъ,
На меня трое сторожевъ:
Какъ первый-то сторожъ тестя батюшка,
Что другой ли сторожъ—теща матушка,
Какъ третій-то сторожъ—молода жена.
Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей, тестя батюшку,
Ты громи-ка, ты громи, тещу матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью.

Зап. мною въ Москвѣ отъ крест. дер. Жаровъ Яросл. Г.

73.

Какъ во лѣсикѣ во дремучіимъ,
Тутъ ходитъ гулять красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Машенька;
Какъ брала-тѣ, брала, Маша грибы, ягоды,
И не набрала Маша грибовъ, ягодовъ,
Въ темныимъ лѣсу заплуталася,
Съ милыимъ дружкомъ проаукалась:
Ты ау! ау! дружокъ миленькій,
Не далече ходишь, милый, не откликнешься! —
Мнѣ нельзя тебѣ откликнуться,
Какъ за мною ходитъ трое сторожи;
Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ—тесть батюшка,
Второй сторожъ—теща матушка,
Третій сторожъ—молода жена:
Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣчушку.
Ахъ ты возмой, возмой, туча грозная!
Убей моего тестя батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу матушку,
Сильнымъ дожжичкомъ засѣки молоду жену,
Ты спаси, спаси, красну дѣвушку,
Красную дѣвушку, прежнюю сударушку!

Зап. мною Симбир. Г. Корсунск. У.

У Сахарова эта пѣсня помѣщена въ отдѣлѣ плясовыхъ № 7. Нашъ списокъ полнѣе.

74.

Изъ за лѣсу, лѣсу, темнаго
Подымалась туча грозная,
Туча грозная, невозможная;
Друга туча снѣга бѣлаго,
Что съ того-то снѣга бѣлаго

Пролегала путь-дороженька,
Что по той-то по дороженьки
Дочка къ матери въ гости ѣхала,
Она ѣхала, не доѣхала,
Черезъ три поля широкія,
Черезъ три луга зеленые,
Черезъ три ручья глубокіе,
Черезъ три рѣчки широкія,
Тележоночка разломилася,
Кобыленочка заморилася.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Великолуцк. У.

75.

Изъ за лѣсу, лѣсу, темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила туча грозная,
Туча грозная, непогожая:
Дочь у матушки во гостяхъ была,
Домой дочка торопилася,
Съ родной матушкой не спросилася,
Поѣхала, не простилася,
Пріѣхавши въ сыръ дремучій лѣсъ,
Середъ лѣсу становилася,
Съ соловьемъ думу думала:
Соловей ты мой, ты соловеюшка,
Соловей ты мой, ты молоденькій!
Полети ты, мой ты соловеюшка,
На мою родную сторонушку,
Къ моему ли отцу, матери,
Поклонися ты родному батюшкѣ,
Что пониже того родной матушкѣ,
Поклонися всему роду племени!

Зап. И. П. Чулковскимъ Тульск. Г. Бѣлевск. У.

76.

Таня милая,
Походочка частенька,
Разговорка ласкова,
Задумала Танюшка,
Къ милому побывать,
Занеслась погодушка,
Погодушка вѣтерокъ, 2
На крутъ славный бережокъ,
Съ бережка по камушкамъ
Течетъ рѣчка шумная,
По этой по рѣчкѣ
Плыветъ лодка, не стоитъ,
Во этой во лодочкѣ
Зеленъ садикъ разсаженъ,
Во этомъ во садикѣ
Соловей громко поетъ:
Ты не пой, соловьюшка,
Не пой милый, молодой,
Не давай назолушки
Ко сердечку моему!
Спокаялась дѣвушка,
Что молода замужъ пошла
За стараго старика,
У стараго старика,
Ни кола нѣтъ, ни двора,
Ни милова живота,
Только одинъ животокъ,—
И тотъ сѣренькій котокъ,
Повадился въ слободку на краекъ.

Зап. мною Твер. Г. и У. въ дер. Глазковой.

77.

Какъ у Ванюшки заболѣла голова,
У дороднаго, отъ зелена вина,
Какъ растроился пешировъ городъ Москва,
Какъ въ томъ городѣ никто не ходилъ, не гулялъ,
Какъ ходилъ, гулялъ, разудалый добрый молодецъ,
Да енъ не имѣлъ себѣ заботушки ни какой;
Какъ во молодцѣ не по совѣсти жана, 2
Не по совѣсти, не по * бычью молодца,
Что журитъ, бранитъ, свово мужа завсегда:
Какъ и мужъ жаны не слушаитъ никогда;
Мужъ со вечера буйну голову чесалъ,
Ко бѣлу свѣту на гуляньице пошелъ;
Енъ стучитъ, гремитъ, въ досчатые ворота:
Выходи жана, отворяй ворота!
Что ни воръ идетъ, ни пьяница до тебя.

Зап. мною Псков. Г. Великолуцк. У.

78.

Подымалися буйные вѣтры съ горы,
Сорывали черную шляпу съ головы:
Ты подай, подай мнѣ, немилая жена,
Ты подай, подай, мнѣ, постылая жена! —
Мнѣ подать шляпу не хочется,
Покориться — въ умѣ того нѣтъ;
Пойду, пойду; въ зеленый садъ гулять,
Спрошу молодаго соловья:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять? —
Воля, воля, краснымъ дѣвушкамъ гулять,

---

* Т. е., по обычью.

А молодушкамъ мужья не велятъ.
Погуляйте вы, дѣвушки,
Покуда вы у батюшки,
У родимой своей матушки!
Не ровенъ мужъ навалится,
Либо воръ, либо пьяница,
Либо горькая пропоица:
Онъ въ кабакъ идетъ—шатается,
Изъ кабака идетъ—валяется,
Мною, подлецъ, выхваляется.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У. отъ Добровой.

79.

Ахъ ты дѣвка, ахъ ты красная моя!
Ты пойдешь ли, дѣвка, замужъ за меня?
Ужь какъ я тебя, красавицу, любилъ,
Не одинъ я голубой кафтанъ сносилъ,
Кунью шубульку поистроватилъ,
Пухову шляпу поисколотилъ,
Трое новеньки сапоженьки стаскалъ,
Все тебя, моя красавица, искалъ;
Ты пустила сухоту по животу,
Ты разсыпала печаль по плечамъ,
Ты заставила ходить по ночамъ,
Что ходить да сладки прянички носить,
Сладки пряники на одномъ на меду.—
Слышу, ходишь ты по вольнымъ по домамъ,
Еще ходишь по Царевымъ кабакамъ,
Ты въ кабакъ идешь—шатаешься,
Съ кабака идешь валяешься,
Во черную грязь мараешься.
Не того я бору ягода была,

Не того я отца съ матерью дѣтя,
Чтобъ тебя разувать, раздѣвать,
Расканалью расподсывати,
Чесы шуговки растагивати.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Порхов У.

80.

Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди,
Не мѣшайте красной дѣвкѣ въ саду погулять,
Въ саду погулять, цвѣтковъ посорвать,
Покуда батюшка замужъ не выдалъ,
За такова ль за дѣтинку за невѣжу:
На кабакъ идетъ невѣжа—скачитъ, пляшитъ,
Съ кабака идетъ невѣжа—кричитъ, лапитъ:
Ты жена ли моя, жена молодая!
Отворяй-ка ты вороты становыя,
Встрѣчай мужа съ работы веселаго!—
Какъ и я ли, молоденька, торопливо выходила,
За новыя за ворота становыя,
Я съ невѣжей смѣленько говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за вратами,
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
Мягкая постеля—бѣлая пороша!
Вотъ тебѣ высоко возголовье—подворотня!
Вотъ тебѣ шитое одѣяло—частыя звѣзды!
Ужь и я ли невѣжу успросила:
Каково тебѣ, невѣжа, за вратами;
Таково жъ мнѣ, невѣжа, за тобою,
За твоею за дурацкой головою!

Зап. Шт. Смотрит. Щедринымъ Тульск. Г. Новосильск. У.

Ср. Рыбн. т., III стр. 449, № 12, и Якушк., стр. 169.

81.

Не ржавчинка у насъ въ болотѣ травку всю съѣдаетъ,
Не кручинушка добраго молодчика меня сокрушаетъ,
Сокрушила добраго молодца меня худа слава,
Какъ по этой по худой славѣ мальчикъ погибаю,
Погибла буйная головушка совсѣмъ понапрасну;
Какъ сказала про меня жененька,
Будто я, добрый молодчикъ, хожу домой поздно,
Будто хожу домой поздно, совсѣмъ дома не ночую.
Леталъ голубь, леталъ сизый, леталъ по задворью,
Искалъ голубь, искалъ сизый, голубушку сизу.

Зап. мною въ Москвѣ отъ ф. Яросл. Г. Покров. У. д. Сафоновой.

82.

И да посылаетъ Иванушку мати,
И да сровой хлѣбъ Ваню убирати,
Не хотѣлось Ванюшѣ итти,
И да вотъ итти;
Вышелъ Ваня бѣдный на крылечикъ,
И да положилъ серпокъ, бѣдный, на плечики,
Самъ заплакалъ Ваня, зарыдалъ;
Сталъ Ваня ужъ за полосу заходити,
И да къ сырой землѣ припадати, 2
Разъединый и снопочекъ нажалъ,
Разъединый и снопочекъ нажалъ,
И да онъ нажалъ,
Обуяла Ваню тоска, скука,
И да онъ обрѣзалъ себѣ серпомъ руку,
Поливала его нѣжна кровь,
Его мать съ отцемъ увидала,
И да надъ Ванюшей сынкомъ ужаснулись:
Что ты, Ваня, сынокъ нашъ,

И да сынокъ нашъ,
Что ты сдѣлалъ, Ваня, надъ собою,
И да надъ буйною головою?
Ты ступай поскорѣе да домой,
И да ты домой!
И да его барыня увидала,
И да платкомъ руку Ванѣ перевязала во лохтѣ,
И да зоветъ въ садъ гулять,
Вотъ гулять;
Да въ саду дѣвушки тамъ гуляли,
И да въ глаза Ванюшку ругали:
Что ты, Ваня, долго не бывалъ,
И да не бывалъ? —
И да ужь вы, дѣвчонки,
Разглупы ваши головки,
Мнѣ не время къ вамъ прити;
Мнѣ прити;
Да во славномъ въ Питерѣ Ваня родился,
И да во Саратовѣ Ваня крестился,
Во Москвѣ Ваня женился,
И да женился,
И да взялъ черничку, ростомъ невеличку,
Разозлая шельма была въ полѣ работать,
И да работать,
Она жать-то, шельма, не нажала,
И да подъ межой она пролежала,
Только время, ахъ, она провела!

Зап. А. А. Мясоѣдовой Сарат. Г. Сердоб. У.

83.

Какъ за рѣкой-то, рѣкой,
Шелкову траву Ваня косилъ,
Онъ косилъ-то, косилъ,
Косу въ сторону бросилъ:

Пропадай же ты моя,
Безукладая коса!
Ты умри, умри,
Распостылая жена!
Взялъ бы, взялъ бы, за себя
Красну дѣвушку душу,
Изукрасилъ для себя,
Чтобъ не стыдно было молодцу
Вдоль по улицѣ пройтить,
Къ короводу подойтити.

Зап. мною Тульск. Г. и У. въ с. Дотовиновѣ отъ дворовой женщины.

84.

Молодость моя молодецкая!
Не видалъ я тебя, молодость,
Когда ты прошла, скоро миновалася!
Какъ худая жена навязалася,
Что не сжить своей жены Боярыни,
Что ни свату, ни брату, ни товарищу!
Какъ пойду я, молодецъ, на рынокъ,
Какъ куплю я новъ тесовъ корабль,
Посажу свою жену въ новъ тесовъ корабль,
И пущу его на сине море;
Какъ я выйду, молодецъ, на круту гору,
Какъ я крикну, молодецъ, громкимъ голосомъ:
Воротись, моя жена, Боярыня!
Что мы будемъ жить лучше прежняго! —
Не свѣтитъ солнце проти лѣтняго,
Не живать намъ лучше прежняго!

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Опочецк. У.

85.

Молодость ты моя молодецкая!
Не видалъ я тебя, когда ты прошла, прокатилася,
Со худою женой съ нескорысною!
Мнѣ худую жену все ни сжить, ни сбыть,
Все ни другу подарить, ни товарищу.
Какъ пойду, молодецъ, на сине море,
Закуплю жь я женѣ смоленой корабь,
О двѣнадцать гребцовъ, тонкихъ парусовъ,
Объ шестнадцати бѣлыхъ молодцевъ;
Какъ пойду, молодецъ, на круту гору,
Посмотрю на море, какъ корабь бяжитъ,
Корабь-то бяжитъ, какъ соколъ лятитъ,
Жена жь-то сядитъ, какъ боярыня,
Дѣтя жь-то дяржитъ, какъ свѣча горитъ.
Какъ крикнулъ молодецъ громкимъ голосомъ:
Воротися, жена, жена Барыня! —
Не порой солнце свѣтитъ, не по лѣтнему,
Не любить мнѣ мужа все по прежнему!

Зап. Витеб. Г. Сураж. У. въ раскольн. деревнѣ Уч. Гимназіи Баньковскимъ.

86.

Охъ, да ты молодость, моя молодость!
Ты когда, младость, прошла,
Когда мила прокатилася? —
Я, де, весной младость прошла,
Лѣтомъ, де, прокатилася. —
Охъ, да не въ чести-то ты прошла,
Да и не въ радости,
Въ моемъ ли во моемъ горюшки,
Во моемъ горѣ во великоемъ,
Навязалась-отъ, братцы, на меня,

Зла да худа жена,
Зла, худа шельма жена,
Больно некорыстна:
Она день-отъ меня журитъ, бранитъ,
Ночь уснуть не даетъ,
На рукѣ лежитъ,
Во глаза глядитъ,
Во глаза шельма глядитъ,
Цаловать велитъ,
Цаловать-то мнѣ ее, шельму, не хочется,
Ретивое сердечушко къ ней,
Сердце не воротится,
И уста-то, братцы мои,
Кровью запекаются.
Охъ пойду то ли я, братцы, пойду,
Пойду на большой базаръ,
На большой базаръ, все на ярмарку,
Куплю то ли я, братцы, куплю,
Куплю хмелю ярова,
Наварю то ли я, братцы, наварю,
Пива наварю пьянова,
Созову вотъ я, созову,
Дружьевъ всѣхъ, пріятелей,
И всѣхъ своихъ товарищей,
За батюшкой посла пошлю,
За матушкой коней пару,
За сударушкой за своей,
Я самъ схожу.

Зап. В. А. Мясоѣдовой Сарат. Г. Сердобск. У.

87.

Ахъ ты вѣрная, манерная, сударушка моя,
Э, эхъ да люли, ты сударушка моя! *
Да не ты ль меня, сударушка, высушила,
Безъ морозу безъ лютова сердце вызнобила,
Припустила сухоту по моемъ животу,
Ты разсыпала печаль по моимъ ясным очамъ,
Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
Приневолила шататься по чужой сторонѣ?
Ты заставила любить чужу мужнину жену,
Какъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
А своя шельма жена—полынь горькая трава,
Полынь горькая трава, стрекучая крапива,
Стрекучая крапива, что во полюшкѣ росла,
Въ чистомъ полѣ на межѣ, на широкомъ рубежѣ.

Зап. И. П. Чулковскимъ Тульск. Г. Бѣлев. У

Срав. Якушк. стр. 197.

88.

Панъ мой, панъ, пане пропацъ!
Я пропала 2, панъ, за тобою,
За твоею, панъ, головою:
Самъ пьешь, самъ ѣшь, самъ танцуешь,
Про меня, про паньчку, не вспомянешь;
Сижу я младенька при кручинѣ,
При великой тоскѣ, печали;
Пойду я, младешенька, погуляю,
Что бѣлая рыбица внизъ по Дунаю,

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Тамъ на Дунаѣ да на бережкѣ,
Стоитъ сосна, сосна зеленая,
Подъ той сосной сидитъ Казакъ,
Держитъ гусли подъ полою,
Звончатые подъ правою,
Онъ самъ гуслямъ приговариваетъ:
Ай, вы гусли, мои гусли звончатые!
Ахъ вы, струны мои, струны золотыя!
Ай вы, мысли мои, мысли молодецкія!
Занесли вы меня на чужую сторону,
Заставили любить чужу мужнюю жену,
А чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
А своя-то, вѣдь, жена,—полынь горькая трава!
Ухъ, чей это садокъ? Погулялъ бы въ немъ.
Чья во садикѣ капустка? Пополол бы ее,
Пополовши бы капустку, я за тынъ побросалъ.
Ахъ чей это теремъ? Побывалъ бы въ немъ.
Чья во теремѣ дѣвица? Посмотрѣлъ бы ее,
Посмотрѣвши дѣвицу, за себя бы взялъ,
Я не билъ бы, не журилъ, ей румянъ, бѣлилъ, купилъ:
Ты, бѣлись, моя надежда, и румянься, душа,
Ты ходи въ красѣ, пока ль я въ Москвѣ;
А меня въ Москвѣ не будетъ, на что хорошо ходить?
На что хорошо ходить, коли некому любить?
На что мягко стлать, коли не съ кѣмъ спать?
Ай спи, душа, въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ!

Изъ стариннаго рукописнаго Семинарскаго Сборника.

89.

Ужь нѣтъ того хуже женатаго любить:
Онъ женатый, распроклятый,
Его очень жизнь бѣдна:
Гдѣ ни ходитъ, гдѣ ни гуляетъ,
А жана все за имъ глядитъ!

Нѣтъ того лучше холостого любить:
Холостой парень гуляетъ,
Какъ соколъ въ полѣ летаетъ,
Прилетаетъ соколъ на мѣсто,
Онъ ложится на спокой,
Онъ ложился, онъ божился;
Нѣтъ заботы ни какой,
Только есть одна забота,
Что краная дѣвушка.
Съ поневоли меня оженили,
Не по * бычью мнѣ жану взяли,
Не по бычью, не по мыслямъ,
Я не буду съ ней въ люби жить,
Буду мальчикъ за рѣку ходить,
На свою жану буду смерти молить:
Не дошелъ я до дворочка, —
Скончалася моя жана,
Пріударилъ ее кулакомъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Къ короводу подошелъ,
Всѣ дѣвушки играютъ,
Одна дѣвушка стоитъ,
Знать моей жанѣ родня.

Зап. мною Ряз. Г. Ранен. У. въ с. Рязановкахъ

90.

Объ чемъ, мальчикъ, сумлѣвался?
Да ходитъ холостъ, не женатъ!
Съ поневолюшку женился,
Некорыстну жену взялъ,
Некорыстну, не по мысли,
Не по совѣсти своей;
Я не буду въ люби съ нею жить,
Буду за рѣку ходить,

---

* Т. е., по обычью.

Буду дѣвушекъ любить,
На свою-то я жену,
Буду смерти молить.
Околъ рѣчки бережечку
Распрекрасна смерть идетъ:
Ужь ты, смерть моя прекрасная!
Воротися смерть, назадъ,
Сокончай мою жену!
Не успѣлъ я слова молвить,—
Начала жену кончать;
Не успѣлъ я оглянуться,—
Накрылъ бѣлымъ полотномъ,
Пріударилъ въ колоколъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Въ короводъ къ дѣвкамъ зашелъ,
Всѣ-то дѣвки, всѣ-то красны,
Всѣ мои пѣсенки поютъ;
Одна дѣвка, одна красна,
Моихъ пѣсенъ не поетъ;
Эта дѣвка, эта красна,
Знать моей женѣ родня, 2
Знать родимая сестра.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Красная Слободка, отстоящей отъ с. Рязановки въ 4 верстахъ.

91.

На молодца тоска нападала,
У молодца жена захворала:
Ты хворай, жена, тяжелѣе,
Умирай, жена, поскорѣе,
Пускай меня, молодца,
На легкую работу!
Пойду въ садъ гулять.
Въ моемъ саду роща дубовая,

Стоитъ сосна зеленая;
Сѣку сосну зеленую,
Срублю гореньку новую,
Собью печку кафельную,
Выведу трубу дымовую,
Сыграю свадьбу веселую,
Возьму жену молодую,
Своимъ дѣтушкамъ мачиху злую;
Малы дѣтушки по горенькѣ ходятъ,
Лиху мачиху проклинаютъ,
Родну матушку вспоминаютъ:
Ты сгори, наша горенька новая!
Встань, встань, наша матушка родная!

92.

По горенькѣ похожу,
Головушку причешу,
Причешу, приглажу,
Гладенько гребешкомъ;
Учесавши буйну головушку,
Косу русу заплету,
Алой лентой завяжу,
Златъ вѣночекъ повяжу,
На лавочкѣ посижу,
Въ окошечко погляжу.
Тужу, плачу, о любезномъ,
Заливаюся слезамъ.
Залила моя любезная
Всѣ дорожки, всѣ пути,
Круты славны бережки;
Изъ подъ камышка,
Изъ подъ бережка,
Шумитъ рѣчушка, бѣжитъ, 2
Мимо сада моего;

Въ моемъ было во садочкѣ,
Соловей, пташка весела,—
Не давай тоски, назолушки,
Ты сердечку моему!
И такъ мое сердечко
Все изнывши во мнѣ.
Посылала меня мачиха
Съ коромысломъ за водой,
По морозу то босую,
На ключъ за водой.

Обѣ сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г. Великолуцк. У.

93.

Спасибо, спасибо, синему кувшину,
Размыкалъ онъ тоску мою, кручину!
Не кручина меня сокрушила,
Сокрушила меня жена молодая;
И давно ль, жена, не хворала?
Захворай-ка ты, жена, побольнѣе,
И умри поскорѣе,
И мнѣ будетъ жить повольнѣе!
Я возьму острую сѣкиру,
Пойду въ рощу зеленую,
Срублю сосну молодую,
Постановлю гореньку новую,
И печку складу муравую,
И возьму себѣ жену молодую,
А дѣтушкамъ своимъ мачиху лихую;
И дѣти ему на отвѣтъ сказали:
Сгори, наша горенька новая!
И помри, наша мачиха лихая!
И востань ты, наша матушка родная!

Зап. В. А. Мясоѣдовой Саратов. Г. Сердобск. У.

94.

Спасибо-то, спасибо-то, синему кувшину,
Разогналъ-то, раскачалъ, всю тоску, кручину!
Не тоска ли, не кручина, по сѣнямъ гуляла,
У молодца у дѣтинки женка умирала:
Умирай-ка-сь, истывай, женка поскорѣе!
Я свезу ли, я свезу, во мхи, во болото,
Положу-то, положу я, въ гнилую колоду,
Схороню-то, схороню, подъ бѣлую подъ березу,
Пойду ли я, пойду, молодецъ на волю,
Я пойду ли, я пойду, въ города новые,
Я куплю-то, я куплю, топоры вострые,
Я пойду ли, я пойду, во лѣса темные,
На рублю-то, нарублю, лѣсу ровнова,
Напилю-то, напилю, теса гладкова,
Я срублю-то, я поставлю, горницу новую,
Приведу-то, приведу, женку молодую,
А своимъ-то я дѣтямъ мачиху лихую.

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ с. Селиховѣ.

95.

Прялочка взяла,
Да въ посидѣлки пошла;
Всю ночь просидѣли,
До первыхъ пѣтуховъ;
Пѣтухи попѣли,
Не думала домой;
Другіе попѣли,
Я не гадовала;
Заря занялась,
Я домой поднялась;

Иду ко двору,
Свекоръ ходи по двору:
Пойди-ко, невѣстушка,
Не бойся ни чего! :2
Дома нѣтъ никого.
Кидалась, бросалась,
За стараго легла;
Старый мужъ просыпается,
Сѣда борода пробужается:
Гдѣ, жена, была,
Гдѣ, Боярыня, была?—
Старый мужъ,
Ты не бредишь ли?
А сѣда борода,
Не во снѣ ли говоришь?
Я хочу вставать,
Хочу печку топить,
Щи, кашу варить,
Тебя, стараго, кормить. —
Спасибо, жена,
Не забыла про меня! —
Какъ тебя забыть?
Не могу чорта избыть.
Петельку на шею
Накидывала,
Милому въ окошко
Конецъ подала:
Милый, потяни,
Дорогой, поради!
Толстое ужище
Не оборвется,
У стараго шея
Не оторвется;
Старый захрапѣлъ,
Будьто спать захотѣлъ;
Ногами забилъ,
Будьто шутъ задавилъ;

Руки растопырилъ,
Плясать пошелъ;
Зубы оскалилъ,
Смѣяться сталъ. . .

Ср. у Рыбн. т. III, стр. 447, № 9, и стр. 454, № 5

96.

Зимушка, зима,
Зима лютая моя!
Я прошу тебя,
Не морозь меня, 2
При дороженькѣ,
Коня ведучи,
Сбрую несучи!
Сбруя, моя сбруя,
Сбруя ясная!
Доля моя, доля,
Разнесчастная!
Какъ жена мужа
Пріутѣшила,
Въ зеленомъ саду
Зарѣзала,
Сладкихъ яблочекъ
Призакушался,
Мелкихъ пташечекъ
Призаслушался.

Обѣ зап. мною Тульск. Г. Епиф. У. въ с. Муравленкахъ.

97.

Старъ, да ты старъ,
Да ты добръ до меня,
Я же да старова
Гараздъ хараша;
Прялацку взяла,
Въ пасидѣлацки пашла,
Куры папѣли,
Сижу, таки сижу;
Другія папѣли,
Не думаю домой;
Третьи папѣли,
Заря занялась,
Заря занялась,
Я домой сабралась,
Прялацку за грядацку,
Сама за старика:
Цертъ ли, жана,
Не тяперь ли пришла?—
Старый сатана,
Не съ ума ль ты сашелъ?
Лажу вставать,
Лажу пецку тапить,
Пецку тапить,
Кашу варить,
Кашу варить,
Церта старова кармить,
Петлюшку на шеюшку,
Накидывати;
Сваму милому канецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, не бось!
Новые гужи не сарвутся,
Въ старава шея не аторвится
Старый захрыпѣлъ,
Будьто спать захотѣлъ,

Вычалилъ глаза,
Будьто сердится;
Высанулъ языкъ,
Будьто Вася бузыкъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Г и У.

98.

Ты зима ль моя холодная!
Боюся я тебя, ознобишь ты меня;
Ты жена ль моя, жена хорошая!
Боюсь я тебя, погубишь ты меня.
За совѣтъ жена мужа въ садъ звала,
За любовь жена мужа повѣсила
На славномъ деревцѣ, на яблонькѣ,
Пришла ко двору, сѣла на полу,
Думу думала: Худо у дому,
Худо у дому безъ мужа;
Пойду млада въ садъ, возьму мужа назадъ:
Слѣзай, мужъ, долой! пойдемъ, мужъ, домой!
Мужъ долой не лѣзетъ и домой не йдетъ:
Али ты сладкихъ яблокъ накушался?
Соловьевыхъ пѣсенъ наслушался?

Основано, по словамъ пѣвицы, на истинномъ происшествіи, а записано въ Тулѣ отъ 70-лѣтней старухи.

99.

Какъ по лугу, лугу, лужочку,
Лугу зеленому,
Тутъ ходила, гуляла, вдовушка, вдова,
Вдова баитъ молодая;
Она плакала, рыдала,
Сама слезно причитала:

Хоромы ли вы, мои хоромушки,
Развысоки, новы теремы!
Ай, да что же вы, мои хоромушки
Не покрыты новы стоите?
Аль у васъ, мои хоромушки,
У васъ хозяина нѣту?
Аль у меня, то ли, у меня,
У меня, вдовѣ младой,
Нѣту милова дружечка?
А моимъ то ли, моимъ,
Моимъ милымъ дѣтушкамъ,
Нѣту батюшки роднова?
Ахъ, да вотъ, какъ на встрѣчу то ли мнѣ,
На встрѣчу вдовѣ младой,
Идутъ два младыхъ купчика,
Купчинушка баютъ молодые,
Ахъ да и баютъ-то они,
Баютъ вдовѣ младой:
Что слезно, вдова, больно плачешь?
И что ты, вдова, жалобно причитаешь?
Твоимъ то ли я, твоимъ хоромушкамъ,
Ахъ да буду, де, хозяиномъ,
А тебѣ-то, вдовѣ младой,
Буду миленькимъ дружочкомъ,
А дѣточкамъ, де, твоимъ,
Батюшкой буду родимымъ. —
Нѣтъ, ужь не быть то ли, не быть калинушки,
Не быть супротивъ ягодки, баютъ, малинушки;
Да ужь не быть-то тебѣ, не быть, купчинушка,
Хозяиномъ не быть въ домѣ,
Не быть-то, не быть, тебѣ милымъ мнѣ дружочкомъ,
А моимъ ли дѣтушкамъ батюшкой родимымъ.

Зап. Саратов. Г. Сердобск. У. В. А. Мясоѣдовой.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

SUMMARIUSZ

TYCH PRAW, DOKUMENTÓW, DEKRETÓW Y WSZELAKICH TRANZAKCYI, KTÓRE W TEY KSIEDZE POD ALFABETYCZTNEMI LITERAMI WZMIANKOWANE, TU ZAŚ PER EXTENSUM POŁOŻONE SĄ.

Łaskawy czytelnik raczy ostrzeżenie przyiąć, że ponieważ te prawa, dokumenta, dekreta y wszelakie tranzakcye później zbierane y wyszukane zostały, przeto nie idą ciągiem y porządkiem w dzisieyszym Summariuszu; należy więc nie zapatrywać się, tylko na litery alfabetyczne, w księdze tey wyrażone, a z tych mieysc odesłany do Summariusza wyczyta wszystko per extensum pod temiż literami (Писано собственноручно Θ. Бродовичемъ. Я. Θ. Г.).

LITT. A. *

Wypis z Xiąg Grodzkich Woiewodztwa Kijowskiego.

Roku tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, miesiąca Decembris, dwudziestego drugiego dnia.

Na Urzędzie Grodzkim, w mieście J. K. Mci Żytomirzu, przede mną, Józefem Połanowskim, Namiestnikiem pro tunc Grodzkim, Generału Woiewodztwa Kijowskiego y Xięgami ninieyszemi Grodzkimi Kijowskiemi, przyszedłszy osobiście przewielebny JMć X. Jan Roch Kościuszko, Dziekan Radomyślski, Paroch cerkwi Czopowieckiey, Ritus Graeco-Latino-Uniti, swym y niżey po imionach y przezwiskach przewielebnych, wielebnych w Bogu Ich Mosciów XX. Dziekanów, Parochów, Komendarzów, Wikaryuszów y całego duchowieństwa Archidyecezyi Metropolitalney Kijowskiey, przez Woiewództwa Kijowskie y Bracławskie exten-

---

* Этотъ актъ въ подлинникѣ въ печатномъ экземплярѣ въ листъ, 8 стр.

dowaney, skarząc y manifestuiąc się, oświadczenie y użalenie podpisami niżey wyrażonemi osob duchownych własnemi zatwierdzone, do akt ninieyszych podał takowe: My niżey na podpisach wyrażeni dziekani, parochowie, komendarze, wikaryuszowie, w archidiecezyi Metropolitańskiey Kijowskiey, w Królestwie Polskim przez Woiewodztwa Kijowskie y Bracławskie extendowaney, Ritus Graeci-Latino-Uniti, od zaiuszonego haydamactwa poduszczonego chłopstwa strachem okrutnego morderstwa y wypraktykowaney na wspól braci naszych tyrańskiey śmierci przerażeni, od domów i własności swoiey przepędzeni, w różne mieysca rozproszeni, po cudzych domach, iamach, lochach, ciemnych lasach, bagnach y błotach; niektórzy w kraju Rossyiskim, Tatarskim y Wołoskim do tych czas kryiący się, świeżo dopiero przez przygaszenie nieco pałaiącego haydamackiego pożaru, od woysk Nayiaśnieyszey Imperatorowey Jey Mości y Pana naszego miłościwego aczkolwiek ubespieczeni, do domów swoich przybyli; drudzy dla tegoż ognia ieszcze nieugaszonego na Wołyniu w cudzych kątach mieszczący się, et mendicato pane przebywaiący, teraz wraz zgromadzeni, succurrendo integritati vitae suae et saluti aeternae swym y wspól kolegów naszych dziekanów, parochów, komendarzów, wikaryuszów y całego duchowieństwa, dla odległości jednych, drugich dla słabości, innych podezelowanych, propter summam egestatem ad acta praesentia adire nie mogących imieniem, z wyraźney sumienia naszego obligacyi, primario przed naywyższym sędzią, Bogiem w Troycy Swiętey iedynym, skrytości serc ludzkich widzącym, deinde przed aktami ninieyszemi dla wiadomości publiczney całemu światu, iako naywroczyściey in diligentia sui oświadczamy się y użalamy, w sposób takowy y oto: iż straszliwa praktyka w kraiu Polskim, Ukraina nazwanym, dosyć stała się iawna, iak Stan Szlachecki, roku teraźnieyszego tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, od małorozumnego, poduszczonego y zbuntowanego, na bezbożną zuchwałość chłopstwa y haydamaków, niezliczenie, szkaradnie y tyrańsko, z wszelkich ruchomości y samego, każdemu naymilszego, został rozbity życia. Jak XX. Ritus Latini et Graeco-Uniti, wspól bracia nasi, przez okropną tyrannią, męczenskie podięli śmierci! Jak Wielebny Xiądz Tomasz Riskunowski, paroch Kościański, dekanatu Kaniowskiego, dla administrowanią sakramentu Chrztu S. do miasta Kaniowa przybyły, pierwey niemiłościwie od zaiuszonego haydamactwa kiymi bity, potym za miasto wyprowadzony, od Semena Nieżywego, tak zwanego watażki haydamaków, zastrzelony został. Wielebny X. Atanazy, paroch

Jabłonowski, dekanatu Kaniowskiego, przed złością kupiącą się haydamacką pod mostem ukryty, a ztamtąd wywleczony, bity, potym przy szpichlerzu Żydowskim iest zawieszony. Wieleb. X. Jan Połuszyn, paroch Walawski, dekanatu Smielańskiego, cerkwie Ofiarowania Nayświętszey Panny Maryi, przed tąż złością uciekaiący, w mieście Mosznach od chłopów złapany, związany y do haydamaków, pod ten czas w mieście Kaniowie znaydujących się, zaprowadzony, przed postrzały ostatniego w ręce Boskie polecił ducha. Wieleb. X. Teodor Gdyszycki, paroch Mhlejowskiey cerkwi pod tytułem Przemienienia Pańskiego, dekanatu Smielańskiego, w własnym plebanii swoiey domu pierwey postrzelony, potym za włosy szarpany, po ziemi włóczony, nakoniec spisami pchnięty. W. X. Nikołay, paroch Zawadowski, tegoż dekanatu głebokim lat sędziwych obciążony wiekiem, a przeto od pałaiącego tyrańskich furyi uchylić się mogący pożaru, we wsi Zawadowce od haydamaków, wraz z synem swoim, poimany, za szyie powrozem wzięty, o milę wielką obok konia do miasteczka Korsunia prowadzony, tam naypierwey w zamku do Maksyma Zeleźniaka, haydamaków herszta, obuchem po głowie bity raniony y zkrwawiony, potym z synem wraż związany y na rynek wyprowadzony, strzelany y kłóty, męczeńskie Bogu oddali dusze. W. X. Prokopiusz Szapowaleński, cerkwi Troycy Swiętey paroch Bohusławski, że chorobą od Boga nawiedzoną panią Mulińskę, obrządku Rzymskiego, szlachciankę na śmierć dysponował, y teyże wkrotce pobożnie zmarłey, przy cerkwi swoiey katolickie pochował ciało, natychmiast od przybyłych haydamaków okrutnie zabity y zamordowany, przy teyże cerkwi, do którey za życia statecznym był przywiązany sercem, od pobożnych parochian swoich śmiertelne położył prochy. W. X. Stefan Beregiela, paroch Rososki, dekanatu Kalnickiego, we wsi Rososzy od haydamaków okrutnie ubity y zamęczony. W. X. Paroch Międzyrzycki, dekanatu Korsuńskiego, kiymi ubity. W. X. Ignacy, paroch Pomynicki, dekanatu Żywotowskiego, zabity. W X. Sabba Bożkiewicz, paroch Hołodkowski, dekanatu Żywotowskiego, pośrzód miasta Żywotowa pierwey sztrzelany, potym spisami zkłóty. W. X. Tymoteusz, paroch Smielczyński, kiymi ubity. W. X. Jan Wołkowiński, paroch cerkwi pod tytułem S. Mikołaia, Umańskiey, nahaiami po wszystkich ciała częściach bity i zamordowany. WW. XX. Jan y Bazyli Nieczaiewscy, paroch y wikaryusz Pisarzewscy, dekanatu Umańskiego, pierwszy od chłopów, parochian swoich, drągami ubity, drugi od tych że chłopów szarpany, w ich ręku swego Bogu polecił ducha. W. X. Marcin Jezierski, paroch Dackowski, dekanatu

Korsuńskiego, po dwa kroć razy od haydamaków wieszany y urywany. W. X Mikołay, paroch Hruziański, dekanatu Smielańskiego y wykaryusz iego, w iamę głęboką zbożną na głowę od haydamaków wtrąceni, z tey do wieczności przeniesieni. W. X. Atanazy, paroch Murzyński, dekanatu Korsuńskiego, zkłóty. Iak Przewielebni Roman Skoczyński, surrogat Bracławski, Oczeretniański, Korneliusz Szpanowski, dziekan Zywotowski. Stefan Komarnicki, dziekan Umański, Skalski plebani, y innych wielu niemiłosiernie bici, mordowani, wrzącemi węglami pieczeni, z zdrowia y wszelkich sprzętów, y ruchomości ogołoceni. Iak kościoły y cerkwie, dla chwały samemu poświęcone Bogu, bezbożnie zprofanowane! Iak sam Bóg naywyzszy, w tychże domach dla uwielbienia siebie wystawionych, pod widocznemi osobami ukryty, otrowskiemi był podeptany nogami! Stwórca od stworzenia swego zelżony został! Iak też domy Boże, z swoiey ogołocone ozdobności y sprzętów na ostatnie szyderstwo użytych, bo w te ustroiwszy się haydamacy, tańcowali, potym szarpali, rozdzierali, y zgromadzonemu na widok rozdawali chłopstwu, drugiemi bezrozumne bydlęta od zaiuszoney w złości były nakrywane ręki! Iak kościelne naczynia, do zwyczaynego z wielkim pogorszeniem były zażywane napoiu! Iak straszliwey bezkrwawey ofiary y innych sakramentów, y kościelnych ceremonii obrządki, przy dopiero rzeczonych ucztach y piiatykach bezbożnie szydzone y wyśmiewane! Iak matki, dzieci karmiące, drugie w ciężarze spodziewanego płodu zostaiące, rozcinane, strzelane y kopiiami przebiiane, wraz z tymże płodem swoim, ostateczney śmierci męczeńskiey okrutny poniesli upadek! Iak po zaszłey śmierci matek, płod żywy w wnętrznościach macierzyńskich pokazuiący się, przez okrutne po żołądku matek kiymi y nahaiami bicie nie żywiony! Iak z wnętrzności macierzyńskich wyimowane dzieci, w gorę na spisach podniesione, na widok przytomnemu pokazywane chłopstwu! Iak niewinni Katolicy odio S. Fidei Romanae, do słupow przywiązywani, od postrzałow y kłocia spisami z ostatniego byli rozwiązani życia! Iak wierni Katolicy dla ochrony życia do przyięcia chrztu sakramentu, przez charakter na duszy wyrażony, na wieki niezmazany, a przez to powtórzenia mieć nie powinny, byli siłowani. Jak duchowni do dawania tego sakramentu z ceremoniami, od haydamakow okazowanemi, przez bicie nahaiami po głowach, od tychże byli przynagleni y przymuszeni. Iak osoby szlachetne płci słabey, iedne szkaradnie zgwałcone, drugie w społeczność grubemu pooddawane chłopstwu zostały! Iak poduszczone, w złości wrzącey zostaiące, chłopstwo, kryiących

się Katolikow w lochach, y iamach podziemnych, y gęstych lasach. z tych niemiłościwie wywlekali, ukrytych zaś po lasach obławą ścigali y szukali, a wynalezionych bez żadney litości y kompassyi iak owieczki niewinne, iednych na mieyscu zabiiali, drugich powiązanych, błahey nadgrody nadzieią (bo rubla iednego za iednę osobę katolicką od haydamaków sobie przyrzeczonego) zdięci: a w samey istocie niepohamowaną złością, od haydamaków sobie wlaną, poruszeni, przywozili y przyprowadzali. Iak zhukanego chłopstwa dzieci, patrząc się na okropną tyrannią, przez oycow swoich nad Katolikami y niewiernym Żydowstwem czynioną, podobnież dzieciom Katolickim czynili; uciekaiące w pola y lasy, z psami ścigali, wynaydowali y okrutnie zabiali! Iak ciała Katolickie, które haydamacy chować zakazywali, umyślnie, aby psom y ptactwu na pastwę poszły, po rynkach, ulicach y po polach od bestyi rozwlekane były! Iakie nakoniec, w naygrubszych narodach Pogańckich niesłychane, na osobach Katolickich bez wszelkiego względu płci y kondycyi, y małoletnych młodzieńcach y panienkach, tudzież ieszcze dzieciach przy piersiach będących, działy się morderstwa y okrucieństwa! Których tak w krótkim czasie ieszcze zupełnie nie uspokoionym pobożna ludzka docieć y osiągnąć nie może ciekawość. Że tak dalece zagrzane y buntowniczą swawolą rozpalone kupy, po całey Ukrainie Polskiey rozszerzyły się, że niewinnym Katolikom nie mniey y niektórym ninieyszym żałącym y oświadczaiącym się, dla wielkiego przesladowania, z przyczyny, iż in Ritu Graeco-Unito zostaią, inney od złośników do uchylenia się, y salwowania życia nie było drogi, procz tey, którą przez haydamaków y zbuntowane przez siebie chłopstwo Wielebny oyciec Melchisedek Jaworski, monasteru oyców Bazylianow Motrenińskiego Nieuniatskiego w lesie, dobr klucza Żabotyńskiego, Jaśnie oswieconego Xiążęcia, Jego Mości Lubomirskiego, Woiewody Braclawskiego, Dziedzicznych będącego, Ihumen pokazał y otworzył, abyśmy się do Biskupa Pereiasławskiego, zagranicznego, Nayprzewielebnieyszego Gerwazego Lincewskiego Nieunita udawali, wszelkie nasze duchowne rekursa odtąd czynili, y iego zasłony szukali, przed którym, gdy swego rodowitego y poprzysiężonego wyznania y z kościołem S. Katolickim ziednoczenia się odstąpiemy y wyprzysiężemy, pewnie w życiu y swym ubostwie mamy ocaleć. Dawno tey swoiey roboty, teraz na widok całemu światu pokazaney y nadchodzącym wiekom do pamiątki podaney, wyżey wyrzeczony Wieleb. oyciec Melchisedek Jaworski, Ihumen Motreniński, osnowę knował y układał, kiedy do roku tysiąc siedmset szescdziesiątego pierwszego, tak sam przez swoią

osobę, częścią przez subministrowanych przez siebie, monasteru swego zakonników y innych mężow, dobrze iuż od siebie zainformowanych y nauczonych, tak mniey rozumne y grube zdementował chłopstwo, pokazuiąc im y przekładaiąc sakramentalne spowiedzi, (przed kapłanami w jedności z Kościołem S. Katolickim powszechnym zostaiącemi czynione) nieważne; insze ich żadnego posiłku do zbawienia nie przynoszące, chrzty Katolickie y bierzmowania (do którego zamiast oleiu Catechumenorum, y myra swiętego, gęsiey y rybiey tłustości zażywaią) obłudne, poświęcenia kapłanów Katolickich, y od nich święcone rzeczy wszelakie, zawodne, y wszystkie w powszechności y szczegulności sakramenta y obrządki nie zbawienne; tak dalece, iż lepiey bez chrztu y spowiedzi umierać, niżeli te sakramenta od kapłana Katolickiego odbierać y przyimować. Że wiele ludzi z gromad klucza Żabotyńskiego, Smielańskiego, Moszeńskiego y Starostw Czehryńskiego y Czerkaskiego, tym przekładaniem zwiedzeni, do oyca Melchisedeka do monasteru Motrenińskiego chodzili, przed nim od wspołeczności z kościołem S. Katolickim wyprzysięgali się, y tę swoią chęć wyrażonym sposobem wymożoną, podpisem rąk swoich utwierdzali. Nad to ten że oyciec Melchisedek podpisane od siebie równego od kościoła Sw. Katolickiego odstąpienia karteczki, pomiędzy innych ludzi, u siebie w Motreninie nie byłych, porozrzucał, y do podobnego odstąpienia onych animował y zagrzewał; a tym iuż od siebie niektórych ludzi ułudzonych fortelem ubespieczony, cerkiew za błogosławieństwem właściwego pastérza Jaśnie Wielebnego Wołodkowicza, Metropolity Kijowskiego, we wsi Telepinie, klucza Smielańskiego założoną y dokończoną poświęcił. W Ositniażce, wsi klucza Żabotyńskiego, założył y poświęcił. Biskupa Pereiasławskiego Nieunita, Nayprzewielebnieyszego Gerwazego Lińcewskiego na stronę Państwa Polskiego Katolickiego zprowadził, gromady do dzwonienia na przybycie iego y do odebrania od tegoż błogosławieństwa przez wyż wyrażoną remonstracyą pobudził; które tak, iakowąś tayną od tegoż oyca Melchisedeka Jaworskiego utwierdzeni obietnicą, do niego przylgnęli y w skutku obiecanym ubespieczeni zostali; że na poparcie onego znaczne pieniężne kwoty cerkiewne y z gromad wybierane, do rąk tegoż Melchisedeka oddawali. Nakoniec do tey zuchwałości przyszli, że przewielebnych XX. Bazylego Lubinskiego, Apostolskiego missionarza Czehryńskiego, y Stefana Witwickiego, Smielanskiego dziekanów, do wsi Telepina, dla rozrządzenia duchownego w wyrazonych dekanatach. y zgromadzonego duchowieństwa w oręże y dragi przysposobieni, o mały kęs

nie ubili, w większą potym zuchwałość samowolnie rozpaleni y dyssymulacyą niektórych dworskich zwierzchności licencyowani, własnych swoich pastérzow do równego, przed wspomionym oycem Melchisedekiem Jaworskim, od wiary S. Katolickiey wyprzysiężenia się przymuszali; niechcących zaś z domow plebańskich wyganiali, bili y wypędzali, klucze od cerkwi do siebie odbierali, od innych zamki odbiiali y swoiemi zamykali, kapłanów z za granicy Nieunitow Rossyiskiey, a wyraźnie od wspomicnego Nayprzewielebnieyszego Biskupa Pereiasławskiego sobie danych y pozwolonych posprowadzali, y tymże na mieyscu wygnanych własnych pasterzow, mocy odprawowania sobie nabożeństwa (do którego Katolikow nie dopuszczali y z cerkiew wyganiali) udzielali y pozwalali; y czego skutecznie wyżrzeczony oyciec Melchisedek Jaworski, przez namówione od siebie gromady, (przy ochronie właściwey jurysdykcyi duchowney y niektórych Jaśnie Wielmożnych, dobr Ukraińskich Dziedzicow, y ich Gubernatorow dokazać nie mógł), teraz na niektórych wspoł braci naszych, strachem śmierci grożącym, iuż na wielu osobach ziszczono y pokazano (albowiem haydamacy wyraźnie to mówili y publicznie ogłaszali: «Iedźcie do Pereiasławia, wyprzysięgaycie się wiary Uniatskiey, a żyć będziecie y w chudobach swoich ocaleiecie.» Na którą podroż y świadectwa na pismie od siebie do tegoż rzeczonego oyca Melchisedeka dawali), wymogł y wycisnął. Widział Bóg, wszystkie przenikający skrytości, stateczne y nieporuszone nasze umysły, że iako w Polskich kraiach Katolickich zdawna od antecessorow naszych w wierze swiętey z Kościołem S. powszechnym ziednoczeni iesteśmy, zrodzeni, wypielęgnowani, edukowani, przychylnością sprawiedliwości spoieni, statecznością w posłuszeństwie Nayiaśnieyszemu Majestatowi y Rzeczypospolitey Polskiey, y swoim pastérzom obowiązani, tak nie żadną wolną myślą y własną wewnętrzną pobudką, (ale w sposób uniknienia oczewistey tyrańskiey śmierci y morderstwa,) niektórym żałącym się z nas y oświadczaiącym przytrafiło się bydź w Pereiasławiu, z kąd żaden, po przygaszonym nieco ogniu buntowniczym, w Polskie kraie nazad do domu swego powrócić nie był wolen, dopuki tegoż oyca Melchisedeka woli y ułożeniu zadosyć nie uczynił, y od wyż rzeczonego Nayprzewielebnieyszego Biskupa Pereiasławskiego permissyi, rządzenia się w parochii swoiey (albowiem grassuiący y krew Katolicką rozlewaiący haydamacy, wszelkiego nabożeństwa odprawowania pod surowym wyrokiem śmierci kapłanom zakazywali y zabraniali) y od W. Melchisedeka wolnym przechodzić w podróży,

do haydamaków, y chłopstwà poduszczonego, bespiecznym w domu swym posiezdeniu, świadectwa na piśmie nie wziął. Wymógł y to na niektórych współbraci naszych ninieyszych, żałących się y oświadczaiących, że w Pereiasławiu na skompilowanym manifeście, odstąpienie od artykułów wiary S. Katolickiey y władzy własnych pastérzow swoich, a przygarnienie się pod władzę y rządy Biskupa Pereiasławskiego, niby na dniu piętnastym Maja, roku tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, w Smiły, mieście Ukraińskim, nad Tyśminą rzeką leżącym, zpisanego y datowanego za komparentą Wielieb. X. Konstantego Mokrzyckiego, parocha Kamionobrodzkiego, teraz wraz z nami żałącego się, do podania do akt autentycznych wyrażonego podpisać się musieli. Żeby tedy ten przypadek sposobem przedrzeczonym citra periculum vitae wyciśniony y wymuszony na niektórych współbraci naszych, za podeyźrzany w summenniu trutynowany nie był y poczytany, y przeciwney iakowey nie podlegał explikacyi, nad tę, iż zawsze pod głową naywyższą kościoła Rzymskiego Katolickiego y rządami duchownemi swoich pasterzów, z tymże kościołem zpoionych y ziednoczonych od antecessorow naszych zostawaliśmy y onym zawsze posłuszni byli y pod tą zwierzchnością do ostatniego życia naszego terminu zostawać chcemy y pragniemy; iterato iako nayuroczyściey przed Bogiem, swiatem całym, swym y współkolegow y braci naszych wszystkich imieniem, użalamy się y oświadczamy. A dla tym większey wiary te ninieysze nasze użalenie y oświadczenie podpisem rąk naszysh własnych ztwierdzamy y do podania onego ad acta authentica regni Przewielebnego Jego Mości Xiędza Jana Rocha Kościuszka, dziekana Radomyslskiego, parocha Czopowieckiego, współbrata naszego e medio nostro obraliśmy, y temu moc wszelką do podania daliśmy y pozwolili: X Teodor Bielawski, dziekan Pawołocki, probozscz Żydowiecki, man. propr.; X. Szymon Buchowski, paroch Chodakowski, dekanatu Owruckiego m. pr.; X Zacharyasz Buckowski, pleban Swięto-Mikolajski Brahinski, dekanatu Brahińskiego, m pr.; X. Alexy Beregiela, wikaryusz Rososki, dek. Kalnickiego, m. pr.; X. Maxym Bożkiewicz, paroch Hłuboczewski, dek. Czudnowskiego, m. pr.; X. Theodor Jackowski, paroch Turczynowski, m. pr.; P. Josephus Skulski, dek. Berdyczowsk. causarum archidiaecesis Metropolit. Kijowiens. procurator parochus Leszczyniensis, praesentem manifestationem contra supra expressas personas et earum motores subscribo man. propr.; X. Andrzey Bielawski, dziekan Tetyowski, paroch Skwirski, ucieczką salwowany ręką Boską, ale wielkie szkody ponios-

SUMMARIUSZ

TYCH PRAW, DOKUMENTÓW, DEKRETÓW Y WSZELAKICH TRANZAKCYI, KTÓRE W TEY KSIEDZE POD ALFABETYCZTNEMI LITERAMI WZMIANKOWANE, TU ZAŚ PER EXTENSUM POŁOŻONE SA.

Łaskawy czytelnik raczy ostrzeżenie przyiąć, że ponieważ te prawa, dokumenta, dekreta y wszelakie tranzakcye później zbierane y wyszukane zostały, przeto nie idą ciągiem y porządkiem w dzisieyszym Summariuszu; należy więc nie zapatrywać się, tylko na litery alfabetyczne, w księdze tey wyrażone, a z tych mieysc odesłany do Summariusza wyczyta wszystko per extensum pod temiż literami (Писано собственноручно Ѳ. Бродовичемъ. Я. Ѳ. Г.).

LIT. A. *

Wypis z Xiąg Grodzkich Woiewodztwa Kijowskiego.

Roku tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, miesiąca Decembris, dwudziestego drugiego dnia.

Na Urzędzie Grodzkim, w miescie J. K. Mci Żytomirzu, przede mną, Józefem Polanowskim, Namiestnikiem pro tunc Grodzkim, Generału Woiewodztwa Kijowskiego y Xięgami ninieyszemi Grodzkimi Kijowskiemi, przyszedłszy osobiście przewielebny JMć X. Jan Roch Kościuszko, Dziekan Radomyślski, Paroch cerkwi Czopowieckiey, Ritus Graeco-Latino-Uniti, swym y niżey po imionach y przezwiskach przewielebnych, wielebnych w Bogu Ich Mosciów XX. Dziekanów, Parochów, Komendarzów, Wikaryuszów y całego duchowieństwa Archidyecezyi Metropolitalney Kijowskiey, przez Woiewództwa Kijowskie y Bracławskie exten-

---

* Этотъ актъ въ подлинникѣ въ печатномъ экземплярѣ въ листъ, 8 стр.

dowaney, skarząc y manifestuiąc się, oświadczenie y użalenie podpisami niżey wyrażonemi osob duchownych własnemi zatwierdzone, do akt ninieyszych podał takowe: My niżey na podpisach wyrażeni dziekani, parochowie, komendarze, wikaryuszowie, w archidiecezyi Metropolitańskiey Kijowskiey, w Królestwie Polskim przez Woiewodztwa Kijowskie y Bracławskie extendowaney, Ritus Graeci-Latino-Uniti, od zaiuszonego haydamactwa poduszczonego chłopstwa strachem okrutnego morderstwa y wypraktykowaney na wspól braci naszych tyrańskiey śmierci przerażeni, od domów i własności swoiey przepędzeni, w różne mieysca rozproszeni, po cudzych domach, iamach, lochach, ciemnych lasach, bagnach y błotach; niektórzy w kraju Rossyiskim, Tatarskim y Wołoskim do tych czas kryiący się, świeżo dopiero przez przygaszenie nieco pałaiącego haydamackiego pożaru, od woysk Nayiaśnieyszey Imperatorowey Jey Mości y Pana naszego miłościwego aczkolwiek ubespieczeni, do domów swoich przybyli; drudzy dla tegoż ognia ieszcze nieugaszonego na Wołyniu w cudzych kątach mieszczący się, et mendicato pane przebywaiący, teraz wraz zgromadzeni, succurrendo integritati vitae suae et saluti aeternae swym y wspól kolegów naszych dziekanów, parochów, komendarzów, wikaryuszów y całego duchowieństwa, dla odległości jednych, drugich dla słabości, innych podezelowanych, propter summam egestatem ad acta praesentia adire nie mogących imieniem, z wyraźney sumienia naszego obligacyi, primario przed naywyższym sędzią, Bogiem w Troycy Swiętey iedynym, skrytości serc ludzkich widzącym, deinde przed aktami ninieyszemi dla wiadomości publiczney całemu światu, iako naywroczyściey in diligentia sui oświadczamy się y użalamy, w sposób takowy y oto: iż straszliwa praktyka w kraiu Polskim, Ukraina nazwanym, dosyć stała się iawna, iak Stan Szlachecki, roku teraźnieyszego tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, od małorozumnego, poduszczonego y zbuntowanego, na bezbożną zuchwałość chłopstwa y haydamaków, niezliczenie, szkaradnie y tyrańsko, z wszelkich ruchomości y samego, każdemu naymilszego, został rozbity życia. Jak XX. Ritus Latini et Graeco-Uniti, wspól bracia nasi, przez okropną tyrannią, męczenskie podięli śmierci! Jak Wielebny Xiądz Tomasz Riskunowski, paroch Kościański, dekanatu Kaniowskiego, dla administrowania sakramentu Chrztu S. do miasta Kaniowa przybyły, pierwey niemiłościwie od zaiuszonego haydamactwa kiymi bity, potym za miasto wyprowadzony, od Semena Nieżywego, tak zwanego watażki haydamaków, zastrzelony został. Wielebny X. Atanazy, paroch

Jabłonowski, dekanatu Kaniowskiego, przed złością kupiącą się haydamacką pod mostem ukryty, a ztamtąd wywłeczony, bity, potym przy szpichlerzu Żydowskim iest zawieszony. Wieleb. X. Jan Połuszyn, paroch Walawski, dekanatu Smielańskiego, cerkwie Ofiarowania Nayświętszey Panny Maryi, przed tąż złością uciekaiący, w mieście Mosznach od chłopów złapany, związany y do haydamaków, pod ten czas w mieście Kaniowie znaydujących się, zaprowadzony, przed postrzały ostatniego w ręce Boskie polecił ducha. Wieleb. X. Teodor Gdyszycki, paroch Mhlejowskiey cerkwi pod tytułem Przemienienia Pańskiego, dekanatu Smielańskiego, w własnym plebanii swoiey domu pierwey postrzelony, potym za włosy szarpany, po ziemi włóczony, nakoniec spisami pchnięty. W. X. Nikołay, paroch Zawadowski, tegoż dekanatu głebokim lat sędziwych obciążony wiekiem, a przeto od pałaiącego tyrańskich furyi uchylić się mogący pożaru, we wsi Zawadowce od haydamaków, wraz z synem swoim, poimany, za szyie powrozem wzięty, o milę wielką obok konia do miasteczka Korsunia prowadzony, tam naypierwey w zamku do Maksyma Zeleźniaka, haydamaków herszta, obuchem po głowie bity raniony y zkrwawiony, potym z synem wraż związany y na rynek wyprowadzony, strzelany y kłóty, męczeńskie Bogu oddali dusze. W. X. Prokopiusz Szapowaleński, cerkwi Troycy Swiętey paroch Bohusławski, że chorobą od Boga nawiedzoną panią Mulińskę, obrządku Rzymskiego, szlachciankę na śmierć dysponował, y teyże wkrotce pobożnie zmarłey, przy cerkwi swoiey katolickie pochował ciało, natychmiast od przybyłych haydamaków okrutnie zabity y zamordowany, przy teyze cerkwi, do którey za życia statecznym był przywiązany sercem, od pobożnych parochian swoich śmiertelne położył prochy. W. X. Stefan Beregiela, paroch Rososki, dekanatu Kalnickiego, we wsi Rososzy od haydamaków okrutnie ubity y zamęczony. W. X. Paroch Międzyrzycki, dekanatu Korsuńskiego. kiymi ubity. W. X. Ignacy, paroch Pomynicki, dekanatu Żywotowskiego, zabity. W X. Sabba Bożkiewicz, paroch Hołodkowski, dekanatu Żywotowskiego, pośrzód miasta Żywotowa pierwey sztrzelany, potym spisami zkłóty. W. X. Tymoteusz, paroch Smielczyński, kiymi ubity. W. X. Jan Wołkowiński, paroch cerkwi pod tytułem S. Mikołaia, Umańskiey, nahaiami po wszystkich ciała częściach bity i zamordowany. WW. XX. Jan y Bazyli Nieczaiewscy, paroch y wikaryusz Pisarzewscy, dekanatu Umańskiego, pierwszy od chłopów, parochian swoich, drągami ubity, drugi od tych że chłopów szarpany, w ich ręku swego Bogu polecił ducha. W. X. Marcin Jezierski, paroch Dackowski, dekanatu

Korsuńskiego, po dwa kroć razy od haydamaków wieszany y urywany. W. X Mikołay, paroch Hruziański, dekanatu Smielańskiego y wykaryusz iego, w iamę głęboką zbożną na głowę od haydamaków wtrąceni, z tey do wieczności przeniesieni. W. X. Atanazy, paroch Murzyński, dekanatu Korsuńskiego, zkłóty. Iak Przewielebni Roman Skoczyński, surrogat Bracławski, Oczeretniański, Korneliusz Szpanowski, dziekan Zywotowski. Stefan Komarnicki, dziekan Umański, Skalski plebani, y innych wielu niemiłosiernie bici, mordowani, wrzącemi węglami pieczeni, z zdrowia y wszelkich sprzętów, y ruchomości ogołoceni. Iak kościoły y cerkwie, dla chwały samemu poświęcone Bogu, bezbożnie zprofanowane! Iak sam Bóg naywyzszy, w tychże domach dla uwielbienia siebie wystawionych, pod widocznemi osobami ukryty, otrowskiemi był podeptany nogami! Stwórça od stworzenia swego zelżony został! Iak też domy Boże, z swoiey ogołocone ozdobności y sprzętów na ostatnie szyderstwo użytych, bo w te ustroiwszy się haydamacy, tańcowali, potym szarpali, rozdzierali, y zgromadzonemu na widok rozdawali chłopstwu, drugiemi bezrozumne bydlęta od zaiuszoney w złości były nakrywane ręki! Iak .kościelne naczynia, do zwyczaynego z wielkim pogorszeniem były zażywane napoiu! Iak straszliwey bezkrwawey ofiary y innych sakramentów, y kościelnych ceremonii obrządki, przy dopiero rzeczonych ucztach y piiatykach bezbożnie szydzone y wyśmiewane! Iak matki, dzieci karmiące, drugie w ciężarze spodziewanego płodu zostaiące, rozcinane, strzelane y kopiiami przebiiane, wraz z tymże płodem swoim, ostateczney śmierci męczeńskiey okrutny ponieśli upadek! Iak po zaszłey śmierci matek, płod żywy w wnętrznościach macierzyńskich pokazuiący się, przez okrutne po żołądku matek kiymi y nahaiami bicie nie żywiony! Iak z wnętrzności macierzyńskich wyimowane dzieci, w gorę na spisach podniesione, na widok przytomnemu pokazywane chłopstwu! Iak niewinni Katolicy odio S. Fidei Romanae, do słupow przywiązywani, od postrzałow y kłocia spisami z ostatniego byli rozwiązani życia! Iak wierni Katolicy dla ochrony życia do przyięcia chrztu sakramentu, przez charakter na duszy wyrażony, na wieki niezmazany, a przez to powtórzenia mieć nie powinny, byli siłowani. Jak duchowni do dawania tego sakramentu z ceremoniami, od haydamakow okazowanemi, przez bicie nahaiami po glowach, od tychże byli przynagleni y przymuszeni. Iak osoby szlachetne płci słabey, jedne szkaradnie zgwałcone, drugie w społeczność grubemu pooddawane chłopstwu zostały! Iak poduszczone, w złości wrzącey zostaiące, chłopstwo, kryiących

się Katolikow w lochach, y iamach podziemnych, y gęstych lasach, z tych niemiłościwie wywlekali, ukrytych zaś po lasach obławą ścigali y szukali, a wynalezionych bez żadney litości y kompassyi iak owieczki niewinne, iednych na mieyscu zabiiali, drugich powiązanych, błahey nadgrody nadzieią (bo rubla iednego za iednę osobę katolicką od haydamaków sobie przyrzeczonego) zdięci: a w samey istocie niepohamowaną złością, od haydamaków sobie wlaną, poruszeni, przywozili y przyprowadzali. Iak zhukanego chłopstwa dzieci, patrząc się na okropną tyrannią, przez oycow swoich nad Katolikami y niewiernym Zydowstwem czynioną, podobnież dzieciom Katolickim czynili; uciekaiące w pola y lasy, z psami ścigali, wynaydowali y okrutnie zabiali! Iak ciała Katolickie, które haydamacy chowac zakazywali, umyślnie, aby psom y ptactwu na pastwę poszły, po rynkach, ulicach y po polach od bestyi rozwlekane były! Iakie nakoniec, w naygrubszych narodach Pogańckich niesłychane, na osobach Katolickich bez wszelkiego względu płci y kondycyi, y małoletnych młodzieńcach y panienkach, tudzież ieszcze dzieciach przy piersiach będących, działy się morderstwa y okrucieństwa! Których tak w krótkim czasie ieszcze zupełnie nie uspokoionym pobożna ludzka docieć y osiągnąć nie może ciekawość. Że tak dalece zagrzane y buntowniczą swawolą rozpalone kupy, po całey Ukrainie Polskiey rozszerzyły się, że niewinnym Katolikom nie mniey y niektórym ninieyszym żałącym y oświadczaiącym się, dla wielkiego przesladowania, z przyczyny, iż in Ritu Graeco-Unito zostaią, inney od złośników do uchylenia się, y salwowania życia nie było drogi, procz tey, którą przez haydamaków y zbuntowane przez siebie chłopstwo Wielebny oyciec Melchisedek Jaworski, monasteru oyców Bazylianow Motrenińskiego Nieuniatskiego w lesie, dobr klucza Żabotyńskiego, Jaśnie oswieconego Xiążęcia, Jego Mości Lubomirskiego, Woiewody Braclawskiego, Dziedzicznych będącego, Ihumen pokazał y otworzył, abyśmy się do Biskupa Pereiaslawskiego, zagranicznego, Nayprzewielebnieyszego Gerwazego Lincewskiego Nieunita udawali, wszelkie nasze duchowne rekursa odtąd czynili, y iego zasłony szukali, przed którym, gdy swego rodowitego y poprzysiężonego wyznania y z kościołem S. Katolickim ziednoczenia się odstąpiemy y wyprzysiężemy, pewnie w życiu y swym ubostwie mamy ocaleć. Dawno tey swoiey roboty, teraz na widok całemu świątu pokazaney y nadchodzącym wiekom do pamiątki podaney, wyżey wyrzeczony Wieleb. oyciec Melchisedek Jaworski, Ihumen Motreniński, osnowę knował y układał, kiedy do roku tysiąc siedmset szescdziesiątego pierwszego, tak sam przez swoią

osobę, częścią przez subministrowanych przez siebie, monasteru swego zakonników y innych mężow, dobrze iuż od siebie zainformowanych y nauczonych, tak mniey rozumne y grube zdementował chłopstwo, pokazuiąc im y przekładaiąc sakramentalne spowiedzi, (przed kapłanami w jedności z Kościołem S. Katolickim powszechnym zostaiącemi czynione) nieważne; msze ich żadnego posiłku do zbawienia nie przynoszące, chrzty Katolickie y bierzmowania (do którego zamiast oleiu Catechumenorum, y myra swiętego, gęsiey y rybiey tłustości zażywaią) obłudne, poświęcenia kapłanów Katolickich, y od nich święcone rzeczy wszelakie, zawodne, y wszystkie w powszechności y szczegulności sakramenta y obrządki nie zbawienne; tak dalece, iż lepiey bez chrztu y spowiedzi umierać, niżeli te sakramenta od kapłana Katolickiego odbierać y przyimować. Że wiele ludzi z gromad klucza Żabotyńskiego, Smielańskiego, Moszeńskiego y Starostw Czehryńskiego y Czerkaskiego, tym przekładaniem zwiedzeni, do oyca Melchisedeka do monasteru Motronińskiego chodzili, przed nim od współeczności z kościołem S. Katolickim wyprzysięgali się, y tę swoią chęć wyrażonym sposobem wymożoną, podpisem rąk swoich utwierdzali. Nad to ten że oyciec Melchisedek podpisane od siebie równego od kościoła Sw. Katolickiego odstąpienia karteczki, pomiędzy innych ludzi, u siebie w Motroninie nie byłych, porozrzucał, y do podobnego odstąpienia onych animował y zagrzewał; a tym iuż od siebie niektórych ludzi ułudzonych fortelem ubespieczony, cerkiew za błogosławieństwem właściwego pastérza Jaśnie Wielebnego Wołodkowicza, Metropolity Kijowskiego, we wsi Telepinie, klucza Smielańskiego założoną y dokończoną poświęcił. W Ositniażce, wsi klucza Żabotyńskiego, założył y poświęcił. Biskupa Pereiasławskiego Nieunita, Nayprzewielebnieyszego Gerwazego Lińcewskiego na stronę Państwa Polskiego Katolickiego zprowadził, gromady do dzwonienia na przybycie iego y do odebrania od tegoż błogosławieństwa przez wyż wyrażoną remonstracyą pobudził; które tak, iakowąś tayną od tegoż oyca Melchisedeka Jaworskiego utwierdzeni obietnicą, do niego przylgnęli y w skutku obiecanym ubespieczeni zostali; że na poparcie onego znaczne pieniężne kwoty cerkiewne y z gromad wybierane, do rąk tegoż Melchisedeka oddawali. Nakoniec do tey zuchwałości przyszli, że przewielebnych XX. Bazylego Lubinskiego. Apostolskiego missionarza Czehryńskiego, y Stefana Witwickiego, Smielanskiego dziekanów, do wsi Telepina, dla rozrządzenia duchownego w wyrazonych dekanatach, y zgromadzonego duchowieństwa w orężu y drągi przysposobieni, o mały kęs

nie ubili, w większą potym zuchwałość samowolnie rozpaleni y dyssymulacyą niektórych dworskich zwierzchności licencyowani, własnych swoich pastérzow do równego, przed wspomionym oycem Melchisedekiem Jaworskim, od wiary S. Katolickiey wyprzysiężenia się przymuszali; niechcących zaś z domow plebańskich wyganiali, bili y wypędzali, klucze od cerkwi do siebie odbierali, od innych zamki odbiiali y swoiemi zamykali, kapłanów z za granicy Nieunitow Rossyiskiey, a wyraźnie od wspomionego Nayprzewielebnieyszego Biskupa Pereiasławskiego sobie danych y pozwolonych posprowadzali, y tymże na mieyscu wygnanych własnych pasterzow, mocy odprawowania sobie nabożeństwa (do którego Katolikow nie dopuszczali y z cerkiew wyganiali) udzielali y pozwalali; y czego skutecznie wyżrzeczony oyciec Melchisedek Jaworski, przez namówione od siebie gromady, (przy ochronie właściwey jurysdykcyi duchowney y niektórych Jaśnie Wielmożnych, dobr Ukraińskich Dziedzicow, y ich Gubernatorow dokazać nie mógł), teraz na niektórych wspoł braci naszych, strachem śmierci grożącym, iuż na wielu osobach ziszczono y pokazano (albowiem haydamacy wyraźnie to mówili y publicznie ogłaszali: «Iedźcie do Pereiasławia, wyprzysięgaycie się wiary Uniatskiey, a żyć będziecie y w chudobach swoich ocaleiecie.» Na którą podroż y świadectwa na pismie od siebie do tegoż rzeczonego oyca Melchisedeka dawali), wymogł y wycisnął. Widział Bóg, wszystkie przenikaiący skrytości, stateczne y nieporuszone nasze umysły, że iako w Polskich kraiach Katolickich zdawna od antecessorow naszych w wierze swiętey z Kościołem S. powszechnym ziednoczeni iesteśmy, zrodzeni, wypielęgnowani, edukowani, przychylnością sprawiedliwości spoieni, statecznością w posłuszeństwie Nayiaśnieyszemu Majestatowi y Rzeczypospolitey Polskiey, y swoim pastérzom obowiązani, tak nie żadną wolną myslą y własną wewnętrzną pobudką, (ale w sposób uniknienia oczewistey tyrańskiey śmierci y morderstwa,) niektórym żalącym się z nas y oświadczaiącym przytrafiło się bydź w Pereiasławiu, z kąd żaden, po przygaszonym nieco ogniu buntowniczym, w Polskie kraie nazad do domu swego powrócić nie był wolen, dopuki tegoż oyca Melchisedeka woli y ułożeniu zadosyć nie uczynił, y od wyż rzeczonego Nayprzewielebnieyszego Biskupa Pereiasławskiego permissyi, rządzenia się w parochii swoiey (albowiem grassuiący y krew Katolicką rozlewaiący haydamacy, wszelkiego nabożeństwa odprawowania pod surowym wyrokiem śmierci kapłanom zakazywali y zabraniali) y od W. Melchisedeka wolnym przechodzić w podróży,

do haydamaków, y chłopstwà poduszczonego, bespiecznym w domu swym posiezdeniu, świadectwa na piśmie nie wziął. Wymógł y to na niektórych współbraci naszych ninieyszych, żalących się y oświadczaiących, że w Pereiasławiu na skompilowanym manifeście, odstąpienie od artykułów wiary S. Katolickiey y władzy własnych pasterzow swoich, a przygarnienie się pod władzę y rządy Biskupa Pereiasławskiego, niby na dniu piętnastym Maja, roku tysiąc siedmset sześćdziesiątego osmego, w Smiły, mieście Ukraińskim, nad Tyśminą rzeką leżącym, zpisanego y datowanego za komparentą Wielieb. X. Konstantego Mokrzyckiego, parocha Kamionobrodzkiego, teraz wraz z nami żalącego się, do podania do akt autentycznych wyrażonego podpisać się musieli. Żeby tedy ten przypadek sposobem przedrzeczonym citra periculum vitae wyciśniony y wymuszony na niektórych współbraci naszych, za podeyźrzany w summieniu trutynowany nie był y poczytany, y przeciwney iakowey nie podlegał explikacyi, nad tę, iż zawsze pod głową naywyższą kościoła Rzymskiego Katolickiego y rządami duchownemi swoich pasterzów, z tymże kościołem zpoionych y ziednoczonych od antecessorow naszych zostawaliśmy y onym zawsze posłuszni byli y pod tą zwierzchnością do ostatniego życia naszego terminu zostawać chcemy y pragniemy; iterato iako nayuroczyściey przed Bogiem, swiatem całym, swym y współkolegow y braci naszych wszystkich imieniem, użalamy się y oświadczamy. A dla tym większey wiary te ninieysze nasze użalenie y oświadczenie podpisem rąk naszysh własnych ztwierdzamy y do podania onego ad acta authentica regni Przewielebnego Jego Mości Xiędza Jana Rocha Kościuszka, dziekana Radomyslskiego, parocha Czopowieckiego, współbrata naszego e medio nostro obraliśmy, y temu moc wszelką do podania daliśmy y pozwolili: X Teodor Bielawski, dziekan Pawołocki, probozscz Żydowiecki, man. propr.; X. Szymon Buchowski, paroch Chodakowski, dekanatu Owruckiego m. pr.; X Zacharyasz Łuckowski, pleban Swięto-Mikolajski Brahinski, dekanatu Brahińskiego, m pr.; X. Alexy Beregiela, wikaryusz Rososki, dek. Kalnickiego, m. pr.; X. Maxym Bożkiewicz, paroch Hłuboczewski, dek. Czudnowskiego, m. pr.; X. Theodor Jackowski, paroch Turczynowski, m. pr.; P. Josephus Skulski, dek. Berdyczowsk. causarum archidiaecesis Metropolit. Kijowiens. procurator parochus Leszczyniensis, praesentem manifestationem contra supra expressas personas et earum motores subscribo man. propr.; X. Andrzey Bielawski, dziekan Tetyowski, paroch Skwirski, ucieczką salwowany ręką Boską, ale wielkie szkody ponios-

słem, podpisuię się, m. pr.; Michaël Stopczański, protonotarius apostolicus, Curatus Piatyhorensis praesentem manifestationem in et contra personas suprascriptas formidine mortis pulsus, ex loco propriae residentiae subscribo m. pr.; X. Bazyli Zabłocki, dziekan Winnicki, paroch Ianowski, m. pr.; X. Artemiusz Strutyński dziekan Czudnowski, paroch Romanowski, m. pr.; X. Stefan Komarnicki, dziekan Umański, paroch Skalski, dekanatu Żywotowskiego, choć wielkie krzywdy od Haydamaków poniosłem, iednak z łaski Boskiey w życiu ocalony iestem.; X. Jakob Baworowski, dziekan Baszkowski, paroch Borowski, dekanatu Komargrodzkiego, m. pr.; R. Antonius Ustowski, decanus Niemieroviens. curatus, Niemieroviens. Sztylovsc. ad aedes S Michaëlis Archangeli, m. pr.; X. Jan Hanicki, paroch Hostomelski, dziekan Dymirski, m. pr.; X. Bazyli Kremezowicz, paroch Telczyniecki, dziekan Żywotowski, m. pr.; Basilius Lubiński, Sacrae Congregationis de propaganda fide alumnus AA. LL. et Philosophiae doctoratu Sac. Theologiae licentiatura, in alma Academia Vilnensi decoratus, decanus Czehrynensis, parochus Korsunensis, ecclesiae S. Eliae per Ukrainam in palatinatu Kijowiensi, cum facultatibus missionarius Apostolicus, exorta in Ukraina per latrones, vulgo Haydamakov, nobilium catholicorum et utriusque ritus presbyterorum clade et crudelissima nece, amore conservandae miserrimae vitae, contuli me, nudus relicta omni mea paupertate, Kijoviam propinquam et pene primam extra limites nostros Polonos sitam civitatem, ibique commoratus spatio quinque septimanarum, nullo ad jurisdictionem heterodoxam facto passu, aperta, tandem commoditate remissaque paululum persecutione, contuli me iterum retro in Ukrainam, fortalitium Białocerkieviense, indepostrenio ad congregatos in Christo adveni fratres, ipsisque salvis et penes vitam Divina misericordia et providentia conservatis osculum praebui pacis, manu propr.; Stephanus Witwicki, decanus Smilanscensis, parochus Wiążoviensis, ecclesiae protectionis B. V. M. existentis, jam et dispersae per vulgum famae crudelis necis per Haydamacos, prope in oppido Żabotyn super personam generosi Sępkowski Gubernatoris aliorumque Catholicorum, nec non oetodecem Haebreorum attentatae perculsus rumore, mox omnibus rebus meis derelictis, in Polissiam me contuli,

ac per Dei gratiam vitam hucusque conservavi, hodie ad fratres in Christo congregatos adveni; Ioannes Stopczański, decanus Pohrebiscensis, parochus Sokulscensis, dec. Pawołocensis, m. pr.; X. Bazyli Andrzeiowski, dziekan Bohusławski, paroch Jackowski, dekanatu Kaniowskiego; Ioannes Bielawski, alumnus collegii Pontificii Leopoliensis, rector ecclesiae Kanioviensis tituli S. Basilii Magni, Capitaneatus et Decanat. Kanioviens., redux feliciter Perejaslavia, Kijovia aliisque locis, ubi salvando vitam, latitaveram, attamen ad jurisdictionem exoticam nullum recursum feceram, m. pr.; X. Stefan Koszarowski, paroch Borodiański, dziekan Brahiński, m. pr.; X. Stefan Starożynski, dziekan Braiłowski, paroch Siomakowski Województwa Bracławsk.; Ioannes Rutowski, decanus Krasnens., parochus Jabłonoviens., d. Białocerkiewsk., m. pr.; X. Jan Wizerski, dziekan Kaniowski, paroch Rokitiański, dekan. Bohusławskiego; Alexander Wackiewicz, notarius apostolicus, decanus Zytomiriens., curatus ecclesiae Iwnicensis., m. pr.; X. Szymon Kołtunowski, dziekan Białocerkiewski y paroch Wniebowzięcia Naysw. Panny Maryi, m. pr.; X. Michał Guranda, dziekan Fastowski, paroch Samhrodecki, dekan. Pawołockiego, m. pr., X. Irodion Kondratowicz, dziekan Baraszowski paroch Wielednicki, dekan. Owruckiego: X. Jan Modliszewski, dziekan Owrucki, paroch cerkwi titu. Epiphaniarum Wielednicki.; Ioannes Lubiński, sanctissimi Domini nostri seq. congregationis de propaganda fide alumnus, S. Theol licentiatus, curatus ecclesiae Jaropoviecen., in Decanatu Pavołocensi sitae, sub tempus infelicissimae ac inpracticatae non in substantiam, sed in vitam Catholicorum per latrones Ukrainenses, vulgo Haydamaki dictos, publicam incursionem et actualiter sanguinis Christiani ubique locorum in oris Ukrainensibus effusionem, relatum mihi habens, eosdem latrones, in oppidum Chodorkow minus quam medio milliari a residentia mea Jaropoviecensi dissitum, die decima Augusti, anno praesenti millesimo septingentesimo sexagesimo octavo, irruisse, contuli me in obscura arbustorum, ubi delitescens, accepi funestissimum nuntium de crudelissima morte religiosorum in Christo patrum Raymundi Woroniecki et Gedeonis Kozicki utriusque ordinis Praedicatorum, tum gener. Haczyński circa ecclesiam Pp. Dominicanorum Chodorkoviens. devoti, ab iisdem Haydamacis in areta

civitatensi trucidatorum. Quorum corpora in publica platea prostrata, aëri exposita, ego prosiliens de arbustis, eadem die ad ecclesiam transportare curavi. Sequenti vero die cum quatuor presbiteris ritus mei, ex abditis locis evocatis, convenienti tempore in ecclesia Pp. Dominicanorum Chodorkovien. ornavi sepultura, idem, qui supra, m. pr.; X. Jozef Męczyc, paroch Jabłonowski w kluczu Żabotyńskim, w dekanacie Czehryńskim, a teraznieyszy komendarz Wujenski w dekan. Berdyczow., m. pr.; X. Bazyli Bahurski, paroch Tatarynowski, dekan. Żytomirskiego; X. Andrzey Sineucki, do cerkwi pod tytuł. Protekcyi Matki Boskiey zostaiącey, ordynowany, prezbiter dekan. Smilańskiego, dla okrucienstwa w te kraie zbiegly Haydamackiego, m. pr.; Wasyły Koszcicz, paroch Horocki, dek. Radomyślskoho, m pr.; Andrzey Kulicki, paroch Humieniecki, dek. Radomyslskiego; X. Demetryusz Paszkowski, paroch Deręgowski, dek. Smilansk., m. pr.; X. Bazyli Swięcicki, komendarz Telepiński, dek. Smiłansk., m. pr.; X. Daniel Suchostawski, paroch Wodotyski, dek. Fastowskiego; X. Andrzey Bielawski, komendarz Jurowski, dziekanii Fastowskiey; X Jan Kościcz, paroch Kamionobrodzki, dek. Radomyślskiego, m. pr.; X. Józef Rudenko, komendarz Antonowski, dek. Bohusławskiego; X. Jan Leontowicz, paroch Swięto-Troiecki Czudnow., dek. Czudnowski., m. pr.; X. Roman Wigura, paroch Wiązowiecki, dek. Smilańskiego, m. pr.; Parochus Czarnobiliensis, ecclesiae tit. S. Nicolai Alexander Rubanowicz; X. Dyonizy Sokołowicz, paroch cerkwi S. Troycy Berdyczowskiey; X. Tomasz Czaykowski, P Puzyrecki, dek. Żytomirskiego; X. Antoni Lewicki, komendarz Szwaykowiecki, dek. Żytomirskiego, m. pr.; X. Jakob Skulski, paroch Powiotowski, dek. Białocerkiewskiego; X. Michał Chomański, paroch Ułanowski, dek. Lubarskiego; X. Piotr Tereszkiewicz, paroch Didkowski, dek. Czudnowskiego; X. Teodor Kaikowski, paroch Wincentowski, dek. Bohusławskiego; X. Trofim Przywarski, paroch Stepkowski, dek. Żytomirskiego; X. Jozef Szuszycki, bywszy komendarz cerkwi Zaśnienia Nayśw: Maryi Panny Derenkowskiey, lecz dla uchronienia życia y zdrowia z dekanatu Smielanskiego zbiegły ad praesens wikaryusz Jaropowiecki, m. pr.; X. Jan Torsewicz, paroch Wczorayszeński, dek. Pawołockiego, przed nabiegłemi do wsi Haydamakami, rekwiruiącemi osoby moiey, w sienie na futorze, z życiem wychowany, m. pr.; X. Bazyli Lwowicz, paroch mieyski Rużyński, cerkwi S. Mikołaja, dek. Pawołockiego, przez tułanie się z życiem y zdro-

wiem po Wołynskim kraju, od rąk Haydamackich ochroniony: X. Antoni Bugarzewski. paroch Bałamutowski Rużyński, w chrustach y cheptach przy życiu zachowany, dek. Pawołockiego; X. Petr Kryżanowski, paroch Pohrebiski, cerkwy Swiataho Archystratyha Mychaiła, dek. Pohrebyskaho, ręnką włas.; X. Stefan Jackiewicz, Wikary Skalski, Protoprezwyteryi Żywotowskoy, r. w.; Korneli Szpanowski, dziekan Kalnicki, od zaiuszonego Haydamactwa, na Żywotow miasto nabiegłego, w rezydencyi moiey w ręce wzięty, okrutnie katowany y za nie żywego od parochianina mego za miasto wyniesiony, zpośrzód Haydamaków, m. pr.; X. Stefan Pilawski, paroch Jakimowski Żywotowski, dek. Żywotowskiego, m. pr.; X. Jan Zaleski, paroch Zarudziański, dek. Żywotowskiego, m. pr.; X. Antoni Lwowicz, paroch Nowomieyski Żywotowski; X. Jan Jasyrski, paroch Osiczański, dek. Żywotowskiego, m. pr ; X. Michał Szumski, paroch Łukaszowski, dek. Żywotowskiego, od nielitościwych Haydamaków tyrańsko mordowany, bity, pieczony y szczególną łaską Boską od śmierci wrocony, a nareszcie poduszczany, abym iechał do Pereiasławia, iednak że śmiertelną słabością od oney wymówiony podróży, m. pr.; X Eliasz Czerkawski, paroch Sokołowski, dek. Żywotowskiego, m. pr.; X. Teodor Fedorowicz Dzięgielowski, dek. Żywotowskiego, m. pr.; X Jan Niesiewicz, paroch Dobrzański, dekan. Żywotowskiego, lubo w ręku Haydamackich będący y pogrożkami odięcia życia do Pereiasławia naganiany, przez tych że Haydamaków y od tych że rekomendacyą na podróż Pereiasławską opatrzony, iednak że, przy łasce Pana Boga, kryiąc się po różnych mieyscach y przy życiu y przy posłuszeństwie własnym pasterzom, z Kosciołem S. Katolickim ziednoczonym, zostałem zachowany, m. pr ; X. Jan Chryzostom Strocki, pleban y dziekan Granowski, m. pr.; X. Eustafi Tarnawski, paroch cerkwi Zaśnienia Nayśw. Panny Maryi Humańskiey, od Żelezniaka Haydamaki groźbą przymuszony, nie iezdziłem do Pereiasławia, po wyiezdzie Haydamaków z Umania, m. pr.; X. Grzegorz Wołkowiński, paroch wsi Pałanki, dek. Umańskiego, m. pr.; Ijerey Petro Czerlenycki paroch Koczerzynecki, m. pr.; dek. Umańskaho.; X. Jan Drymkowicz, wikaryusz cerkwi Koczerzyńskiey, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Mychaił Radułecki, paroch Polanecki, dek. Umańskoho r. w.; X A. Strzyżewski, paroch Dmitrowski, dek. Umańskiego, trzy razy na zaboystwo od Haydamakow szukany, przecież za łaską Bożą ochroniony, m. pr.; X. Bazyli Lewicki, paroch Koczabijowski, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Bazyli Torkoniacki, paroch Wirzbowalski, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Michał Suianowski, komendarz Geredzenowski, dek.

Umańskiego; X. Jan Latycki, wikaryusz Wachniańskiey cerkwi, dek. Żywotowskiego, m. pr.; X. Bazyli Gradowski, paroch Horodecki, dek. Umańskiego, m. pr ; X Grzegorz Karwatowski, paroch Suszkowski, dek. Umańskiego, m. pr.: X Atanazy Moczulski, paroch Jurkowiecki, dek. Umańskiego, m. pr ; X. Andrzey Grabowiecki, wikaryusz Tarnowski, dek. Umańskiego, m pr.: X. Konstanty Hoholewicz, paroch Podobianski, dek Żywotowsk., m. pr.; X. I. Markiewicz, paroch Hołowiański, dek. Umańskiego, m. pr , X. Marek Hładyszewski , paroch Ozdobieński, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Teodor Manastyrski, paroch Krasnopolski, dek. Umańskiego, m. pr.: X Jakob Brzezowski paroch Horodnicki, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Teodor Siedlecki, paroch Dawidowski, dek. Umańskiego, m. propr.: Ijerey Wasyły Szadurski, paroch Sawustianowskiey, dek. Granowskiego, ręk. włas.; X. Jakob Strachowiecki, wikaryusz cerkwi Sawustianowskiey, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Jakob Sołłohubowicz, paroch Kistiański, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Teodor Owsianicki, paroch Hunczański, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Michał Pi lechowski, paroch Granowski, S. Mikołaja cerkwi, dek. Granowskiego; Ijerey Danyił Sturgowicz, paroch Ohyjowski, dek. Granowskiego, r w ; X. Grzegorz Bielawski, paroch Lewuski, dek Granowskiego, m. pr.; X. Karp Kirijenko, paroch Manastyrski, cerkwi pod tytulem S. Mikołaja zostaiącey, dek Granowskiego, m. pr ; X. Grzegorz Rodzaiowski, paroch cerkwi Przemienienia Pańskiego Manastyrzyskiey, dek. Granowskiego, X. Teodor Kisielewicz, paroch Tyszkowiecki, dek. Granowskiego, m. pr ; X. Jan Sokowski, paroch Chałaidowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Teodor Sawicki, paroch Semiżycki, dek. Granowskiego, m. pr ; X. Damian Szemberski, paroch Kuszczyniecki, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Alexy Dydyński, paroch Adamowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Michał Wesołowski, paroch Tarnawski, dek. Granowskiego; m. pr.; X. Jan Lewicki, wikary Granowski, dek. Granowskiego, X. Ian Biliński, paroch Cybulowski, dek. Granowskiego; Ijerey Mychaił Lubiński, paroch Abrahamowski, dek. Granowskoho, r. w.; X. Ian Krzyżanowski, paroch Płomiński, dek. Granowskiego; m. pr.; Ijerey Jewstafy Lewicki, wikary Podwysocki, dek. Granowskoho; X Piotr Chądzinski, paroch Leskowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Roman Zauszkiewicz, paroch Korytiański, dek. Granowskiego, m. pr.; Ijerey Feodor Choynicki, prezwyter Cheyłowski, dek. Granowskoho; X. Atanazy Bożkowski, p. Pańskomoyski, dek. Granowskiego; X Kondrat Majewski, paroch Botwinowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Alexy Tyszewicz, paroch Bos-

sowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Grzegorz Akałowski. paroch Ochrimowski, dek. Granowskiego; X. Grzegorz Gedzowicz, paroch Baczkurzyński, dek. Granowskiego; X Ian Lipczyński. paroch Popudniański, dek. Granowskiego; X. Nazary Iwanicki, paroch Naraiowski, dek. Granowskiego; X Piotr Cwinkowski, paroch Terlicki, dek. Granowskiego; X. Michał Romanowski, paroch Dąbrowski, dek. Granowskiego, m. pr.; Ijerey Dymytry Krzyżanowski, paroch Latyczywski, dek. Granowskoho; X. Cyrylli Andrzeiowski. komendarz Słobodyski. dek. Granowskiego, m. pr ; X. Ian Juzyczyński, paroch Grodecki, dek. Granowskiego; m. pr.; X. Bazyli Murdzenko, paroch Kitaygrodzki, dek. Granowskiego; X Andrzey Tarnopolski, paroch Michałowski, dek. Granowskiego; X. Jakob Tarnopolski wikary Michałowski. dekan. Granowskiego; Ijerey Roman Dzewezewycz paroch Mytkowski, dek. Granowskiego; X. Antoni Dydyński, paroch Mikołajowski, dek. Granowskiego; X Ian Słodecki. paroch Rachnowiecki, dek. Granowskiego, manu pr.; X. Semion Maryanowicz-Kuzinicz, paroch cerkwi Narodzenia Nayśw. Panny Maryi Czeczelowskiey. dek. Granowskiego, m. pr.; Ijerey Naum Sadecki wikary Kyblicky. dek. Granowskoho; X Grzegorz Szafrański, paroch Korabylewski. dek. Granowskiego, m. pr.; X. Teodor Zieliński, paroch Stepanowski, dek. Granowskiego, m pr.; X Ian Osiecki, paroch Markowski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Jakob Bychowski, paroch Cwilikowski, dek. Granowskiego, m. pr.; Ijerey Stefan Prokopowicz, paroch Kiwaczowski, dek. Granowskoho, m. pr.; X. Roman Czahryiewicz, paroch Skarzenowski, dek. Granowskiego; X. Ignacy Czahryiewicz, kommendarz Skarzymowski, dek. Granowskiego; Ijerey Ioan Wołowski. paroch Krasnopolski, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Gerasim Jaroszewski, koadjutor Krasnopolski, dek. Granowskiego, X. Teodor Korostełewicz, paroch Rachnowski, dek. Granowskiego; m. pr.; Ijerey Ioan Sierociński, paroch Iwanhorodski. dek. Granowskiego; X. Paweł Kasinicz, wikar. cerkwi S. Mikołaia Granowskiey, dek. Granowskiego, m. pr.; X. Bazyli Podolski, paroch Meleszk., dek. Umanskiego, m. pr.; X. Stefan Prusiński, paroch Ziatkowiecki, dek. Umańskiego, m. pr.; X. Iakob Zanczewski, wikary Abraham., dek. Granowskiego, m. pr.; X. Bazyli Dumański, p. Teplicki. d. Umańsk., m. pr.; X. Ian Obłapski, p. Zawadowski, d. Umańsk.; X. Ian Sawicki, p. Arapowski. d. Pawołoczańskiego, m. pr.; X. Grzegorz Lenowicz, p. Babczynski, d. Brahińsk., m. pr.; Paweł Balicki, Lewkowiecki kom.; X. Stefan Buynicki, p. Hałaiecki, d. Tetyjowsk., m. pr.; X Andrzey Drozdowski, p. Parcho-

mowski, d. Tetyjowsk., m. pr.; Kyrył Petruszewski, p. Torczycki, d. Tetyjowsk.; X. Markowski, p. Pilkowski, d. Lubarskiego, m. pr.; X. Symeon Bunewicz, Ianowski, paroch.; X. Iakob Iemczyński, p. Potyski; X. Ian Biernacki, p. Hubarowski, d. Brahińsk., m. pr.; X. Ian Tychoniewicz, p. Studnicki, d. Tetyjowsk., m. pr.; X. Mikołay Butrycki, p. Horoszkowski, d. Radomyslsk.; X. Iakow Krasnoszczocki. wikariusz Rużynsky, r. w.; X. Alexander Lewicki. p. Olszanycki, Swiato-Preobrażeński, d. Bohusławsk.; X. Teodor Iurewicz, p. Piatyhorski, Swiato-Uspeń., dek. Tetyjowsk.; X. Antoni Fedorowicz Słobodzki, p. Samarski, cerkwi Swięto-Pokrowskiey, d. Bohusł.; X. Bazyli Duchowski, wikar. Lobaczewski, d. Tetyjowsk., swym y W. X. Bazylego Seredowicza, p. Lobaczewskiego, imieniem podpisuię się; X. Cyrylli Stepanowski, p. Zraiecki, d. Tetyjowsk.; Oteć Matftey Rożkowski, koadj. Tohanysky; X. Bazyli Sirociński. p. Pohrebiski, Swięto-Uspieńskiei, d. Pohrebiskiego; X Ian Haczewski, p. Uniński, z dek. Dymirskiego; X. Grzegorz Ziniewicz, p. Borczański, w kluczu Żabotyńsk., d. Smilańsk., ztamtąd strachem śmierci przegnany, ninieyszy kom. Pisecki, dek. Żytomirsk.; X. Ian Rudykiewicz, p. Pustowarowski, d. Tetyjowsk.; X. Piotr Wagolowicz, p. Młynyski, d. Żytomirsk; X. Bazyli Bohdanowicz, kom. cerkwi Berdyczowskiey, pod tyt. S. Michala zostaiącey, pod niespokoyność tegoletnią spaloney, m. pr.; X Bazyli Iasnowodzki. kom. cerkwi Kodackiey, d. Białocerkiewskiego, m. pr.; X. Bazyli Siniewucki, p. Weresowski, d. Żytomirsk.; X. Mikołay Tucazpski, p. wsi Besidki, d. Bohusławsk., m. pr.; Oteć Wasyły Szaraiewski, p Rozumnicki, d. Bohusławsk.; X Szymon Tomikowski, p. Dzwinkowski. d. Tetyjowsk., m. pr.; X. Gabriel Malski, p. Iwanowski d. Iampolsk., m. pr.; X. Ian Niemołowski, p Iwanowicki, d. Radomyślsk.; X. Jerzy Fereni kom Hałczyniecki; Oteć Kyrył Ihnatowicz. wikar. Popewski, d. Smilańsk.; Ijerey Mykołay Bobowski kom. Chmilański, protoprezwyteryi Moszeńskoy, ręk. wł., od Haydamak okrutnie byty y do Pereiasławia honeny, zrabowany; X. Paweł Piotrowski, p. Skibinogrobski. d. Bohusławsk.; X Ian Basarski, p. Teterowski. d. Bohusławsk.; X. Daniel Iarmoliński. p. Teleszowski, d. Bohusławsk.; X. Alexander Kohutowski, p. Iarowacki, d. Smilansk., teraznieyszy, kom. Olszaniecki; X. Bazyli Żołudź, p. Burkutowski, d. Bohusławsk.; X. Roman Tyszowski, p. Poprużański, d. Bohusławskiego; X. Stefan Bazałowski, p. Kniażki. d. Fastowsk.; X. Teodor Iaroszewicz, p. Iezierzanski, dek. Białocerkiewskiego; X. Bazyli Bereznicki, p. Ianiskowski, dek. Białocerkowskiego;

X. Lukarz Sławinski, p. Żurawliski, d. Bohusławskiego; X. Bazyli Bereźnicki, p. Rubczeński, d. Tetyjowsk.; Nicephorus Piotrowski, ecclesiae Kanioviens. tit. Transfig. Christi Domini, par. rector, decan. Kanioviens., m. pr.; Basilius de Didkowicze Marczenko Didkowski in villa Generosorum Didkowskich, fratrum meorum, in Palat. Kijoviens., district. Ovruc. sita, haereditariae suae sortis haeres et possessor non ita pridem, paroch. Worobiens. ac post liberam resignat. dicti beneficii modernus comend. eccl. Lipovicens. decanat. Fastoviens., m. pr.; X. Grzegorz Skleński, wikar. cerkwi z martwych wstania Pańskiegó Fastowskiey, dekanat. Fastowsk.; Carpus Piotrowski, ecclesiae in oppido Międzyrzyczka, tit. Nativ. B. V. M. dec., Mosznensis, collationis Illustrissimorum Dominorum Rsewuskie, vexillferorum Regni, parochus, exscursone Haydamakorum et fomentati populi propulsus, pro interim ad ecclesiam, in villa Buzowa dicta, post profugum ad exoticas oras V. Paulum Ianowski, dictae eccl. curatum commendatus., X. Bazyli Chałaim cerkwi Polaniczyckiey, d. Białocerkiewisk. komend., m. pr.; Macarius Andrzeiowski, cerkwi Mikołajowskiey w starostwie y dek. Kaniowsk., rządca y pastérz, m. pr.; X. Ian Domnicki, p. Paszkowski, d. Fastowsk.; X. Szymon Sakiewicz, kom. Tataryn. d. Tetyjowsk.; X. Iakob Suchodolski, p. cerkwi Przemienienia Pańskiego Żytomirskiey, w tym lecie dnia 30 Maja, wraz z miastem Żytomirzem y kościołami katedralnym y Oo. Jezuitów, pod czas experiencyi między woyskiem Rossyiskim a Konfederatami ogniem zplonioney, dek. Żytomirsk.; X. Ian Skulski, p. cerkwi Szpolanskiey, d. Smilańsk. Paroch wyznaię moy występek, że do Pereiasławia ieździłem, tam na dyzunią przysięgałem, co dla ochrony życia moiego uczynić musiałem; ale iako za ten moy exces wielce żałuię, tak zrodzony y edukowany w wierze S. Katolickiey, z kosciołem Rzymskim ziednoczoney, żyć y umierać pragnę, m. pr.; X. Leon Stetkiewicz, pleban Chodorkowski, dek. Pawołoczsk; X. Iakob Radenko, p. Ostrowski, d. Białocerkiewsk.; X. Roman Plotnicki p. Makijowski, d. Kaniowsk.; X. Mikołay Iakubowski. d. Lubarsk.; X Teodor Czabanowski, p. Rzyszczowski, d. Kaniowsk.; X. Iakob Pogorecki. p. Matusowski, d. Smilańsk., teraznieyszy kom. Snityński, d. Fastowsk; X. Tarazy Bohurski, pleb. Troianowski, tyt. S. Michała, d. Żytomirsk.; X. Demetryus, Mackiewicz, pleb. Starosielski, d. Radomyslsk.; X. Mateusz Stetkiewicz, kom. Strzyżawiecki, d. Tetyjowsk.; X. Michał Samborski, p. Andrzejowski, d. Dymirsk.; Oteć Petro Lenkiewicz, p. Kopaczowcki, d Biłoc.; X. Gabryli

Stawiński, p. Moszeński, cerkwi Przemienia Pańskiego; X. Gabryel Sienkiewicz, p. Horbulowski d. Radom.; X. Piotr Kołtunowski, p. Barachtiański, d. Białocer.; X. Ian Zardecki, kom. Horodyski, cerkwi Przemien. Pańskiego, d. Smielańsk. m. pr.; X. Maxym Barciński, p. Czerniecki, d. Radom., m pr.; Otać Ioan Dubyna, p. Skałubowski, d. Radom.; Hauryił Mołczanowski, p. Zorokowski, d. Radom.; X. Michał Sieńkiewicz, p. Stawski, d. Radomyślsk.; X. Eliasz Łagadowski, p. Tryliski, d. Białocer.; X. Stefan Soczyński, p. Wasyliski, d. Tetyjowsk., m. pr.; X. Michał Krzywicki, p. Czuperski, d. Białocer, m. pr.; X. Mateusz Koncewicz, kom. Szkarawski, d. Białocer.; X Iakub Ilnicki, p. Krzywiński, d. Pawołoc.; X. Iakob Borotowicz, p. Lipecki, d. Pawołoc.; X. Paweł Wyszynski, p. Koryłowski, d. Smilańsk., kom. Lisowiecki, d. Bohusławsk., m. pr.; X. Ian Krzywicki, p. Rastowiecki, d. Żywotowsk.; R. Constantinus Mokrzycki, p. Kamionebrod., d. Smilansk., m. pr.; X. Ian Guranda, p. Macharzyniecki. Wołoski, d. Pohrebisk., m. pr.; X. Daniel Krzywicki, p. Korpiłowski, dek. Czarnobilsk.; X. Łukasz Chomański, wikary Babuszyński. dek. Czudnowsk., m. pr.; X. Piotr Radecki, wik. Radomski.; X. Iakob Wolkowiński, p. Antonowski, dek. Tetyjow.; Oteć Hryhory Seray, p. Motiuszański, dek Białocerk.; m. pr.; X. Grzegorz Wysoczański, p. Nowosielicki, dek. Korsuńsk.; Nykołay Naumowycz, p. Kozarowycki. d. Dymirsk., m. pr.; Bazyli Swięcicki, p. Trokowicki, d. Żytomirsk.; X. Teodor Czerwiński, p. Sawrański, d Czeczelsk.; X. Antoni Szczurewicz, p. Wolicki, dek. Pawołock.; X. Symeon Baranowicz, kom. Hlibowski, d. Dymirsk.; X. Grgegorz Matuszewicz, p. Czechowski, d. Żytomirsk.; X. Ian Podarowski, p. Rastow. dek. Żywotowsk.; X. Filip Pańkiewicz, p. Motelowski, d. Bohusławsk., m. pr.; X. Konstanty Horkowski, p. Welniański, d. Bohusł., m. pr.; X Bazyli Gawiada, p. Smicki, d. Bohusł.; X. Stefan Surmijewicz, p. Perożański, d. Czeczel.; X. Ierzy Mackiewicz, p. Wasylowski, d. Pawołoc., m. pr.; X Korneliusz Jakubowicz, p. Tetyjowski, d. Tetyjowsk.; X. Theodor Wagotowicz, p. Matwiyski, d. Tetyj.; X. Andrzey Panasiewicz, p. Wysocki, d. Tetyj. m. pr.; X. Gabriel Męczyc, p. Kraiewski, dz. Baraszowskiey; X. Michał Guranda, p. Sniżecki, d. Bohusł., m. pr.; X. Cyrylli Strutyński, d. Krasnoliski, d. Białoc. m pr.; X. Dyonizy Kapustyński. p. wsi Łuki, d. Żytomir., m. pr; Oteć Ioann Hreczyna, kom. Kornyłowski, d. Korsuń.; X. Mikołay Prokopowicz, p. Niechworowski, dek. Żytomir.; X. Kyrył Doroszkiewicz, p. Hłynecki, d. Berdycz.; X Ian Kardasiewicz, p. Bohaczowski, d. Korsuńsk.; X. Teodor Strzelecki, p. Żydowohrebelski, d. Bohusł.; X. Grzegorz Illaszewicz, p. Iarosławski, d. Pawołoc.;

X. Stefan Rubanowicz, p. Iwankowski, d. Dymirskiego; Otec Kyryl Zacharyiewycz, p. Makarowski, d. Fastowsk., m. pr.; X. Michał Szulkiewicz, p. Naliwaykowski, d. Fastow.; X. Andrzey Suski, p. Sitnikowski, dek. Fastow., m. pr.; X. Michał Dzurakowski, p. S. Mikołaja Sieniawski, d. Bohusł.; Ijerey Prokopy Iewnicki, p. Prusiański, d. Bogusławsk.; X. Ian Bujakiewicz, kom. Nastaski, d. Białocerkiewskiego; X. Paweł Wyszyński, p. Kahorlicki, d. Kaniowsk.; X. Jozef Butrycki, kom. Meleniowski, d. Radom.; X Demetryusz Grysiewicz, p S. Woskr. Niemierowski; X. Lukasz, kom. Isaykowski, dek. Bohusł.; X. Gabryeł Iałłowy, kom. cerkwi pod tyt. Protekcyi Nayśw. P. M. Bohusław., d. Bohusł.; m. pr.; X. Teodor Krzyczkowski, wik. Radomsk; X. Hordy Cypryanowicz, p. Moszkowiecki, d. Żytomir., m. pr.; X. Bazyli Domatewicz, p. cerkwi z martwych wstania Panskiego, Czudnowskiey, d. Czudnowsk., m. pr.; X. Ian Szymonowicz, p. cerkwi Ss. Apostołow Piotra y Pawła, Czudnow, d. Czudnowsk.; X. Piotr Ianicki, Kom., Grzegorz Klebanowski, p. cerkwi Motyżyńskiey, d. Fastow.; X. Stefan Okołowicz, cerkwi pod tyt. Ss. Apost. Piotra y Pawła, wikaryusz Kopytowski, dek. Fastowsk., m. pr.; X. Grzegorz Fursewicz, diakon cerkwi S. Mikołaja, we wsi Wczorayszy będącey; X. Teodor Bereźnicki, wikar. cerkwi S. Ilińskiey Korsuńskiey, d. Korsuńsk.; X. Daniel Maczegowski, koadjut. Zabiłocki, d. Radom.; Symon Maczegowski, kom. Norbian.; X. Grzegorz Leńczycki, wikar. Wiążowiecki, d. Smilańsk., m. pr.; X. Alexy Cieszanowski, p. Poczuykowski, d. Pawoloc.; X. Ian Bruskiewski, p. Strokowski, d Pawołoc.; X. Iakob Cieszanowski, wikar. cerkwi Poczuykowskiey, dek. Pawołoc., m. pr.; X. Marcin Ieziorski, p. Dackowsk., d. Korsuńsk., od Haydamakow na belku, pod karczmą zawieszony, od Niczypora Zaporożca, tamże mieszkaiącego, oderznięty, potym powtóre postronkiem za szyię zaczepiony y do obwieszenia do gruszki prowadzony, od tegoż Niczypora wyproszony, niemiłosiernie bity, katowany, z chudoby zdarty y ogołocony, do Pereiasławia iść po błogosławieństwo nakazywany, co po chorobie ośmioniedzielney uczynić musiałem, dla zachowania życia, ręką własną podpisuię się; X. Paweł Kozłowski, p. Sachnowski, dek. Korsuńsk.; X. Lukasz Szpakowski, p. Lisański, cerkwi S. Mikołaja, dekanatu Korsuńskiego. Tych więc y innych przewielebnych y wielebnych w Bogu współbraci swoich imieniom, y powtóre sposobem wyżey wyrażonym, manifestuiąc się, prosił tey manifestacyi do aktow przyięcie, co otrzymał. Xiądz Ian Roch Kościuszko, dziekan Radomyślski, pro-

boszcz Czopowicki, m. pr. Z których xiąg y ten wypis, pod pieczęcią Grodzką Kijowską iest wydany, pisany w mieście Jego Krolewskiey Mosci Zytomrzu.

Correxit Polanowski.

Anno 1768, die 22 Decembris. Ex Actis Castrens. Kijoviensibus extract.

Legi, Baranowski m. pr.

Locus
Sigilli.

FORMA PSZYSIĘGI

PRAESBYTERA PRZECHODZĄCEGO NA BŁAHOCZESTIE.

Sacerdos, volens reconciliari Graeco-Rossiacae Religioni, debet stare ante fores ecclesiae; quem eum in modum percontatur Haegumenus:

Quaestio. Serve aberrationis, quid vis?

Responsus. Volo reconcilari Graeco-Rossiacae Catholicae fidei.

Q. Quam ob causam id optas?

R. Causa salutis animae. Hic converti jubet facie ad occasum solis, sicque conversum ulterius interrogat:

Q. Abrenuntias ne execrabili traditoni Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio et spuis singulis vicibus ad trinam interrogationem respondendo.

Q. Abrenuntias tu omnibus nugis Uniaticis?

R. Abrenuntio. Ter interrogatus respondit et ter spuit.

Q. Abrenuntias ne haresi Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio. Ter interrogatus respondit et ter spuit. Postea retroversum facie ad se interrogat.

Q. Appromittis ne fideliter servire et obedire Graeco-Rossiacae-Catholicae ecclesiae?

R. Vere appromitto, Pater Reverende! Ex tunc porrigit extremitatem stolae in manus introducendi in ecclesiam, dicens: Intra in domum Domini et adora etc. Atque ante tetrapodem, in quo duae candelae accensae, Crux et Evangelium, posita sunt, jubet eum recitare: Credo in Deum Patrem etc., et postea interrogat:

Q. Doles ne tu, quod ad hoc tempus, inexecrabili haeresi Uniatica permansisti?

R. Doleo.

Q. Doles ne, quod non solum ipse, indigne administrasti mysteria Christi, sed etiam alios ad id inducebas, administrando sacrilege?

R. Doleo.

Q. Doles ne, quod indigne administrasti mysteria Christi?
Q. Doleo.

Hic super genu flectantem manus imponit et legit orationem absolutionis a vinculo excommunicationis, irregularitatis etc, postea dicit: Surge, Sacerdos N N, tanquam a somno, ab errore Uniatico: tandem excipit juramentum obedientiae ecclesiae Graeco-Rossiacae, et perpetuae perseverantiae in illa ad extrema vitae suae, et quod usque ad amissionem vitae suae defendet fidem Graeco-Rossiacam. Demum inducit in sanctuarium per fores laterales et jubet confiteri; post confessionem factis quinquaginta adorationibus, jubet idem Haegumenus in sui assistentia missam celebrari, informans neo-conversum celebrantem in ceremoniis.

LIT. A.

List J. M. X-a Michała Prymowicza, officyała arch. dioec. Metrop. Kijowsk. die 11 Martii 1769 z Minyek do J. M Wielebn. Silwestra Rudnickiego, Biskupa Łuckiego y Ostrozsk., w którym drukowany manifest swego duchowieństwa y kopyia manifestu Kozaków Woiewództwa Kijowskiego y Bracławskiego przysyła.

POST TITULUM.

Jakie tu oswiadczenie uczyniło duchowieństwo w aktach publicznych roku zeszłego 1768. die 22 Decembris, te w kopii, drukiem objawioney, posyłam, y manifest od chłopstwa rozrzucony takoż in copia przyłączam. Sam do czasu na tym mieyscu dosiadując, zniżam się do nóg pasterskich.

Jaśnie Wielmożnego W. M. Pana Dobrodzieja sługa naynizszy,

Prymowicz, manu propr.

Uwaga. Odsyła się czytelnik do wyżey połączoney kopii drukowaney manifestu przerzeczonego duchowieństwa; kopia zaś manifestu chłopskiego w następuiących iest wyrazach:

MANIFEST

Kozaków Województw Kijowskiego y Bracławskiego.

Zgromadziwszy się oczywiście wojenni Kozacy z dobr Wojewodztwa Bracławskiego y Kijowskiego, ten solenny manifest zanoszą, w niżey spisany sposob i oto: iz jako od roku 1768, to jest, od początku Barskiego szlacheckiego wzruszenia, ponosiemy wielkie uciski, w utraceniu naszey własney substancyi y w zabraniu gwałtem niektorą część Ko-

zaków na usłużenie tey Barskiey Konfederacyi, tak wszystkie znosiliśmy cierpliwie. Ciż wyrażeni wzruszyciele (iako to wszystkim wiadomo), wszedłszy ztąd w granice Porty Ottomanskiey, złączywszy się z woyskiem Tatarskim y Tureckim, a niedawno z częscią woyska Tureckiego y Tatarskiego ztamtąd tu nazad do Polski powróciwszy, oblokowali się w Krutych, Czeczelniku y Berszadzie, gdzie bez żadney kommizeracyi wydzierali nam ostatne wyżywienia, iako też y Kozaków do służby swoiey gwałtem zabierali; żaden albowiem Chrzescianin uczeźnikiem niechce bydź Machometowi.

Nareszcie nie kontentuiąc się tym dla większego nieszczęścia naszego, Han Tatarski z całym swoim woyskiem z Nowey Serbii wkroczywszy w Smilańszczyznę, powracaiąc też przez Polskę, wzdłuż granic Polskich ku Sawraniu y Bałcie, wsi wiele popalił, a tem bardziey niema o co wątpić, że y Chrzesciańskich cerkwi, podług obrządku religii naszey nieszanował, owszem te z wielką usilnością starali się zruinować, y pokazuiąc wielkie swoie okrucieństwa nad współbracio y krewnémi naszemi, tudzież zabiegaiąc ze wszystkich mieysc, gdzie z woyskiem pomieniony Han przechodził, młodych obojey płci ludzi do granic swoich prowadzili, a pod czas ciężkich mrozów nie mało zabranych niewiniątków pomrozili. Skończywszy zaś swoię okrucieństwa na tych że, w niektórych leciech oboyga rodzaiów ludzi bez excepcyi wszystkich zabiiali, po 50 w chałupy spędzali y zapalali. Nato tedy my z niewypowiedzianym umartwieniem musieliśmy łącząc się z woyskiem Nayiasn. Imperatorowey Jey Mości, całęy Rossyi, jedynie dla własnych osób naszych ocalenia, by też w przyszłych naszczadkach naszych współbraci i krewnych zaszczycać się y za ich niewinną krew od Tatarów wylaną, oraz za zabranych w niewolę zemstę uczynić nad neprzyiacielem całego narodu Chrzesciańskiego mogliśmy. Dla czego y żądąmy bez żadnego przymuszenia własną swą ochotą łączyć się y znaydywać przy woysku Najas. Imperatorowey Jey Mości. Sotnik Andrzey pismenny Nimierowski. Comparentes, nieumiejąoy pisma, znaki Swiętego Krzyża kładą: Prokop Sotnik Tulczyński + Wasył lad, Sotnik Bracławski + Matwij Czuhayło, Ataman Tulczynski + Fedor Popowicz, Ataman Sienicki + Klim Bavan, Ataman Niemierowski + Ostap Trawa. Ataman Granowski + Michayło Pilipczuk, Assawuła Pryłucki + Pawło Oczeretni, Assawuła Bracławski + Hryhor Dubrawa, Ataman Chwaszewski + Iwan Motorny, Assawuł Oratowski + Michayło Poliski, Asawuł Tulczyński +

Olexy Popeyko, Kozak Nemierowski + Chwedko Puzayski, Assawuł Wachowski + Semen Niemierowski z Tulczyna + Roman Romanenko, Kozak Umański z Palanki + Sawka Lisowenko, Kozak Umański z Ryżawki + Jakow Semenenko, Kozak z Daszewa + y inne.

LIT. B.

DO BISKUPOW RUSKICH. *

List okolny Marszałków Konfederacyi Barskiey 1769 roku.

Jaśnie Wielmożny Mości Xięże Biskupie Łucki!

Za wiarę y wolność odważyliśmy maiątki nasze, opuścili domy y co w nich mamy naymilszego, a to na odpor gwałtowności obcey y z obcą kraiowey, krzywoprzysięstwa zbrodnią połączoney.

Ta nasza y dobrze z nami myślących offiara iakich że nie doznaie ciosów, kiedy duchowieństwo w dyecezyi J. W. W. M. Pana, od nieprzyiacioł oyczyzny inspirowane, nieubłaganą przeciwko obrządkowi Rzymskiemu nienawiścią pałaiąc, używa sakramentalney spowiedzi, na świętokradzkie pospólstwa przeciwko panom swym y Żydom poburzenie, żeby tym okrucieństwem zbestwioney czerni zamieszana oyczyzna dostała się łupem czuwaiącemu od dawna na iey zgubę nieprzyiacielowi.

Uważ to J. W. W. M. Pan, ieżeli takie sposoby słyszane były kiedy w obrządku, który się być mieli iedney wiary y do iedney kościoła należyć głowy.

Mocen iest Bóg cząstką wybranych na utrzymanie honoru swego y ocalenie oyczyzny okazać wielkie zastępów dzieło, którego prawicą gdy wysilona aż do tego kresu przeciwność pokonaną zostanie, osądź J. W. W. M. Pan, czego się spodziewać maią ci, którzy się dziś na takie zbrodnie wylewać ośmielaią!

W tym przedsięwzięciu zdało się nam pisać do J. W. W. M. Pana, żebyś albo wczesnym zarządzeniem te nieszczęścia odwracał, albo za nieodwrócone z swoim duchowieństwem równodłużney spodziewał się przyszłości.

Dan z obozu, dnia 13 Augusti, 1769.

J. W. W. Mość Pana

życzliwi słudzy,

Krasiński, Puławski, Marszałkowie.

---

* Прибавлено Ѳ. Бродовичемъ, прочее же писано другой рукою.

LIT. C.

Protestacya Biskupów Ruśkich, z okoliczności naniesioney na nich potwarzy, uczyniona we Lwowie 1769 roku.

My Biskupi, na podpisach niżey wyrażeni, z nie małym serc naszych żalem powziowszy dostateczną wiadomość o różnych po wielu mieyscach niegodziwych szemraniach, honor nasz biskupi y duchowieństwa naszego niemiłosiernie szarpiących, iakoby dopiero wzmiankowane duchowieństwo nasze parafian swoich, lud prosty, do buntów przeciw własnym panom y zabóystwa nie tylko niewiernego Żydowstwa, ale nawet y samych prawowiernych Katolików obrządku Łacińskiego, namawia y pobudza, a co większa, iakoby do tych bezbożnych namów sekretu sakramentalney spowiedzi używa, y niechcącym takowych pobudek chwytać się, absolucyi od grzechów nie daie. Nadto dochodzą nas pogłoski, jakoby te bezsumienne akcyie rzeczone duchowieństwo za radą y wyraźną dyspozycyą naszą czyni, które to powieści bezbożne y bezsumienne iak tylko o uszy nasze obiły się, natychmiast przeciwko tymże iako nayuroczyściey protestuiemy się przed Bogiem, skrytości serc naszych widzącym, protestuiemy się przed swiętą stolicą Apostolską, którey winne pełniemy posłuszeństwo, protestuiemy się y przed całą nayiaśnieyszą Rzeczopospolitą naszą, którey iesteśmy wierni synowie. Od poznania prawdziwey wiary S. Katolickiey nie byliśmy, y przy łasce Bożey nie będziemy, w żadnym przeświadczeni kacerstwie, albo odszczepieństwie; wyznawaliśmy y wyznaiemy sakrament pokuty Sw. Zbawiciela naszego Chrystusa, na ten iedynie postanowiony koniec, aby przez niego grzechów odpuszczenie, a nie nabywanie y sprawiedliwey kary Boskiey ściąganie było. Jawne są całemu narodowi Polskiemu usilne starania nasze, któremi w rygorze należytym duchowieństwo trzymamy. Wiadomo to nie iednemu, iak za przytrafiaiące się czasem wykroczenia oskarzonych, skonwinkowanych, czyto sami przez się, czyto przez subalterna officia nostra, surowo dekretuiemy y ukarania, według przepisu Kanonów Ss. oraz y proporcyi występków, na nich ściągamy. Nietayno y to wszystkim bydź powinno, iak wiele razy publicznemi

universałami toż duchowieństwo nasze, aby iak nayściśley powołaniu swemu czyniąc zadosyć, w powinney stanowi swoiemu modestyi zachowało się, y w administrowaniu Sakramentów Sw. z iak naywiększym nabożeństwem pilne było, upominaliśmy; z okazyi wszczętych na Ukrainie w roku przeszłym buntów chłopskich y niewinney krwie nawet y duchowieństwa jurysdykcyi naszey rozlania, wydane do tegoż duchowieństwa uniwersały, wolno każdemu czytać. Nikt w nich nie wyczyta, tylko zalecenie parochom, ażeby parafian swoich do winnego własnym panom, iako moc y władzę nad niemi od Boga maiącym, posłuszeństwa zachęcali, zagrzewali y upominali. Oraz żeby włoczące się iakiekolwiek osoby duchowne, osobliwie zagraniczne y podeyrzeniu iakiemukolwiek podpadaiące, a od nas żadnych swiadectw y admissyi nie maiące, bez zwłoki do dziekanów, a ci do officyałów naszych odsyłali. Wznieconą zatym na nas Biskupów y duchowieństwo nasze kalumnię, nie innym końcem wynalezioną być sądziemy, tylko aby nas przed całym narodem Polskim oczernić, ohydzić y w iak naywiększą nienawiść podać. Ale iako zaufani iesteśmy w niewinności sumienia naszego, tak przeciwko wszystkim potwarzom, iako niesłusznym, niesprawiedliwym y nigdy ni od kogo nam nie dowiedzionym być nie mogącym, iterato protestuiemy się.

Ludwik Leo Szeptycki, Biskup Lwowski, Koadjutor y Administrator Metropolii całey Rusi.

Sylwester L. Rudnicki, Biskup Łucki y Ostrogski, Exarcha Rusi.

Antoni Młodowski, Biskup Brzeski, Koadjutor y Administrator Włodzimierski, manu propria.

LIT. D. *

Epistola incarceratorum presbyterorum Berdyczoviae ad Excellentissimum Illustrissimum Dominum Josephum, Comitem Garampi, Nuntium Apostolicum, die 28, mensis Octobris, 1772 anno, Varsaviam data.

Illustrissime, Excellentissime et Reverendissime Domine Domine, Protector Clementissime!

Nos infrascripti Archidioecesis Metropolitanae Kijoviensis presbyteri Ritus Graeci Latino-Uniti, in carceribus sub custodia Moschorum Berdyczoviae detenti, postquam certam de adventu Sua Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae Varsaviam, et inchoato jam feliciter Ministerio Apostolico sibi concredito notitiam acceperimus, incredibili gaudio et consolatione cordis repleti extitimus; confidimus enim plurimum, quod Illustrissima et Reverendissima Excellentia Vestra cum de integritate religionis Catholicae singularem curam et sollicitudinem habeat, tum etiam nobis non pro culpa et delicto aliquo, sed unice pro constantia in sancta Fide Catholica et Unione cum Apostolica Romana Ecclesia, in carceres detrusis et in hoc miserrimo statu positis, opem ferre et sua authoritate ac gratia succurrere clementer dignabitur. Ad quem effectum cum humillima veneratione rem breviter Suae Illustrissimae ac Reverendissimae Excellentiae clare et sincere exponimus.

Quidam presbyter, signanter Michaël Guranda et Simeon Perorowski cum asseclis suis, Basilio Zrażewski, Alexio Andrzejowski et aliis, in hac Archidioecesi Metropolitana nati, in sancta Unione educati, ab Episcopis nostris unitis ordinati et beneficiis provisi, pertaesi suave jugum potestatis Catholicae in anno 1768, sub tempus rebellionis, per rusticos in Ukraina intentatae et crudelissimae innumerabilium personarum Catholicarum occisionis, sponte abjurata Catholica Fide ad disunionem transierunt.

---

* Писано собственноручно Θ. Бродовичемъ.

universałami toż duchowieństwo nasze, aby iak nayściśley powołaniu swemu czyniąc zadosyć, w powinney stanowi swoiemu modestyi zachowało się, y w administrowaniu Sakramentów Sw. z iak naywiększym nabożeństwem pilne było, upominaliśmy; z okazyi wszczętych na Ukrainie w roku przeszłym buntów chłopskich y niewinney krwie nawet y duchowieństwa jurysdykcyi naszey rozlania, wydane do tegoż duchowieństwa uniwersały, wolno każdemu czytać. Nikt w nich nie wyczyta, tylko zalecenie parochom, ażeby parafian swoich do winnego własnym panom, iako moc y władzę nad niemi od Boga maiącym, posłuszeństwa zachęcali, zagrzewali y upominali. Oraz żeby włoczące się iakiekolwiek osoby duchowne, osobliwie zagraniczne y podeyrzeniu iakiemukolwiek podpadaiące, a od nas żadnych swiadectw y admissyi nie maiące, bez zwłoki do dziekanów, a ci do officyałów naszych odsyłali. Wzniecona zatym na nas Biskupów y duchowieństwo nasze kalumnię, nie innym końcem wynalezioną być sądziemy, tylko aby nas przed całym narodem Polskim oczernić, ohydzić y w iak naywiększą nienawiść podać. Ale iako zaufani iesteśmy w niewinności sumienia naszego, tak przeciwko wszystkim potwarzom, iako niesłusznym, niesprawiedliwym y nigdy ni od kogo nam nie dowiedzionym być nie mogącym, iterato protestuiemy się.

Ludwik Leo Szeptycki, Biskup Lwowski, Koadjutor y Administrator Metropolii całey Rusi.

Sylwester L. Rudnicki, Biskup Łucki y Ostrogski, Exarcha Rusi.

Antoni Młodowski, Biskup Brzeski, Koadjutor y Administrator Włodzimierski, manu propria.

LIT. D. *

Epistola incarceratorum presbyterorum Berdyczoviae ad Excellentissimum Illustrissimum Dominum Josephum, Comitem Garampi, Nuntium Apostolicum, die 28, mensis Octobris, 1772 anno, Varsaviam data.

Illustrissime, Excellentissime et Reverendissime Domine Domine, Protector Clementissime!

Nos infrascripti Archidioecesis Metropolitanae Kijoviensis presbyteri Ritus Graeci Latino-Uniti, in carceribus sub custodia Moschorum Berdyczoviae detenti, postquam certam de adventu Sua Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae Varsaviam, et inchoato jam feliciter Ministerio Apostolico sibi concredito notitiam acceperimus, incredibili gaudio et consolatione cordis repleti extitimus; confidimus enim plurimum, quod Illustrissima et Reverendissima Excellentia Vestra cum de integritate religionis Catholicae singularem curam et sollicitudinem habeat, tum etiam nobis non pro culpa et delicto aliquo, sed unice pro constantia in sancta Fide Catholica et Unione cum Apostolica Romana Ecclesia, in carceres detrusis et in hoc miserrimo statu positis, opem ferre et sua authoritate ac gratia succurrere clementer dignabitur. Ad quem effectum cum humillima veneratione rem breviter Suae Illustrissimae ac Reverendissimae Excellentiae clare et sincere exponimus.

Quidam presbyter, signanter Michaël Guranda et Simeon Perorowski cum asseclis suis, Basilio Zrażewski, Alexio Andrzejowski et aliis, in hac Archidioecesi Metropolitana nati, in sancta Unione educati, ab Episcopis nostris unitis ordinati et beneficiis provisi, pertaesi suave jugum potestatis Catholicae in anno 1768, sub tempus rebellionis, per rusticos in Ukraina intentatae et crudelissimae innumerabilium personarum Catholicarum occisionis, sponte abjurata Catholica Fide ad disunionem transierunt.

---

* Писано собственноручно Θ. Бродовичемъ.

Et cum Dei gratia res pacatae extiterint, ipsi, utpote variis excessibus notati timentes, ne condignam suis operibus mercedem recipiant, migrarunt extra limites regni in Moschoviam, ibique primi duo, auxiliante Episcopo Pereiasłaviensi Disunito, qui sibi injuste praetendit regimen in Metropolitana hac Kijoviensi dioecesi, recursum fecerunt ad aulam Petersburgensem, exponendo irrealiter, acsi in nostra dioecesi Kijoviensi, Unita idem Episcopus Pereiasłaviensis habeat jus et ecclesias suas, circa quas ipsi et alii acsi ex antiquo Nonuniti, tute ob persecutionem ab Unitis et Romani Ritus personis permanere non valeant. Qua falsa expositione mediante obtinuerunt mandatum ad Feld-Mareschalcum Exercituum Russiae, his in oris commorantem, ut personas duntaxat eorum et aliorum, acsi ex antiquo et originaliter Nonunitorum, a dicta acsi persecutione etiam armis tueatur.

Procurata itaque tali protectione suarum personarum, ultra sub hoc praetextu procedunt. Assumptis enim militibus Moschoviticis nostras invadunt parochias, cogendo omnino ad recessum ab Unione sancta et transitum ad disunionem. Ast cum Dei gratia ipsis obedire recusaverimus, illico nos et plurimos fratres nostros compedibus ligare, alios graviter verberare, alios pedester pellere, ac tandem omnes ad carceres detradere non dubitarunt, in quibus alii a sex, alii a decem et amplius hebdomadis fame, frigore ceterisve molestiis affligimur. Ecclesias autem nostras, januas earum malleis perrumpendo, sibi appropriarunt. Ad istas vero Ecclesias filios rusticorum vix legere scientes, morum et vitae pessimae ab Episcopo Peryasłaviensi Non-Unito ordinari et absque ullo patronorum scitu consensuque institui fecerunt. Uxores et liberos nostros de domibus expulerunt, supellectilibus spoliarunt, frumenta, equos, pecora aliasque res domesticas dissipaverunt, et ita sine modo sustentandi reliquerunt. Non unici nos haec patimur, sed plurimi confratres nostri, qui variis in locis carceribus detinentur, plures adhuc reperiuntur, qui, derelicta omni substantia et domibus suis, ab eorum ira et furore in absconditis locis celantur.

In hac igitur nostra gravi et extrema calamitate ad sinum clementiae Suae Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae recurrimus et protectionem Apostolicam humillime poscimus. Nam ambigimus quin etiam pastores nostri curam de nobis habeant, sed multo efficatiorem Suae Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae protectionem agnoscimus. Exaudiat Sua Illustrissima et Reverendissima Excellentia voces et gemitus

nostros et sua authoritate, sublimi ingenio ac singulari prudentia de modis eliberandi nos ex hoc miserrimo statu et succurrendi integritati religionis, providere clementer dignetur.

Nos vero pro incolumitate ejus et felicissimis successibus Deum ter optimum maximum integro vitae nostrae cursu exorabimus.

Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae Vestrae
infimi suppedanei et exoratores.

Hic sequuntur subscriptiones incarceratorum, qui tantum septemdecem primam hanc epistolam subscripserunt.

LIT. D. *

Alia epistola eorundem incarceratorum, die 1 Martii, 1773 anno, ad eundem Excellentissimum Nuntium Apostolicum, ex carceribus Berdyczoviens. data.

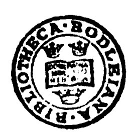
POST TITULUM.

Dedimus jam dudum mense adhuc Octobri, anno elapso, de his carceribus, in quibus hactenus detinemur, ad Illustrissimam et Reverendissimam Excellentiam Vestram supplicem epistolam, quam ad manus suas pervenisse certo audivimus.

Exposuimus in eadem breviter, quantum loci et temporis angustiae indulserunt, a quo, quam injuste violenterque rapti et in carceres detrusi extitimus, sperantes et expectantes efficacem Suae Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae protectionem.

Sed heu! quia incarceratio nostra prolongata est, heu nobis! quibus nec spes libertatis, nec modus ulterioris restat vitae. Etenim si ea, quae nos, ab omnibus derelicti, patimur, perpendantur, non jam ordinario modo, sed singulari divino miraculo adusque in vivis conservamur.

Locus, in quo detinemur, tam angustus, ut non aliter, nisi unus alteri innitendo (si quies dici potest) quiescamus. Cibus quotidianus et continuus panis aridus, brassica, aut pisum qualiter taliter coctum, et quandoque vix coqui inceptum et nobis appositum.

Vestitus unus idemque a dimidio anni et quidem iste, in quo repentine et insperate rapti sumus, denique detentio tam stricta, ut neque pro audienda missa ad ecclesiam ire liceat.

Praetermissis vero aliis istud maximum est, quod multi de nostrorum numero in gravem morbum et aegritudinem prolapsi, adeo sunt debiles ut ne de loco moveri aut fores eggredi valeant. Et ita nos una cum

---

* Писано Бродовичемъ.

ipso in intolerabili foetore (parcat verbo Illustrissima et Reverendissima Excellentia Vestra) omnes occlusi, acsi peste aliqua infecti, vix in vivis existimus. Duo autem collegae nostri non ita pridem in Domino quieverunt, quos fortassis non longo intervallo sequi nobis opportebit, si ulterius prolongabitur habitatio isthic nostra.

Revera jucundum nobis propter sanctam Unionem fidemque Catholicam etiam gravissima perpeti, sed istud atrocissimo corda nostra affligit dolore, quod oppressores nostri in perpetrandis violentiis non deficiunt, imo in dies ampliantur ita, ut jam in Archidioecesi Metropolitana, quae continet in se decanatus triginta duos, per sexaginta et amplius parochiales ecclesias habentes, restent tantummodo novem decanatus intacti, viginti autem tres a Disunitis iam occupati

Multi, proh dolor! Sacerdotes nostri, metu perculsi, amplexi sunt Disunionem, plures vero, Deo auxiliante, constanter in sacra Unione perseverantes, alii in oppido Humań, Biała Cerkiew aliisque locis carceribus, aeque ac nos, detinentur, alii abscondendo se ab ira et furore grassantium Nonunitorum, de eleemosina vivunt, praestolantes praeprimis Apostolicam, tum etiam pastoralem protectionem et solatium, quae nisi subsequentur, quis scit, num omnibus perseverantiae gratia data est?

Post publicatum decretum Suae Illustrissimae ac Reverendissimae Excellentiae, redintegrans Illustrissimum Metropolitanum in plena jurisdictione sparsoque rumore, quod brevi ad suum gregem venturus esset, promotores Disunionis per aliquod hebdomadas (prout audivimus) cessaverunt ab inferendis violentiis, ast ubi audierint acsi Eidem Illustrissimo Pastori ante futura Comitia, vetitum esse adventum ad dioecesim, rursus coeperunt suum opus continuare.

Protestantur, manifestantur confratres nostri, sed ista, ut videmus, tantum valent, quantum si accedenti lupo ovis pede tundendo et voce bombitando resistat, non ubique illam formidabit lupus, sed audacter rapiet. Ast ubi pastorem eum baculo viderit adstantem et voce comminantem, non accedet, imo quam citissime et longissime fugiet. Aequali modo, si pastor in dioecesi praesens adesset, non auderent rapaces lupi in gregem ejus irruere, faciliusque uti proprius nobis miseris subveniret.

Proinde Evangelicis verbis ad Suam Illustrissimam ac Reverendissimam Excellentiam clamamus: Domine, Salva nos, perimus, cum lacry-

mis et humillimis precibus postulantes, quatenus Illustrissima et Reverendissima Excellentia Vestra superemmentor ex munere sui officii negotium Religionis promovendo, de nostra quoque eliberatione curam habere non dedignetur, Illustrissimus autem Metropolitanus nostrorum pastor et isthic gregem suum vinculatum quantocius consoletur, protegat ac defendat.

His expositis cum amplexu et osculo pedum manemus

Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae Vestrae, Domini

Clementissimi.

Servorum infimi et continui exoratores.

Hic sequuntur subscriptiones eorundem incarceratorum Berdyczoviae presbyterorum, qui fuere numero quinquaginta duo, ut patet ex ipsorum numeratis subscriptionibus.

LIT. D. *

Responsoriae Illustrissimi, Excellentissimi et Reverendissimi Domini Josephi Garampi, Nuntii Apostolici in Regno Poloniae et Magno Ducatu Lithuaniae, tum ad incarceratos Berdyczowiae presbyteros Ruthenos, tum ad alios, in eadem materia scriptae.

Haec prima epistola data die 4 Martii 1773.

Universis et singulis Christi confessoribus et sacerdotibus in carceribus Berdyczowiae, vel alibi constitutis, ad quorum manus hae literae ordinatim pervenerint, salutem in Domino.

Dilectissimi fratres et Christi confessores, qui digni habiti estis pro ejus nomine contumeliam pati, quibus vos verbis alloquemur, ut non minus angustiis vestris compatiamur, quam virtutis, aliquid communicemus, nisi verbis Apostolici Jacobi dicentis: «Omne gaudium existima- «te fratres charissimi, cum in tentationes varias incederitis, scientes «quod probatio vestrae fidei patientiam operatur, patientia autem, ut «Paulus ajebat, probationem, probatio spem, spes autem non confundit.»

«Exultate igitur, ut monebat S. Petrus, modicum nunc si opportet con- «tristari in variis tentationibus, ut probatio vestrae fidei multo pretio- «sior sit, quod per ignem probatur, inveniatur in laudem et gloriam et «honorem in revelatione Jesu Christi.»

Ego quidem licet absens corpore, praesens autem spiritu, afflictiones, carceres, vincula, verbera, persecutiones vestras, quasi meas reputavi

---

* Тоже писано Ѳ. Бродовичемъ.

vinctis in Domino ex animo compatiens et quotidie in sacro praesertim sacrificio missae salutem corporum et animarum vestrarum enixe Deo omnipotenti commendans, ut, sicuti Petrum Apostolum, pro sua gloria ex carceribus liberavit, sic vos propitius de carceribus istis educere dignaretur.

Nondum voti compos factus sum, non id circo eum obsecrare desistam, quis scit, si convertatur et ignoscat, et relinquat post se benedictionem et sacrificium et libamen Domino Deo vestro (Joël. M. 14).

Sed quoniam caritas fraternitatis non in solis desideriis, sed etiam praecipue in actione consistit, scitote nullis studiis, nullis officiis me defuisse, quin vobis quibuscunque modis prodessem libertatemque impertirem.

Collaboravimus in hoc tum Serenissimus Rex, tum Illustrissimus Metropolita, ejusque coadjutores, sed Deo sic permittente in cassum officia et labores nostri hactenus ceciderunt. Sed non ideo spe cadimus, et non confundimur, imo in misericordia Dei confisus deprecationes meas, vestrasque angustias religiosissimae aeque ac piissimae Imperatrici Reginae Apostolicae * exhibere curavi, speroque fore, ut authoritate et gratia sua apud Serenissimam Moschorum Imperatricem et vos in libertatem et Ecclesiae vestrae in legitimam orthodoxamque jurisdictionem redintegrentur et restituantur.

Deum, in cujus manu sunt corda regum et omnium jura regnorum, enixe interim deprecamini, ut misereat vestri, universaeque Graeco-Unitae Ecclesiae, quam in Apostolica soliditate fundavit, cujus vos testes habere dignatus est. Orationes vestrae maximam habebunt efficaciam, si corpora vestra beatis vinculis detenta ex animo exhibeatis hostiam viventem, sanctam et Deo placentem.

Nos vero, ut patientiam vestram magis confortemur, mittimus vobis epistolas quasdam beatissimi martyris Cypryani, quas ex ejus operibus exscribi fecimus, quasque una cum hac epistola nostra per carceres et

---

* Była pod ów czas Cesarzową Rzymską, Krolową Węgierską, Najiasnieysza Maryia Teressa wdowa; syn iey naystarszy Jósef drugi ieszcze do rządow Cesarstwa Zachodniego nie należał.

Tę więc wzmiankuie Cesarzową Nuncuysz Apostolski, ktorey wstawienia się użył do Nayiasnieyszey Katarzyny drugiey, Imperatorowey wszech Rossyi.

loca, in quibus detinemini, ad manus singulorum transmitti cupimus, ut singulis aliquid spiritualis consolationis adferamus, et spem vestram solidius in Domino roboremus.

Sed ut aliquam etiam vobis spiritualem remunerationem exhibeamus, quoad tolerantiam passionum vestrarum, ut ad fundendas orationes promptiores reddamini, authoritate nostrae legationis vobis concedimus, ut quotiescunque litanias Sanctorum, cum precibus et collectis suis, addita etiam collecta in honorem S. Petri, Deumque pro salute Pontificis Regis vestri, nec non Imperatricis Reginae Apostolicae rogaveritis, ac speciales actus virtutum theologicarum fidei praecipue elicueritis centum dies indulgentiae lucrari possitis.

Pro collecta vero in honorem S. Petri Apostoli recitanda hanc vobis proponimus: Deus, qui B. Petrum Apostolum a vinculis absolutum etc. State igitur in Domino charissimi, confortamini, nolite amittere confidentiam, quae magnam habet remunerationem, et Deus pacis et misericordiae consolabitur vos, et confirmabit in omni opere bono per Jesum Christum, Dominum nostrum.

Valete etc.

Eadem die 4 Martii,

EJUSDEM JLLUSTISSIMI NUNTII EPISTOLA AD ILLUSTRISSIMUM FELICIANUM WOŁODKOWICZ METROPOLITAM.

Ubi postquam hortatus fuerit, ut idem Metropolita omnes curas pro liberandis incarceratis impenderet, quod jam ex parte sua pie et strenue suscepit, ipsamque Impepatricem Reginam Apostolicam interpellavit, addit haec formalia:

Interea Illustrissima Domina Vestra miseros hos consolet eorumque patientiam sustineat aliquantulum, neque auxiliis iis desit, nec spe; cum nulla caritas esse quaeat opportunior, ex qua non temporale solam levamen, sed aeterna quoque animarum salus et sanctae unionis firmitas pendere maxime potest.

Oves tandem sunt, quae legitimo pastori suo temporibus suis fructus attulerunt, quidnam aequius ac justius, quam ut in praesentiarum necessitate aliquid de proprio velut jam percepta compensando, in carum beneficium pastor ipse refundat.

Haec et dura alia nervose per eundem Nuntium et memoratum Metropolitam scripta sunt, ex quibus patet sedulam ipsum navasse operam pro eliberandis hisce incarceratis.

Eadem die 4 Martii,

EPISTOLA ILLUSTRISSIMI NUNTII APOSTOLICI AD ILLUSTRISSIMUM MAXIMILIANUM RYŁŁO EPISCOPUM CHEŁMENSEM SCRIPTA.

POST TITULUM.

Simul atque accepi humanissimas literas Illustrissimae Dignitatis Vestrae, diligenter scripsi heri ad suam Congregationem de Propaganda fide eamque exoravi, ut dispensationem pro Sacerdote Leskiewicz etc.

Non in civilem tantum rempublicam, sed in suam etiam Ecclesiam videtur hoc tempore esse aggravata manus Domini, quem jam culpis et offensionibus nostris ad iracundiam concitavimus. Flectendus igitur, ut misericordiam consequamur et gratiam inveniamus in auxilio opportuno.

Nos autem constituti custodes super Dominum Israël vigilemus continuo, moneamus, oremus et obsecremus, exhibentes nosmetipsos sicut Dei ministros in multa patientia, in tribulationibus, in scientia, in congruitate, in verbo veritatis et in virtute Dei.

Leges Ecclesiae, si quando per principes saeculares authoritate civili destituantur, non ideo cessant obligare omnes, * qui potestati clavium

---

* W czasie zakłucenia J. J. W. W. Wielebnych Antonina Młodowskiego Biskupstwa Włodzimirskiego, Leona Szeptyckiego Metropolii Koadj utorów z Koadjutem swoim J. W. Wołodkowiczem, przerzeczonym Metropolitą, gdy tenże J. W. Nuncyusz Garampi wyznaczył mocą swoią na wizytę w Archidyecezyą Kijowską J. W. Ryłło Biskupa Chełmskiego, urażeni oto coadjutores pomienieni udali się do Króla J. Mci, iż się takową na wizytę delegacyą nunciuszowską jurisdykcyi krajowey y ich osobistey krzywda dzieie, zwłaszcza że pomieniony Nuncyusz uczynił to bez żadney wiadomości Królewskiey; natychmiast tedy J. W. Młodziejowski, Kanclerz W. Koronny, imieniem Królewskim rewokował Biskupa Chełmskiego z teyże wizyty y zakazał niekontynować oney. Dla tęgo, pisze Nuntiusz, że prawa kościelne chociaż mocą

Petri subjiciuntur. Quod si in externo earum exercitio, in iis nempe, quae pastoralibus officiis, gloriae Dei animarumque saluti non adversentur, aliqua impedimenta occurrunt. quae non facile superari posse videntur, etiamsi ea aliquando tolerari; aut dissimulare contingat, in quo tamen maxima tum prudentia, tum circumspectione opus est, non tamen approbari a nobis ullo modo possunt, quod est in ejusmodi circumstantiis praecipue carendum. Semper enim animo et menti fixum esse debet; conscientias animarum a potestate clavium unice pendere, nec saeculari potestati jus ullum esse solvendi in terris, quod Petrus, vel ejus successores. universaque Ecclesia potestate sibi a Christo facta ligatum censuerint.

Prudenter et caute, sed serio hisce principiis insistendum est. praecipue apud confessarios et clerum moralioresque laicos maxime in scholis theologicis nec non in scrutiniis ordinandorum et confessariorum.

Sic retinebimus traditiones, quas didicimus. sic spiritus ecclesiasticiae disciplinae conservabitur: «Tu igitur loquere, ut praecepit Apostolus, quae decent sanam doctrinam, sana autem doctrina est, quae Apostolicis et ecclesiasticis constitutionibus est consona.»

En itaque Illustrissimae Dominationi Vestrae privata animi mei sensa, quae libenter fidenterque sapientiae, religioni et doctrinae suae communico, ut luculentius mea erga Illustrissimam Romanam D. Nradm. constet existimabo etc.

świecką bywaią scieśnione, nigdy iednak nie tracą zupełnie mocy swoiey, y w takich okolicznościach należy dyssymulować z naywiększą roztropnością, ale nie przystawać samym uczynkiem na to, co moc swiecka rozkazuie.

LIT. D. *

Alia epistola Nuntii Apostolici ad eosdem Presbyteros in carceribus, die 11 Martii, 1773.

Universis Christi fidelibus, confessoribus sacerdotibus in carceribus Berdyczoviis, vel alibi constitutis.

Scripsimus vobis die 4 Mensis currentis, ut vestram excitaremus in commonitione sinceram fidem. ne animis cadatis in angustiis, quibus urgemini, scientes, quod, sicuti pro Dei honore ejusque orthodoxa fide sustinenda talia patemini, potens est Deus omnem gratiam abundare facere in vobis, ut in omnibus semper omnem sufficientiam habentes, abundetis in omne opus bonum.

Si adhuc fortasse superior epistola nostra ad vos non pervenerit, addere hic ad consolationem vestram aliud exemplum libenter voluimus, ut magis vobis, magisque constet, quantum ego officiar ac condoleam tribulationibus vestris; quantumque tum pro vestra liberatione. tum etiam pro divini cultus redintegratione in omnibus Ecclesiis, ex quibus vos et collegae vestri misere fuerunt expulsi, a nobis laboretur.

Interea ut sciatis levandi vestri curam ac sollicitudinem alios etiam ex piis fidelibus nobiscum communicare, mittimus vobis fratrem fidelem, qui et verbi Dei pabulo vos recreet, et aliquam eleemosinam impertiatur. Ne quaeso praecibus vestris comendare desistatis omnipotenti Deo eos omnes, qui vel opera, vel eleemosina compatiuntur vinculis vestris.

Estote fortes in fide, ut testimonio ejus comprobati, accipiatis repromissionem. Omnem fiduciam vestram projicite in Deum, quoniam Ipsi cura est de vobis. «Non enim tardat promissionem suam, sed patienter agit propter vos, petens aliquos perire, sed omnes ad poenitentiam reverti» (2 Petri 3, 9). Et Dominus, qui unxit vos unctione misericordiae suae, custodiat corda vestra et intelligentias vestras in Christo Jesu Domino nostro. Valete, fratres dilectissimi, etc.

---

* Тоже писано Ѳ. Бродовичемъ.

TERTIA EPISTOLA EJUSDEM AD EOSDEM,

die 8 Aprilis 1773.

Universis Christi Confessoribus etc.

Receptis litteris vestris, quas e carceribus istis die 1 Martii mihi reddi curastis, nescio, an amplius doloris, vel e contra consolationis potius affectibus perfusus fuerim; etsi enim grave fuit intelligere, quantas angustias ac tribulationes patimini, illud tamen gratum hoc gaudium, haec consolatio nostra fuit, quod tanta pro nomine Jesu aequo ac hilari animo sustinueritis, quod neque fames, neque nuditas, neque periculum, nec persecutio, nec gladius vos separaverit propter eum, qui dilexerit vos. (R. 8, 35).

Compatitur igitur vobis, et afflictionibus carnis vestris sed simul etiam gratulamur pro augmento spiritus vestri, nec non pro gloria Ecclesiae Sanctae Dei, quae vos testes ac pugiles ejusdem fidei, quam accepistis, constituit. Nulla porro felicitas major, nullus honor sublimior Christiano homini accidere potest, nisi ut pro nomine Christi contumeliam patiatur, et, sicuti Christus animam suam pro nobis posuit, ita et nos animam nostram pro ipso ponere non dubitemus; si enim compatimur Christo, etiam glorificabimur.

O vos igitur felices ac fortunatos, qui venientes de magna tribulatione lavistis stolas vestras et dealbastis eas in sanguine agni; si quidem, ut in Apocalypsi legitur, eritis idcirco ante thronum Dei et Agnus, qui n medio throni est, reget vos et deducet vos ad vitae fontes aquarum et absterget omnem lacrimam ab oculis vestris! O vos terque quaterque beatos! qui illuminati magnum certamen sustinuistis passionum, et in altero quidem opprobriis et tribulationibus spectaculum facti, in altero autem socii taliter conversantium, effecti rapinam bonorum vestrorum cum gaudio suscepistis, cognoscentes vos habere meliorem et manentem substantiam (Hebr. 10, 32).

Intelligite hinc, quanto in Domino consolatione perfusus sim, palam habens ex litteris vestris, quae et quanta in vobis gratia Dei operata fuerit: pretiosissima super omne aurum et lapidem pretiosum est. Idcirco epistolam illam, quam manu vestra signastis, plurimis me lacrimis irrigare et oculis prosequi non dubitastis, nihil haesitans, quin nomina oscularer, quae scripta sunt in libro vitae, et dixi: Ecce quomodo computati sunt inter filios Dei, et inter Sanctos sors illorum est.

Has autem gratulationes, haec laudum preconia vobis reddentes, dilectissimi fratres, absit ut vos tentemus et inani gloria abripi sinamus. Quid enim habetis, quod non accepistis, quid gloriamini, quasi non acceperitis? (1 Cor. 4). An ignoratis quod ex vobismet nihil, sed gratia Dei estis, quod estis; omnis enim sufficientia nostra ex Deo est. Imo quanto majora ab eo accepistis, tanto magis timere debetis, ne inaestimabile donum, quod gratis a Deo accepistis, per inanem gloriam, per impatientiam, per teporem in orationibus, per remissionem in virtutibus, uno verbo per culpam vestram amittatis. Habetis thesaurum istum in vasis fictilibus; quanta igitur diligentia ac sollicitudine illum servare et custodire debetis; si diligenter expendatis, quid retribueritis Domino per omnibus; quae retribuit vobis. quaenam fortasse in quibusdam confusio orietur, inspiciendo imperfectiones veteris hominis adhuc restantes; quantumquisque adhuc distet ab ea sanctitatis perfectione, cognoscet, ad quam Deus optimus maximus per dona sua, per charitatem Spiritus Sancti et fortitudinem in adversis, vos trahere intendit.

Nolite igitur gloriari, nam gloria vestra nihil est, sed gloriamini in cruce Domini nostri Jesu Christi; simul autem ne fatigemini animis vestris deficientes, aspicite in autorem fidei et consumatorem Jesum (Hebr. 12, 2), qui proposito sibi gaudio sustinuit crucem; recogitate eum, qui talem sustinuit a peccatoribus adversum semetipsum contradictionem, nondum enim usque ad sanguinem restitistis. Dicite cum Paulo Apostolo (2 Cor. 4): «In omnibus tribulationem patimur, sed non angustiamur, operimur, sed non destituimur, persecutionem patimur, sed non derelinquimus, dejicimur, sed non perimus, semper mortificationem Jesu in corpore vestro circumferentes, ut ex vita Jesu munificemur in corporibus nostris.»

Semper enim nos, qui vivimus, in mortem tradimur propter Jesum. Vobis scribens, dilectissimi, eundum mihi haec verbis Apostoli, seu potius Spiritus. Si multo melius quam meis, ut quae non ego, sed Spiritus dicat vobis, cognoscatis, siquidem voluit Deus, ut per patientias et consolationem scripturarum spem habeamus.

Valete in Domino, charissimi, et gratia Dei, quae extemperat omnem sensum, custodiat corda vostra et intelligentias vestras in Christo Domino Jesu nostro etc.

LIT. D.

RESPONSORIA INCARCERATORUM,

die 23 Iulii, 1773 anni.

POST TITULUM.

Brevi terminabitur annus, quam digni facti pro Christi Nomine contumeliam pati, detinemur in carcere Berdyczoviensi. Unum quod nobis solatium et juvamen adfert est, quia nempe providentia Divina, cui sint infinitae gratiae, Excellentiam Vestram propter litteras, coelesti virtute praeditas, alterum Paulum et alterum Cyprianum, propter vero eleemosinas. alterum Joannem Alexandrinum, fungi officio Legati Apostolici per Poloniam, his maxime luctuosis temporibus opportune fecerit.

Ex nostra parte vilipenderemus carcerem, deponeremus innatum desiderium libertatis, sperneremus omnia derelicta, conformando nos monitis Evangalicis, nisi exoriretur in nobis sensibilis dolor, super ovibus Christi sanguine redemptis ad praesens regimini non unitorum subjectis, super conjugibus nostris modo vivendi destitutis, charissimaque prole ob calamitatem temporis doctrina adversariorum imbuenda, adeoque parentum suorum restigia minime secutiosa.

Excellentissimus et Reverendissimus Dominus Metropolita Archipastor noster incomparabilis charitatis erga suum clerum, non parcendo viribus in vinea Christi consumptis, neque magnis impensis, dignatus est visitare nos jam altera vice, omnes conatus adhibuit et adhibet apud D. D. Generales Exercituum Russiae pro eliberatione nostra, alimenta nobis suppeditavit, gesta et scripta ad se ab Excellentia Vestra nunquam intimare nobis desivit, neque desistit, de novorumque procuratione mediorum fine libertatis nostrae certiores nos reddidit. Verum cum noverimus Excellentiae quoque Vestrae auxilia nobis non defutura pro perceptis hucusque suis beneficiis gratias referentes, piaque suspiria et orationes pro incolumitate sua appromitentes humillime supplicamus, quatenus in praesentibus comitiis authoritatem suam coram Reipublicae Statibus pro nobis interponere non dedignetur, et quae ipsi videbuntur saluberrima media

adhibeat. Alias si dextera Excellentiae Vestrae, et Excellentissimi Metropolitae, non eripiet nos ex faucibus inimicorum nostrorum verificabitur in nobis, quod dicitur: Una salus vinitis, nullam sperare salutem. Iterum atque iterum ratione praemissorum supplicantes manemus post oscula pedum Illustrissimae et Reverendissimae Excellentiae Vestrae humillimi famuli et assidui exoratores.

Hic sequuntur subscriptiones, quae sunt nominatim et specifice eadem, ut in secunda epistola die 1 Martii anno 1773 data, praeterquam quod unus huic carceri accesserit.

Has litteras Illustrissimus Excellentissimus Nuntius Apostolicus die Augusti eodem anno recepit et rescribere tunc dignatus est, quando totum opus intuitu liberationis incarceratorum perfeci.

LIT. D.

Epistola ultima Eccellentissimi Nuntii Apostolici ad eosdem Praesbyteros, die 2 Séptembris, eodem 1773.

UNIVERSIS CHRISTI CONFESSORIBUS ETC.

Communicaveram olim vobis quasdam beati martyris Cypriani epistolas, quibus Spiritu roboremini et in praessuris carcerique squaloribus, in quibus pro Christi nomine versabamini, infirmitatem carnis Deo favente sistineretis. Nunc vero novam vobis mitto ejusdem martyris epistolam, quam in reditu St. Lucii Pontf. Max. ab exilio eidem conscripsit, ut qui simila huic esse meruistis, in passione sitis et in gaudio. Deus enim misericors, qui nunquam derelinquit sperantes in se, qui vos in agone fortes hactenus spectavit, vos tandem consolarii constituit. Maxima mea sollicitudo fuit, ut tempore oportuno de vestra liberatione inter delegatos hodiernorum Comitiorum et Roxolanum Ablegatum tractaretur. Non opus fuit mihi, ut concivibus vestris stimulos adderem. Pro Religione, quantum temporis rerumque ratio sinebat, invicte certatum fuit. Nullus fuit, qui vestrum omnium commiseratione non afficeretur. Quare factum est, ut Moschorum Ablegatus non solum ad supremum Ducem Romanzovium jam scribebat, ut vos omnes e vestigio in libertatem dimittat, verum etiam ab Imperiali sua Aula postulet.

Idcirco nihil morae interponendum duxi, ut de omnibus vos certiores, omniumque Sanctae Ecclesiae consolationum participes facerem, simulque de benigna in vos omnipotentis Dei providentia gratularer, et ipse ego, qui vobiscum saepius contristatus fueram, nunc tandem vobiscum gauderem. Salutate, fratres omnes, in Sancta Unione et sana doctrina vobiscum sentientes in osculo sancto. Valete.

Josephus Archiepiscopus Berytensis
Nuntius Apostolicus.

LIT. D.

IS IDEM EXCELLENTISSIMUS NUNTIUS DIREXIT SUAS LITERAS AD VARIOS CIVES PALATINATUS KIJOVIENSIS ET BRACŁAVIENSIS PRO SUFFRAGIO IISDEM PRAESBYTERIS,

Die eadem 2 Septembris.

Cum divina favente misericordia Sacerdotes Rutheno-Uniti, qui Berdyczoviae in carcere detinebantur, libertati non tam pridem fuerint restituti, Christianae charitatis, officium, exigit, ut qui ecclesiis suis bonisque omnibus spoliati, jam diu fuerunt necessariis vitae subsidiis a Christi fidelibus adjuventur. Indecorum siquidem quam maxime esset, et ecclesiastico ordini, et Catholici nominis dignitati, viros de religione adeo meritos in egestate ac mendicitate relinqui.

Hinc ego Dominationi Vestrae charitatis zelo summopere confisus, eos munificentiae et pietati suae enixe commendandos, duco, nequaquam dubitans, quin Dominatio Vestra gloriosos Christi confessores, fideique Catholicae strenuos pugiles permanenter sit susceptura, iisque pro modulo necessitatum opportuna ope profutura.

Poterit etiam offerri occasio, ut aliquas ex iis Ruthenis parochialibus ecclesiis vacare contingat, ad easque ius praesentandi ad Dominationem Vestram, vel ad ejus consanguineos et amicos pertineat. Quid laudabilius, quid opportunius erit. si Dominatio Vestra animum operamque suam applicet, ut de hujusmodi ecclesiis isti provideantur. Novit equidem Dominatio Vestra beneficia maxime parochialia absque salutis aeternae discrimine conferri non posse, nisi viris magis idoneis et dignis. Quinam autem digniores erunt reputandi, quam quorum fides nec minis, nec bonorum jactura, nec fame, nec frigore, nec diuturni carceris angustiis superari potuit?

Nolo pluribus verbis sibi hanc causam commendare, quae cum Dei causa sit, nihil indiget apud pium et religiosum virum meis vel comendationibus, vel officiis, nihilominus pro omni vel cura, vel sollicitudine,

vel studio, quibus Dominatio Vestra Catholicae unionis testes suscipere, protegere et adjuvare velit, me sibi devinctum imprimis continno fore profiteor, cupiamque mihi dari tempus ac locum inserviendi Dominationi Vestrae, ut possit sibi vere ac re ipsa constare. quae sit benevolentia erga se mea eamque existimo, quia me interea ex animo subscribo etc.

Varsaviae.
die 2 Septembris, 1773.

Josephus Archiepiscopus Berytensis.
Nuntuis Apostolicus.

Spectat ad eandem literam D. *

UWAGA Z TEGO WSZYSTKIEGO.

Kto od samych początków zjednoczenia Rusi z kościołem Rzymskim aż dotąd pilnie rozważy wszystkie dzieła, zaiste dziwna mu będzie między iednym w Polszcze Słowackim narodem iakaś wrodzona niechęć, a z niey wypływaiące podeyrzenia, přesądy, prześladowania y tak daléy.

Czas, który wszystko trawi y w niepamięc puszcza, tę iedną niechęć nie tylko że odnawia, ale y zwiększa tak dalece, że coraz w dalsze zachodząc lata, iuz ią nakoniec w szczérą odmienił nienawiść; a co większa, skoro Rusin przeydzie do obrządków Rzymskich, krzywym na tych miast okiem poglądać na swoiego brata Rusina, nienawidzieć y przesladować go będzie.

Zywe są na to swiadki Woiewodzwa y ziemie Ruskie, gdzie przedtem każdy obywatel iako w swéy ziemi trzymał obrządki Ruskie, tych atoli przez oyca, dziada lub naydaley pradziada odstąpiwszy, przychilnieyszym iest Lutrowi, Kalwinowi, lub przesmierdłemu Zydowi, niżeli z nim religią, kraiem y urodzeniem połączonemu Rusinowi.

Coż przecie tak niecierpianą między iednym y tymże samym narodem różnicę położyło? Czy ta rożnica bardziey z niewiadomości ludzkiey, niż z oświecenia pochodzi? Y czy tylko trwa w Polszcze? Troiakie tu zapytanie rozwiązać, a dopiero przyczynę tey niechęci, albo raczey nienawiści, upatrywać należy.

A nayprzód za czasów należenia Rusi de jurysdykcyi Patryarchi Konstantynopolitańskiego, iesli iaka między Sławianami szérzyła się niechęć, był przynajmniey pozor iakowyś do niey; bo zachodziła y przeciwność zdania względem głowy Kościołu, y okoliczności stanu kraiowego: zwłaszcza po zawoiowaniu stolicy Państwa Greckiego przez Tur-

* Тоже писано собственноручно Θ. Бродовичемъ.

czyna, którego potędze daiąc odpor Polacy, wpływ Patryarchi tego, iako iuż niewolnika Porty, do tuteyszey Rusi słusznie mieć mogli podeyrzanym, a przeto y o swoim narodzie, pod iego zwierzchnoscią zostaiącym, toż samo trzymać.

Lecz po odciągnieniu Rusi od tey zwierzchnosci, a zjednoczeniu z kosciołem Rzymskim upadła razem y iedna y druga do niechęci przyczyna; czemuż nie upadła niechęć, ale za czasem w szczerą się zamieniła nienawiść? Nie można iey zwalać na rózność obrządków, kiedy wiara iest iedna, y kiedy Luter, Kalwin, Żyd naostatek, tak daleko religią przeciwny, łatwiey nayduie przychylność, niżeli Rusin Niemożna zwalać na woyny Polakow, z Rusią wiedzione, bo te sroższe nierównie były między samemiż Polakami po podziale Polski na dwunastu synow Królewskich, a w póznieyszym czasie z Xiążętami Litwy, przecież nienawisci takiey nie zrobiły. Swiadkiem są tego trzy prowincyie: Wielko-Polska, Małopolska y Litewska.

W kraiu nayżyźnieyszym y obszernieyszym czwartey ustanowić nie chciano, y owszem kiedyś domagaiących się o to, z pogardą odrzucono; żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innemi miescić się nie godzien.

Prowincyi Ruskiey ustanowić nie chciano, chociaż w nayobfitszym y nayobszernieyszem kraiu.

Powtóre. Gdyby ta nienawiść z niewiadomosci tylko pochodziła, nie była by tyle powszechną, zostawała by szczególnie w częsci ludu nie oświeconego, który y kochać y nienawidzieć zwykł bez przyczyny; a tak, nie maiąc fundamentu, nie mogła by się długo utrzymywać. Gdy atoli trwa y wzmaga się przez kilka wieków, gdy bez wyłączenia stanu, płci y wieku tak pospolicie wszystkich ogarnia, że ią potomstwa niby w dziedzictwie biorą po swoich oycach, dziadach y naddziadach; gdy nadto y swiatłe duchowienstwo w obrządku Rzymskim, ogólnie wzięte, y osoby w nim szczególne pobożnoscią nawet znakomite, pomienioney przeciw Rusinom niechęci, a częstokroć y nienawiści utaić w sobie nie mogą; gdy na ostatek y w dziełach swoich, y w przywilejach, Unitom pozwolonych, a zawsze niedokładnych, * tym bardziey zaś w prawach, na przeciw Unitom z wielką dokładnością ukutych

Co do Dziel: Dawnoż Biskupi Ritus Latini starali się w Rzymie o to, aby Ruskich Biskupów Unitów pod swoią mieli jurysdykcyą? Dawnoż tak silnie w Litwie do

y niepoliczonych w każdey niemal jurysdykcyi dekretach z naywiększą

---

odmniany obrządków Ruskich przymuszano, że pospólstwo całemi wsiami na obrządek Rzymski przechodzić musiało, czego między innymi wieś Madzioły doswiadczyła? Dawnoż y tu, na Wołyniu, kiedy Biskup Ruski wielu odmieniaiących obrządek do sądu swego zapozwać kazał, y po wielu terminach za uporczywe niestawanie w klątew pozwanych podał, duchowieństwo Rzymskie tych wyklętych bronilo, y do uczęstnictwa Sakramentów w kosciołach swoich przypuszczało? Są na to ieszcze żywi swiadkowie.

Co do Przywilejów: Te, zacząwszy od Władysława Trzeciego Polskiego y Węgierskiego Króla aż do Jana Kazimiérża y pózniey, albò niedokładne były, albo żadney exekucyi nie miały.

Co do Praw: Pominąwszy nieszczęsliwych poddanych, na Rusi mieszkaiących, których srogą niewolę na kożdym niemal Seymie nową Konstytucyą potwierdzano, lud nawet wolny synów Kapłańskich do teyże wtrącono niewoli.

Konstytucya Seymu Convocationis to w sobie ma o synach Kapłańskich:* «Zapobiegaiąc universalnemu kraiów wszystkich Ruskich doświadczeniu y niebespieczeństwu, z przyczyny, że w tychże kraiach mnoży się wielu próżniaków sine servitio et artificio, zostaiących plebeae conditionis, Popowiczow nazwanych, z których ieżliby który do lat pietnastu do nauk w szkołach, lub rzemiosła iakowego w miescie nie applikował się, albo po skończonych naukach lub w rzemiesle wyćwiczony, tak do stanu Duchownego non adspirans, iako też do cechów w mieście nienależąc, takowego subditatui własnych adjungimus Kollatorów.» Dopóty są słowa rzeczoney Konstytucyi, ale słowa odkrywaiące grunt serc prawodawców, niewypowiedzianą złością napełnionego.

Co do Dekretów: Niemal w każdey jurysdykcii kraiowey zapadłych, tych iest tak wielka liczba, że zrachowane być nie mogą; grody, ziemstwa, trybunały, assesorie, własnie razem się na to sprzysięgły, aby Rusin żadney sprawy nie wygrał nigdy. Zostały się tylko u Rusinów ogromne próżnych dokumentów fascykuły, po onych wioskach funduszonych, niegdyś do cerkwiow należących, po onych summach licznych, na odprawianie wieczystych obligów zapisanych, y częscią na wióskach obywatelskich, częscią na kahalach Żydowskich lokowanych, temiż dekretami zniszczonych, a na rzęcz obywatelów y Żydow przysądzonych.

A nawet y tego Ruś doświadczyła, że iéy dokumenta nie dla tego, iżby o fabrykacyę podeyrzane, dekretami sekwestrowane były, ale z tey iedynie przyczyny, iżby, kiedy Rusin sposobną upatrzywszy porę, drogą prawa nie ważył się powtórnie swoiey własnosci odzyskać.

---

* См. ниже Konstytucya 1792. A. pod tytułem: «Deklaracya względem Konstytucyi 1764 Seymu Konwokacyinego,» pod tytułem: O Popowiczach.

niesprawodliwością Rusinów od ich własności odsądzaiących, też swoią zastarżałą nienawiść iawnie wywieraią; prżeto doświadczenie uczy, że ona nie iest płodem niewiadomości ludzkiey.

Zasiało się niegdyś w sercach, do tego usposobionych, pewne towarżystwo, właśnie w czas do kraiu tego przybyłe, rycérstwa, krzeseł, mitrę y tronu nieodstępne, Stanom Rżeczypospolitey aż do upodlenia się nadskakuiące, na zawłaszczenie cudzych maiątków łakome, a nayszczególniey Rusi, chociaż y ziednoczoney, niecierpiące. Nasiona tey nienawiści wzrosłe y wybuiałe tak silnie na gruzach zniszczoney Rusi, że trwaią y trwać będą do końca, chociaż iuż i po smierci tegoż towarzystwa. Prawdzi się prżysłowie: «Zła iskra y pole spali y sama zgaśnie.»

Trżecie zapytanie dowody rozwiązuią, że niecierpiana ta rożnica nietylko trwa w iednym kraiu y mieyscu, ale się wszędzie rozciąga, gdzie tylko Unici zostaią pod jurisdykcyą swoich Biskupów. W ostatku znayduie się i tam subtelną polityką pokryta, gdzie by y cienia iey spodziewać się nie należało.

Bo pominąwszy Italo-Greków, z któremi co się stało, Bulle nas zapewniaią, czegoż Unici z swoimi Biskupami nie cierpieli we Węgrżech? Iaką na dniu szesnastym miesiąca Wrżeśnia, roku 1769, Biskup Unit Munkaczyński, Ian Bradacz, poniósł obelgę od Biskupa Rit. Lat. Agrieńskiego, Karola Esterhazego? * Iaką poprzednicy jego na kathedrze teyże ponosili

* W tym to roku 1769, na dniu szesnastym Wrzesnia, za wolą Nayiaśnieyszey Monarchini, pomieniony Biskup Munkaczyński z klerem swoim przybył do miasta Agrii dla żądanego rozmówienia się z przerzeczonym Esterhazym, Biskupem Rit. Lat. Agrieńskim. Opisanie tey całey rozmowy iest authentyczne, lecz że nieco obszerne, dla tego niektóre tylko szczególności z niego wypisuią się. Po wielu w pierwszém powitaniu się wyrządzonych przykrościach y umartwieniach, «quaesivit Excellentissimus Carolus de Comitibus Esterhasi a Munkaczynensi Episcopo Unito: Cur sibi ad duas literas non respondit et de causis Terebesniensi ac Botariensi informationem non misit? respondit Munkaczynensis: Ad binas illas Vestrae Excellentiae litteras, in quibus mihi minabatur, quod nisi quo citius Agriam venero de alio cogitatura, sit medio, ideo non rescripsi, quia Excellentia Vestra non habuit, quod mihi minetur, stante benigno mandato regio, quo solo permoveri debueram, ut hic ocyus venirem. Terebesino autem et ex Botar nemo in aliquo laesus apud me quaerelam deposuit. Subsumens Agriensis dicit: Nec debent apud D. Vestram Reverendissimam deponere. Imo reponit Munkaczynensis: Si quis aliquid contra clerum et populum meum habet, coram me debet quaerulari. Nullatenus replicat Agriens.:

krżywdę? I pewnie by ta kathedra musiała była póyść pod jurysdykcyą Biskupów Agrienskich, gdy by się Rzymskim rozrządzeniom nie zastawiła była Nayiaśnieysza Maria Theresia, Cezarzowa Rzymska, Królowa Węgierska, która swoie y Biskupa Munkaczyńskiego prawa utrżymać raczyła.

Ego enim sum dioecesanus et ordinarius, Vestra autem Dominatio Reverendissima est tantum vicarius meus quo ad Ruthenos et mihi subjectus, utor posthac ordinaria mea potestate in omnibus. Toties confusus et explosus, tandem reponit Munkaczynensis: Domine Excellentissime, talem ordinariam Vestrae Excellentiae potestatem non recognosco et illi contradico.... Subsumit Agriensis: Non mihi contradicit, sed Spiritui Sancto et Deo. Tunc, conversus ad Archidiaconos, dicit: Ego sum Vestrarum Dominationum Episcopus, sua autem Dominatio (indigitans praesulem eorum) est tantum vicarius meus. Ad hoc reponentes Archidiaconi: Domine Exellentissime, ajunt, Clerus Unitus non recognoscit, neque recognoscet. Sedeant, exclamat Agriensis, Dominationes Vestrae, discant me abhinc suum Ordinarium honorare, tamen ille (indigitans Episcopum eorum) scit forte pro se loqui; quod toties aggerebat, quoties aliquis Archidiaconorum quidquam interlocutus est. Rursus conversus ad Munkaczynensem, repetit: Apparet, quod ficte venerit, et quod tantum eludere velit benignas ordinationes regias. Respondet Munkaczynensis: Domine Excellentissime, an ego ficte venerim, aut ludere velim, Deus scit et mea conscientia. Reponit Agriensis: Malam conscientiam habet. Quo audito Munkaczynensis totus expaluit, et dolore vocem praecludente, tacitus versus fenestram recessit. Surrexerunt illico et Archidiaconi, Episcopi sui confusione perciti. Sed neque sua Excellentissima quieta mansit, verum ad eandem fenestram divertit. Cui Archidiaconus Cathedralis: Quid hoc, inquit, Domine Excellentissime? Unus Episcopus Episcopum judicat contra omnes canones. Ego, ait Agriensis, non judico. Interea Munkaczynensis Agriensi valedicere et versus partem progredi coepit. Verum sua Excellentissima praepedivit non adhuc (inquiens): Vestra Reverendissima Dominatio debet mihi professionem fidei elicere et juramentum fidelitatis ac obedientiae deponere secundum canones et constitutiones Pontificias. Replicat Munkaczynensis: Domine Excellentissime, ego ad exegentiam bullarum mearum, tam professionem fidei alicui, quam et juramentum fidelitatis ac obedientiae, tempore consecrationis meae summo Pontifici ac Sedi Apostolici deposui, duos Pontifices non agnosco, neque volo esse perjurus. Reposuit Agriensis: Quid, quid? non vult esse perjurus, tamen ista est mens Ecclesiae et praxis secundum canones et constitutiones Pontificias? Tunc promiscua disputatio exoritur, quinam essent illi canones, quae constitutiones? Munkaczynensibus: Constitutiones pro Italo-Graecis, Cypriis, Siculis et aliis similibus latas, ad se et populum Unitum in Hungaria non pertinere dicentibus, neque se illas unquam acceptaturos. Urget ultro nec Agriensis juramenti depositionem. Cui compositis manibus Munkaczynensis: Domine, inquit, Excellentissime, si ultro nec ita mecum egerit, sicut adusque, neque ego proficiam, nec Vestra Dominatio Excellentissima faciet aliquid boni,

Wiedz o tém, ziednoczony Rusinie, a w kraiu twoim od użycia praw, swobód y prerogatyw na zawsze oddalony, że próżnie wysilasz się na ukazanie wierności, posłuszeństwa y poddaństwa twego, próżnie na dowód statecznego w Unii wytrwania oddaiesz się w niewolę y gotów iesteś nie tylko maiątek, ale y życie tracić; nie będziesz wierzonym nigdy. Los twóy zawsze iest smutny. Polak cię przesladować będzie w tém uprzedzeniu, żeś przychylny Moskwie. Moskal tóż samo

sicut vidimus, accedisse in Transilvania et dioecesi Magno-Varadinensi, ubi ex tanta gentis multitudine, paucissimi respective in sancta Unione perseverant. Interrogat Agriensis: Quis est in causa? Respondit Munkaczynensis: Varadini Ordinaria Potestas, Episcopi Latini. In Transilvania autem influxus unius Jesuitae Theologi, prout constanter affirmabat praedecessor meus, qui utrobique fuit in commissione regia, sed permittat me Vestra Excellentissima, per tres annos, et ego cum clero et populo meo quiete et tranquile agam, et tunc, deinde, si ego sacram Unionem non promovero, poterit aliquid simile tentare. Non, inquit Agriensis, sed potius Vestra Dominatio. deponat mihi nunc juramentum, et post tres annos potest ab illo absolutionem petere a Pontifice. Ad quae dicta, caeteris ridentibus, spuit Archidiaconus, dicens: Ergo ita luditur cum juramento.... Scandalizat nos Vestra Excellentia: scriptum est enim: «Non assume nomen Domini in vanum.» Respondit Agriensis: Non est hoc in vanum. Reposuit idem Archidiaconus: D mine Excellentissime, dignetur supponere me non ignorare conditiones juramenti: Iurabis in veritate, in judicio et in justitia. Quae conditiones locum hic non habent. Subdit Munkaczynensis, reflectendo Agriensem: Nonne promisit Vestra Excellentia Sacratissimae Majestati, quod velit mecum agere, ut cum fratre et nullatenus vices superioritatis erga me explere? Reposuit Agriensis: Omnino in modo agendi, juri tamen meo non caedam. Aggressus tandem ultimo Munkaczyns., iterum magna cum commotione dicere coepit, quod ficte venerit, quod omnia ficte agat, quod denique benignos ordines regios eludere velit, proinde, non accepto, inquit, istum simulatum adventum, et tamquam Suae Majestatis Consiliarius, declaro, non esse satis factum regiae menti, sed fiat satis postea, et quod nunc non vult, doponet mihi juramentum. Replicat Munkaczynensis: Vestra Excellentia est potens, habet vias et modos me vexandi et pro parte sua multa impetrandi, sed spero, neque me Deus derelinquet cum meis, neque Majestas Sua Sacrissima nos, fideles subditos suos, vexari patietur. Quibus dictis, facta perhumana valedictione, redivit ad suum hospitium, in quo et noctem egit; sequenti vero, qui Dominicus erat, die, audito sacro apud Patres Minoritas, sumtoque cum suis prandio Agriae in diversorio, discessit, clero comitante, usque ad possesionem, Sajo Petri dictam, ubi totum clerum de mutua cum Latinis plebaniis charitate, deque servando altissimo silentio corám rudi populo, ne quid gestum sit, propaletur, admonuit, et sic ab utrinque discessum est.

uczyni z tego powodu, żeś Unit. A ci sami, którzy cię w roku 1773 uwięzionego z niewol podzwignęli, za lada podeyrzeniem (iak w dzisieyszym stało się roku) więzić, męczyć cię będą y życia pozbawią, tę tylko tobie oddaiąc sprawiedliwość, żebyś nie z obcey, lecz z swoiey domowey, ginął ręki.

Już tedy nic pewnieyszego nadto, że między iednym w Polszcze Słowackim narodem wrodzona iakaś trwa nienawiść. Lecz co by ią y tu y wszędzie sprawowało? Nie łatwo zgadnąć, chiba to iedno: że ty, Rusinie, chociaż Uniowany, gałęzią przecie iesteś owego drzewa, w którego pniu naypierwiey truciznę upatrzono. Ty przynaymiey, przez kwaśniki, należysz do Kosciola Wschodniego, który odważył się kiedyś emulować y równać się z Zachodnim. To zdaie się grzéch twóy nieodpuszczony y większy u świata, niż pierworodny w obliczu Boga; bo go a ni chrztem, a ni pokutą, a ni sprzymierzeniem się, a ni odmianą wielu twoich obrzędow dawnych nie zagładzisz.

Nie trzeba cię przekonywać o tem, co widzisz w żywe oczy; lecz, żebyś y o Zachodzie był przekonany, czytay z uwagą to pismo, które przyłączam. Autorem iest jego Greczyn urodzeniem, religią Rrzymianin. Odmienił swóy obrządek, próżnie spodziewaiąc sie czegoś dla siebie pomyslnieyszego. Że w niektórych rzeczach podchlebnie pisał, trzeba mu to darować; atoli w tym stateczny, że y prawdę odważnie pisał, zwłaszcza w tym mieyscu, gdzie żaden tyle smiałosci użyc nie mógł. Inaczey by pisał zapewnie, gdy by tam pisał, gdzie się rodził.

Spectat ad lit. D. *

Epistola Dogmatica, scripta a Reverendissimo Domino Abbate Nicolao Comneno Papadopolo, publico Canonum Lectore, ad quemdam Religiosum Oratorii Romani virum, eo temporis magnae apud Cardinales totamque Curiam Romanam auctoritatis.

ADMODUM REVERENDE PATER!

Injunxit mihi Reverentia Vestra (postquam sine arbitris collocuti essemus apud Illustrissimum Praesulem Philiadelphiensem), ut sibi Patavio mitterem seriem eorum, quae ad utilitatem fidei et Unionis utriusquae Ecclesiae dixeram mero percitus zelo gloriae Dei Sedisque Apostolicae. Reduci porro mihi Patavium, distentoque plurimis meis occupationibus, fateor ingenue, omnia haec mente excidere. Qua propter ut paream mandatis Dominatonis Vestrae et non halluciner in eo, quod mea sententia vergit sane unice ad conversionem Graeciae (ergo quam instinctu naturae et gratiae magnam partem injendi cogitationum mearum) operae pretium duxi mandare chartae, non quidem ideam, quam gero in mente et media peculiaria, quae mihi videntur unica ad consequendum hunc finem, sed praeliminaria utrorumque.

Praestabo igitur hoc ea brevitate, quam patietur res tanti momenti, revocandi totum ad principia aut per se ipsa evidentia, aut innegabilia ob experientiam. Ad sananda vulnera quae sunt quaedam semidisunio et discontinuatio partium, dogma medicorum est, oportere curam haberi, ut illi humores, qui olunt hanc disunionem, e medio tolluntur, aut divertendo eos alio, aut cogendo proruere foras sive medias suppuratione, sive etiam incisione; sublata enim causa disunionis et alimento illius, natura ipsa leviter medicamento quopiam adjuta facile redit ad unionem, sibi debitam.

Porro quis ignorat schisma non esse quid aliud, quam divisionem, quae separat membra Ecclesiae a corpore et discontinuat sacrosanctum totum

---

* Писано собственноручно Бродовичемъ.

sponsae Christi? Ut tale describit illud nobis etymologia nominis Graeca, ut tale definiunt illud cum theologi, tum canonistae, quorum longam seriem exhibet celebris Tibaldonus Farinaci C. Anazaretii, quaest. 184 N 26.

Convenit igitur et oportet eum, cui coelitus indita fuerit voluntas tollendi ejusmodi schisma, in primis propulsare causas ipsius, his namque sublatis charitas diffusa in cordibus nostris, cooperante Divina gratia, revocat partes depuratas ad Sanctam et desideratam Unionem.

Ait ad tollendas e medio causas ejusmodi, quis dubitare poterit requiri cognitionem earum: nec satis est eas cognoscere, sed opus est cognoscere eas optime secundum circumstantias internas et externas. Etenim si internae causae foveantur etiam innocenter ab externis, mederi istis non poterimus in earum malignitate, nisi reprimatur morbus illorum.

Hinc ego in praesenti, eoque familiari sermone, quem texere aggredior, omne studium adhibebo, ut aperiam causas schismatis, ex iis namque Reverentia Vestra et unus quisque alius deducet directe remedia, cum utilia, tum necessaria ad illud evertendum tute et extirpandum sine illusionibus, ad quod fortasse in Ecclesia Dei nequidem habetur quidpiam magis idoneum. Qua in re ego minime intendo habere rationem commodi mei proprii, tum quia ego aut non curo utilitatem meam, aut (si forte aliquando curaverim) feci id animo prospiciendo huic tanto operi, tum etiam quia scribo Reverentiae Vestrae non ut cooperiam defectus, quos ego palam faciam, etiam praeter intentionem ad schisma (ut facerem disserendo, aut tractando cum Graecis), sed ut aperiam omnia, patefacto namque tanto remedio, cum mihi sit optime perspectus sanctissimus zelus Sedis Apostolicae, ac praecipue hodierni Summi Pontificis Innocentii XII, pro comperto habeo, quod nec illa, nec ipse tolerabit inter Latinos id, quod etiam innocenter possit impedire opus, quod toties aggredi libuit, semper tamen sinistro eventu.

Loquar igitur clare speraboque veniam a Reverentia Vestra, si haud respexero prudentiam carnalem, ubi agitur de bono meae nationis dilectae et gloria Sedis Apostolicae, quae sunt duo quidam poli, in quibus revolvitur tota vastarum cogitationum mearum circumferentia.

Duo fuere causae, ob quas Ecclesia Graeca separavit se a Latina. Prima: Innatus quidem fastus nationis Graecae, quae

reputando sese in omni qualitate superiorem omni alia natione (ut sane tunc erat), non poterat quiete videre se subjectam Ecclesiae Romanae. Verum tamen quod ad usque Ecclesia Universalis ob vicinitatem temporum Apostolicorum spirabat illam pietatem, quae excessum amoris proprii moderabatur; et Ecclesia Romana usa est sua suprema auctoritate raro et moderate: Graeca exhibuit sese erga illam, si non quoad omnes suas partes et totaliter obedientem, sane quoad plura sua membra patientem et obsequiosam. Et si vero Graecia caeteroque Sancto Deo, semper grata erga Ecclesiam Romanam servare nihilominus voluit semper ostentationem suae pleonarchiae, prout apparet ex celebri illo Sancti Basylii effato: «Odi fastum Ecclesiae illius,» relato parum prudenter, censoria virga notato a Baronio Annal. anno Christi 372, 32. At tamen non ausa est unquam publice rumpere charitatem. Sed postquam crescente Romae desiderio legitimo quidem et aliquando necessario, saepe vero vel austero, vel importuno ostendandi praedominium, coepit palam facere independentiam suorum decretorum, corroborata naturalis superbia Graecorum praerogativis, quibus eorum Ecclesia gaudebat ab antiquo, erubuit obligari se ad obediendum aliis, praeterquam sibi ipsi.

Sic coepit illa exacerbare animos per violentiam in exequendo et diffidentiam in operando (Annal. Baron. passim et praesertim de anno 372, N. 15). Tota vero coepit moliri eximere sese ab subjectione non curando decreta Romana, et adinveniendo seditiose nova vocabula, quae cum contendant debilitare authoritatem in multis rebus Roma provenientibus, adscribunt quendam primatum illegitimum et spurium Patriarchae Constantinopolitano in titulo isthoc oecumenici, qui etsi impugnatus a Felicio reordinationes Pelagio Papa 6 Epistola Rom. Pontif. Apostolica a Gregorio libr. 4. ind. 4. Ep. 36, 38, 39. Et liber ex Epistola 69 ferventius rejectus fuerit, viguit tamen posthac longe tempore dissimulatus et resumptus, quoad usque redderet cum sibi proprium sedes illa, quae cum usurpavit, et adhibuit etiam in Concil. Florentino, in facie totius Ecclesiae, legitime ibi congregatae. At Concil. Florent., Sess. ult. in summ. in cod. Concil. Ita nempe fastus nostrorum (qui forte suaviter aliquando tractatus erubesceret ipsimet), corroboratus acerbitate remediorum, majorem partem intempestive adhibitorum, fuit una e duabus causis infortuni schismatis, quod Sanctam dividit Ecclesiam.

Secunda causa juste refunditur in praepotentiam Imperatorum nostrorum, qui tamen in Oriente, quam in Occidente assueti disponere pro

arbitrio suo de rebus sacris, nescio sacrilega ne magis praesumptione ipsorum, aut nimium mansueta ignavia ecclesiasticorum, postquam viderint pedetentiam Ecclesiam Romanam excutere jugum eorum (Nostra interim praeoccupata a praesentia principuum; Baron. Ann. 497. N. 13, Anast. in Vita Agap. Sylv. et Vigdaba, aut debillitata haeresibus continuis, aut prodita a pastoribus timidis et ab adulatoribus indigne administrata), aversari coepere Latinos quanto injustius, tanto constantius.

Constat hoc peritis ex historia ecclesiastica, in qua videmus, quod, exceptis Marciano Leone, Iustino I et II, Tiberio et Phoca, in hoc solum nomine impii omnes caeteri usque ad apertam scisionem, furiosas et scandalosas exercuerint contentiones cum Pontificibus: Arcadius cum Innocentio (Theod. L. 51, cap. 34, apud Innoc., apud Gonod. Niceph. et Glycam), Theodosius cum Sancto Leone et Zeno cum Felice (Leo disp. 33 et alii), Anastasius cum Anastasio Papa (Baron. Annal. 482 2), Iustinus cum Agapito, Sylverius cum Vigilio, Mauricius cum S. Gregorio (Greg. l. 2, cap. 62 et 67 et in Psalm. poenit. 4) et Heraclius cum Severino (Conc. Later. Act. I), Constantinus Pogonatus cum Agathone (Idem in Agap. Baron. Annal. 68, N. 551), Iustinianus cum Sergio (Pandect. de gest. Longob. 36. B. V. Ind. de sex statu in Ist. min. Annot. in Serg. VII, idem in Constant., tum Platina), Tiberius Absimanus cum Ioanne VI, Philippus cum Constantino, praeter alios Imperatores Iconomachos, qui ob suam haeresim numquam habuere pacem cum Sede Apostolica.

Crevit ultra modum odium nostrorum Principum in Romanos Pontifices, cum essent spoliati titulo vano Imperatorum Occidentis, quo titulo Francis collato videtur ex abysso prorupisse quaedam aeterna discordia duas inter nationes, Graecam atque Latinam. Neque errabo, si ausus fuero constanter affirmare, quod fomentum efficacissimum hujus causae schismatis fuit translatio Imperii. Qui bene consideravit totam seriem historiae illorum temporum, judicando sine studio partium, duo poterit affirmare: 1-mo: talem translationem utilem fuisse Ecclesiae Romanae, deinde necessariam etiam toti Italiae. Utilem quidem, quia per eam Pontifices posuere sese in actuali possesione dandi Imperium, atque sic eo ventum est, ut non sacerdotium regno subjaceat, ordine quodam innaturali, sed regnum subjaceat sacerdotio, ut requirit rerum coordinatio, quas inter res sacra legem dant profanis. Necessariam vero Italiae, quae tunc temporis deserta sive ob Principum nostrorum in Italia, sive Bar-

barorum ex Francorum, sive Tyrannorum domesticorum inertiam, hoc modo pervenit ad Unionem cum suo capite civili, gubernataque et defensa gauisa est per aliquod temporis in praestantiori sui parte pace tranquilissima.

Sicut porro translatio ejusmodi utilis fuit et necessaria, sic dici potest eam factam fuisse intempestive. 1-mo, Quia facta fuit tempore, quo regnavit mulier cum principibus constantissimae religionis, proindeque minus digna, quae tam magna afficeretur injuria. 2-do, Quia facta fuit tempore illo quo profligata aliquantum in Graecia haeresi Iconoclastarum, non videbatur expedire, ut exacerbarentur animi tam inprovisa mutatione. 3-io, Quia facta fuit in Graecam nationis parum amicae tunc Graecis. Opus proinde fuit mittere legatos ad stabiliendam pacem cum Irene Imperatrice, quae (deposita interim Irene) inita fuit cum Nicephoro, qui ob ejusmodi translationem adeo adversus fuit Latinis, ut licet catholicus non permiserit Nicephoro Patriarchae scribere ad Papam, aut communicare cum ipso. Recenset id praeter nostros scriptores, Zon., Niceph., Theophilacto, Baronius Annal. 802, N. 2, 5, 6.

Odium tamen conceptum permansit in nostris Principibus perpetuo. Etsi porro in Basilio Macedone deferbuerit adeo, ut is videretur obsequentissimus erga Ecclesiam Romanam, exorta nihilominus controversia (Anast. in Adrian. et in praefat. ad VIII Sinod.) de ritu Regularium, quos Graeci vocebant suarum esse partium eo, quod eos converterint sub Nicolao Papa (Idem in Niceph.), ipse tunc prae omnibus excanduit erga Ecclesiam Romanam, atque adeo dici jure potest, quod translatio Imperii efficax fuerit fomes secundae causae, de qua loquimur. Controversia de ritu Regularium fuit ultima ejusdem actualis, et ultimum quodammodo expressum determinativum, quod inveniendo utramque causam dispositivam ad totalem rebellionem, applicata secunda, traxit utramque ad monstruosam productionem divisionis, adeo pertinacis.

Ecclesia Romana habuit hoc in negotio plurimas rationes pro parte sua (quod ego fusius demonstravi in multis meis epistolis dogmaticis). At negari nequit controversiam hanc fuisse ita male tractatam, cum tam manifeste importunis circumstantiis et errore, ut tandem dederit impulsum ad totalem pacis turbationem. Haec controversia urgendo instabile cerebrum Ioannis VIII (Epist. 28 Ioann. VIII) ad comminandam excommunicationem Sancto Patiarchae Ignatio, vires addidit in exilio (Baron. Annal. 378, N-ro 8) malitiosae execrandi Photii audaciae. Haec controversa

illiciendo eundem Ioannem spe videndi Latinam Bulgariam, induxit eum etiam ad permittendum scelerato Photio, damnato ab integro Concilio Universali (Anast. in not. ad VIII Synod., ipsa in act. ult. Nicet. in vita Ignat.) iterum ascendere sedem recens post mortem Ignatii occupatam, cum scandalo totius Ecclesiae (Baron. Annal. 879, N. 4 et 5), et exacerbavit animum Basilii adeo, ut scripserit ferocissimam illam epistolam ad Adrianum III (Baron. Annal. 884), ad quam postea Stephanus cum fervore non inferiore, sane Apostolica severitate, respondit (refert Baron. Annal. 885, N. 9). Et quod magis interest, contentio haec fuit talis, ut ipsa tandem posuerit initium schismati, quod ex illo tempore usque hodie lacerat vertem Christi Domini inconsulitem.

Sic igitur fastus Graecorum et livor Principum Orientalium formarunt duas causas principalissimas schismatis, illudque conservarunt per annos circiter 500, quanti scilicet effluxere a pseudo-Synodo Photii usque ad expugnationem Constantinopoleos. Ab illo tempore defecit una et altera, siquidem tanseundo nos a libertate ad servitutem perdidimus cum libertate fastum, atque in tribus saeculis, quibus servi vivimus sub tyrannide Muhametanorum, eo redacta est Graecia, ut jam vilissime de se ipsa sentiat. Haec eadem catastrophae tollendo a Graeca principatum sustulit etiam in ea odium Principum Graecorum contra Ecclesiam Romanam, defeceruntque schismatis duae quodam modo causae, quae illud foverent temporibus futuris.

Succepere primis jam extinctis imo in ipso earum funere et ex ipsis earum cineribus consurrexere duae aliae, quae non minus valent alere discordiam aeternumque conservare disunionem. Prima est in Graecis, estque ignorantia, secunda est in Latinis, et est modicissima charitas. utraque filia ruinae Imperii nostri, atque talis ruinae, quae erepta nobis libertate et commodo studendi, cogit nos esse necessario ignaros, pariterque erepto nobis cum Imperio omni lucro, quod reddere nos possit obiectum aut aestimationis, aut amoris; non est, qui exhibeat nobis signa observantiae et aestimationis, et proinde non est, qui complectatur nos efficaci benevolentia. Neque id videbitur evenisse sine manifesto judicio Dei justi, innumerabilium culparum nostrarum punitoris. Enimvero si superbia fuit causa rebellionis nostrae contra Ecclesiam, aequum est, ut vilitas non reducet nos ad eam, sed procul nos teneat, exhibendo nos objectum, parum dignum amore Latinorum efficaci; deinde, si invidia nostrorum Principum sic nos cautos reddidit, ut eis adulando

et obsequendo eorum flagitioso genio secederemus a dogmatibus catholicis, congrua proinde malitiae nostrae poena est, ut stupida ignorantia impediat lucem veritatis. Plura dicere ad causas schismatis nostri aperiendas posset, qui voluerit considerare calamitatem nostram; illis ego inventis hic sisto.

Postquam ergo in locum fastus et odii successerint ignorantia et modica charitas, hae ipsae conservant firmissime disunionem Ecclesiarum. Et prima quidem excaecat adeo nostros, ut non videant controversias nostras indignas esse ingenio Graeco, cum sunt manifestae ridiculae et futiles errores nostri, utpote qui revincuntur sive ex Sanctis Patribus, quos veneramur, sive ex nostris historiis, quas adprobamus, sive ex ipsis ritualibus Ecclesiae Sanctae libris, quas in dies decantamus; secunda vero reddit adeo pigros adjuvandos nos, adeoque parum sollicitos de saluta animarum nostrarum Latinos, ut aut contemnere illam videantur, aut ob injuriam non adhiberunt operam, aut si adhibent aliquod remedium, faciant id adeo languide, ut cum juvare deberent, magis noceant.

Si judex quispiam obtulerit sese ad pensandas duas hasce causas, decidendumque, utra earum magis cooperetur ad materiale hujus discordiae, ideoque magistra calamitatum nostrarum, Vivit Deus! decidendo sine passione et sine adulatione, fateretur sane magis culpabilem esse eam, quae est ex parte Latinorum.

Ignorantia Graecorum est quaedam necessaria consequentia servitutis, sub qua gemunt infelices, probabiliusque idcirco, quod neque habeant, qui eos instruat, neque ipsimet procurare sibi valeant instructorem. Haec ignorantia quasi in omnibus est invincibilis, quia dubitant, vel dubitare etiam non possunt, aut quia vivunt in partibus, ubi nequidem auditur nomen Latinorum, aut quia, si quibusdam in locis audiunt commemorari diversitatam dogmatum Graecos inter et Latinos, dogmata istorum sunt illis proposita in terminis formalium haereseorum, ita ut communiter damnent Latinos, non de eo, quod catholice isti credunt, sed de eo, quod ipsimet Latini damnant. Id quod saeculo hoc est communissimum ignorantiae Graecorum nostrorum, qui cum sciant damnatam fuisse hoc saeculo ab Ecclesia nostra Graeca doctrinam Cyrilli Lucaris, Patriarchae Constantinopolitani, qui ausus erat introducere in Graeciam Calvinismum, existimant, quod ejusmodi dogmata sint Latinorum, qui in Graecia ab ignaris vocantur Calvinistae et Luterani .

Contra vero modica charitas Latinorum excusationem non habet. Ecclesiae Romanae non fuit data praecise potestas pascendi, sed potestas in actu Huic Petro non fuit dictum: «possis pascere, sed pasce oves meas, pasce agnos meos.» Illi non fuit data nuda vis revocandi ab erroribus errantes, sed ipsum opus, ideoque dicitur eidem Petro: «Et tu aliquando conversa, confirma» etc. Si autem Vaticana potestas praedicata fuit in illo Isaiae 44, v. 6: «Dedi te in lucem gentium, ut sis salus mea usquae ad extremum terrae,» consideret, qui potest, utrum deceat lucem potentia aut pigra, aut negligens in illuminando, et utrum deceat salutem plena taedii efficacia salvandi animas? Insuper adest obligatio propria illi Ecclesiae, quae gaudet vicariatu Christi. qui venit propter nimiam charitatem, qua dilexit nos unice in mundum, ut salvaret mundum totum, et qui proinde totus spirat amorem erga proximum peccatorem, de cujus poenitentia concipit majus gaudium, quam de innocentia nonaginta justorum, quem conversum majoribus complectitur blanditiis, quam obedientem filium, in quem respicit attentiori occulo, ut respexerat in Petrum negantem et perjurum, quam alios Apostolos innocentes in eorum timore.

Si igitur vicarius tenetur assumere personam et officium actuale illius, qui eum vicarium constituit, ut certum est, in utraque lege (C. I. de Offic. Archid. C. 1 de Offic. Archiep. utroque tit. et Cod. de Off.), negari ne potest Ecclesiam Latinam teneri ad quamdam extremam charitatem erga errantes, et quod in ea, si modo adsit, sit culpabilissimus neglectus caritatis debitae ex officio, commendatae in capite et necessariae ad salutem deviantium? Superfluum foret in ampliores excurrere probationes veritatis, adeo clarae, ast sufficit concludere necessario id, quod non ego, sed tota Graecia etiam catholica, reverenter dolens effatur, nimirum: quod schisma Graecum vivit et lacerat Ecclesiam, magna ex parte culpa est omissionis, cujus sunt rei unice Latini.

Vestra Reverendissima si tantum virtutis sortitu est a Deo, infundat et adjuvet Romae hunc erga Graeciam amorem fervidum efficacem, qui sit et appareat talis, et ego spondeo Graeciam utique convertendam. Hoc unicum est, et unice sufficiens remedium malorum nostrorum; subrogata enim, in locum tempiditatis descriptae, omnipotentia charitatis efficacis et manifestae, ob defectum causae conservativae, schisma procul dubio evanescet.

Replicabit mihi Reverentia Vestra, nonne tanta praestitit Sedes Apostolica, ut Orientem reduceret ad veritatem? Respondeo: Illa charitatis opera praestita fuere tunc, cum non esset opus charitate, sed potius mansuetudine et humilitate, nempe, quanto adhuc consisteret Imperium nostrum. Ego caeteroque invenio difficultatem insuperabilem in probando Graecis, quod etiam illa tempestate fuerint signa amoris erga nationem Graecam, nempe: cum Innocentius III (Lib. 5, Ep. 135) tot tantoque exhibuerit signa laetitiae eo, quod Franci potiti essent Imperio nostro, cum mandasset omnibus cruciatis, ut iuvarent illos in conservatione occupatorum, cum Urbanus postea IV (Lib. 1. Ep. 219—231) et seque indixisset cruciatam contra eosdem Graecos, postquam excusserint jugum Francorum, expellendo eos ab Imperio suo, id quod non fuit factum de Calvinistis Holandiae, quando defecerint a principe catholico, neque fit nunc cum haereticis Anglis, proscripserunt suum legitimum et catholicum regem, ut ei subrogarent usurpatorem et haereticum.

Sed fuerit sane tunc temporis manifesta haec Latinorum benevolentia erga Graecos, de facto illa non apparuit talis, et fuit in se ipsa aut inconsiderata in mediis, aut per incuriam inordinata in circumstantiis, et proinde sine ullo emolumento. Praetermitto comminationes, restringo me ad ponderandos effectus illius benevolentiae celebriores. Sunt isti exhibiti in duobus Conciliis celeberrimis, Lugdunensi et Florentino. Ad primum pertractus fuit Michaël Palaeologus mero timore, ut testificantur nostri scriptores (Pachym. Lib 5) et fatentur id etiam Latini (Baronius Annal. 1269, N. 58, et 1270. N. 2). Hinc evenit, ut illa unio fieret quaepiam solemnissima delusio, quandoquidem Michaël operatus ex vi motivorum Politicorum stabiliendi gratia Imperii sui, paulo ante a tyrannide Francorum occupati, et ob merum timorem concitandi adversum sese cruciatas, et siquidem temporis ostenderit se esse unitum (quod illi animum addebat invincibilis constantia sapientissimi confessoris Ioannis Vecci, Patriarchae Constantinopolitani), simul ac desierit timere, neque videret sibi insidias strui a Latinis, illico deposuit larvam, declarando se post sex annos furiosissime schismaticum, ut colligitur ex Act. Martini IV, qui eum idcirco excommunicavit (in Mart. 18 tom., 5 Ep. Rom. Pont., c. 3 et 4).

Ad secundum vero, nisi velimus hallucinari, Graeci venerant cum suo Imperatore, ob meram spem, consequendi a Latinis adminicula contra Turcas, ut apparet ex historia Concilii et ex actis Concilii Basiliensis nondum schismatici, ubi ex motivis ejusmodi coepit tractari de Unione.

Hinc fuit, quod cum ibi agerentur, ex motivis commodum spectantibus, imparatis et non dispositis rebus, licet in sanctissimo Concilio (Act. Floren 9—5) opera Spiritui Sancti, quasi per miraculum stabilita fuerit Unio, vix tamen duravit per annum unicum, si modo non duravit tamdiu, quamdiu commorabantur Graeci in Italia. Id itaque, quod Latina Ecclesia fecerat maximo cum dispendio ad uniendos Graecos, quia procuratum per media, parum ad rem facientia, evanuit ante ruinam Imperii nostri. Hac tamen subsecuta, velem dici, mihi a Reverendissima Vestra, quod nunquam fecerunt Latini revocandorum gratia Graecorum ad fidem? Dignetur percurrere, aut ab alio percurri faciat, Annales, quos continuando Baronium, conscripsit Rinaldus e Congregatione Oratoris (in qua Vestra Reverentia vivit) ab anno 1454 usque ad finem, et inveniat mihi vel unicam syllabam, quae ostendat cogitasse nunquam Latinos de Graeciae conversione.

Inveniam ego multa ad dicendum, si id voluero considerare, quod fiebat et fit ad eos alienandos tenendosque longe ab eorum matre et benevolentissimo sinu Sanctae Ecclesiae. Audio celebrari, ut medium ad unionem desideratam (mihi neque licet per tempus, neque animus est percurrere omnia, scribendo hic ad publicum, neque volendo exponere Sedi Apostolicae, quae adhiberet remedia), nostras aerumnas. Permittat mihi Reverentia Vestra, quatenus ego attingam aliqua horum mediorum, ut descripta in propria eorum facie videat Reverentia Vestra, an non sint potius obstacula, in quibus mirum in modum appareat modica cura de nobis. Quid igitur facere isti post subsecutam nostri Imperii ruinam animo convertendi Graeciam?

In primis: irritarunt in perpetuum nationem illam turpissimis scriptis, quotquot assumpsere nomen historicorum, aut contraversistarum, jactando in qualibet occasione odium quoddam universale contra Graecos. Baronius non loquitur nuquam de illis, nisi cum formali contemptu, cum apertissima injuria ita, ut si quispiam Imperator Graecus victoriam reportaverit, scribat ipse: «Vicerunt Romani.» Si idem victus est a Barbaris, ipse scribit: «Graeci turpiter, ad internecionem caesi a Barbaris. «Si aliquis author Graecus laudat Graecos: «Mendax est»; si loquitur sinistre: «Veridicus est». Si Anastasius Bibliothecarius fovet ipsis: «Ipse erat amicus Photii»; si eos condemnat: «Ipse Evangelista est.» Non recenseo locos, cum sint infiniti. Legatur magnus ille scriptor, te palam fiet, hunc esse ordinarium modum loquendi ipsius, quemadmo-

dum est etiam continua praxis ipsius, vocare eos «perfidos, infidos, deceptores» et similia. Imo etiam eo perrexit, ut despectui habeat Sanctos quoque modis parum decentibus. Similiter loquitur et Bellarminus, vir sane doctissimus, ast sicut peritus linguae nostrae, ita inexpertus rerum nostrarum, adeo, ut cum aggreditur Graecos, finget sibi Achillem quemdam personatum, quem prosternat; formando nimirum sibi argumenta subtilia, ad quae sibimet respondeat cum non minore subtilitate; quin tamen revocet ad examen argumenta, debilia quidem, sed quae unice vim adferunt Graecis. Imo ex istis, si aliquando quidpiam proposuit, est adeo infelix (De Sacr. Eucharist. L. 4, c. 14. Ejusd. ad 3 Argum. et alibi) in danda solutione, ut potius addat animum schismaticis.

Maimburgus meruit Breve a Papa, quia descripserat schisma Graecum, hoc est, libellum infamatorium nationis. Est quoque Jesuita quidam superstes, qui aut speravit, aut sperat purpuram, quod publicum fecerit librum quanto celebrem et gloriosum, ob titulum, quem iactat: «Defensio Pontificatus,» tanto in se rudem, in quo eructat omne venenum, triviali eruditione ex variis authoribus collectum. Hic est unicus ex modis honestis, quibus Latini alliciebant Graeciam, post subsecutam Imperii illius ruinam, insultando cadaveri nationis illius, quam numquam ausus est quispiam offendere, quousque spirando poterat sese tueri.

Secundum medium fuit mittere quosdam Missionarios ad propagandam in Graecia Fidem. O Fidem Sanctam, misere delusam! Isti, de facto isti sunt conservatores schismatis maxime conspicui, homines perfidi, discoli, qui offerunt se proficisci in partes infidelium, ut evitent jugum subjectionis regularis. Homines mercenarii, qui vivunt, ut consequantur stipendia a Sancta Congregatione de propaganda fide. Homines ignari, docti namque remanent ad sustinenda officia religionis eorum. Homines scelerati, qui suis vitiis, scandalis, imprudentia aut exaspirant, aut male aedificant, aut stabiliunt in suis dogmatibus illos populos, qui non adeo facile possunt sibi in animum inducere illud: «Quaecunque vobis dixerint, facite, secundum vera opera eorum nolite facere.»; qui non distinguunt doctrinam a moribus, neque credunt, Deum velle perpetuo patrare miraculum factum in Balaam, transmutare, nimirum, praedicatores in jumenta.

Loquor non sine acrimonia, quia, ut Graecus, deploro nationem meam, pro qua unienda Ecclesiae Catholicae, capiti ipsius, Vicario Christi, ultro profunderem sanguinem meum! Loquor sine respectu, quia loquor do-

lore affectus, immo loquitur in me dolor, quia, videns proditam Sanctam Sedem Apostolicam, cujus honor, cujus gloria sita est in conversione animarum. Ut sacerdos Latinus loquor ingenue, loquor verbis vehementissimis, quia loquor cum libertate, evidenter demonstrata. Habeo notitias infallibiles de rebus nostris, et ut protector meae nationis, in loco, ad quem perveniunt nostri undique. Sum edoctus de omnibus sincere. Imo ego ipse in Candia, patria mea, cum adolescentibus essem, vidi id, de quo nunc conquerror, et exhorrui etiam in illa aetate, videndo id in Religiosis Latinis, quod non audeo edicere prae rubore, et quod publice patratum, nequit cooperiri etiam ingenti charitatis pallio. Tunc mecum ipse discurrens dixeram: Quomodo nam fieri possit, veram doctrinam esse eorum, qui vivunt sicut Athei! Quomodo quoque fieri queat, non esse veram doctrinam nostram, ubi religiosi ita sunt alieni a scandalis! Hanc consequentiam intuleram tunc ego, et hanc hodiedum inferunt Graeci, consequentiam sane quidem parum concludentem in se ipsa, sed quae multum damni adfert miseris deviantibus, qui nihil subsidii, multum vero noxae recipiunt ab ejusmodi missionariis, quorum lingua quam muta est in praedicandis Catholicis veritatibus, tam loquax est in praejudicium Sedis Apostolicae et Romae, falso publicando defectus, quos veris, sed pessimis et potentissimis, exemplis confirmant.

Transeamus ad tertium, et istud est pessima opinio de omnibus Graecis; hi nempe non distinguuntur in Catholicos et Schismaticos, sed protinus ex istis nominibus tantum sonat esse Graecum, quantum esse schismaticum. Quid porro mirandum, si glessa expresse dicat: «Graeci quasi semper fuerunt schismatici.» Qui tametsi explicet illud, «quasi semper,» interea ex ipso et mille aliis argumentis colligitur pessima opinio, quam habent Latini de Graecis. Ex quo descendit per consequentiam, quod non admittantur ad ullam spem honorifici officii Romae. Narravi alias discursum, qui inter me et eminentissimum Cardinalem de Luca hac de re intercessit. Quo circa repeto illum dicoque, quod proverbium: «ut ameris, ama,» probat contrarium illius esse aeque verum. Hinc, ut paucis dicam, justum videtur (et in praxi evadit verissimum) odisse eum, qui odio habet et perperam sentire de aliquo, qui sic existimat de nobis

Existimatio, quae de Graecis habetur Romae, est ea, quod sint dolosi, perfidi, seductores. Hujusmodi de Graecis existimatio, quae non evertit rrores schismatis, sed offendit in sua singularitate, amplissimam natio-

uem, resonando in Graecia per libros, etiam typis vulgatos, quid facit aliud, nisi exigit, ut par pari reddatur. Habetur porro ejusmodi de nobis existimatio Romae, eo quod illuc non perveniunt aliae personae, quam quae sint dignae ut plurimum tali existimatione, quae nimirum decipiunt Sedem Apostolicam professionibus fidei, factis corrogandae Gratia pecuniae, et posthac apparent tales, quales sunt. Neque ordinarie perveniunt Romam, nisi istius modi farinae homines; honesti enim probique e Graecis viri quid sperare queant ab Aula Romana, ubi non adest, qui calleat linguam nostram, qui sit expertus morum nostrorum, ubi non est visa purpura Graeca 210 abhinc annis, quot nimirum elapsi sunt a morte Bissarionis celebrata a Cardinali Papiensi Epist. 898 — 524 ad hoc usque tempus, quo scribo? Ubi non defuere viri Graeci plurimi et doctissimi, qui aut nihil consecuti sunt, aut ad summum sublevati fuere, a mediis terminis extremae necessitatis, postquam insumpsissent omne eruditionis artificium, scribendo in favorem fidei Catholicae, id quod videtur singulariter notandum, cum non sint singulares personae ex aliis nationibus, quae pro uno libello ordinariae eruditionis, quin etiam citra hoc benevolos adeo consecuti erga se respectus Romae, ut ab humili statu longinquae regionis ac suspecto improviso promoti conspicerentur ad purpuram. Obstupui audiens vice quadam haec proferri a quodam magno viro. Quod sic dicatur de Graecis, quod haec opinio de Graecis Romae circumferatur, quod sint practice exclusi ob omni spe honoris. Est id mirabile artificium, reducendi eos ad fidem; sic enim ostenditur, quod usque dum sectati fuerint dogmata erronea, manebunt relegati ab Ecclesia Romana. Dementiam hanc istius, qui hoc protulit faterer, si aliter atque diversa ratione tractarentur conversi. Ast ubi omnes simul eodem modo tractentur, ut ostendi, et experientia idem testatur, unusquisque infert consequentiam: quod excludantur Graeci ut Graeci, quod convitiis impetantur ut Graeci, non ut schismatici et deviantes.

Transeo ad quartum medium, quod sane ingens exhibet fundamentum charitatis. Hoc porro est Collegium Graecum, institutum a pia memoria Gregorio XIII, veluti testimonium permanens amoris Pontificii erga nos. Et tale ipsum de facto apparuisset, nisi (quae nostra infelicitas est!) in hocce ipso amoris actu ostentasset sese ipsemet lepor amoris, nisique pariter neglectus boni nostri et incuria salutis nostrae sese actu palam jactasset. Est sane, quod admiremur! Quando clementissimus Pontifex in animum sibi induxit, ferre juvamen toti mundo beneficio erectionis Seminariorum zelo et munificentia regali, ultima natio, cui

juvandae applicavit animum, fuit Graecia, cui post caeteras fundavit Collegium, adeo sero, ut neque ad finem perducere, neque sufficienter exdotare illud potuerit, ac si ita meruisset natio illa, cujus progenies Constantinus nempe Magnus (ut solide probat Ioannes Maurus in Notat. Gall., Epist. ad Eusebium, in Vita Constant. Lib. I. contra fatuam mendacemque Angliae jactantiam) initium posuit magnificentiae temporali Ecclesiae Romanae et fidei Christianae incremento. Ulteriores Collegii hujus vicissitudines comoediam quandam semper fuisse dixisses, propter absurda praesidum, qui illi praepositi fuere, alieni a genio nostro semperque dimicantes cum alumnis, quoad usque Urbanus VIII, adhuc tunc Cardinalis et Protector, subdiderit illud patribus Jesuitis, viris singularibus in genere sanctitatis et doctrinae, viris aptissimis ad educationem juventutis, quibus Italia debet omne genus scientiarum et mores emendationem sui, viris, qui si pertigerint in Graeciam, emergeret ipsorum opera ingens emolumentum, siculi emergit in omni loco, in quo assumpsere ipsi serio praedicationem Evangelii, munitam exemplaritate morum, summa solidaque doctrina, quam ipsi supra omnes religiosas familias Latinas profitentur et habent, viris tandem venerandis apud omnes, mihique multo magis, quam alii cuipiam venerandis, quos ego optime novi; nescio tamen, quo infortunio nostro notis quodam modo ad destruendum collegium Graecum Romae.

Dolor subit me, cum dicere intendo! Sique dixero, dicam sane contra me ipsum. At opus est, dicam, ut innotescat posteris. Ex quo tempore ipsi curam illius gerrere coeperunt, nullum quasi produxit hominem singularis doctrinae, aut zeli, cum tamen prius habuerit aliquos summa scientia et ferventissimo zelo conspicuos. Priusquam rexerint ipsi, illud abundavit proventibus, qui sufficerent alendis sexaginta quinque alumnis. Postquam vero illi eo sunt potiti, coepit ad inopiam redigi propter pessimum quorundam rectorum regimen oeconomicum. Priusquam ipsi illud gubernassent, gaudebat pacifice illo subsidio, quod impraesentiarum negatur ei, demulcendo animum cujsdam Jesuitae hominis notissimi et tamen tolerati. Ipse privavit Collegium sumptuosissimo quam maxime alimento patribus Jesuitis id, ne dicam probantibus (absit namque, ut ego de patribus, tam piis, opinionem habeam adeo indignam!), sed ita conniventibus, ut licet rationes Graecorum justissimae sint, aut certe sustentabiles, per triginta annos litis causa haec non fuerit terminata. Imo cum inventus esset quidam Jesuita per miraculum bene affectus erga nationem Graecorum, dignissimus nimirum et doctissimus Pater Ioannes

Lavrentius Luchesinus, qui adhibuit curam ad tuendum illum locum, ab omnibus derelictum, illico amotus ab eo fuit, et impositum est ei silentium a Superioribus suis in virtute obedientiae, neque exstat e Christianis ullus, qui velit curam suspicere, supplicando Sanctissimo Domino nostro, ut obliget eos patres ad revocandum eundem patrem Luchesinum, versatum optime in rebus hisce, et idoneum ad persequendum opus tam pium et utiliter inchoatum.

Ex his antecedentibus consequitur status hodiernus Collegii illius, redacti a numero 65 ad numerum minorem quam 15 alumnorum, e quibus quatuor sunt Rutheni, quatuor Italo-Graeci, reliqui (si tamen Graeci sunt) tres aut quatuor circiter recensentur, ut de facto Roma mihi scriptum est. Sed sint sane etiam septem male habiti, tale confecti, sic bene educati et imbuti amore erga locum, in quo degunt, ut in horas percupiant elabi Roma, maledicendo palam horae illi, qua pedem intulere in locum illum, effectus hicce proprius reputandus est educationis hodiernae, quod tamen vix possum credere de zelozissimis aeque ac sanctissimis patribus Jesuitis. Video namque eam et probo, ut rectissimam ad instruendas principiis benevolentiae et amoris erga Sedem Apostolicam personas ejusmodi, quae nec totam libertatem pati possunt, nec totam servitutem, quae proinde misere opressae, semianimes Roma exeunt et illinc non aliud quidpiam offerunt, quam copiosum fastidiorum viaticum, id quod sicut redundat in vituperium ejusmodi educationis, sic in majorem gloriam illius infelicis Collegii, siquidem exeuntes cum ejusmodi incitamentis benevolentiae proficiscentis a duritia et odio, quibus regebantur, gerunt nihilominus in corde fidem Catholicam, cujus sunt amici, praecones et consevratores Graeciae. Ast sunt pauci adeo, ut jure dici possit: «Messis quidem multa, operarii autem pauci.» Quid enimvero praestare possint septem personae in toto Oriente? Praestat hic exclamare: Ad conservandam fidem in monte Libanon, ad eum convertendum alit Roma plures alumnos, quam habeat Graecia tota, non ad conservandam in ipsa fidem. Ergone Collegium Graecum est minus utile Sedi Apostolicae, quam alia Collegia? Clamat Galenus, quotquot, inquiens, prodeunt ex eo loco, sunt schismatici: confirmant id religiosi, qui redeunt ex missionibus Graeciae, et aula extemplo id credit. Loquor pronus in terram: Ergone habebitur fides Patri Galeno, nomini et personae, in qua includuntur, quotquot possunt concedi legibus in judicio exceptiones? Ergone habebitur fides missionariis, quorum speciem paulo

supra descripsi, quodque probant sane ipsi vitiorum illorum in Graecia alumni collegii Graeci? Siquidem defendi non potest Sedes Apostolica, quin reprobentur illorum excessus et condemnetur scandalosa eorum ratio agendi. Ergone sumus adeo miseri, ut reputetur licitum credere in praejudicium nostrum nostris acerbissimis inimicis? Cum tamen unaquaeque lex, etiam profana, excludat a testimonio vel suspectos tantum de inimicitia, num porro adducunt speciale quidquam ad probandum id, quod narrant? Minime gentium, solummodo in universali loquuntur, et in universali ipsis fides habetur. Atque adeo verissimum est, quod inquit P. Cataneus de Canea, lector publicus hujusce studii philosophici, notus propter editos libros, et notissimus in hac regione propter sapientiam, eloquentiam et eruditionem, sed longe gloriosior Graeciae propter fidem Catholicam, quam in Ritu Graeco profitetur ipse et defendit. Inquit ille, nos, Graeci Catholici sumus infelicissimi omnium hominum, si quidem in Graecia digito monstramur et carpimur ut Papistae, Romae autem notamur ut Schismatici, objectum nimirum odii sumus utrique parti, ideoque sicut infelices, ita miserabiliores omnibus hominibus. Non expectamus, nisi a solo Deo coronam nostrae fidei.

Adest et altera objectio, quae sit contra Collegium Graecum, estque haec: quod in ipso educentur advocati Insulis et medici Turcis. Cum talia dici audit Roma, applaudit dicacitati patris Galeni, qui suis hujusmodi dicteriis suffulcit iniquitatem opressionis nostrae et reduxit ad nihilum unicum istud ornamentarium Catholicum in Graecia. Sed gratiae sint Deo, quod hujusmodi oppositionibus non possit adhibere fidem ad jacturam Collegii Graeci, nisi aut nequitia, aut imperitia! Faxint superi, quod Collegium Graecum educaverit centum advocatos pro Insulis et totidem medicos pro Constantinopoli, sperarem tunc, quam nunc non spero, videre miserationem erga nos. Una et altera professionum harumce habetur primo loco et decori sunt in Graecia. Si omnes Insulae haberent advocatos Catholicos fervidos et Constantinopolis medicos bene affectos erga Sedem Apostolicam, viderem praevalere Catholicismum in tota Graecia, quae pendet ab arbitriis profitentium duas hasce apud nos nobilissimas scientias, multum valentium etiam apud Turcas, qui a tribus jam jam saeculis non passi sunt in dignitate unica quidem ex amplissimis concessa Christianis, quae est: primi Dragomani seu interpretis apud Aulam Ottomanicam, praeterquam medicos. De medicis porro et advocatis loquitur P. Galenus. Eccur vero non, de tot lectoribus in

celleberrimo studio Patavino, ubi impraesentiarum quoque adsunt tres, et fuere semper plures quam unus? Eccur non loquitur de Episcopis, quorum imagines numerosae prostant in aula Collegii Graeci, et e quibus unus etiam convertit duos milliones Schismaticorum, quo certe gloriari nequeunt caetera omnia simul Collegia Romana, nedum impiguatum illud bonis nostris, quia auctum ad nostram ruinam? Ecce igitur Collegium Graecum partus verae charitatis, erga nos conceptae semel in clementissimo pectore Gregorii, ob modicam charitatem eorum, qui illud regebant et regunt, imo ad nihilum redigunt, evasit inutile ad consequendum finem, de quo nobis sermo est. Idcirco concludo: verissimum est inter Latinos modicissimam esse charitatem erga nos. Id, quod adjunctum ignorantiae nostrorum efformat adaequatum principium concertativum nostri schismatis, quod vivet lacerando S. Ecclesiam quoadusque adhibeatur aliquod verum efficax et determinatum remedium. Neque istud consistit in adveniendis personis, quae privatae omni humano subsidio reformatae adinstar purae cujuspiam spiritualitatis navigent in Graeciam, ad cujus littora appellendo inveniant Spiritum Dei, qui irruet super eos, sicut contigit Samsoni, unde possint enecare haeresim et opprimere schisma. Cogitationes ejusmodi diceret quispiam innocentia, deliria et sanctam phrenesim animarum, quantum piarum, tantum ignarum mali, de cujus remedio res est. Ego non audens hujusmodi illis censuram appingere, dico: si sunt media optima et medicamenta salubria nostri mali, ego voco ea medicamenta solidantia, id est: salia, quae adhiberi debent, postquam vulnus purgatum fuerit, ab illis humoribus, qui illud apertum tenebant, et quousque hi non tollantur e medio, quid emolumenti sperari possit cicatrici ab unguentis? Inter humores, qui conservant semper stillantem sanguinem, imo, ut verius loquar, plenum putredinis, alunt vulnus, sunt causae jam dictae.

Primum itaque ex principalibus remediis, imo unicum, de quo assumi cura debet, est sollicitudo seria tollendi utramque, ita ut exercitati Graeci cognoscentes in subsistentiam seu futilitatem errorum suorum, et allecti charitate Ecclesiae, disponantur primo ad audiendam, dein autem ad amplectendam veritatem. Ast quoniam removere causas mali, opus est medici diligentis, qui, si nequeat in eodem tempore tollere omnes e medio, aggrediatur eam, qua sublata, debilitatur alia, aut via aperitur ad tollendas e medio residuas, id quod praestare debet, ille necessario, et etiam ex convenientia, modo tollere illam, aut illo dependeat, aut

illi sit facile. Quocirca operae praetium est advertere, quod ex duabus causis conservantibus, ut dictum est, schisma, una et altera dependeat a Roma, cum hoc duntaxat discrimine, quod una a toto ab ipsa dependeat, possitque facile corrigi et protinus, altera vero dependeat a nobis quoque, nec possit tolli nisi lapsu temporis. Tollere namque in Latinis modicam charitatem erga nos et substituere amorem, benignitatem, benevolentiam, beneficentiam, est opus, quod totum unice expectari potest a Roma, potestque id facile ac improviso concipi et reduci ad actum. Sed tollere ignorantiam a Graecis etiamsi ex parte dependeat a Roma, quae si habuerit charitatem, videbit currere ad sinum suum, Graeciam, eruditionis gratia, habet nihilominus dependentiam suam etiam a nobis sine tempore habili, ut loquuntur jurisconsulti. Unde infero: quod cum ad tollendum schisma, debeant a medio tolli causae ipsum conservantes, et una ipsarum, nempe: modica charitas Latinorum, sit ea, quae sublata debilitat alteram, et disponit ad destructionem ipsius, et tandem illa, quae dependit a S. Universali et Apostolica Ecclesia Romana, si ingenue dicimus, si sincere optamus destructionem schismatis, contra hanc adhiberi debet tuba sacerdotalis ad eam prosternendam et substituendam illam benignitatem, quae si unquam vere apparuerit Romae erga nos, evanescet ignorantia et succedet concordia non ficta, non lucri, aut commodi gratia, non mendax, sed sincera et perpetua.

Vestra Reverentia ingerit mihi spem videndi citra moram charitatem ejusmodi: utinam Deus, qui dixit de tenebris *Lumen splendescere*, facit videre me istud, et tunc libenter, rebus mundi nimium quantum insipidis et mihi deformibus depositis, post hujusmodi desideratum spectaculum, visione ejus beatificati oculi mei poterunt gloriari cum Sancto Symeone.

Quia viderunt salutare Dei. Verum quod fundamentum possum habere ego ad vivendam charitatem hanc, si nullam video, ad id dispositionem? Vestra Reverentia inquit mihi: Deus omnia potest. Quis potest id negare? Addo: qui facit mirabilia solus.

Seu dicere illud, non est aliud, quam affirmare possibile id, quod optatur. Porro possibile non est spei motivum, sicut non est etiam timor. Effectuum ejusmodi objectum non debet praeseferre speciem possibilis, sed probabilis.

Dicatur igitur mihi, ubi nam est probabilitas illius, quid debeam sperare? Addo: Deus non solum potest id facere, sed non vult. Si vero vult, qui potest resistere ipsi?

Scio ego quoque, quod Deus vult omnes homines salvos fieri, et quod, nemo potest resistere voluntati illius. Ast in Deo est voluntas efficax et ineficax, ut docet theologia, prima fundat spem certam et certitudinem, altera relinquit in mera possibilitate id, quod Deus vult, nec adjungit nisi effectum infinitae bonitatis, quae volendo non potest, nisi tendere ad bonum.

Hinc neque etiam voluntas Dei relicta in indiferentia efficaciae et inefficaciae fundat mihi probabilitatem necessariam ad sperandum, quod Vestra Reverentia sperat. Nec mihi provocant indificientiam probabilitatis supernaturalis circumstantiae, quae formant probabilitatem humanam; docet enim cum medicis omnis vel mediocris prudentia, quod ad faciendum non leve prognosticum necesse est, capere mensuram praeteriti et praesentis. Iam porro praeteritum Vestra Reverentia vidit mecum superius, quantum fuerit inops charitatis. Praesens vero indigitatur mihi a Collegio Graeco ad nihilum, redacto citra ullum remedium.

Experior difficultatem insuperabilem in persuadendo Romae, quod media hactenus adhibita aut sint nociva ex se ipsis, aut quo ad modum interdum inutilia, interdum perniciosa. Scripsi obtinendae gratia dispensationis pro revocatis ad veritatem Catholicam, quatenus possint elicere debitam requisitam professionem in manibus Illustrissimi et Reverendissimi Archiepiscopi Philadelphiae, aut coram tribunali delegata, magis tamen connaturali, minusque strepitoso revocatis. Monui quod professiones solemnes elicitae, ut hodie mos invaluit, evandant saepius delusiones manifestae, si non semper periculosae, et elicitae in manibus ministrorum Latinorum, fient fractu temporis, aut pessima, aut occasionem praebebunt rumoribus, qui omnem spem boni auferent. Ad tales meas suggestiones, ad has meas obsequiosas supplicationes, non alius exitus subsecutus est, praeterquam prorsus nihil.

Ego quidem gaudio, et quidem sic exoneraverim conscientiam meam, ne alias contingat mihi plangere, dicendo: Vae mihi, quia tacui, et quod in expositis a me sint aliquando conspicienda documenta vericitatis meae, postquam evenerit id, quod humilliter non sine dolore praedico.

Sed doleo etiam multum, quod praeteritum et praesens, cum deberent praebere mihi motiva sperandi, praebeant mihi fundamentum quasi certum ad deponendam spem hujus, quod Reverentia Vestra sperat. Etenim si in re modica tantae animadversiones habentur, si non consideratur id, quod cernitur, si ubi agitur de animabus Ecclesiae reconci-

liandis, pro quibus humiliavit sese Filius Dei venitque in mundum, subiturus mortem, mortem vero crucis, tanta apparet repugnantia in recedendo a rituali, credam, ne ego quod sit speranda erga nos benignitas magis conspicua? Porro etiam si affulserit aliquando benignitatis, quam Vestra Reverentia peramanter sibi imaginat, erit ne Romae, qui eam dirigat? Sim effrons, imo agnosco me talem, ast si Vestra Reverentia vult, ut ego libere et sincere loquar, dicatu, quod nempe conditio nostra vilis facit, ut res nostrae magis noscantur in Gallia et Anglia, quam Romae. Probatio hujusmodi meae assertionis sincerrimae esset odiosa, et ego non scribo animo offendendi, sed obediendi et inserviendi. Quisnam Romae est, qui habeat notitiam vel mediocrem rituum nostrorum? Obstupueram cum in florentibus annis adolescentiae meae commorans Romae essem, mandato obstrictus desuper ad scribendam decisionem cujusdam casus, in quo quaerebatur, num validum foret matrimonium sacerdotis Graeci celebratum post susceptam ordinationem sui? Vidi responsiones aliorum et miratus fui, quod ubi instituit judicium de omnibus ritibus, non adesset qui promptus curam suspiceret cognoscendi ritus nostros, et quod de ipsis Roma non aliam habeat notitiam, praeterquam submistratam ab Officinis Calvinistarum, disputationibusque otiosis theologorum, pro arbitrio suo de rebus definientium id, quod ab uno quovis Graecorum refelli posset, vel hoc solo. Nego suppositum.

Insuper peterit, ne ostendi mihi Romae vel unus quispiam, qui prompto sollicito et zeloso animo invigilet propagationi fidei inter Graecos? Qui sciat, quomodo ipsa procurari debet? Qui noscat modum tractandi genios nostros fastiosos, astutos, scientes simulare omnia, et quantum faciles, si tractentur benevole et humaniter, tantum refractarios auctoritati et insuperabiles adversum impetus? Pater mi! Si Romae non adest homo Graecus, qui polleat auctoritate, quo pacto id obtineri possit? Si foret autem istud, num quid proficiscerentur tales religiosi ad regiones Orientales? Num quid prodigeretur in tot missionarios inutiles pecunia, quae erogata ad eundem finem, alio tamen modo, foret utilissima? Exciperentur ne tanta cum facilitate tot fraudulenti homines, qui perveniunt illuc, et consequuntur pecuniam quasi in praemium eorum professionis simulatae et perjurae? Minime gentium. Unde concludo: quod etiamsi aliquando emerserit Roma charitas erga Graecos, haec non habebit directorem, et proinde non erit ejusmodi, de qua ego scribo magna nempe vera ac prudens. Quid est, quod S. Paulus, scribendo de Aposto-

lica charitate, eam neque piam, neque devotam vocet? Existimo ego ideo factum: quod tales qualitates subjaceant fraudi. Vult eam nihilominus benignam esse, id est, benefatricem, sed benefatricem sine aperta intentione lucri, ne quidem etiam spiritualis. Dicitur proinde de ea: Non quaerit, quae sua sunt. Et ecce errorem, cui saepius succumbit charitas Romae erga nostros. Benefacit aliquando ipsa, licet parce quidem, sed beneficentia haec praestita apparet ad magnum finem consequendae, nimirum Unionis, et consequenter perducendi ad obsequium sui. Hinc fit, quod non sit cordi viro honesto Graeco, veluti opprobrium animi liberi et nobilis, cum possit reputari venalis, et alliciat fraudulentos, qui accedunt ad manducandam escam et deludendum, ut facere solent.

Redeunt isti in Graeciam et exclamant:

Circumvenimus Latinos, Professiones hujusmodi fictae fuere, monetae autem verae. Quantum damni adferunt conversiones istius modi, nequit intelligere, nisi qui rem serio perpenderit. Clamo ego, et non est, qui audiat me. Et fortasse non deerit, qui arguat velut insolentes humillimas hasce obsequentissimi zeli mei expressiones. Quomodo igitur debebit operari charitas, quae a me in tota hacce scriptura depraedicatur? Loquor, cum sim pulvis et cinis. Benefaciat et largiter benefaciat Graecis, ut talibus, non ut adstringendis ad unionem. Appareat liberalissima ipsa, atque ita, ut nequidem id percipiatur. Tractandum est cum natione astutissima; sit pie astuta charitas. Et si quidem vult esse prudens, ut requirit praeceptum Evangelicum, in Apostolicis suis intentionibus non sit, sed appareat simplex in iisdem. Affecti sic beneficiis deviantes concipient amorem erga benefactorem, concepto erga hunc amore, admittent facile instructionem victos sese reddendo, neque victos sese reddent, ut beneficiis cumulentur, sed quia beneficiis cumulati fuerunt. O! si perspiceretur Romae isthaec mea doctrina, cujus experientiam habeo de facto, ingens bonum sperarem, tanto magis, quia sumus in tempore, quo non fuit aptius opportuniusque tempus ad conversionem Graeciae. Ipsa incipit concipere alacritatem disputandi, quod medium est, unde pergat ad dubitandum de dogmatibus suis. Quando homo pervenerit ad dubitandum, subit me spes, quod etiam vinctas dabit manus.

Rem hanc juvat multum Typographia, introducta recenter in Bulgariam, quae vel maxime excitat animos ad scribendum typisque vul-

gandum. Quocirca cum ad typis quidquam edendum opus sit studere, jam res dispositas video, ut Graecia discat, et ad discendum disputet, et disputando cognoscat insignium errorum suorum in subsistentiam.

Quamobrem audiens emergere apud Graecos Typographiam, egi gratias datori omnis boni praesagiendo affulgere in ea radium quemdam salutis nostrae, nec non suave aliquod prognosticum verae felicitatis nostrae, nempe, spiritualis. Neque cesso insinuare nobili cuidam Moschovitae, qui primus inter omnes Russos, flagrans amore sapientiae. pervenit et recepit se in hanc domum meam, rediturus caeteroquin in patriam, ut palam ibi faciat praetium scientiarum hactenus habitarum, ut barbarorum. Nec omitto ostendere ei necessitatem Typographiarum in Moscovia, ut rediens illuc, procuret eas, atquae ita per Typographiam viam adaperiat ad disputationem. In hoc porro serenissimo statu, e quo (si nascitura est) debet necessario nasci salus Graeciae, materia mirum in modum disposita est.

Et hic enim Patavii juventus Graeca dubitationibus exagitatur, multique dubitando perveniunt ad cognitionem veritatis. Et Venetiis fides inconcussa Illustrissimi et Reverendissimi Domini Meletii Typaldi, Archi-Episcopi Philadelphiensis Antistitis, pietate et doctrina conspicui, unici nostrorum patroni, in quo videt Graecia Catholica renovari gloriam suae antiquae sanctitatis et sapientiae. Fides, inquam. venerandi hujus veri, licet quidem dissimulata in publico cum prudentia, est nota omnibus Graecis, qui hinc partim summunt motivum stimulumquae sese convertendi, partim dubitando disponendi sese ad veritatem. Utinam sic videremus praestari Roma subsidium hujusmodi dispositionibus, idquae hac ratione, quam hucusque reverenter suggessi.

Reponet mihi Vestra Reverentia. Debebit, ne igitur beneficiis prosequi Summus Pontifex schismaticos, quin prius profiteant fidem? Respondeo, idcirco hoc dixi, quod opus est, adsit Romae, homo Graecus, in porto, quia non decet, etsi utile sit, fieri quidquam hujusmodi immediate a Papa, id quod utile et decens est fieri a suo ministro Graeco, qui id utiliter praestare noverit.

Si adhoc animum non adjiciet Roma, nihil efficiet unquam, eum pro primo praeliminari cujuslibet rei, sit necessarius vir Graecus Romae, qui hac in parte manuductorem se exhibeat observantem benevolum et fidelem. Proinde Vestra Reverentia scribat prius, ad id adhibeat praeces et operam. Neque credat unquam fore, ut in Graecia, cujus amo-

rem inspirat ipsi divina bonitas, conspiciatur aliquid boni, si non adsit Romae vir Graecus idoneus ad tractandum grave hocce ac necessarium negotium. Idoneus inquam; novi enim optime non deesse Romae homines Graecos, at non agnoscuntur idonei ad negotium hujusmodi, quod exigit necessario rerum cognitionem ingeniumque vivax. Idoneus inquam atque etiam efficax, id est, positus in tali gradu, in quo possit cum authoritate proponere industria consilia sua, neque sit in statu, in quo loquatur aucupando gratiam, vel respiciendo intentiones secundas finesque alienos ab isto fine. Clarius loquamur.

Et quando quidem Vestra Reverentia vult, ut nude aperiam, quod sentio, virum, intelligo, Graecum Romae in tali statu positum, qui neque egeat, neque speret, idque ea de causa, ne distrahatur, quaerendo, quae sua sunt. Qui sit Sedi Apostolicae junctus affectu et negotiis, ne eam fallat; qui sit doctus, ut sciat convincere, qui sit commode provisus, ut possit, qui suis commodis non serviat, ut velit benefacere, qui sit probus, ut operetur in charitate, qui sit bene affectus erga nationem, ut possit sibi conciliari benevolentiam, qui tandem sit optime gnarus rerum nostrarum et Latinarum, ut non erret, neque facile quaeat ab aliis decipi.

Ad eum pertinebit reverenter suggerere Sedi Apostolicae media peculiaria, et omnia efficaciter benigna ad gloriose utiliterque alliciendos Graecos ad sanctam unionem. Iste pertrahet Romam insigniores personas nostrorum, manutenebit beneficiis, obstringet amore, convincet solida et invincibili doctrina, utpote tracta non ab argutiis ad jactandum acumen ingenii, sed hausta e sententiis Ss. Patrum Graecorum, a nobis unice veneratorum, e consuetudinibus Ecclesiae nostrae, e libris in ea usitatis. Iste erit refugio juventuti Graecae, quod Romae educatur, fraeno eorum insolentiae, directioni studiorum, ut evadent idonei ad finem, ad quem educantur, ad quem cognoscendum probandumque in patria ipsorum subministrabit eis, non quod praeteritum est (ut fit hodie obligando eos ad munus praedicandi veritatem cognitam pro modico illo pane, quem sexcentis molestiis et improperiis afflicti manducarunt in collegio), sed quod futurum est, ostentando praemia, quae Sedes Apostolica distribuit laborantibus in vinea Christi fideliter, fervide et efficaciter. Iste suggeret Sanctae Congregationi de Propaganda fide personas, quae dignae sint futurae ejus subsidio, utpote recurrentes sincero animo ad sinum Sanctae Eccesiae, atque indigitabit illos, qui sint mittendi

in Graeciam, selecti ad hocce ministerium, apti sane et animati, aut sponte oblati motivo aeternae et temporalis, sed conspicuae retributionis.

Nescio, sit ne Vestra Reverentia ex numero eorum, qui audientes describi virum talem, qui prima occasione, et quasi pro primo, ut ajunt, praeliminari assumendus sit ad magnum hoc opus et negotium adeo sanctum, existiment id esse ideam quandam Platonicam, et unum ex illis terminis abstractis, qui non habent suum esse extra conceptum mentis nostrae. Quicunque sic existimaverit, sciat: nescire se, quid sit natio Graeca, cui non defuere quovis saeculo aliquod ejusmodi viri.

Verum quidem est, quod ipsi duovis saeculo mansere otiosi, quia quilibet eorum dicere poterat cum operariis Evangelicis: nemo nos conduxit. At videatur, in quemnam culpam haec redundet! Ut omittam ultimi Imperii nostri tempora, in quibus resplenduit et Bessarion et Isidorus, uterque exaltatus stante Imperio nostro ab uno Pontifice erga nationem nostram benevolentissimo. O miseram Constantinopolim! Non defuere tibi pro veritate zelosissimi, doctissimi, vivacissimi viri, et, ut sincere dicam, praeter eos, quorum in suis elogiis recensuit scripta Jovius, praeter, nimirum, Spanducinum, et Chrysoloram, Gennadium et Methonensem in anno 1500 Episcopum, non caruit Graecia insignibus viris, quos inter Margunius, Plancides, et Marcus Musorus, e quibus iste spe omni destitutus et afflictus, mortuus est Romae, ille malehalitus Romae evasit, proinde ei intolerabilis. Nostro autem hoc saeculo, quis ignorat nomen Arcudiorum, Cariophilorum, Cotuniorum, Allaciorum et Philararum, praeter magnum illud nomen Andreae Lundae Jesuitae, cujus admirandas dotes si non est, qui noscat, videat eas in scriptis Cardinalis Sfortico Pallavicini.

Non defuere itaque in Graecia, tametsi a Tyrranide oppressa, neque desunt hac tempestate homines amplissimi ad omne negotium et vel maxime ad hoc, de quo res est, si, ut sunt derelicti soli et opressi, ita haberent sublevantem se, id quod haberetur, dummodo velit Roma vere et cum charitate digna se adjicere animum ad divinum hocce negotium conversionis eorum, cui cum sit impedimento modica charitas Latinorum, prout ostendi, quandoquidem materia, ut cum maxime disposita est, ad insignem hanc formam, concludendum remanet, quod ut tollatur schisma impraesentiarum prorsus dependet a commiseratione aulae Romanae, quae nisi curaverit tollere illud, aut imminuere et debelitare, ut potest et debet, facere id ex affectu universali et immediata

providentia sacra, data sibi in aedificationem, non in destructionem, timeo, ne in magno illo tribunali, ubi requiritur ratio etiam de talento otioso, ubi exigitur messis etiam citra seminationem, imputetur id ei gravissimae culpae. Verissimum enim universaliter est axioma illud tragici, quando intervenit obligatio. Qui non vetat peccare, cum possit, jubet.

Ecce, quantum interea possum, expono circa magnum istud negotium, cujus pro modulo suo Vestra Reverentia assumpsit omnino ministerium. Habeat Vestra Reverentia semper ob oculos propositiones hasce meas verissimas, utpote ductas ab observatione practica rerum nostrarum et sincerrimas, utpote remotas ab omni privatae utilitatis respectu. Atque si ad gloriam Dei optat S. Unionem, suggerat eas opportune, importune cum omni patientia Eminentissimis Praelatis, qui summae doctrinae et integritati Evangelicae conjungant Apostolicum zelum.

Si parum crediderint Vestrae Reverentiae quasi parum gnarae genii et morum nostrorum, dicat hanc sententiam esse hominis Graeci. Novis optime benignitatem eorum et justitiam, unde haud vereor, ut mihi culpae imputent libertatem, cum qua scribo, cum scribam privatim et sine dissimulatione, qua utor et scribens et loquens de rebus Latinorum cum Graecis. Ac proinde quidquid in hisce paginis expressi, intrepide subscribo. Patavii, die 4 Octobris, 1692 anno.

Nicolaus Commenus Papadopolus,

Publicus Canonum Lector Patavii.

SPECTAT AD EANDEM LITERAM D. *

Chcącemu zbierać wszystkie dowody, iakie podobało się, kiedy na szkodę Unitów albo ich przeciągnienie do obrządków Rzymskich, albo na ostatek zagarnienie, iak mówią, władyków Ruskich pod jurisdykcyą biskupów Lacińskich, tu na Rusi stanowić, y iakich srzodków używać w Rzymie, aby one do exekucyi przyprowadzić, trzeba by na to osobne pisać księgi; co gdy nie iest istotnym dzieła ninieyszego zamiarem, niektóre tylko uciążliwośći Unitów wypisuią się.

* Писано собственноручно Θ. Бродовичемъ.

Memoriale ad Sacram Congregationem de propaganda fide ratione variarum cleri Rutheni Catholici, imo et Epscoporum Unitorum oppressionum.

EMINENTISSIMI AC REVERENDISSIMI DOMINI.

Antonius Sielawa, Metropolita Russiae, una cum caeteris Episcopis et Clero Rutheno Unito Vobis, Patres Eminentissimi, exponit humillime oppressiones atque gravamina quae non privatim solum, sed etiam publice in conspectu totius Poloniae cum maxima et irreparabili ipsorum etiam non Unitorum offensione, sustinet, et in dies a solis Episcopis Latinis Catholicis Sedi Apostolicae subjectis divexatur, qui in Synodo provinciali habita die octava Novembris 1643 anno, non dubitarunt ea decreta ferre, quae apertissime pugnant cum bullis Urbani VIII et aliorum decretis Summorum Pontificum sacrarumque congregationum, ac demum cum ipso Concilio Tridentino aliisque canonibus. Sunt autem ea decreta, quae his ipsorum non immutatis continentur verbis.

1. Monitos esse vult, monetque S. Synodus, ne praerogativa et jura Episcoporum Clerique Romani sibi usurpent.

Satis vobis constat, Patres Eminentissimi, Metropolitam Unitum ejusque Episcopos atqe clerm iisdem gaudere, privilegii fori, immmunitatis et libertatis, quibs gaudent sacerdotes et clerici Latini. Quare cnm si Catholici sint, aeqe ac Episcopi Latini, non uitque usurpant eorum privilegia et praerogativas, sed potius Sedis Apostolicae mandatis et decretis pro dignitate obediunt. Quibus obedisse nou videtur modernus Premisliensis Episcopus Latinus, qui per vim usurpavit sibi jurisdictionem in presbyteros Ruthenos eliosque ecclesiasticos, quibus ligetimus pastor non deerat.

2. Ut a titulo Illustrissimorum abstineant.

Utrum autem Episcopi Rutheni abstinere debeant iis titulis, quibus reliqui orbis Universi Episcopi fruuntur? Vos ipsi videtis, Patres Eminentissimi.

3. Torquibus aureis nonnisi ad missam utantur.

In regno Poloniae ab immemorabili tempore, non solum Episcopi Latini ubique locorum utuntur aureis torquibus cum cruce, pectori appensa, sed ipsi quoque Latini Ritus abbates, praeterea iisdem torquibus utuntur Equites Melitenses, cur autem Episcopi Rutheni iisdem uti non debeant? Non satis intelligitur.

4. Monasticum Sancti Basilii habitum deferant.

Si eorum aliqui hujusmodi habitum non deferrent, non propterea eorum bonam apud homines existimationem laedendam esse palam per hujusmodi legislatores, quibus nulla est ad id concessa authoritas, sed potius ab Eminentiis Vestris, vel ab Illustrissimo Excellentissimo Domino, Sedis Apostolicae Nuntio, ex consilio Christi Domini fraterne admonendos esse censerem.

5. Decimas ex agris ipsorum clero Latino nefas esse solvi aut reddi non doceant, neque a suis Popis docere permittant, neque quidpiam, quod juribus Latinorum sacerdotum praejudicet, committant.

Oppositum plene probatum iam est coram Tribunali Illustrissimi Auditoris Serenissimae Nuntiaturae, ostensumque Ruthenorum decimas ad Ruthenos sacerdotes spectare, qui eorum animarum curam gerunt. Non desunt tamen hodieque ex Latinis sacerdotibus, qui per vim sibi vindicant decimas a Ruthenis, frangendo decreta Sedis Apostolicae et Illustrissimi Excellentissimique Nuntii, in regno Poloniae existentis, qui ista omnia referre facile dignabitur Vobis, Patres Eminentissimi.

6. Quodsi in aliquo praemissorum vel similium deliquerint, coram Illustrissimo Domino Georgio Tyszkiewicz, Episcopo Samogitiae, tanquam Commissario a Sede Apostolica, deputato conventi, respondere judicatumque pati tenebuntur.

Nunquam, reor, Sedi Apostolicae venit in mentem hujusmodi Commissarius, neque veniet in posterum, cum id apertissime pugnet dignitati Metropolitae Archiepiscoporum, Episcoporum Ruthenorum, qui soli Sedi Apostolicae ejusque Nuntio sunt proxime subjecti.

6. Contra vero clerum et populum Unitum talia decreta in Synodo Crasnostaviae non eodem, quo supra anno, a Paulo Piasecki, Episcopo R. L. Chelmensi celebrata, constituta et publicata sunt, die 12 Aprilis, 1644, nempe, post elapsum annum unum.

1. Rutheni Uniti quidem, sed clero universo et rei Catholicae Latinae majorem molestiam fecerunt, quam olim Disuniti eo, quod juventutem Catholicam Latinam corrumpunt, ad suos ritus trahunt, confessiones sacramentales facere apud sacerdotes Latinos prohibent, et erroribus suis Orientalibus eos imbuunt. Quapropter prohibemus, ne ulla ratione ad suas scholas, praesertim Chelmae, Catholicos Latinos recipere possint, ne quispiam parentum Catholicorum Latinorum sub poena excomunicationis per officium nostrum, una monitione praemissa irroganda, mittere audeat, et etiam studiosis Catholocis eandem poenam interminamus, si ipsorum scholas frequentaverint. Et insuper declaramus eos et eorum singulos inhabiles fore hoc ipso ad ordines sacros, et beneficia ecclesiastica, tanto magis, quod in vicinia habent scholas Zamoscenses et Lublinenses Latinas Catholicas, quibus commodius possunt erudiri. Ruthenis autem sufficit, ut suos Ruthenos erudiant eorumquae curam habeant.

2. Iidem Rutheni malitiose detrahunt clero Latino Catholico, et praedicant suis populis, quod ipsi non debeant solvere decimas, quo delicto incurrunt excommunicationem latae sententiae. Eos idcirco, et eorum singulos in locis, quibus in hoc delequisse depreheusi fuerint, excommunicatos denuntiari mandamus.

3. Prohibemus etiam, ne ullus parochus, seu Ecclesiae Catholicae Latinae rector, ullum Ruthenum, quantumvis Unitum, in sua Ecclesia Divina, praesertim Missam sacram sive Latino, sive Graeco Ritu peragere permittat. Et similiter ullus Catholicus sacerdos Latinus in Synagoga Ruthenica sacrum Missae officium celebrare audeat, sub poena suspensionis ab ordine suo sacerdotali et excommunicationis facto in currendo.

4. **Prohibemus item, ne ullus Catholicus Latinus Rutheno sacerdoti Unito sacramentalem confessionem facere audeat, alioquin absolutionem a Rutheno sibi impensam sciat esse prorsus nullam.**

5. Matrimonia quoque Catholici Latini cum Catholica Latina, sive Unius conjugum Catholici Latini cum Ruthena persona nulla ratione possint contrahi, nisi a suo sacerdote Catholico Latino proprio loci parocho. Quod si temerario ausu Ruthenus aliquis Unitus sacerdos tali constitutioni nostra contrarius ausus fuerit, poena excomunicationis, ac aliis in subsidium etiam adhibito brachio saeculari coërceatur.

Ex his itaque omnibus satis clare intelligitis, Patres Eminentissimi, immerito praeter Sedis Apostolicae protectionem Rutheno Episcopos a Latinis vexari, a communione ejusdem Sedis Apostolicae, veluti schismaticos, separari, et habere praeterea sacerdotes Ruthenos tamquam illegitimos, dum iis licet cum Sede Apostolica Unitis, interdicitur absolvendi a peccatis, ac matrimoniis assistendi potestas, demum eorum Ecclesias vocitari Synagogas, nec non prohiberi, ne quis e sacerdotibus Latini Ritus sacrum habeat in Ecclesiis Ruthenis, vel Ruthenus in Latinis. Insuper praecludi interdicto aditum juvenibus Latinis ad scholas Chełmenses frequentandas, quae et Sedis Apostolicae auctoritate sunt confirmatae, et erectae primario quidem in gratiam Ruthenae gentis, secundario vero in bonum etiam Latinae juventutis, cum eae scholae publicae sint, non privatae.

Quare is idem, qui supra Russiae Metropolita una cum caeteris Episcopis, et clero Rutheno Unito supplicem hunc libellum ad vos defert, Patres Eminentissimi, rogatque obnixe, ut nullas esse velint, atque declarent utruisque relati Synodi Constitutiones, quae et summo sunt impedimento non Unitis ad unionem Catholicam suscipiendam, et singulare adferunt praejudicium, tum iisdem Episcopis et Archiepiscopis Ruthenis Unitis, tum etiam bullis Summorum Pontificum decretisque sacrarum congregationum, quae omnia cognosci poterunt, apud sacram congregationem de Propaganda Fide et rituum, quod si etc. Quam gratiam Deus etc.

Antonius Sielawa, Archiepiscopus Połocensis Metropolitanus Russiae.

Lecz wyżey ieszcze, bo okolo roku 1622 poprzednik Antoniego Sielawy, a po nim Rafaela Korsaka na katedrze Metropoliczey Józef Welamin Rutski, który na wielu seymach staral się nayusilniey o utrzy-

manie koscielney Unii, y naywięcey ucierpiał za nią, który w Rzymie anno 1614, die 7 Februar. wyrobił dekret de non transitu Ruthenorum Unitorum ad Latinos sub nullitate actus, który od Urbana VIII atlas Unioni, columna Ecclesiae. Athanasius Russiae był nazwany, przecież na podobne krzywdy, umartwienia y zniewagi tylekróć razy a Latinis cierpiane użalał sie. O czym swiadczy jego informacya pod wyżmianowanym rokiem, Sacrae Congregationis de Propaganda Fide podana, która, dla swoiey obszérności, nie wypisuie się, per extensum lecz tylko quod ad 4 unionis impedimentum bez naymnieyszéy odmiany wyrazów jego tu się przyłącza.

Informatio Josephi Velamini Rutski, Metropolitae Rutheni, cum enarratione variarum injuriarum, quas experiuntur Episcopi et clerus Unitus a Latinis, data Romam Sacrae Congregationi Praeposito negotiis Ruthenorum.

Ac primo quidem praeposterus quorumdam Latinorum Catholici nominis sensus, qui licitum sibi persuadent bona Ecclesiarum Ritus nostri vel convertere in usum suum, vel applicare ad usum Ecclesiarum Latinarum propria auctoritate, quod in multis locis factum est, et nunc fit imo aufferuntur integra monasteria, in quibus asservant suos famulos, equos etc. Monachi autem ipsis praestare tenentur, quae mandant, propterea plurima monasteria desolata, in quibus nec ullus monachus reperitur, denique in ipsos Episcopatus jus sibi vendicant Abstulerat Dux Ostrogiensis Constantinus Constantynowicz, Palatinus Kijoviensis, ex odio unionis medietatem Episcopatus Luceoriensis, item medietatem Episcopatus Pinscensis, Metropolitae etiam non nihil. Ipse mortuus est et filius eius. Omnia bona ipsius devenerunt in alias familias, quarum omnes sunt Catholici, haec tamen bona restituere nolunt, jura sibi supra illa monstrari cupiunt, quae non omnes habemus ex eo, quod in antiqua illa simplicitate apud Ruthenos non scribebantur fundationes ac privilegia, qualiter nunc, nisi in codice Evangeliorum, quod ex usu Ecclesiae Graecae semper est supra altare, et hoc semper Christiani firmum et ratum habebant.

Talibus inscriptionibus in Evangeliis robur oblatum est in comitiis anno 1607 ad instantias horumce Dominorum, idque propterea, ne jure ipsos super his bonis conveniamus, de posessione tamen illorum bonorum ab Ecclesia, omnibus constat, maxime vero modernis Catholicis possessoribus.

Faciunt ipsis aliquando scrupulum confessarii, sed parum, ut videmus, proficiunt, quoniam hucusque tenent et disponunt illis, prout volunt.

His scandalis occurreret Sua Sanctitas, si prohibuerit sententia decretoria, ut sine consensu Apostolicae Sedis nullus audeat usurpare sibi, vel applicare ad usus Ecclesiarum Latinorum bona Ruthenae Ecclesiae. * Et qui secus fecerit, incurreret censuram soli Pontifici reservatam, tam is, qui applicat, quam qui acceptat. Rogamus etiam Sedi Apostolicae, ut non prius consentat, quam habuerit informationem Metropolitae super eo, item si injunxerit Nuntio suo Poloniae, ut ii, qui hactenus usurpant et acceptant, citentur et judicentur ab illo, et si deprehenderentur, quod possideant bona Ruthenorum jam post unionem factam, cogantur restituere.

Sunt quidem prohibitiones antiquae Ecclesiasticae, ne a laicis Ecclesiastica bona usurpentur, sed quia plurique male subponunt bona Ruthenorum non numerari inter Ecclesiastica, propterea magno Unionis erit bono, si declarentur esse talia, et prohibeatur Latinis, ne ea usurpent.

Secundo. Erroneum quoddam judicium, quod non tantum sacerdotes, sed etiam Episcopi legitime consecrati eo ipso, quia Rutheni, licet sint catholicissimi et usque ad sanguinem pro Ecclesia laborantes, inferiores tamen sint Latinis etiam titularibus Episcopis, qui nec Senatores sunt, nec ullam in hoc Regno, aut mundo, exercent jurisdictionem spiritualem, sed sunt tantum Suffraganei vel Vicarii in spiritualibus Episcoporum dioecesanorum, cui malo jam in parte dignata est occurrere Sua Sanctitas, sopiendo controversiam cum Suffraganeo Vilnensi de praecedentia cum Metropolitano litigantis. **

---

* Nie tylko książe Konstantyn Konstantynowicz Ostrogski, Woiewoda Kijowski, od Biskupstwa Łuckiego odtargnął siedm wsiów podostrogskich, to iest: Mizocz wielki, Mizocz mały, Buderaz, Piwczę, Toczywiki, Bórszczowkę y Buszczę, ale y w poznieyszym czasie Xięża Jezuici w Ostrogu, przerobiwszy Szpital Ruski na swóy Konwikt, klucz Surazkich dóbr, a prima fundatione do tegoż szpitala należących, pod swoią własność zagarnęli, y wiele wiosek cerkiewnych dostało się albo do Kosciołów Rzymskich, albo w dziedzictwo Panów Swieckich.

** Metropolitanus idem sonat ac primas et caput suae Ecclesiae nationalis Ruthenae. Non mirum, si aliquando cum eadem de praetensa per suffraganeos Latinos praecedentia disceptatum fuerat, cum etiam Romae dignitas Patriarchae quantumvis titularis adeo depressa sit Alumni Collegii pontificii Leopoliensis Ritus Graeco-Uniti, nonnumquam interrogarunt suum Praefectum et praeceptorem theologiae, Theatinum, quale nam sit Romae officium Illustrissimi Domini Lascaris, recens tunc ad Patriarchatum Jerosolymitanum promoti? Respondit ipsis: Magnum esse officium illius, quia cum dicit missam Summus Pontifex, nemo alter, nisi Patriarcha, Evangelium tenet.

Sacerdotes nostri a quovis percutiuntur sine excommunicationis reatu, hoc est: a suis Dominis, qui jus patronatus habent, carceribus mancipantur, et aliis poenis afficiuntur, nonnulli nobiles in eam devenerunt impietatem, ut eos laborare, tanquam subditos, cogant, et si noluerint, puniant. * Consuletur huic malo, si declarabitur illos etiam includi in canone.

«Si quis svadente diabolo percusserit clericum, anathema sit.»

Tenuissima provisio presbyterorum saecularium ritus nostri magnum est inter alia impedimentum, quare Unio non procedat; non enim facile emergunt quorum virtutibus obstat res angusta Domi; propterea non audent cum ea libertate peragere munera parochialia, sicut deberent insurgendo fortiter contra Non Unitos, habentes respectum apud dominos, in quorum bonis manent, itemque parochianorum egestas impedit, ut ex eorum oblationibus et elemosinis vivant. Si quidem provisiones ipsorum tales sunt, ut ipsi suum agrum, quem habent, colere debeant, et vivere in labore vultus sui comedendo modicum panis, unde nec ad libros, ut possint docere alios, nec ad officium divinum, ut illud absolvant, vacare possunt.

---

* Tego ucisku naywięcey doznawali kapłani Ruscy w dobrach Pana Steckiego Kasztelana niegdys Kijowskiego. Niepomogły żadne za niemi wstawienia się Metropolity y Biskupa Luckiego, na ówczas Theodozego Rudnickiego, w którego dyecezyi znaczną część dóbr pomieniony Kasztelan posiadał, iako y w powiecie Owruckim Woiewodztwa Kijowskiego. Okoliczność pewna przymusiła ich, że się nadzwyczaynego chwycili sposobu do odwrócenia tych ucisków. Gdybowiem roku 1738 tenże Kasztelan, rozkazawszy poddanym swoim wywozić zboże do Buga na frior Gdanski, kazał y kapłanów wypędzać w też podwody, ieden z pomiędzy wypędzonych, ubrawszy się tak, jak zwykł stawać do oltarza na mszę świętą, porzodkował parochianom swoim do szpichlerza pańskiego, gdzie, przy ładunku na swoią podwode zboża, spodziewał się bydź widzianym od pana swego. Takoż y nie omylił się w nadziei swoiey. Długo się sprzeczał z nim Kasztelan, ale wyperswadować mu nie mógł, izby dobrowolnie zrzucił ubior cerkiewny; na ostatek sam z niego gwałtownie zerwawszy ryzy, na ziemię zwalić y bez litości nahaiami ćwiczyć, a tak zbitego zaledwie z duszą do plebanii zaprowadzić, obcego zas człowieka na iego furę wsadzić y do Buga dowieść rozkazał. O takowym postępku Metropolita y Biskupi uwiadomieni, wszystkie cerkwie w dobrach rzeczonego Kasztelana interdykowali, kapłanów na inne parafie przyniesli y dopoty inszych nie dali, aż się Kasztelan uroczyście opisał, że stan duchowny przy wszelkich wolnosciach, prawami pozwolonych, utrzymywać będzie.

De Episcopis et ipso Metropolita notum est: Illos auctoritatem publicam modicam, aut nullam, in Regno habere, a Comitiis enim palam excluduntur, nec ipsis licet in propria causa ad defendendam suam innocentiam, etiam tunc, quando accusantur publice tanquam turbatores pacis quidquam dicere, et magnae id felicitati ducitur, si cui nostrorum permittuntur aliquot verba in Conventibus nobilium dicenda, ergo potius ab iisdem Conventibus absunt, ne dishonorentur, dum locus ipsis sessionis non conceditur etiam ab ipsis Catholicis; si vero absunt, cum damno unionis absunt, tunc enim omnia statuuntur contra Unitos, nemine contradicente; vel si locum honorificum pro suo statu in talibus conventibus habere volunt, obsequiis suis praecibus et ferme pretio emere hanc gratiam coguntur.

Ad Comitia cum magno facultatum et valetudinis dispendio venientes, post terga Senatorum inter alios sacerdotes simplices Ritus Latini cum magna indignitate et vilipendio status sui hierarchici; cum irrisionibus et exprobrationibus Disunitorum ac magna aversione pusillorum a sancta unione consistunt. Comodissime posset occurri his in convenientiis, si Latini Episcopi nostros fraterne honorarent, secus enim fit, aliquando canonicus eorum praefertur in consessibus Episcopo nostro, ipsis ita volentibus et jubentibus.

Si vero ex necessitate aliqua veniunt ad ipsos nostri Episcopi, facilius quis ex clero Latino etiam inferiori admittitur, quam nostri, licet sint Episcopi ejusdem Catholicae Ecclesiae, in quo frequenter rumpuntur interiora nostra, non propterea, quas aegre feramus, sed quia homines sumus, et humani nihil a nobis alienum putamus, neque omnes perfecti sumus, et hoc satis est: quod hucusque talis indiscretio non avertit nos a sancta unione, neque avertet, Deo propitio, unquam, etiamsi tanquam purgamenta omnium reputabimur. Saltem laborare pro unione in Comitiis difficile est sine ipsis; per ipsos enim omnia peragere possumus, ac proinde ipsos adire et alloqui debemus. Comittatur ergo a Sua Sanctitate Nuntio Poloniae, ut procuret apud Episcopos Latinos honorem congruum Episcopis Ruthenis, secundum quod videbitur ipsis expedire ad Dei gloriam et unionis incrementum. Si enim honorabunt nos Episcopi Latini, praestabit id et clerus eorum, tum et status saecularis; nunc autem vident nos vilipendi, propterea nonnulli non reputant nos pro veris Episcopis sed quibusdam Chorepiscopis, vel alicujus ordinis inferioris, et hinc est, quod in communi colloquio non vocant nos Episcopos, sed Vladicas et sacerdotes nostros Popones.

Statutum est, ut presbyteri Rutheni, licet nullos subditos habeant, sed ipsi agrum colant, solvant tantum, quantum rustici, et quod detestabilius ibidem additum est, ut etiamsi nullos agros habeant, quos colant, tamen ratione officii divini et administrationis sacramentorum, solvant certum censum, qualis tunc imponetur; quod de ministris haereticorum nusquam scriptum hoc in Regno reperitur, quasi vero isti pauperes sacerdotes deterioris conditionis esse deberent, quam ministri haereticorum. Et qua conscientia ab administratione sacramentorum exigitur census? Per Dei gratiam est Unio! Habemus jura tam antiquiora post concilium Florentinum concessa, nimirum privilegium Wladislai III, anno 1443, tum recentiora, dum sub Clemente VIII renovabatur Unio, quod in omnibus libertatibus, immunitatibus coaequati sumus cum clero Latino; * talia enim expressa etiam a sequioribus privilegia Regibus nobis confirmata sunt. Nihilominus multa hinc nobis injuriosa et valde damnosa emanarunt. Praecipue vero si vacat aliqua parochia in bonis regialibus, ille, qui non vult subesse Episcopo ordinario sui, in Unione existenti, sine consensu et scitu ejus currit ad Cancellariam Regiam obtinetque privilegium advitalitii poponatus, hoc est, sacerdotis (sic enim tempore schismatis per contemptum vocabatur, ** et obtento tali privilegio

---

* **Ledwo cztérdzieści lat upłynęło po odnowioney iedności Kościelnéy pod Klemensem VIII, do czasu tego, w którym Metropolita Rutski trzymał styr duchownego na Rusi rządu, gdzieby świeża ieszcze téy iednosci pamięć dwa Katolickie obrządki wzaiemną miłoscią wiązać była powinna; gdy wszakże y pod ówczas siląca się przemoc z otwartą nienawiścią burzyła stronę iedną naprzeciw drugiey, samą się tylko niewinnością y cierpliwością zastawiaiącey, a komuż dziwno będzie, że taż sama przemoc y nienawiść w roku 1789 do naywyższego urosłszy słopnia, targnęła się na rozlew krwi niewinney!**

** **W naszym to wieku żyć było Metropolicie temu; tu by dopiéro widział przesladowania, posmiewiska y urągania, z Unitów czynione, które się od szkół między uszącą się młodzieżą zaczynaią, a nie konczą sie aż w grobie; tu by się dowiedział o sposobie, iakiego na ukaranie popa używaią panowie, żeby się nie dotkno wszy osoby iego, nayboleśnieyszą zadali mu na sercu ranę, iak za zwyczay mówią y czynią. Wara bić popa, bo za to klątew, ale mu popadię łozami przećwiczyć, wszak to iedno ciało; to on będzie grzecznieyszy. W szkołach nawet zgaszonego swiętéy pamięci zakonu, gdy pierwsze słowa, czyli raczey nazwiska rzeczy mowić po łacinie uczono, nie zapomniano położyc róznicę między xiędzem a popem. Naymnieysze dzieci siebie nazwaniem zapytywali: Quomodo Latine vocatur xiądz? Sacerdos. Quomodo Pop? Sacrificulus. I iedno to znaczyło powiedzieć: Rusin co chłop.**

non vult subjacere Episcopo, et ad jus saeculare citari non potest, quia intercedit privilegium Regium, atque sic neque saeculari, neque ecclesiastico obedit judicio. Facile huic occurreretur, si praesides Regiae Cancellariae, qui sunt spirituales, attenderent, ne hoc fiat in posterum, favent autem libenter moniti a Nuntio Apostolico.

Deinde hinc manat, quod parochi Latini accipiunt decimas a Rutheno populo, etiamsi ibidem sit parochus Ruthenus ordinarius ipsorum; alicubi iidem parochi Latini accipiunt decimas ab ipsis presbyteris Ruthenis; praetendunt quidem rationes quasdam, si tamen illae ponderentur, levissimi sunt momenti, majoris certe morenti sunt jura. Nostra quippe innixa legi divinae, ut quaevis ovis agnoscat pastorem suum, et vocem ejus audiat, et illum lacte suo pascat, lanaque cooperiat, non vero alienum; quidquid secus fit, videtur praeter jus divinum fieri et violenter.

De omnibus his miseriis siluimus hactenus, tum ut paci et fraternae charitati consuleremus, tum ut committeremus tempori et circumstantiis optimo magistro, ut emendet; sed praecipuis amissis per transitum ad Latinos exspotiati omnibus ornamentis, coepimus advertere, omni humano auxilio nos destitui, radices malorum pullulare et incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti, sentimus, unde excidimus, et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat.

Haec et alia ejusmodi scripsit ille zelocissimus Unionis Apostolus, non enim acerbissimas suae gentis injurias dissimulare potuit.

SPECTAT AD EANDEM LIT. D. *

Superscribuntur hic resolutiones theologorum Ritus Latini de transitu a Ritu Graeco, praecipue vero patrum Societatis Jesu, ut vel post mortem celeberrimi hujus instituti sciant Rutheni, cui integritatem jurium suorum immortalibus in gratiis referendam debeant.

Quaeritur: An Unitis Ruthenis his in provinciis licitus sit transitus ad Ritum Romanae Ecclesiae?

Respondetur: Quamvis bulla Urbani VIII districte praecipitur, ne ullus abhinc Rutheno Unitorum ad Latinum Ritum admittatur, nisi specialis accedat licentia Sedis Apostolicae, anno 1624, die 7 Februarii, quia, tamen, Rex Sigismundus III, consilio Pp. Societatis, pluries explorato, credidit prohibitione transitus, jam declarata impediri religionis Catholicae profectum, et per Nuntium protunc Apostolicum in Polonia Lancelloti nuncupatum, sacrae Congregationi de propaganda fide significavit, potius debuisse prohibere transitum solis ecclesiasticis Ruthenis, alias se non posse in publicationem hujus bullae Pontificiae consentire: et in sequelam voluntatis Regiae idem Pontifex Urbanus VIII, eodem anno, die 7 Iulii, literis Nuntii sui in Polonia permotus, supradictum suum decretum restrinxit ad solos Ecclesiasticos, monerique dumtaxat jussit confessarios, et praesertim Patres Societatis Jesu, ne tanta diligentia laicos Ruthenos ad Ritum Latinum inducant, proinde Unitis Ruthenis licitus est transitus ad Ritum Romanae Ecclesiae.

---

* И эта статья писана собственноручно Θ. Бродовичемъ.

Non licet autem a Latino ad Graecum Ritum transire ex mero beneplacito, quia decretum Urbani VIII negat id etiam ex urgentissima causa, tum quia Ritus Latinus est perfectior Graeco, immo Graecus sustinetur solum ex indulto constitutionis Innocentii IV et constitutione Clementis VIII, quae incipit: Romanum Pontificem etc. Proinde Latini, qui transierunt ad Ritum Graecum, urgendi sunt ab iis, quorum interest, ut redeant ad Ritum priorem, exigunt id constitutiones Gregorii XIII.

Ita resolvit pater Andreas Krugier, Societatis Jesu, doctor theologiae et sacrarum canonum in Academia Vilnensi

Quaeritur: An Uniti Rutheni possunt excipere confessiones Latinorum?

Respondetur: Extra casum necessitatis, non licet Latinis confiteri Graeco-Unitis. Ita constt. Clementis VIII, quae incipit: Sanctissimus Dominus noster. Et quamvis testator Nicolaus Auther Romanus, quod Congregatio de propaganda fide, deciderit 1 Innii, 1626 anno, esse causam sufficientis necessitatis evitare offensionis occasionem inter Ruthenos Unitos et Latinos, ideoque monet non esse prohibendum, quominus Latini Unitis sacramentaliter confiteantur, haec tamen decisio intelligenda est de solis Basilianis, qui habent sua privilegia a Sede Apostolica, et subponuntur esse sufficienti notitia praediti quoad sacramentorum administrationem.

De Popis autem ejusdem Ritus, vix aliquando scientiam habentibus, non judico praedictam esse decisionem. Unde enim ejusmodi rudibus Popis facultas absolvendi a casibus, aut Sedi Apostolicae, aut loci ordinariis Ritus Latini reservatis, quae facultates Latinis presbyteris idque longe doctioribus, vel raro, vel non omnes conceduntur omnibus? Aliud dicendum de necessitate urgentissima, v. g., de articulo mortis, quia hinc Ecclesia prudentur praesumitur dare facultatem absolvendi ab omnibus casibus et censuris cuique, vi ordinis hujus facultatis capaci.

Possunt tamen sacerdotes Latini excipere confessiones Unitorum, eosque valide absolvere, non obstante, quod non habeant jurisdictionem, ab Episcopo Graeco sibi collatam, cui Uniti sunt subjecti. Ratio universalis tam pro saecularibus, quam religiosis in communi militans petitur ex decisione Congregationis de propaganda fide, superius expressa. Ratio secunda praecipue pro religiosis Societatis Jesu, quia suppositis supponendis, id est, approbatione Episcopi proprii et facultate superiorum, quoad hoc sacramentum, ex privilegiis ipsis concessis, habeant jurisdictionem in omnes fideles. Ita resolvit pater Claudius Soc. Jesu, anno 1628.

Rutheni Uniti obligantur ad celebranda festa Ritus Latini, quae ante unionem Ecclesia Graeca non celebravit, sed cum unione celebranda suscepit. Ratio, quia expedit, ut Ecclesia minus principalis accommodet se magis principali. Quod autem Ecclesia Latina sit magis principalis, constat ex constitutione Innocentii IV, tum ex ratione capitis, id est, Summi Pontificis, ad quem Graeca Ecclesia, tamquam membrum ad caput, se refert; tum ex ratione Ritus, quia Ecclesia Latina utitur ritu, qui in universo orbe est receptus; tum ex ratione conficiendorum administrandorumque sacramentorum, quia Ecclesia Romana, loquendo, v. g , de Sanctissima Eucharistia, utitur azymo, quo constat ex scriptura, Christum Dominum et Apostolos esse usos. Deinde ex ratione sanctitatis cleri, quia clerus Romani Ritus servat coelibatum, quem servasse etiam Apostolos constat.

Nemo potest inducere maritum Latinum ad Ritum uxoris Graecae, aut uxorem Latinam ad Ritum mariti Graeci, nec prolem susceptam potius ad Ritum Graecum, quam ad Latinum. Ratio: quia bulla Clementis VIII id vetat; cujus tenor talis: «Maritus Latinus uxoris Graecae Ritum non sequatur, Latina uxor non sequatur Ritum mariti Graeci; Graeca vero uxor sequatur Ritum mariti Latini, quod si fieri non potest. quilibet maneat in Ritu suo, proles sequantur patris Ritum, nisi praevaluerit mater Latina.» Hucusque sunt verba bullae.

Illicite Uniti popi infantes chrismate sacro in fronte consignant. Ratio: quia id vetat bulla Apostolica Clementis VIII, cujus summula authore Stephano Quaranta prandato ejusdem Pontificis, anno 1595 impressa, sequentem habet tenorem:

«Presbyteri Graeci baptisantes chrismate in fronte, non consignent baptisatos.»

---

* Praetermissa hac praetensa ratione sanctitatis cleri Latini propter coelibatum, quem frequenter utriusque ritus traducit populus praecipue cum non raro contingat eosdem coelibes humana pati; praetermissa pariter gratis asserta universitate Ritus Latini in toto orbe; contrarium enim vel ipse aspectus vastissimi Imperii Moscovitici, Ritum Graecum profitentis (praeter alias Orientales regiones), evidenter probat; nunc de azymo, quo, quasi constat ex scriptura, Christum Dominum et Apostolos esse usos, dicere quidquam necesse est; sed quoniam haec materia fusiori calamo tractari debet, idcirco benevolus lector ad seorsivam dissertationem circa finem hujus libri positam remittitur, sub titulo «Uwagi.» *

* Это пространная богословская статья: Uwagi o wieczerzy Pańskiey, z swiadectwa cztérech Ewangelistów wyciągnione, które zdaią sie iaśnie dowodzić, na iakim chlebie Jezus Chrystus ustanowił sakrament Eucharystyi.

Hinc monentur eadem bulla Episcopi Latini, ut Graecos quoque confirment, conditionate tamen propter abusum presbyterorum Graecorum, qui baptisatos a se infantes in fronte sacro chrysmate consignant. *

Popi Graeco-Latini seu Uniti cogendi sunt accipere chrysma benedictum ab Episcopis Latinis, alia vero olea sacra ab Episcopis Latinis non cogantur accipere, quae ab eis aliter conficiuntur. Et subduntur ordinariis Latinis, circa ea, quae pertinent ad fidem, sacramenta et caetera spiritualia, non solum saeculares, sed clerici ac monachi, Abbates, Rectores, Episcopi etc. Ita Pius IV constitutione 74. **

Illicite Popi Graeco-Latini seu Uniti celebrant missas suas sine portatili lapideo, quia in bulla Clement. VIII praecipitur, ut eo utantur, et si velint thione uti, illum super lapidem reponant. Hinc liquet Latinos in Ecclesiis Graecis non posse celebrare, sine lapide portatili, esset enim id peccatum mortale juxta plerosque doctores apud Bonocinam.

Personae Societatis Jesu in missione existentes possunt assistere unitis contrahentibus matrimonium et eos benedicere. Ita responsum ex urbe. Ratio est: quia apud Ruthenos non requiritur assistentia parochi proprii, cum decreta concil. Trident. non admittant. Latinis vero contrahentibus Patres Societatis Jesu absque speciali licentia parochi, assistere nequeunt, sub poena excomunicationis, patet ex Clement.: Extravagant.

Invalidum est matrimonium Uniti cum Catholica in assistentia presbyteri Graeci, si potest haberi parochus proprius Rit. Latini. Ita respond. sacra Congregatio Concil. Tridentini, cujus textus sess. 24 de reformat. Matrimonium est hic: «Quod si contrahentes habitant tunc in orta

---

* Hinc fortassis est, quod olim Bulgariam a Patriarcha Constantinopolitano ad fidem conversam et sacro chrysmate nuctam, Ioannes VIII (potius Nicolaus I Papa) per suos missionarios iterum mandavit ungere. Hoc tandem initium posuit huic schismati, quod sanctam hucusque dividit Ecclesiam.

** Episcopi Latini evertendo Ritui Graeco inhiantes, easdem constitutiones pontificias, quae pro Italo-Graecis latae sunt, extendere cupiunt ad omnes Ruthenos Unitos, qui subsunt suis Episcopis, plenam jurisdictionem habentibus. Eorum consilio factum est, anno 1626, quod Regni cancellarius literis Regiae nominationis adjecit hanc clausulam: «ut Episcopus Chelmensis Ruthenus teneatur suae in spiritualibus et temporalibus administrationis reddere rationem Latino Episcopo, pariter Chelmensi» quae clausula posteriori tempore, mediantibus apud Regem officiis Nuntii Apostolici, revocata fuit.

parochia, atque in eorum praesentia jam erat promulgatum decretum Concilii, elapsisque diis triginta a promulgatione, nec non ibidem in eadem parochia aderat parochus proprius Romanus sive Latinus, coram quo eos contrahere oportebat matrimonium, sed coram eo revera illud non contraxerunt, tum matrimonium est invalidum.

Plura omittuntur, haec enim pauca sufficiunt ad cognoscendam universam adversus Unitos malevolentiam.

Ad lit. D.

List Stanisława Borzęckiego, Komissarza Wołyńskiego, do J. X. Biskupa Lewińskiego. *

Jaśnie Wielmożnemu J. M. C. J. Xiędzu Lewińskiemu,

Biskupowi Tegiejskiemu y Administratorowi Biskupstwa Luckiego y Ostrogskiego w Rożyszczach.

Jaśnie Wielmożny Biskupie Tegiejski i Koadjutorze
Biskupstwa Ostrogskiego i Łuckiego!

Kommissya Woiewództwa Wołyńskiego, wiedząc potrzebę stawienia się dla explikacyi J. M. C. J. Xiędza Nienałkiewicza, bywszego parocha Mylskiego, uprasza J. W. J. M. C. J. Xiędza, Biskupa y Administratora Łuckiego, aby na poniedziałkową sessyą tenze Xiądz Nienałkiewicz był przystawiony. Dan na sessyi komissyyney w Lucku, dnia 25 Juni, anno 1789.

Stanisław z Kozarzewa Borzęcki, Komisarz
Woiewództwa Wołyńskiego Prezyduięcy.

---

* Это письмо, равно какъ и нижеслѣдующее, прибавлены къ рукописи въ подлинникахъ съ конвертами и печатями Коммисіи.

Ad lit. D.

List Prezesa Kommissyi Woiewódzstwa Wołyńskiego, J. K. Trzesżeskiego, do Xiędza Officyała Brodowicza.

Wielmożnym Ichmościom Xięży Brodowiczowi, Officyałowi,
y Ochrymowiczowi, Kanclerżowi, Luckim,
Ruskim, w Rożyszczach.
(Pilno).

Wielmożni M. C. J. Xięza Officyale y Kanclerżu Łuccy, Ruscy!

Ponieważ IMCi Ksiądz * Dziekan Kolkowski iuz iest w Łucku y siebie uniewinniaiąc oskarza popa Starosielskiego, przeto uprasza Kommissya Woiewództwa Wołyńskiego WW. Brodowicza Officyała y Ochrymowicza Kanclerza Łuckiego Ruskich, aby temuż popowi na dzień iutrzeyszy stawić się zalecili w Rożyszczach, a ztamtąd onego do Łucka, dla tłumaczenia się przed Komissyą, stawić nakazali. Dan na sessyi Kommissyyney w Łucku, roku 1789, dnia 4, miesiąca Kwietnia.

I. K. Trzeszeski
P. L. Prezes Kommissyy.

---

* Правописаніе подлинника.

Ad lit. D.

Uniwersał seymuiących Stanów pod Konfederacyą roku 1790, do Woiewodztw, Ziem y Powiatow w Koronie Polskiey y Wielkiego Xięstwa Litewskiego wydany.

My, Stany duchowne y swieckie, pod związkiem Konfederacyi generalney oboyga narodów, wszem w obec y każdemu zosobna, komu o tem wiedzieć należy, a mianowicie wszystkim obywatelom Woiewodztw, Ziem y Powiatów wiadomo czyniemy.

Zbliżaiąc się do poprawy rzędu Rzeczy Pospolitey, gdy nam przychodzi rozważyć, przez iaki sposób moglibyśmy ubezpieczyć całość Państw naszych, dać wieczystą trwałość wolności y swobodom narodowym, uznaliśmy za nayważnieyszy cel wziąść na uwagę opisy, których oycowie nasi y My sami, względem dostoyności Królewskiey używali; w tym zamiarze, rozbieraiąc dzieie y prawa Polskie, znayduiemy w nich troistą rządu postać: pierwszą, przed prawem pisanym; drugą, za czasów familii Jagiełłońskiey; trzecią, gdy elekcia iedney na tron osoby stała się fundamentalną wolności maxymą.

Minąwszy stan rządu Polskiego przed prawem pisanym, iako z czuciem obywatelskiey wolności nieżgodny, bierzemy na uwagę te iedynie prawa, które nam poznieysze zachowały wieki, a które się stały prawidłem rządu naszego. Kazimierz Wielki, zyskawszy duszą prawodawczą y stawszy się wyższym od tych, co arbitralnie ludowi rozkazywać pragną, dał pierwsze narodowi Polskiemu prawa cywilne. Ludwik, Król Polski y Węgierski, dziedzic krwi Kazimierza, lecz nie imienia Piastów, obiowszy rząd panstwa, nie maiąc po sobie następcę z lenii mężkiey, a chąc dla swych córek koronę Polską ubezpieczyć, pierwszy, oprócz wolności cywilney, przez Kazimierza narodowi naszemu w prawie pisanym zawarowaney, dał wolność polityczną y rzucił fundamenta

tey szczęśliwośći, którey potem oycowie nasi za familii Jagiełonskiey bliżko dwa wieki doznawali. Przywiley Ludwika w Koszycach y Władysława Jagiełły w Jedlny są początkiem władzy narodu polityczney y dobroci rzędu Polskiego, który okazuie, iż przy narodzie zostawała władza prawodawcza, iż Król był naywyzszą praw narodowych strażą, maiący obowiazek doglądać exekucyi onych y wykonywać to, co prawa przypisywały; iż Senat, będąc Radą Króla, był oraz strazą narodową, dozieraiącą, aby Król w wykonaniu y dozorze praw nie przestąpił za granicę onych; iż magistratury, wykonawsze sądowe y rządowe, odbywały się w imieniu Króla przez urządniki, z posród obywatelów wybierane, których naywyzszym dozorcą podług praw był Król, maiący moc w tym wszystkim, co należało do obrony obywatelstwa od przemocy, do obrony granic państwa Rzeczy Pospolitey od naiazdów obcych.

Nayszczęśliwsza rządu postać dała się w owczas uczuć mieszkańcom ziemi Polskiey, upadła absolutność Piastow, pod którą Polska niszczała bez praw y oświecenia aż do czasu Kazimierza Wielkiego. Pierwszy nasz prawodawca Kazimierz, któremu opatrzność pozwoliła odzyskać upadłe prowincye, osadzić nieludne kraie przemyślnem rzemieslnikiem, oswiecić naród przez wprowadzone nauki, upewnić obywatelską wolność przez prawo pisane, ziednoczył Polską pod iedno berło, a wszystkie prowincye uczynił iednemRzeczy Postolitey ciałem, dzieląc one na Woiewództwa y Powiaty.

Władysław Jagiełło do Korony Polskiey iuz zupelnie ziednoczoney przyłączył Wielkie Xięstwo Litewskie. Unija tego Xiąstwa przez Władysława zrobiona, przez Aleksandra utwierdzona, była dziełem zupełnie doskonałym y gruntownym; a ieżeli pózniey za Żygmunta Augusta na Seymie Lubelskim ponowioną została, kazdy to iasno poznać moze, iż była dziełem wolnośći obydwóch narodow do tego posuniętey stopnia, aby prawego potomka Jagiełły skłonić do odstąpienia od tytulu dziedzictwa; y w samey rzeczy zamysł ten wziął pożądany skutek; bo Żygmunt August, nie maiąc żadnego po sobie potomstwa, zrzekłszy się tytulu dziedzictwa, oddalił tych wszystkich od należnośći do berła, którzy albo szli od braci Władysława Jagiełły, albo przez pleć żeńską należyć mogli do krwi Jagiełłońskiey.

Za Jagiełłów naród w miarę oswiecenia y łagodnośći rządu przyszedł do tak wysokiego znaczenia, iż się mieśćił między pierwszemi w całey

Europie, iż słodycz rządu Polskiego stała się wzorem dla wszystkich ościennych Królestw y Państw, z nami graniczących. Kazimierz, syn Władysława, dał Królów z potomstwa swego Węgrom y Czechóm, przyłączył do iedności narody Pruskie Zachodnie, Prusy zaś Wschodnie za Zygmunta pierwszego, a Inflanty za Zygmunta Augusta, poddały się z dobrei woli pod rzęd berła Polskiego y panowanie praw Polskich. Nie zostawało więc oycom naszym, iak trzymać się tych szanownych prawideł, które wiekami poświęcone, postawiły naród Polski w rzędzie prawdziwey wielkości y mocy polityczney. Lecz ci, mniemaiąc, iż lepiey ieszcze sobie y swym potomkom uczynią, zepsuli rownowagę rządu politycznego, a zamiast, aby mieli doskonalić prawa, opisujące obowiązki Królów y upowszechniaiące swobody narodu, ieli się niebezpieczney maxymy, iż, dla zapobieżenia iedynowładztwu, należy przyiąć prawo elekcyi doczesnych, elekcyi iedney osoby.

Nie dało się zaraz uczuć niebezpieczeństwo; tak wielka prerogatywa podchlebiała w początkach możnym obywatelom, a gorliwość obstawania przy elekcyi Królów była przyczyną y skutkiem zepsucia całego politycznego rządu. Elekcya dożywotnich Królów zaczeła się na Henryku, możnowładztwo poczeło się pasować z Koroną za Stefana y Zygmunta III, upadł rząd dawny za Jana Kazimierza, anarchia opanowała resztę czasu aż do dni naszych. Przyszliśmy nakoniec do tego nieszczęśliwości stopnia, iż poddawszy prawa kraiowe pod gwarancyą Moskwy, staliśmy się iak gdyby narodem, obcem mocarstwu hołduiącym. Nieprzestanna boiaźń, aby Królowie Polscy nie zyskali kiedy prawa sukcessyi dla swey familii, obróciła całą usilność możnych narodu, ażeby tron ogołocić zupełnie z przyzwoitych mu zaszczytów. Nie pomniano na niebezpieczny ościennych wzróst Mocarstw, pod iednowładnym zostaiących berłem. Wzrosło pod ówczas niezmiernie wielkie y silne cesarstwo przy granicach naszych od wschodu, a od północy na lennym Xięstwie naszym powstało potężne krołestwo.. Ian Kazimierz, doznawszy za panowania swego tych wszystkich nieszczęśliwości, którym naród nierządny podlegać musi, własnym nauczony doświadczeniem, upominał oyców naszych, aby sobie za życia iego o przyszłym pomyslili następcy. Czuł on naylepiey, iż gdy tron Polski bez prawnego został następcy, stać się musiał celem pogardy możnych obywatelów, a woyny domowe y pograniczne przywieść musiały o upadek y zniszczenie całe państwo; Król nie był więcey zdolny zasłonić go w czasie niebespieczeństwa. Ambi-

cya możnych nie mogła bydź zgodną y zachować się w równości pod berłem dożywotnim y na pogardę wystawionym. Okropne spustoszenie poprzedziło nasz pierwszy podział. Szwedzi zabrały nam Inflanty, Moskwa zabrała kraie, za Dnieprem leżące. Margrabia Brandeburski uwolnił się od praw lenności. Austrya wzięła w zastaw szyby solne, możni podnosili rokosze y wprowadzali woysko zagraniczne do kraiu. Pospólstwo, pod przywództwem Chmielnickiego, wydało woynę domową właścicielóm ziemi; zgoła, nie było żadnéy części ludu, któryby nie uczuł, iż iest pod anarchyą, iż śmiało ieden przeciw drugiemu powstawać może w tak obszernym narodzie, w którym interes powszechny nie iest ziednoczony pod berłem iednéy familii, w którym tron, na cel pogardy wystawiony, został. W ten czas to Ian Kazimierz zagrzéwał naygoręcey, ażeby naród Polski myślał o swoiey exystencyi, w ten czas przepowiadał powtórne rozebranie państw Rzeczy Pospolitey, ieżeli sobie wcześnie o przyszłym do tronu nie zaradzi następcy.

Wzgardzili oycowie nasi radą nieszczęśliwego, lecz dobrego, Króla, a przepowiedzenia jego stały się nayokropnieyszym wypadkiem, przeznaczonym do uskutecznienia za dni naszych. Od roku 1764 Konfederacye stały się hasłem robot politycznych. Dał się widzić pierwszy związek dyssydentów w Toruniu y Słucku, który za sobą pociągnoł związek Radomski.

Przemoc obca dała nam prawa y przyięła nas pod swoią mniemaną opiekę, o którą złudzeni obywatele podle dopraszali się. Obcym natchnieniem zbuntowane na Ukrainie pospólstwo powstało przeciw własney zwierzchności; czuły o ucisk swoiey oyczyzny obywatel podniosł niedołężne ramie na obronę wolności, a mocarstwa nas otaczaiące dopełniły tego, co przepowiedział Ian Kazimierz. Nieszczęśliwość powszechna, powiększona hańbą, zuchwałość, okryta podłością sprawiły, iż obywatel własnemi rękami przyspieszał zgubę narodu. Oderwane od ciała Rzeczy Pospolitey kraie, ieżeli z iedney strony będą pamiątką niesprawiedliwości, wyrządzonéy nam od sąsiadów, bydź muszą oraz okropnym świadectwem niepostrzeżenia się oyców naszych y oddalenia od rządu uszczęśliwiaiącego narod Polski za czasów Jagiełłowskich.

Z tych powodów My, skonfederowane Rzeczy Pospolitey Stany, uznaliśmy za istotną potrzebę powrócić narodowi rząd dawny, rząd, któryby nas uczynił niepodległemi iakieykolwiek zagraniczney potencyi, któryby swobody nasze od wszelkiey zawarował przemocy. Lecz ponieważ próż-

hą byłoby rzeczą pracować około poprawy rządu, gbydy tron Polski dawnym podpadał interregnum, gdyby zależał od arbitralności sąsiadów naszych, przeto osądziliśmy za istotną powinność odwołać się do woli obywatelskiey, a przekładaiąc to wszystko, co w tey mierze przed oczy troskliwego o swą całość narodu przełożyć można, spodziewamy się nie wątpliwie, iż wszyscy obywatele Woiewództw, Ziem y Powiatów tę naszę odezwę przyimą za skutek rzetelney gorliwości, pragnącéy, aby naród dostrzeżoną przez nas okoliczność, użył na ocalenie granic swoich, na zawarowanie się od podległości sąsiedzkim mocarstwom, y na uratowanie od ostatnéy zguby imienia Polskiego.

Przezacni obywatele! Użyczyła nam opatrzność szczęśliwey czasu pory wydzwignienia oyczyzny z pod jarzma dependencyi obcéy. Pragniemy wam y potomkom waszym oddać naród swobodny y rządny; lecz te usiłowania będą prózne y daremne, ieżeli wola wasza nie skłoni się zupełnie do tych srzodków, które za nayskutecznieysze uznaiemy, ieżeli daley cierpieć zechcecie to periodyczne kraju przez interregna wzburzenie, pod czas którego ambit miota prawami, wzrusza rząd w samych iego zasadach, przynosząc ruinę maiątków obywatelskich, bogactwo kraiowe istotnie składaiących. Rząd, choćbyśmy go z naywiększą troskliwością przepisać chcieli, nie będzie trwały, ieżeli tron Polski zostanie pod arbitralnoscią sąsiadów naszych, zostanie zaś niewątpliwie, gdy nie dozwolicie wybrać iedney familiy, któreybyśmy z woli waszéy berło Polskie powierzyli. Poróżnienie sąsiadów naszych nastręcza nam naysposobnieyszą do tego porę; lecz im bliżsi są zgody, tym trudniey iest odwłoczyć na daley dzieło tak pożądane. My wam radziemy sukcessyę tronu, zaręczaiąc, iż będzie nayusilnieyszym staraniem naszym opisać iak naysilnieyszym warunkiem swobód narodowych, iest przeto interessem kraiu to, co radziemy, iest przeciwne zamiarom graniczących z nami mocarstw, które, uskuteczniwszy dwa razy iuż okropny narodu naszego podział, uskutecznić go mogą przy zręcznéy okolicznosci raz ieszcze trzeci, ieżeli tym iedynie srzodkiem całosci imienia naszego nie zaradziemy. Spoyrzycie na skutki, bo te naylepiey do rozumu y serca mówić powinny, a przekonacie się, iż zamiar, który obce Mocarstwa tylokrotnie uskuteczniły, nie inny iest, tylko zgładzenie imienia Polskiego. A ieżeli miłość oyczyzny y iedność narodu iest istotnym obywatela wolnego czuciem, w waszych ręku zostaie dozwolić, abyśmy byli całym narodem, aby potomstwo nasze ochronić od

przygotowanego iedynowładztwa, od którego współobywatelów dziś żyiących ocalić nie mogliśmy. Komuż trzeba przypominać te wszystkie nieszczęśliwości, spustoszenia y pożogi, przelew krwie obywatelskiéy, woyny domowe, końcy niebiorące? Ktoż nie wié, iż do niedołężności naszéy dodaiąc niedołężność Królów, bylibyśmy przymuszeni stawać się wykonawcami obcéy woli y igrzyskiem zagraniczney siły? Gdy więc tak pożądaną sposobność, rządząca losem narodów, nastręczyła nam Opatrzność, uznaliśmy za istotną powinność naszą, odwołać się do serc y gorliwości obywatelskiéy, aby, czuły na swą całość y swobody naród, uczynił nas sprawcami powszechnéy szczęśliwości. Na ten koniec wyznaczamy po wszystkich Woiewództwach, Ziemiach y Powiatach seymiki w mieyscach, prawem oznaczonych, a to na dzień w miesiącu roku teraźnieyszego 1790, na które, za Uniwersałem ninieyszym, wszyscy obywatele zgromadzić się maią dla przesłania Posłom swoim per laudum zdania własnego, czyli chcą mieć wybraną iedną familią do tronu z prawem sukcessyi? Rezolucya na zapytanie nasze, od każdego seymiku dana, będzie w tey mierze istotnym prawidłem nie tylko dla Posłów, ale także dla Senatorów, do których seymików ciż Senatorowie z mocyu rzędu swego nalezą. Ponieważ zaś krzesła Woiewództw od Rzeczy Pospolitey y Ministerya nie są przywiązane do żadnego osobnego seymiku, zatym Ministrowie y Senatorowie rzeczeni, gdy ten Uniwersał z woli nas, skonfederowanych Stanów, podpisanym y rozesłanym zostanie, natychmiast deklarować się maią, do którego seymiku z possessyi własnych należyć y rezolucyi onego słuchać będą. A gdy seymiki kwestyą tę rozwiążą, my do decyzyi onego przez większość głośnych tylko wotów przystąpiemy w tym czasie, który ieszcze czasem naszym y czasem narodu nazwać możemy. Aby iednak wola obywatelów tym dokładniey na seymikach okazać się mogła, zachęcamy wszystkich possessyonatów do ziechania się na rzeczone seymiki, na których, ieżeliby nie było zgody iednomyślney, Marszałkowie wraz z Assessorami odbierać maią vota sekretne parafiami przez sposób, który sobie obywatele obiorą: pluritas zaś w laudach zanotowaną bydź ma. Zachęcaiąc was, przezacni obywatele, do podania nam woli waszey, mówiemy do was otwarcie, w tey uprzeymości y wynurzeniu serc naszych, ile ważność rzeczy y los powszechny narodu po was wyciąga. Wola wasza będzie prawidłem postępowania naszego; lecz gdy zawsze winniśmy wam rzetelne odkryć zdanie y życzenie nasze, wystawiamy wam nayiaśnieyszego Elektora Saskiégo, prawnuka y wnuka niegdy łaskawie

panuiących nam Królów, w którego krwi y Jagiełłońska dobroć y Sobieskiego męztwo mogłyby dzwignąć dawną sławę narodu Polskiego.

Winniśmy w tém mieyscu uwiadomić powszechność narodową, iż nayiaśnieyszy Stanisław August Król, o całość y swobody narodu troskliwy, zachowuiąc w tey mierze iak nayściśley obowiązki Paktów Konwentow, nikogo nam za następcę tronu z strony swoiey nie podaie, nie mianuie, ani do złożenia elekcyi żadnym kształtem y wymysłem nikogo nie skłania, owszem do woli skonfederowanych Stanów, do woli narodu powszechney, stosować się oświadcza.

Uniwersał ten, iako dzieło życzenia y woli nas, skonfederowanych Stanów Rrzeczy Pospolitéy, in Volumen legum inserowany bydź ma, aby zaś o tym życzeniu naszym wszyscy obywatele iak nayrychléy uwiadomieni byli, do Woiewództw, Ziem, Powiatów y parafii rozesłać go zalecamy, z podpisem marszałków konfederacyi oboyga narodów. Dan na sessyi seymowy, dnia miesiąca roku 1790.

PROJEKT

na

ZNISZCZENIE RUSI ZIEDNOCZONEY,

który roku 1717 ze skrytości na jaw wyszedł, zapewnie w wieku XVI przeż Jezuitow uknowany.

Jeżeli całość y bezpieczeństwo państw na wzaiemnéy obywatelów funduie się miłości, miłość zaś nayszczególniéy utrzymana bywa iednością wiary, toć my, Polacy, chcąc bydź w swoiem ocaleni y ubezpieczeni państwie, o iedność w mieszkańcach wiary, z naywiększą starać się mamy y powinniśmy usilnością. Że zaś iedność ta w kraiach Ruskich, tak do Korony, iako y do Wielkiego Xięstwa Litewskiego należących, naybardziéy psować zdaie się, ile prostym ludziom obrządków różność, zaczém Stany Królestwa y każdy w szczególności Polak, ieżeli chce ocalić y ubezpieczyć oyczyznę, ten na siebie włożyć powinien obowiązek, ażeby obrządek Grecki, obrządkowi Łacińskiemu przeciwny, iuż to wzgardą, iuż prześladowaniem, iuż uciśnieniem tenże zachowuiących, iuż innemi, ile bydź może, nayskuteczniеуszemi znosił sposobami.

Ja z dawnych Polaków obrządku Łacińskiego maiąc w sobie krew przelaną, żądaiąc z serca uszczęśliwienia méy oyczyzny y większego oraz szerzenia się wiary Rzymskiéy Katolickiéy, do wykorzenienia zabobonnych, lub iakichkolwiek obrządków Greckich, a wprowadzenia na to mieysce wiary swiętey Rzymskiego kościoła, te z moiéy strony nayskuteczniеуsze y nayzbawienniеуsze bydź sądzę, y wszystkim prawdziwym wiary y oyczyzny miłośnikom podaię sposoby:

Nayprzód, tedy, ażeby tak zbawienne y pożądane wykonaliśmy dzieło, mamy się starać z Moskwą zachować nieiaką przyiaźń, y mo-

narchów, téy potencyi przyiaźnych, na tron Polski wynosić. Ieżeli bowiem pewna, że bardziéy nieprzyiaciela, niżeli przyiaciela uważane bywaią czynności, toć y Moskwa, będąc nam przyiaźną, przyiacielskich naszych kroków, do iakiego zmierzaią celu, uważać nie będzie, y rzeczy bez przeszkody swoim póydą porządkiem, im z większym naszym zmocnieniem, tym znacznieyszym Moskwy y całey Rusi osłabieniem.

Po wtóre. Szlachta Ruskiego obrządku, chociaż zostaiąca w Unii, a tym bardziéy Schyzmatycy, do żadnych oyczystych nie maią bydź przypuszczani urzędów, zwłaszcza tych, na które wyniesieni, mogliby nabyć przyiaciół, przyzbierać fortuny, y nieiaką powagę sobie, a zaszczyt wszystkim uczynić Rusinom, co na Seymach nową, bardziéy iak przedtém, obwarować należy konstytucyą. W szczególności zaś każdy Polak w kompaniach ma stronić od Rusina, w sąsiedztwie żadnéy z nim, chyba dla swego pożytku, nie zabierać przyiaźni, w dyskursach, przy Rusinie przytomnym, o Ruskich zabobonach naywięcéy y nayobszérniéy mówić etc. A tak upewnić prawie mogę, że każdy woli obrządek odmienić y wyrzeć się, że był kiedyś Rusinem, niżeli tyle umartwienia, eśmirci równaiącego się, przez całe życie ponosić.

Po trzecie. Maiętnieysi obywatele oyczyzny do żadnych usług, zwłaszcza takich, na których mogliby nabierać oświecenia, Rusinów przyimować nie maią, chyba nadzieię mieć mogą, że swoich obrządków odstąpią; tak bowiem w prostactwie zostaiąc, do wielkiego przyidą ubóstwa y w ostatniéy zostaną pogardzie, a zatym, albo w swéy nędzy upadać, albo dla iakowéy promocyi obrządek odmienić będą musieli.

Po czwarte. Że ieszcze znaczna część Rusinów maiętnych, w miastach y miasteczkach, na Rusi fundowanych, znayduie się, y tych do niedostatku y niewiadomości przyprowadzać trzeba, ażeby się ani pieniędzmi ratować, ani rozumem dać rady sobie nie mogli. To zaś w następuiący wykonać można sposób: ieżeli miasta będą w dobrach ziemskich, dziedzice iednym wprowadzeniem Żydów y lokowaniem ich w rynku zgubią Ruśniaków. Ci bowiem, przez naturalną Żydowską przebiegłość, wszystkie do siebie zagarną zyski, y Ruś w mieście, skupiwszy na przedmieście, do pańszczyzny wyszlą. Ieżeli zaś miasta będą królewszczyzną mianowane, z tych w pomnieyszych mieszkańcy maią bydź, pod różnemi pretextami, od Ich Wielmożności Starostów do pańszczyzny

robienia wciągani powoli y przyuczani; w niektórych zaś, oprócz wprowadzenia Żydów, dla wyż pomienionéy przyczyny, wprowadzić nieco potrzeba Rzymskich Katolików, a potym od przełożeństwa y wszelkiéy w mieście zwierzchności, iakiżkolwiek czyniącéy profit, odsadzić Ruśniaków, samych tylko utrzymuiąc przy tychże Rzymskich Katolików. Jako też y w tym trzeba pilność mieć, ażeby wszelkie dekreta z Magdeburgii y inne pisma po Polsku, a nie po Rusku, wychodziły, a tak Ruśniacy więksi, iak byli, prostacy zostaną, y żadnéy w miastach nie będą mieli ani mocy, ani powagi.

Po piąte. Naytrudnieyszy w téy zbawiennéy osnowie do rozwiązania węzeł są Władykowie y Popi, z których potrzeba pierwszych zaślepić, żeby nie wiedzieli wszystkiego, drugich obarczyć, żeby się ani w górę wznosić, ani myślić, lub czynić, coby chcieli, nie mogli. W tym y w drugim punkcie naszym, iak z Władykami, iak z Popami, postąpić trzeba, wyrażę sposoby. Władykowie, oprócz tego, iako warowano konstytucyą, że powinni bydź Szlachta, maią bydź nominowani tacy, którzyby z familią Rzymskiego obrządku zpokrewnieni byli, ażeby tym świadcząc, y za życia wielkich nie zbierali dostatków, y co po ich śmierci pozostanie, nie Ruśniakom, ale Polakom dostało się w sukcessyi. Nad to my y sukcessorowie nasi nigdy nie mamy dopuszczać Biskupom Ruskim mieszczenia się w Senacie, żeby swemu obrządkowi nie czynili powagi, o promocyą swoich Rusinów nie starali się, dystyngwowanych y wziętych w oyczyznie osób nie iednali sobie przyiaźni, a naybardziéy co do teraźnieyszéy ściąga się materyi, zeby y myślą tego nie dociekli, co względem ich y całéy Rusi w subtelności proiektować się y wykonywać będzie.

Po szóste. Ich Wielmożności Biskupi nasi wszyscy w pospolitości, wziąwszy się (iak mówią) za ręce, maią to powoli, z usilnym wykonywać staraniem, ażeby Władykowie Suffraganów tylko tytuł mieli, pod taką dependencyą y zwierchnością zostaiąc, ażeby oni y ich Popi od naszych Prałatów wizytowani, a w nieprzystoynościach publicznie karani, y w zabobonach swoich przestrzegani byli. Tak bowiem Władykowie przeciwić się wszystkiemu tyle nie będą mieli mocy, y pospólstwo, przyuczone do zwierzchności Rzymskiéy, łatwiéy się wczasie do odstąpienia nayessencyonalnieyszych swoich nakłoni obrządków.

Po siódme. Popi, iak naywięksi są czasów naszych prostacy, w niczym nie biegli, nieukowie, y takiemi ieżeli na zawsze zostaną, nie

będzie to przeszkadzać, ale owszem dopomagać, do łatwieyszego wykonania skutkiem proiektu tego. W niedoskonałości bowiem y niewiadomości będąc, ani początku swoich obrządków, od kogo y kiedy postanowione, wiedzieć, ani przyczyn, dla których są do Kosciola Ruskiego wprowadzone, poznawać, ani ludzi, że te prawdziwie od SS. Oyców Greckich pochodzą, nauczać, ani iaśnie y dowodnie, że są w niczym nie odmienione y nie zabobonne probować, ani nakoniec ich zniesieniu sprzeciwiać się, rozumnie będą mogli. Do utrzymania zaś ich, arcy nam potrzebnego w téy grubéy ciemności, srodek nayskuteczniejszy bydź rozumiem ubóstwo, w którym iak dotąd zostawali nędzarze, tak z niego y nie wydobędą nigdy, ieżeli z niemi w ten postąpiémy sobie sposób. Nayprzód, tedy, trzeba, żeby kollatorowie żadnych nie czynili dla cerkwiej funduszów i żadnych nie dawali erekcyi z przyczyny, że każdy święcący się na Popa musi sobie grunt ten kupić dla żywienia siebie y familii, którego używał iego antecessor. Ani tak przedaiący podpadać będą Symonii, iak mnie teologowie nasi nauczyli. Po wtóre. Ieżeli się gdzie dawne znayduią erekcye, to w takich mieyscach od maiących się święcić, maiący jus praesentandi, przy daniu prezenty, brać mogą pieniądze bez żadnego skrupułu, nie za prezentę, żeby nie było iakie rzeczy, Bogu ofiarowanych, przedanie, ale żeby zaraz w początku zostawić Popka w niedostatku, aby sobie książek zabobonnych y Schyzmatyckich nie miał za co kupić. W daniéy zaś prezencie nie maią się wyrażać grunta specifice, gdyżby takie prezenty za erekcye stanęły, ani też wszystkie wolności, iakie maią nasi Księża, dosyć będzie w ten sposób, iak mi się zdarzyło, czytać pewną kopią: «Ja N. N. prezentuię N. N. uwalniaiąc od wszelkich powinności dworskich, podorożczyzny» etc. Tak to rozumnie nieśmiertelnéy godni chwały Polacy starsi, przodkowie nasi, czynili. Dla tegoż, ieżeli nie więcéy, to równie, albo mało co mniéy, z Popa, iak y z chłopa, profitowali. Niegodziło się bowiem nigdzie Popkowi brać wódki, tylko u Żyda arendarza, którą gdy Żyd, na drodze przeiąwszy, wytrząsł, albo w domu znalazł z kąd inąd przywiezioną wołów parę zaraz z obory Popowéy wyprowadzał. Nie wolno było zemleć, tylko w wyznaczonym sobie młynie; którą ustanowę gdyby Popek przestąpił, Żyd, odbiwszy komorę, lub śpiżarnią, mąkę y wszystkie leguminy zabrał. Témi y tym podobnémi śrzodkami nasi przodkowie wiele Schyzmatyków do iedności Kościoła przymusili; iakich y my używaiąc, resztę, da Bóg, poczyniemy Unitami, a potym wszystkich na Rzymskich przerobimy Katolików. . . . . . .

Będzie y to rzeczy naszéy pomagać wiele, ieżeli Popom poddanych nascych zdzierać y z nich wspomagać się nie pozwolemy. W szczególności tedy ekonomowie y administratorowie dóbr, ieżeli śmierć kogo do innego przeniesie życia, powinni będą do siebie sukcessorów zawołać zmrałego gospodarza, y naznaczyć im, co od pochowania zapłacić maią; a gdy Pop wyznaczoną kwotą kontentować się nie będzie y zmarłego pogrzebać nie zechce, niech gromada do iego rezydencyi zaniesie trupa. Tak y od innych administrowania Sakramentów cenę Popowi dwór naznaczać powinien. Co gdy skutek swóy weźmie, przeszkodziemy Popom, że koni, wołów, krów, ruchomości legowanych, a czasem y wymogłych od chłopów, brać nie będą, przeszkodziemy wszelkim ich wyderkassom y zdzierstwom, tak za Sakramenta, iako y za zmyślone ich Sakramentalia, a tym samym zostawiemy ich w takim niedostatku, że y sukni przystoynéy, tym bardziéy pysznéy, sprawiać za co nie będą mieli. Cóż dopiero w potrzebie opatrywać się w książki, albo, co większa, dzieciom swoim dawać dobrą edukacyą? bo na tych szczególnie wyderkassach y na pracy rąk wszelkie ich dochody, fundusze y wszelkie do życia zostaią sposoby. W pospolitości zaś wszyscy mamy się starać na Seymach y podać ten Ich Wielmożnosciom Biskupom naszym projekt, ażeby synodaliter, co od którego administrowania Sakramentu każdy płacić ma, postanowili y obowiązali Episkopów, ażeby processami, wydanemi do swoich Protopopów czyli Namieśników, obwieścili, iaką się kwotą y za co ma y powinien Pop kontentować. Temi tedy postępuiąc sposobami, w pożytecznym nam, a Rusinom nieznośnym, ubóstwie utrzymamy Popów, y nadto ieszcze ziednamy ku sobie, przez te pobłażania, przychilność, a Popom nienawiść chłopów naszych, y łatwiéy ich przychilnych na swoiéy, kiedy zechcemy, stronie obaczemy.

Po ósme. Familie Popów maią bydź ze wszystkim do zwierchności dworskiéy pociągane y za naymniéysze wykroczenie, lub sprzeciwienie się, dla większego ich poniżenia, surowiéy karane. Tudzież ogłaszać potrzeba, że synowie każdego Popa, Popowicze zwani, oprócz iednego, który na mieyscu oyca swego ma bydź Popem, od poddaństwa nie są wolni, że nie maią w miastach wolnych osiadać, ani też z iednego mieysca na drugie przenosić się. Gdy zaś rozumnemi stawszy się, wiary tym zwyczaynym bezfundamentalnym powieściom dawać nie będą, będzie należało postanowić konstytucyą pod pretextem, iakoby pociągania ich do ćwiczenia się w naukach, na przykład taką: «a którzy z Popowiczów nie chcą się uczyć, niech będą wiecznemi swoich Panów poddanemi.»

Że zaś maią wstęp wolny do szkół naszych publicznych, iak wszystkie dzieci Szlacheckie, więc Szlachta ma ich przesladować. Oycowie nieznacznie podadzą na to sposób, w czym nauczyciele, iako rozumni, (wiem bo y sam doświadczyłem), nie tylko dyssymulować będą, ale nawet y sami pomogą prześladować. Niech zaś nikt nie sądzi za rzecz przyzwoitą wszystkim im szkół zabraniać, z przyczyn: 1. Że Szlachetne dzieci, iak zwyczay bywa, w buynéy młodości pobłądziwszy w czym y wykroczywszy, błąd y wykroczenie złożyć będą mogli na Rusinów. 2. Że Ruśniakowie, od Księży naszych dobrze oświeceni, lud bardziéy w tym obiaśniać będą, że 'Rzymskie Sakramenta są tak ważne, iako y Ruskie, że się te obrządki iedne drugim nie sprzeciwiaią, że wiara Rzymska z Grecką iest iedna. Co wszystko w czasię do łatwieyszego upartych umysłów Ruskich nakłonienia pomódz może.

Po dziewiąte. Jeżeliby zaś, fato aliquo, czego się nie spodziewam, Ruśniacy przyszli do należytey doskonałości, w ten sposób zda mi się z niemi postąpić. to iest: wmawiać w tych, którzy chcą bydź w stanie duchownym, ażeby bezżenne prowadzili życie, y czynić im zacniéysze nad innych uszanowanie, większe dawać wolności, pomnażać dochody etc. A gdy tak wszyscy, zabieraiący się do kapłaństwa, bezżennego chwycą się życia, pod ten czas zupełny zamysłów naszych odbierzemy skutek. Albowiem, kiedy bezżenni Popi umierać będą, zbędzie na takich, którzyby ich zastępowali mieysca. Chłopskim synom zabroniemy uczyć się. Popowiczów nie będzie. Szlachty tez nizkiey mało, y to prostota; przyidzie tedy na to, że obrądku naszego Rzymskich plebanow naznaczać będziemy. Więcéy też nam nie potrzeba.

Po dziesiąte. Naybardziéy z siebie uparci y drugich w uporze utrzymuią Ruśnacy de plebe, pisma swoie czytać umieiący: znieść tedy w nich przyczynę uporu, a tak y upór sam ustać musi. W czym łatwo sobie poradziemy Polacy, kiedy zabroniemy uczyć się po szkołach, przy cerkwiach będących, chłopskim synom; z czego nie tylko wyż wyrażony pożytek mięć będziemy, ale nadto tym sposobem uchroniemy się szkody, którą częstokroć w poddanych ponosić musiemy. Wyuczony bowiem chłopek w prostéy wieśniackiéy szkółce z pod własnego Pana o mil kilkadziesiąt uciekaiąc wolności szuka. Na co Woiewództwa Ruskie, Wołyńskie, Podolskie y Bracławskie z ziemiami, do siebie przyległémi, użalaią się. Powinniby tedy w instruktarzach swoich ekonomowie y administratorowie mieć zalecenie pilnego przestrzegania, ażeby się chłopskie dzieci nie do książek, lecz do pługa, sochi, radła, cepa przyzwyczaiali.

Po iedynaste. Dla łatwieyszego potępienia wczasie Ruśniaków, wszystkie trafiaiące się w obrządkach ich nieprzyzwoitości, zelżywe słowa y postępowania przeciw Rzymianom, częste Popów historye, a które między tak wielką ich liczbą znaleść nie trudno, w osobny regestr zanotować by należało, ażeby, gdy ten proiekt do swego skutku przychodzić będzie, świat wiedział słuszne przyczyny téy czynności Polaków. Gdyby zaś na tych prawdziwych, tłumiących Rusinów, zbywało zarzutach (co między naymędrszym nawet y naylepszym bydź nie może ludem), skuteczna będzie na poparcie zamysłów naszych, pięknie ułożone na nich rozgłosić fikcye, a skutecznieysza ieszcze, pod Popów, ba y samych ich Władyków imieniém, stosuiąc się do przyzwoitości czasu, szkodliwe imieniowi Polskiemu, szkodliwe wierze Katolickiéy, rozrzucić sekretnie Ruskie pisma. Byłoby to wielkim swoich czasów na zniesienie w Polszcze Greckiéy religii dokumentem, y mocnym stanu duchownego, iako y świeckiego, tak Senatorów, iako y Rycérstwa, do wykonania zbawiennego dzieła zachęceniem.

Po dwunaste. Po uczynionych tych przez czas umiarkowany przygotowaniach, rzeczy nie maią się czynić raptownie, nie wszędzie razem, owszem ani na wielu mieyscach. Potrzeba zacząć w zakątach kraiów, gdzie więcéy Katolików, iak Rusinów, a zacząć nie bez przyczyn, zadaiąc, na przykład, Popom złe życie, gorszące obyczaie, nieumieiętność, albo niepilność w nauczaniu wiary, niedbalstwo w administrowaniu do zbawienia potrzebnych Sakramentów, y inne tym podobne absurda. A tak powoli rostropnie y mądrze, gdy na niektórych meyscach iuż to zachęceniem, iuż zdradą, iuż postrachem Ruśnaków przemieniemy na Rzymian, poydzie in praejudicium, że, za łaską Boga, kray cały w Rzymskie z wszystkich pożądaniem zakwitnie obrządki.

Po trzynaste. Że zaś lud Ukraiński, Podolski y Wołyński przy swoiéy obstaiąc wierze, gotów podiąć rebellią, w takowych przypadkach, ieżeli łatwo wyzabiiać nie będzie można, ani też małością woysk Polskich powstrzymać buntuiących się, odżałować powinna Rzecz Pospolita téy szkody: wszystkich takowych zelantów Tatarom oddać na usługi, prędko ich, iak swoich, schwytaią, a kray pozostały ludem Polskim y Mazowieckim osadzić. Ani tu sądzić należy, żeby Moskwa za Ruśnakami, kiedy iuż Unitami zostaną, miała się interessować. Wiedzieć bowiem potrzeba, że Unitów w większéy maią, iak nas, nienawiści, y radziby ich, za odstąpienie Schyzmy, w naywiększym wiedzieć nieszczęściu. Ale

choćby y przychilna była Unitom Moskwa, taką ią, iak zechcemy, dla nich uczynić możemy.

Témi tedy y tym podobnémi stopniami z Ruśnakami postępuiąc, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud Królestwa Polskiego w zobopolnéy miłości, zgodzie y iedności zostawać będzie, że Polska szacowniéysza, mocniéysza y postronnym straszniéysza stanie się, że religia Rzymska Katolicka, więcéy iak mil 160 wszerz y w zdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni y ocaleni zostaniemy.

Tu przy końcu y tę maxymę uważamy, że iako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od Moskiewskiéy Schyzmy, lub za powróceniem do teyże, zdała by się grozić upadkiem Polszcze, tak gdy ią przemieniemy na Rzymian, odbierzemy nayprzód nadzieię Moskalom iéy odzyskania, potym, ściśle z nami złączoną, uczyniemy Moskwie nieprzyiazną. Co day, Boże! Amen.

GŁOS

obywatelów Woiewództw y Powiatów Ruskich do zgromadzonych obywatelów na Seymiki przedseymowe y do Stanów na Seym zebranych w roku 1786.

Powszechnego kościoła Chrystusowego w sercach wiernych iedność iest dopełnieniem nauki Ewangeliczney, filarem prawdziwey religii, zadatkiem wiecznego zbawienia, pamiątką owey w niebie w czas przyszły miłey zgody bez przerwania. Obowiązkiem iest każdego, maiącego w obywatelstwie zaszczyt szlachectwa, stopień godności, wstęp do Rady, zwierzchność nad innemi duchowną, lub świecką, starać się pomnażać y utrzymywać takową iedność. Z niemałą boleścią serca przychodzi wspominać na to, iż w naszych prowincyiach w iedney religii dwa obrządki, Rzymski y Ruski częstokroć ten związek iedności targaią, a dla prostoty Ruskich plebanów y dla różności obrządku do wzgardy w pospólstwie prostym oba te obrządki przychodzą. Umieią Ruscy kapłani w pospólstwo falszywie wmawiać, iż przeyście z obrządku Ruskiego do Rzymskiego im nie iest wolne, a opowiadaiąc to, łączą płonne powieści, zkąd oczywiście podaią obrządek Łaciński w wątpliwość y pogardę prostym duszom. Sami zaś kapłani Ruscy, nie będąc ćwiczonemi w naukach, ani w cnocie, Duchownemu stanu należytey, częstokroć pospólstwu staią się zgorszeniem, aż na obrządek się sciągaiącym. Na oba więc obrządki z Ruskich kapłanów przyczyny wynika zelżywość. Iakiż wniosek być ztąd powinien, podobno każdy domyślić się może. Niemasz teraz tyle, iako było przedtym, wyższego urodzenia obywatelów w tym Ruskim obrządku. Szlachta y panowie tego obrządku, wpadłszy w odszczepieństwo Disunickie, a po nieiakim czasie obrzydziwszy Disunią, tym umysłem przyięli Unią, aby mogli wolnie, podług upodobania, przyiąć obrządek Łaciński; co też uczynili

chocby y przychilna była Unitom Moskwa, taką ią, iak zechcemy, dla nich uczynić możemy.

Témi tedy y tym podobnémi stopniami z Ruśnakami postępuiąc, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud Królestwa Polskiego w zobopolnéy miłości, zgodzie y iedności zostawać będzie, że Polska szacowniéysza, mocniéysza y postronnym straszniéysza stanie się, że religia Rzymska Katolicka, więcéy iak mil 160 wszerz y w zdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni y ocaleni zostaniemy.

Tu przy końcu y tę maxymę uważamy, że iako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od Moskiewskiéy Schyzmy, lub za powróceniem do teyże, zdała by się grozić upadkiem Polszcze, tak gdy ią przemieniemy na Rzymian, odbierzemy nayprzód nadzieię Moskalom iéy odzyskania, potym, ściśle z nami złączoną, uczyniemy Moskwie nieprzyiazną. Co day, Boże! Amen.

GŁOS

obywatelów Woiewództw y Powiatów Ruskich do zgromadzonych obywatelów na Seymiki przedseymowe y do Stanów na Seym zebranych w roku 1786.

Powszechnego kościoła Chrystusowego w sercach wiernych iedność iest dopełnieniem nauki Ewangeliczney, filarem prawdziwey religii, zadatkiem wiecznego zbawienia, pamiątką owey w niebie w czas przyszły miłey zgody bez przerwania. Obowiązkiem iest każdego, maiącego w obywatelstwie zaszczyt szlachectwa, stopień godności, wstęp do Rady, zwierzchność nad innemi duchowną, lub świecką, starać się pomnażać y utrzymywać takową iedność. Z niemałą boleścią serca przychodzi wspominać na to, iż w naszych prowincyiach w iedney religii dwa obrządki, Rzymski y Ruski częstokroć ten związek iedności targaią, a dla prostoty Ruskich plebanów y dla różności obrządku do wzgardy w pospólstwie prostym oba te obrządki przychodzą. Umieią Ruscy kapłani w pospólstwo falszywie wmawiać, iż przeyście z obrządku Ruskiego do Rzymskiego im nie iest wolne, a opowiadaiąc to, łączą płonne powieści, zkąd oczywiście podaią obrządek Łaciński w wątpliwość y pogardę prostym duszom. Sami zaś kapłani Ruscy, nie będąc ćwiczonemi w naukach, ani w cnocie, Duchownemu stanu należytey, częstokroć pospólstwu staią się zgorszeniem, aż na obrządek się sciągaiącym. Na oba więc obrządki z Ruskich kapłanów przyczyny wynika zelżywość. Iakiż wniosek być ztąd powinien, podobno każdy domyślić się może. Niemasz teraz tyle, iako było przedtym, wyższego urodzenia obywatelów w tym Ruskim obrządku. Szlachta y panowie tego obrządku, wpadłszy w odszczepieństwo Disunickie, a po nieiakim czasie obrzydziwszy Disunią, tym umysłem przyięli Unią, aby mogli wolnie, podług upodobania, przyiąć obrządek Łaciński; co też uczynili

tak ochoczo, iż teraz ledwie się co zostało szlacheckiego stanu familij w Ruskim obrządku. Naywiększa iest liczba samych tylko włoscianów, y ci nie z swoiéy woli, ale z nieporządku y z niezpoznania; takoż mała garstka ubogich ludzi do kapłańskiego stanu w obrządku Ruskim garniących się, ten obrządek przyymuie. Jeżeliż obrządek Ruski został w samych prawie tylko prostych duszach, pod władzą panów obrządku Rzymskiego będących, niemasz przyczyny obawiać się odszczepieństwa. Nigdy wloscianie do Schizmy nie targną się. Zawsze się ona zaczyna od duchownych osób y od panów możnych, wsparcie im daiących. Nie pomoże teraz do Schizmy żaden z naszych obywateli, owszem swych włościanów y ich plebanów, chociaż by się do tego nakłaniali, utrzyma. Owoż, dla słusznych przyczyn, potrzeba ze wszystkim na Łaciński odmienić obrządek Ruski tak, iżby w naszym kraiu zgoła go nie było. Przyczyny są te: zgoda w iedności, zachowanie swiąt y postów, podzwignienie włościan z nędzy, zaludnienie kraiu. O zgodzie nie trzeba nic mówić: wiadomo, iak częste z przyczyny obrządków bywaią poróżnienia. Swiąt y postów zachowanie wiele teraz czyni nieporządku w kraiu. Wiadomo, że w Woiewództwach y Powiatach Ruskich szlachta y panowie naywięcéy są obrządku Łacińskiego, włościanie ich są obrządku Ruskiego. Szlachcic y pan całą posługę ma z poddanych: kucharz, lokaj, stangret, rolnik iest Rusak, maią oni swoie swięta y posty inne od pana, któremu służą. Jakież zamieszanie! U pana Wielkanoc, u sługi tylko co po Zapustach; u pana swięto, u sługi nie masz; u pana post, u sługi albo u czeladzi usiaiednica; y przeciwnie: u sługi Wielki Czwartek y Piątek, u pana Wniebowstąpienie; u czeladzi post, święto, u pana ani postu, ani swięta. Dodaymyż z tak wielu swiąt w obrządku Ruskim wynikaiące ubóstwo y nędzą pospólstwa. Maią w obrządku Ruskim tak wiele świąt, iż nawet ich sami plebani wiedzieć nie mogą, bo ieden z nich zakazuie swięto, drugi trzyma, że nie masz. A tak w iednéy parafii robią, w drugiéy święty dzień zachowuią. Zdarza się także, iż na iednym tygodniu trzy albo cztéry dni święte przypadaią: kiedyż rolnik ma panu y sobie zarobić? Musi tym koniecznie następywać ubóstwo, niedostatek y nędza. Ale kiedyż te dni, które maią za święte, czczone były za święte! Wszakże pospólstwo swoich plebanow się nie boi, ani szanuie, w cerkwiach na mszy nie bywa, nauki duchownéy nie słucha, leżeniem y próżniactwem nayczęściéy się bawi. Wymówić trudno: iaki ztąd uszczerbek w obywatelstwie!

Z niedostatku słaby posiłek, a z słabości choroby, z częstych chorób śmierci niewczesne; z tąd nieludność w kraiu. Tego przyczyna niepotrzebna gorliwość o zachowanie swiąt podwóynych. Niewyciąga tego ani S. Ian, ani S. Mikołai y S. Ierzy, ażeby na ich honor kilka dni na rok były zachowane iako święte. Wolą święci, ażeby ludzie pracowali, a z pracy rąk swoich maiąc dostateczną żywność, chwalili Stwórcę y iemu wiernie służyli w pracach swoich. Z tych krótkich reflexyi należy wnaszać y starać się, ażeby Stany zgromadzone na seymie, obmyslili sposób, iak nayprędszego ziednoczenia się Ruskiego obrządku z Łacińskim.

Mogą bydź iednak zadane do wykonania trudności, iako to: iż bez stolicy Apostolskiéy tego uczynić nie można; iż trudno poczynić nowe fundusze na plebanów obrządku Łacińskiego. Ale na te dwie trudności czyni się explikacya: nayprzód, iż żadnym prawem kościelnym nie iest zakazane przeyście z obrządku Ruskiego na Łaciński swieckim osobom, zawsze wolno przechodzić każdemu, wolno perswadować y nakłaniać, ażeby przeszedł dla słusznych przyczyn. Duchowieństwo Ruskie na swoią stronę przywodzi konstytucye Urbana VIII w roku 1624 y w roku 1621. Ale te konstytucye, że się nie znayduią w Bullach Papiezkich tak wyraźnie, iżby się ten zakaz do świeckich osób stosował, można sądzić y należy, że są naciągane. Bo konstytucye Papiezkie zakazuią osobom duchownym przeyścia z obrządku Ruskiego do Rzymskiego, ale nie świeckim w naszym kraiu. Mówię, w naszym kraiu: były albowiem na inne kraie w szczególności inne rozrządzenie Papiezkie, które na nasze prowincye nie służą. Oyciec Święty, wydaiąc innym narodom reguły, nie chciał naszych prowincyi zagarnywać.

Nakoniec: gdyby Stolicy Apostolskiéy poradzić się potrzeba było dla przeniesienia pospólstwa naszego na obrządek Rzymski, bardzo ona łatwo pozwoli na to y żąda zawsze, używaiąc (epikiey) obojętności, powolności, łaskawości, miłości, gorliwości o zbawienie tych dusz, prostotą obciążonych y światła prawdziwéy religii mało co znaiomych. Druga trudność łatwiéy się uspokoić może, aniżeli pierwsza; bo ta idzie za pierwszą y w mocy Stanów Rzeczy Pospolitéy zostaie, gdy pierwsza zniesioną będzie Maią Ruscy plebani parafie na wielu bardzo mieyscach razem z parafiami Łacińskiemi. Iak szeroko rozciąga się parafia Łacińskiego obrządku do samych domów szlacheckich, tak daleko y włoscianie ich należyć mogą do tychże Łacińskich kosciołów. A ieżeliby za

złączeniem się została parafia bardzo obszérna y ludna, w takim razie cérkwie służyłyby za kościoły, domy za mieszkanie, a grunt plebanów Ruskich. który bardzo iest mały, służyłby na plac y ogrody dla plebanów Rzymskich. Pensya na sustentacyą z dóbr Biskupskich y Arcybiskupich Ruskich, reszta, po zniesieniu Biskupów y Arcybiskupów, do skarbu Rzeczy Pospolitéy.

ODPOWIEDŹ

na pismo pod tytułem «Głos obywatelów» etc., wydane w roku 1786.

Chociaż ktokolwiek zna teraźnieyszych zacnych obywatelów w Woiewództwach Ruskich wysokie sentymenta tak względem religii, iako y stanu oyczyzny, nie może inaczéy sądzić, tylko że ten głos szczerym iest podrzutem ciemnego zabobonu, nie znaiącego prawéy zasady, ani religii, ani polityki rządnego Państwa, z których pierwsza gruntuie się na prawdziwey miłości Chrześciańskiéy, nie czyniącey różnicy między iednowiernémi, bądź Grekiem, bądz Barbarzyńcem, druga wspiéra się na rozszerzaniu panowania nad narodami, nie zaś tych w ieden naród z domowym niepokoiem y Państwa osłabieniem przekształceniu; z tym wszystkim ziednoczonéy Rusi, pod panowaniem nayiaśnieyszéy Rzeczy Pospolitéy zostaiącéy, trzeba nad tym zastanowić się, y na ten dla siebie czyikolwiek bądź głos fatalny obudzić się, oraz przed zgromadzonemi na teraźniéyszy Seym prześwietl. Stanami czułego żalu uczynić przełożenie.

1. Iako za panowania szczęśliwéy pamięci Kazimiérza Wielkiego Ruś po przyłączeniu się do Korony Polskiéy została zaszczycona od tegoż wiekopomnéy sławy monarchy, y po tym od jego następców wszelkiemi prerogatywami y swobodami tak co do religii swéy Greko-Ruskiéy, iako y co do swieckich dostoieństw, krom, że Biskupi Ruscy pomieszczeni w Senacie nie byli, bo tego y nie żądali, ale swieccy zawsze posiadali pierwsze krzesła w tymże Senacie, byli Ministrami nayiąśnieiszych Majestatow, hetmanili nad woyskiem, y do wszelkich w oyczyznie urzędów wstęp wolny mieli, religia też Greko-Ruska nie znała wtedy żadnego prześladowania, nie przeciągano Rusinów do obrządku Rzymskiego, nie naśmiewano się z ich nabożeństwa, nie potwarzano obelżywemi pismami, słowem, żadnych dla religii Ruś nie cierpiała przykrości y poniżenia, a tak dla niéy nie było w oyczyznie żadnych rosterek y zamieszkow domowych.

2. Dopiero w roku 1596, gdy Biskupi Ruscy, y to nie wszyscy, nie chcąc cierpieć nad sobą władzy Patryarchy Konstantynopolskiego, ile pod jarzmem niewoli Tureckiéy będącego, a ztąd na uciązliwe datki do opłacenia się Turczynowi tychże Biskupów wyciągano, oraz unikaiąc okazyi zdrady, iakowéy przez niewolników Greków, włoczących się po Rusi, dla oyczyzny wyniknąć mogącéy, iakoteż w nadzieię większéy dla siebie od Polaków przychylności y przyiaźni, ziednoczyli się z Kościołem Rzymskim y pod zwierzchnoscią Stolicy Apostolskiéy Rzymskiéy z pewnémi dla siebie warunkami poddali się. Któremu ziednoczeniu swieccy Panowie, Xiążęta y niektórzy Biskupi, także Szlachta Ruska y część znaczna duchowieństwa zaraz się na początku sprzeciwili y przystąpić do owey iedności, przewiduiąc z tąd dla narodu swego poniżenie, nie chcieli, naybardziéy zaś dla tego, że nie widzieli dla nowoziednoczonych nic, co do swobód y prerogatyw stale zabespieczonego, ale że na gołych tylko obietnicach onych zawieszono. Od téy pory rozdwoieniu temu Rusi nieprziaźni iéy, osobliwie duchowni Rzymscy radzi będąc, zaczęli silnie dopomagać do wzaiemnego siebie gnębienia, poduszczaiąc Unitów y sami się przykładaiąc prześladować iak naygorzéy Nieunitów; «puścić (mówili) Rusina na Rusina, a tak sami się wygubią». Które prześladowanie Nieunici znaczniéysi z panów y szlachty sprzykrzywszy sobie, ile że iuż nagotowane było dla Nieunitów zagrodzenie drogi do Senatu y do różnych urzędów w oyczyznie, a nie widząc także dla Unitów szczérego od Rzymian sprzyiania, ani skutku owych uroczystych obietnic, opuściwszy swóy Greko-Ruski obrządek, wprost przyieli obrządek Rzymski. A tu na głowę myli się autor Głosu, że «szlachta y panowie tego obrządku padłszy w odszczypienie Dysunickie, a po nieiakim czasie obrzydziwszy Dyzunią, tym umysłem przyieli Unią, aby mogli wolnie podług upodobania przyiąć obrządek Łaciński.»

3. Gdy tym sposobem przedniéysi panowie y szlachta Nieunici przyciągnieni do obrządku Rzymskiego byli, pozostało nieprzyiaznym Rusi zgnębić ieszcze Unitów, a tak choć nie chcących przywieść do przyięcia obrządku Rzymskiego, naco nadal zmierzaiące poczyniono kroki.

Nayprzód albowiem miasto tego, co uroczyście obiecano, Biskupów Unitów przyiąć do Senatu, odsuniono ich powoli y przecięto wstęp szlachcie Ruskiéy do wszelkich, nawet niższych, urzędów, a nakoniec y mieszczanom w znaczniéyszych miastach zagrodzono mieścić się w

Magistratach, y odsadzono od wszelkich pożytkow mieyskich, przyiaznieysi w tym Żydom, aniżeli Unitom; temi do srzodkami przymuszono cierpiących prawie tego pognębienia przeyść do obrządku Łacińskiego, y toć to iest, co autor «Głosu» kształtnie udaie: «Co też (mówi) uczynili tak ochoczo, iż teraz ledwie się co zostało Szlacheckiego stanu familii w Ruskim obrządku, naywiększa iest liczba samych tylko włoscian etc.» Ztąd to ledwie nie podziś dzień, w szkołach nawet, urągaią się z Rusinów, Ruska wiara — chłopska wiara, Ruthenus et Rusticus idem sonat etc.

4. Zaświadcza te wszystkie kroki nieprzyiaznych złą łączonéy Rusi «Proiekt», «Głosowi» temu podobny, w roku 1717 wydany, wygubienie Rusi Unitów nadal radzący (czy prawdziwy, czy potem zmyslony, w to nie wchodzimy, dość, że iak się z Unitami aż dotąd działo oczywiście pokazuiący). «Szlachtę Ruską do żadnych oyczystych urzędów nie przypuszczać, w kompaniach od Rusina stronić, w sąsiedztwie żadney z niemi przyiazni nie zabierać, przy Rusinie przytomnym o Ruskich zabobonach naywięcéy y nayobszerniéy mówić, do żadnych usług znacznieyszych, na których mogli by nabierać oświecenia, onych nie przypuszczać, Rusinów maiętnych w miastach y miasteczkach przez Żydow na przedmieścia wysadzać, y powoli przez Starostów do pańszczyzny wciągać, a którzy zostaną w mieście, tych od weszelkiéy korzyści y wszelkiéy zwierzchności mieyskiéy odsadzić; a że Władykowie y Popi na przeszkodzie są, z tych pierwszych zaślepić, żeby nie widzieli wszystkiego, a naybardziéy Biskupi Łacińscy maią to z usilném staraniem wyrabiać, aby Władyków Suffraganami swémi poczynić, drugich, to iest, Popów obarczyć w ostatnim niedostatku, y w prostocie onych otrzymuiąc, aby nie poznawali, ani lud nauczać umieli, że ich obrządki od Oyców Swiętych pochodzą y nie są zabobonne, familie ich do zwierzchności dworskiéy pociągać, dzieci ich przez konstytucyą w poddanstwo poddać, cerkwiom erekcyi (krom kawałka roli, y to bez opisania y nadania wolności) nie dawać, a gdzie są dawnieysze erekcye, od prezenty znacznego opłacania się bez skrupułu popełnienia Symonii (iako mnie, powiada autor «Proiektu», nasi teologowie uczyli) wymagać, lud Ukraiński Podolski y Wołyński, który przy swoiéy obstaiąc wierze, gotów podiąc rebelią, Tatarom oddać, a ni tu sądzić, żeby Moskwa za Rusinami, kiedy iuż Unitami zostali, miała się interesować, których bardziéy iak nas nie nawidzi» etc. Wzywamy wszystkich obywatelów Wóiewództw Ruskich, Boga y prawdę kochaiących, iżali nie w rzeczy

samèy z biednémi Unitami to wszystko się działo? Iżali nie bardzo dawno Biskupi Lacińscy Rzymowi się zbyt nie przykrzyli, aby Ruskich Biskupów y wszystkich pod swoią jurysdykcyą poddać, y Biskupów swoiemi Suffraganami porobić? Iżali nie świéżo Konfederaci Ukrainę y Podole Turczynowi iuż byli zaprzedali? Owoż piękny y powolny przykład dla Greków pociągnienia ich do iedności z Kościołem Rzymskim! Owoż miłe dla Rusi porównanie duchowieństwa ziednoczonego z duchowieństwem Rzymskim we wszystkich prerogatywach y wolnościach! Owoż droga właśnie Apostolska rozszerzenia wiary Katolickiey, takiémi środkami przerabiaiąc Ruskich Katolików na Katolików Rzymskich

5. Biorą Unici samych nieprzyiacioł swoich na swiadectwo, iako przysiągłszy Stolicy Apostolskiey Rzymskiey statecznie w tym trwaiąc, krwią własną też przysięgę pieczętowali, nie dbaiąc a ni na utratę pierwszych swoich w oyczyznie zaszczytów, a ni na ostatne zgnębienie y poniżenie swoie; a nadto ieszcze z wrodzonéy miłości krwie y narodu swego wyzuwaiąc się przez zbyteczną gorliwość, odstępował syn oyca, nienawidział mąż żone, każdy w kościole y w rynku naśladował stróy y zwyczay Rzymski, aby się pokazał prawym Unitem y podobał się Polakom, chociaż ich właśnie iuż bydź widział niewolnikiem.

6. Gdybyżto ieszcze ciężkie zgnębienie Rusi w Polszcze publiczną iakąś przyniosło korzyść, ieszcze by zniszczyciele onny iakiżkolwiek pozór słuszności mieli; ale, kiedy okrom pomnożenia funduszów dla kościołów y parafii przyczynienia dla plebanów Rzymskich, oyczyzna tyle iw zysku odniosla, że nieraz od Kozackich y Ukraińskch buntowników krwią się oblała, któréy rebellii przyczyna była nie inna, tylko prześladowanie Religii Ruskiey tak, że klucze nawet od cerkwi Żydom arendarzom oddawano; a tu przyznać każdy rozumny statysta musi, że lepiéy by sobie byli Polacy zaradzili, gdy «by Projekt» Rusi, tylekroć sobie podany, nie odrzucali. Niech tylko każdy sobie przypomni Konstantynów Ostrogskich, Xiążąt Zbarazkich, Wiszniowieckich y innych sławnych woiowników Ruskich, iak silnie oyczyznę bronili, y iak wierni Królóm y Rzeczypospolitéy zawsze byli, dopieroż podług namówionego «Projektu» uformowane Xięstwo Ruskie y na wzor W. X. Litewskiego z Koroną Polską złączone, lepszym by pòdobno dla oyczyzny wsparciem było, niż Ruskiemi funduszami zbogacone kościoly Lacińskie.

7. Spotwarza autor «Głosu» ogułem wszystkich kapłanów Ruskich, że «a ni nauki, a ni cnoty, stanowi duchownemu należytey, nie maią.» Gdy by

miłość bliźniego y uczciwość nie broniła toż błoto rzucić na przeciwną stronę, nie wiém, która by się wprzód z tego omyła. Żeby zaś wszyscy Popi tak głupi y niepoczciwi byli, iak autor «Głosu» ich maluje, zdaymy się na publiczność, niech ta nas sądzi; wszak nie w lesie żyiemy, czyie tu większe głupstwo y niepoczciwość, czy nasza, czy autora «Głosu», który tak bezczelnie y bezbożnie całe duchowieństwo Ruskie czerni y pomawia? A ty ktoś iest, mówi Jakób Apostoł, co sądzisz bliźniego? Falszywy y w tym iest autor «Glosu», który powiada, że fałszywie kapłani Ruscy winawiaią w pospólstwo, że przeyście z obrządku Ruskiego nie iest wolne do Rzymskiego; znać bowiem, że zakazy Stolicy Apostolskiéy u niego nic nie ważą, y wolnym sumieniem podlug niego przestępowane bydź mogą.

8. Nazywa schyzmą, przeciwko konstytucyi, dawną Religią Grecką, trzeba pierwiéy, żeby iawnie dowiódł, w czym Kościoł Grecki odstąpił od pierwiastkowego powszechnego prawowiernego Koscioła; chyba że u niego y ten iest schyzmatyk? Ale o te słowo nie nam, Unitom, urażać się należy.

9. Naznacza kardynalne niby przyczyny zniesienia Unitow w Polszcze. «Zgoda w iedności, zachowanie świąt y postów, podźwignienie włościan z nędzy y zaludnienie kraiu.» Day go katu! Jakże sobie złomał głowę głęboki ten statysta nad wyśledzeniem walnych owych przyczyn! Szkoda, że nie dołozył:» iżby chłopi Ukraińscy po Mazowiecku gadać się uczyli, bo by tak większa w téy, którą on doradza, jedności była zgoda. Co do świąt y postów, alboż nie łatwiyészy sposób, za pozwoleniem Stolicy Apostolskiéy, tak iak teraz na Białey Rusi, złączyć Kalendarz, co, iednak, podźwignieniu włościan z nędzy mało co pomoże, ieśli do tego środek inny obmyślony nie będzie. Co by zaś do zaludnienia kraiu dopomodź mogło zniesienie obrządku Ruskiego, nie poymuiemy, chyba że myslał author «Głosu», iż plebani Rzymscy rączéy by się do tego przyłożyli, posiadłszy domy Popów żonatych. Na myśl iego nikczemną, nie na stan, ta przymówka, który z tak błahych przyczyn rzecz taką radzi, ktoréy Bóg, Koscioł y stan oyczyzny nie dozwala. Zesłał Bóg Ducha Swiętego na Apostoły, którym napełnieni mówili rozmaitémi ięzykami, co było znakiem, że Bóg chciał czczonym bydź od ludzi nie iednym tylko językiem Łacińskim. Oświadcza się Stolica Apostolska w tylu pismach swoich, że nie jedności obrządku, ale iedności wiary pragnie; wyciąga tego zawsze, a tym bardziéy teraz, stan

oyczyzny, aby nie dawać okazyi domowym zamieszkom, których nie dawno ledwie pozbyła; a zkąd że upewnić może autor «Głosu», że tak znaczna, iak sam przyznaie, liczba włościanów Ruskiego Unickiego obrządku, bez rebellii pociągniona będzie do obrządku Rzymskiego, którego ten prosty gmin nie zna y któremu rodowity swóy obrządek odmieniać zdawać się iedno będzie, co odmieniać wiarę? Za prawdę, «Głos» ten nie iest szum wiatru cichego, ale wiatr wielki y mocny, wywracaiący góry y kruszący skały, w którym nie masz Pana Boga.

10. Zapomniał autor «Głosu» na dwie rzeczy nieposledney wagi podać Prześwietlim Stanom radę: 1-mo, Co po zniesieniu Unitów pozostaie czynić z Nieunitami y Dyssydentami, w tak mocnéy sąsiedzkich potencyi obronie zostaiącemi? y iak millionowemu prawie gminowi pospólstwa y włościan Rusi, gdy nie zechcą przyiąć Łaciński obrządek, zabronić wrocenia się do Nieunii? 2-do, Co po tym zniesieniu Unitów y obróceniu na fundusze plebanskie dóbr Biskupich y Metropolitalnych należy uczynić z Metropolitą, Biskupami, iak y dokąd ich obrócić, y aby nie szukali nigdzie protekcyi, przy ktoréy by mogli bydź do swoich kafedr powróceni?

Jaśnie Wielmożny Metropolito całéy Polskiéy Ziednoczonéy Rusi, y J. W. W. Biskupi ziednoczeni Polsko-Ruscy!

Podchlebialiście sobie, y w tym przekonani u siebie byliście, że wy iesteście prawdziwym obrazem Pierwiastkowego Kosciola Katolickiego Greckiego, nie rozerwanym wiary y miłości Chrześcianskiéy związkiem z Kościołem Rzymskim Katolickim tak, iak owych świętych wieków yqo, ziednoczeni y w iedno ciało zistoczeni; patrzcie ż, co z wami współbracia wasi, Katolicy Rzymscy, uczynić zamyślaią! Zapewnić się możemy, że tego Stolica Apostolska Rzymska nie żąda, ale też, ieśli nie mogła waszemu, o którym wyżéy się namieniło, zgnębieniu zapobieżeć, chocia ż tyle staranności na to łozyła, toć y uknowanéy ostatniéy waszey zgubie, ieśli nie teraz, potym niezadługo nastąpić mogącéy, nie poradzi pewnie. Znamy wysoką mądrość y laskawość na nas oycowską Nayiaśnieyszego Krola J. M-ci szczęsliwie teraz panuiącego, że o tym y pomyśleć nie zechce; ale większość upornych głosów, ile na wolnych seymach czyli ż przełamie zwłaszcza tych, z których iedni na wasze fundusze takowym sercem czyhaią, drudzy zemsty nad Rusią, was ofiarą niewinną widziéc chciwie pragną? Radźcie ż wcześnie sobie! Wszakże Nieunici y Dyssydenci nie przestali przeto dobremi Rzeczypospolitéy Polskiéy bydź obywatelami, a ni uznani za wiarołomnych y mniey Monarsze y oyczyznie wiernych, że nie mogąc znosić nieustannego zbyt przykrego o Religią siebie prześladowania, szukali u Nayiaśnieyszych Potencyi sąsiedzkich dla siebie obrony y zasłonienia? Chocia ż dla nich nigdy nie był tak fatalny «Głos» do szczętu onych wygubienia, za coż wy się obawiać macie, abyście za wiarołomców y zdrayców oyczyzny poczytani nie byli, iesli się udacie do wysokiey protekcyi Nayiasnieyszéyey Monarchini, niezwyciężonéy Cesarzowéy Rossyiskiéy, pełnéy łaskawości na wszystkich, którą wszakze Nayiasnieysza Rzecz Posopolita uznała całéy Rossyi Imperatorową, a tym samym wszystkiéy Rusi protektorką. Macie

przykład na swoim konfratrze, Jego Wiel. Arcy-Biskupie Połockim, który szczególną nayłaskawszéy téy Pani wielowładnéy zaszczyca się protekcyą, bez naruszenia poprzysięgłego Stolicy Rzymskiéy posłuszeństwa. Owoż y wy pod tą naywyższą y naydobrotliwszą obroną możecie szczęśliwie znaleść ocalenie, a porzuciwszy wpoioną w was od waszych zgubiecielów ku Nieunitom niechęć y uroiony przesąd, możecie się stać narzędziem y srzodkiem szczęśliwém do zachęcenia ich do téy iedności y Unii, na miłości y pokorze Chrystusowéy ugruntowanéy, o którą powszechny Kosciół S. Katolicki, Grecki y Rzymski, codziennie Boga prosi.

---

* Autor tey «odpowiedzi na Głos Obywatelski» nie iest to żaden z Unitów, lecz pod imieniem Unita J. W. Jérzy Koniski, Biskup Białoruski; Nieunit.

Uwagi JW. Smogorzewskiego, Metropolity całej Rusi nad pismem pod tutułem, «Głos obywatelów» etc. 1786 r. wydany.

Na głos, nieprzyjacielskim dla Katolickiej jedności duchem wywarty, a checią przekonania słabych umysłów w obywatelstwie przystrojony, można by krótko odpowiedzieć temi słowy: «Vox, vox, praetereaque nihil.» Zaczyna ten Głos pochwalać Unïę i czuje obowiazek pomnażania i utrzymywania onej, ale kończy na jej zgubie, złośliwe do tego podając środki. Boleje nieborak na to, że dwa obrządki, Rzymski i Ruski, ten związek jedności targają; a za cóż sam na starganie tegoż związku zmierza? Czemu nie wié, albo wiedzieć nie chce, że Ruś Katolicka, przy jedności się utrzymując, nie może targać swoją exystencyą, ale koniecznie cierpieć musi uciski od Łacińskiego obrządku, który, zrywając związek jedności, jest przyczyną tego bolu, którym się chełpi Głos złosliwy, a Ruś nieszczęśliwa coraz bardziej go czuje? Prostocie duchowieństwa, według pasterskiej możności zabiegam, leez bez kollatorskiej pomocy nic zrobić nie potrafię; z tego zaś cały swiat śmiać się będzie, żeby, dla różności obrządku, też odrządki do wzgardy przychodziły, bo wiara Katolicka różne mieć może obrządki, które, na miłości Boga i bliźniego zasadzone, nienawidzieć siebie nie powinny.

Dobrze Ruscy kapłani mówia, iż przejście z jednego obrządku do drugiego nie jest wolne, i przez to obrządek Łaciński w żadną nie podpada wątpliwość, bo także najgorliwiej utrzymuje, że z jego obrządku do Ruskiego przechodzić nie godzi się. Zgorszenie zaś kapłanów Ruskich nie pada na obrządek Łaciński, tylko na Ruski, i na to jest lekarstwo w Konszystorzu, gdzie gorszącego szczególnie oskarzyć i zupełnie przekonać należy. Nie słyszał podobno świat nigdy takowego argumentu: ponieważ teraz nie masz tyle, jak przed tym było, wyższego urodzenia Rusi, więc ją potrzeba w pospólstwie umorzyć. Alboż Katolicka jedność tylko dla szlachty była i jest posta-

nowiona? alboż prostota, będąc godna zostawać z szlachtą w wierze Katolickiej, ma być niegodną zostawania w obrządku Ruskim? alboż Ruś pozostała mało poniosła krzywdy, że Łaciński obrządek szlachetniejsze osoby do siebie preciągnął?

Na dobitkę przywodzi z grobu świadectwo, «że dawni panowie i szlachta dla tego Dyzunią porzucili Katolicką jędność przyjęli, aby mogli podług upodobania wolnie przyjąć obrządek Łaciński, co też uczynili tak ochoczo, że teraz tylko włościanie zostali w Ruskim obrządku.» Winszuję autorowi Głosu, że znalazł sztukę porozumienia się z nieboszczykami; ale gdy by na dowód po ludzku dociekał, albo przynajmniej się nauczył, jakim sposobem początkowa jedność ś. w starożytności z chrztem Włodzimierza i z pierwszym Metropolitą Michałem na Rusi zakwitła; jak w roku 1595 przed Klemensem PP. VIII. przez Hyppacego Pocieja Włodzimierskiego i Cyrylla Terleckiego Łuckiego Biskupów, imieniem całej Rusi odnowioną została, i nakoniec licznymi Monarchów Polskich przywilejami w zaszczytach i wolnościach z obrządkiem Łacińskim porównaną była, pewnie by inaczej sądził o Katolickiej jedności, którą nie inaczej panowie, szlachta i cała Ruś przyjąć chciała, jeno żeby cały obrządek Ruski od stolicy Apostolskiej zupełnie approbowanym i utrzymywanym został.

Zapomniał autor Głosu o rzezi Ukraińskiej, gdzie lud prosty, lubo pod władzą panów zostawał, jednak przez odstępców zelektyzowany, krwią Katolicką nie mało kraju zalał i ledwie poteżną siłą Rossyjską poskromionym został: słabo więc wnosi, że lud prosty przymusić można do odmiany obrządku, a jeszcze słabiej twierdzi, że tenże lud, za każdą w obrządku nowością burzący się, nie pójdzie do Nieunii, która szuka sposobów zawsze go wabienia do siebie.

Po śrzodku takiej argumentacyi kładzie przyczyny do upadku jedności: 1. Zgoda w jedności. — Któż jej nie żąda? Kto robi między obrządkami poróżnienia? Kto na obrządek zawsze bije? Ruś biedna, prosta i pod władzą panów zostająca, jęczy pod ciężarem uciemieżenia, szuka w swoich krzywdach sprawiedliwości, a autor Głosu radzi ją żywcem pogrzebść, żeby uczynił zgodę jedności bez jedności!

2. Zachowanie świat i postów. — Rzecz pewna, że wiele dla kraju przyniesie pożytków jeden Kalendarz i jednostajne postów i

świąt zachowywanie, lecz stać się to może bez ruiny obrządku, a nastąpić inaczej nie powinno, tylko okazując toż samo licznym Nieunitom, którzy, do powszechnego dobra łącząc się, nie będą mieli przyczyny gorszyć się z jednostajności.

3. Podźwignienie włościan z nędzy. — Wiara Katolicka nie każe temu wierzyć, żeby wielość dni, Bogu poświęconych, sprawić miała ubóstwo i nędzę, a jeżeli taż wielość szkodę czyni gospodarstwu, są na to dyspensy, które, z ważnych przyczyn, uwalniają lud od prawa kościelnego. Płonnie zarzuca autor, żeby plebani Ruscy o swoich nie wiedzieli świętach; bo każdy, nie mogąc się obejść bez Brewiarza, ma w nim kalendarz z wyrażeniem świąt uroczystych, których że lud nie zachowuje, może to czyni albo za dyspensą, albo za pobłażaniem dworu.

4. Zaludnienie kraju. — Smieszna rzecz, żeby z skasowaniem obrządku Ruskiego ludność krajowa miała jakieś połączenie; bo ten obrządek nie jest fundowany na nieludność, ani może być przyczyną niedostatku, słabości, chorób i śmierci. Prawdziwą znajduje autor Głosu trudność wykonania zamysłu swego; bo nie tylko obrządek Ruski ustawami kościelnymi jest zabespieczony, ale nawet ma za sobą prawa i przywileje krajowe.

Mało nieborak czytał, kiedy tylko konstytucyą Urbana PP. VIII. przywodzi i onę według woli własnej tłómaczyć poważa się. Obrządek Ruski swoją ma exystencyą od początku Chrześciańskiej na Wschodzie wiary, Synody powszechne bytność jego upoważniają. Powiedzieć, że obrządek Ruski skasować potrzeba, jest to chcieć obalić strukturę, która filarem wiary jest podpartą, konstytucye zaś wspomnione w okoliczności tylko przechodów z obrządku nastąpiły, i lepiej by zrobił autor Głosu, gdy by się Stolicy Apostolskiej poradził względem ich rozumienia; a jeżeli według swego widzimisię chciał tłómaczyć, toć trzeba było wniosek sobie uczynić, że jeżeli samym tylko duchownym odmiana obrządku jest zakazana, toć zakaz niepotrzebny; bo jakże duchowny być może, kiedy wszyscy świeccy przejdą do obrządku Łacińskiego? Widać, że autor Głosu za sobą pisze: bo dla plebanów Łacińskich większego funduszu wyciąga, niżeli dla Ruskich, których cerkwie łączy na jeden kościoł, a grunta funduszowe Ruskie

na jeden plac i ogród dla plebana Łacińskiego, któremu z dóbr biskupich Ruskich pensye wynajduje.

Na tym skończył kochany autor; bo właśnie tego mu potrzeba było. Miły Boże! znam i ja dobrze nędzę parochów Ruskich, a przeto zwabić nie mogę zdolniejszych do Chrystusowej winnicy robotników, na których prostotę świat krzyczy, a ja ją wstydem płacę i łzami oblewam. Życzył bym temu Głosowi obrócić gorliwość swoją na Niewiernych i Dyssydentów, ale i tych nie życzę tak ostro czernić i tak absolutnie gubić, bo pod prawami i wolnościami krajowej mocy zostają.

Uniwersał sejmujących Stanów pod konfederacyą, roku 1790 do województw, ziem i powiatów w Koronie Polskiej i W. X. Litewsk. wydany.

My, Stany duchowne i świeckie, pod związkiem konfederacyi generalnej obojga narodów, wszem w obec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć należy, a mianowicie wszystkim obywatelom województw, ziem i powiatów, wiadomo czynimy.

Zbliżając się do poprawy rządu Rzeczypospolitej, gdy nam przychodzi rozważać, przez jaki sposób mogli byśmy ubezpieczyć całość państw naszych, dać wieczystą trwałość wolności i swobodom narodowym, uznali śmy za najważniejszy cel wziąść na uwagę opisy, których ojcowie nasi i my sami względem dostojności Królewskiej używali; w tym zamiarze rozbierając dzieje i prawa Polskie, znajdujemy w nich troistą rządu postać: pierwszą przed prawem pisanym, drugą za czasów familii Jagiellonskiej, trzecią gdy elekcya jednej na tron osoby stała się fundamentalną wolności maxymą.

Minąwszy stan rządu Polskiego przed prawem pisanym, jako z czuciem obywatelskiej wolności niezgodny, bierzemy na uwagę te jedynie prawa, które nam późniejsze zachowały wieki a które stały się prawidłem rządu naszego. — Kazimierz Wielki, zyskawszy duszę prawodawczą, i stawszy się wyższym od tych, co arbitralnie ludowi rozkazywać pragną, dał pierwszy narodowi Polskiemu prawa cywilne. Ludwik, Król Polski i Węgierski, dziedzic krwi Kazimierza, lecz nie imienia Piastów, objąwszy rząd państwa, nie mając po sobie następcy z lenii męzkiej, a chcąc dla swych córek koronę Polska ubespieczyć, pierwszy, oprócz wolności cywilnei, przez Kazimierza narodowi naszemu w prawie pisanym zawarowanej, dał wolność polityczną, i rzucił fundamenta tej szczęśliwości, której potem ojcowie nasi za familii Jagellońskiej blizko dwa wieki doznawali. Przywilej

Ludwika w Koszycach i Władysława Jagielly w Jedlny są początkiem władzy narodu politycznej i dobroci rządu Polskiego, który okazuje, iż przy narodzie zostawała władza prawodawcza, iż Król był najwyższą praw narodowych strażą, mający obowiązek doglądać exekucyi onych i wykonywać to, co prawa przepisywały; iż Senat, będąc radą Króla, był oraz strażą narodową dozierającą, aby Król w wykonaniu i dozorze praw nie przestąpił za granicę onych; iż magistratury wykonawcze, sądowe i rządowe, odbywały się w imieniu Króla przez urzędniki, z pośród obywateli wyliczane, których najwyższym dozorcą podług praw był Król, mający moc w tem wszystkiem, co należało do obrony obywatela od przemocy, do obrony granic państw Republiky od najazdów obcych.

Najszczęśliwsza rządu postać dała się w ów czas uczuć mieszkańcom ziemi Polskiej, upadła absolutność Piastów, pod którą Polska niszczała bez praw i oświecenia aż do czasu Kazimierza W. Pierwszy nasz prawodawca, Kazimierz, któremu opatrzność pozwoliła odzyskać upadłe prowincye, osadzić nieludne kraje przemyślnym rzemieślnikiem, oświecić naród przez wprowadzone nauki, upewnić obywatelską wolność przez prawo pisane, zjednoczył Polskę pod jedno berło, a wszystkie prowincye uczynił jednym Rzeczypospolitej ciałem, dzieląc one na województwa i powiaty.

Władysław Jagiello do Korony Polskiej, już zupełnie zjednoczonej, przyłączył Wielkie Xięstwo Litewskie. Unia tego Xięstwa, przez Władysława zrobiona, przez Alexandra utwierdzona, była dziełem zupełnie doskonałem i gruntownem; a jeżeli później za Zygmunta Augusta na sejmie Lubelskim ponowioną została, każdy to jasno poznać może, iż była dziełem wolności obudwóch narodów do tego posuniętej stopnia, aby prawego potomka Jagielly skłonić do odstąpienia od tytułu dziedzictwa, i w samej rzeczy zamysł ten wziął pożądany skutek; bo Zygmunt August, nie mając żadnego po sobie potomstwa, zrzekłszy się tytułu dziedzictwa, oddalił tych wszystkich od należności do berła, którzy albo szli od braci Władysława Jagielly, albo przez płeć żeńską należeć mogli do krwi Jagiellońskiej.

Za Jagiellów naród w miarę oświecenia i łagodności rządu przyszedł do tak wysokiego znaczenia, iż się mieścił między pierwszymi w całej Europie, iż słodycz rządu Polskiego stała się wzorem

dla wszyskich ościennych Królestw i Państw, z nami graniczących. Kazimierz, syn Władysława, dał Królów z potomstwa swego Węgrom i Czechom, przyłączył do jedności narody Pruskie zachodnie, Prusy zaś wschodnie za Zygmunta Pierwszego, a Inflanty za Zygmunta Augusta, poddały się z dobrej woli pod rząd berła Polskiego i panowania praw Polskich. Nie zostawało więc ojcom naszym, jak trzymać się tych szanownych prawideł, które, wiekami poświęcone, postawiły naród Polski w rządzie prawdziwej wielkości i mocy politycznej. Lecz ci, mniemając, iż lepiej jeszcze sobie i swym potomkom uczynią, zepsuli równowagę rządu politycznego, a zamiast, aby mieli doskonalić prawa, opisujące obowiązki Królów i upowszechniające swobody narodu, jęli sie niebespiecznej maxymy, iż, dla zapobiżenia jedynowładztwu, należy przyjąć prawo elekcyi doczesnych, elekcyi jednej osoby.

Nie dało się zaraz uczuć niebespieczeństwo; tak wielka prerogatywa podchlebiała w początkach możnym obywatelom, a gorliwość obstawania przy elekcyi Królów była przyczyną i skutkiem zepsucia całego politycznego rządu. Elekcya dożywotnich Któlów zaczęła się na Henryku, możnowładztwo poczęło się pasować z Koroną za Stefana i Zygmunta III, upadł rząd dawny za Jana Kazimierza, anarchia opanowała resztę czasu aż do dni naszych. Przyszliśmy nakoniec do tego nieszczęśliwości stopnia, iż, poddawszy prawa krajowe pod gwarancyą Moskwy, staliśmy się jak gdy by narodem, obcemu Mocarstwu hołdującym. Nieprzestanna bojaźń, aby Królowie Polscy nie zyskali kiedy prawa sukcessyi dla swej familii, obróciła całą usilność możnych narodu, ażeby tron ogołocić zupełnie z przyzwoitych mu zaszczytów. Nie pomniano na niebezpieczny ościennych wzrost Mocarstw, pod jednowładnym zostających berłem. Wzrosło pod ów czas niezmiernie wielkie i silne Cesarstwo przy granicach naszych od wschodu, a od północy, na lennym Xięstwie naszym, powstało potężne Królewstwo. Jan Kazimierz, doznawszy za panowania swego tych wszystkich nieszczęśliwości, którym naród nierządny podlegać musi, własnym nauczony doświadczeniem, upominał ojców naszych, aby sobie za życia jego o przyszłym pomyśleli następcy. Czuł on najlepiej, iż gdy tron Polski bez prawnego został następcy, stać się musiał celem pogardy możnych obywatelów, a wojny domowe i pograniczne przywieść musiały o upadek i zniszczenie całe Państwo; Król nie był

więcéj zdolny zasłonić go w czasie niebespieczeństwa. Ambicya możnych nie mogła być zgodną i zachować się w równości pod berłem dożywotnim i na pogardę wystawionym. Okropne spustoszenie poprzedziło nasz pierwszy podział. Szwedzi zabrały nam Inflanty; Moskwa zabrała kraje, za Dnieprem leżące; Margrabia Brandenburski uwolnił się od praw lenności; Austrya wzięła w zastaw szyby solne. Możni podnosili rokosze i wprowadzali wojsko zagraniczne do kraju. Pospólstwo, pod przywództwem Chmielnickiego, wydało wojnę domową właścicielom ziemi. Zgoła, nie było żadnej części ludu, który by nie uczuł, iż jest pod anarchią, iż śmiało jeden przeciw drugiemu powstawać może w tak obszernym narodzie, w którym interes powszechny nie jest zjednoczony pod berłem jednej familii, w którym tron na cel pogardy wystawiony został. W ten czas to Jan Kazimierz zagrzewał najgoręcej, ażeby naród Polski myślał o swojej exystencyi, w ten czas przepowiadał powtórne rozebranie państw Rzeczypospolitej, jeżeli sobie wcześnie o przyszłym do tronu nie zaradzi następcy.

Wzgardili ojcowie nasi radą nieszczęśliwego, lecz dobrego, Króla, a przepowiedzenia jego stały się najokropniejszym wypadkiem, przeznaczonym do uskutecznienia za dni naszych. Od roku 1764 Konfederacye stały się hasłem robót politycznych. Dał się widzieć pierwszy związek Dyssydentów w Toruniu i Słucku, który za sobą pociągnął związek Radomski. Przemoc obca dała nam prawa i przyjęła nas pod swoją mniemaną opiekę, o którą złudzeni obywatele podle dopraszali się. Obcym natchnieniem zbuntowane na Ukrainie pospólstwo powstało przeciw własnej zwierzchności; czuły o ucisk swojej ojczyzny obywatel podniósł niedołężne ramie na obronę wolności, a Mocarstwa, nas otaczające, dopełniły tego, co przepowiedział Jan Kazimierz. Nieszczęśliwość powszechna, powiększona hańbą, zuchwałość, okryta podłością, sprawiły, iż obywatel własnymi rękami przyspieszał zgubę narodu. Oderwane od ciała Rzeczypospolitej kraje, jeżeli z jednej strony będą pamiątką niesprawiedliwości, wyrządzonej nam od sąsiadów, być muszą oraz okropnem świadectwem niepostrzeżenia się ojców naszych i oddalenia od rządu, uszczęśliwiającego naród Polski za czasów Jagiellońskich.

Z tych powodów my, skonfederowane Rzplitej Stany, uznaliśmy za istotną potrzebę powrócić narodowi rząd dawny, rząd, który by

nas uczynił niepodległemi jakiejkolwiek zagranicznej potencyi, który by swobody nasze od wszelkich zawarował przemocy. Lecz, ponieważ próżną było by rzeczą pracować około poprawy rządu, gdy by tron Polski dawnym podpadał interregnum, gdy by zależał od arbitralności sąsiadów naszych, przeto osądziliśmy za istotną powinność odwołać się do woli obywatelskiej, a przekładając to wszystko, co w tej mierze przed oczy troskliwego o swą całość narodu przełożyć można, spodziewamy się nie wątpliwie, iż wszyscy obywatele województw, ziem i powiatów tę naszą odezwę przyjmą za skutek rzetelnej gorliwości, pragnącej, aby naród dostrzeżoną przez nas okoliczność użył na ocalenie granic swoich, na zawarowanie się od podległości sąsiedzkim Mocarstwom i na uratowanie od ostatniej zguby imienia Polskiego.

Przezacni obywatele! Użyczyła nam opatrzność szczęśliwej czasu pory wydźwignienia ojczyzny z pod jarzma dependencyi obcej. Pragniemy wam i potomkom waszym oddać naród swobodny i rządny; lecz te usiłowania będą próżne i daremne, jeżeli wola wasza nie skłoni się zupełnie do tych środków, które za najskuteczniejsze uznajemy, jeżeli dalej cierpieć zechcecie to periodyczne kraju przez interregna wzburzenie, pod czas którego ambit miota prawami, wzrusza rząd w samych jego zasadach, przynosząc ruinę majątków obywatelskich, bogactwo krajowe istotnie składających. Rząd, choć byśmy go z najwiekszą troskliwością przepisać chcieli, nie będzie trwały, jeżeli tron Polski zostanie pod arbitralnością sąsiądów naszych; zostanie zaś niewątpliwie, gdy nie dozwolicie wybrać jédnej familii, której byśmy z woli naszej berło Polskie powierzyli. Poróżnienie sąsiadów naszych nastręcza nam najsposobniejszą do tego porę; lecz im bliżsi są zgody, tym trudniej jest odwłoczyć na dalej dzieło tak pożądane.

My wam radzimy sukcessyą tronu, zaręczając, iż będzie najusilniejszym staraniem naszym opisać jak najsilniejszym warunkiem swobód narodowych; jest prze to interesem kraju to, co radzimy, jest przeciwne zamiarom graniczących z nami Mocarstw, które, uskuteczniwszy dwa razy już okropny narodu naszego podział, uskutecznić go mogą, przy zręcznej okoliczności, raz jeszcze trreci, jeżeli tim jedynie środkiem całości imienia naszego nie zaradzimy. Spojrzyjcie na skutki, bo te najlepiej do rozumu i serca mówić powinny, a przekonacie sie, iż zamiar, który obce Mocarstwa tylokrotnie uskuteczniły,

nie inny jest, tylko zgładzenie imienia Polskiego; a jeżeli miłość ojczyzny i jedność narodu jest istotnym obywatela wolnego czuciem, w waszych ręku zostaje dozwolić, abyśmy byli całym narodem, aby potomstwo nasze ochronić od przygotowanego jedynowładztwa, od którego współobywatelów dziś żyjących ocalić nie mogliśmy. Komu ż trzeba przypominać te wszystkie nieszczęśliwości, spustoszenia i pożogi, przelew krwi obywatelskiej, wojny domowe, końca nie biorące? Któ ż nie wié, iż od niedołężności naszej, dodając niedołężność Królów, byli byśmy przymuszeni stawać się wykonawcami obcej woli i igrzyskiem zagranicznej siły? Gdy więc tak pożądaną sposobność, rządząca losem narodów, nastręczyła nam opatrzność, uznali śmy za istotną powinność naszą, odwołać się do serc i gorliwości obywatelskiej, aby, czuły na swą całość i swobody naród, uczynił nas sprawcami powszechnej szczęśliwości. Na ten koniec wyznaczamy po wszystkich województwach, ziemiach i powiatach sejmiki, w miejscach prawem oznaczonych, a to na dzień N. w Miesiącu N. roku teraźniejszego 1790, na które, za Uniwersałem niniejszym, wszyscy obywatele zgromadzić się mają, dla przesłania posłom swoim per Laudum zdania własnego, czyli chcą mieć wybraną jedną familię do tronu z prawem sukcessyi? Rezolucya na zapytanie nasze, od każdego sejmiku dana, będzie w tej mierze istotnym prawidłem nie tylko dla posłów, ale także dla Senatorów, do których sejmików ciż Senatorowie, z mocy urzędu swego, należą.

Ponieważ zaś krzesła województw od Rzplitej i Ministerya nie są przywiązane do żadnego osobnego sejmiku, zatym Ministrowie i Senatorowie rzeczeni, gdy ten Uniwersał, z woli nas, skonfederowanych Stanów, podpisanym i rozesłanym zostanie, natychmiast deklarować się mają, do którego sejmiku z posezsyi własnych należeć i rezolucyi onego słuchać będą. A gdy sejmiki kwestyją tę rozwiążą, my do decyzyi onego przez większość głośnych tylko wotów przystąpimy w tym czasię, który jeszcze czasem naszym i czasem narodu nazwać możemy. Aby, jednak, wola obywatelów tym dokładniej na sejmikach okazać się mogła, zachęcamy wszystkich posessyonatów do zjechania się na rzeczone sejmiki, na których, jeżeli by nie było zgody jednomyślnej, Marszałkowie, wraz z assessorami, odbierać mają vota sekretne parafiami przez sposób, który sobie obywatele obiorą, pluritas zaś w Laudach zanotowaną być ma.

Zachęcając was, przezacni obywatele, do podania nam woli waszej, mówimy do was otwarcie, w tej uprzejmości i wynurzeniu serc naszych, ile ważność rzeczy i los powszechny narodu po was wyciąga. Wola wasza będzie prawidłem postępowania naszego; lecz gdy zawsze winniśmy wam rzetelne odkryć zdanie i życzenie nasze, wystawiamy wam Najjaśniejszego Elektora Saskiego, prawnuka i wnuka niegdyś łaskawie panujących nam Królów, w którego krwi i Jagiellońska dobroć i Sobieskiego męztwo mogły by dzwignąć dawną sławę narodu Polskiego.

Winniśmy w tem miejscu uwiadomić powszechność narodową, iż Najjaśniejszy Stanisław August Król, o całość i swobody narodu troskliwy, zachowując w tej mierze jak najściślej obowiązki paktów konwentów, nikogo nam za następcę tronu z strony swojej nie podaje, nie mianuje, a ni do złożenia Elekcyi żadnum kształtem i wymysłem nikogo nie skłania, owszem do woli skonfederowanych Stanów, do woli narodu powszechnej, stosować się oświadcza.

Uniwersał tęn, jako dzieło życzenia i woli nas, skonfederowanych Stanów Rzeczypospolitej, in volumen legum inserowany być ma; aby zaś o tym życzeniu naszym wszyscy obywatele jak najrychlej uwiadomieni byli, do województw, ziem, powiatów i parafii rozesłać go zalecamy z podpisem Marszałków Konfederacyi obojga narodów. Dan na sessyi Sejmowej dnia N Mca N. Roku 1790.

LIT. E.

Privilegium Distinctoriorum pro clero Unito-Rutheno.

Pius P. P. VI. ad perpetuam rei memoriam.

Cum certum sit pro omnipotenti DEO, laborantibus ineffabilia aeterni regni praemia reservari, nobis tamen eis necesse est honorum et gratiarum beneficia tribuere, ut in spiritualis operis studio ex remuneratione valeant multiplicius insudare. Et quia venerabilis frater Jason, Archiepiscopus Kijoviensis, Haliciensis et totius Russiae Metropolitanus, universi etiam cleri saecularis Graeco-Rutheni nomine exponnobis nuper fecit, quod ad excitandam augendamque ipsius cleri saecularis pro Catholica religione sollicitudinem ac vigilantiam, illosque una jungendos compage summopere conferret, si iis, qui inter caeteros in vinea Sabaoth uberiores fructus proferre satagunt, aliquod dignum ea speciali dono gratiae concederemus; nos, cui ex debito Apostolici ministerii humilitati nostrae concrediti officio maxime cordi est, Christianam fidem, sic Domino largiente, quotidie in populis extendere, ac Christi fidelium, praecipue vero illorum, qui in sortem Domini fuerunt vocati, zelum multiplicare, ut votis etiam nobis hisce a carissimo in Christo filio nostro, Stanislao Augusto, Poloniae Rege Illustri, porrectis annueremus, praeces praefatas venerabilibus fratribus nostris Sacrae Romanae Ecclesiae Cardinalibus Congregationis de Propaganda fide remisimus; qui ad relationem dilecti filii, Magistri Stephani Borgia, ejusdem Congregationis Secretarii, Decretum, a nobis approbatum, tulerunt, tenoris qui sequitur:

Ab eo usque tempore, quo inclita Ruthenorum Natio, sub sanctae memoriae Clemente P. P. VIII, divina aspirante numine, rediit ad Petram fidei, supra quam aedificata est Ecclesia, et cum Romano Pontifice, Beati Petri, Apostolorum Principis, successore, Christianorum omnium Patre ac Magistro, tanquam cum Ecclesiasticae Unitatis centro communi fidei et charitatis vinculo conjuncta est, mirum quantum Catholica fides letiores ubique fructus in Ruthenorum Regionibus reporta-

verit, et quantum pacis atque unionis nexus ex hac vera sinceraque membrorum cum suo capite compactione firmior ac validior evaserit.

Quamobrem cum nuper R. P. Dominus Jason Junosza Smogórzewski, Archiepiscopus Kijoviensis, Haliciensis et totius Russiae Metropolitanus, universi cleri saecularis Graeco-Rutheni nomine, Sanctissimo Domino nostro Pio PP. VI, accedentibus etiam Serenissimi Stanislai, Poloniae Regis, officiis ac commendationibus humili obsecratione supplicaverit, ut sacerdotes ex saeculari clero, qui in vinea Domini ardentius collaborant, ac de Unione Catholica magis bene merentur, una quadam societatis compage colligere, et aliquo Pontificiae benignitatis monumento insignire dignaretur, ad hos curius etiam ad pium opus conjunctos insimul studiis promovendum incitandos, cumque Sanctitas sua hujusmodi preces ad sacram Congregationem Propagandae fidei rebus praepositam remiserit, eadem sacra Congregatio ad Relationem super praemissis factam per RPD. Stephanum Borgia, Secretarium suum, animo perpendens id, quod Sanctus Gregorius Magnus Siagrio, Augustodunensi Episcopo, scribebat, cum, scilicet, qui in praedicatione et opere sollicitum, devotum adjutoremque in omnibus Augustino, ad Anglorum conversionem misso, fuisse cognoverat, dignum esse cui exterioris quoque habitus honorem defferet, censuit Apostolica Authoritate eidem Jasoni, totius Russiae Metropolitano, ejusque in eadem Metropolia successoribus concedendam esse facultatem ornandi cruce aurea triginta Presbyteros ex clero saeculari Graeco - Rutheni ritus Uniti, qui hujusmodi ornamentum semper et quandocumque in omnibus et quibuscumque actionibus, congressibus et congregationibus publicis et privatis, in Ecclesiis vel extra et coram quibusque personis, qualibet dignitate ecclesiastica, vel saeculari, fulgentibus, ad collum appensam gestare possint et valeant. Crucis autem forma erit octogona, instar Melitensis, encausto cerulei coloris oblinita, in ejus anteriore orbiculo erit depicta del insculpta Sacrae Romanae Ecclesiae imago, in posteriore vero Sanctorum Petri et Pauli Apostolorum, ut sic cunctis pateat, hanc honoris accessionem ex illius Sedis benedictione et gratia prodire, quae ab iis, qui illam gestabunt, ampliores in sancta Catholica Unione progressus sibi pollicetur; supra imaginem Ecclesiae erit insculptum stemma Regium, quoniam jam dudum Poloniae Reges, atque hodiedum Serenissimus

Rex Stanislaus, pro suo eximio pietatis ac religionis studio, sanctam Unionem fovet suoque patrocinio tuetur.

Hoc autem crucis ornamentum seu distinctorium ex delegata Apostolica authoritate non ab alio, quam a Metropolitano conferatur, ea tamen lege, ut in singulis Episcoporum Ruthenorum dioecesibus tria semper distinctoria tribus ecclesiasticis viris uniuscujusque dioecesis ab Episcopo ejusdem Metropolitano praesentandis conferatur ad hoc, ut hujusmodi honoris praemium ac laboris incitamentum in singulis quibusque dioecesibus tribus viris semper largiatur, unoque sublato, alter a dioecesano Episcopo Metropolitano praesentetur; qui cum illum spectatae virtutis ac meritorum praeconio commendatum compererit, eadem cruce seu distinctorio ornare non recuset. Reliquas vero cruces ac distinctoria idem Metropolita dignioribis Presbyteris Metropolitanae dioecesis ad sui arbitrium indulgere poterit. Merita vero ac requisita, quorum potissimum ratio tam a Metropolitano, quam ab Episcopis in iis designandis, qui hac cruce ornandi erunt, habenda erit, sintque hujusmodi: sacerdotalis ordo, institutio ac sedula studiorum opera in Pontificiis seminariis impensa, commentaria ac libri in lucem editi pro Catholicae religionis incremento, patriae missiones ac sacra Catechesis cum laude peracta, ac sancta unio magis propagata, seminariorum regimen, servitium in paroeciis, atque in Episcoporum curiis praestitum, demum natalium nobilitas, seu saltem honestas, ac si fieri poterit gradus aliquis in Universitatibus assecutus.

Ne autem hoc crucis ac distinctorii ornamentum solam superfluae elationis pompam praeseferat, quem admodum idem S. Gregorius agebat, sed potius sit devotionis indicium erga Apostolorum principem, pastorem ac nutritorem nostrum ejusque Apostolicam Cathedram, ad quam propter ejus potentiorem principalitatem omnem necesse est convenire Ecclesiam, atque eos, qui undique sunt fideles; eadem Sacra Congregatio jussit Presbyteros his gloriae splendoribus decorandos a Metropolitano atque etiam ab aliis Episcopis monendos esse atque hortandos, ut in sacris operibus, ac praesertim in tuenda atque amplificanda Catholica unione perseverent, et si ex merito actionum suorum hoc laudis testimonium ab Apostolica Sede sunt adepti, novis laborum ac virtutum accessionibus collato sibi videantur honori cumulatissime respondere. Nam ut idem S. Gregorius prosequitur, cum honoris augmento cura quoque sollicitudinis debet accrescere, ut cul-

tus actionis quoque ornamenta conveniant, oportet, ut enixius in cunctis se studiis vestra Fraternitas exerceat; circa subjectorum actus sit cura vigilans, vestrum illis exemplum instructio et vita magistra sit, linguae vestrae exhortatione discant, quod metuant et doceantur, quod diligant. Ut vero ad haec persequenda acrius imflammentur, et ad externum honoris insigne internum ac spirutuale aliquod animarum lucrum adjiciatur, decrevit pariter Sacra Congregatio supplicandum esse Sanctissimo, ut Presbyteris illis, quos Metropolitanus et Episcopi deferendae crucis honore dignos judicabunt, altaris privilegiati personalis gratiam bis in hebdomada elargiatur; ac praeterea, ut plenariam suorum peccatorum indulgentiam quotannis in die festo Sanctorum Apostolorum Petri et Pauli, atque etiam in ejusdem festi octavo die, demumque ut in eorum mortis articulo plenariam pariter suorum peccatorum indulgentiam consequi possint, ex Apostolica benignitate consedere dignetur.

Hoc autem decretum Sanctissimo Domino nostro Pio Papae VI relatum in audientia, habita per eundum RPD. Stephanum Borgia Secretarium, die 13 Junii, 1784 anno, Sanctitas sua in omnibus approbavit et per Apostolicas in forma Brevis literas authoritatis sane robur adjiciendum esse mandavit. Datum ex sedibus dictae Sacrae Congregationis die 19 Junii, 1784. L. Cardinalis Antonellus Praefectus, Stephanus Borgia Secretarius.

Cum autem memorati exponentes praeinsertum decretum, pro firmiori illius subsistentia et observantia, Apostolicae confirmationis nostrae patrocinio communire summopere desiderent, nos ipsos exponentes specialibus favoribus et gratiis prosequi volentes et eorum singulares personas, a quibusvis excommunicationis, suspensionis et interdicti aliisque ecclesiasticis sententiis, censuris et poenis, a jure, vel ab homine, quavis occasione, vel causa latis, si quibus quomodolibet innodatae existunt, ad effectum prasentium duntaxat consequendum harum serie absolventes et absolutos fore censentes, supplicationibus eorum nomine nobis super hoc humiliter porrectis, inclinati, decretum praeinsertum authoritate Apostolica tenore praesentium confirmamus et approbamus illique inviolabilis Apostolicae firmitatis robur adjicimus, salva tamen semper in praemissis authoritate memoratae Congregationis Cardinalium; decernentes easdem praesentes litteras firmas, validas et efficaces existere et fore, suosque plenarios et integros

effectus sortiri et obtinere, ac illis, ad quos spectat, et pro tempore quandocumque spectabit, plenissime suffragari, et ab eis respective inviolabiliter observari, sicque in praemissis per quoscumque judices ordinarios et delegatos, etiam causarum palati Apostolici auditores, ac Sacrae Romanae Ecclesiae Cardinales, sublate eis, et eorum cuilibet quavis aliter judicandi et interpretandi facultate et authoritate judicari et definiri debere, ac irritum et inane, si secus super his a quoquam quavis authoritate scienter vel ignoranter contigerit attentari; non obstantibus constitutionibus et ordinationibus Apostolicis, etiam juramento, confirmatione Apostolica vel quavis firmitate alia roboratis, statutis et consvetudinibus, privilegii quoque indultis et litteris Apostolicis in contrarium praemissorum quomodolibet concessis, confirmatis et innovatis, quibus omnibus et singulis illorum tenores praesentibus pro plene et sufficienter expressis, ac de verbo ad verbum insertis habentes illis alias in suo robore permanentibus ad praemissorum effectum hac vice duntaxat, specialiter et expresse derogamus, ceterisque contrariis quibuscunque. Datt. Romae apud S. Mariam majorem sub annulo piscatoris et 13 Juli MDCCLXXXIV, pontificatus Nri A. Decimo. Innocentius Cardinalis de Comitibus.

Praesens transsumptum cum suo originali, quod in nostro Chartofilatio jussimus, plene concordari attestamur, hortantes Illustrissimos et Reverendissimos D. D. Suffraganeos nostros, ut unusquisque ipsorum publicis respective Consistorii actis idem inseri ac in prima suae dioecesis Congregatione promulgari demandet. Datt. Radomisliae die $^{19}/_{30}$ 7bris, 1784 anno.

Jason, Archiepiscopus Kijoviensis, Haliciensis et totius Russiae Metropolita.

Podziękowanie od kleru za włożenie dystynktoriów, JWmu Stanisławowi Szczęsnemu, Wojewodzie Ruskiemu, który oraz pierwszy kamień na fundamenta Archikatedry w Radomyślu die 23 Maji, 1785 zanosił.

Między dziewięciu wiekami, odkąd w Polszcze i Rusi najwyższą poznano istotę, nigdy wspanialej do duchowieństwa zaszszytów nie łączył się ołtarz i majestat, jak w wieku dzisiejszym.

Światła te wielkie, jedno na stolicy Piotra, drugie na tronie Polskim jaśniejące, dosiągnąwszy łaski dobrodziejstw swoich promienie powyższe stany rzuciły tenże promień w zakąty lubo zawsze wiernego sobie ludu, dotąd, jednak, mniej okazałego, które zewnętrznych nawet pomykając ozdób, stolica Apostolska składa je w ojcowskim ręku JWielmożnego Hierarchy naszego, a Najjaśniejszy Król, Jegomość, Pan nasz miłościwy na miejscu swoim wyznaczając Ciebie, Jaśnie Wielmożny Wojewodo Ruski, do założenia pierwszej archikatedry Metropolitalnej, uszczęśliwia razem i nas, że z rąk Twoich mamy honor najznakomitsze odbierać łaski.

Tej wspaniałości Monarszej, że tak wielkiego do dzisiejszej uroczystości przeznaczył męża, żadne zaiste do powinnego dzięk wyznania nie wystarczą wyrazy.

Raczysz więc, Jaśnie Wielmożny Panie, żywej wdzięczności naszej ofiarę przyjąć i zanieść przed Majestat dobrego Króla, iżby w zupełnej zdrowia czerstwości jak najdłuższym ojczyznę i nas wszystkich uszczęśliwiał panowaniem, a tron Polski wielkiej krwi swojej od pokolenia do pokolenia podawał, cnotami jego jaśniejący.

Tobie zaś, wielki z imienia przodków w ojczyznie a większy z cnót i doskonałości Twoich, Panie, gdy mam usty całego kleru podziękować, dozwolisz najprzód, że bym się bynajmniej nie zastanawiał nad tą Twoją, dziś nam skazaną, dobroczynnością. Ta zawsze jest i była istotna domowi Twemu. Nawet czas, wszystko niszczący, nie zdoła zatrzeć dowodów hojności imienia Twego. Od wieków stoją liczne świątnice, na honor Boski ozdobione, a przy nich duchowieństwo w oboim obrządku sowicie obdarzone. Tyle to jes

świadectw w najdalsze następstwa nieprzeżytych, i jeżeli skromność wspaniałej duszy Twojej, skąd mają swą bytność, zapytać otwarcie nie dozwoli, pytaj tajemnie dobrego serca Twego, pytaj wysokiej krwi, w Tobie płynącej.

Cóż ma być dla nas podziwienia godnego, że Twoje ręce pierwsze na fundament Archikadedry tutejszej zaniosły kamień, albo że na ten stan dzisiaj Apostolskie i Królewskie wkładasz ozdoby, które uprzejmie kochasz, łaskawie żywisz i bronisz gorliwie. Czynisz to zaiste z ukontentowaniem pańskiēgo serca Twego, jakoś po tyle razy i sam prsez się, i w przodkach Twoich uczynił.

Nie spodziewaj się, Panie, iżby sią jaka dobroczynność Twoja przed wdzięcznością kiedy serc naszych ukryla, którzy nawet wolą i chęć szczerą, dla tego, że Twoją jest, za skutek przyjmujemy.

Niech że się wszystkie błogosławieństwa Boskie zleją na Ciebie i dóm Twój, o jego chwałę zawsze gorliwy! Niech z łona Twego Pan zastępów rozkrzewia wielkich mężów, Tobie podobnych, jako światła niebieskie! Niech Ci udziela darów swoich w tej obfitości, iż byś radą jako Senator, męstwem i powodzeniem oręża Twego, jako na czele wojsk narodowych będący, tę jeszcze uszczęśliwił ojczyznę, która wzrost swój, potęgę, obszerność granicy, i tylekroć razy swoją obronę winna jest wielkiemu imieniowi Twemu!

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

СОДЕРЖАЩАЯ ПУТЬ ОТЪ МОСКВЫ ДО ПЕРСІИ.

ГЛАВА I.

О выѣздѣ изъ Москвы до Нижняго Новгорода: какъ плыли мы по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ, и какіе города, селенія, монастыри и дома видѣли мы на этомъ пути.

Теперь мы обращаемся снова къ нашему путешествію въ Персію. Когда Приставы вручили намъ помянутый выше Великокняжескій видъ (Pass), то отъѣздъ нашъ изъ Москвы послѣдовалъ 30 Іюня. [1] Цѣлый этотъ день, на послѣднее прощаніе, провели мы у одного Уполномоченнаго (Factor) Его Княжеской Свѣтлости, Государя нашего, Г-на Давида Руцена (Rutzen), который угостилъ насъ отлично изготовленнымъ званымъ обѣдомъ. Въ послѣдніе уже часы дня (Русскіе употребляютъ Вавилонскіе (Babilanische) часы и начинаютъ считать часы дня съ восхода солнца до заката) Царь прислалъ намъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ лошадей, на которыхъ мы, въ сопровожденіи нашего прежняго Пристава и многихъ знатныхъ Нѣмцевъ, и поѣхали верхами изъ Москвы, за 3 версты, до Симонова (Simana) монастыря, гдѣ ожидало насъ наше судно, посланное впередъ, по причинѣ многихъ изворотовъ, которыми течетъ здѣсь рѣка Москва. За тѣмъ мы сошли на судно при сердеч-

---

[1] Въ печатномъ ошибочно 16, какъ это видно изъ послѣдующаго.

ныхъ пожеланіяхъ нашихъ добрыхъ друзей. Великій Князь нарядилъ къ намъ Пристава, по имени Родіона Матвѣевича (Rodiwon Matfeowitz), который долженъ былъ сопровождать насъ до Астрахани.

Только что мы отчалили немного отъ берега, какъ прибылъ туда Воспитатель (Hoffmeister) молодаго Князя, Борисъ Ивановичъ Морозовъ (Morosou), со всякаго рода дорогими напитками и съ своими трубачами. Онъ просилъ Посланниковъ хоть на короткое время опять причалить къ берегу, чтобы онъ могъ угостить насъ на прощаньи, но они вѣжливо отклонили это приглашеніе; а такъ какъ не задолго передъ симъ, въ Москвѣ, Бояринъ этотъ нѣкоторымъ изъ насъ доставилъ пріятное удовольствіе соколиною охотою, какъ разсказано выше, то мы подарили ему теперь серебряную чару. Послѣ этого онъ плылъ на небольшой особой лодкѣ, берегомъ, нѣкоторое время, по пути съ нами, и приказалъ своимъ трубачамъ играть веселую пѣсню, на что мы отвѣчали своими музыкантами. Немного спустя онъ пересѣлъ уже на наше судно, оставался и пилъ тамъ съ нашими Дворянами до самаго утра, когда, полный любви и вина, распростился съ нами, съ слезами на глазахъ.

Въ эту ночь, съ помощію Русскихъ гребцовъ, мѣнявшихся по очереди, такъ что разомъ постоянно сидѣло за веслами по 8 свѣжихъ еще человѣкъ, и каждый изъ нихъ получалъ при томъ чарку водки, мы плыли рѣкою такъ быстро, что на другой день, именно 1 Іюля, вскорѣ по восходѣ солнца, достигли до одного Барскаго двора, Дворянинова (Dworeninow), который лежитъ, на лѣвомъ берегу рѣки, въ 80 верстахъ отъ Москвы или въ 16 Нѣмецкихъ миляхъ. Къ вечеру мы доплыли до селенія Морчугъ (Mortschuk), [2] лежащаго на правомъ берегу, въ 40 верстахъ отъ Дворянинова.

При дальнѣйшемъ обозначеніи селеній и другихъ мѣстъ, лежатъ ли они на правомъ, или на лѣвомъ, берегу, вмѣсто полныхъ

---

[2] Морчуги. О. Б.

словъ, мы будемъ писать слѣдующія начальныя буквы: п. правый и л. лѣвый берегъ.

2-го числа, передъ обѣдомъ, встрѣтились намъ у села и монастыря Porsenis [3] нѣсколько большихъ барокъ, нагруженныхъ медомъ, солью и соленою рыбою и плывшихъ, большею частію изъ Астрахани въ Москву. Сдѣсь рѣка опять течетъ большими изворотами и далекими изгибами; мы вышли на берегъ, отслужили свои часы молитвы и поплыли далѣе.

Вечеромъ прибыли мы къ городу Коломнѣ (Colomna) на п. б. Онъ отстоитъ отъ Москвы водою на 180 верстъ или на 36 Нѣмецкихъ миль; сухимъ же путемъ, особенно зимою, когда можно ѣздить прямой дорогой и по замерзшей рѣкѣ, считается едва 18 миль. По наружному виду Коломна хорошо защищена каменными стѣнами и башнями, и подлѣ городской стѣны протекаетъ Москва рѣка, черезъ которую перекинутъ длинный деревянный мостъ. Сдѣсь имѣетъ свое пребываніе единственный Епископъ, считающійся Епископомъ и всей страны, и особый Воевода; по этому мы должны были сдѣсь пріостановиться на нѣкоторое время и подождать, пока Приставъ предъявлялъ Воеводѣ нашъ видъ. Пока мы ждали, на мосту собралась бездна народу, ради любопытства, посмотрѣть на насъ. Такъ какъ судно наше, долженствовавшее проплыть подъ мостомъ, оказалось нѣсколько высокимъ, именно нѣкоторою частью крыши, то нужно было, для его прохода, отнять часть моста, что и было исполнено бывшими сдѣсь людьми очень проворно.

Въ 3 верстахъ за Коломною рѣка Москва впадаетъ въ Оку (Occa), довольно широкую и глубокую рѣку, текущую съ юга.

Сдѣсь же по близости стоитъ Голутвинъ (Kolutin) Сергіевскій монастырь, который основалъ Св. Сергій, похороненный въ Троицкомъ монастырѣ. [4]

---

[3] Что бы это такое было нынѣ? О. Б.

[4] Построенный, по совѣту Пр. Сергія, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ около 1385, трудами ученика Сергіева, Григорія. О. Б.

После сліянія обѣихъ сказанныхъ рѣкъ, страна по обоимъ берегамъ представляется весьма плодородною всякаго рода растительностію и густо населенною, такъ что мы немало любовались, глядя на такую пріятную мѣстность. Сдѣсь такое множество дубовыхъ лѣсовъ, какого мы нигдѣ не встрѣчали въ цѣлой Россіи.

3-го Іюля, передъ восходомъ солнца, достигли мы до большаго села, на л., называемаго Дѣдино (Gedino), [5] которое простирается на цѣлую полумилю въ длину и имѣетъ болѣе 800 душъ крестьянъ. Къ полудню прибыли къ селу Омутъ (Omuta), на п., въ 37 верстахъ отъ Коломны. Сдѣсь, такъ какъ день былъ воскресный, мы вышли на берегъ и подъ однимъ прекраснымъ деревомъ отправили наше Богослуженіе, съ проповѣдью, послѣ чего поплыли далѣе. Въ 3 верстахъ за симъ селомъ, посреди рѣки, возвышается довольно длинный островъ, который миновали мы, имѣя его съ лѣвой отъ насъ руки. Въ тотъ же день мы миновали еще нѣсколько селеній, изъ которыхъ важнѣйшія были: Семца (Seelza) на п. [6] и Морозово (Moroso), то же на п.

4-го числа, въ полдень достигли мы до города Переяславля (Peresla), на п., гдѣ также имѣется свой Воевода. Городъ этотъ отстоитъ отъ Коломны въ 107 верстахъ. У Переяславля высоту полюса я нашелъ въ 54 градуса и 42 минуты.

5-го Іюля миновали мы городокъ Рязань (Resan), которое прежде было большимъ и даже главнымъ городомъ цѣлой области подъ тѣмъ же названіемъ. Но въ 1568 году по Р. Х., когда въ область эту вторглись Крымскіе Татары и опустошили все въ ней убійствами и пожаромъ, и этотъ городъ былъ также ими уничтоженъ до основанія. А такъ какъ область эта, заключаю-

---

[5] Т. е., Дѣдилово, нынѣ Дѣдново. И теперь оно занимаетъ вдоль по рѣкѣ около 5 верстъ. Встарь было Дворцовымъ и снабжало Дворъ рыбою, отъ чего называлось и Рыбнымъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ оно строило корабли для плаванія по Каспійскому морю, а при Петрѣ I тутъ построенъ былъ ботъ, дѣдъ Русскаго флота, перевезенный, въ 1725 году, въ Петербургъ. О. Б.

[6] Семцы? О. Б.

щая въ себѣ пространство между рѣкою Окою и валомъ, возведеннымъ противъ Татарскихъ набѣговъ, въ прежнее время была Княжествомъ и вообще страною чрезвычайно плодородною для земледѣлія, скотоводства и всякаго дикаго звѣря, такъ что, во всемъ этомъ, она далеко превосходила всѣ, лежащія кругомъ, области (какъ справедливо повѣствуютъ о томъ Гваньинъ и Петрей), то Царь, послѣ сказаннаго опустошенія ея, приказалъ переселить туда изъ всѣхъ мѣстъ огромное количество народа, чтобы снова воздѣлать, обстроить страну и привести ее въ прежнее состояніе. А какъ для постройки вновь города Рязани нашлось болѣе удобное мѣсто, именно тамъ, гдѣ теперь лежитъ Переяславль, отстоящій отъ прежней Рязани на 8 миль, то оставшіеся отъ разрушенныхъ строеній матеріялы перенесены были на это новое мѣсто, и сдѣсь выстроенъ цѣлый новый городъ. Но городъ этотъ названъ былъ теперь Переяславль Рязанскій; ибо большинство людей, и при томъ самые важнѣйшіе, которые выстроили и заселили его, были изъ Переяславля, лежащаго на такомъ же разстояніи отъ Москвы на сѣверъ, какъ этотъ новый городъ на югъ отъ нея.

Удивляюсь, по чему Петрей (Parte I, pag. 48) мѣстность эту считаетъ лежащею на западъ отъ Москвы, тогда какъ, по его же собственному сказанію, она лежитъ между рѣками Окою и Дономъ, а рѣки этѣ по отношенію къ Москвѣ лежатъ не на западъ, а на востокъ, куда имѣютъ также и свое теченіе. Мѣстность Рязани находится собственно на юго-востокъ отъ Москвы. Въ Рязани и въ настоящее время имѣетъ свое мѣстопребываніе одинъ изъ 7 Архіепископовъ Русскихъ.

Въ тотъ же день миновали мы нѣсколько небольшихъ монастырей и селеній, а именно: близъ Рязани Селезцево (Sseloy) на л., далѣе за тѣмъ еще проѣхавши 7 верстъ Киструсъ (Kystrus), л., [7] а черезъ три версты монастырь Обложица (Oblozitza), еще далѣе черезъ 2 версты Липовы Исады (Lippono Issado), п., дворянская усадьба; за тѣмъ 2 версты Муратово (Muratow); еще 1 верста Калимино (Kallimino); потомъ черезъ одну же версту

---

[7] Собственно Киструсъ Слобода. О. Б.

Пустополе (Pastapolie), п., село, принадлежащее Архіепископу Рязанскому; за тѣмъ далѣе 3 версты Новоселки (Novosolski), п., и еще черезъ 2 версты Шилово (Schilko). У первого изъ этѣхъ селеній мы видѣли плывшее по рѣкѣ нагое мертвое тѣло мужчины, которое, вѣроятно, по тому, что съ давняго времени плавало, совершенно почернѣло и высохло отъ солнца. Говорили, что человѣкъ этотъ, должно быть, убитъ былъ Казаками и бѣглыми рабами, которые находятся вокругъ этѣхъ мѣстъ.

6-го Іюля плыли мы мимо монастырей: Терехова (Tericho), л., въ 10-ти верстахъ отъ послѣдняго поименованнаго выше села; Тырновской Слободы (Tinersko Slowoda), п., 10 верстъ; далѣе Свинчуса (или Свинчука) (Swintzus), п., 8 верстъ, и Копанова, (Kopanowo), п., 2 версты. Сдѣсь опять мы видѣли плавающее мертвое тѣло. Такъ какъ разбой и убійства въ сдѣшнихъ мѣстахъ не рѣдки, то Русскіе и не обращали на такія тѣла особаго вниманія.

7-го Іюля утромъ мы были у островка Добрининъ Островъ (Dobrinin Ostrow), п., за 30 верстъ отъ послѣдняго селенія, за тѣмъ плыли мимо селъ: села Рубца (Sseloy Rubetz), [8] 7 верстъ, и Курмона (Kurman), п., тоже 7 верстъ. Потомъ миновали рѣчку Гусь рѣку (Güs reka), л., 6 верстъ, и другія селенія: Малѣево (Moleowa), п., 8 верстъ, Габилоску (Gabiloska), [9] п., 2 версты, и Бабино (Babino) (Бабинку, Бабенку), п., 3 версты, расположенное на одномъ прекрасномъ холмѣ. Къ вечеру прибыли мы наконецъ въ городокъ Касимовъ (Kassimo gorod), л., 3 версты. Это былъ Татарскій городъ, принадлежавшій Татарскому Княжеству Касимову (Cassinow). Сдѣсь, въ древнемъ каменномъ строеніи, которое когда-то было замкомъ, проживалъ молодой Татарскій Князь, по имени Res-Kizi, съ матерью своею и дѣдомъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешли въ подданство Великаго Князя, и городокъ этотъ отданъ имъ для ихъ содержанія. Сдѣсь же видѣли мы и первый Магометанскій храмъ. Разсказываютъ, что Русскіе предлагали будьто бы этому молодому Князю, если онъ

---

[8] Нынѣ Рубецкое или Рубицкое. О. Б.

[9] Габлицы? О. Б.

перейдетъ въ ихъ Вѣру и перекрестится, то Великій Князь не откажетъ ему въ рукѣ своей дочери, на что онъ будьто бы отвѣчалъ, что онъ еще молодъ (ему было тогда только 12 лѣтъ) и переговоритъ объ этомъ послѣ, когда выростетъ и придетъ въ большій разумъ.

Наши Посланники, привѣтствуя Князя, послали ему въ подарокъ фунтъ табаку и флягу Французской водки, что доставило ему такое удовольствіе, что, въ отвѣтъ на это, онъ приказалъ кланяться Посламъ, крѣпко благодарить ихъ и извиниться, что онъ не можетъ, хотя бы очень желалъ, оказать имъ честь и угостить ихъ въ своемъ домѣ; ибо это будетъ непріятно тамошнему Воеводѣ, который неохотно дозволяетъ иностранцамъ имѣть съ нимъ какое ни будь сношеніе. По этому онъ прислалъ только съ слугами своими, которые были все Татары и ни съ кѣмъ не могли говорить, какъ только съ нашимъ Персидскимъ толмачемъ, разнаго рода продовольствія въ подарокъ, а именно: двѣ овцы, боченокъ меду, боченокъ пива и боченокъ водки, нѣсколько кусковъ льду, сметаны и свѣжаго масла, которое его мать, Княгиня, дѣлала собственными руками, какъ говорили слуги.

Въ эту ночь, равно какъ и въ слѣдующій за тѣмъ день, мы проѣхали мимо нѣсколькихъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки, селеній, монастырей и кабаковъ (Cabacken), которыя, среди зеленыхъ кустарниковъ, представляли намъ весьма пріятные виды. Важнѣйшіе изъ нихъ: Починокъ Татарскій (Potzinok Tatarsko), п., въ 3-хъ верстахъ отъ Касимова; село Перьево (Sseloy Periowo), [10] п., 7 верстъ; кабакъ одинъ (Cabak), л., 8 верстъ; Бродъ (Brooth), 5 верстъ. За тѣмъ, черезъ 8 верстъ, далѣе рѣчка Мокша (Moksche), п., еще кабакъ 2 версты; Сейтово (Sateowa), л., 13 верстъ. Далѣе, черезъ 4 версты, монастырь Адріяновская пустынь (Adrianow Pustino), л., а еще отсюда 3 версты Елатьма (Jekatma), л., [11] большое село, съ 300 душъ крестьянъ, принадлежа-

[10] Теперь Перья? О. Б.

[11] Уѣздный городъ Тамбовской Губерніи. О. Б.

щее Боярину Өедору Ивановичу Шереметеву. Въ 20 верстахъ далѣе отсюда лежитъ боръ (соснякъ), называемый Rusbonor, на правомъ берегу рѣки.

9-го числа, проплывъ еще 10 верстъ, достигли мы церкви Воскресенія (Woskressenia); это мѣсто по простонародному называется Воскресенская Мель (Woskressenski Mehl). За тѣмъ, черезъ 5 верстъ, большое село Лехи (Lechi), [12] л., принадлежащее Боярину (Rejchs-Rath) Князю Борису Михайловичу Лыкову (Lykow). За тѣмъ еще черезъ 10 верстъ монастырь Пречистой Рязанской (Pretziste Resensko), п., и потомъ достигли города Мурома (Moruma), населеннаго Русскими и Татарами. Здѣсь начинаются Мордвинскіе Татары, всѣ подвластные Великому Князю. Такъ какъ въ городѣ находилась торговая площадь, то мы и послали туда нашихъ переводчиковъ, чтобы они накупили намъ кое-какихъ свѣжихъ припасовъ.

Когда мы плыли за четверть мили еще до города, то на правомъ берегу рѣки, къ которому примыкаютъ земли Крымскихъ Татаръ, показалось нѣсколько человѣкъ этѣхъ Татаръ; за тѣмъ вскорѣ они исчезли въ кустарникѣ и открыли по насъ огонь, такъ что одна пуля перелетѣла черезъ наше судно; когда же мы отвѣтили нѣсколькими ружьями, то они смолкли, пока мы миновали городъ, послѣ чего мы услыхали снова нѣсколько выстрѣловъ изъ прежняго мѣста. Мы вполнѣ были увѣрены, равно какъ и наши Русскіе гребцы тоже думали, что сказанные Татары нападутъ на насъ въ предстоявшую ночь, почему и стали на якорь у одного острова, называемаго Цухтскій (Zuchtsko Ostrow), отстоявшій въ 51 верстѣ далѣе города, и держали крѣпкую стражу; но послѣ этого мы ни кого и ни чего уже не слыхали.

10-го числа мы миновали мѣстечко Превоспало (Prewospalo), [13] принадлежащее знатному Боярину Князю Ивану Борисовичу

---

[12] Нынѣ Ляхи Меленковскаго Уѣзда Владимірской Губерніи. О. Б.

[13] Павлово? О. Б.

Черкаскому (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); миновали и много малыхъ селеній, а также двѣ рѣчки, изъ которыхъ одна впадаетъ съ правой стороны, Морзна рѣка (Morsna reka), [14] а другая, восемь верстъ далѣе отъ первой, впадаетъ съ лѣвой стороны, и называется Клязьма (Klesna), и идетъ отъ Владимира. Сдѣсь почва земли съ правой стороны начинаетъ возвышаться и составляетъ наконецъ весьма высокій берегъ, который почти въ одинаковой высотѣ продолжается весьма далеко, болѣе чѣмъ на 100 Нѣмецкихъ миль по Волгѣ, и глядя на этотъ берегъ съ низу, кажется, что это какъ бы montes contigui, или какъ бы висящія другъ на другѣ горы. На верху же идетъ совершенно ровная мѣстность, безъ лѣсу, удобная для земледѣлія, и такою равниною она вдается глубоко, болѣе 100 верстъ, внутрь страны и лежитъ болѣе на юго-востокъ. Страна же на лѣвомъ берегу, простирающаяся къ сѣверо-западу, повсюду низменна, покрыта кустарникомъ и мало заселена. На нѣкоторыхъ мѣстахъ высокаго берега, въ самый великій жаръ, мы находили снѣгъ и ледъ.

11-го Іюля, миновавши прекрасныя и веселыя селенія, лежащія на правомъ и лѣвомъ берегахъ, каковы: Избылецъ (Isbuiletz), Троицкую Слободу (Troitzka Slowoda), [15] Дудинъ монастырь, (Dudina monastir) [16] и Новинки (Nofimki), [17] прибыли мы подъ вечеръ къ знатному городу, Нижнему (Nisen) или Нижнему Новгороду (Nisenawgorod). Сдѣсь высадились мы не въ городъ, но прямо на нашъ, выстроенный тамъ нашими людьми, корабль, названный Фридрихъ.

Этотъ корабль построенъ былъ корабельнымъ мастеромъ, Михайломъ Кордесомъ (Michel Cordes), съ помощію Русскихъ плотниковъ, изъ сосновыхъ (негніющихъ) досокъ, и былъ длиною

---

[14] Ворсма оз. и р. Кишма? О. Б.

[15] Троицкое или Троица. О. Б.

[16] Дуденево, Дуднево. О. Б.

[17] Березовые Новинки или Новины на Окѣ. О. Б.

въ 120 футовъ, съ 3-мя мачтами, о 24-хъ веслахъ, съ плоскимъ дномъ, и шелъ въ водѣ только на 7 футовъ. Онъ приспособленъ былъ собственно къ плаванію по р. Волгѣ, чтобы на немъ можно было плыть по незамѣтнымъ песчанымъ прибоямъ и мелямъ, которыхъ на Волгѣ множество, а въ случаѣ безвѣтрія, чтобы удобно было идти безъ парусовъ. Въ верхней части корабля, на палубѣ, въ каютахъ и внизу, въ трюмѣ, подѣланы были разныя помѣщенія, въ которыхъ совершенно удобно могли размѣститься Послы и ихъ люди, а также стряпня и продовольственная кладовая. Мы также достаточно снабдили корабль всякаго рода порохомъ и дробью, металлическими и каменными ядрами, гранатами и другими орудіями противъ нападенія разбойниковъ.

Кромѣ этого корабля мы построили еще шлюпку (Schlupe), хорошо также всѣмъ снаряженную, съ помощію которой мы имѣли намѣреніе дѣлать изслѣдованія по Волгѣ же, въ особенности на Каспійскомъ морѣ, такъ какъ корабельщикъ и гребцы наши должны были оставаться въ морѣ, во время отъѣзда и пребыванія нашего въ Персіи, и при этомъ случаѣ должны были познакомиться съ неизвѣстными и мелкими мѣстами, по которымъ корабль нашъ не отважился бы плыть; въ случаѣ же нужды шлюпка эта могла служить и для облегченія корабля. Чтобы окончательно и вполнѣ снарядить и изготовить нашъ корабль къ отплытію, мы должны были простоять здѣсь почти 3 недѣли.

ГЛАВА XI.

О городѣ Нижнемъ и о Волгѣ.

Городъ Нижній Новгородъ лежитъ подъ 56° 28′ широты, построенъ, по мнѣнію Герберштейна (стр. 47), Вел. Княземъ Василіемъ и населенъ въ началѣ народомъ изъ многолюднаго города, Великаго Новгорода, отъ чего получилъ и свое названіе Нижній Новградъ (Nisenaugard) или Нижній Новгородъ (Unter Naugard).

Отъ Москвы до него водою считается 150, а сухимъ путемъ 100 Нѣмецкихъ миль; лежитъ онъ при р. Окѣ, на правомъ, высокомъ берегу ея и окруженъ каменною стѣною и башнями. Внѣ городской стѣны находится чуть ли не больше домовъ и народонаселенія, чѣмъ въ самомъ городѣ, который, вмѣстѣ съ пригородомъ, въ окружности составляетъ съ половину мили. Передъ городомъ Ока соединяется съ славной р. Волгою, древними писателями Ра (Rha) называемою. Обѣ рѣки, по сліяніи своемъ, представляютъ рѣку, шириною въ 4600 плотницкихъ футовъ, по собственному моему измѣренію, которое я дѣлалъ дважды, на пути въ Персію и на обратномъ оттуда пути по льду.

Я замѣтилъ также, что магнитная стрѣлка отклонилась тамъ на цѣлые 9 градусовъ съ полуночи на западъ.

Народонаселеніе въ Нижнемъ состоитъ изъ Русскихъ, Татаръ и Нѣмцевъ, которые всѣ суть подданные Великаго Князя и управляются особымъ Воеводою, коимъ въ наше время былъ тамъ Василій Петровичъ (Wasili Petrowitz).

Сдѣсь нашли мы послѣднихъ Лютеранъ, живущихъ на востокѣ, которые отправляли свое Богослуженіе въ общественной киркѣ: община ихъ состояла тогда почти изъ 100 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были военные Офицеры, Шотландцы, ремесленники, или торгаши, которые частію состояли на Великокняжеской службѣ, частію же получали содержаніе отъ денегъ за пожиданье, отъ пивоваренія, винокуренія и отъ содержанія кабаковъ, которое предоставлялось имъ по особой милости. Продовольствіе въ Нижнемъ чрезвычайно дешево: молодая курица, а также 15 яицъ, стоятъ 1 копѣйку, или 6 пфеннинговъ на Мишненскія деньги (nach Meissnischer Müntze), овца стоитъ 12, 15 и 18 копѣекъ.

24-го Іюля я былъ посланъ, вмѣстѣ съ нашимъ Шталмейстеромъ Фонъ Мандельсло (Mandelslo), Гансомъ Арпенбакомъ (Arpenback), Русскимъ переводчикомъ и съ Приставомъ къ Воеводѣ, поблагодарить его за его доброе расположеніе и услуги, оказанныя имъ нашимъ людямъ, которые, ради постройки корабля, жили тамъ цѣлый годъ, и вручить ему подарокъ, драгоцѣнную вещь, цѣною въ 100

рейхсталеровъ. Что подарокъ этотъ былъ весьма пріятенъ и понравился Воеводѣ, видно было изъ того, что онъ не только угостилъ насъ великолѣпно, но, при отъѣздѣ нашемъ, подарилъ намъ на дорогу двадцать окороковъ и разнаго другого продовольствія. Вообще онъ былъ весьма вѣжливый и разумный человѣкъ и въ домѣ своемъ держалъ приличную обстановку. Такъ, когда мы были приглашены къ нему черезъ нашего Пристава, насъ встрѣтили на дворѣ два человѣка и провели прекрасно убраннымъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, до самой лѣстницы, стояли слуги и рабы; въ передней насъ приняли двое почтенныхъ стариковъ и проводили въ покой Воеводы, убранный коврами, занавѣсами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоялъ въ кафтанѣ изъ золотой парчи, окруженный многими богато одѣтыми мужами, дружески принялъ насъ, благодарилъ за поклонъ и подарокъ Посланниковъ длинною, почтительною рѣчью, за тѣмъ пригласилъ насъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за зд овье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго, и Посланниковъ его. Во время угощенія за столомъ, состоявшаго изъ медовыхъ пряниковъ, отличной водки и различныхъ родовъ меду, Воевода велъ разные пріятные и полные мысли разговоры, такъ что мы удивлялись ему, зная, что это чуждо Русскимъ. Онъ спрашивалъ насъ, между прочимъ, не боимся ли мы Казаковъ, которые разгуливаютъ по Волгѣ, какъ разбойники, и, вѣяроятно, не пропустятъ насъ безъ того, чтобы не напасть на насъ: «Это страшный», говорилъ онъ, «безчеловѣчный народъ, который разбой любитъ больше Бога, и нападаетъ на людей, какъ вотъ такой звѣрь!» При этомъ онъ указалъ на картину, избражающую льва, которому Самсонъ раздираетъ челюсти. Когда мы отвѣтили на это, что если Казаки окажутся съ нами львомъ, то мы будемъ для нихъ Самсономъ, онъ добавилъ, что вполнѣ на то надѣется и полагаетъ, что имя Нѣмцевъ, извѣстныхъ въ Россіи своею храбростію, которою они и Его Царскому Величеству оказали немалую услугу, достигло и до слуха Казаковъ и, безъ сомнѣнія, устрашитъ ихъ. Когда мы простились съ Воеводой, онъ приказалъ проводить насъ черезъ дворъ, прежнимъ порядкомъ, до самыхъ воротъ.

Въ этотъ день прекращены были споры, возникшіе между рабочими во время постройки корабля и въ слѣдствіе разсчета, тре-

бованнаго ими за постройку. По строгомъ изслѣдованіи дѣла, оказалось, что подрядчикъ, обязавшійся поставлять рабочихъ, уговорилъ ихъ, чтобы они отъ себя обѣщали ему вознагражденіе въ 40 р. или 80 рейхсталеровъ, а онъ за это выторговалъ высшую для нихъ заработную плату. Кромѣ того, кузнецъ въ поставкѣ желѣза и за работу выставилъ непомѣрныя цѣны и прямо обманывалъ; за это Воевода грозилъ ему строжайшимъ наказаніемъ (даже и смертною казнью), назначеніе котораго предоставлялъ на волю нашихъ Посланниковъ; но наконецъ, когда виновный, съ покорнымъ сознаніемъ вины своей, долго валялся на землѣ у ногъ Посланниковъ и слезно молилъ о прощеніи, его отпустили безъ наказанія, во уваженіе его глубокой старости; ибо ему было уже за 70 лѣтъ.

Простоявши у Нижняго до исхода Іюля и замѣтивъ, что вода въ Волгѣ, бывшая до того довольно высокой, быстро начала спадать, мы поспѣшили отправиться въ путь. Корабли, или большіе струги (Strusen) и суда, отплывающіе по Волгѣ въ Астрахань, принимаютъ обыкновенно въ соображеніе время и пускаются въ путь именно тогда, когда вода прибываетъ, или когда она уже самая высокая, что случается въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ: въ это время рѣки, текущія на сѣверѣ и впадающія во множествѣ въ Волгу, прибываютъ и, вливаясь въ нее, подымаютъ воду въ послѣдней до того, что суда не только могутъ свободно плыть по мелкимъ мѣстамъ, но и посверхъ низменныхъ острововъ, которые тогда лежатъ глубоко погруженные въ водѣ. Иногда, впрочемъ, случается, что когда суда остановятся на ночлегъ надъ такимъ подводнымъ островомъ и вода вдругъ спадетъ, то они сядутъ на островъ, и тамъ ужь и остаются, какъ мы это сами видѣли, встрѣтивши нѣсколько такихъ, засѣвшихъ и поломанныхъ, большихъ струговъ и суденъ въ разныхъ мѣстахъ на Волгѣ.

Такъ какъ рѣка эта, по моему мнѣнію, одна изъ величайшихъ, длиннѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ рѣкъ въ свѣтѣ, то я старательно изслѣдовалъ ее съ помощію одного опытнаго Голландскаго корабельщика, Корнелія Клаузена (Clausen) и нѣкоторыхъ Русскихъ лоцмановъ, снялъ ее по компасу на карту, не только въ ея теченіи, изгибахъ, углахъ и берегахъ, но обозначилъ также и

глубину ея, по которой можно было безопасно и свободно плыть, ея отмели, острова на ней и прилегающія къ ней страны, измѣряя разстоянія въ ней милями и даже верстами. Въ 1-мъ изданіи моемъ я обѣщалъ представить со временемъ настоящій очеркъ этой рѣки, что и исполняю теперь, прилагая сдѣсь изображеніе рѣки, вмѣстѣ съ тѣмъ, что видѣли мы и по берегамъ ея. [18]

Рѣка Волга беретъ начало свое (по свѣдѣтельству Герберштейна на стр. 53), въ области Ржевѣ (Rsowa), въ которой находится лѣсъ, называемый Русскими Волконскимъ (Wolkonski); въ этомъ лѣсу есть озеро, изъ котораго вытекаетъ эта рѣка и, пробѣжавъ пространство около 2-хъ миль, протекаетъ черезъ другое озеро, называемое Волго (Wolgo), откуда рѣка получила и свое имя, и за тѣмъ, еще до сліянія съ Окою у Нижняго Новгорода, течетъ мимо многихъ важныхъ городовъ, каковы: Тверь (Twere) (какъ выше было сказано), Кашинъ (Cassin), Холопій [19] (Chlopia), Угличъ (Uglitz), Ярославль (Jaroslau), Кострома (Castrom), Галичъ (Galitz) и проч. Такъ какъ эту часть Волги я не проѣзжалъ, то я и не описываю ее, а начну свое описаніе ея только отъ Нижняго Новгорода, отъ сліянія ея съ Окою.

---

[18] Въ подлинникѣ между стр. 340—341. О. Б.

[19] Холопій городокъ, старинное Новгородское поселеніе ушкуйниковъ, состоявшихъ, по большей части, изъ холоповъ или рабовъ, откуда и его названіе. Когда-то вблизи его собиралась огромная ярмарка, исчезнувшая съ появленія ярмарки при Желоводскомъ Макарьевскомъ монастырѣ и съ основанія Архангельска. Нынѣ это владѣльческое селеніе и называется Старое Холопье, иначе Борисоглѣбъ. О. Б.

ГЛАВА III.

Отъ Нижняго до Василь-города.

Когда корабль былъ готовъ и снабженъ добрымъ запасомъ продовольствія, мы приговорили себѣ лоцмана или путеводителя, который могъ бы указывать намъ настоящій путь, и 30-го Іюля пустились въ дорогу, не смотря на то, что вѣтеръ былъ противъ и нужно было реяться (laviren) отъ него. На кораблѣ у насъ были: Московскій Коммисаръ Его Княжеской Свѣтлости, Балтазаръ Мушеронъ (Moucheron), Дьякъ или Писарь Воеводы, Пасторъ изъ Нижняго и нашъ Уполномоченный, Гансъ Бернгартъ (Bernhart), которые пожелали проводить насъ нѣсколько верстъ и посмотрѣть, какъ пойдетъ наше плававаніе. Но едва только проплыли мы двѣ версты отъ города, миновали Грэмматину гуту на л. (Grammatins Gute) и достигли Печерскаго монастыря (Petzora), п., какъ стали доставать дно и за тѣмъ сѣли на мель. Мы принуждены были бросить якорь, и только послѣ большихъ трудовъ, продолжавшихся цѣлые 4 часа, успѣли сдвинуть корабль съ мели.

На другой день, именно послѣдняго Іюля, проплывъ далѣе одну версту, опять сѣли на мель, но скоро сошли съ нея, и такъ какъ пошелъ сильный дождь и поднялась буря съ юго-востока, прямо намъ на встрѣчу, то до слѣдующаго дня мы и простояли на якорѣ.

Сдѣсь держано было на кораблѣ упомянутое выше слово, или Нѣмецкая рѣчь (Oration) объ опасности, которой мы подвергались на Балтійскомъ морѣ, и о понесенномъ нами крушеніи у Гохланда (Hochland), при чемъ отслужили благодарственное молебствіе Богу за Его милостивое спасеніе насъ. Это нужно было и для того, чтобы обновить въ людяхъ, составлявшихъ экипажъ нашъ, твердое упованіе на Бога и бодрость духа на дальнѣйшія опасности въ подобныхъ и другихъ случаяхъ, которые могутъ встрѣтиться въ предстоящемъ многотрудномъ и опасномъ путешествіи. По совершеніи Богослуженія и послѣ веселой музыки, провожавшіе насъ люди и добрые друзья наши распростились съ нами и поплыли обратно въ Нижній.

1-го Августа установленъ былъ порядокъ, какъ держать стражу. Нанятые солдаты и прислуга Посольская раздѣлены были на 3 роты, чтобы онѣ могли быть попеременно употребляемы для содержанія караула. Первой ротой завѣдывалъ Посланникъ Крузе, второю Бругманъ и 3-ею Маршалъ. Каждый изъ Посланниковъ имѣлъ при этомъ своего Капитана, Крузе Шталмейстера а Бругманъ Секретаря, которые, вмѣстѣ съ Шталмейстеромъ, должны были попеременно, съ обычнымъ барабаннымъ боемъ, приводить и уводить караулъ или стражу. Такимъ образомъ сторожевыя мѣста на передней и задней части корабля были постоянно заняты сильнымъ карауломъ.

Послѣ этого, когда вѣтеръ все еще продолжалъ дуть противъ, мы попытались было плыть на веслахъ; но только что продвинулись впередъ на ружейный выстрѣлъ, какъ засѣли опять на мель; снявшись съ мели, мы заблагоразсудили пока простоять на якорѣ, и нѣкоторые изъ насъ вышли на берегъ пострѣлять птицъ, которыхъ множество и разнаго рода видно было кругомъ; мѣсто для дичи было привольное; ибо на берегу, отъ Нижняго до Казани, всюду растутъ роскошные кустарники и деревья, представляющіе какъ бы сплошной лѣсъ.

2-го числа вѣтеръ нѣсколько стихъ, мы подняли якорь и думали, что сегодня пойдемъ лучше; но едва проплыли съ четверть мили, какъ засѣли опять у острова Телятинскаго (Tletinski), [1] и скоро за тѣмъ засѣли еще разъ, за другимъ островомъ, Собчинскимъ (Subzinski), на который въ высокую воду загнало какой-то большой стругъ, сидѣвшій и теперь еще тамъ въ совершенной цѣлости. Сдѣсь провозились мы цѣлыхъ 9 часовъ, прежде чѣмъ могли наконецъ сдвинуть корабль съ мели.

Такое плаваніе, уже въ самомъ началѣ представлявшее намъ столько трудностей, отъ чего въ 4 дня мы сдѣлали всего только двѣ мили, а до Каспійскаго моря намъ должно было проплыть еще 550 такихъ Нѣмецкихъ миль, равно какъ и лоцманъ нашъ, который,

---

[1] Телячій. О. Б.

какъ оказалось, уже восемь лѣтъ не плавалъ по Волгѣ, и по тому мало могъ сообщить намъ вѣрныхъ свѣдѣній, порядочно таки поубавили бодрости духа у нѣкоторыхъ изъ насъ.

3-го числа дѣло пошло, впрочемъ, нѣсколько лучше: мы оставили позади нѣсколько селъ и островов, изъ коихъ важнѣйшія: Столбища и Стоба (Stolbiz und Stoba), [2] въ 3-хъ миляхъ отъ Нижняго. Село Великой Врагъ (Welikofrat), п., въ долинѣ между двумя горами; село Тимонское (Tsimonski), п., на одномъ холмѣ, и за тѣмъ островъ Теплой (Dioploi), л., въ 20-ти верстахъ отъ Нижняго. Сдѣсь мы встрѣтили большой стругъ (или большую лодку), плывшій изъ Астрахани, на которомъ было 200 человѣкъ рабочихъ людей; ибо Русскіе, если дуетъ вѣтеръ не попутный, не плаваютъ на парусахъ, но завозятъ на особой лодкѣ якорь одинъ за другимъ, за четверть мили впередъ, и за веревку, привязанную къ якорю, тянутъ съ судна человѣкъ 100 разомъ, и такимъ образомъ продвигаютъ его противъ теченія. Но такое плаваніе очень медленно, и въ день можно проплыть съ небольшимъ двѣ мили. Такіе струги имѣютъ плоское дно, поднимаютъ вообще 400, или 500, ластовъ, [3] и нагружаются большею частію солью, икрою и крупною соленой рыбой.

Селенія, которыя мы въ этотъ день миновали, всѣ лежали на правомъ берегу и были слѣдующія: Безводная (Beswodna), [4] Кадницы (Kasniza), гдѣ высота полюса равняется 56° 21'. Далѣе: Работка (Rubotka), [5] Чеченина (Tzetschina), Татинецъ (Tatginitz), [6] Юркино (Jurkin). У этого послѣдняго села, отстоящаго на 10 миль отъ Нижняго, находятся два острова, между которыми водной проходъ былъ въ 21 футъ. Когда вѣтеръ началъ нѣсколько крѣпчать, мы, въ этотъ и на слѣдующій день, пустили въ ходъ мачтовой парусъ, прошли мимо многихъ небольшихъ селе-

---

[2] Столбище или Столбищи и Столбино. О. Б.

[3] Мѣра, равная 12-ти бочкамъ. Перев.

[4] Нынѣ Безводное. О. Б.

[5] Нынѣ Работки. О. Б.

[6] Или Чеченная. О. Б.

ній: Маза (Masa), [7] л., Кременки (Kremonki), [8] п. За послѣднимъ изъ этѣхъ селеній, 4-го числа, мы держали ночлегъ нашъ.

5-го Августа прибыли мы еще утромъ въ село Бармино (Parmino), отстоящее на 90 верстъ отъ Нижняго. Сдѣсь крестьяне привезли къ намъ на корабль, на 3-хъ лодкахъ, молодыхъ куръ и другого продовольствія, которыя и продавали намъ по весьма дешевой цѣнѣ. Далѣе мы проплыли между двумя островами, изъ которыхъ одинъ Русскіе называли Спасобѣлка (Spassabelka). Къ вечеру у насъ въ виду былъ уже городокъ Васильгородъ (Wasili gorod); но такъ какъ у этого города находится мель, то мы бросили якорь и остановились передъ городомъ.

Сдѣсь нашли мы почту, пришедшую къ намъ изъ Москвы, съ письмами изъ Германіи, посланными еще въ Маѣ; полученіе этѣхъ писемъ весьма обрадовало насъ.

Васильгородъ есть небольшой, весь изъ деревянныхъ домовъ обстроенный, городокъ или мѣстечко, безъ городской стѣны; лежитъ на правомъ берегу Волги, подъ горою, подъ 55° 51′ высоты полюса и отъ Нижняго во 120 верстахъ. Построенъ онъ Великимъ Княземъ Василіемъ, [9] и заселенъ въ началѣ воинами для удержанія Крымскихъ Татаръ отъ набѣговъ. По ту сторону города течетъ съ юга довольно порядочная рѣка, называемая Сура (Sura). Рѣка эта нѣкогда отдѣляла Казанскія владѣнія отъ Русскихъ.

6-го числа корабль нашъ прошелъ именно по помянутой выше мели, такъ что постоянно почти касался дна, очень стучалъ по немъ и скорѣе какъ бы прыгалъ, чѣмъ плылъ.

Когда въ полдень мы проходили мимо города, то, для привѣтствія, выстрѣлили изъ одной пушки и велѣли проиграть на трубахъ. То же самое дѣлали мы потомъ у каждаго города, къ которому приставали.

---

[7] Или Покровское. У Шуберта неправильно Мыза. О. Б.

[8] Или Кремонка. О. Б.

[9] Ивановичемъ, въ 1523 году. О. Б.

ГЛАВА IV.

О Черемискихъ Татарахъ.

Сдѣсь начинается другой родъ Татаръ, именно Черемисы (Ceremissen), которые простираются далеко за Казань, живутъ по обѣимъ сторонамъ Волги, большею частію не въ домахъ, а въ дрянныхъ лачужкахъ, питаются своимъ скотомъ, медомъ и дичью, отлично стрѣляютъ изъ лука и пріучаютъ къ тому дѣтей съ малолѣтства. Это коварный, хищническій и колдовству преданный народъ. Обитающіе на правомъ берегу Волги называются Нагорными (Nagorni); ибо они живутъ на возвышенной мѣстности, на горахъ и между горами; названіе это произведено отъ словъ: на и гора. Обитающіе же на лѣвомъ берегу называются Луговыми (Lugowi), отъ словъ: луга зеленые (Lugowi Zenne), то есть, отъ луговъ зеленыхъ и сѣнныхъ покосовъ; ибо тамъ, по причинѣ низменной и влажной почвы, множество прекрасныхъ луговъ и полей, съ которыхъ снимается громадное количество сѣна, доставляющаго кормъ для скота и Нагорныхъ Черемисовъ. Гваньинъ говоритъ, что народъ этотъ частію язычники, частію Магометане; живущіе около Казани, сколько могъ я дознать, только всѣ язычники; ибо у нихъ нѣтъ ни обрѣзанія, ни крещенія. Когда ребенокъ достигаетъ у нихъ полугода, то назначается извѣстный день, въ который должно дать ему имя, и тогда, кто въ этотъ день первый придетъ къ родителямъ, или кто первый пройдетъ мимо, того имя и получаетъ дѣтя. Большинство изъ нихъ вѣруетъ, что есть безсмертный Богъ, который дѣлаетъ людямъ добро на землѣ, и по тому его должно призывать; но что онъ такое, и какъ должно чтить его, сообразно съ его волею, они не знаютъ. Они не вѣрятъ воскресенію мертвыхъ, и за тѣмъ въ будущую жизнь, и думаютъ что съ смертію человѣка, какъ и съ смертію скота, все кончено. Въ Казани, въ домѣ моего хозяина, жилъ одинъ Черемисъ, человѣкъ 45 лѣтъ, Услыхавши, что въ разговорѣ моемъ съ хозяиномъ о религіи, я, между прочимъ, упомянулъ о воскресеніи мертвыхъ, Черемисъ этотъ расхохотался, всплеснулъ руками и сказалъ: «Кто разъ умеръ, тотъ и для чорта остается мертвымъ. Мертвые также воскресаютъ, какъ и мои лошадь и корова, околѣвшія нѣсколько лѣтъ

тому назадъ.» Когда я спросилъ его: знаетъ ли онъ, кто сотворилъ небо и землю? онъ съ смѣхомъ отвѣчалъ: «Чортъ это знаетъ!» Наконецъ, хотя они не вѣрятъ въ адъ, но вѣрятъ въ существованіе чорта, котораго зовутъ мучителемъ, и думаютъ, что черти, во время жизни, могутъ причинять скорбь и всѣ сердечныя боли, по чему и стараются задабривать ихъ жертвоприношеніями.

Верстахъ въ 40 на югъ отъ Казани, въ одномъ болотистомъ мѣстѣ, течетъ рѣка или ручей, который Черемисы называютъ Немда (Nemda) [1] и которому они ходятъ на поклоненіе и для приношенія жертвъ; они говорятъ: кто приходитъ туда и не приноситъ ни какой жертвы, тотъ долженъ зачахнуть до смерти, или высохнуть; ибо они полагаютъ, что тамъ, и въ особенности у рѣчки Schokschem, [2] текущей верстахъ въ 10 отъ Немды, чортъ имѣетъ свое главное мѣстопребываніе. Рѣчка эта не глубже двухъ локтей, протекаетъ между двумя горами и никогда не замерзаетъ. Черемисы питаютъ къ ней большой страхъ; ибо думаютъ, что кто изъ нихъ приходитъ къ ней, тотчасъ же умираетъ; Русскіе же безъ всякаго опасенія ходятъ къ этой рѣчкѣ и мимо ея. Черемисы приносятъ иногда жертвы и Богу, убиваютъ лошадей, коровъ, или овецъ, натягиваютъ шкуру ихъ на колья, варятъ тутъ же мясо, берутъ его полное блюдо въ одну руку, а чашу съ медомъ, или другимъ какимъ напиткомъ въ другую, бросаютъ и выливаютъ то и другое въ огонь, разложенный противъ развѣшанной шкуры, съ слѣдующими словами: «Ступай, снеси мои желанія къ Богу!» Или же: «Боже, я жертвую это тебѣ: прими это милостиво отъ меня и дай мнѣ больше скота,» или иного чего, что бы они желали имѣть у себя. Такъ какъ они не вѣрятъ ни въ какую другую жизнь, кромѣ здѣшней, то и всѣ просьбы ихъ и молитвы устремлены только къ временному. Они поклоняются также солнцу и мѣсяцу; ибо замѣчаютъ, что дѣйствіемъ ихъ доставляется много добраго для земли и скота ихъ. Особенно высоко чтутъ они солнце во время жатвы. Намъ разсказывали также, что если они ночью увидятъ что во снѣ: ко-

[1] Рѣка Немда не на югѣ отъ Казани, но на сѣверо-западѣ, и впадаетъ въ рѣку Унжу, недалеко Юрьевца Поволжскаго. О. Б.

[2] Шокшама? О. Б.

рову, лошадь, огонь, или воду, то тому и оказываютъ честь, а иногда поклоняются даже въ слѣдующій за тѣмъ день. Когда я и хозяинъ мой говорили, по этому поводу, помянутому выше Черемису, что несправедливо чествовать и обожать скотину, или другое какое твореніе, какъ Бога, то онъ отвѣчалъ намъ: «А что хорошаго въ Русскихъ богахъ, которыхъ они вѣшаютъ на стѣнахъ? Это дерево и краски, которымъ онъ вовсе не желалъ бы поклоняться, и думаетъ, по этому, что лучше и разумнѣе поклоняться солнцу и тому, что имѣетъ жизнь.» У Черемисовъ нѣтъ ни письменъ, ни Священниковъ, ни церквей. Языкъ ихъ также особый, имѣющій мало сродства съ обыкновеннымъ Татарскимъ, или Турецкимъ. Живущіе въ этѣхъ мѣстахъ между Русскими Черемисы и говорятъ обыкновенно по Русски.

Если умретъ у нихъ зажиточный Черемисъ, то лучшую лошадь его убиваютъ, и у какого ни будь ручья, или рѣки, съѣдаютъ ее оставшіеся въ живыхъ друзья и челядинцы покойника (всѣ жертвоприношенія и подобные торжественные обряды совершаются ими непремѣнно у ручья); покойника же зарываютъ въ землю, а одежду его вѣшаютъ на дерево.

Черемисы имѣютъ за разъ по 4 и по 5 женъ и не обращаютъ вниманіе на то, если 2, или 3, изъ нихъ родныя сестры.

Женщины и дѣвицы ходятъ обыкновенно закутанныя въ толстый, бѣлый, холщевой платокъ, закрывающій даже и лицо. Невѣсты на передней части головы носятъ украшеніе, торчащее у нихъ на подобіе рога, длиною въ локоть, на концѣ котораго, къ пестрой кисточкѣ, привѣшивается маленькій колокольчикъ. Мужчины ходятъ въ длинныхъ полотняныхъ кафтацахъ (холстахъ), подъ которыми носятъ порты; волосы же на головѣ коротко, почти до тѣла, подстригаютъ; несвободныя же изъ нихъ оставляютъ на маковкѣ длинную косу, которую иногда завязываютъ узломъ, а иногда заплетаютъ, какъ женскія косы, и оставляютъ висѣть вдоль спины, какъ это видѣли мы на многихъ изъ нихъ, не только сдѣсь, но и въ Казани также.

Когда они впервые замѣтили насъ на Волгѣ, въ невиданныхъ ими одеждахъ и на кораблѣ, то испугались до того,

что нѣкоторые бѣжали отъ берега, а другіе хотя и остались на мѣстѣ, но не хотѣли взойти къ намъ на судно, куда мы призывали ихъ знаками. Къ вечеру, впрочемъ, оказался одинъ смѣлый Черемисъ, пришелъ къ намъ на корабль у рѣчки Ветлуги (Wetluga), л., противъ монастыря Юнга (Junka monastir), и принесъ намъ на продажу большаго, свѣжаго осетра, за котораго запросилъ 20 алтынъ или 60 копѣекъ, но отдалъ потомъ за 5 алтынъ.

ГЛАВА V.

Мимо городовъ Козьмодемьянска, Чебоксаръ, Кокшая и Свіяжска.

7-го Августа прибыли мы къ городу Козьмодемьянску (Kusmademianski), отстоящему въ 40 верстахъ отъ предшествовавшаго города и лежащему также на правомъ берегу, на горѣ; въ немъ есть также Воевода или Градоначальникъ (Stadthalter). Въ этой области растетъ множество, даже цѣлые лѣса, липъ съ которыхъ туземцы дерутъ лыка, развозятъ ихъ всюду по странѣ, дѣлаютъ сани, боченки и разные ящики. Они распиливаютъ деревья на цилиндрическіе куски, выдалбливаютъ ихъ и употребляютъ вмѣсто ушатовъ, бочекъ и т. п.; выдалбливаютъ изъ этого дерева также цѣлые лодки, челны и гробы, и продаютъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ на торгу.

Въ трехъ верстахъ за симъ городомъ, у одного острова Кріуша (Krius), стали мы на якорь, отправили свое Богослуженіе и отговѣли. Сдѣсь крестьяне вторично принесли намъ для продажи свѣжее продовольствіе. Только что отплыли отсюда съ милю, какъ поднялась сильная буря, по чему мы опять бросили якорь и заночевали тутъ.

8-го числа, имѣя попутный вѣтеръ, распустили парусъ и до обѣда шли весьма быстро до острова Торикъ (Turich). Но послѣ обѣда, у острова Маслова (Masloff), плывши на всѣхъ парусахъ, мы такъ сильно наѣхали на песчаную косу, что мачты затрещали, и мы должны были оставаться сдѣсь цѣлые 4 часа, пока тремя якорями не сдвинули корабля съ мели.

Сдѣсь же, на правомъ берегу, мы видѣли множество Черемисовъ, на ихъ лугахъ, пѣшихъ и конныхъ. Къ вечеру подошли мы къ городу Чебоксары (Sabakzar), въ 40 верстахъ отъ вчерашняго, и также, какъ и два предшествовавшіе города, лежащаго на правомъ берегу и состоящаго изъ деревянныхъ построекъ, хотя мѣстоположеніе и дома въ немъ красивѣе, чѣмъ въ тѣхъ двухъ городахъ. Когда жители Чебоксаръ еще издали завидѣли нашъ большой корабль, то не знали что и думать, что это было такое; по этому Воевода еще за 3 версты выслалъ на встрѣчу къ намъ, къ острову Мокрицѣ (Makritz), лодку, полную стрѣльцовъ, развѣдать и посмотрѣть, что за народъ мы были? Стрѣльцы этѣ поодаль объѣхали корабль и поспѣшно возвратились въ городъ. Но когда въ городъ представленъ былъ нашъ видъ, то до 300 человѣкъ, старыхъ и малыхъ, сбѣжалось на берегъ посмотрѣть на насъ. Въ этомъ, равно какъ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ, которые всѣ лежатъ при Волгѣ, а не въ глубинѣ страны, кромѣ Воеводы находится много и Русскихъ солдатъ, для того, что если бъ приведенные въ покорность Татары вздумали возмутиться, тотчасъ же можно было бы собрать войско и усмирить ихъ.

9 числа мы прибыли къ острову Козину (Kosin), л., лежащему въ 12 верстахъ отъ вчерашняго города. Потомъ къ селенію Сундырь (Sundir), п., [1] 20 верстъ, и далѣе къ городку Кокшага [2] (Kokschala), л., въ 25 верстахъ отъ послѣдняго города, Чебоксаръ. Въ этой области Волга, на протяженіи нѣсколькихъ миль, вездѣ мелководна, такъ что мы едва могли плыть по ней. По сему въ этотъ и слѣдующій день мы должны были приложить много усилій и работъ, и все таки 10 числа сдѣлали только немного болѣе полумили; на кораблѣ то лишь и слышно было, что: «Тяни, греби, и назадъ!» (Tenni, kribbi, nasat) и проч.

---

[1] Иначе Посадъ Марьинскій. О. Б.

[2] Кокшайскъ, прежде городъ, между устьями рѣкъ Большой и Малой Кокшагъ, впадающихъ въ Волгу, нынѣ Кокшайское казенное село, иначе Покровское. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Царево-Кокшайскомъ, на правомъ берегу рѣки Малой Кокшаги, нынѣ Уѣзднымъ городомъ съ 1781 года, основаннымъ во второй половинѣ XVI столѣтія (1574 г.). О. Б.

11 числа [3] утромъ, Волга, сдѣлавшаяся стремительнѣе въ своемъ теченіи, занесла насъ къ правому берегу, на косу, на которой мы и просидѣли нѣсколько часовъ. Сдѣсь я вышелъ съ Мандельсло на берегъ прогуляться въ кустарникѣ и поискать лѣсныхъ плодовъ; между тѣмъ вѣтеръ усилился, на кораблѣ натянули парусъ и поплыли дальше. Когда мы съ Мандельсло воротились къ берегу, то, не нашедши корабля, пробѣжали довольно порядочное разстояніе по берегу, въ догонку за нимъ, но корабля не догнали, а увидѣли лодку, плывшую къ намъ; сначала мы подумали, что то были Казаки, но оказалось, что лодка эта послана была съ корабля намъ на встрѣчу, и на ней-то мы догнали корабль, замедленный въ своемъ бѣгѣ вѣтромъ въ одномъ изгибѣ рѣки. Такъ какъ вѣтеръ все болѣе и болѣе крѣпчалъ, то сдѣсь корабль и остался на ночь.

12 числа мы попытались было провести корабль около мыса, съ помощью одного малаго якоря, но якорь этотъ зацѣпился за дерево, лежавшее на днѣ рѣки, отъ чего канатъ, на которомъ былъ брошенъ якорь, порвался а самый якорь остался на днѣ. Такіе случаи часто повторяются на Волгѣ вездѣ, по причинѣ множества деревьевъ, которыя полою водою срываются съ ея береговъ и погружаются на дно рѣки, и Русскіе говорятъ по этому, что въ Волгѣ такая бездна якорей, что на стоимость ихъ можно купить цѣлое Княжество. Случается иногда, совершенно неожиданно, вытаскивать такіе якори якоремъ же.

13 Августа, миновавши до обѣда два кабака и селеніе Вязовку (Wesofka), [4] п., пришли мы къ городу Свіяжску (Swiatzki), который лежитъ на правомъ берегу, на красивомъ по мѣстоположенію холмѣ, имѣетъ крѣпость, нѣсколько каменныхъ церквей и монастырей и окруженъ деревянной стѣной и башнями. Когда, поравнявшись съ городомъ, мы стали на якорь, по причинѣ встрѣтившейся намъ отмели, то жители города толпами высыпали на берегъ,

---

[3] Въ подлинникѣ значится 10, но это очевидно опечатка. Перев.

[4] Нынѣ Верхнія и Нижнія Вязовыя. О. Б.

и какъ между нами и берегомъ возвышался длинный песчаный холмъ, за которымъ они не могли видѣть насъ, то нѣкоторые изъ нихъ подъѣхали къ намъ на лодкахъ и челнахъ, а другіе просто бросились вплавь черезъ узкій проливъ рѣки между берегомъ и сказаннымъ холмомъ, чтобы посмотрѣть насъ и корабль нашъ. Отсюда до Казани, на разстояніи 20 верстъ, мы миновали множество бѣлыхъ мѣловыхъ и песчаныхъ горъ, лежащихъ на правомъ берегу. Къ вечеру прибыли мы къ городу Казани (Casan) и стали на якорь. Мы застали тамъ Персидскій и Черкаскій караванъ, который выѣхалъ изъ Москвы за нѣсколько дней передъ нашимъ оттуда отъѣздомъ. Въ караванѣ этомъ находился Персидскій купецъ, бывшій, какъ выше сказано, Посланникомъ въ Москвѣ; тамъ былъ также и Черкаскій Татарскій Принцъ, по имени Мусалъ (Mussal), изъ Терки (Terki), который, по смерти брата своего, получилъ владѣніе отъ Великаго Князя.

ГЛАВА VI.

О городѣ Казани и о томъ, какъ онъ подпалъ подъ владычество Москвитянъ.

Городъ Казань лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, въ 7-ми верстахъ отъ ея берега, въ ровномъ полѣ, на небольшомъ холмѣ, при р. Казанкѣ (Casanka), отъ которой городъ и вся окрестная страна получили свое названіе. Высоту полюса я нашелъ тамъ въ 55° 38'. Хотя городъ этотъ, также какъ и всѣ лежащіе на Волгѣ, окруженъ деревянною стѣною и башнями и самые дома въ немъ деревянные, но онъ довольно обширенъ и кремль его сильно защищенъ толстою каменною стѣною, орудіями и войскомъ. Великій Князь сажаетъ сдѣсь не только въ кремлѣ Воеводу, но и въ городѣ особаго Градоначальника, которые и управляютъ жителями и творятъ судъ надъ ними. Городъ заселенъ Русскими и Татарами, но кремль одними лишь Русскими, и ни одинъ Татаринъ не долженъ быть въ немъ, подъ опасеніемъ смертной казни.

Казанская страна, простирающаяся на лѣво до Волги, на сѣверъ до Сибири и на востокъ до владѣній Нагайскихъ Татаръ,

была нѣкогда Татарскимъ Царствомъ. Такъ какъ страна эта имѣла громадное населеніе и могла выставить въ поле до 60 тысячъ человѣкъ, то Татары вели съ Русскими тяжкія и кровавыя войны и иногда принуждали ихъ платить имъ дань, но наконецъ покорены были подъ Царское владычество. Когда и какъ это случилось, я хочу разсказать сдѣсь въ краткихъ словахъ, такъ какъ событіе это достойно замѣчанія.

Однажды Великій Князь Василій Ивановичъ (Vasili Ivanowitz), отецъ Грознаго, воюя съ Казанскими Татарами, разбилъ ихъ на голову, покорилъ ихъ и по своему усмотрѣнію поставилъ имъ Царя (Хана), по имени Шигъ-Алея (Scheale). Хотя и этотъ Ханъ былъ изъ Татаръ, но онъ былъ болѣе пріятенъ, преданъ и вѣренъ Великому Князю Московскому, чѣмъ Татарамъ. Кромѣ того и видомъ онъ былъ человѣкъ безобразный: съ длинными отвислыми ушами, большимъ чернымъ лицомъ, съ толстымъ брюхомъ, короткими ногами и громадными, отвратительными, ступнями; такому-то властителю должны были подчиняться Татары и платить подати. Это крайне ненравилось Казанскимъ Татарамъ; почему они тайно послали гонца къ Крымскимъ Татарамъ, съ жалобою на свое несчастное положеніе, на то, какъ они подпали подъ власть Великаго Князя и какъ ими правитъ теперь невѣрный отвратительный Ханъ (Царь); при чемъ просили, такъ какъ они (т. е., Крымскіе Татары) были одной Вѣры съ ними, Казанскими (именно Магометанской), то чтобы помогли имъ снять съ ихъ шеи ненавистное иго.

Вѣсть эта понравилась Татарскому Хану, Менгли-Гирею (Mendligeri); онъ поспѣшно собралъ многочисленное войско, пошелъ съ нимъ подъ Казань, взялъ этотъ городъ, прогналъ Шигъ-Алея, бѣжавшаго съ женою и сыномъ въ Москву, и посадилъ въ Казани Ханомъ брата своего, Саипъ-Гирея (Sapgeri).

Одержавъ такую побѣду, Татары ободрились, пошли далѣе на Великаго Князя въ Москву съ своимъ войскомъ, которое усилилось еще вновь прибывшимъ изъ Крыма народомъ, разграбили и опустошили всѣ города и селенія, черезъ которыя они проходили. Видя это, Великій Князь, хотя и собралъ порядочное вой-

ско, какое только могъ собрать на скорую руку, и послалъ его противъ Татаръ, приказавъ ему вступить въ битву при р. Окѣ; но это Русское войско, отправившись противъ непріятеля, скоро бѣжало обратно въ Москву, преслѣдуемое Татарами, которые за тѣмъ взяли Москву и осадили Кремль (Kremelina), оставленный Великимъ Княземъ, бѣжавшимъ въ Великій Новгородъ. Русскіе, впрочемъ, держались въ Кремлѣ, храбро сопротивлялись, а иногда высылали непріятелю и подарки. Видя это сопротивленіе Русскихъ и полагая, что взятіемъ Кремля дѣло можетъ затянуться на долго, Татарскій Ханъ рѣшился заключить съ ними договоръ, принялъ дары ихъ, а они, въ свою очередь, должны были согласиться на то, чтобы Великій Князь ихъ, за своею подписью и печатью, обязался быть подданнымъ его, Татарина, и платить ему ежегодную дань; на этомъ условіи онъ оставитъ Россію и освободитъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ было множество. Хотя сначала Великій Князь и не хотѣлъ было согласиться на такой постыдный договоръ, но, въ своемъ несчастіи, долженъ былъ уступить и дать на него свое слово.

За тѣмъ Менгли-Гирей, во свѣдѣтельство того, что Государемъ на Москвѣ былъ онъ, Татаринъ, приказалъ поставить свое изображеніе, передъ которымъ Великій Князь долженъ былъ кланяться до земли всякій разъ, когда пріѣзжали Крымскіе Посланники взимать ежегодную дань.

Послѣ этого Саипъ-Гирей отправился въ Казань и началъ править тамъ; старшій же, царствующій въ Крыму, Князь пошелъ съ своимъ войскомъ на Рязань, осадилъ тамошній кремль и послалъ объявить Воеводѣ, Ивану Хабару (Ivan Kowar), [1] что Великій Князь сдѣлался его, Менгли-Гирея, подданнымъ, и по тому онъ, Воевода, безъ всякаго дальнѣйшаго толкованія и размышленія долженъ сдать ему кремль; но Воевода отвѣчалъ, что извѣстіе это кажется ему весьма страннымъ, и онъ не можетъ пред-

[1] Извѣстный Бояринъ и Воевода Иванъ Образцовъ-Симскій Хабаръ, избавившій Рязань отъ Крымскаго Хана, Магметъ-Гирея, 1521 г. О. Б.

ставить себѣ, чтобы дѣло это было такъ, какъ говоритъ Менгли-Гирей; но что если бъ онъ имѣлъ какое ни будь болѣе убѣдительное доказательство справедливости словъ Хана, то толковать и противиться долго не сталъ бы. Въ слѣдствіе этого Татаринъ послалъ въ кремль, съ нѣсколькими изъ своихъ воинскихъ начальниковъ, письменное обязательство Великаго Князя въ подлинникѣ, для предъявленія его Воеводѣ; но Воевода задержалъ посланныхъ и сказанное обязательство Великаго Князя, и рѣшилъ защищаться до послѣдней капли крови. При Воеводѣ былъ одинъ опытный Италіянскій артиллеристъ, Іоаннъ Іорданъ (Jordan), тотъ самый, котораго жена просила, чтобы онъ билъ ее, изъ любви къ ней, какъ разсказано это мною выше. Съ помощію этого-то артиллериста Воевода столь храбро и успѣшно защищался, что побилъ и уничтожилъ стрѣлами, ружьями и пушками, бездну людей у непріятеля, и одно ядро такъ быстро пролетѣло мимо самого Менгли-Гирея, что оторвало клокъ его кафтана. Это устрашило до того, что онъ ни чего болѣе уже не требовалъ, какъ только возвращенія ему обязательства Великаго Князя. Когда же и въ этомъ требованіи ему было на отрѣзъ отказано, то онъ оставилъ осаду и возвратился домой. Послѣ этого Воевода Рязанскій отослалъ къ Великому Князю сказанное обязательство его, отъ чего въ Москвѣ была великая радость, ликованіе, а изображеніе Менгли-Гирея низвергнуто, разбито и потоптано ногами. Вскорѣ за тѣмъ Великій Князь собралъ и послалъ въ поле 25 тысячъ войска, объявилъ Казанскому Хану, Саипъ-Гирею, открытую войну, приказавъ сказать ему, что онъ, Саипъ-Гирей, и братъ его вторглись въ его Государство какъ воры и разбойники, внезапно; теперь же онъ, Государь и Самодержецъ всея Руси, идетъ, какъ честный воинъ, открыто извѣщаетъ его о своемъ къ нему прибытіи и объявляетъ ему при этомъ войну. Когда Татарскій Князь далъ на это дерзкій и ругательскій отвѣтъ, то Великій Князь чрезвычайно поспѣшно двинулся и подступилъ къ городу Казани со всѣмъ своимъ войскомъ; но сдѣсь хотя Русскіе причинили много вреда Татарамъ, но кремля взять не смогли; по чему, не покончивъ дѣла, отступили назадъ, ограничившись тѣмъ, что снабдили Нижній Новгородъ постояннымъ сильнымъ гарнизономъ, для защиты отъ нападенія Татаръ. Въ остальное время жизни Вели-

каго Князя, послѣ этого, въ дѣлѣ съ Татарами ни чего болѣе особеннаго не предпринималось.

Когда же, по смерти Василія Ивановича, на престолъ вступилъ сынъ его, Иванъ Васильевичъ Грозный, то этотъ послѣдній не хотѣлъ оставить безъ отмщенія оскорбленія, понесеннаго Русскими отъ Татаръ; съ великою воинскою ратью, въ которой находилось и много иностранцевъ, особенно Нѣмецкихъ воиновъ, онъ осадилъ Казань, гдѣ обѣ стороны жестоко бились другъ съ другомъ и выдержали много кровавыхъ сраженій. Послѣ восьминедѣльной осады, Великій Князь, опасаясь, что если замедлится еще осада на долгое время, то можетъ подняться и Крымскій Татаринъ и прибудетъ на помощь къ своему брату, предложилъ осажденнымъ довольно сносный миръ; когда же осажденные отвергли предложеніе Великаго Князя, то онъ немедленно велѣлъ сдѣлать подкопы подъ городскую стѣну и валъ и взорвать ихъ на воздухъ; мѣра эта поразила, изумила, устрашила Татаръ и была причиною ихъ гибели. Такъ, когда подкопы приведены были въ исполненіе, сообразно съ намѣреніями осаждающихъ, то взрывомъ не только открыты были стѣны и валъ, но перебито и переранено множество Татаръ; въ то же время Русскіе устремились на приступъ, ворвались въ кремль, хотя и не безъ потери многихъ людей; ибо они должны были пробиваться туда въ двухъ мѣстахъ, куда устремились и Татары и оказывали имъ сильное сопротивленіе. Наконецъ, когда Татары увидѣли, что ихъ одолѣли и что главные ихъ вожди пали мертвые, то рѣшились не держаться долѣе, бросились въ ворота, лежащія на востокъ, пробились сквозь ряды Русскихъ, перебрались черезъ рѣку Казанку, и разсѣянные обратились въ бѣгство. Случилось это 9-го Іюля, 1552 году по Р. Х. Поссевинъ же полагаетъ въ 53 году. [2]

Послѣ этого Великій Князь возобновилъ кремль, укрѣпилъ его еще болѣе крѣпкою каменною стѣною, башнями, щитами и широкимъ рвомъ въ видѣ четырехъугольника, прогналъ остававшихся Татаръ и заселилъ кремль и городъ Русскими, которыхъ выписалъ сюда изъ разныхъ мѣстъ. Татарамъ же сми-

---

[2] Казань взята, какъ извѣстно, 2-го Октября, 1552 года. О. Б.

рившимся дозволено было жить отдѣльно и сохранить свою Вѣру. Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ Грозный покорилъ подъ Русское владычество цѣлое Казанское Царство. Позднѣе, когда, бывало, этотъ Царь захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказывалъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани.

Воеводою въ Казани въ наше время былъ братъ Воеводы Нижегородскаго; ему также, какъ и другимъ, Посланники наши подарили прекрасный перстень съ большимъ рубиномъ.

Узнавъ, что 15-е Августа корабль нашъ цѣлый день простоитъ на якорѣ, я съ Мандельсло пошелъ въ городъ посмотрѣть его, записать, что придется, и купить, что понравится. Но на базарѣ мы ни чего не нашли, кромѣ разныхъ плодовъ, продававшихся тамъ во множествѣ, особенно дынь, которыя величиною были не менѣе тыквы, и соленой, давнишней гнилой рыбы, которая издавала такую вонь, что мы не могли итти мимо, не зажавши носа. Между тѣмъ на кораблѣ, Посланикъ Бругманъ разгнѣвался на насъ, что мы пошли въ городъ, приказалъ поднять якорь, и корабль пустился дальше. Когда жители Казани, ходившіе на берегъ посмотрѣть на корабль, встрѣтили насъ на обратномъ пути изъ города и объявили намъ, что Посланники уже отплыли, мы тотчасъ нашли двѣ телѣги, поѣхали берегомъ возможно скорѣе, и ѣхали такъ до тѣхъ поръ, пока не догнали лодки нашего Пристава, на которую мы пересѣли и вечеромъ доплыли до корабля, который остановился въ двухъ миляхъ за Казанью, на ночную стоянку.

ГЛАВА VII.

Путь до города Самары.

Отъ Нижняго до Казани Волга течетъ большею частію на востокъ и юго-востокъ, но далѣе до Астрахани и до впаденія въ Каспійское море она течетъ вообще на югъ. Далѣе Казани, по Волгѣ, хотя много плодородныхъ мѣстъ, но, по причинѣ раз-

сѣянныхъ повсюду здѣсь Казаковъ (Cosaken) и разбойниковъ, встрѣчается очень мало селеній и жителей.

15-го Августа, съ теченіемъ рѣки, которое было здѣсь весьма быстро, по тому что Волга шла въ болѣе узкихъ берегахъ, мы неслись очень скоро и за селеніемъ Ключища (Klitzischa), въ 26 верстахъ за Казанью, попали на отмель, черезъ которую перебрались съ большимъ трудомъ. Только что сдвинулись съ мели, какъ маленькій якорь нашъ въ другой разъ засѣлъ на днѣ такъ крѣпко, что цѣлое послѣобѣденное время, не смотря на всѣ наши старанія отцѣпить его, не смогли этого сдѣлать, по чему и остались тамъ на ночь. На слѣдующій день, до обѣда, мы опять возились за освобожденіемъ якоря, сбросили для этого и большой якорь, при чемъ отъ обоихъ якорей порвались канаты, и мы съ большимъ трудомъ успѣли только отыскать и поднять опять большой якорь; маленькій же такъ крѣпко засѣлъ, что добыть его оказалось не возможнымъ, по чему мы оставили его на днѣ и пустились далѣе.

Вскорѣ за тѣмъ мы достигли до кабака Теньковскаго (Tenkoffski), [1] п., въ 30 верстахъ отъ Казани; за этѣмъ кабакомъ идетъ опять мель, а черезъ полъ мили далѣе другая, у кабака Кешовскаго (Keschoffska), п., черезъ которую мы должны были волочить корабль.

17-го числа мы засѣли на большой, весьма извѣстной главной мели, называемой Теньковскою, отъ вчерашняго, давнишняго здѣсь кабака, и провозились тутъ нѣсколько часовъ, таща черезъ нее корабль нашъ. Здѣсь рѣка идетъ нѣсколько шире и вездѣ мелка. Вскорѣ за тѣмъ мы плыли мимо превысокаго пустаго берега на правой сторонѣ, отъ котораго, мѣсяцъ тому назадъ, обрушилась громадная глыба земли, и обваломъ своимъ затопила лодку, полную людьми, плывшими къ берегу за вишнями, которыхъ бездна растетъ въ этомъ краѣ; несчастные люди этѣ погибли при этомъ, ушибенные обваломъ и потонувшіе. Нашъ

---

[1] Нынѣ село Теньки или Троицкое. О. Б.

новый лоцманъ, котораго мы встрѣтили передъ Казанью еще, на пути его изъ Астрахани, и котораго мы наняли себѣ, для сопровожденія насъ назадъ въ Астрахань, разсказывалъ намъ, что когда онъ ѣхалъ тутъ, нѣсколько времени тому назадъ, то ему на встрѣчу попадалось и плыло по рѣкѣ много мертвыхъ тѣлъ, мужчинъ и женщинъ, погибшихъ отъ сказаннаго обвала.

Въ этой мѣстности, и при томъ больше нигдѣ, мы видѣли множество вязовыхъ деревъ, высоко и чрезвычайно красиво растущихъ на берегу и на спускахъ его къ рѣкѣ. Въ этотъ же день, на правомъ берегу, мы нашли и много льду, которымъ освѣжили наши напитки.

Къ вечеру мы доплыли до большой рѣки Камы (Kama), л., текущей въ 60-ти верстахъ отъ Казани, съ сѣверо востока, берущей начало свое въ Пермской (Permia) области и впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Это довольно широкая рѣка, почти такая же, какъ Везеръ въ Германіи, и вода въ ней темноватая. О ней Павелъ Флемингъ написалъ сонетъ (находящійся въ собраніи сонетовъ его, на страницѣ 582); [2] близъ устья лежатъ два островка, изъ которыхъ большій называется Соколъ (Sokol); противъ него, на берегу, лежитъ селеніе Паганщина (Pagantzina), л., а черезъ 3 версты далѣе внизъ, другое, Каратаи (Korotai). Въ 10 верстахъ отъ Камы еще селеніе Киріеска (Kirieska), [3] при которомъ мы стали на ночлегъ.

18-го числа плаваніе наше, на парусахъ, шло довольно быстро и къ полудню мы достигли до рѣчки Чертыка (Zerdik), на лѣвой сторонѣ, которая, отдѣлившись отъ Камы рукавомъ, течетъ нѣсколько верстъ по окрестной странѣ и сдѣсь, въ 30 верстахъ отъ устья Камы, впадаетъ въ Волгу. Около полудня увидѣли мы городъ Тетюши (Tetus), который лежитъ во 120

---

[2] Въ подлинникѣ, на стр. 352, помѣщенъ этотъ Сонетъ, но переводить его считаемъ излишнимъ. Перев.

[3] Кирельское, иначе Воскресенское, Туба? О. Б.

верстахъ отъ Казани на правомъ, высокомъ берегу и горѣ, по которой разсыпаны дома и церкви, все деревянныя; вмѣсто стѣны городъ окруженъ частоколомъ. Отъ этого мѣста до конца Волги уже не встрѣчается болѣе ни одного селенія. Послѣ обѣда достигли мы до острова Пролей-каши (Prolei-Karsa), п., получившаго такое названіе отъ того, что однажды нѣсколько слугъ убили на немъ своего господина и засыпали крупой. [4] За этѣмъ островомъ повстрѣчали мы Воеводу города Терки, плывшаго на 8-ми судахъ; его потребовали въ Москву послѣ трехлѣтняго его управленія, какъ это обыкновенно бываетъ у Русскихъ, и плылъ онъ въ сопровожденіи сильной охранной стражи. Одно судно съ стрѣльцами, шедшее впереди, приблизилось къ нашему кораблю, посмотрѣть на него. Но какъ мы сначала не знали, что это за народъ и можно ли было довѣрять ему, то съ корабля имъ закричали, чтобы они не подплывали близко, иначе по нимъ станутъ стрѣлять. Они сообщили намъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ насъ поджидаютъ до 3000 Казаковъ, отдѣльными частями, нѣкоторые на Волгѣ, а другіе на Каспійскомъ морѣ, и что недалеко еще отсюда они видѣли на берегу до 70 всадниковъ, которые, безъ сомнѣнія, были лазутчиками; что, вѣроятно, Казаки этѣ были посланы за тѣмъ, чтобы напасть на насъ, и подобное тому. Мы привѣтствовали Воеводу выстрѣломъ изъ пушки, поплыли далѣе и достигли до рѣчки Утки (Utka), л., въ 25-ти верстахъ отъ Тетюшъ, протекающей сюда изъ подъ города Булгара (Bulgara). [5] Въ этотъ день мы сдѣлали 77 верстъ. Въ наступившую за тѣмъ ночь Посланники вздумали сдѣлать испытаніе, какъ заявитъ себя экипажъ, когда представится случай и нужно будетъ вступить въ сраженіе, для

---

[4] Конечно, Karsa тутъ вм. каса или каша, по Чувашски деревня, слово, которое слышится въ концѣ многихъ названій Чувашскихъ поселковъ: Ой-касы, Алгу-касы и т. п. О. Б.

[5] Теперь въ Спасскомъ Уѣздѣ казенная деревня Успенское, при истокѣ Симанскомъ, р. Болгаркѣ и Моховомъ болотѣ, въ 22 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ населеніемъ около 2,000 душъ обоего пола; въ немъ Православная церковь, почтовая станція и развалины тамъ и сямъ древней столицы Волжскихъ Булгаръ. О. Б.

новый лоцманъ, котораго мы встрѣтили пере... ...ю, на пути его изъ Астрахани, и котораго мы ... ...зали сопровожденія насъ назадъ въ Астрахань, ...лили что когда онъ ѣхалъ тутъ, нѣсколько вр... ...экиему на встрѣчу попадалось и плыло ... ...ждаго тѣлъ, мужчинъ и женщинъ, погибшу... ... По- ...пути, о

Въ этой мѣстности, и при ... множество вязовыхъ деревъ, ...ющаго въ растущихъ на берегу и на ст... ... За этѣмъ день, на правомъ берегу, ...круглыми освѣжили наши напитки. ... ...рдыми, та- ...ить этѣ кам-

Къ вечеру мы до... ...бразныя фи- кущей въ 60-ти вер... ...и желтаго цвѣта, начало свое въ П... ...рали себѣ порядочный за- съ лѣвой сторо... ...менія ихъ въ нашихъ каменныхъ какъ Везеръ ... Павелъ Ф... сонетовъ ... ...мы достигли до зеленой, прекрасной площадки, на островѣ ... нѣкогда находился Татарскій городъ Унеровская Гора, прот... (Unerolska gora): сдѣсь погребенъ одинъ знатный Татаринъ, кото- ... Татары считаютъ за Святаго, и къ гробу его и теперь еще ...ходятъ на поклоненіе окрестъ живущіе Татары. Мѣсто это отъ Тетюшъ лежитъ въ 65 верстахъ. Только что миновали мы это мѣсто, какъ примѣтили на высокомъ берегу, между деревьями, двухъ всадниковъ, по чему тотчасъ же послали сторожевого вверхъ, на марсъ (Mastkorb), осмотрѣть оттуда высокій берегъ; но уже ни двухъ замѣченныхъ, и ни кого другого, видно не было.

20-го Августа утромъ взошли къ намъ на корабль нѣсколько рыбаковъ, жители Тетюшъ, ловившіе сдѣсь рыбу; они продали намъ 55 большихъ жирныхъ лещей за 50 копѣекъ или за 1 рейхсталеръ. Этѣ рыбаки такъ честны, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ взять 5-ти копѣекъ, излишне ему данныхъ, пока не упросили его наконецъ взять ихъ. Способъ ловить рыбу у нихъ, между прочимъ, и такой: на длинный шнуръ привязывается боль-

шой камень, который и опускается въ воду, на дно; за тѣмъ другой конецъ шнура привязываютъ къ нѣсколькимъ широкимъ кускамъ дерева, соединеннымъ вмѣстѣ, которые плаваютъ по водѣ; вдоль шнура прикрѣпляются удочки, на которыя насаживаются рыбы порядочной величины. На такую приманку рыбаки этѣ ловятъ крупную рыбу, величиною въ 4, 5 и въ 6 локтей, называемую бѣлугой, у которой бѣлое, сладкое и превкусное мясо. Одну такую рыбу принесли рыбаки, въ другомъ мѣстѣ, на возвратномъ пути, на судно Посланника Крузе, и продали за 1 рубль или за 2 рейхсталера. Ее ѣли тогда всѣ, бывшіе на кораблѣ, и остатковъ ея еще посолили цѣлый боченокъ.

Русскіе, разъѣзжающіе по дѣламъ своимъ на Волгѣ изъ города въ городъ, ловятъ на пути рыбу еще слѣдующимъ образомъ: къ удочкѣ, на тонкомъ шнурѣ, прицѣпляютъ желѣзную, хорошо выполированную, пластинку, величиною въ ладонь и поменьше и видомъ похожую на рыбу, и пускаютъ такую удочку въ воду, чтобъ она волочилась въ ней за судномъ. Когда удочка потащится такимъ образомъ въ водѣ, то пластинка, по широтѣ своей, начнетъ вертѣться туда и сюда и своимъ блескомъ дѣлается похожею на играющую въ водѣ рыбу, которую и хватаетъ крупная рыба. Этѣмъ способомъ Русскіе во время пути налавливаютъ рыбы гораздо болѣе, чѣмъ сколько смогутъ съѣсть ея; ибо вообще Волга очень богата всякого рода рыбою. Такимъ образомъ, если у Русскихъ есть только хлѣбъ, то путевое продовольствіе они находятъ по дорогѣ; ибо, соблюдая множество постовъ, какъ замѣчено было выше, они ѣдятъ больше рыбу, чѣмъ говядину, а пить привыкли воду.

Сдѣсь мы бросили наше плоскодонное судно, взятое нами изъ Нижняго, для помѣщенія въ немъ запасовъ продовольствія, такъ какъ всѣ бывшіе въ немъ запасы были уже выгружены изъ него; но для того, чтобы имъ не могли воспользоваться Казаки, мы зажгли его и пустили плыть на волю. Въ полдень мы миновали островъ Ботемскій (Botenska), л., въ длину 30 верстъ и лежащій противъ мыса твердой земли, называемаго Поливно (Polibno). Такъ какъ поднялся сильный, противный намъ, вѣтеръ, то мы стали на якорь за симъ мысомъ, у рѣчки Ботьмы (Beit-

ma), л., которая есть также рукавъ большой рѣки Камы, и заночевали тамъ.

21-го числа мы оставили за собой, съ правой отъ насъ стороны, два прекрасныхъ на видъ мѣста, на которыхъ нѣкогда стояли города, и дальнѣйшій изъ нихъ назывался Симбирская Гора (Simberska gora). Этотъ городъ разрушенъ былъ Тамерланомъ. 22 мы переплыли черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ (Arbuchim), лежащей на правомъ берегу. Гора эта удержала имя свое отъ города, который когда-то находился на ней. Сдѣсь съ рѣки видѣнъ выдающійся на берегу, между двухъ холмовъ, большой камень, длиною въ 10 локтей и вышиною нѣсколько ниже этой мѣры. На одной сторонѣ этого камня высѣчена слѣдующая подпись:

«Поднимеши ты мя, добро тобѣ будетъ.»

Однажды Русскій стругъ долженъ былъ стать въ этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, и 50 человѣкъ, прочитавши надпись на камнѣ, и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ни чего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня:

«Что ищешь? Ни чево не положено.» *

---

* Въ подлинникѣ обѣ сіи надписи и по Русски напечатаны; подъ каждой же изъ нихъ сперва стоитъ тоже самое Латинскими буквами списано, а за тѣмъ и Нѣмецкій переводъ. Именно,

1 надпись:

Бyде ти (ши) ма добро тоба бyдет.
Budesch timae, dobro tobae budet.

2 надпись:

Yсто ише нецебо положе.
Tsto isches netzebo polosschen. О. Б.

Въ этой мѣстности страна на правомъ берегу уже не такъ высока, безъ кустовъ, и представляетъ прекрасную, жирную почву. На ней вездѣ растетъ сочная, высокая трава, остающаяся, впрочемъ, безъ употребленія, и самая мѣстность необитаема. Тамъ и сямъ виднѣются признаки и слѣды бывшихъ когда-то тутъ городовъ и селъ, которые всѣ были разрушены и опустошены нашествіемъ Тамерлана.

23-го числа, у рѣчки Атробы (Atrobe), л., насъ опять принялъ сильный вѣтеръ, такъ что мы должны были стать на якорь. Сдѣсь высота полюса была 53° 48'. Послѣ обѣда, когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, мы попытались было плыть далѣе, рѣясь, но въ продолженіи 5-ти часовъ сдѣлали едва полмили.

24-го числа мы дважды были загоняемы противнымъ вѣтромъ на отмель, что опять отняло у насъ большую часть дня. Въ этотъ день, равно какъ и во все это время, мелководье и вѣтеръ весьма задерживали насъ въ нашемъ плаваніи; ибо, когда случалось, что дулъ попутный вѣтеръ, то мы засядемъ на мель; если жь попадалось глубокое и удобное мѣсто, то начинался противный вѣтеръ, и мы должны были уклоняться отъ него туда и сюда и дѣлать безпрестанные извороты. Послѣдующіе 4 дня постоянно вѣтеръ начиналъ дуть супротивъ съ 9-ти часовъ утра, и стихалъ только къ 5-ти часамъ вечера, такъ что по этому самое лучшее время мы принуждены были либо стоять на одномъ мѣстѣ, либо же продвигаться по немногу, съ великимъ трудомъ и работою. Все это нагоняло на насъ дурное настроеніе и уныніе, особенно когда мы подумывали о предстоящемъ еще далекомъ пути и о краткости остающагося лѣтняго времени. Посольская прислуга также была утомлена и раздражена постоянной работой; ибо тѣ, которые назначались въ ночной караулъ, вмѣстѣ съ воинами (такихъ было постоянно по 20 человѣкъ), тѣже самые и днемъ должны были работать вмѣстѣ съ Русскими веслами, или воротомъ, при чемъ продовольствіе ихъ большею частію состояло изъ черстваго хлѣба, копченаго, или соленаго, мяса и воды; о томъ, какія тягости и неудовольствія причинялъ всѣмъ Посланникъ Бругманъ, распространяться сдѣсь было бы излишне. Такимъ образомъ заботы, труды и непріятности были ежедневными нашими завтраками и ужинами.

25-го числа прибыли мы къ одной Соленой горѣ (Saltzberge), п., гдѣ находятся хижины Русскихъ, въ которыхъ они варятъ соль, добываемую ими изъ лежащихъ вокругъ соляныхъ копей. Соль эту, обращаемую дѣйствіемъ солнечной теплоты въ куски и высушиваемую, Русскіе отправляютъ по Волгѣ вверхъ и въ Москву, въ громадномъ количествѣ.

Сдѣсь лежитъ также островъ Костовата (Kostowata), [7] при которомъ Волга, по низменности обоихъ береговъ своихъ, разливается весьма широко. Вскорѣ за тѣмъ на правомъ берегу встрѣчается гора, при которой отъ Волги отдѣляется рѣчка, или скорѣе ручей, который, въ 60-ти верстахъ за Самарой, снова впадаетъ въ Волгу и называется Уса (Ussa). Рѣка эта, своимъ густымъ, тѣнистымъ кустарникомъ, которымъ одѣты оба ея берега, представляетъ весьма пріятную, но для путешественниковъ, по удобству для разбоевъ, и весьма опасную мѣстность, особенно по тому, что тамъ есть и высокія горы, въ которыхъ разбойники издали могутъ замѣтить путника и приготовиться къ нападенію. На этой рѣкѣ обыкновенно держатся Казаки. Въ прошломъ году они захватили сдѣсь цѣлое судно, со всѣмъ добромъ, принадлежащее богатѣйшему Нижегородскому купцу. Передъ рѣкою этой мы имѣли воду, глубиною въ 60 футовъ. Въ недальнемъ разстояніи за тѣмъ лежитъ гора, называемая Дѣвичьей горою (Diwiza gora), около которой Волга имѣетъ почти одинаковую глубину и течетъ въ очень узкихъ берегахъ. Подошва горы лежитъ у самой рѣки, на правой сторонѣ, представляетъ весьма высокой обрывъ берега и вся гора имѣетъ видъ чрезвычайно пріятный; она идетъ отдѣльными уступами, вызвышающимися другъ надъ другомъ, будьто лавки, изъ красныхъ, желтыхъ и синихъ песчаныхъ камней, старыя стѣны, или развалины, на которыхъ какъ бы нарочно разсажены въ извѣстномъ порядкѣ еловыя деревья. То, что Русскіе разсказывали намъ про эту гору, заключается въ слѣдующемъ сонетѣ Павла Флеминга. [8]

---

[7] Костычи? О. Б.

[8] Переводить самый сонетъ считаемъ излишнимъ; въ немъ говорится только то, что на этой Дѣвичьей горѣ жили когда-то одинъ разумный Карло и одна дѣви-

Въ концѣ этой горы поднимается новый горный хребетъ, который и тянется внизъ, вмѣстѣ съ рѣкою, на нѣсколько миль. Долина, лежащая между этѣми двумя горами, называется Яблочный квасъ (Jabloneu quas), по тому что тамъ падаетъ множество дико растущихъ яблокъ, изъ которыхъ дѣлается извѣстный напитокъ, квасъ.

Сдѣсь мы вторично получили почту, посланную намъ изъ Москвы нашимъ Повѣреннымъ; въ ней нашли мы и письма изъ Нижняго, извѣщавшія насъ, что на кораблѣ у насъ четыре человѣка изъ Русскихъ рабочихъ и гребцовъ были чистые Казаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ увѣдомляли, что отъ 200 до 300 Казаковъ собрались и поджидаютъ насъ для нападенія въ извѣстномъ мѣстѣ. Извѣстія этѣ, хотя и до нихъ мы принимали надлежащія предосторожности, сдѣлали насъ еще болѣе осторожными.

Такъ вечеромъ, въ сумерки, увидавши на правомъ берегу два большихъ разложенныхъ огня, мы подумали, что то были Казаки, по чему тотчасъ же послали лодку нашего Пристава съ нѣсколькими солдатами, поразвѣдать, кто это такіе. Когда этѣ посланные, не доплывъ немного до берега, дали знать о себѣ тремя выстрѣлами, то съ земли имъ отвѣчали также 3-мя выстрѣлами и объявили, что они были стрѣльцы, принадлежавшіе къ провожавшей стражѣ Персидскаго каравана. Между тѣмъ, когда посланны нами солдатые позамѣшкались нѣсколько на берегу съ полученнымъ ими свѣдѣніемъ, то Посланнику показалось это подозрительнымъ; по чему когда они, возвращаясь назадъ, были отъ корабля на пистолетный выстрѣлъ и отвѣчали на вопросы Бругмана, но такъ, что по причинѣ вѣтра, отвѣты ихъ не совсѣмъ ясно были слышны, то Посланникъ хотѣлъ было уже стрѣлять изъ большой пушки въ находившихся на берегу Русскихъ; однако былъ остановленъ отъ этого Посланникомъ Крузе, поста-

---

ца, изъ рода великановъ, отъ чего гора и нынѣ еще называется Дѣвичьей; что хотя память о дѣяніяхъ этой дѣвицы унесло съ собою предающее все забвенію время, тѣмъ не менѣе самое мѣсто своимъ дикимъ величіемъ внушаетъ путнику уваженіе и почти страхъ.

вившимъ ему на видъ, что мы можемъ вступать въ битву не иначе, какъ только защищая себя.

26-го числа, ночью, на небольшой лодкѣ и совершенно тихо подплыли весьма близко къ нашему кораблю какіе-то два человѣка, которые, будучи замѣчены нашимъ часовымъ, по требованію нашему причалили къ намъ и взошли на корабль. Люди этѣ хотя и говорили, что они рыбаки и что плыли близко насъ, по тому что обыкновенно, бывало, ходятъ, днемъ и ночью, близко судовъ своихъ братьевъ Русскихъ безъ всякаго умысла; но такъ какъ намъ разсказывали, что тоже самое продѣлываютъ и разбойники, которые въ подобныхъ случаяхъ обрѣзываютъ якорные канаты, и какъ спрошенные порознь сказанные два человѣка разнорѣчили въ нѣкоторыхъ своихъ показаніяхъ (одинъ говорилъ, что на островѣ подъ городомъ Саратовымъ насъ поджидаютъ будьто бы 500 Казаковъ, другой же отрицалъ это показаніе), то на ночь ихъ задержали и сторожили на кораблѣ, а въ слѣдующее утро отослали съ нашимъ Приставомъ впередъ, въ городъ Самару, лежавшій уже недалеко впереди насъ.

27-го числа, мы увидали на лѣвой сторонѣ, недалеко отъ берега, круглую, голую, песчаную гору, лежащую на совершенно гладкой равнинѣ и называемую Русскими Царевъ Курганъ (Sariol Kurgan). [9] Намъ разсказывали, что подъ этой горой погребенъ одинъ Татарскій Князь, по имени Момаонъ (Momaon), [10] который съ 7-ю Татарскими Царями плылъ вверхъ по Волгѣ и хотѣлъ пройти и покорить всю Россію, но сдѣсь умеръ и похороненъ, и будьто бы воины его, которыхъ было несчетное множество, сносили сюда на его могилу землю шапками и щитами, и отъ того образовалась гора. Извѣстіе это, вмѣстѣ съ прекраснымъ возваніемъ (Epiphonema), Павелъ Флеменгъ помѣстилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи. [11]

---

[9] Нынѣ Царева Кургана. О. Б.

[10] Мамай? О. Б.

[11] Стихотвореніе это, приведенное въ подлинникѣ, переводить считаемъ излишнимъ. Перев.

Черезъ милю послѣ этой горы, на той же лѣвой сторонѣ, начинается другая гора Сонобей (Soccobei)[12] и тянется цѣлыя 15 верстъ, до Самары; гора эта высока, скалиста и покрыта густымъ кустарникомъ. На половинѣ этой горы, почти въ 8 верстахъ отъ города, идетъ широкая, бѣлая скала, а на ней большая голая площадь, передъ нею же, среди Волги, находится нечистое, или скалистое, дно, котораго Русскіе очень боятся. Когда мы въ полдень приблизились къ этому мѣсту, то начался такой сильный, противный вѣтеръ, что мы принуждены были бросить якорь и простоять здѣсь до вечера. Пока мы стояли, на одинъ изъ якорей, которые висѣли за краемъ до самой воды, пробрались двѣ краснопятнастыя змѣи, которыя за тѣмъ всползли по якорю и по канату и на корабль. Когда Русскіе гребцы наши увидѣли этѣхъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что не слѣдуетъ трогать, но надо, напротивъ, беречь и кормить ихъ; что это вовсе не злыя и не ядовитыя, но добрая порода змѣй, которыя будто бы предвѣщаютъ, что Св. Николай пошлетъ имъ попутный вѣтеръ, и тѣмъ избавитъ ихъ отъ гребли и работы на извѣстное время.

ГЛАВА VIII.

Плаваніе отъ Самары до Астрахани.

28 Августа, раннимъ утромъ, пустились мы дальше и еще передъ восходомъ солнца приблизились къ городу Самарѣ (Samara), которая находится въ 350 верстахъ отъ Казани. Самара лежитъ на лѣвомъ берегу, въ 2 верстахъ отъ Волги, построена четырехъугольникомъ и имѣетъ нѣсколько, хотя немного, впрочемъ, каменныхъ церквей и монастырей. Имя свое городъ получилъ отъ рѣки Самары, которая однимъ рукавомъ, называемымъ: сынъ Самары

---

[12] Это, такъ называемыя, горы Соковскія, при устьѣ рѣки Сока, и вѣтвь ихъ Сокольи горы, вдоль Волжскаго берега до впаденія Сока въ Волгу, противъ села Царевщины. О. Б.

66

(Sin Samar), изливается въ Волгу, въ 3 верстахъ ниже города; главнымъ же теченіемъ своимъ Самара впадаетъ въ Волгу гораздо ниже, именно 30 верстъ далѣе.

Мы желали простоять нѣсколько у города, чтобы узнать, что показали еще наши двое плѣнныхъ, посланные впередъ съ нашимъ Приставомъ; но такъ какъ намъ былъ очень дорогъ дувшій тогда благопріятный вѣтеръ, то мы распустили паруса и тронулись далѣе. И въ этотъ день мы плыли такъ быстро, какъ никогда прежде, и именно къ вечеру достигли до Казацкой горы, до которой отъ Самары считается 115 верстъ, и стали сдѣсь на якорь. Такимъ образомъ какъ бы начинало сбываться вчерашнее предсказаніе Русскихъ о попутномъ вѣтрѣ.

За Самарой съ правой стороны опять поднимается горный хребетъ, хотя и не такъ высокій, какъ прежній. Первая гора простирается на 30 верстъ, до впаденія въ Волгу рѣки Самары, противъ которой, съ правой стороны, впадаетъ въ Волгу и другая рѣка Аскула (Ascula). [1] Сдѣсь Волга шириной въ 3 версты. За тѣмъ слѣдуетъ гора Печерская (Petscherski), скалистая, покрытая отдѣльными кустарниками, и тянется эта гора внизъ цѣлыя 40 верстъ. [2] За сто верстъ за Самарой, посреди Волги, лежитъ островъ Батракъ (Batrach), [3] длиною въ 3 версты; въ 10 верстахъ отъ него другой островъ Лопатинъ (Lopatin), длиною въ 5 верстъ. Сдѣсь, съ правой стороны, впадаетъ въ Волгу рѣчка Сызрань (Sisran). За тѣмъ мы миновали нѣсколько малыхъ острововъ, лежавшихъ посреди рѣки, и позднимъ вечеромъ прибыли къ Козацкой горѣ, гдѣ и остановились.

---

[1] Гдѣ теперь владѣльческое село Аскула при колодцахъ? О. Б.

[2] Противъ удѣльнаго села Печерскаго Николаевскаго? О. Б.

[3] Противъ этого острова на правомъ берегу лежитъ большое село и нынѣ называемое: Батраки, при которомъ находится извѣстный Батрацкій перевозъ черезъ Волгу. Крестьяне этого села большею частью раскольники Поморской секты и Безпоповцы, всѣ почти отличные, неустрашимые перевозчики черезъ Волгу. О. Б.

Казацкая гора совершенно голая, на ней нѣтъ даже отдѣльныхъ кустарниковъ и тянется она на 50 верстъ. Названіе свое получила она отъ Донскихъ Казаковъ, которыхъ прежде было сдѣсь великое множество; они нападали на проходившія мимо суда и грабили ихъ. Но послѣ того, какъ противъ нихъ высланы были изъ Самары стрѣльцы, которые перебили изъ нихъ нѣсколько сотенъ, они появляются тамъ уже не такъ часто. Проѣзжая мимо этой горы, Павелъ Флемингъ написалъ и о ней сонетъ. [4] Гора эта, равно какъ и слѣдующія горы, поварачиваютъ и уходятъ иногда вглубь страны и черезъ нѣсколько миль снова приходятъ къ берегу.

29 числа миновали мы въ концѣ Казацкой горы рѣчку Паньшину (Pantzina), и, сдѣлавши въ этотъ день 45 верстъ, стали на якорь передъ островомъ Сагеринскимъ (Sagerinsko), гдѣ пришли къ намъ на корабль нѣсколько рыбаковъ съ извѣстіемъ, что недавно отсюда, на берегу, они видѣли 40 человѣкъ Казаковъ. Сдѣсь же начали пустѣть и наши боченки съ пивомъ, и прислуга наша должна была пить съ этѣхъ поръ воду, съ прибавкой къ ней немного уксусу.

30 Августа, рано утромъ, достигли мы до рѣчки Чагры (Zagra), [5] которая впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны, за вчерашнимъ островомъ. Черезъ 40 верстъ далѣе мы прибыли къ острову Сосновому (Sosnow), на которомъ, по показанію одного изъ взятыхъ нами подъ Самарою рыбаковъ, находились и поджидали насъ 100 Казаковъ. Мы миновали этотъ островъ въ полномъ вооруженіи, но не видѣли ни кого. Въ полдень прямо на нашемъ пути была гора Тихая (Tychi), которая къ правой сторонѣ выдается такъ далеко, что издали кажется, будьто она запираетъ Волгу въ ея теченіи. Около этой горы Волга вездѣ мелко-

---

[4] Сонета этого мы также сдѣсь не переводимъ; въ немъ говорится только о дикости и необитаемости горы, на которой могутъ имѣть пристанище одни только Казаки для своихъ разбоевъ. Прим. Перев.

[5] Иначе Елашь или Елань-Иргизъ, впадающій въ Волгу близъ села Хворостянки или Новопокровскаго. О. Б.

водна, и здѣсь-то находится самая главная мель, которая называется Овечій бродъ (Owetze brot). Въ этомъ мѣстѣ Казаки переѣзжаютъ верхомъ и даже переходятъ Волгу въ бродъ; при этомъ здѣсь находится много небольшихъ острововъ, покрытыхъ кустарникомъ и весьма удобныхъ для разбойниковъ. Мы встрѣтили тутъ двухъ рыбаковъ, разсказавшихъ намъ, что восемь дней назадъ Казаки отняли у нихъ большое судно и объявили имъ, что на дняхъ будетъ проходить большой иностранный корабль, принадлежащій Нѣмцамъ. Вечеромъ мы опять призвали къ себѣ на корабль двухъ другихъ рыбаковъ, старика и молодаго, и разспрашивали ихъ о Казакахъ: старшій, хотя и говорилъ сначала, что ничего не знаетъ о нихъ, но когда молодой, вмѣшавшись въ разговоръ, объявилъ, что сейчасъ же, напротивъ, въ кустарникѣ сидятъ 40 Казаковъ, то и старикъ подтвердилъ это показаніе и сказалъ, что у Казаковъ этихъ 6 лодокъ, которыя они спрятали на берегу въ кустарникѣ. Рыбаки не смѣли много разсказывать о Казакахъ; ибо если бъ эти послѣдніе узнали, что ихъ выдали, то жизнь сихъ рыбаковъ была бы въ опасности. По этому они просили насъ, чтобы мы взяли ихъ съ собою, какъ бы плѣнными, и ночью высадили бы ихъ въ какомъ ни будь другомъ мѣстѣ, что мы и сдѣлали. Такъ какъ этѣмъ рыбакамъ мы также мало вѣрили, какъ и Казакамъ, то, удвоивши на эту ночь стражу, мы рано въ сумерки отпустили ихъ отъ себя. Въ этотъ день мы сдѣлали 60 верстъ.

Послѣдняго числа Августа мы опять имѣли отличный попутный вѣтеръ, такъ что къ вечеру во весь день пути сдѣлали 120 верстъ. Прежде всего мы прибыли къ острову Осина (Ossino), лежащему въ 100 верстахъ отъ слѣдующаго г. Саратова (Soratoff). Противъ этого острова мы переплыли песчаную косу, далеко выдающуюся въ Волгу отъ праваго берега, и хотя корабль нашъ нѣсколько разъ касался здѣсь дна, но мы все таки проплыли безъ задержки и особаго промедленія. 20 верстъ за симъ островомъ былъ другой островъ Schismamago (?), за тѣмъ еще островъ Колотовъ (Koltoff), въ 50 верстахъ отъ Саратова. Глубину воды нашли мы здѣсь въ 16, 20, 30 и 40 футовъ. Между послѣдними двумя островами мы встрѣтили два Русскія судна (Schuten), принадлежавшія Московскому Патріарху, и одинъ большой насадъ (то же родъ судна), съ

кавьяромъ (Caviaro) или осетровой соленой икрой, принадлежащей Великому Князю. На каждомъ суднѣ находилось по 400 человѣкъ рабочаго народу. Когда они приблизились къ намъ, то привѣтствовали насъ изъ своихъ ружей, а мы отвѣтили имъ большой пушкой. Подъ Колотовымъ у берега стояли еще 4 судна, нагруженныя солью и соленою рыбой и принадлежащія одному знатному Московскому купцу, Григорію Никитичу (Gregorii Mikitoff). Всѣ этѣ суда шли изъ Астрахани. Люди, находившіеся на послѣднихъ судахъ, разсказали намъ, что недалеко отъ Астрахани они повстрѣчали на нѣсколькихъ лодкахъ 250 Казаковъ, которые, впрочемъ, не сдѣлали имъ ни какой непріятности. Недалеко отъ помянутаго сейчасъ острова, на правомъ берегу, начинается весьма высокая гора, тянущаяся на 40 верстъ и называемая Змѣевой (Smiowa) (отъ змѣи); ибо она извивается нѣсколькими изгибами то внутрь земли, то снова къ берегу. Нѣкоторые разсказываютъ басню, что гора эта получила названіе свое отъ одного змѣя или дракона неимовѣрной величины, который, будьто бы, долгое время жилъ на этой горѣ, дѣлалъ бездну вреда и наконецъ какимъ-то богатыремъ разрубленъ на три части, которыя, яко бы, тотчасъ же и обратились въ камни. На горѣ еще и теперь лежатъ, другъ подлѣ друга, три большіе длинные камня, какъ будьто отбитые отъ одного громаднаго камня. Почти въ концѣ этой горы и до города Саратова находится много небольшихъ острововъ, лежащихъ другъ подлѣ друга, которые всѣ вмѣстѣ Русскіе называютъ: Сорокъ острововъ (Sorok Ostrowe).

1-го Сентября, рано утромъ, намъ повстрѣчались 3 большихъ струга (Strusen, плоскодонныя барки), съ грузомъ въ 300 ластовъ; [6] они шли въ водѣ на 12 футовъ и тащили за собой нѣсколько малыхъ судовъ, на которыя, передъ мелководьемъ, перегружали обыкновенно тяжести съ большихъ судовъ или струговъ; самый большой изъ струговъ принадлежалъ богатому Троицкому монастырю (Troitza), находящемуся въ 12 миляхъ отъ Москвы. При встрѣчѣ этой мы по прежнему привѣтствовали другъ друга вы-

[6] Ластъ равняется 12 четвертямъ или вѣсомъ 120 пудамъ. Перев.

стрѣлами. Въ 9 часовъ утра мы миновали городъ Саратовъ (Soratoff). Городъ этотъ лежитъ въ 4 верстахъ отъ главнаго теченія Волги, на гладкой равнинѣ, при рукавѣ, который Волга отдѣляетъ отъ себя въ лѣвую сторону. Онъ заселенъ одними стрѣльцами, которые управляются Воеводой и Полковникомъ и живутъ здѣсь для обереженія отъ Татаръ, называемыхъ Калмыками, которые обитаютъ отъ этѣхъ мѣстъ до самаго Каспійскаго моря и до рѣки Яика (Jaika), и часто дѣлаютъ нападенія, заѣзжая и вверхъ по Волгѣ.

Городъ Саратовъ лежитъ подъ 52° 12' высоты полюса и отъ Самары до него считается 350 верстъ. Въ этотъ день, при попутномъ вѣтрѣ, мы миновали два острова, лежавшихъ недалеко другъ отъ друга и называвшихся Кривизна (Kriusna) и Сапуновка (Sapunofka), и вскорѣ за тѣмъ достигли до Ахматской горы (Acmhatzki gori), п., заканчивающейся у одного острова, носящаго ея же названіе и отстоящаго отъ Саратова въ 50 верстахъ. Гора эта представляетъ прекрасный видъ своей зеленой вершиной и съ середины ея круто ниспадающими разноцвѣтными полосами земли, которыя внизу опять замыкаются длинной, зеленой возвышенностью, или какъ бы уступомъ, нарочно и старательно сдѣланнымъ. Сдѣсь мы встрѣтили еще большой стругъ, съ котораго на лодкѣ послано было къ намъ нѣсколько человѣкъ съ извѣстіемъ, что хотя имъ и повстрѣчались по сю сторону Астрахани 70 Казаковъ, но они проплыли мирно мимо ихъ и не сказали ни слова; но что 4 дня тому назадъ имъ попалось только 10 Казаковъ, которые взяли съ нихъ дань въ нѣсколько сотенъ рублей. Казаки этѣ, правда, не взошли къ нимъ на судно; ибо тамъ разбойники нашли бы достаточное сопротивленіе, однако захватили лодку, посланную впередъ съ якоремъ, безъ котораго нельзя было обойтись, и держали ее до тѣхъ поръ, пока имъ не дано было требуемыхъ ими денегъ.

Когда, по захожденіи солнца, мы стали на якорь, то увидали на лѣвомъ берегу 10 Казаковъ, которые поспѣшно бросились къ рѣкѣ и, сѣвши въ лодку, пустились на другую сторону. Посланникъ Бругманъ тотчасъ же приказалъ 8-ми мушкетерамъ, частію изъ солдатъ, частію изъ Посольской прислуги, сѣсть въ лодку, пуститься въ погоню за Казаками и, захвативъ ихъ,

привезти на корабль. Но Казаки успѣли уже перебраться, вступили свою лодку на берегъ и скрылись въ кустарникѣ, такъ что наши, не исполнивши даннаго имъ порученія, темною ночью уже воротились на корабль. По этому дѣлу Маршалъ нашъ имѣлъ крупный споръ съ Посланникомъ Бругманомъ, поставляя ему на видъ, что неблагоразумно и опасно было посылать прислугу въ такую погоню, когда, въ случаѣ надобности, имъ нельзя было бы подать помощи, но Посланникъ съ досадою и грубо возражалъ ему на это.

2-го Сентября прибыли мы къ острову Ахматскому (Achmatzko), и за 20 верстъ далѣе за нимъ къ другому, Золотому острову (Solotoi), имѣющему въ длину 3 версты, и вскорѣ за тѣмъ къ Золотой горѣ (Solotto gori); названіе свое гора эта получила отъ того, что нѣкогда, какъ разсказывали намъ, здѣсь Татары напали на одну богатую станицу (Staniza) или флотилію, перебили въ ней людей и разграбили все, такъ что разбойники шапками дѣлили между собою деньги и золото. Гора эта въ 70-ти верстахъ отъ Саратова. Вскорѣ послѣ конца этой горы поднимается новая гора Мѣловая (Millobei); она тянется по берегу внизъ на 40 верстъ и имѣетъ такую гладкую вершину, какъ будьто она нарочно по шнуру выровнена; къ рѣкѣ же гора падаетъ крутымъ обрывомъ внизъ и у подошвы, у самой воды, украшается стройно растущими деревьями. Послѣ этой горы слѣдуетъ другая, которую мы назвали Стрѣлковою, чрезвычайно живописная. Стрѣлковою мы назвали ее по тому, что по круто-обрывистымъ бокамъ ея торчали вверхъ острые камни, которые, будьто каменныя жилы, выдавались послѣ смытаго съ нихъ водою сыпучаго песку и видомъ походили на стрѣлы синяго, краснаго, желтаго цвѣта, перемѣшанныя зеленью кустарниковъ.

3-го Сентября мы видѣли слѣва впаденіе рѣчки Еруслана (Ruslana), а противъ нея на право гору Ураковъ Карулъ (Urakoffskarul), [7] до которой считается 150 верстъ отъ Саратова. Гора эта

[7] Караулъ, у рѣчки Ураковки? Впрочемъ, не Ракова ли это гора, или Бугоръ Стеньки Разина, близъ деревни Лапоть, при Волгѣ? О. Б.

получила имя свое отъ одного Татарскаго Князя Урака, который имѣлъ сдѣсь когда-то битву съ Казаками, былъ убитъ тутъ же и похороненъ. Далѣе внизъ, по правой рукѣ, идетъ гора и рѣчка Камышинка (Kamuschinka). Рѣчка эта есть отпрыскъ рѣки Иловы (Iloba), [8] впадающей въ большую рѣку Донъ, который течетъ въ Понтъ (Азовское море) и составляетъ пограничную рѣку между Азіей и Европой. По этѣмъ-то рѣкамъ Донскіе Казаки на легкихъ челнахъ заплываютъ и въ Волгу, отъ чего мѣсто это считается самымъ опаснымъ по разбоямъ. Сдѣсь, на высокомъ, правомъ берегу, мы увидѣли много стоявшихъ деревянныхъ крестовъ. Не много лѣтъ тому назадъ Русское войско (полкъ) имѣло тутъ побоище съ Казаками, которые укрѣпились въ этомъ мѣстѣ и хотѣли запереть свободный ходъ по Волгѣ; отъ этой схватки съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ сраженія до 1000 тѣлъ, и на могилахъ-то Русскихъ, погребенныхъ тутъ, поставлены были видѣнные нами кресты.

Когда миновали мы это мѣсто, то увидали передъ собою цѣлый Персидскій и Татарскій караванъ (Caravana), состоявшій изъ 16 большихъ и 6-ти малыхъ судовъ, плывшихъ рядомъ одно за другимъ. Когда мы замѣтили, что они, поджидая насъ, перестали грести и плыли, гонимые только теченіемъ рѣки, мы прибавили парусовъ и стали грести дружнѣе, чтобы догнать ихъ. Приблизившись же къ нимъ, велѣли 3-мъ трубачамъ заиграть веселую пѣсню и привѣтствовали ихъ 4-мя пушками. Караванъ отвѣчалъ намъ ружейными выстрѣлами со всѣхъ судовъ. За тѣмъ мы повторили выстрѣлы изъ своихъ ружьевъ, и съ обѣихъ сторонъ раздались громкіе радостные клики.

Главными лицами этѣхъ карагановъ, соединившихся впервые въ одинъ подъ Самарою, кромѣ помянутыхъ, купца (Cuptzi) Персидскаго Царя и Татарскаго Князя Мусала, были: Русскій Посланникъ (Postlanik), Алексѣй Савиновичь Романчиковъ (Alexei Sawinowitz Romantzikow), котораго Его Царское Величество посылалъ къ Царю Персидскому, Татарскій Посолъ изъ Крыма, купецъ

[8] Конечно Иловли? О. Б.

Персидскаго Государственнаго Канцлера, и два другіе купца изъ Персидской области Гиланъ (Kilan).

Послѣ дружественнаго обмѣна привѣтствій выстрѣлами, Персидскій Князь послалъ къ нашему кораблю лодку, полную стрѣльцовъ (которыхъ въ сопровожденіи каравана было болѣе 400 человѣкъ) съ порученіемъ кланяться Посламъ нашимъ и спросить ихъ о здоровьѣ. Когда они подошли уже близко къ нашему кораблю, то, пріостановясь немного, дали привѣтственный выстрѣлъ и за тѣмъ начальникъ ихъ вошелъ къ намъ на корабль и произнесъ свою рѣчь. Едва они отплыли отъ насъ, какъ наши Посланники, въ свою очередь, послали свой поклонъ Татарскому Князю съ Фонъ Ухтерицемъ, Томасомъ Мельвилемъ, Русскимъ переводчикомъ Гансомъ Арпенбекомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ. Я же, съ Фонъ Мандельсло, Персидскимъ переводчикомъ и съ нѣкоторыми изъ нашей прислуги, посланъ былъ на 2-хъ лодкахъ къ купцу Царя Персидскаго.

На дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ Персовъ, посланныхъ купцемъ къ нашимъ Посланникамъ. Подплывши къ Персидскому кораблю (судну), мы хотѣли было взойти на него съ лѣвой стороны, но на встрѣчу намъ поспѣшно показались слуги, заботливо махавшіе намъ, чтобы не съ этой, а съ другой, стороны взошли на корабль; ибо помѣщеніе жены купца, которую никто не долженъ видѣть, находилось съ лѣвой стороны. Когда мы такимъ образомъ повернули къ правому краю, то стоявшіе тамъ наготовѣ слуги помогли намъ взойти на корабль, взявши насъ подъ руки, и проводили прямо къ купцу. Мы нашли его сидящимъ на лавкѣ (табуретѣ), вышиною не болѣе какъ въ локоть, покрытомъ прекраснымъ ковромъ. Онъ сидѣлъ на пушистомъ бѣломъ Турецкомъ покрывалѣ, поджавши подъ себя ноги по своему и облокотясь спиною на красную атласную подушку, и принялъ насъ дружески, приложивъ руку къ груди и наклонивъ нѣсколько голову; такія тѣлодвиженія употребляютъ они, когда принимаютъ гостей. Онъ пригласилъ насъ сѣсть къ нему на коверъ, и какъ мы не умѣли сидѣть по ихнему, то усаживанье это намъ нелегко досталось. Онъ выслушалъ наше привѣтствіе (докладъ) съ знаками удовольствія и отвѣчалъ весьма

вѣжливо, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, на которыя Персіяне большіе мастера, какъ и вообще они люди чрезвычайно кроткіе. Между прочимъ онъ сказалъ намъ, что до такой степени онъ сердечно радъ нашему прибытію, что какъ только завидѣлъ корабль нашъ, то обрадовался ему, какъ бы увидѣвъ Персію и въ ней свой домъ, въ которые онъ такъ страстно и давно желаетъ возвратиться; при этомъ онъ жаловался на нелюбезность Русскаго народа, среди кутораго мы находились тогда, который такъ, де, не общителенъ, что ни кто тамъ не смѣетъ посѣщать другъ друга; что когда мы прибудемъ въ Персію, то будемъ пользоваться тамъ большею свободой, чѣмъ самые туземцы; что онъ надѣется, что когда мы представимся къ Шаху Сефи (такъ звали Царя его), то, въ виду того, что мы познакомились уже на пути съ симъ купцомъ, Шахъ назначитъ, вѣроятно, его, купца, закупщикомъ или мегемандаромъ къ намъ, и тогда онъ докажетъ намъ свою дружбу; до тѣхъ же поръ онъ готовъ служить намъ только тѣмъ, что у него на кораблѣ, ни въ чемъ изъ имѣющагося намъ не откажетъ, и тому подобное.

Онъ угощалъ насъ изъ золоченой чаши отличной Русской водкой, изюмомъ, Персидскими орѣхами или фисташками (Pistacien), сушеными и солеными. Когда въ то же время на нашемъ кораблѣ, при пріемѣ Персидскаго уполномоченнаго отъ купца, пили за здоровье, заиграли на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ и ружей, началъ и купецъ съ нами пить за здоровье нашихъ Пословъ. При прощаньи онъ поручилъ намъ за тайну передать Посламъ, что имѣетъ вѣрное извѣстіе о томъ, что Польскій Король посылалъ къ Шаху Сефи, одного Посла, который проѣзжалъ черезъ Константинополь (по ихнему Стамбулъ, называемый) и теперь на обратномъ пути задержанъ и пребываетъ въ Астрахани; что Посолъ этотъ имѣетъ повелѣніе отправиться и къ Великому Князю, но что Воевода Астраханскій не отпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока не получится на то особаго приказа изъ Москвы. Гг. Послы могутъ сообразить по этому, и извлечь для себя изъ этого извѣстія, что могутъ. Остальныя особы каравана также присылали къ намъ на корабль, съ приказаніемъ кланяться и просить насъ продолжать

путь вмѣстѣ; что всѣ они охотно будутъ ждать насъ и помогать, въ чемъ будетъ нужно, если мы сядемъ на мель. Такимъ образомъ, сдѣлавши еще выстрѣлъ со всѣхъ кораблей и судовъ, мы всѣ вмѣстѣ пустились далѣе.

Къ вечеру вдругъ поднялась страшная буря, съ проливнымъ дождемъ и грозою, во время которой было два сильныхъ удара грома; но вскорѣ за тѣмъ настала опять ясная погода и совершенное безвѣтріе, давшее поводъ нашему Флемингу написать слѣдующій сонетъ. [9]

4-го Сентября, въ Воскресенье, въ то самое время, когда Пасторъ нашъ хотѣлъ начать проповѣдь, къ намъ прибыло опять нѣсколько Татаръ отъ Черкаскаго Князя, Мусала, посѣтить Пословъ, съ извиненіемъ, что теперь самъ онъ нѣсколько нездоровъ, но что, какъ только выздоровѣетъ, то лично посѣтитъ Пословъ. Важнѣйшій изъ прибывшихъ, державшій рѣчь, былъ высокій желтоватый человѣкъ, съ черными какъ смоль волосами и длинной окладистой бородой, въ одеждѣ изъ черной, бараньей кожи шерстью наружу, и вообще видомъ походилъ на дьявола, какъ его обыкновенно пишутъ. Остальные, одѣтые въ черные и сѣрые суконные кафтаны, тоже были на видъ ни сколько не привлекательнѣй. Послѣ того, какъ мы угостили ихъ нѣсколькими чарами водки, они отправились къ себѣ, съ прощальнымъ выстрѣломъ стрѣльцовъ своихъ.

Въ полдень прибыли мы къ рѣчкѣ Балыклея (Bollоclea), въ девяноста верстахъ отъ вчерашней Камышинки и тоже въ 90 верстахъ отъ слѣдущаго впереди города Царицына (Zariza). [10] Черезъ 16 верстъ далѣе мы миновали весьма высокую песчаную гору Стрѣльню (Strehlne) [11] п., и въ концѣ ея остановились ночевать, въ 60-ти верстахъ по сю сторону Царицына.

---

[9] Соннетъ этотъ мы также не переводимъ. Перев.

[10] По рѣкѣ Царицѣ, впадающей въ Волгу, и городъ назывался вѣроятно Царыца, который былъ сперва на островѣ, а нынѣ на нагорной сторонѣ Волги. О. Б.

[11] Стрѣльныя горы по «Книгѣ Большой Чертежъ». М. 1846. О. Б.

5-го Сентября, только что тронулись мы въ путь, какъ попали на мелководье, въ $5\frac{1}{2}$ футовъ, по тому должны были своротить въ сторону и корабль нашъ съ тряскою перешелъ мель. Между тѣмъ караваны, плывшіе съ нами, ушли впередъ въ г. Царицынъ, гдѣ они хотѣли взять для охраны свѣжихъ стрѣльцовъ. Въ полдень достигли того мѣста, отъ котораго на полдня пути протекаетъ извѣстная рѣка Танаисъ или Донъ, который цѣлые 7 миль сдѣсь течетъ рядомъ съ Волгою, направляясь къ востоку. Немного ниже прибыли мы къ рѣкѣ Ахтубско Устье (Achtobska Ustga); это первое выдѣленіе Волги, которое отбрасываетъ она рукавомъ на лѣвый берегъ въ глубь страны и которое въ началѣ на 1 версту идетъ отъ Волги на востокъ-сѣверо-востокъ, (O. N. O.), а потомъ поварачиваетъ къ юго-востоку (S. O.), и въ этомъ направленіи впадаетъ въ Каспійское море. Высота полюса найдена сдѣсь 48° 51′.

Пять верстъ далѣе на материкѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города Царицына, и теперь еще видны развалины города, построеннаго страшнымъ и свирѣпымъ Тамерланомъ изъ обозженнаго камня, и въ этомъ городѣ имъ же построенъ и увеселительный домъ, называвшійся Царевъ Городъ (Zareff gorod). [12] По разрушеніи этого города, Русскіе большую часть камней сихъ перевезли въ Астрахань и выстроили изъ нихъ главнымъ образомъ городскую стѣну, а за тѣмъ церкви, монастыри и другія зданія. Въ наше время также нѣсколько нагруженныхъ судовъ, сказанными камнями, отправились по Волгѣ въ Астрахань.

Около этого мѣста одинъ рыбакъ поймалъ на удочку, подлѣ нашего корабля, бѣлугу (Bieluga) или бѣлую рыбу, длиною почти въ 4 локтя и толщиною въ $1\frac{1}{2}$; видомъ эта рыба сходно какъ осетръ, только пѣгая и морда у нея больше. Рыбаки убили эту рыбу, какъ быка какого, молоткомъ по головѣ; и продали за 1 талеръ.

6-го Сентября мы опять нагнали караваны у города Царицына. Люди, составлявшіе караваны, разбили на берегу свои

---

[12] Гдѣ нынѣ городъ Царевъ, прежде Сарай или Шери (городъ)? О. Б.

палатки и поджидали новаго прикрытія. Такъ какъ въ это время вѣтеръ былъ для насъ благопріятный, то мы, не останавливаясь, прошли мимо ихъ. Городъ Царицынъ находится въ 350 верстахъ отъ Саратова, лежитъ на правомъ берегу, на холмѣ, невеликъ, построенъ въ формѣ параллелограма, съ 6-ю больверками и башнями, и заселенъ одними стрѣльцами, которыхъ живетъ въ немъ 400 человѣкъ. Стрѣльцы этѣ обязаны держать стражу противъ Татаръ и Казаковъ и служить охраной для проходящихъ мимо судовъ. Высота полюса найдена сдѣсь въ 48° 23′.

ГЛАВА IX.

Отъ Царицына до Астрахани.

Отсюда до Астрахани и вплоть до Каспійскаго моря идетъ страна пустынная, песчаная и для земледѣлія неспособная; по этому города въ этой мѣстности, равно какъ и самая Астрахань, получаютъ весь хлѣбъ, по Волгѣ, изъ мѣстъ плодородныхъ, большею частію изъ Казани, и по обилію привозимаго туда хлѣба, онъ тамъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Москвѣ и даже чѣмъ въ Голландіи иногда.

Вскорѣ за Царицынымъ лежитъ островъ Сарпинскій (Serpinske), п., имѣющій 12 верстъ протяженія. [1] На этомъ островѣ стрѣльцы пасутъ коровъ своихъ и вообще скотъ. Не задолго до нашего прибытія сюда Казаки, замѣтивъ, что жены и дочери стрѣльцовъ ежедневно отправляются на островъ доить коровъ, и часто безъ охраны, подстерегли ихъ, поймали, сдѣлали съ ними то, что хотѣли, и за тѣмъ невредимыми отослали домой къ стрѣльцамъ.

Позади этого острова течетъ небольшая рѣчка, вытекающая изъ Дона и впадающая сдѣсь въ Волгу; по ней могутъ хо-

---

[1] Между Царицынымъ и Сарептой, такъ названный по рѣчкѣ Сарпѣ, впадающей тутъ въ Волгу ниже Сарепты. О. Б.

дить только челны и вообще легкія суда, какъ сообщали намъ это не только лоцманъ нашъ, но и нѣсколько рабочихъ людей, которые не задолго до этого плавали тамъ съ Казаками. Рѣчка эта на обыкновенныхъ картахъ не обозначена ни у кого, кромѣ у Исаака Массы (Massa), и называется у него Камоусъ (Kamous). [2]

Этотъ день, равно какъ и нѣсколько слѣдующихъ, стоялъ сильный жаръ, какой бываетъ у насъ только во время собачьихъ дней, т. е., когда бѣсятся собаки, и въ это время здѣсь бываетъ ежегодно такая же жара, какъ разсказывали намъ Русскіе.

7-го Сентября погода была пасмурная и бурная, такъ что скоро плыть было нельзя. Проплывъ 10 верстъ мы увидали на правомъ берегу, на высокой краснопесчаной горѣ висѣлицу, первую, какую только мы видѣли въ этѣхъ странахъ, и на ней-то Воевода ближайшаго города вѣшаетъ пойманныхъ разбойниковъ Казаковъ. Тѣло повѣшеннаго не оставляютъ висѣть долѣе 8-ми дней; ибо иначе товарищи Казаки непремѣнно утащатъ его.

Сдѣсь Посланникъ Бругманъ потребовалъ къ себѣ Посольскую прислугу и объявилъ имъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ имѣетъ сильное подозрѣніе въ томъ, что они тайно составляютъ противъ него заговоръ, по чему онъ не можетъ ожидать отъ нихъ ни чего добраго, въ случаѣ какой ни будь бѣды, или нужды; а этого онъ не ожидалъ отъ нихъ, но, напротивъ, надѣялся, что заслужилъ личное ихъ расположеніе къ нему, хотя бы за его тяжкую обязанность управленія и заботы о нихъ, которыя онъ несетъ ежедневно. Въ слѣдствіе этого, онъ изъявилъ желаніе, чтобы музыканты, тѣлохранители и застольные слуги дали клятву въ вѣрности (juramentum fidelitatis), которую этѣ люди охотно и дали, объяснивъ, впрочемъ, что они отнюдь не считаютъ себя заслужившими такое обвиненіе, и что безъ клятвы, уже по самымъ должностямъ своимъ, они обязаны быть, и были всегда, достаточно вѣрны. Но, давъ клятву, они, въ свою очередь,

[2] Что это такое теперь? Не смѣшалъ ли Масса съ рѣкой Калаусомъ, впадающей въ Манычъ? О. Б.

просили Бругмана, чтобы онъ не кричалъ на нихъ, безъ всякаго къ тому повода, и безъ различія, на всякаго, и не обзывалъ бы ихъ разными, оскорбительными для чести и унижающими ихъ достоинство, словами, какъ это случалось часто до сихъ поръ; что если же они увидятъ отъ него доброе обращеніе съ ними, то не только пребудутъ вѣрны ему и покорны, но изъ любви къ нему, буде нужно будетъ, положатъ жизнь свою. Обѣщаніе исполнить просьбу эту было также дано, но исполнено не было.

Въ этотъ день мы встрѣтили большое гребное плоскодонное судно (барку, шюту), съ которой нѣсколько человѣкъ, на небольшой лодкѣ, подплыли къ намъ и, взошедши на корабль, объявили, что они отправились изъ Астрахани назадъ тому 3 недѣли и на пути встрѣтили 30 Казаковъ, которые напали на нихъ и отняли у нихъ всѣ ихъ продовольственные припасы, такъ что теперь они уже 4 дня какъ ни чего не ѣли. Они просили у насъ хоть немного хлѣба, чтобъ утолить голодъ до той поры, когда встрѣтятъ кого либо изъ своихъ, или доѣдутъ до города. Мы дали имъ мѣшокъ сухарей, за которые они кланялись намъ въ ноги и очень благодарили.

Въ 40-ка верстахъ за Царицынымъ, на правомъ берегу, идетъ ровная гора, а противъ нея, на Волгѣ, островъ, который, также какъ и гора, называется Насоновскимъ (Nassonoffsko). Между горой и островомъ идетъ узкій и кривой водоворотъ, въ который, немного лѣтъ тому назадъ, Казаки заманили нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ, разыскивавшихъ и преслѣдовавшихъ ихъ, и тамъ всѣхъ ихъ перебили.

Вечеромъ одинъ рыбакъ принесъ на корабль неизвѣстную рыбу, которую они называютъ Чиберика (Tziberika), [3] величиною болѣе $2\frac{1}{2}$ локтей, съ широкимъ и длиннымъ, какъ у утки, носомъ, съ черными и бѣлыми пятнами на спинѣ и бокахъ, какъ у Польской пестрой собачки, но расположенными въ извѣстномъ порядкѣ. Брюхо у ней совершенно бѣлое. Вкусомъ она сладковатая

[3] Чабань? О. Б.

и пріятная, также почти, какъ и семга. Рыбаки принесли намъ еще рыбу въ родѣ осетра, которую они называютъ стерлядью, величиною съ локоть, не болѣе, и на вкусъ чрезвычайно нѣжную. Рыбы этой бездна вездѣ въ Волгѣ, и она сдѣсь очень дешева.

8-го числа догналъ насъ, оставленный нами въ Царицынѣ, караванъ, у мыса праваго берега Поповича Юрка (Popowitzka Jurka). [4] Называется такъ мысъ этотъ по тому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сынъ одного Русскаго Священника, сдѣлавшійся начальникомъ и вождемъ Казаковъ, собиралъ обыкновенно въ этомъ мѣстѣ свою шайку. Мысъ этотъ находится отъ послѣдняго города въ 70-ти верстахъ. Отъ этого мѣста, на протяженіи 40 верстъ, до горы Каменный Яръ (Kampagar), п., [5] встрѣчается нѣсколько островов и мелей, на которыхъ мы иногда застрѣвали, также какъ и нѣкоторыя суда Персовъ. Въ 20-ти верстахъ далѣе лежитъ высокій островъ Вязовой (Wesowoi), п., [6] длиною въ 4 версты, а за нимъ рѣка того же имени. Еще далѣе, черезъ 30 верстъ, вѣтеръ загналъ насъ въ уголъ, на правомъ берегу, въ который впадаетъ рѣка Володимирское Устье (Wolodimerski Ustga). [7] Такъ какъ въ это время дулъ весьма благопріятный для дальнѣйшаго плаванія вѣтеръ, то мы не медля принялись всѣ за работу, и съ помощію 2-хъ якорей скоро таки выбрались изъ залива. За тѣмъ на всѣхъ парусахъ мы быстро пронеслись мимо мѣста Ступина (Stupin), [8]

---

[4] Гдѣ нынѣ селеніе Поповицкое или Райгородокъ, при рѣчкѣ Малой Воложкѣ (боковомъ протокѣ или рукавѣ Волги), прежде Поповицкая подстава или форпостъ, гдѣ жили Донскіе Казаки и содержали попеременно караулы по Царицынской Линіи, для безопасности проѣзжающихъ изъ Царицына въ Черный Яръ. О. Б.

[5] Каменноярское село при Волгѣ. О. Б.

[6] Противъ Вязовки или Вязовскаго села, при рѣчкѣ Вязовкѣ, вытекающей изъ Волги. О. Б.

[7] Или Володимировка. О. Б.

[8] Ступино или Ступинъ Яръ, при ерикѣ (боковомъ протокѣ Волги), прежде Мазанская крѣпостца, на правомъ берегу, тоже Казацкая подстава. О. Б.

лежащаго въ 30 верстахъ отъ слѣдующаго впереди города Чернояра (Tzornogar). [9] Въ 12-ти верстахъ отъ этого Чернояра, не доѣзжая его, вытекаетъ изъ Волги другая рѣка, Ахтубеничное Устье (Achtobenisna Ustga), соединяющаяся съ помянутой выше Ахтубской (Achtobska). За этой рѣкой мы стали на якорь, вмѣстѣ съ караваномъ у острова Осина (Ossino), за 7-мь верстъ до города, сдѣлавши въ этотъ день 135 верстъ или 27 миль.

Въ этой странѣ, почти до самой Астрахани, по обоимъ берегамъ Волги, въ кустарникѣ растетъ въ изобиліи солодковый корень (Glycyrrhiza) [10] или сладкое дерево, которое сдѣсь особенно рослое, даетъ стволъ вышиною въ полъ человѣка; сѣмена ея лежатъ въ чашечкѣ, въ родѣ чернаго журавлинаго боба. Такой же кустарникъ видѣли мы потомъ въ Мидіи, гдѣ она растетъ вездѣ на лугахъ, особенно же при рѣкѣ Араксѣ (Araxe). Корни ея, толщиною въ руку, даютъ болѣе нѣжный сокъ, чѣмъ у насъ.

9-го Сентября, въ полдень, сильная буря пригнала насъ къ городку Черноару, у котораго мы и стали на якорь. Городъ этотъ, отстоящій въ 300 верстахъ отъ Царицына, 9 лѣтъ тому пазадъ Великій Князь велѣлъ было построить прежде на полъ мили дальше; но недавно еще высокій берегъ у этого мѣста обвалился, и рѣка Волга уклонилась нѣсколько въ своемъ теченіи отъ города, въ слѣдствіи чего, 2 мѣсяца тому назадъ, городокъ былъ перенесенъ сюда, и лежитъ онъ теперь на правомъ, высокомъ берегу, окруженный 8-ю башнями и крѣпкимъ досчатымъ заборомъ. Заселенъ онъ одними стрѣльцами, для охраны отъ рыщущихъ кругомъ Татаръ и Казаковъ. Противъ каждаго угла городка, въ четверть мили отъ него, стоятъ на 4-хъ высокихъ столбахъ караульни, изъ которыхъ стрѣльцы, какъ изъ сторожекъ, могутъ далеко обозрѣвать окрестную страну, которая сдѣсь совершенно ровная и безъ кустарника. Поводомъ къ постройкѣ этого городка послужило страшное убійство и грабежъ,

---

[9] Черный Яръ, городъ на протокѣ большой Волги. О. Б.

[10] Солодика, солодка или лакрица. О. Б.

причиненные сдѣсь тогда Казаками. 400 Казаковъ хитростію напали на Русскій караванъ въ 1500 человѣкъ, и перебили въ немъ половину народа. Для этого они прибѣгли къ такой уловкѣ: увидавши, что суда каравана идутъ не всѣ вмѣстѣ, но нѣкоторыя, и именно съ стрѣльцами, плыли на ружейный выстрѣлъ впереди, Казаки спрятались и, карауля на высокомъ берегу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга имѣетъ самое стремительное теченіе, и давъ свободно проплыть передней лодкѣ съ стрѣльцами, на остальныя за тѣмъ напали и перебили въ нихъ людей. Стрѣльцы же, хотя и вернулись и всѣми силами спѣшили назадъ, но быстрое теченіе Волги задержало ихъ, и они поспѣли на помощь уже тогда, когда большая часть убійства и грабежа совершилась, и Казаки, достигши берега, ускакали на лошадяхъ своихъ. Сдѣсь за берегомъ, особенно по правой сторонѣ, не видать уже ни одного деревца, и вездѣ только сухая, погорѣлая почва и степь.

10-го Сентября, только что миновали мы городъ, какъ поднялся сильный, противный вѣтеръ, и во весь этотъ день, не смотря на всѣ наши усилія, мы не могли сдѣлать болѣе 10 верстъ. Вечеромъ нѣсколько рыбаковъ принесли намъ на корабль одного громаднаго, жирнаго карпа, вѣсомъ въ 30 фунтовъ, и 8 большихъ пѣскороевъ (Sandaten), какихъ во все путешествіе мы не видали, и за всю рыбу эту они не хотѣли взять съ насъ денегъ, говоря, что они посланы сюда для рыболовства извѣстнымъ Московскимъ купцомъ, держащимъ на откупѣ эту часть Волги, и если бы онъ узналъ, что они продали хоть малѣйшую рыбушку, то подвергъ бы ихъ тяжкому взысканію. По этому, вмѣсто денегъ, имъ предложена была водка, которой они получили полъ кружки и отплыли отъ насъ съ большой благодарностію и веселые.

11-го Сентября, съ благопріятнымъ вѣтромъ и постоянно на парусахъ, мы сдѣлали 120 верстъ всего дневнаго пути. Въ полдень миновали гору Половина (Polowon). Имя свое получила гора эта отъ того, что стоитъ на полупути отъ Царицы до Астрахани. именно въ 250 верстахъ. Ночлегъ нашъ въ этотъ день былъ позади острова Кисяра (Kisiar).

Ночью, въ очередь управленія стражей Посланника Бругмана, посреди рѣки явилось большое судно, тихо плывшее мимо нашего корабля. Когда на окликъ нашъ никто не отвѣчалъ и не пришелъ, по требованію нашему, къ намъ на корабль, то по плывшимъ выстрѣлили изъ 15-ти ружей, и пушкарю дано уже было приказаніе выстрѣлить по нимъ изъ одной пушки. Въ это время на небольшой лодочкѣ подъѣхалъ къ намъ одинъ изъ плывшихъ людей и объяснилъ, что они вовсе не враги, но Русскіе, числомъ 7 человѣкъ, ѣдущіе на баркѣ съ солью; что ихъ всѣхъ угостилъ водкою караванъ, стоящій позади насъ на ружейный выстрѣлъ, и что онъ и его товарищи, напившись, заспали и пустили барку плыть саму по себѣ. Человѣка, сообщившаго намъ это свѣдѣніе, призналъ за знакомаго нашъ лоцманъ, такъ какъ оба они были изъ Нижняго; по этому, давши ему нѣсколько чарокъ водки, мы отпустили его. На слѣдующее утро, въ благодарность за это угощеніе, человѣкъ этотъ принесъ намъ въ подарокъ нѣсколько стерлядей. Удивительно было, что выстрѣлами нашими никто изъ бывшихъ на баркѣ раненъ не былъ.

Такъ какъ всю ночь дулъ самый благопріятный вѣтеръ, то мы не хотѣли упустить случая воспользоваться и раннимъ утромъ: въ 3 часа снялись съ якоря, пустились далѣе, и миновали, на лѣвой рукѣ (Backbort), еще новый отпрыскъ (выходъ) Волги, — рѣку Бухвостову (Buchwostowa), которая изливается въ прежніе ея рукава. За тѣмъ достигли до острова Копанова (Kopono), противъ котораго, на правомъ берегу, возвышается гора Копонова гора (Kopono gar), отстоящая отъ Астрахани въ 150 верстахъ. Черезъ 20 верстъ далѣе Волга даетъ четвертый отпрыскъ или рукавъ, выпуская изъ себя рѣку Даниловское Устье (Danilofsko Ustga), л., которая течетъ отдѣльно отъ прежнихъ рукавовъ и отдѣльно же впадаетъ въ Каспійское море. 15 верстъ ниже этого, почти середи Волги, лежитъ небольшой, красиво округлый и поросшій прекрасными деревьями и кустарникомъ, островъ Катеринскій (Katarinski).

За тѣмъ мы увидали издали, на песчаномъ бугрѣ, большой, затопленный стругъ, и какъ наши приняли его за укрѣпленіе, нарочно накиданное Казаками, которыхъ нѣсколько человѣкъ за-

мѣтили мы въ кустарникѣ, то всѣ люди наши вооружились, и дано было приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ кустарникъ. При этомъ у поварскаго прислужника нашего, Якова Ганзена, разорвало ружье, заряженное двойнымъ зарядомъ, и оторвало большой палецъ на лѣвой рукѣ, которой онъ придерживалъ стволъ и, кромѣ того, поранило ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову, грудь и руки.

Сдѣлавши въ этотъ день 100 верстъ, мы стали на якорѣ позади острова Пирушки (Pyruski), въ 80-ти верстахъ отъ Астрахани.[11]

13-го Сентября, рано утромъ, въ одно время съ тѣмъ, когда въ нашихъ молитвенныхъ часахъ дошли мы по порядку до 13-й главы 4-й книги Моисея, въ которой говорится объ обѣтованной землѣ Ханаанской, объ ея прекрасныхъ плодахъ и громадныхъ гроздіяхъ винограда, мы и на пути своемъ увидѣли первые плоды. Изъ Астрахани въ это время плыли двѣ барки, съ которыхъ продали намъ прекрасный крупный виноградъ, ягоды котораго были съ Грецкій орѣхъ, большіе, превкусные персики и дыни.

Замѣчательныя мѣстности, которыя мы въ этотъ день миновали, были: рѣка Митуска (Mituske), тоже отдѣлившаяся отъ Волги, которая изливается частію во вчерашній рукавъ, частію же, черезъ нѣсколько верстъ далѣе, опять въ Волгу. Сдѣсь должно быть настоящее разбойничье гнѣздо. Такъ какъ мы видѣли на 2-хъ островахъ, лежавшихъ передъ сказанной рѣкой, нѣсколькихъ Казаковъ, то Посланникъ приказалъ выстрѣлить по нимъ изъ большой пушки. Черезъ 5 верстъ далѣе находится послѣдняя до Астрахани мель, Кабанья мель (Kabanga meel), въ 70 верстахъ отъ этого города; еще черезъ 5 верстъ мысъ Кабанья гора (Kabangen gar); наконецъ, черезъ слѣдующія за тѣмъ 5 верстъ, достигли мы острова Ицибурскаго (Itziburski), въ 50 верстахъ отъ Астрахани. За этѣмъ островомъ мы стали на якорь, на ночлегъ.

[11] Гдѣ нынѣ казенное село Пироговское при Ахтубѣ? О. Б.

Въ этой странѣ, равно какъ ниже до самаго Каспійскаго моря, мы видѣли большихъ птицъ, называемыхъ Русскими бабами, иногда цѣлыми стаями, штукъ во 100, сидѣли онѣ у береговъ; ниже я скажу о нихъ подробнѣе.

14 Сентября, только что проплыли мы двѣ версты, какъ поднялась сильная буря напротивъ насъ съ юго-востока, въ слѣдствіи чего мы должны были простоять сдѣсь до слѣдующаго утра. Глубина Волги въ этомъ мѣстѣ была 80 футовъ. Сдѣсь Князь Мусалъ подарилъ Посламъ разные напитки, пиво, медъ, водку, съ предложеніемъ, если понравятся какіе изъ этѣхъ напитковъ, получить ихъ отъ него еще сколько угодно.

15-го Сентября утромъ, именно въ 4 часа, съ начавшимся попутнымъ вѣтромъ, пустились мы въ путь, и плыли на помянутой сейчасъ глубинѣ и все на югъ такъ счастливо, что еще утромъ же достигли острова Бузана (Busana), [12] въ 25 верстахъ отъ Астрахани; за тѣмъ миновали рѣку или опять рукавъ Волги Бальчикъ (Baltzik), отстоявшій въ 15 верстахъ отъ города, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, увидѣли, за 12 верстъ, давно желанную Астрахань (Astrachan), которая была видна отсюда вся, по причинѣ ровной кругомъ мѣстности и безъ кустарниковъ. Сдѣсь начинается рукавъ Гнилуша (Knilusse), который, отдѣлившись отъ Волги, идетъ и позади Астрахани и изливается въ Каспійское море нѣсколькими отдѣльными устьями.

Въ полдень, съ попутнымъ же вѣтромъ и благопріятной погодой, мы достигли наконецъ до славнаго города Астрахани, и, при милостивой помощи Бога, сдѣлали первый шагъ изъ Европы, первой части свѣта, въ Азію; ибо Астрахань лежитъ по ту сторону Волги, рѣки, которая отдѣляетъ Европу отъ Азіи.

Мы остановились передъ городомъ, посреди рѣки, и въ привѣтствіе дали затъ съ нашего коробля изо всѣхъ пушекъ; такое привѣтствіе очень удивило жителей, высыпавшихъ на берегъ передъ городомъ, въ числѣ болѣе 100 человѣкъ.

---

[12] Извѣстный островъ, образуемый Волгой и рѣкою Бузаномъ, при которой находится рыболовный заводъ. О. Б.

ГЛАВА X.

О странѣ Нагаевъ и Астрахани, и о жителяхъ ихъ.

При первомъ вступленіи въ эту страну, я желаю прежде, чѣмъ итти далѣе, сдѣлать небольшой обзоръ ея, равно какъ и главнаго ея города, нравовъ и свойствъ ея обитателей.

Древніе міро-и землеописатели, каковы Птоломей, Страбонъ и другіе, слѣдовавшіе за ними, о Нагайскихъ, а равно и о сосѣднихъ съ ними, Татарахъ частію вовсе не упоминаютъ, частію же говорятъ о нихъ мало, и сообщаютъ неточныя свѣдѣнія, включая ихъ большею частію въ общія имена Скиѳовъ, Сарматовъ и Татаръ. Между тѣмъ они во многомъ различны другъ отъ друга, какъ по жизни своей, нравамъ и обычаямъ, такъ по мѣсту ихъ нахожденія и по имени. Матѳей Мѣховскій (Matthias a Michow), Полякъ, писавшій полтора вѣка назадъ, говоритъ, in praefatione libri de duobus Sarmatiis, что древніе писатели по тому не могли сказать о нихъ ни чего вѣрнаго, что въ древнія времена они не были тамъ исконными обитателями (какъ думаютъ также и нѣкоторые новые бытописатели), но новый народъ, пришедшій туда съ востока не много болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Когда, въ Маѣ, 1211-го года по Р. Хр. (говоритъ тотъ же Матѳей въ другой главѣ), появилась большая комета, обращенная къ Дону и Россіи, съ хвостомъ, простиравшимся на западъ, то она предвѣщала прибытіе этихъ Татаръ. Ибо, спустя годъ послѣ того, этѣ хищническіе народы, убивъ своего собственнаго Царя, удалились изъ Индіи, соединились съ нѣкоторыми, подобными имъ, Сѣверными обитателями и расположились на житье у Понта, гдѣ жили Геты, а потомъ по Дону и Волгѣ, откуда дѣлали частыя вторженія въ землю Русскихъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ настоящіе дни нѣкоторые Татары, живущіе разбоемъ.

Въ 8-й главѣ онъ говоритъ о нихъ уже нѣсколько опредѣленнѣе, раздѣляетъ ихъ на 4 орды или толпы и называетъ ихъ: Заволжскими (Zawolhenses), Перекопскими (Precopenses),

Казанскими (Cosanenses) и Нагайскими (Nohacenses); въ этомъ Матееею слѣдуетъ Гваньинъ, а Гваньину Іоаннъ Raw, въ своей «Cosmographia.» Гваньинъ, впрочемъ, считаетъ 16 ордъ Татаръ. Татары, которыхъ писатели этѣ называютъ Volhacenses (Волжскими), суть не что иное, какъ живущіе при Волгѣ; ибо рѣку эту они называютъ Wolha. Это могутъ быть Черемисы, Казанскіе и другіе Татары. Подъ именемъ же Nohaycenses должно разумѣть Нагаевъ. Я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ помянутые и другіе писатели называютъ этѣхъ Татаръ, какъ они раздѣляютъ ихъ и какія мѣста присвояютъ имъ. Ограничусь повѣствованіемъ только того, что и какъ видѣлъ и узналъ я самъ на мѣстѣ.

Нагаи, называемые также Нагайскими Татарами, суть народы, обладающіе полосою земли между двумя рѣками, Волгою и Яикомъ, простирающеюся до Каспійскаго моря, и главный городъ въ этой странѣ Астрахань, по которой нѣкоторые писатели называютъ и всю эту страну. Полагаютъ, что названіе Астрахани произошло отъ того, что Князь, построившій этотъ городъ и первый обладавшій имъ, назывался Астра-Ханъ (Astra-Chan). Городъ лежитъ не въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Волги, внутри страны, какъ говоритъ Герберштейнъ и какъ думаютъ нѣкоторые, но при самомъ главномъ теченіи Волги, на островѣ Долгомъ (Dolgoi), образуемомъ тамъ рукавомъ этой рѣки.

Высоту полюса въ Астрахани, по неоднократно повтореннымъ наблюденіямъ, я нашелъ въ 46° 222′. Климатъ въ ней довольно теплый. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ тамъ была такая теплая погода, какая бываетъ у насъ въ жаркое лѣто, особенно когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-востока и съ Волги; Южный же вѣтеръ и дующій съ моря приноситъ обыкновенно холодъ, а иногда насыщенный запахомъ моря воздухъ. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, время, которое мы на обратномъ пути простояли въ Астрахани, былъ хотя и сильный жаръ, но, по причинѣ дувшаго тогда постоянно вѣтра, онъ не былъ для насъ тягостенъ. Зима хотя и не продолжается тамъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но бываетъ такая холодная, что Волга, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, совершенно замерзаетъ, такъ что по ней ѣздятъ на саняхъ.

Островъ Долгой (Dolgoi), равно какъ и материкъ на правомъ берегу Волги, песчаны и безплодны; на лѣвомъ же берегу, на востокъ, до Яика лежатъ хорошія пастьбища. По сю сторону Волги, на западъ, идетъ ровная, сухая степь, простирающаяся до Понта или до Чернаго моря на 70, а на югъ до Каспійскаго моря на 80 Нѣмецкихъ миль, какъ мы измѣрили это достаточно вѣрно девятью тягостными днями пути, о чемъ подробнѣе скажу ниже. Пустыня эта даетъ превосходнѣйшую соль, добываемую изъ множества ямъ, колодцевъ или стоячихъ озеръ, изъ которыхъ важнѣйшія: Мачаковское (Mozakoffski), [1] въ 10-ти верстахъ, Каинково (Kainkowa), въ 15-ти, и Гвоздовское (Gwostoffski), въ 30-ти верстахъ отъ Астрахани. Озера или соленные колодцы, лужи, имѣютъ соленыя жилы, черезъ которыя разсолъ поднимается вверхъ и дѣйствіемъ солнечнаго жара выдѣляется въ чистый, какъ кристалъ, толщиною въ палецъ, слой, подобно льду; онъ имѣетъ при этомъ весьма пріятный запахъ фіялки. Всякій, кто только хочетъ, можетъ добывать тамъ соль, заплативши только Великому Князю пошлину по 1-й копѣйкѣ или по 1-му шиллингу за каждые 2 пуда. Русскіе ведутъ громадную торговлю солью, свозятъ ее на берега Волги, ссыпаютъ въ большія кучи, развозятъ потомъ по всей Россіи, но отнюдь не въ Мидію, Персію и Арменію, какъ разсказываетъ Петрей, въ своей Московской Лѣтописи; ибо въ этѣхъ странахъ имѣются свои превосходнѣйшія соленыя ямы и горы, о чемъ скажу я еще въ своемъ мѣстѣ. Несправедливо также и то, что говоритъ онъ на 103 страницѣ, будьто въ 2 миляхъ отъ Астрахани находятся двѣ соляныя горы, называемыя Бузинъ, которыя неистощимы, и если бы 20, или 30, тысячъ человѣкъ ежедневно рубили и кололи этѣ горы столько, сколько хотѣли и могли, то все таки у нихъ была бы работа, и они никогда бы не увидали, чтобы горы тѣ хоть бы на малость отъ того уменьшились; ибо чѣмъ болѣе бы кололи и обрубали ихъ, тѣмъ болѣе бы онѣ росли и дѣлались такими твердыми, какъ скала. Такихъ горъ нѣтъ въ этой странѣ, и разсказъ о нихъ

---

[1] Собственно озеръ три: первое въ длину 750, въ ширину 300 саженъ; второе въ длину 525, въ ширину 40 саженъ; а третье, по причинѣ ила и песка, остается безъ употребленія. О. Б.

можно отнести къ утопіамъ. Что касается до соляныхъ ямъ или колодцевъ, то справедливо, что чѣмъ болѣе снимать съ нихъ соляныхъ слоевъ, тѣмъ болѣе ихъ будетъ снова выдѣляться; ибо въ богатыхъ источникахъ разсола недостатка нѣтъ.

Волга въ этомъ мѣстѣ и до Каспійскаго моря, лежащаго отъ Астрахани въ 12-ти миляхъ, доставляетъ чрезвычайно богатый ловъ всякаго рода рыбы, которая сдѣсь весьма дешева, такъ что за 1 грошъ можно купить 12 большихъ карповъ, а 200 стерлядей, или небольшихъ осетровъ (рыба чрезвычайно нѣжная на вкусъ), за 15 грошей. Водится сдѣсь и бездна раковъ; но какъ ни Татары, ни Русскіе не ѣдятъ ихъ, то ихъ ни во что ставятъ и выбрасываютъ.

Въ этой же странѣ, по близости моря и по множеству лежащихъ подъ Астраханью острововъ, поросшихъ тростникомъ и кустарниками, водится множество всякаго рода дичи, особенно дикихъ гусей и большихъ красныхъ утокъ, которыхъ Татары мастерски скоро ловятъ съ помощію пріученыхъ къ тому соколовъ и ястребовъ, водящихся тамъ тоже въ большомъ количествѣ. Есть также сдѣсь и бездна кабановъ, за которыми Татары охотятся; но такъ какъ по закону ихъ они въ пищу ихъ не употребляютъ, то продаютъ Русскимъ за ничтожныя деньги.

Что касается до садовыхъ плодовъ, то они сдѣсь такъ хороши, что и въ Персіи мы не находили почти лучшихъ. А именно: яблоки, айва, Грецкіе орѣхи, большія желтыя дыни, также водянистыя дыни, которыя Русскіе называютъ арбузами, Татары и Турки карпусами (Karpus), по причинѣ ихъ свѣжести, Персы Гиндуанами (Hinduanae), по тому что въ Персію привезены они впервые Индѣйцами. Видомъ они походятъ на дыню или скорѣе еще на тыкву, имѣютъ зеленоватую кожицу и тѣлеснаго цвѣта и весьма сочное и сладко сахарное мясо и черныя сѣмена. Такихъ арбузовъ и дынь Татары еженедѣльно привозятъ на базаръ въ Астрахань по 10 и по 20 возовъ, и продаютъ ихъ весьма дешево.

Недавно еще сдѣсь не было ни одного винограднаго растенія. Персидскіе купцы привезли какъ-то первыя виноградныя лозы въ Астрахань, которыя одинъ монахъ и посадилъ у себя

въ монастырѣ, находящемся подъ городомъ. Когда же увидали, что лозы принялись и пошли расти хорошо, то въ 1613 году, по приказанію Великаго Князя, тѣмъ же монахомъ разведенъ былъ настоящій виноградный садъ, который годъ отъ году расширяется и приноситъ превосходный крупный и сладкій виноградъ, который, какъ и другіе, разведенные тамъ, древесные плоды, частію посылаются въ Москву, къ Великому Князю, частію же продаются на мѣстѣ Воеводамъ и другимъ знатнымъ господамъ. Теперь и нѣкоторые граждане Астраханскіе развели при своихъ домахъ виноградные сады, и хозяинъ нашъ говорилъ намъ, что его виноградный садъ въ тотъ годъ доставилъ ему до 100 талеровъ. Въ нынѣшнемъ году меня извѣщали за вѣрное, что теперь въ Астрахани выдѣлывается уже столько вина, что его ежегодно вывозится оттуда въ Москву отъ 56 до 60 пипъ или большихъ бочекъ, и Астраханцы имѣютъ у себя теперь садовника винограднаго, Якова Ботмана (Jacob Bothman), который обучался въ Готторфѣ, у Придворнаго садовника Его Княжеской Свѣтлости, завѣдывающаго и увеселительнымъ садомъ.

Помянутый сей часъ монахъ, въ нашу бытность, былъ уже 105 лѣтъ, родомъ Австріецъ, во время войны плѣннымъ мальчикомъ былъ вывезенъ въ Россію, перекрещенъ въ Русскую Вѣру и присланъ сюда на житье въ монастырь. Тогда онъ управлялъ цѣлымъ монастыремъ, могъ еще говорить кой-что по Нѣмецки, дѣлалъ разныя одолженія тѣмъ изъ насъ, которые его посѣщали, самъ также посѣщалъ Пословъ и приносилъ имъ въ даръ плоды, насажденные его собственною рукою, и вообще былъ нрава общительнаго и веселаго. Когда онъ выпилъ двѣ чарки водки, то началъ показывать свою бодрость и плясать безъ палки, хотя уже и дрожащими ногами. Онъ говорилъ, что страна эта здорова и въ ней много старыхъ людей.

Обитатели этой страны Нагаи (Nagajae), или Астраханцы, были, какъ уже сказано, нѣкогда чистые Татары, имѣли собственныхъ своихъ Царей и состояли въ такой дружбѣ и союзѣ съ Казанскими и Крымскими Татарами, что кто имѣлъ непріятелемъ какой ни будь одинъ изъ сихъ народовъ, тотъ долженъ былъ воевать со всѣми ними. Но Великій Князь Иванъ Васильевичъ, черезъ два года

послѣ завоеванія Казани, пошелъ войной и на Царство Нагайское, и покорилъ его своей власти. Такъ 1-го Августа, 1554 года, [1] и главный городъ Астрахань взятъ былъ приступомъ, Татары изгнаны изъ него и заселенъ онъ съ той поры Русскими.

Послѣ этого Грозный укрѣпилъ городъ крѣпкой каменной стѣной, а нынѣшній Великій Князь расширилъ его, приказавъ пристроить къ нему стрѣлецкій городъ (Strelitza gorod) или часть города, въ которой живутъ теперь стрѣльцы. Городъ снаружи, съ Волги (которая сдѣсь шириною въ 2,260 футовъ), имѣетъ довольно красивый видъ по множеству башенъ и колоколенъ; внутри же большею частію состоитъ изъ деревянныхъ строеній. Онъ снабженъ довольно сильной стражей и, какъ говорятъ Астраханцы, 500-ми металлическими пушками, между коими есть нѣсколько полныхъ и полуосадныхъ короткихъ пушекъ (Cartaunen), которыя мы сами видѣли. Теперь тамъ 9 Приказовъ, и къ каждому изъ нихъ принадлежатъ по 500 стрѣльцовъ, которые состоятъ подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, одного Писаря и нѣсколькихъ Капитановъ, и которые всегда должны быть на службѣ и сторожѣ и, такимъ образомъ, обуздывать Татаръ. Въ городѣ проживаютъ, впрочемъ, не одни только Русскіе, но и Персіяне и Индѣйцы, и всѣ они имѣютъ тамъ свои собственные торговыя площади. Также Бухарцы, Крымскіе и Нагайскіе Татары, Армяне Христіяне, и всѣ эти народы ведутъ всякаго рода товарами значительную торговлю и промышленность, такъ что городъ этотъ доставляетъ Его Царскому Величеству ежегодно громадныя суммы, принося одними пошлинами 12 тысячъ рублей или 24 тысячи рейхсталеровъ.

Сдѣшнимъ Татарамъ, которые частію Нагайскіе, а частію Крымскіе, не дозволяется жить въ самомъ городѣ, а внѣ города, на извѣстныхъ мѣстахъ, которыя они могутъ обносить только плетнями; и вообще во всей этой области Татары живутъ не въ укрѣпленныхъ городахъ и селеніяхъ, а въ круглыхъ, имѣющихъ въ разрѣзѣ обыкновенно 10 футовъ, шалашахъ, сплетенныхъ изъ камыша или тростника, на подобіе нашихъ плетушекъ для птицъ. Сверху они покрываются войлоками, по срединѣ которыхъ

[1] Собственно 2-го Іюля, 1554 г., а окончательно въ 1557 г. О. Б.

дѣлается отверстіе для дыму, а надъ отверстіемъ опять кусокъ войлока, который можно произвольно приподнимать и направлять, смотря по вѣтру. Когда топливо ихъ, состоящее обыкновенно изъ соломы и сушенаго коровьяго помету, все прогоритъ, и дыма уже не будетъ, этотъ кусокъ войлока опускаютъ, прикрывая отверстіе и, если погода хорошая, то шалашъ окутывается войлокомъ, или камышемъ, и тогда жены и дѣти сидятъ себѣ вокругъ углей и пепла, и тепло въ шалашѣ можетъ сохраниться долгое время.

Лѣтомъ они не имѣютъ опредѣленныхъ мѣстъ для своихъ постоянныхъ жилищъ, но перемѣняютъ мѣста и переносятъ свои шалаши съ мѣста на мѣсто такъ часто, какъ только оказывается это нужнымъ для пріисканія своему скоту свѣжаго и хорошаго пастьбища. При такихъ переходахъ они ставятъ свои лачужки на высокія телѣги, которыя всегда бываютъ при нихъ у жилья, и перетаскиваются такимъ образомъ съ женами, дѣтьми и всей домашней утварью, которыхъ разсаживаютъ и размѣщаютъ на коровахъ, быкахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Русскіе называютъ ихъ по этому Половцами (Polowtzki); ибо они бродятъ съ мѣста на мѣсто. Зимою же опять собираются къ Астрахани и размѣщаются на отдѣльныя орды (какъ въ Германіи гарды или станы) или роты, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было прійти и тѣмъ и другимъ на помогу; ибо они часто подвергаются нападеніямъ и грабежу отъ постоянныхъ враговъ своихъ, Калмыковъ, не только тѣхъ, которые разсѣяны вездѣ отсюда до Саратова и называются Булгарскими Татарами (Bulgarische Tartern), но также и тѣхъ (Калмыковъ же), которые живутъ за рѣкою Яикомъ и перебираются сюда въ зимнее время вездѣ по замерзшей рѣкѣ. Для того же, чтобы они получше встрѣтили этѣхъ враговъ и могли защищаться противъ нихъ, на это время имъ выдаются изъ Русской оружейной палаты орудія и вооруженія, которыя, съ наступленіемъ лѣта, они возвращаютъ назадъ, и болѣе этого они уже не смѣютъ имѣть при себѣ ни какого вооруженія.

Хотя они не платятъ Великому Князю ни какихъ податей, но если онъ пожелаетъ поставить ихъ въ поле противъ какого

ни есть непріятеля, то они обязаны явиться, и дѣлаютъ это охотно, въ надеждѣ на добычу, въ которой состоитъ главное ихъ богатство, какъ у Дагестанскихъ Татаръ, о которыхъ буду говорить еще на возвратномъ пути. Они наскоро могутъ собрать и поставить изъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ и храбро дерутся съ непріятелемъ.

Хотя имъ дозволяется имѣть собственныхъ своихъ Князей, Начальниковъ и Судей, но, чтобы вѣрнѣе обезпечить себя отъ возможности возмущенія съ ихъ стороны, нѣсколько Мирзъ ихъ или Князей должны постоянно находиться поочередно въ Астраханской крѣпости, и содержаться тамъ въ качествѣ заложниковъ.

Нагайскіе, равно какъ и Крымскіе, Татары тѣломъ тучны, коренасты, широколицы, имѣютъ маленькіе глаза и цвѣтъ кожи темножелтоватый. У мужчинъ лице морщинистое, какъ у старыхъ, волосы на бородѣ рѣдкіе, а на головѣ низко и гладко остриженные.

Всѣ они носятъ длинные кафтаны, иные изъ сѣраго сукна, другіе, особенно Нагайцы, овчинные тулупы и шапки, мѣхомъ наружу. Женщины, обыкновенно непротивныя лицомъ, носятъ кафтаны изъ бѣлаго полотна и круглыя шапочки со складками, которыя вверху сходятся въ острый конецъ, на подобіе шлема, и выложены и увѣшаны Русскими копѣйками, какъ бы пуговицами, или застежками. Перворожденныя, равно какъ и тѣ изъ дочерей ихъ, которыхъ родители посвятили Богу, или какому ни будь Имаму и Святому, во время нахожденія ихъ еще въ утробѣ матери, носятъ, въ знакъ того, что онѣ рабы ихъ и преданы имъ, въ правой ноздрѣ кольцо съ бирюзой, рубиномъ, или кораллами, точно также какъ мальчики носятъ такія кольца въ ушахъ. Подробнѣе я буду говорить объ этомъ при описаніи Персовъ, у которыхъ существуетъ подобный же обычай. Дѣти ходятъ голыя, безъ рубашекъ и всѣ съ претолстыми животами.

Пищу сихъ Татаръ составляетъ все то, что доставляетъ имъ скотоводство, рыболовство и птицеводство. Быки и коровы

ихъ очень крупны и сильны, подобно Польскимъ; овцы ихъ, также какъ и Персидскія, имѣютъ толстые, большіе хвосты, состоящіе изъ одного жиру и вѣсящіе иногда отъ 20 до 30 фунтовъ, висячія, какъ у лягавыхъ собакъ, уши, и не прямые, съ горбиной носы. Лошади ихъ не видныя, но сильныя и выносливыя. У нихъ есть также и верблюды, но больше двугорбые, чѣмъ одногорбые, и первыхъ называютъ они Боггуръ (Boggur), а вторыхъ Тове (Towae).

Обыкновенныя кушанья Татаръ составляютъ: высушенная на солнцѣ рыба, употребляемая ими вмѣсто хлѣба; молотый рисъ и просо, изъ муки которыхъ они дѣлаютъ родъ лепешекъ, и обмакиваютъ ихъ въ маслѣ, или въ меду. Кромѣ прочихъ мясъ они ѣдятъ верблюжину, конину, пьютъ воду, молоко и особенно кобылье, которое считается лакомымъ и здоровымъ напиткомъ. По этому, когда однажды Посланники отправились къ Татарамъ посмотрѣть на ихъ орды и палатки, то Татары нацѣдили имъ кобыльяго молока изъ особаго кожанаго мѣшка, и предложили имъ выпить его.

Вѣра ихъ—Магометанская, но обрядность религіозная не Персидская, а Турецкая. Нѣкоторые Татары приняли Русскую Вѣру и перекрестились. Съ нами они были чрезвычайно дружелюбны. Одинъ Мирза или Князь ихъ, желая доставить удовольствіе Посламъ нашимъ, хотѣлъ было позабавить ихъ соколиною охотою, и сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для ней, но Воевода не позволилъ ему.

ГЛАВА XI.

Что далѣе было съ нами въ Астрахани, какъ посѣщали насъ нѣкоторыя лица и какъ угощали насъ въ гостяхъ.

Во все время стоянки нашей у Астрахани, когда случалось, что намъ нужно было что ни будь сварить, спечь, убить скотъ, и добыть что либо изъ продовольствія для опустѣлой стряпни и

погреба нашего, все нужное для этого намъ присылали Персидскіе и Татарскіе купцы, а также и другія лица, въ подарокъ съ кѣмъ ни есть, иногда же сами лично посѣщали Пословъ, а также и Послы, въ свою очередь, посѣщали ихъ.

Такъ, когда мы только что стали у Астрахани, какъ сказано выше, съ нашимъ кораблемъ, и сдѣлали привѣтствіе выстрѣлами, купецъ Персидскаго Царя, а также и другіе Персидскіе купцы, только что пріѣхавшіе туда же изъ Персіи, прислали, въ привѣтъ Посламъ нашимъ, нѣсколько прекрасныхъ большихъ арбузовъ, дынь, яблокъ, персиковъ, абрикосовъ и кисти крупнаго винограда, съ просьбою, чтобы Послы благосклонно приняли пока подарокъ этотъ отъ нихъ, также чужестранцевъ въ этомъ мѣстѣ; если же Богъ поможетъ прибыть въ Персію, то тамъ все, принадлежащее имъ, Персамъ, готово будетъ къ услугамъ Гг. Пословъ. Въ свою очередь и Послы наши снарядили нѣсколько человѣкъ, и послали ихъ къ Персидскому купцу и Князю Мусулу съ подарками, состоявшими изъ разныхъ дорогихъ напитковъ (водицъ), вина и конфектъ.

На другой день нашего прибытія нѣсколько партій Персидскихъ купцевъ пришли на нашъ корабль, осмотрѣть его и посѣтить Пословъ, при чемъ каждый принесъ съ собою какихъ ни будь плодовъ; ибо въ Персіи уже такой обычай, что никто не является къ какому либо знатному Господину безъ подарка, хотя бы самаго ничтожнаго. Гости этѣ, по обычаю своей страны, обращались очень любезно и общительно, что показалось намъ весьма страннымъ послѣ грубости Русскихъ, и такъ какъ для насъ они были люди новые и давно желанные, съ которыми намъ предстояло еще имѣть ближайшее сношеніе, то тѣмъ болѣе мы предоставили имъ свободы у насъ; отъ того всѣ они такъ подпили, что когда сходили съ корабля, то нѣкоторые изъ нихъ попадали въ воду, а одинъ пожилой почетный купецъ заснулъ и цѣлую ночь пробылъ у насъ на кораблѣ. Этотъ старикъ во время попойки еще былъ такъ любезенъ, что когда Послы, предлагая ему стаканъ Французскаго вина, сказали: «Можетъ вино нашей страны, послѣ крѣпкихъ напитковъ Персидскихъ, не понравится вамъ и будетъ непріятно,» онъ тотчасъ же взялъ

стаканъ и отвѣчалъ, что если бъ то былъ и ядъ, то изъ рукъ Пословъ онъ выпилъ бы и его.

17 го Сентября купецъ Персидскаго Царя вторично прислалъ въ подарокъ Посламъ 2 мѣшка рису, не похожаго на обыкновенный, прекраснаго, бѣлаго, крупнозернистаго, и кружку развареннаго Персидскаго чесноку, на вкусъ весьма пріятнаго; какъ изготовляется онъ, скажу ниже.

Съ прислугою купца пришли къ намъ и другіе Персы, мореходцы, осматривали нашъ корабль, удивлялись его громадности и говорили, что онъ не можетъ служить для плаванія на Каспійскомъ морѣ, на которомъ обыкновенно бываютъ весьма высокія и обрывистыя волны; или же, по крайней мѣрѣ, надо будетъ укоротить мачту на нашемъ кораблѣ, чтобы можно было плыть въ немъ. Что Külsüm (такъ называли они Каспійское море) съ тѣхъ поръ, какъ по немъ плаваютъ суда, никогда еще не видалъ такого громаднаго корабля; ибо ихъ корабли такіе, какъ наши маленькія шюты (плоскодонныя судна) и видомъ похожи на ванну для купанья, очень высоко стоятъ надъ водою, скрѣпляются множествомъ балокъ или перекладинъ, выходящихъ на обѣ стороны и сколачиваемыхъ клиньями, и этѣми-то балками все судно сдерживается снизу до верху; въ срединѣ онѣ совершенно открыты, не имѣютъ насосовъ и накопившуюся воду просто вычерпываютъ. Плаваютъ они на этѣхъ судахъ обыкновенно съ однимъ большимъ парусомъ и рѣяться (laviren) не умѣютъ. По этому во время бури они или отдаются на произволъ вѣтра, хотя съ великою опасностію, или же бросаютъ якорь. Вообще же никто охотно не отваживается плыть въ этомъ морѣ на глубинѣ болѣе 10 саженъ.

По отъѣздѣ Персовъ съ корабля Посланники наши послали, съ своимъ Секретаремъ, большой бокалъ къ главнѣйшему Воеводѣ, Ѳедору Васильевичу (Fedor Vasiliwitz), въ подарокъ, съ порученіемъ при этомъ узнать его мнѣніе и совѣтъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ: не удобнѣе ли будетъ ѣхать далѣе сухимъ путемъ, чѣмъ моремъ? Для отвѣта Воевода просилъ отсрочки на нѣсколько дней, чтобы справиться и переговорить съ другими мореходцами.

По многимъ причинамъ потомъ принято за разумнѣйшее ѣхать водою, а не сухимъ путемъ.

19 Числа Татарскій Князь Мусалъ извѣстилъ насъ, что онъ хочетъ пріѣхать къ намъ на корабль посѣтить Пословъ; по тому, на встрѣчу ему, къ берегу послана была наша шлюбка, обложенная ковромъ, съ нѣсколькими людьми изъ сопровождающихъ Пословъ. Онъ пріѣхалъ тоже въ сопровожденіи 40 человѣкъ и, кромѣ того, при немъ находился другой Мирза и Великокняжескій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ (Poslanik, Alexei Sawinowitz). Самъ Мусалъ былъ одѣтъ въ дорогое Русское платье, шитое золотомъ и жемчугомъ; съ виду онъ былъ высокій, крѣпкій и внушающій почтеніе человѣкъ, съ бѣлымъ, пріятнымъ лицемъ, съ длинными и черными какъ уголь волосами; лѣтъ около 28-ми, веселый и разговорчивый. Когда онъ вошелъ на корабль, то сперва привѣтствовали его на трубахъ, потомъ выстрѣлили изъ 3-хъ большихъ пушекъ, и за тѣмъ, во время угощенія въ каютѣ Посланниковъ, постоянно играла музыка. Тѣлохранители, слуги и солдаты выстроились въ своемъ порядкѣ и вооруженіи, что все очень понравилось Татарину и весьма лестно было ему. Послѣ двухчасоваго пріятнаго пребыванія въ каютѣ и вездѣ на кораблѣ, который водили его осматривать, по его желанію, пригласили его внизъ, въ столовую, гдѣ просили его къ столу, уставленному всякаго рода конфектами, но онъ не сѣлъ и поспѣшилъ отправиться домой. При отъѣздѣ его опять стрѣляли изъ пушекъ и ружей.

20-го Сентября Послы наши отправили нашего Маршала ко купцу Персидскаго Шаха, поклониться ему отъ нихъ и просить, чтобы онъ сдѣлалъ имъ честь и пожаловалъ бы къ нимъ на корабль, что и было на слѣдующій же день. Купецъ этотъ, по имени Наурусъ (Naurus), прибылъ съ другимъ знатнымъ Персидскимъ купцомъ, называвшимся Нуреддинъ Магуммедъ (Naureddin Mahummed), и съ Приставомъ, приставленнымъ къ нему Воеводою. Эти господа были приняты и угощены также, какъ и Татарскій Князь. Когда они, между разными пріятными разговорами и весельемъ, послушали немного нашу музыку, то попросили и имъ дозволить принести

ихъ музыкальные инструменты, которые состояли изъ свирѣлей (дудокъ) и барабановъ. Барабаны ихъ сдѣланы были изъ обожженной горшечной глины, въ видѣ продолговатаго горшка; на этѣхъ барабанахъ Персы выбивали хотя и странные звуки, но довольно искусно и быстро выигрывали разныя штуки. Подъ такую музыку отправились Персы и отъ насъ на берегъ, гдѣ, въ разбитыхъ палаткахъ ихъ, еще долго слышалась она намъ, на кораблѣ нашемъ.

22-го числа, рано утромъ, Воевода, въ благодарность за подарки, прислалъ Посламъ: 20 окороковъ, 12 большихъ копченыхъ рыбъ, кадочку икры (Cavijar), 1 боченокъ пива и 1 боченокъ меду.

Въ полдень Польскій Посолъ, о которомъ сообщалъ намъ купецъ (Cuptzi) Персидскаго Шаха еще 3-го Сентября, прислалъ, вмѣстѣ съ Посломъ Персидскаго Шаха къ Королю Польскому, двухъ своихъ служителей къ нашимъ Посланникамъ, на поклонъ, съ подаркомъ фляги шараба (Scharab) или Персидскаго вина. Польскій Посолъ былъ монахъ и подписывался такъ: «Fr. Johannem de Lucca indignum sacri ordinis praedicatorum.» Посолъ же Персидскій былъ Архіепископъ изъ Арменіи, Августинъ Базецій (Augustinus Basecius). Двое прислужниковъ, присланныхъ къ намъ, были: одинъ Итальянскій Капуцинъ, а другой Французъ. Этѣ послѣдніе жаловались намъ, что вотъ уже 5 мѣсяцевъ, какъ они сидятъ, словно плѣнные, въ Астрахани, и далѣе ихъ не пускаютъ.

Въ этотъ же день Посланники наши отправили къ Воеводѣ сказать, что завтра они желали бы посѣтить Князя Мусала, по чему и просили Воеводу прислать верховыхъ для поѣздки этой лошадей имъ и ихъ прислугѣ. Намъ съ готовностію обѣщали, и на слѣдующій же день Воеводскій конюшій привелъ просимыхъ лошадей на берегъ. Посланники поѣхали верхомъ съ важнѣйшими чинами изъ своихъ, сперва въ домъ, отведенный для помѣщенія ихъ за городомъ, откуда послали доложить надлежащимъ порядкомъ Князю Мусалу о своемъ прибытіи; и когда насъ извѣстили что Мусалъ давно ждетъ и желаетъ

насъ видѣть, то мы поѣхали къ нему на квартиру, которая была въ городѣ. Князь, богато одѣтый, вышелъ на встрѣчу Посламъ въ дворѣ на лѣстницу, радушно принялъ насъ и повелъ вверхъ въ покой, увѣшанный коврами. У него былъ и Посланникъ Алексѣй, а потомъ пришелъ и Татарскій Посолъ изъ Крыма, находившійся тоже въ караванѣ, надменный и суровый нравомъ человѣкъ. Мусалъ выставилъ для угощенія въ изобиліи всякаго рода садовые плоды, вмѣстѣ съ виномъ, пивомъ, медомъ и водкой. Приказалъ заиграть на регаліи, [1] и нѣсколькихъ Русскихъ трубачей, состоявшихъ при Воеводѣ, просилъ поиграть веселыя пѣсни, самъ же поднесъ намъ въ большихъ бокалахъ и серебряныхъ чашахъ вина, предлагая его выпить, за доброе здоровье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго и проч. и проч. Во все это время онъ стоялъ, со всѣми своими, и самъ собственною рукою подавалъ чашу съ виномъ каждому изъ насъ, даже нашимъ пажамъ и прислужникамъ и вообще со всѣми былъ весьма любезенъ. За тѣмъ Алексѣй тоже началъ торжественно и многорѣчиво восхвалять родъ, храбрость и прочія заслуги Мусала, говоря, что онъ не простой какой ни будь Мирза, какихъ много у Татаръ, но сынъ брата великаго и, пожалуй, важнѣйшаго при Дворѣ Великаго Князя Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); что теперь, въ знакъ великой къ нему милости, онъ получилъ отъ Его Царскаго Величества помѣстье (die Lehn), дорогія одежды и много другихъ подарковъ; что въ настоящее время одинъ изъ его братьевъ состоитъ при Дворѣ Его Царскаго Величества и получаетъ тамъ превосходное содержаніе; что, наконецъ, сестра его за мужемъ за Персидскимъ Шахомъ и проч. и проч.

На этой пирушкѣ мы съ высокороднымъ Іоанномъ Альбрехтомъ Фонъ Мандельсло условились, что кто изъ насъ переживетъ другого, тотъ, въ память объ умершемъ, долженъ написать похвальное слово, что я, переживши его, и исполнилъ,

---

[1] Большая труба, звуки которой похожи на голосъ человѣка. Перев.

какъ могъ, и написанное слово мое можно видѣть въ его описаніи путешествія въ Восточныя Страны, которое я издаю особо.

Повеселившись нѣсколько часовъ у Мусала всякаго рода его любезностями и добрымъ расположеніемъ, и разставшись съ нимъ, Посланники наши пожелали проѣхать въ мѣста жительства Татаръ, посмотрѣть ихъ. По этому мы направились къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя шла ближайшая туда дорога. Но ворота этѣ, по приказанію Воеводы, не извѣстно въ слѣдствіе какихъ причинъ, заперли передъ нами, по чему мы и отправились на корабль свой.

24-го числа прибылъ на корабль Посланникъ Алексѣй, посѣтить нашихъ Пословъ, и онъ былъ нами принятъ и угощенъ, какъ слѣдуетъ, хорошо. Онъ былъ веселъ и предлагалъ намъ свою заботливость о насъ и дружбу въ то время, когда мы будемъ съ нимъ въ Персіи. Наши Посольскіе чины и прислуга, проводившіе его обратно на его корабль, въ числѣ 12 человѣкъ, всѣ получили отъ него, въ благодарность, подарки, по одному соболю.

Этотъ Русскій, посланный Великимъ Княземъ Московскимъ къ Персидскому Шаху въ качествѣ малаго Посла, болѣе для того, чтобы блюсти за нашимъ дѣломъ и нашими отношеніями, былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ здравымъ умомъ и весьма ловкій, зналъ нѣсколько Латинскихъ изреченій, противъ обыкновенія Русскихъ; имѣлъ большую охоту къ свободнымъ искуствамъ, особенно же къ нѣкоторымъ математическимъ наукамъ и къ Латинскому языку; онъ просилъ, чтобы мы помогли ему въ изученіи этѣхъ предметовъ, и въ Персіи, гдѣ мы были вмѣстѣ, а особенно на обратномъ пути, онъ, прилежными занятіями, постоянными разговорами и упражненіемъ въ продолженіи 5-ти мѣсяцевъ, сдѣлалъ такіе успѣхи въ Латинскомъ языкѣ, что могъ передавать на немъ, хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но весьма понятно для другихъ, свои задушевныя мысли. Онъ также быстро и съ охотою уразумѣлъ употребленіе астролябіи и все то, что относится до высоты солнца, часовъ и геометріи. Нашему часовщику онъ заказалъ сдѣлать астролябію, и когда бывало останавливались мы

на ночлегъ въ какомъ ни будь городѣ, или селеніи, особенно же въ Астрахани, онъ выходилъ съ этой астролябіей для упражненій на улицу, и разсказывалъ людямъ высоту домовъ и другихъ зданій, что чрезвычайно удивляло Русскихъ, не привыкшихъ видѣть своихъ соотечественниковъ за подобными занятіями.

25 числа Шаховъ купецъ (Cuptzi) прислалъ съ приглашеніемъ Гг. Пословъ, съ ихъ свитою, въ слѣдующій день на пиръ къ нему, при чемъ просилъ сообщить имя и титулъ милостивѣйшаго нашего Князя и Государя, а равно и имена самихъ Пословъ, объясняя, что онъ пошлетъ впередъ гонца въ Шамаху и Мидію, къ тамошнимъ Хану и Губернатору, для того, чтобы, достигши Персидскихъ границъ, мы тѣмъ скорѣе могли быть отправлены далѣе.

26-го Сентября сказанный купецъ (Cuptzi) прислалъ на берегъ 7 осѣдланныхъ и прекрасно убранныхъ верховыхъ лошадей для Посланниковъ и сопровождающихъ ихъ.

Купецъ Наурусъ (Naurus) устроилъ и приготовилъ все великолѣпно и роскошно въ отведенномъ ему Воеводою домѣ, въ городѣ; на другомъ домѣ, бывшемъ напротивъ, снята была крыша, устроенъ театръ, увѣшанный ниспадающими внизъ Персидскими пестрыми покрывалами и украшенный двумя водруженными знаменами. На этомъ театрѣ стояло 3 барабанщика и нѣсколько человѣкъ дудочниковъ, которые играли вмѣстѣ, когда прибыли Посланники, а также и во все время пира.

Домъ, въ которомъ купецъ принималъ гостей, внутри по всѣмъ стѣнамъ былъ увѣшанъ Персидскими и Турецкими коврами. Купецъ Наурусъ вышелъ на встрѣчу Посланникамъ еще на дворѣ, принялъ ихъ весьма дружески и повелъ ихъ на верхъ, черезъ двѣ великолѣпныя комнаты, обтянутыя на потолкѣ, на полу и по стѣнамъ дорогими коврами, въ покой, увѣшанный золотою парчею. Въ каждой комнатѣ, для большаго удобства для насъ и въ противность даже обычаю Персовъ, которые обыкновенно всѣ сидятъ и ѣдятъ на полу, разставлены были столы и лавки, также покрытые дорогими коврами. Всѣ столы были уставлены

садовыми плодами и конфектами: виноградомъ, яблоками, дынями, персиками, черешней, миндалемъ, изюмомъ двоякаго рода, изъ которыхъ одинъ составлялъ маленькія, бѣлыя и весьма сладкія ягоды безъ зеренъ, лущеными большими Грецкими орѣхами, фисташками и всякаго вида иностранными Индѣйскими плодами, вареными въ сахарѣ и меду; всѣ этѣ угощенія покрыты были шелковыми платками.

Только что мы усѣлись, явились и духовныя особы, а именно: Послы Шаха Персидскаго и Короля Польскаго; поверхъ духовной одежды на нихъ были еще кафтаны изъ золотой парчи, подаренные имъ Персидскимъ Шахомъ и, кромѣ того, у каждаго на груди висѣло по золотому кресту. Они знали Латинскій, Испанскій, Итальянскій и Французскій языки, на которыхъ и разговаривали съ нашими Посланниками. Какъ только они усѣлись, тотчасъ конфекты открыли и начали подчивать ими, а также и напитками крѣпкими, водкой, медомъ и пивомъ. Послѣ двухъ часоваго такого угощенія, по обыкновенію Персовъ, конфекты были убраны, накрыли столъ для обѣда, и уставили его всевозможными кушаньями на серебряныхъ и мѣдныхъ вылуженныхъ блюдахъ. На всѣхъ блюдахъ, впрочемъ, сперва наложенъ былъ вареный рисъ различныхъ цвѣтовъ, и за тѣмъ на этомъ рисѣ лежали уже вареныя и жареныя куры, утки, говядина, баранина, рыба, и всѣ этѣ кушанья изготовлены были хорошо и были довольно вкусны.

За столомъ Персы не употребляли ножа, учили насъ разнимать (рушить) говядину руками и вообще ѣсть ихнимъ способомъ. Впрочемъ, куры и другія мяса разрѣзываются на удобныя для ѣды куски еще поваромъ, при изготовленіи имъ кушанья. Рисъ, который они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, берутъ они большими пальцами, иногда же и всею рукой съ блюда, кладутъ на него кусочки мяса и за тѣмъ все вмѣстѣ несутъ въ ротъ. У каждаго стола стояло по одному suffretzi или раздавателю, который беретъ кушанья маленькой серебряной лопаточкой и съ помощію руки изъ большихъ сосудовъ, въ которыхъ кушанья приносятся, и кладетъ ихъ на маленькія блюда; бываетъ, что на одно такое блюдо, на рисъ, кладется 4, или 5, кушаній; изготовляемое та-

кимъ образомъ блюдо подается одно на двоихъ, а иногда и на трехъ человѣкъ. Въ продолженіе пирушки пили мало, но потомъ пили довольно крѣпкую круговую, наконецъ каждому подана была съ предложеніемъ выпить, особая фарфоровая чаша, полная горячаго черноватаго напитка, который Персы называютъ Kahave и о которомъ въ другомъ мѣстѣ я скажу подробнѣе. Вообще, Персы были къ намъ такъ дружелюбны и услужливы, что ихъ любезность и доброе расположеніе къ Нѣмецкому народу мы видѣли не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

При прощаніи, которое со стороны всѣхъ, какъ монаховъ, такъ и Персовъ, сопровождалось изъявленіями дружбы и глубокаго уваженія, барабаны и дудки весело забили и заиграли какую-то особую пѣсню. Двое изъ важнѣйшихъ Персовъ провожали Посланниковъ до городскихъ воротъ, гдѣ и разстались съ нами съ выраженіемъ глубокой благодарности Посламъ за ихъ радушіе и оказанную ими Персамъ честь и съ предложеніемъ имъ еще большихъ услугъ. Когда Посланники взошли на шлюбку, то сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ орудій, точно также, какъ это было и при высадкѣ ихъ изъ шлюбки. Такимъ образомъ день этотъ проведенъ былъ въ стараніяхъ завязать дружественныя отношенія съ чуждыми народами, и мы пріобрѣли себѣ друзей между этѣми народами.

27 числа Послы съ немногими изъ насъ поѣхали верхами за милю отъ города Астрахани, посмотрѣть на жилища Татаръ. На дорогѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, мы видѣли, какимъ образомъ быки и лошади, привязанные къ колу, бѣгали вокругъ этого кола, и этѣмъ круговымъ бѣганіемъ своимъ выбивали и молотили просо. Укаждой лачужки Татарской видѣли мы либо сокола, либо орла, которыхъ они употребляютъ для охоты. На возвратномъ пути мы встрѣтили одного изъ Князей ихъ, который ѣхалъ верхомъ въ простомъ овчинномъ тулупѣ и со соколомъ. Онъ очень жалѣлъ, что не былъ дома, въ своей ордѣ, и по тому не могъ угостить Пословъ нашихъ.

Того же числа Великокняжескій Посланникъ или малый Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, отправился впередъ въ Персію, Каспійскимъ моремъ.

28 Сентября другой знатный купецъ, Нуреддинъ Магуммедъ давалъ въ честь нашихъ Посланниковъ пиръ, который былъ также великолѣпенъ и обставленъ такими же обрядностями, какъ у Науруса. Театръ для барабанщиковъ и дудочниковъ на дворѣ, противъ стола, устроенъ былъ едва ли еще не богаче Наурусова. На пиръ этотъ приглашены были опять и монахи. Тутъ же находились и нѣсколько Индѣйцевъ изъ Восточной Индіи и двое Русскихъ, отряженныхъ сюда Воеводой и знавшихъ Персидскій языкъ; этѣ послѣдніе были сдѣсь для того, чтобы Воевода могъ знать, какой разговоръ будетъ на пирѣ. По этому, когда Посланникъ Бругманъ въ разговорѣ своемъ, направленномъ противъ Турокъ, которые были въ то время непріятелями Персовъ, но съ Русскими находились въ мирѣ, зашелъ уже далеко въ своихъ оскорбительныхъ отзывахъ о Туркахъ, то Персы, видя такой разговоръ неловкимъ и непріятнымъ для себя, просили его оставить оный и говорить о чемъ ни будь повеселѣе. Изъ этого обстоятельства и просьбы прекратить такой разговоръ можно было заключить только о добромъ расположеніи Персовъ къ намъ, которое они оказываютъ обыкновенно всякому, присланному Высокими Государями къ ихъ Шаху. Это было съ ихъ стороны только малымъ свѣдѣтельствомъ или знакомъ того благорасположенія, которое позднѣе мы нашли въ ихъ странѣ. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію Воеводы, монахи должны были удалиться съ пиршества.

29 числа къ намъ прибылъ тотъ Нагайскій Мирза, котораго мы встрѣтили третьяго дня, осмотрѣть нашъ корабль. Онъ принесъ намъ нѣсколько дикихъ гусей, которыхъ онъ наловилъ соколомъ, и приглашалъ Посланниковъ на помянутую выше соколиную охоту, которой, однако же, Воевода не дозволилъ.

30 Сентября Воевода прислалъ, въ подарокъ Посланникамъ, нѣсколько Русскихъ лакомствъ (конфектъ), а именно: большіе и толстые пряники, сухое варенье изъ выжатой смородины и другихъ ягодъ, похожее видомъ на большой Чешскій сыръ, частію же свернутое въ куски или свертки на подобіе нашего фунта, или свернутой подошвенной кожи. Такіе свертки присылали намъ еще въ Москвѣ Великій Князь и другіе Бояре; на вкусъ они

кисловатые, довольно пріятные, и Русскіе употребляютъ это варенье большею частію въ другихъ кушаньяхъ.

1-го Октября я былъ посланъ, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашихъ, въ Канцелярію, къ Воеводѣ, для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ; но хотя я принятъ былъ въ Канцеляріи дружески и даже приглашенъ былъ сѣсть въ присутствіи Князя Мусала, который находился тоже тамъ, тѣмъ не менѣе мнѣ не дали ни какого рѣшенія по нашему дѣлу, прежде чѣмъ я не выслушалъ жалобы бывшаго Пристава нашего, Родіона (Rodivan), на Посланника Бругмана и послѣдовавшаго по этой жалобѣ замѣчанія. Жалоба заключалась въ томъ, что Посланникъ Бругманъ, будучи на Волгѣ еще, весьма дурно обращался съ нимъ, Приставомъ, часто обзывалъ его блядинымъ сыномъ (Bledin sin), собакой (Sabak), или сукинымъ сыномъ, и подобною бранью; а этого не слѣдовало; ибо Приставъ былъ Царскій чиновникъ и данъ былъ намъ для почета. Въ случаѣ, если бъ онъ въ чемъ провинился, то Посланникъ не долженъ былъ самъ, и при томъ такимъ образомъ, распоряжаться и ругаться, но обязанъ былъ принести на Пристава жалобу Начальству, вездѣ поставленному Его Царскимъ Величествомъ, и въ особенности Начальству въ Астрахани, которое съумѣло бы найти и учинить достойное за преступленіе и удовлетворительное для Пословъ наказаніе. Воевода полагалъ при этомъ, что если бъ такъ поступилъ кто съ чиновникомъ Его Княжеской Милости, Герцога Голштинскаго, въ его земляхъ, то, вѣроятно, это ему также мало было бы пріятно, какъ это будетъ непріятно и Его Царскому Величеству, когда только онъ узнаетъ объ этомъ. Онъ заключилъ, что все это долженъ былъ высказать намъ по долгу службы своей; послѣ того, по нашему дѣлу онъ далъ уже намъ желанное рѣшеніе.

ГЛАВА XII.

О путешествіи изъ Астрахани до города Терки.

Въ тотъ же день приказано было перенести пиво и хлѣбъ, которыя наварили и напекли тамъ наши люди, а равно

и другіе припасы. Купили у Татаръ 20 очень крупныхъ и жирныхъ быковъ, отъ 8 до 14 талеровъ за каждый. Также нѣсколько бочекъ соленой рыбы и между прочимъ 200 судаковъ, величиною всѣ почти въ локоть, за 3 гривны и 15 грошей, и такимъ образомъ приготовились къ отправленію по Каспійскому морю.

Но такъ какъ море это было намъ не извѣстно, и мы слышали, что при входѣ въ него очень мелкое дно, простирающееся на нѣсколько миль, то, кромѣ Русскаго лоцмана, мы взяли къ себѣ еще нѣсколько Нагайскихъ Татаръ съ баркою (шютою), для облегченія нашего корабля на мелководьи и для удобнѣйшей переправы черезъ нее, и 10-го Октября снялись мы у Астрахани, а въ полдень, въ 12 часовъ, отправились въ путь, при чудесной тихой погодѣ. Направленіе отъ Астрахани до моря большею частію было на югъ и юго-западъ. Но едва проплыли мы милю, какъ поднялся такой сильный, противный намъ, вѣтеръ, что мы должны были подойти къ правому берегу и стать на якорь подъ берегомъ. По той же причинѣ мы простояли и слѣдующій день.

Въ это время прибылъ къ намъ рослый, почтенный на видъ одинъ Нагайскій Мирза, бывшій начальникомъ нѣсколькихъ ордъ, находящихся въ томъ мѣстѣ, посѣтить насъ, и въ подарокъ принесъ намъ овцу и боченокъ молока.

Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ при Волгѣ за Астраханью мы находили травы необыкновенной величины, каковы: Esula или волчье молоко, въ ростъ человѣка и выше; Angelica, коровникъ, купырь, у которой стебель толщиною съ руку, но не въ толщину человѣка, какъ выдавалъ это въ Голштиніи одинъ господинъ, встрѣтившійся намъ въ Астрахани и уѣхавшій отъ насъ впередъ. Господинъ этотъ такъ далеко зашелъ въ этомъ, что разсказывалъ, будьто самъ видѣлъ тамъ Ангелику толщиною въ человѣка.

12-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, потащили мы корабль впередъ якорями, но ни какимъ способомъ въ цѣлый день не могли сдѣлать болѣе мили. Такое же плаваніе было и 13-го числа, и мы стали на якорь у круглой сухой горы, лежа-

щей на лѣвой сторонѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Астрахани. Гора эта Русскими называется Темпая гора (Tomani gor), мы же назвали ее, по множеству змѣй на ней, Змѣиной горой. Мы нашли сдѣсь много каперсовъ (Caperstauden, Capparis) и различные виды дикаго чесноку или подснѣжнику (Sempervivi). Съ вершины горы можно обозрѣвать на цѣлую милю вокругъ страну, которая сдѣсь вездѣ представляетъ равнину. Вечеромъ мы встрѣтили стрѣльцовъ, отвезшихъ Русскаго Посланника, Алексѣя, въ Терки, и они сообщили намъ, что дорога туда безопасна, и они день и ночь проплыли свой путь съ попутнымъ вѣтромъ.

14-го числа начался попутный вѣтеръ, именно сѣверо-восточный, который погналъ насъ впередъ довольно быстро. Послѣ обѣда достигли мы часовни Иванчукъ (Ivantzuk), въ 30 верстахъ отъ Астрахани. За этой часовней находится главное мѣсто рыболовства, называемое Учугъ (Utschu) и принадлежащее Троицкому монастырю въ Астрахани. Сдѣсь Волга раздѣляется на множество рукавовъ, и образуетъ нѣсколько островов, которые всѣ, равно какъ и правый берегъ Каспійскаго моря, до рѣки Койсу (Koisu), покрыты высокимъ тростникомъ или камышемъ и низкимъ кустарникомъ. Между островами этѣми есть одинъ, называемый Перулъ (Perul) и лежащій въ 15-ти верстахъ за Учугомъ. На немъ стоялъ высокій деревянный домъ, надъ которымъ, на длинномъ шестѣ, насажена была баранья голова. Намъ разсказывали, что тамъ погребенъ одинъ Татарскій святой, на могилѣ котораго Татары и многіе Персы, отправляющіеся въ море, или счастливо уже переплывшіе его, убиваютъ овцу, часть ея приносятъ въ жертву, а другую ѣдятъ на жертвенной пирушкѣ и съ особенными обрядами при томъ отправляютъ свои молитвы. Голова овцы остается воткнутою на шестѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принесена кѣмъ ни будь новая жертва, или пока не свалится съ шеста сама собою. По этому мѣсто это Русскіе называютъ Татарской молельцей (Tatarski molobitza), т. е., Татарскихъ жертвенникомъ.

За этѣмъ островомъ, по лѣвой сторонѣ, простирается на твердой землѣ, въ глубь страны, длинный голый холмъ, на которомъ мы видѣли множество Татарскихъ жилищъ.

Къ вечеру мы пріѣхали къ другому мѣсту рыбной ловли, считающемуся въ 15 верстахъ отъ моря, гдѣ Волга заперта частоколомъ или тыномъ отъ вторженія рыщущихъ по морю Казаковъ и охраняется постоянно сотнею стрѣльцовъ. За этѣмъ мѣстомъ мы имѣли свой ночлегъ, въ проливѣ, между двумя островами. Въ этой мѣстности мы видѣли бездну тюленей, колпицъ, у которыхъ носъ похожъ на плоскую ложку, также множество зобовыхъ гусей, которыхъ Русскіе называютъ бабами (Baba), Персы кутанами (Kuthan), Мавры въ Гвинеѣ бумбу (Bumbu), Плиній, Альбертъ и Альдровандъ Onocrotalus (по тому что птица эта иногда, запустивъ носъ въ воду, издаетъ крикъ, подобный крику осла), а также пеликаномъ. Но это не тотъ Пеликанъ, какого изображаютъ живописцы и на какого указываютъ нѣкоторые древніе, а также и изъ теперешнихъ нѣкоторые духовные писатели, ради уподобленія пролитію крови Христа; такихъ сдѣсь нѣтъ; да Альдровандъ полагаетъ, что такого пеликана и на свѣтѣ нѣтъ.

Три года тому назадъ подобного зобоваго гуся въ Голландіи показывали за деньги и выдавали за настоящаго пеликана. Птица эта во многомъ похожа на обыкновеннаго гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и перомъ, но величиною она превосходитъ лебедя, имѣетъ длинный, въ $^3/_4$ локтя и широкій въ 2 пальца, красивый клювъ, съ загнутымъ крючкомъ на переди. На нижней половинѣ клюва и у горла виситъ большой, изъ тонкой, вмѣстѣ съежившейся, кожи мѣшокъ, который такъ широко растягивается, что въ него можно упрятать обутую въ сапогъ ногу, или влить 5 штофовъ воды. Въ мѣшокъ этотъ птица собираетъ себѣ рыбу; горло у птицы широкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ птицу эту приручаютъ и употребляютъ для ловли рыбы; но въ такомъ случаѣ вокругъ шеи птицы завязываютъ особый узелъ, чтобы пойманную рыбу она не въ состояніи была проглотить, но такъ бы принесла ее въ мѣшкѣ хозяину. Персы мѣшокъ этотъ употребляютъ на бубны и въ Гилянѣ имъ же обтягиваютъ и особый родъ гудковъ; растянутый мѣшокъ этотъ также прозраченъ, какъ бычачій пузырь. Удивительно, что пишетъ Франциской Санкцій (Franciscus Sanctius), какъ говоритъ Альдровандъ, будьто одна такая птица, когда онъ охотился за нею, по тяжести своей не могла подняться, была поймана и

въ ней найдено было дѣтя изъ Мавровъ, которое она яко бы проглотила. Птица эта водится на Африканскомъ морскомъ берегу, особенно часто попадается въ Гвинеѣ, и тамъ туземцы ѣдятъ ее. Посланникъ Бругманъ убилъ изъ ружья одну такую птицу на берегу Каспійскаго моря, и концы распростертыхъ крыльевъ ея имѣли до 5 локтей одинъ отъ другого, а сама она отъ шеи до подошвы ногъ была величиною съ человѣка. Голову этой птицы я сохранилъ и передалъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Кто пожелаетъ больше узнать объ этой птицѣ, пусть прочтетъ недавно вышедшую въ Римѣ «Исторію plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum, Francisci Hernandez,» Индійскаго Врача, страница 672 и слѣдующія, гдѣ сказано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Мексикѣ, у птицы этой клювъ снабженъ многими зубами, а также, что, какъ она находится во многихъ мѣстахъ земли, то по тому можетъ быть названа Мировой (Cosmopolitanus). Въ этой же книгѣ встрѣтите довольно пространное разсужденіе о томъ, дѣйствительно ли, какъ думаетъ Альдровандъ, Аристотель, въ 9-й книгѣ своей «Hist. anim.», описывая пеликана, разумѣлъ и имѣлъ въ виду именно этого зобоваго гуся? При этомъ оспаривается мнѣніе Альдрованда.

Кромѣ описанной, мы видѣли еще другой, не извѣстный намъ, родъ птицы, похожей на утку, но нѣсколько больше ея, съ длинной шеей, съ круглымъ, жесткимъ клювомъ, также съ крючкомъ на концѣ; перомъ она вся черная, какъ воронъ; перья, выдернутыя нами изъ крыльевъ, были весьма жестки, больше, чѣмъ такія же перья у ворона, и чрезвычайно удобны для черченія и рисованія. Русскіе называли эту птицу бакланомъ (Baklan). Она появляется большею частью по ночамъ и на водѣ. Кажется, что это та самая птица, которую Альдровандъ, въ своей «Ornothologia,» lib. 91, pag. 58, называетъ Avem Diomedeam; ибо ей приписывается много свойствъ, находящихся въ этой птицѣ, кромѣ только того, что она, какъ уголь черная, тогда какъ по Альдрованду она сѣрая, или цвѣта пепельнаго.

15-го Октября прибыли мы къ устью или входу въ Каспійское море, въ 12 миляхъ отъ Астрахани, и сдѣсь тамъ и сямъ встрѣчается множество маленькихъ, тростникомъ поросшихъ, хол-

мовъ и островов, обтекая которыхъ Волга впадаетъ въ море; по этому нѣкоторые полагаютъ, что Волга вливается въ море такимъ множествомъ отдѣльныхъ рѣкъ, или рукавовъ. Цѣлыя шесть миль идетъ сдѣсь чистая тина, на которой вода была вездѣ не выше 4-хъ, 5-ти и самое большее 5½ футовъ, въ слѣдствіе чего мы часто садились на мель и вязли въ тинѣ такъ, что въ 7 дней, весьма утомительными туда и сюда поворотами корабля, гонимаго вѣтромъ къ морю, едва успѣли проплыть немного болѣе 4-хъ миль.

Самые тяжелые дни для насъ были 18-е и 19-е Октября. 18-го мы наѣхали на мель, на которой было только 5 футовъ воды. Провозившись цѣлыхъ 5 часовъ въ неустанной работѣ и сдвинувшись съ мѣста, мы добились только того, что выбрались было на глубину 6 футовъ; но тутъ же сейчасъ оказалось, что это была только небольшая яма, за которой вездѣ далѣе было едва 4 и самое большее 4½ фута глубины; по этому мы должны были снова съ такимъ же трудомъ тащить корабль назадъ, на прежнее мѣсто. Когда ночью сталъ дуть сѣверо-западный вѣтеръ, то вода видимо упала, и мы очутились на глубинѣ только 3-хъ футовъ и засѣвъ глубоко въ илъ. И хотя мы, при помощи Татарскаго судна (шюты) и нашей шлюбки, облегчили корабль отъ тяжелой клади и якорей, а за тѣмъ хотя и весь экипажъ не съ человѣческой, но съ лошадиной, тяжкой работой трудился, не пивши и не ѣвши цѣлый день, усиливаясь сдвинуть корабль съ мѣста, однако онъ рѣшительно не трогался, и мы терпѣливо должны были поджидать счастія и благопріятнаго вѣтра, который бы подулъ съ моря и поднялъ воду, что все навело на нѣкоторыхъ изъ насъ не мало тревоги и страха со стороны Казаковъ, которые сдѣсь могли считать насъ плѣнниками своими. Въ добавокъ къ тому спустился такой густой туманъ, что мы едва могли видѣть что либо на разстояніи длины корабля. Въ такую-то пасмурную погоду со стороны моря выплыла на встрѣчу намъ какая-то Русская барка, и какъ мы не знали, что за народъ былъ на ней, то, по приказанію Бругмана, выстрѣлили по нимъ изъ пушки. Это взбѣсило Русскихъ и они бранью встрѣтили насъ, говоря, что вода эта принадлежитъ Его Царскому Величеству, и что они могутъ плавать по ней также вольно, какъ

и мы; а что если уже намъ припала такая охота стрѣлять, то стрѣляли бы ужь по Казакамъ, которые поджидаютъ насъ въ морѣ. Послѣ этого намъ попались еще 2 Русскія барки, которыя, когда мы ихъ дружески окликнули, переслали Посламъ нашимъ въ подарокъ нѣсколько прекрасныхъ Черкаскихъ плодовъ, а именно: весьма крупныхъ ягодъ, Грецкихъ орѣховъ и ирги или кизильнику (Mispeln).

21-го Октября, къ вечеру, при тихой погодѣ, вода начала прибывать, такъ что мы опять имѣли глубину воды въ 5 футовъ, и казалось, что скоро можно будетъ хоть нѣсколько продвинуться въ море. Но 22-го числа съ моря поднялась буря, именно съ юго-юго-востока, нагнавшая воду на 9 четвертей выше, и такъ какъ буря эта продолжалась цѣлые 5 дней, то все это время мы и должны были простоять на якорѣ, въ одномъ мѣстѣ.

23-го числа, при ясномъ небѣ, во время солнечнаго восхожденія, я нашелъ, что солнце взошло по компасу на 22 градуса на югъ болѣе, чѣмъ какъ обыкновенно предполагали это. По этому слѣдуетъ заключить, что уклоненіе магнитной стрѣлки въ этомъ мѣстѣ составляетъ 22 градуса отъ сѣвера на западъ.

27-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько унялся, перетащили мы опять нашу кладь на корабль, расчитали Татарскую барку и поплыли на парусахъ; но едва успѣли сдѣлать не болѣе одной мили, какъ опять завязли въ тинѣ, по чему тотчасъ же послали нашу шлюбку назадъ нанять опять Татаръ. Рано утромъ 28 числа мы высвободили снова корабль и, увидѣвши 13 парусныхъ судовъ, плывшихъ съ Волги по направленію къ намъ, мы догадались, что то былъ Татарскій и Персидскій караванъ, по чему отпустили опять Татаръ и стали поджидать приближавшіяся къ намъ суда. Оказалось, что это были Князь Мусалъ, два Персидскіе купца и 500 стрѣльцовъ съ однимъ начальникомъ, на нѣсколькихъ судахъ, которыхъ Царь посылалъ крѣпостной стражей въ городъ Терки. Такъ какъ мы видѣли, что Русскій лоцманъ нашъ не зналъ дороги и не смыслилъ вообще въ мореплаваніи, сами же мы, по обыкновеннымъ картамъ суши и морей, оказавшимся совершенно невѣрными (какъ явствуетъ это изъ тщательно составленной нами и ниже прилага-

емой карты),[1] управлять своимъ плаваніемъ не могли, то мы и рѣшили попытаться, между нагнавшими насъ Русскими, поискать надежнаго себѣ проводника. По этому вечеромъ, когда сказанныя суда нагнали уже насъ и остановились, мы послали къ начальнику стрѣльцовъ съ поклономъ и съ просьбою, чтобы онъ пожаловалъ къ намъ на корабль. Принятый сдѣсь нами отлично и угощенный разными дорогими напитками, начальникъ этотъ сталъ многорѣчиво и съ живыми тѣлодвиженіями высказывать намъ свое доброе къ намъ расположеніе и любовь, и между прочимъ говорилъ, что у него изныло сердце и онъ не могъ спокойно спать, пока не увидалъ насъ теперь совершенно здоровыми, о каковомъ благополучномъ состояніи Гг. Пословъ онъ немедленно и пошлетъ къ Астраханскому Воеводѣ донесеніе. При этомъ онъ выражалъ радость, что ему представился теперь случай служить намъ; говорилъ, что весь народъ его готовъ будетъ къ услугамъ нашимъ, и обѣщалъ сей же часъ прислать намъ съ своего судна лучшаго лоцмана и проч. и проч. любезности, каковымъ обѣщаніямъ его и готовности мы были очень рады; ибо видѣли, что дѣло, казалось, устроится. Но только что воротился онъ на свой корабль, какъ приказалъ натянуть паруса и уплылъ отъ насъ, можетъ быть, по тому, что при пріемѣ его онъ не получилъ отъ насъ порядочнаго посула (Poschul) или подарка, на которые вообще Русскіе очень падки.

Этотъ солдатъ былъ до такой степени безстыденъ, что позднѣе, у г. Терки, какъ ни въ чемъ ни бывало, опять явился къ намъ на корабль, вмѣстѣ съ другими почетными особами, посѣтить Пословъ, и когда этѣ послѣдніе упрекнули его за такой поступокъ съ ними, онъ отвѣчалъ только: «Я виноватъ» (Ja winowat), и тѣмъ покончилъ.

Когда описаннымъ образомъ мы были обмануты, то послали на иностранный Персидскій корабль, съ просьбою дать намъ совѣтъ и помощь. Персіянинъ, бывшій начальникомъ своего корабля, и въ то же время хозяиномъ всего находящагося на немъ имущества, предложилъ намъ свою готовность быть нашимъ лоцманомъ, поручилъ своимъ слугамъ свой корабль и добро, а

---

[1] Къ Нѣмецкому подлиннику. О. Б.

самъ перешелъ къ намъ на корабль, — услуга, какой не легко найти и въ любомъ Христіянинѣ. Этотъ Персіянинъ зналъ хорошо море, разумѣлъ употребленіе компаса, хотя большинство Персовъ по компасу не плаваютъ, но ходятъ или у берега, отъ котораго далѣе 3, или 4, миль не удаляются, или же управляютъ и сообразуютъ свое плаваніе по сѣверной звѣздѣ. Когда онъ пришелъ къ намъ на корабль, въ 11 часовъ ночи, и увидалъ, что погода была благопріятная и ночь мѣсячная, то сейчасъ же велѣлъ поднять якорь, направилъ ходъ корабля къ югу, и мы довольно бойко пустились далѣе при тихомъ восточномъ вѣтрѣ. Годъ тому назадъ, въ этотъ же самый день, мы также пустились на парусахъ изъ Травемюнда, по Балтійскому морю, и также благополучно. Въ эту ночь мы имѣли воду не глубже 10 футовъ, но позднѣе пошло глубже, до 3-хъ саженъ и даже больше. Съ правой стороны у насъ былъ материкъ, называвшійся Сухатеръ (Suchater), съ 4-ми холмами; отъ этого материка выдавался глубоко въ море уголъ или мысъ, конецъ котораго считается во 100 верстахъ отъ Астрахани и въ 200 отъ города Терки, но версты этѣ невѣрны и невелики.

29-го числа, въ прекрасную солнечную погоду, до обѣда мы плыли съ юго-восточнымъ вѣтромъ, направляясь къ югу, а послѣ обѣда къ юго-западу, и постоянно имѣли глубину въ $3^1/_2$ сажени и дно изъ раковинъ, перемѣшанныхъ съ крупнымъ пескомъ; въ этотъ день мы уже не видали земли, по причинѣ залива, слѣдовавшаго за сказаннымъ выше мысомъ, и вечеромъ, въ 8 часовъ, стали на якорь, на упомянутой же сейчасъ глубинѣ. Сдѣсь магнитная стрѣлка показывала уклоненіе на 20 градусовъ отъ сѣвера къ западу.

30-го Октября, съ появленіемъ утренней зари, мы опять пустились на парусахъ. Съ восходомъ солнца мы увидали материкъ Черкасію (Cyrcassia,) который изгибомъ, на подобіе полумѣсяца, отъ югозапада къ сѣверо-востоку, далеко выдается въ море, въ которомъ и образуетъ большую котловину или заливъ. Мы хотѣли направить путь нашъ къ мысу, но какъ дулъ юго-восточный вѣтеръ, который началъ гнать насъ въ котловину, то мы и стали въ полдень на якорь, на глубинѣ $3^1/_2$ саженъ и на глинистомъ днѣ.

Мысъ этотъ считается въ 6 миляхъ отъ Терки (Terki). Въ заливѣ или котловинѣ увидали мы 20 судовъ, и сначала подумали, что то были Казаки, по чему и выстрѣлили изъ одной пушки, чтобы дать имъ свое слово оклика (лозунгъ), но оказалось, что это были рыбаки изъ Черкаскихъ Татаръ, изъ города Терки. Они принесли къ намъ на корабль нѣсколько штукъ бѣлуги, по 15 коп. за штуку. Желудки этѣхъ рыбъ полны были раковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были даже еще живые.

Этотъ день начали мы торжественно, благодарственнымъ молебномъ, такъ какъ годъ тому назадъ, въ самый этотъ день, многомилостивый Богъ спасъ насъ отъ погибели у Эландскихъ скалъ. Въ это же время нашъ Персидскій лоцманъ отправился на лодкѣ къ своему кораблю, стоявшему около полумили, позади насъ, чтобы дать своему народу дальнѣйшія приказанія; мы подумали было, что онъ также сдержитъ свое слово, какъ и начальникъ Русскихъ стрѣльцовъ, но на слѣдующее утро, еще рано, онъ явился опять къ намъ на корабль, а своему судну приказалъ ити впереди насъ.

Послѣдняго Октября, рано утромъ, при густомъ туманѣ, была совершенно тихая погода. Къ полудню небо прояснилось, подулъ слабый сѣверный вѣтеръ, и мы, рѣяся парусами и при помощи веселъ, выдвинулись изъ котловины и стали прямо противъ мыса или выдавшагося круто материка. Въ полночь пустились мы снова на парусахъ, и съ попутнымъ вѣтромъ, рано утромъ 1-го Ноября, прибыли къ городу Терки, гдѣ и стали на якорь, въ разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ берега, у котораго было большое мелководье.

Въ эту ночь нѣсколько сотенъ Казаковъ на судахъ хотѣли было сдѣлать на насъ нападеніе, но, не попавъ на насъ, натолкнулись на Князя Мусала и стрѣльцовъ; когда же они, по множеству окликовъ и криковъ стрѣльцовъ, увидали, что найдутъ достаточное сопротивленіе себѣ, то отплыли назадъ, извиняясь, что искали Нѣмцевъ. Когда слухъ объ этомъ, черезъ нѣсколькихъ, впередъ уплывшихъ, Казаковъ, утромъ достигъ до города, то произвелъ тамъ большое смятеніе. Горожане думали, что Мусалъ,

Князь ихъ, находится еще въ схваткѣ съ Казаками, и предположеніе это еще болѣе усилилось въ нихъ отъ непривычныхъ для нихъ нашихъ залповъ изъ пушекъ, въ слѣдствіе которыхъ и мы сдѣлались для нихъ подозрительными; по этому, множество Русскихъ и Татаръ, вооруженныхъ—конныхъ, пѣшихъ и на лодкахъ, высыпало на берегъ. Когда же они увидѣли, что Князь Мусалъ съ стрѣльцами приплылъ въ слѣдъ за нами и, проходя мимо нашего корабля, снялъ шапку, дружески раскланялся съ нами, прося навѣстить его, въ домѣ его матери, и что, слѣдовательно, мы были пріятели съ нимъ, то между горожанами тотчасъ же настало великое ликованіе.

ГЛАВА XIII.

О городѣ Терки и о томъ, что тамъ было съ нами.

Городъ Терки (Terki) [1] лежитъ въ доброй полумили отъ морскаго берега, на небольшой, весьма извилистой, рѣчкѣ Тюменкѣ (Timenki), вытекающей изъ большой рѣки Быстрой (Büstro), о которой будетъ сказано еще ниже, и протекающей сдѣсь, до впаденія своего въ море. Такъ какъ берегъ сдѣсь вездѣ, на цѣлую четверть мили, низменъ, болотистъ и поросъ тростникомъ, то изъ моря въ городъ только и можно достигнуть черезъ эту рѣчку. Кругомъ вездѣ, куда только можетъ хватить глазъ, ровное поле и не видно ни единаго холмика, совершенно въ противность тому, какъ значится это на картѣ Nic. Johan. Piscatoris (самой вѣрной, между прочимъ, относительно этѣхъ странъ), на которой Терки показанъ лежащимъ на горѣ; или же, на этой картѣ, можетъ быть, смѣшанъ городъ Тарку (Tarku), находящійся въ Дагестанѣ, съ Терки, находящимся въ Черкасіи. Высота полюса сдѣсь равняется 40° 23′. Отъ Астрахани до Терки водою считается 60, а сухимъ путемъ

---

[1] Или въ старину Кавказскій Тюмень, по рѣкѣ Тюменкѣ, одной изъ протоковъ, на кои рѣка Терекъ раздѣляется, впадающей въ Каспійское море. О. Б.

70 миль. Онъ есть послѣдній городъ, находящійся въ этой странѣ подъ властью Московскаго Царя; въ длину простирается онъ на 2000 и въ ширину на 800 футовъ, окруженъ деревянными стѣнами и башнями и снабженъ множествомъ большихъ и малыхъ пушекъ. На площади, передъ Воеводскимъ дворомъ, между другими длинными пушками, мы видѣли и двѣ половинныя картауны (крѣпостныя пушки).

Въ настоящее время Великій Князь поручилъ Инженеру, Корнелію Клаузену (Cornelius Clausen), ѣздившему съ нами въ Персію въ качествѣ корабельщика (Schiffer), укрѣпить городъ Терки насыпными валами и больверками, по теперешнему способу. Постоянной охраны въ немъ 2000 человѣкъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ и управленіемъ Воеводы и Полковника; такъ: въ городѣ три Приказа или Канцеляріи, и къ каждому Приказу приставлено по 500 стрѣльцовъ; да Князь Мусалъ въ своемъ придворномъ штатѣ имѣетъ 500 человѣкъ, которые, въ случаѣ, надобности, должны присоединяться къ прочимъ стрѣльцамъ и дѣйствовать съ ними за одно. Этѣ Черкаскіе Татары живутъ по сей сторонѣ рѣчки Тюменки, въ отдѣльномъ городѣ. Объ ихъ жизни, обычаяхъ и странныхъ вѣроисповѣдныхъ обрядахъ, я скажу ниже, при описаніи возвратнаго пути, когда мы должны были простоять у нихъ нѣсколько недѣль, и хорошо ознакомились съ ихъ образомъ жизни.

На другой день прибытія нашего къ городу купецъ Персидскаго Шаха (Cupzi), равно какъ и другіе купцы опять прислали Посламъ нашимъ разнаго рода плоды и приказали спросить у нихъ: какъ намѣрены мы совершать дальнѣйшее путешествіе свое, водою, или сухимъ путемъ? Что продолжать дорогу сухимъ путемъ теперь представляется весьма удобный случай; ибо въ теченіи предстоящихъ 3 дней въ гордъ Терки ожидается Русскій Посолъ, возвращающійся изъ Персіи, при которомъ до границы идутъ 200 верблюдовъ и столько же муловъ, на которыхъ, если пожелаемъ, мы можемъ совершать нашъ путь и безопаснѣе пройти мимо Дагестанскихъ Татаръ, которые съ Шамхаломъ (Schemkal) своимъ или главнымъ начальникомъ, были самые отъявленные разбойники; что наконецъ они сами въ такомъ случаѣ отправятся

съ нами. Получивъ это извѣстіе, Посланники наши тотчасъ же послали къ Воеводѣ съ просьбою дозволить имъ дальнѣйшій проѣздъ сухопутьемъ, а Персидскаго толмача нашего, Рустама (Rustama), на Дагестанскую границу, отстоящую въ 6-ти миляхъ за Терки, справиться и устроиться на счетъ ожидаемыхъ тамъ верблюдовъ и муловъ. Но прибывшіе туда Персы ушли уже обратно съ сказанными животными своими. Воевода же сначала на отрѣзъ было отказалъ нашей просьбѣ, но вскорѣ за тѣмъ, можетъ быть, услыхавъ, что средствъ продолжать нашъ путь съ Персами сухимъ путемъ уже на лицо не имѣется, прислалъ сказать намъ черезъ одного Полковника, что онъ не только соблаговоляетъ на нашъ дальнѣйшій проѣздъ сухимъ путемъ, хотя и не имѣетъ на то ни какого Царскаго приказа, но постарается даже, на сколько можетъ, ускорить и содѣйствовать нашему такому отправленію, а также и въ другомъ чемъ готовъ оказать намъ свое дружеское расположеніе. Но эта готовность его не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія по этому дѣлу.

Въ эту ночь произошла большая ссора и смятеніе на кораблѣ со стороны рабочихъ людей (экипажа), возмутившихся противъ корабельщика (шкипера), Михайла Кордеса, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ приказано было заковать въ желѣзо. Объ этомъ происшествіи на слѣдующій же день происходилъ открытый судъ. Жалобы помянутаго шкипера или корабельщика и обвиняемыхъ были выслушаны, строго разсмотрѣны и обсуждены, и парусный мастеръ, Тисъ Мансонъ (Tiss Manson), присужденъ былъ, какъ зачинщикъ, къ темничному заключенію, которое онъ и долженъ былъ выдержить въ г. Теркахъ до обратнаго туда нашего возвращенія. По просьбѣ Пословъ Воевода прислалъ одного Полковника (у котораго подъ кафтаномъ были латы и на рукахъ желѣзныя рукавицы), съ однимъ Княземъ, одѣтымъ въ красный бархатный кафтанъ, и люди этѣ взяли обвиненнаго подъ стражу.

4-го Ноября мать Князя Мусала прислала на корабль нашъ благодарить Пословъ за оказанное ими лицу ея дружество во время пути, и просить, чтобы до отъѣзда своего они пожаловали къ ней и чтобы она могла благословить ихъ на дальнѣйшее путешествіе.

После обѣда прибылъ изъ города на поклонъ къ Посламъ одинъ знатный Персіянинъ, съ нѣсколькими слугами. Это былъ евнухъ, присланный въ Терки Персидскимъ Царемъ, съ порученіемъ привести оттуда сестру Татарскаго Князя, Мусала, которую Царь тотъ бралъ себѣ въ жены. Персіянинъ этотъ предлагалъ Посламъ всѣ возможныя съ его стороны услуги. Съ своими спутниками онъ такъ ревностно отвѣдывалъ наши напитки, что гости этѣ не знали, какъ сойти съ корабля; а одинъ изъ прислужниковъ до того натянулся, что его, какъ мертвую скотину, совершенно безчувственнаго, спустили съ корабля на веревкѣ въ судно ихъ.

5-го числа я былъ посланъ съ Мандельсло и другими важнѣйшими чинами съ подарками Воеводѣ, съ большимъ бокаломъ, а главному Канцлеру и Подканцлеру съ рубиновыми перстнями для каждаго; въ то же время мы имѣли порученіе поклониться отъ Пословъ Князю Мусалу и его матери, съ пожеланіями послѣдней всякаго счастія, ради благополучнаго возвращенія ея сына. Во всѣхъ этѣхъ мѣстахъ насъ принимали очень хорошо и обильно угощали плодами, водкою, пивомъ, медомъ и виномъ. Воеводу мы видѣли окруженнаго тѣмъ же великолѣпіемъ и пышностію, какъ и Воеводу въ Нижнемъ. Между прочими разговорами онъ упомянулъ о природѣ и свойствѣ Персіянъ являться весьма любезными и льстивыми на словахъ, чему едва ли на половину можно вѣрить; ибо дѣйствія ихъ едва ли въ половину согласны бываютъ съ ихъ словами.

Князь Мусалъ принялъ насъ дружески передъ дворомъ своимъ и повелъ насъ къ матери своей въ просторный, выведенный изъ глины, покой (залъ), въ которомъ, по 4-мъ стѣнамъ, были особыя со сводами отдѣленія или какъ бы комнатки, а въ нихъ прекрасно изготовленныя, покрытыя шелковыми и выбойковыми одѣялами, постели; гдѣ же не было постелей, разостланы были всякаго рода пестрые, шелкомъ и золотомъ вышитые, платки. По сторонамъ стояли ящики или сундуки, покрытые тою же матеріей, или завѣшенные коврами. Въ верхней части стѣнъ, подъ потолкомъ, въ два ряда висѣли пестроразрисованныя, деревянныя и глиняныя, блюда. Столбы посреди

дома увѣшаны были множествомъ прекрасныхъ сабель, луковъ и стрѣлъ. Старая Княгиня была высокая, почтенная съ виду, госпожа, отъ 45 до 50 лѣтъ, по имени Бике (Bikae), и сидѣла она на стулѣ, въ длинномъ черномъ, подбитомъ соболями, кафтанѣ или спольной шубѣ; на головѣ у нея, на затылкѣ, лежалъ надутый бычачій пузырь, который, вмѣстѣ съ головою, обмотанъ былъ шелкомъ и золотомъ, а вокругъ шеи пестрый шелковый платокъ, концы котораго, распущенные, спускались по плечамъ внизъ. Позади стула ея стояла прислужница, съ подобнымъ же пузыремъ на головѣ. Пузырь этотъ былъ знакомъ вдовства. По правую руку Княгини стояли 3 ея сына, изъ которыхъ младшіе двое одѣты были въ простыя крестьянскія одежды, а посверхъ ихъ бурки; за сыновьями стояло нѣсколько слугъ, которые, по причинѣ смерти убитаго самаго старшаго сына Княгини, разцарапали себѣ лица (лбы). По лѣвую сторону отъ нея, длиннымъ рядомъ, стояли старые Татарскіе мужи, составлявшіе придворныхъ Офицеровъ и совѣтниковъ. Отвѣтивъ ласково на наше привѣтствіе, Княгиня Бике приказала принести и поставить подлѣ себя нѣсколько стульевъ, на которые пригласила насъ сѣсть; за тѣмъ велѣла принесть намъ маленькій столикъ, на которомъ и разставлены были всякаго рода плоды, медъ и водка. Какъ ни упрашивали мы сыновей также сѣсть, они не сѣли, говоря, что у нихъ не въ обычаѣ на сходбищахъ, или въ присутствіи иностранныхъ гостей, сидѣть при матери, но для соблюденія почета къ ней они должны стоять и прислуживать.

Когда мы посидѣли немного и Княгиня, вмѣстѣ съ сыновьями своими и совѣтниками, вдоволь налюбовалась и надивилась на наши одежды, ощупывая ихъ сверху донизу, она сама поднесла каждому изъ насъ по серебряной чашѣ крѣпкой водки, выгнанной изъ проса. То же самое за тѣмъ сдѣлалъ и Князь Мусалъ, а за нимъ и братья его. Она просила насъ позволить и слугамъ нашимъ выпить изъ ея рукъ. Между тѣмъ, находившаяся позади Княгини дверь отворилась, и черезъ нея въ сосѣднемъ покоѣ мы увидѣли нѣсколько дѣвицъ, впереди которыхъ стояла дочь Княгини, невѣста Персидскаго Царя, дѣвушка лѣтъ 16-ти, прекрасивая, бѣлая и чистая лицемъ, съ черными, какъ смоль, волосами, распущенными въ кольцы. Онѣ разсматривали и вы-

глядывали на насъ изъ своей комнаты, съ такимъ же любопытствомъ, какъ и Княгиня наши одежды, высовывались одна изъ за другой и хотя, по знаку Княгини, притворяли по временамъ дверь, но вскорѣ опять отворяли ее. Наконецъ они зачапили и затащили къ себѣ за дверь одного изъ слугъ нашихъ, осматривали его платье и шпагу, которую онъ долженъ былъ даже обнажить для нихъ, дивились ея полировкѣ; когда же мы сами хотѣли было посмотрѣть ихъ, то онѣ спрятались отъ насъ, а потомъ опять показались намъ, подобно Галатеѣ.

Наконецъ, когда, по своему обыкновенію, вошелъ въ покой къ дѣвицамъ Персидскій евнухъ, то дверь въ этотъ покой тотчасъ же затворилась, и мы не видали уже болѣе ни одной дѣвицы. Вскорѣ за тѣмъ мы распростились съ хозяевами и пошли осматривать Татарскій городъ, гдѣ мы повстрѣчали нѣсколько молодыхъ красивыхъ Татарскихъ женъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя рубахи, которыя безбоязненно останавливали насъ и не прежде отпускали отъ себя, какъ наглядѣвшись и надивившись вдоволь на наши одежды.

6-го числа купецъ Шаха (Cuptzi) прислалъ Посламъ нашимъ для почтенія письмо, полученное отъ Дербентскаго Правителя, въ отвѣтъ на посланное имъ еще изъ Астрахани, отъ 25-го Сентября; въ письмѣ этомъ говорилось, что Султанъ сердечно будетъ радъ нашему прибытію, и чтобы купецъ (Cuptzi) иначе и не явился къ нему, какъ съ нами, доставивши насъ водою.

7-го числа возвратился съ Дагестанской границы Персидскій толмачъ нашъ, Рустамъ, съ извѣстіемъ, что прибывшіе и уѣхавшіе уже назадъ Персы, позабрали съ собою не только верблюдовъ и повозки, но и всѣ сучья и кустарникъ, который употребляютъ они въ дурной дорогѣ. По этому было рѣшено ѣхать далѣе водою.

8-го числа мать Мусала прислала нашимъ Посланникамъ свои подарки, а именно: 20 овецъ и 50 куръ съ разными овощами и напитками, а главный Дьякъ Русскій тоже прислалъ

въ даръ: 1 овцу, полкадки масла и боченокъ меду. Послѣ обѣда пришелъ проститься съ Послами нашими Мусалъ и привелъ съ собою одного Дагестанскаго Мирзу, брата владѣтельнаго Князя въ Тарку. На этомъ Мирзѣ, посверхъ плохой его одежды, надѣта была бурка, какую носятъ всѣ простые Татары. Онъ говорилъ, что пришелъ съ намѣреніемъ сопровождать насъ до столицы брата, Тарку; но вообще былъ строптиваго нрава человѣкъ, осерчалъ, что съ Мусаломъ мы обращались привѣтливѣе, какъ съ болѣе знакомымъ намъ, чѣмъ съ нимъ, не хотѣлъ встать, чтобы стоя выпить здоровье Великаго Князя, и когда Мусалъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ всталъ, и при этомъ спросилъ его: «Развѣ не знаетъ онъ, въ чьей землѣ онъ теперь находится?» Мирза дерзко отвѣчалъ: что еще сомнѣвается, находится ли онъ въ землѣ Великаго Князя, или въ своей собственной (ибо Терки и вся эта область недавно еще принадлежала Татарамъ). За тѣмъ онъ началъ браниться съ Мусаломъ и упрекать его, что хотя онъ щеголяетъ сдѣсь въ нарядной одеждѣ, а все таки только рабъ Великаго Князя, онъ же, Мирза, хоть и въ плохой одежѣ, но вольный Князь, ни кому не подвластенъ, кромѣ Бога, и наконецъ такъ осерчалъ, что совсѣмъ не захотѣлъ пить здоровье Великаго Князя, всталъ и вышелъ вонъ. При этомъ слуги его стащили серебряную ложку и вилку нашего Пастора, по неосторожности оставленныя на столѣ, а у меня, отъ камзола моего, лежавшаго на моей постели подъ подушкой и другими вещами, которыя крѣпко придерживали камзолъ, отрѣзали цѣлый, свѣсившійся изъ подъ подушки, рукавъ, и унесли его съ собою.

Послѣ этого Мусалъ опять развеселился съ Посланниками и даже просилъ ихъ за одного, содержавшагося въ темницѣ нашего боцмана (матроса), чтобы его помиловали и выпустили оттуда, что Посланники и согласились исполнить. Въ слѣдствіе этого, уже поздно вечеромъ Посланники послали меня, съ однимъ Гофъ-Юнкеромъ, къ Воеводѣ, съ просьбою освободить заключеннаго, и съ жалобою на одного негоднаго Русскаго матроса, бѣжавшаго отъ насъ 3-го дня. Но ночью же за нами прислали слугу, съ извѣстіемъ, что вѣтеръ начался попутный и чтобы мы поспѣшили скорѣе на корабль, хотя бы не кончивши нашего дѣла. Исполнивши все таки свое порученіе надлежащимъ образомъ, мы тотчасъ

отправились къ морю; тамъ корабль приготовился уже совсѣмъ къ отплытію; но только что мы распустили было парусы, какъ поднялся противный вѣтеръ, и мы снова причалили на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ мы стали опять на якорь. Въ это время Воевода прислалъ намъ свои подарки, а именно: 100 кусковъ копченаго мяса (окороковъ), 4 бочки пива, по бочкѣ Француз-скаго вина, меду, уксусу, 2 овцы, 4 большихъ пряника и нѣсколько хлѣбовъ. Слуги принесли этѣ подарки, получили по нѣскольку рублей деньгами и угощены были водкой. когда они вдоволь напились водки, то отправились домой, низко откланявшись съ нами.

ГЛАВА XIV.

Дальнѣйшее плаваніе до кораблекрушенія. Также о горахъ Кавказѣ, Таврѣ и Араратѣ.

10-го Ноября, только что занялся день, пустились мы на парусахъ съ юго-западнымъ вѣтромъ, имѣя намѣреніе направить путь нашъ на пограничный городъ Персидской области, Дербентъ. Около полудня еще издали примѣтили мы большое судно, плывшее на встрѣчу намъ, и сначала оно хотѣло было съ правой стороны миновать насъ, а потомъ пошло прямо на насъ, то натягивая, то спуская, паруса. Когда же судно приблизилось и мы замѣтили, что оно боится и какъ бы избѣгаетъ насъ, то Бругманъ приказалъ итти прямо на него, людямъ стать подъ оружіе, и когда судно было уже подъ пушкой, то приказано было выстрѣлить изъ одной пушки, чтобы ядро пролетѣло близко мимо судна. Бѣдные люди, бывшіе на суднѣ, тотчасъ же въ великомъ страхѣ спустили паруса. Подплывъ къ нимъ, мы увидали, что то были Персидскіе продавцы плодовъ съ яблоками, грушами, айвой, орѣхами и проч. и проч. Оказалось, что на суднѣ находился братъ нашего Персидскаго лоцмана. Когда онъ услыхалъ строгое приказаніе взойти къ намъ на корабль, и при этомъ еще увидѣлъ у насъ своего брата, то поднялъ жалобный крикъ

и сказалъ: «Ахъ, братъ, тебя схватили эти чужестранцы! Какъ случилось съ тобой такое несчастіе? Помочь я тебѣ не могу, а потому берите ужъ и меня въ плѣнъ!» Когда же братъ его, бывшій у насъ, сказалъ ему по Турецки: «Korchma, duschman lar dokul! Не бойся; это не враги!» то онъ все таки, испуганный неожиданнымъ явленіемъ и видомъ насъ, чужестранцевъ, и пребываніемъ среди насъ брата своего, котораго онъ считалъ находящимся на собственномъ его суднѣ, не какъ не могъ прійти въ себя, понять въ чемъ дѣло, и полагалъ, что братъ его говоритъ такимъ образомъ по принужденію; по этому онъ все продолжалъ жалобы, до тѣхъ поръ, пока братъ его не разсказалъ ему, по какой причинѣ онъ находится у насъ, и что его собственный корабль идетъ въ слѣдъ за нами. Тогда онъ успокоился, взошелъ къ намъ на корабль и принесъ въ подарокъ Посламъ разнаго рода плоды. Наши люди купили у него 5 большихъ яблокъ и сколько грушъ за одинъ зехслингъ, и 50 Грецкихъ орѣховъ тоже за то же. Послы, за подарокъ его, дали ему также денегъ и водки и отпустили. Тѣмъ и кончилась эта яблочная схватка.

Вскорѣ за тѣмъ мы прибыли къ острову, лежащему на лѣво, въ 8-ми миляхъ отъ Терекъ, и называемому Русскими Четанъ (Tzetlan), [1] а Персами Ченцени (Tzenzeni); мы стали здѣсь на якорь, по обыкновенію Персіянъ, которые здѣсь останавливаются и совершаютъ свое Etmal; вода тутъ глубиною была въ $3\frac{1}{2}$ сажени. Такъ какъ объ островѣ этомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи путешествія и Георгъ Дектандеръ (Declander), ѣздившій въ 1602 году въ Персію съ Посломъ Римскаго Императора, Рудольфа, и одинъ только и оставшійся въ живыхъ въ этомъ путешествіи, а именно, говоритъ, что на этомъ островѣ, по причинѣ наступившаго мороза, онъ принужденъ былъ ѣсть лошадей, подаренныхъ ему Персидскимъ Шахомъ, и такъ какъ у насъ въ этотъ день оставалось еще довольно времени, то Посланники, съ нѣкоторыми изъ насъ, сѣли въ шлюбку и переправились на островъ, осмотрѣть его; но мы ни чего не нашли на островѣ, кромѣ чего-то въ родѣ маяка, состоящаго изъ 4-хъ длинныхъ, связан-

[1] Нынѣ Чечень. О. Б.

ныхъ вмѣстѣ, жердей или кольевъ, на которыхъ лежало много корней и кустарнику, для указанія плавателямъ на островъ, который довольно низменъ, да двухъ большихъ ямъ, въ которыхъ видны были слѣды огня; сдѣсь, вѣроятно, пристаютъ и держатся Казаки. Островъ простирается почти на 3 мили отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, имѣетъ песчаную почву, по берегамъ мѣстами поросшую тростникомъ, а въ другихъ мѣстахъ онъ весь бѣлый отъ наносныхъ раковинъ и издали кажущійся какъ бы известковою почвою. Лежитъ онъ подъ 43° 5′ высоты полюса; это единственный сдѣсь островъ, и другого ни какого нѣтъ до самаго Гиляна (Kilan); лежитъ же на западъ отъ пути и оставляется моряками влѣвѣ.

Отсюда на юго-западъ на материкѣ видѣли мы чрезвычайно высокій хребетъ, который казался на небѣ какъ бы синими облаками, простирается отъ сѣвера на югъ и имѣетъ такую форму, въ какой онъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. [2] Наши называли этѣ горы Черкаскими горами, по тому что онѣ, казалось намъ, высились за Черкасіею; Русскіе же и Черкасы называли ихъ Салато (Salatto). Но это—извѣстныя горы Кавказъ, лежащія въ странѣ Колхидѣ (Colchis), извѣстной по походу въ нее Язона, для похищенія тамъ золотаго руна, какъ повѣствуетъ объ этомъ Аполлонъ Родоскій, въ своей «Argonautica». (Basiliae, 1550). Горы этѣ, по своей необычайной высотѣ (онѣ гораздо выше облаковъ, которыя носятся какъ бы у чела ихъ), дали поэтамъ поводъ къ баснѣ, будьто бы Прометей, взошедши на однѣ изъ нихъ, похитилъ тамъ у солнца огонь, и принесъ его оттуда людямъ.

Басня эта, впрочемъ, содержитъ въ себѣ (какъ говоритъ Сервій (Servius) слѣдующее истинное событіе: Прометей, какъ мужъ разумный, что показываетъ и самое имя его, съ великимъ стараніемъ изучилъ на этой горѣ Кавказъ, воздымающейся далеко за облака, движеніе, восхожденіе и захожденіе планетъ и другихъ звѣздъ, и былъ первый, сообщившій Ассирія-

---

[2] Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ. О. Б.

намъ астрономическія свѣдѣнія; онъ узналъ также, отъ чего происходили молнія и громъ, могъ солнечными лучами зажигать огонь, и искуственно дѣлалъ самъ подобные опыты и показывалъ ихъ людямъ. И такъ какъ легко представить себѣ, что на этѣхъ суровыхъ горахъ онъ долженъ былъ вынести бездну безпокойствъ и лишеній, то и придумали, яко бы онъ былъ прикованъ къ скалѣ, а орелъ клевалъ тамъ сердце его.

Объ этой горѣ и баснѣ весьма справедливо упоминаетъ и описываетъ ее Квинтъ Курцій (Q. Curtius, lib. 7, c. 3, p. 598): «Agmen processit ad Caucasum montem, cujus dorsum Asiam perpetuo jugo dividit: hinc simul mare, quod Ciliciam subit, illinc Caspium fretum et amnem Araxem aliaque regionis Scythiae deserta spectat. Taurus secundae magnitudinis mons committitur Caucaso; a Cappadocia se attollens, Ciliciam praeterit Armeniaeque montibus jungitur. Sic inter se tot juga velut serie cohaerentia perpetuum habent dorsum, et quo Asiae omnia fere flumina, alia in Rubrum, alia in Caspium mare, alia in Hircanum et Ponticum decidunt. 17 dierum spatio Caucasum superavit exercitus. Rupes in eo 10 in circuitu stadia complectitur, quatuor in altitudinem excedit, in qua vinctum Promethea fuisse antiquitas tradit.» Горы этѣ какъ бы висятъ однѣ надъ другими, появляются въ Каппадокіи, тянутся чрезъ всю Персію и простираются даже въ Индію. Въ ширину, отъ Каспійскаго моря къ Понту, горы этѣ считаются въ 50 миль и въ разныхъ мѣстахъ получаютъ различныя наименованія. Къ Кавказскимъ горамъ примыкаютъ Арменскія, между которыми находится и Араратъ.

Гора Араратъ, на которой, по сказанію 8-й главы 1-й книги Моисея, остановился Ноевъ ковчегъ, теперь жителями Арменіи навывается Месиной (Messina), Персіянами Агри (Agri), Арабами Субелянъ (Sübeilahn), съ виду еще выше, пожалуй, Кавказа, и самая почти высокая гора, какую только мы видѣли во время всего нашего путешествія; это совершенно черная неровная скала, вершина которой покрыта и лѣтомъ и зимою снѣгомъ и высшая оконечность ея находится отъ 10 до 15 миль отъ Каспійскаго моря. Армяне и Персы совершенно увѣрены, что и теперь еще на горѣ этой лежитъ кусокъ Ноева ковчега, отвердѣвшій будьто

камень. Нѣкоторые изъ нашихъ, бывши въ Мидіи, въ Шемахѣ видѣли въ одной Армянской церкви крестъ, величиною въ поллоктя, изъ темноватаго дерева, который, какъ имъ говорили, показывая этотъ крестъ, былъ сдѣланъ изъ куска Ноева ковчега, и Армяне берегутъ его, какъ великую святыню, завертывая его въ шелковый платокъ. Но теперь на гору Араратъ взойти нѣтъ возможности; ибо не только на нѣсколько миль кругомъ, какъ это даже кажется съ виду, воздымаются прямо высокія, обрывистыя, скалы, прерываемыя глубокими долинами, но и самая вершина горы, вѣроятно, въ слѣдствіе землетрясеній, повсюду представляетъ разсѣлины, раздѣляющія гору на отдѣльныя другъ отъ друга утесы, такъ что, по множеству широкихъ и глубокихъ пропастей, туда, гдѣ находятся остатки ковчега, теперь рѣшительно нѣтъ ни какого пути.

Посолъ Имамъ-Кули-Султанъ (Imam Culi Sultan), котораго Персидскій Шахъ присылалъ къ Его Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, имѣлъ недалеко отъ этой горы Арарата, именно въ области Карабахъ (Karabach), свой дворъ и жилище, и потому онъ многое сообщилъ мнѣ объ этой горѣ. По высотѣ этого горнаго хребта, видимаго издалека, Каспійское море представляется весьма удобнымъ для плаванія; ибо различными вершинами своими и остріями онъ служитъ хорошимъ указателемъ пути.

11-го числа, послѣ восхода солнца, мы снова пустились на парусахъ и держали ходъ нашъ подлѣ острова на югъ. Почти въ концѣ острова съ материка выдвигался въ море уголъ или мысъ, съ песчаной отмелью, и такъ какъ прямо противъ этого мыса и съ острова также выдавалась длинная полоса мели, то проѣздъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень узокъ и опасенъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ острова, слѣва, тянулась большая песчаная мель, лежавшая прямо на нашемъ пути. Когда мы дошли до этого мѣста, то стали на якорь, и послали на лодкѣ изслѣдовать въ узкомъ мѣстѣ глубину, которая сначала, съ пол мили, постоянно была двѣ сажени; за послѣднею же песчаною мелью тотчасъ глубина стала въ 6, 7 и болѣе саженъ. Когда за тѣмъ мы выбрались на эту глубину и начался благопріятный намъ вѣтеръ, мы взяли направленіе на Дербентъ и шли на ю. ю.

з. (юго-юго-западъ), такъ что съ правой стороны мы постоянно имѣли въ виду землю. Въ полночь вѣтеръ перемѣнился и началъ дуть съ юга, довольно сильно и прямо противъ насъ, и мы боролись съ нимъ цѣлую ночь, рѣялись, но не выиграли ни чего, такъ что по утру, когда вѣтеръ постоянно крѣпчалъ, мы стали на якорь, на глубинѣ 12 сажень; дно здѣсь было тинистое.

ГЛАВА XV.

О второмъ кораблекрушеніи нашемъ.

12-го числа мы простояли на якорѣ цѣлый день, и вечеромъ, въ 9 часовъ, когда поднялся вѣтеръ, довольно сильный съ сѣвера, отправились въ путь, шли прямо по вѣтру; ибо путь нашъ былъ на юго-юго-востокъ (S. S. O.). Около 11 часовъ мы были на глубинѣ 20 саженъ, потомъ вскорѣ на 30 саженной глубинѣ, и наконецъ совсѣмъ не доставали дна. Между тѣмъ вѣтеръ перешелъ въ жестокую бурю, и мы, не желая давать полный ходъ кораблю въ неизвѣстномъ намъ морѣ и въ такую темную ночь, въ которую ни чего не было видно, собрали всѣ паруса и плыли, гонимые вѣтромъ, все таки въ часъ по 2 мили. После 12-ти часовъ ночи съ нами пошли несчастія одно за другимъ. Такъ, прежде всего при вытаскиваніи изъ воды лота, онъ зацѣпился, повисъ на кораблѣ, оборвался и упалъ въ воду. Потомъ мы пустили было сначала шлюбку нашу плыть отдѣльно, подъ управленіемъ 2-хъ матросовъ; но такъ какъ она была низка и волны такъ сильно заливали ее, что матросы не въ силахъ были уже сопротивляться имъ, то они поспѣшили пристать къ намъ, перешли на корабль, а шлюбку привязали къ нему на канатъ. Мы тащили за собою также нашу корабельную лодку и еще другое судно, купленное нами у Русскихъ. Оба этѣ судна, прежде чѣмъ мы успѣли замѣтить, были залиты водою и пошли ко дну, сперва Русское, а потомъ и корабельная лодка. Наконецъ и шлюбка, протащившись за кораблемъ, съ великимъ для него обремененіемъ, до-

вольно порядочное разстояніе, оторвалась и потонула. На ней было нѣсколько пушекъ каменнометныхъ, ядра, цѣпи, канаты, деготь и другія, необходимыя для корабля, принадлежности, и все это потонуло съ нею. Это было началомъ нашего кораблекрушенія на Каспійскомъ морѣ. Высокія и короткія волны сдѣлали то, что корабль, выстроенный изъ сосноваго дерева, гнулся, какъ змѣя, и разщелился въ пазахъ. Внутреннія помѣщенія трещали такъ, что внизу, въ трюмѣ, нельзя было разслушать собственныхъ своихъ словъ. Волны одна за другой страшно били въ корабль, перекидывались черезъ него, и корабль до того наполнился водой, что мы постоянно должны были выкачивать изъ него воду насосами и отливать кухонными котлами. Отъ всего этого мы были въ большомъ страхѣ, особенно, когда вспомнили, что потерпѣлъ корабль нашъ еще на Волгѣ и при входѣ въ море. Персидскій лоцманъ также желалъ бы лучше находиться на своемъ кораблѣ и поближе къ берегу; ибо если уже корабль нашъ долженъ былъ погибнуть, то у насъ не было ни чего, на чемъ бы могъ спастись хоть одинъ человѣкъ. Въ слѣдствіе всего этого мы и эту ночь провели въ великомъ страхѣ, ужасѣ и отчаяніи.

13-го Ноября, какъ только началъ заниматься день, мы замѣтили, что находимся недалеко отъ материка, и увидѣли даже Дербентскія горы, которыя считали отъ себя по крайней мѣрѣ миляхъ въ 10-ти. Такъ какъ буря теперь нѣсколько поутихла, то сперва мы натянули большой парусъ на средней мачтѣ, а потомъ, чтобъ скорѣе достигнуть земли, подняли и мачтовый парусъ; но какъ въ прошлую ночь мы уже глубоко вдались въ море, и вѣтеръ довольно сильно еще дулъ съ сѣвера на западъ, то, гонимые этѣмъ вѣтромъ, мы съ прискорбіемъ должны были миновать давно желанный нами городъ Дербентъ, плыли далѣе вдоль Персидскаго берега, простиравшагося постоянно съ сѣвера на югъ и искали пристанища, которое и нашли въ 10 миляхъ за Дербентомъ, противъ Персидскаго селенія Ніазабатъ (Niasabath), названнаго нашими Низовой (Nisawai), въ открытомъ морѣ, и въ 4 часа послѣ обѣда стали на якорь на 4 саженной глубинѣ, на илистомъ днѣ. Противъ Дербента и за нимъ, на разстояніи болѣе 6-ти миль, вездѣ скалистое дно, на которомъ нигдѣ нельзя стат

на якорѣ, и у Дербента не было ни одной надежной пристани, въ которую бы можно было зайти и простоять долго, въ безопасности. Когда мы остановились сказаннымъ образомъ, то вѣтеръ и волны все еще били въ корабль съ такою силою, что крюкъ у руля изломался; по этому мы высвободили руль изъ крюка и, привязавъ его на канатъ, пустили его въ море позади корабля, чтобы онъ не повредилъ корабельной обшивки. Самый корабль стоялъ на якорѣ такъ неспокойно и такъ сильно текъ, что все остальное время дня и цѣлую ночь мы постоянно выкачивали насосомъ воду; въ одинъ часъ я насчиталъ двѣ тысячи выкачиваній, и тѣмъ не менѣе вода все таки одолѣвала.

На слѣдующие утро, 14-го Ноября, когда начало на морѣ затихать, мы весьма желали высадиться на землю; но такъ какъ у насъ не было ни одной лодки, то мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и ружей, чтобы хоть Персы, по крайней мѣрѣ, могли пріѣхать къ намъ съ берега. Прождавъ три часа, и не дождавшись ни кого, мы начали было уже наколачивать нѣсколько досокъ на бревна, чтобы устроить плотъ, на которомъ хотѣли послать человѣка два на землю; но въ это время съ земли прибыли наконецъ къ намъ двѣ лодки, присланныя сельскимъ начальникомъ (они называли его Kaucha), и привезли намъ на поклонъ два большихъ мѣшка съ яблоками и грушами. Мы также обрадовались ихъ прибытію, какъ, по ихъ словамъ, они обрадывались нашему. Они предлагали возможныя услуги и просили Пословъ оставить корабль и поспѣшить на землю, захвативъ съ собою все, что имъ было наиболѣе дорого, говоря, что тихой погодѣ довѣрять долго нельзя, что и оправдалось позднѣе.

Послы съ нѣсколькими слугами, мушкетерами и лейтенантами, захвативши съ собою и важнѣйшую кладь, сѣли въ лодки Персовъ и поплыли на берегъ, оставивъ всѣхъ другихъ на корабле (въ числѣ этѣхъ послѣднихъ, по нѣкоторымъ причинамъ, находился и я, вмѣстѣ съ Ухтерицемъ, Маршаломъ и Гофмейстеромъ), съ тѣмъ, чтобы перевезти ихъ за другимъ разомъ. На берегу Кауха поджидалъ уже Пословъ, сидя на сѣрой лошади и окруженный множествомъ слугъ, и когда онъ увидѣлъ, что, по мел-

новодью, лодку нельзя плотно причалить къ берегу, то сошелъ съ лошади, послалъ ее на встрѣчу Посламъ, которые и пріѣхали на ней, одинъ за другимъ, на берегъ. Такимъ образомъ, съ Божіею помощію, нынѣ, въ полдень, Посланники ступили первый шагъ въ страну Персовъ.

Первое, что Посланники увидѣли на берегу, была невѣста, сопровождаемая множествомъ женщинъ, которыя ѣхали верхами на лошадяхъ, по мужски, въ другое село, мимо Посланниковъ. Съ нами же, оставшимися на кораблѣ, случилось печальное происшествіе, такъ сказать, Гирканскій Нептунъ началъ играть трагедію, подобную той, какую годъ тому назадъ, около этого же времени, сыгралъ съ нами Балтійскій Нептунъ. Только что Послы высадились на берегъ, какъ поднялся сильный вѣтеръ съ юга, перешедшій скоро въ такую страшную и ужасающую бурю, что я сомнѣваюсь, сильнѣе ли была буря на Балтійскомъ морѣ, прогнавшая насъ мимо Ревельской пристани; въ такую бурю никто не рѣшился пуститься къ намъ съ земли, а мы также не могли подойти къ ней. Тогда-то снова мы впали въ крайнюю опасность и великую тоску. Высокія, словно горы, воды безпрестанно вскидывали вверхъ, облегченный отъ нѣкоторой клади, корабль, и такимъ образомъ, поднявшись страшно въ воздухѣ, онъ тотчасъ же погружался въ бездну и снова извергался изъ нея. На палубѣ вездѣ постоянно стояла вода на цѣлый футъ, такъ что никто не могъ оставаться на ней. Самый корабль, въ верхней части, у перекладины, разсѣлся большими трещинами, такъ что мы опасались, что, вообще непрочно связанный, онъ переломится на двое по серединѣ, гдѣ онъ особенно расшатался и былъ некрѣпокъ. Якорь пересталъ сдерживать корабль, который поволокъ его и самъ унесенъ былъ на четверть мили впередъ, что мы замѣтили только по деревьямъ на берегу, которыя прежде стояли впереди насъ, а теперь остались далеко позади. По этому мы забросили еще два якоря, которые въ 11 часовъ вечера оба и оторвались, и мы послѣ этого бросили еще большій швартъ-якорь. Вскорѣ за тѣмъ оторвался и ушелъ въ море висѣвшій на канатѣ руль; въ кораблѣ же была такая течь и набралось столько воды, что ни какіе насосы уже не помогали, и мы должны были безпрестанно вычерпывать ее котлами. Въ пол-

ночь, когда вѣтеръ началъ дуть съ востока, корабль нашъ принялъ такое положеніе, что находился постоянно между двумя волнами, которыя съ обѣихъ сторонъ съ такою силою качали его, что оба края его то и дѣло погружались въ воду. Въ это же время мачта переломилась на три части и съ страшнымъ трескомъ повалилась за край вмѣстѣ съ фокъ-мачтой (Maysan). Богъ помиловалъ, что при этомъ никого еще не убило, по тому что большая часть насъ сидѣла въ это время на верху корабля, подлѣ фокъ-мачты. Матросы громко кричали и спрашивали у меня позволенія обрубить канаты, на которыхъ держались еще упавшія въ воду части корабля, чтобы тѣмъ избавить корабль отъ опасныхъ для него толчковъ и ударовъ бревнами; я охотно дозволилъ имъ это.

Ѣвши немного въ продолженіи 3-хдневной бури и совершенно изтомившись отъ постояннаго бодрствованія и непрестанной работы, мы опустили наконецъ руки и считали уже себя погибшими. Тогда у насъ настала опять смертная тоска и отчаяніе и вездѣ слышались великіе вопли и жалобы. Я и Флемингъ, отыскавши по парѣ порожнихъ жбановъ или боченковъ отъ водки, связали ихъ веревками, привѣсили каждый себѣ на шею и сѣли на возвышеніе на носу корабля (Ober-Kaste), разсчитывая, что если корабль погибнетъ, то, съ помощію этѣхъ боченковъ, волны вѣрнѣе доставятъ къ нашимъ живыхъ насъ, или затопленныя тѣла наши. Въ такой опасности, корабельный плотникъ нашъ, Корнелій Іостенъ (Josten), забрался внизъ въ погребъ, о которомъ никто уже и не думалъ, и напился тамъ до того, что потерялъ всякое сознаніе и чувства и, воротившись на палубу, повалился словно мертвый; мы и не знали бы, что случилось съ нимъ, если бъ не догадались по сильному запаху водки, которымъ разило отъ него. Другіе матросы неустанно несли тяжкую работу и уговаривали рабочій народъ потрудиться еще какихъ ни будь часа два, въ которые, можетъ быть, буря стихнетъ, и Богъ пошлетъ какую ни есть помощь. Тогда опять начали давать обѣты, дѣлать обѣщаніе помогать бѣднымъ и всѣ ревностно продолжали работать, чтобы хоть удержать только корабль на водѣ. Мы вывѣсили призывный знакъ или бѣлый платокъ (полотно) и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ

пушекъ, чтобы извѣстить о нашей крайней опасности и призвать на помощь.

Но хотя бывшіе на берегу хорошо слышали и видѣли нашу опасность, хотя у нихъ также болѣло сердце, какъ и у насъ, носившихся по волнамъ въ опасности, и хотя наконецъ Посланники прилагали великій трудъ, понудить рабочій народъ нашъ хоть немного помочь отправкѣ съ берега судна Персовъ, а Бругманъ обнажилъ даже и шпагу, понуждая къ тому людей, но все таки рѣшительно не было ни какой возможности кого нибудь заставить плыть къ намъ въ такую погоду. Ибо, хотя къ утру вѣтеръ утихъ нѣсколько, но разбушевавшееся море было до того неспокойно и съ такою силою устремляло одна за другой волны къ берегу, что ни какія усулія не были въ состояніи бороться съ ними.

Не получивъ и въ полдень съ земли ни какой помощи, и узнавъ отъ корабельщика, впервые объявившаго, что у насъ остался только одинъ большой якорь, и что надо опасаться, чтобы вечеромъ не поднялась снова буря, что и случилось въ самомъ дѣлѣ, я началъ втайнѣ совѣтоваться съ главнымъ боцманомъ (подшкиперомъ) о томъ, что дѣлать? Не лучше ли уже, въ такихъ обстоятельствахъ, пустить корабль на произволъ волнъ, которыя нагнали бы его на берегъ, и тѣмъ спасти, можетъ быть, хоть народъ. Этотъ, вмѣстѣ съ другимъ боцманомъ, объявили, что корабль едва ли въ состояніи вынести столько, сколько онъ уже вынесъ, и по тому они совѣтовали, чтобы я, согласившись съ главнѣйшими изъ служащаго народа, переговорилъ объ этомъ съ корабельщиками. Когда же я съ Маршаломъ просилъ ихъ, чтобы они по совѣсти высказали свое мнѣніе о состояніи корабля, то они объявили, что до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ лѣниться въ работѣ, корабль еще можетъ продержаться нѣсколько времени; ибо у нихъ былъ еще большой якорь и канаты, да и погода нѣсколько постихла. При этомъ они имѣли въ виду (и это было у нихъ главное), что если не будетъ уже корабля, то въ числѣ лицъ, бывшихъ при Посланникахъ, они будутъ самые горестные и презрѣнные люди; въ слѣдствіе чего они лучше желаютъ умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ на та-

комъ положеніи. При этомъ они опасались, что въ случаѣ, если корабль разобьется, то ихъ могутъ лишить жалованья и благосостояніе ихъ пострадаетъ, хотя увѣрены въ томъ, что если бъ Посланникъ Бругманъ былъ на лицо, то онъ давно бы уже приказалъ погнать корабль, чтобы его выкинуло на берегъ. Такимъ образомъ корабельщики очень противились сказанному выше мнѣнію. Весь же остальной народъ приступилъ къ намъ съ слезными просьбами и жалобными воплями о томъ, чтобы настоять и велѣть вести корабль къ землѣ, и тѣмъ, можетъ быть, спасти ихъ.

Наконецъ корабельщики и боцманы согласились на томъ, что если случится какой вредъ кораблю, то чтобы мы поручились, что они будутъ свободны отъ всякаго взысканія, и на такомъ условіи они готовы плыть къ берегу, требуя только, чтобы такое ручательство наше было сдѣлано за подписью и печатью нашею. Въ слѣдствіе этого мы дали имъ отъ себя обязательство, за подписью всѣхъ насъ, составленное, по ихъ желанію, слѣдующимъ образомъ:

«Во имя милосердаго Бога, мы, ниже поименованные, при настоящей великой опасности, которой мы подверглись снова по соизволенію Божьему, по совѣщанію съ корабельщиками, Михайломъ Кордесомъ и Корниліемъ Клаузеномъ, относительно нашего корабля, и по достаточномъ размышленіи, порѣшили на томъ: что хотя поименованные корабельщики и утверждали, что въ хорошую, ясную погоду, имѣя добрый якорь и канатъ, и при условіи, если прислуга и впредь старательно будетъ работать, они могутъ еще сберечь корабль на нѣкоторое время, однако мы за лучшее разсудили, корабль посадить на берегъ по слѣдующимъ причинамъ, а именно: по тому что мы имѣли малонадежный, поврежденный и давшій течь, корабль, у котораго потерянъ уже руль, большая мачта, майзанъ и два якоря; также по тому, что потеряна корабельная лодка, и народъ истомленъ продолжительнымъ бдѣніемъ и работой; что въ такое позднее осеннее время нельзя быть увѣрену ни даже на полдня въ постоянной погодѣ, и что, въ слѣдствіе всего этого, мы носились въ морѣ съ крайнѣйшею опасностію для жизни; но въ то же время мы были убѣждены, что Гг. Посланникамъ нужны были, не

столько корабль, сколько люди, которые въ такихъ обстоятельствахъ легко могли бы погибнуть всѣ, а при выкидкѣ корабля на берегъ могли бы всѣ, можетъ быть, спастись; наконецъ, рѣшились на это и по другимъ причинамъ, которыя должны быть объяснены Гг. Посланникамъ, а теперь умолчаны. Для того же, чтобы корабельщики и матросы охотнѣе согласились на это предложеніе наше — выбросить корабль на берегъ, обязались мы оградить ихъ по этому дѣлу отъ всякихъ вредныхъ послѣдствій и опасеній, и выдать имъ сіе въ томъ обязательство. Происходило это передъ Низовымъ, на кораблѣ Фридрихѣ, 15-го Ноября, 1676 года.»

Послѣ выдачи этого обязательства корабельщики все еще продолжали колебаться и противились нашимъ желаніямъ; неотступныя же мольбы народа, по всей видимости, готовы были перейти въ нетерпѣніе и угрожающій гнѣвъ, по чему мы громко сказали: «Корабельщики! Смотрите, что вы дѣлаете: вѣдь за всякую душу, которая теперь сдѣсь мучается и погибнетъ отъ вашего упорства, вы дадите отчетъ въ день Страшнаго Суда.» Корабельщики же отвѣчали: «Если мы пустимъ корабль на берегъ и онъ разобьется; то мы не всѣ же достигнемъ живые земли: кто же тогда будетъ отвѣчать за утонувшихъ?» Мы возразили на это: «Буде это случится, то безъ намѣренія, по этому надо осмѣлиться и рѣшиться, лучше же спастись хоть нѣкоторымъ, нежели никому!» Весь народъ кричалъ на это: «Да, да, правда! Всякій долженъ быть на стражѣ въ грозящей ему опасности, и по тому надо рѣшиться отважиться, такъ какъ безъ того мы уже на краю гибели!» За тѣмъ Маршалъ и я должны были сдѣлать первые удары, чтобы обрубить якорный канатъ, матросы же послѣ этого окончательно обрубили канатъ, распустили парусъ на передней мачтѣ и поплыли съ нимъ къ берегу. Такъ какъ корабль былъ плоскодоненъ и имѣлъ небольшой киль, то мы покойно сѣли на песокъ, около 30 саженъ отъ земли. Одинъ изъ матросовъ, обвязавъ веревку около себя, поплылъ на берегъ и, съ помощію стоявшаго на берегу народа, придвинулъ корабль еще ближе къ землѣ; Посланники и другія, бывшія съ ними, лица, сокрушавшіяся о нашемъ несчастіи, считавшія насъ погибшими и молившіяся уже за наши души,

до такой степени обрадовались нашему спасенію и прибытію, что приняли насъ съ радостными слезами, нѣкоторые же съ радости попрыгали къ намъ въ воду и на плечахъ своихъ переносили насъ на землю. И когда мы хотѣли извиниться передъ Посланниками въ нашемъ рѣшеніи итти къ берегу, принятомъ нами въ крайнемъ положеніи нашемъ, то узнали, что Посланникъ Брюгманъ давно уже далъ приказъ Корнелію Клаузену, въ случаѣ нужды, пустить корабль на берегъ, и этотъ приказъ свой онъ непремѣнно послалъ бы къ намъ на двухъ, вырванныхъ изъ книги, листахъ, если бъ только нашелъ средство переслать ихъ къ намъ.

ГЛАВА XVI.

О свойствѣ Гирканскаго и Каспійскаго моря.

Это море отъ разныхъ людей и народовъ имѣетъ и разныя названія. Древніе называли это море Хозаръ (Chosar), которое, какъ справедливо замѣчаетъ Бохартъ, въ своемъ «Phalec» (Ortelius in Thesauro Geografico невѣрно замѣняетъ словомъ Cunsar), о чемъ свидѣтельствуетъ Нубійскій Географъ (Nubiensis Geographus, parte 7, Climatis quinti, pag. 263). Имя Хозаръ получило оно отъ того, что племя Тогарме, происшедшее отъ сына Гомерова (которыхъ было 10 и старшій изъ нихъ назывался Хозаръ), жило нѣкогда при этомъ морѣ и вверхъ по рѣкѣ Этель (Ethel) или Волгѣ, какъ увѣряетъ это помянутый сейчасъ Бохартъ, на стр. 226 1-й части, заимствуя свѣдѣніе это изъ «Tabulis Ismaelis Albuledae.»

Нубіецъ (Nubiensis) называетъ это море, по имени прилегающей къ нему области, Таберестанскимъ (Taberestanicum). Мавры называютъ его Богаръ Корсунъ (Bohar Corsun), точно также, какъ именуютъ они и Аравійскій заливъ. Персы зовутъ его Кюльзумъ (Kulsum), каковое имя дается ими и Красному морю, какъ это видно изъ Нубійца (Nubiensis), въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ и на той же страницѣ. Вообще же писателями называется оно Гирканскимъ и Каспіемъ, по прилегающимъ къ нему странамъ

и народамъ, также какъ по лежащему въ Ширванѣ городу Баку (Bakuje) оно слыветъ еще и моремъ Бакійскимъ (Mare de Baku). Русскіе же зовутъ его Хвалынскимъ моремъ (Gualenskoi more).

Море это не имѣетъ никакого сообщенія съ океаномъ или открытымъ моремъ, такъ чтобы они явнымъ образомъ соединялись гдѣ ни есть другъ съ другомъ, и, слѣдовательно, оно вовсе не такого вида, какъ описываетъ его Діонисій Африканскій или Александрійскій (Dionysius Afer vel Alexandrinus): «Caspii igitur maris forma hujus modi est, ut maxime in gyrum et circularem ambitum flectatur. Ab oceano enim, qui Scythicum littus ad boream illidit, exoriri certissimum est.»

Этому Діонисію, который составилъ, во время Императора Августа, Географію, хотя juvenis admodum (какъ это видно изъ извѣстій о жизни его самаго) и который самъ еще не видалъ этого моря, слѣдуютъ и многіе другіе замѣчательные писатели, каковы, на пр., Помпоній Мела (Pomponius Mela, ed. Joach. Vadiani Helvetii), писавшій во времена Клавдія; смотр. книги 3-я стр. 185: «Mare Caspium, ut angusto, ita longo etiam freto primum terras, quas fluvius, irrumpit, atque ubi recto alveo influxit, in hos [1] sinus diffunditur. Contra os ipsum in Hyrcanum, ad sinistram in Scythicum, ad dextram in eum, quem proprie et totius nomine Caspium appellant.»

Плиній (Plinius lib. 2, cap. 67; Francofurti, 1599): «Juxta vero ab ortu ex Indico mari, sub eodem sidere (eadem plaga), pars tota vergens in Caspium mare.» Et lib. 6, cap. 15: «Caspium irrumpit Scythico oceano in aversa Asiae, pluribus nominibus accolarum appellatum, celeberrimis duobus, Caspio et Hyrcanio.»

Плинія заимствуетъ и Солинъ (Solinus) (Basileae, 1557), подражатель Плинія, жившій во времена Веспасіяна, и говоритъ, въ 27-й главѣ, на стр. 148: «Mare Caspium, quod dilapsum per Asiaticae terga plagae Scythicum irrumpit oceanum.» Также и Марціанъ Капелла (Martianus Capella; Basiliae, 1532), въ книгѣ 6-й, стр. 147: «Hic Persicus limes Scythis jungitur, sed Scythico oceano et Caspio mari, qua in oceanum Eoum cursus est.» Страбонъ (ed. 1587) также держится мнѣнія, что море это есть только заливъ, вели-

---

[1] Въ новѣйшихъ изданіяхъ: tres. О. Б.

каго моря, а не запертое море. Такъ во 2-й книгѣ, на страницѣ 83, онъ говоритъ: «Oceanus admittit multos sinus, maximos autem quatuor, quibus is, qui ad septentrionem spectat, Caspium vocatur mare, sive Hircanum. Persicus autem sinus, et sinus Arabicus etc.»

Согласно съ этѣми писателями полагаетъ и Василій Великій (Basileae, 1565), мужъ святой; такъ, въ бесѣдѣ 4-й на Шестодневъ (Homil. 4 in Hexameron), стр. 47, онъ говоритъ: «Unum iantum est mare; quanquam et Hyrcanum Caspiumque mare sunt, qui seorsum circum scripta suis esse finibus arbitrentur, sed si tis, qui in describendis terris operam navarunt, mentem adhibere oporteat hac inter sese per meatos suos commiscentur in omnia, et omnia permeant in mare maximum.» Макробій (Basileae, 1535) хотя также приходитъ къ этой же мысли, но поставляетъ и нѣкоторое сомнѣніе въ ней, говоря: «Sed describi hoc (т. е., Каспійское море) nostra attestatione non debuit, cujus situs nobis incognitus perseverat» (In somnio Scipionis l. 2, cap. 6, 9, pag. 78).

Я же держусь Геродота и Аристотеля, которые пишутъ, этотъ: (Meteor. Lugduni Batav., 1590): «Hyrcanum mare et Caspium ab extero mari sejuncta sunt, et circumquaque accolas habent,» и тотъ: (lib. 1, c. 52): «Mare Caspium per se est, nec ullo cum alio cammiscetur.» Это есть особое море, которое не имѣетъ ни какого сообщенія съ великимъ моремъ, повсюду заперто берегами и можетъ по этому совершенно справедливо быть названо Средиземнымъ моремъ (mare mediterraneum).

Мнѣніе это подтвердили мнѣ Гилянцы, живущіе на западной сторонѣ этого моря, и другіе Персы, которыхъ я старательно распрашивалъ объ этомъ.

Длину Каспійскаго моря вообще писатели считаютъ въ 15, а наибольшую ширину въ 8, дней пути, если, какъ говорятъ они, плыть безъ помощи вѣтра, на веслахъ, безъ всякой помѣхи. Если же границы этого моря я буду опредѣлять по лежащимъ на берегахъ его городамъ и мѣстностямъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣю я не только изъ каталога долготы и широты (Catalogo longitudinum), полученнаго мною отъ Персовъ, и изъ Астрономическихъ отрывковъ Іоанна Граве (Fragmentis Astronomicis Johan-

nis Gravii), но частію и изъ собственныхъ моихъ изслѣдованій, то длина моря будетъ простираться не такъ, какъ изображали ее до сихъ поръ на обыкновенныхъ картахъ, отъ востока къ западу, но отъ сѣвера къ югу или отъ полуночи на полдень, а ширина съ востока на западъ или отъ утра на вечеръ. Длина эта отъ ostio maris или отъ выхода, устья моря подъ Астраханью, до Ферабата (Ferabath), простирается на 8 градусовъ равноденственника, слѣдовательно, на 120 Нѣмецкихъ миль; ширина же, отъ области Хурезмъ (Churesm) [1] до Черкаскихъ горъ, занимаетъ около 6 градусовъ онаго; слѣдовательно, простирается на 90 миль.

Нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ пріятелей по Лейпцигскому Университету, увидавши въ первомъ изданіи моемъ карту Персіи, писали и дѣлали мнѣ замѣчанія на то, что я далъ такое положеніе Персидскому морю и что это было противно существовавшему дотолѣ мнѣнію всѣхъ Географовъ. Но такъ какъ объ этомъ предметѣ, какъ уже сказано, я получилъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, то я и не смѣю обращаться къ мнѣнію другихъ. Извѣстно что: «Erante uno, erant omnes.» Когда Діонисій Александрійскій далъ по ошибкѣ сказанное выше положеніе Каспійскому морю, то другіе, не видавши сами этого моря, слѣдовали ему и повторяли его ошибку. Море это не имѣетъ ни прилива, ни отлива (fluxum et refluxum), какъ другія моря, хотя Курцій, въ помянутомъ выше мѣстѣ, думаетъ, что они бываютъ на Каспійскомъ морѣ. Если иногда бываетъ, что вода не только въ берегахъ прибываетъ, но даже и выступаетъ изъ берега, что преимущественно случается на западной сторонѣ, то это слѣдуетъ приписать только вѣтру, дующему съ моря. Въ тихую же погоду море всегда сохраняетъ одинаковый уровень и высоту. По срединѣ оно такъ глубоко, что 60, 70 саженями недостаютъ еще дна. Какъ сказано выше, мы не могли достать дна 30-ю саженями, бывши только въ 6, или въ 7-ми, миляхъ отъ Дагестанскаго берега.

Въ это море впадаетъ весьма много рѣкъ, и когда мы ѣхали еще въ Персію, то намъ говорили, будьто рѣкъ этѣхъ нѣсколько сотенъ, что намъ казалось сперва невѣроятнымъ, но потомъ на

[1] Хивы. О. Б.

возвратномъ пути показалось и правдоподобнымъ. Такъ, на небольшомъ пути отъ Решта до Шемахи, въ двадцать почти дней, мы переѣхали болѣе 80 большихъ и малыхъ рѣкъ. Важнѣйшія и самыя большія изъ нихъ, которыя мы видѣли, были: Волга, Араксъ (Araxis) или Арасъ (Aras), соединяющійся съ Циромъ или Куромъ (Cyro или Kür), Кизилозенъ (Kisilosein), Быстрая (Bustrow), Аксай (Aksai) и Койсу (Koisu). Кромѣ того, въ это же море впадаетъ съ сѣвера: Яикъ (Jaik) [2] и Емсъ (Jems); [3] съ юга и востока: Ніосъ (Nios), Оксъ (Oxus) [4] и Орксантесъ (Orxantes), [5] у Курція Танаисъ называемый.

Многіе весьма удивляются, отъ чего это происходитъ, что Каспійское море, принимая въ себя такое множество рѣкъ, не имѣетъ ни какого видимаго истока? Нѣкоторые думаютъ по этому, что такъ какъ оно замкнуто, то оно имѣетъ скрытые, подземные каналы или протоки въ океанъ или въ открытое море. Такаго мнѣнія держался Сваръ (Svarius), а у него заимствуетъ и Цезъ (Caesius) (Lugduni Batav., 1636), который, въ своемъ: «De mineralibus,» въ 1-й книгѣ, 6-й главѣ, на страницѣ 57-й, говоритъ: «Svarius, lib. 2, de opere 6 dierum, cap. 6, recte scribit; Caspium si nullam cum oceano habeat externam communicationem, at aliquam habere subterraneam censendum.»

Персы сообщали намъ, что на югѣ Каспійскаго моря, между Табристаномъ (Tabristan) и Мазандараномъ (Masandaran), недалеко отъ Ферабата, есть громадная бездна, въ которую море низвергается и уходитъ подъ гору. Но что значитъ бездна эта, какъ бы одна рѣка, въ сравненіи съ такимъ множествомъ рѣкъ, вливающихся въ море? Я же полагаю, что это море и рѣки имѣютъ тѣ же самыя свойства, какъ и большое какое нибудь море и рѣки. Теперь существуютъ объ этомъ различныя мнѣнія, какъ это можно читать у естествовѣдовъ de ge-

---

[2] Уралъ. О. Б.

[3] Емъ или Емба, у Киргизовъ Джемъ, т. е., Ягодная рѣка. О. Б.

[4] У Арабовъ Джигонъ или Джигунъ, Гигонъ, нынѣ Аму-Да(е)рія, т. е., Аму рѣка. О. Б.

[5] Иначе Jaxartes, у Арабовъ Сейхунъ, Сигонъ, нынѣ Сыръ-Да(е)рія. О. Б.

neratione fontium, о происхожденіи источниковъ и рѣкъ. Николай Кабей (Cabeus) приводитъ нѣсколько изъ этѣхъ мнѣній въ своемъ «Comment. super lib. Meteorolog. Aristotelis» (Romae, 1646). Такъ, Перипатетики думаютъ, что не возможно, чтобы рѣки вытекали изъ морей; ибо въ моря этѣ онѣ текутъ внизъ; иначе было бы движеніе противоестественное, если бы тяжелое вещество имѣло теченіе вверхъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что земля также, какъ и небо, имѣетъ своихъ intelligentias, т. е., Ангеловъ или духовъ, которые совершаютъ въ ней движенія, и такимъ образомъ выводятъ воду изъ глубины земли.

Другіе же говорятъ, что земля, подобно животному, имѣетъ свой собственный духъ и душу, посредствомъ которыхъ всѣ части земли дѣлаются какъ бы живыми и приводятся въ движеніе. По этому воды естественною силою проходятъ по сокрытымъ жиламъ земли и восходятъ даже на горы, подобно тому, какъ въ человѣкѣ кровь идетъ отъ печени къ сердцу и черезъ пустую вену (venam lavam) поднимается вверхъ въ голову, хотя влага сама по себѣ тяжела, но естественное движеніе дѣлаетъ ее восходящею вверхъ. Такимъ образомъ это вовсе не насильственное, но естественное, движеніе, когда воды изъ центра или средины земли восходятъ на высочайшія горы.

Кабей самъ по себѣ имѣетъ двоякое мнѣніе: во 1-хъ, что высоты моря не во всѣхъ мѣстахъ одинаково удалены отъ средины земли и, слѣдовательно, поверхности морей въ одномъ мѣстѣ выше, нежели въ другомъ, не смотря на то, что они были бы соединены проливами, или узкими протоками; такъ, на примѣръ, поверхность Индійскаго моря гораздо выше поверхности Средиземнаго моря и проч. Но откуда же тогда происходятъ рѣки, которыя съ Индійскихъ горъ изливаются въ Индійское море? И по чему поверхности и высоты морей, такъ какъ моря этѣ входятъ одно въ другое, не могутъ наконецъ сравняться, особенно же когда болѣе высокія моря посредствомъ рѣкъ вливаются въ болѣе низкія? Во 2-хъ, говоритъ онъ, это можетъ совершаться слѣдующимъ образомъ: извѣстно, что существуетъ подземная теплота, о которой свѣдѣтельствуетъ происхожденіе

металловъ и камней; извѣстно также, что земля во многихъ мѣстахъ песчана, скалиста и болотиста, или ноздревата, и что она, слѣдовательно, втягиваетъ въ себя морскую воду; когда, далѣе внутренній жаръ претворяетъ эту воду въ пары (in vapores), которые сокрытыми трещинами и ходами поднимаются, то вверху, какъ бы въ холодныхъ сводахъ, подобно тому, какъ дѣлается это въ перегонной печи, они стекаются вмѣстѣ и обращаются подъ конецъ въ пресную воду (ибо, при перегонкѣ, соль всегда осаждается на дно); когда же такія испаренія проникаютъ выше и поднимаются вверхъ, то они обращаются въ дождь. Это, говоритъ онъ, было также и мнѣніе Аристотеля, dum excondensato aëre in cavernis terrae fontes fluere dixit, какъ говорится объ этомъ подробнѣе въ помянутомъ изслѣдованіи, кн. 1, стр. 62.

Скалигеръ думаетъ, что истеченіе водъ или источниковъ происходитъ отъ тяжести морской воды, которая большею частію не въ своемъ собственно мѣстѣ, гдѣ она покоится, но выше поднимается, въ слѣдствіе того, что высшій слой воды давитъ на низшій, отъ чего вода съ силою протѣсняется сквозь трещины и трубочки земли и брызжетъ выше самаго уровня моря; и положеніе это Скалигеръ остроумно объясняетъ одною фигурою, которая представляетъ комъ земли, въ которомъ двѣ части воды и одна земли, и говоритъ, что Творецъ весьма мудро воздвигъ высоты на землѣ, съ тѣмъ, чтобы извергаемая изъ нихъ жидкость, могла служить его твореніямъ, нуждающимся въ ней; къ этому, хотя и въ шутку, но наводя на размышленіе, онъ добавляетъ: «Non est praetereundum, quod a semimonacho inter convivas dicebatur. Esse in terra venas, a quibus trahatur aqua, sicuti sanguis a venis animalium, quod volui tibi ad risum apponere, post haec ossa.»

Это мнѣніе Скалигера весьма замѣчательно, и оно согласно съ изреченіемъ мудраго Соломона (Еккл. 1, 7), который говоритъ: Вся вода выходитъ изъ моря и обратно вливается въ него, но вышедши изъ моря она утрачиваетъ свою соль отъ такого множества и длинноты изворотовъ и путей, черезъ которые проходитъ вода. По этому-то, какъ говоритъ Скалигеръ, въ «Exer.» 50, и какъ мы сами это изслѣдовали, источники, чѣмъ удаленнѣе отъ моря, тѣмъ слаще.

Не мѣшаетъ также, что такіе источники вытекаютъ иногда изъ вершины весьма высокой горы; ибо какъ гора эта все таки дѣлаетъ землю съ водою круглымъ шаромъ, то такая гора, слѣдовательно, и не очень высока. На обратномъ пути изъ Персіи, между Дербентомъ и Шемахой, при селеніи Зоратѣ (Sorat), которое нѣкоторые называли Багель (Bahel), я взошелъ на одинъ довольно высокій холмъ, взявши съ собою, ради удовольствія, и астролябію; тамъ я подвинулъ діоптру на горизонтальную линію, и повернулся къ морю, находившемуся въ 2-хъ миляхъ оттуда, и тогда я хорошо видѣлъ высоту моря. Я долженъ, впрочемъ, признаться при этомъ, что во время этого наблюденія былъ довольно бурный вѣтеръ, который, какъ полагаетъ Вареnъ, въ своей Географіи (Geographia generalis etc. Amstel., 1664), говоря объ этомъ замѣчаніи моемъ, могъ поднять волны, бывающія во время бури обыкновенно очень высоки и коротки на этомъ морѣ. Квинтъ Курцій, въ 6-й книгѣ, пишетъ: «quod hoc dulcius caeteris,» что море это слаще, чѣмъ вода въ другихъ моряхъ. Полибій же, въ 4-й книгѣ, на страницѣ 309-й (ed. Casauboni), Страбонъ, въ 1-й книгѣ на страницѣ 34-й (ed. 1587), и Арріанъ (ed. 1575), приписываютъ это свойство Понту Эвксинскому, и причину того полагаютъ во множествѣ втекающихъ въ него рѣкъ, которыхъ также много впадаетъ и въ Каспійское море. Если мнѣніе Курція имѣетъ мѣсто, то развѣ только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о Гирканскомъ, или по теперешнему его имени, о Гилянскомъ берегѣ, такъ какъ сдѣсь вода, конечно, сладка, или негодна, по весьма большому количеству рѣкъ, впадающихъ въ этомъ мѣстѣ моря.

«Copia tot laticum, quas augit adulterat aquas,
Nec patitur vires aequor habere suas,»

говоритъ Овидій о Понтѣ (l. 4, El. 10; ed. 1607).

На поверхности же море такъ солоно, какъ только можетъ быть солоно открытое море. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я старательно пробовалъ воду, когда 12-го Ноября буря загнала насъ нѣсколько глубже въ море. Слаще ли вода его внизу, на днѣ (какъ пишетъ Скалигеръ обо всѣхъ моряхъ), я, признаться, не имѣлъ охоты отвѣдать. Скалигеръ приводитъ причины такого явленія и говоритъ, что солнце и воздухъ уносятъ съ

верхнихъ слоевъ моря нѣжную и сладкую воду, отъ чего на верху и остается только густая и соленая вода. По этѣмъ же причинамъ, полагаетъ онъ, море въ началѣ творенія было сладко. Но въ такомъ случаѣ море, съ теченіемъ времени, должно дѣлаться все солонѣе, хотя оно и принимаетъ вновь множество сладкой воды изъ впадающихъ въ него рѣкъ.

Весьма вѣроятно, что до временъ Царя Александра Каспійское море было извѣстно не далѣе, какъ по берегамъ только; ибо, какъ пишетъ Арріянъ, въ 7-й книгѣ, Александръ приказалъ рубить лѣсъ на Гирканскихъ горахъ (которыя сплошь покрыты лѣсомъ) и строить корабли для того, чтобы изслѣдовать море; такимъ образомъ о томъ, что было извѣстно въ то время о морѣ этомъ, упоминаетъ Курцій.

Наши Посланники хотѣли и порѣшили было, чтобы корабль нашъ и шлюбка, если бы онѣ были цѣлы, во время пребыванія нашего у Персидскаго Шаха, проплыли море вдоль и поперекъ и собрали вѣрныя свѣдѣнія объ его свойствахъ, что легко бы могло исполниться, если бъ кораблекрушеніе не уничтожило этого намѣренія.

Персы, Татары и Русскіе плаваютъ по Каспійскому морю но такъ какъ у нихъ плохія и дурно снаряженныя суда, а сами они почти только и плаваютъ что по вѣтру, то они никогда не отваживаются пускаться на средину моря, но держатся береговъ, у которыхъ могутъ останавливаться на якоряхъ.

Каспійское море имѣетъ мало надежныхъ и хорошихъ пристаней. Мѣсто между островомъ Чеченемъ (Tzenzeni) и материкомъ, за Терки, считается пристанищемъ, по тому что Персы всегда останавливаются тамъ и имѣютъ ночлегъ. Они также пристаютъ у Баку, Ленкорана и Ферабата, гдѣ, въ случаѣ вѣтра, укрываются за насыпями. Лучшая же пристань во всемъ морѣ находится на востокѣ, на Татарской сторонѣ, въ области Хуарезмъ (Chuaresme), и называется она Мингишлакъ (Minkischlak), [6] каковое названіе въ «Itinerario Antonii Jenkisonii,» по ошибкѣ измѣнено въ Мангуславъ (Manguslave).

---

[6] Мангышлакъ. О. Б.

Того, чтобы вода на поверхности Каспійскаго моря была такъ черна, какъ смола и деготь, какъ сообщаетъ это Петрей, въ своей Лѣтописи, на 120-мъ листѣ, я не замѣтилъ и не видалъ. Несправедливо также и то, что говоритъ онъ объ островахъ этого моря, именно, будьто многіе изъ нихъ застроены прекрасными городами и городками; ибо на всемъ морѣ нѣтъ ни одного острова, на которомъ были бы не только города, но хотя бы одинъ домъ, за исключеніемъ о. Энзеля (Ensil) при Ферабатѣ, на которомъ, по причинѣ отличныхъ пастбищъ, имѣющихся на немъ, есть нѣсколько пастушьихъ лачужекъ. Я также старательно распрашивалъ Гилянцевъ и другихъ обитателей Каспійскихъ береговъ: водится ли теперь еще въ морѣ такая большая змѣя, про какую сообщаетъ Курцій въ помянутомъ выше мѣстѣ, но никто рѣшительно о такой змѣѣ ни чего не знаетъ; равно никто не знаетъ и о той рыбѣ, о которой упоминаетъ Амвросій Контарини (Ambrosius Contarenus), въ своемъ «Itinerario, (Francofurti, 1601), который Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus) приложилъ къ своему «Opus de reb. Persicis» (Rerum Persicarum historia. Francofurti, 1601). И самъ Бизаръ, заимствуя изъ Контарини, также пишетъ объ этой рыбѣ, въ 12-й книгѣ, на страницѣ 327, слѣдующее: въ Каспійскомъ, де, морѣ ловится круглая рыба, безъ головы и другихъ членовъ, величиною въ $1^1/_2$ локтя, изъ которой вываривается ворвань, продающаяся по всей странѣ, для употребленія на освѣщеніе въ лампахъ и на верблюжью мазь. На распросы мои объ этомъ мнѣ отвѣчали, что тамошніе жители вовсе не имѣютъ надобности добывать изъ рыбы ворвань, по тому что страна ихъ весьма изобилуетъ нефтью, которую они и употребляютъ для сказанныхъ цѣлей.

Нефть есть масло, добываемое изъ неизсякаемыхъ колодцевъ около Баку и горы Бармахъ (Barmach) въ громадномъ количествѣ, развозимое и продаваемое въ бурдюкахъ, на огромныхъ возахъ, по всей странѣ, какъ мы сами это видѣли. Туземцы, впрочемъ, разсказывали, что въ Каспійскомъ морѣ водится большая рыба Нака (Naka), что значитъ глотающая, у которой голова и туловище короткіе, но пасть большая, хвостъ же круглый, имѣющій въ разрѣзѣ отъ 2-хъ до 3-хъ и даже 4-хъ локтей. Это довольно опасная и вредная для рыбаковъ рыба; ибо она

держитъ обыкновенно голову внизу, въ водѣ, хвостомъ же можетъ разбить лодку, если не принять предосторожности. Подобною же опасностью угрожаютъ также и бѣлуги, которыхъ въ морѣ бездна и довольно большихъ. По этому ни одинъ рыбакъ не отваживается пускаться въ море на глубину болѣе 4-хъ саженъ.

Этѣхъ-то рыбъ, вѣроятно, Помпоній Мела имѣлъ въ виду, когда писалъ въ своей Географіи: «Hoc mare belluis magis quam caetera infestum et ideo minus navigabile,» иначе мнѣніе его не подтверждается; ибо сдѣсь не знаютъ ни какихъ другихъ опасныхъ морскихъ животныхъ. Рыбаки ловятъ этѣхъ враговъ своихъ, въ Гилянѣ, тотчасъ противъ горы Загебеланъ (Sahebelan), гдѣ онѣ наиболѣе попадаются, на бычачью, или овечью, печень, или просто на мясо, надѣтыя на большія острыя удочки, привязанныя къ крѣпкому снуру, и вытаскиваютъ ихъ на берегъ. Кромѣ того, въ морѣ этомъ, вопреки мнѣніямъ Контарини и Бизара, водятся всякаго рода рыбы, каковы, на прим., прекрасныя, крупныя семга, осетръ, карпъ, величиною болѣе 2-хъ локтей, особый родъ сельдей, крупная порода лещей, которыхъ они называютъ хашамъ (Chascham), имѣющихъ, впрочемъ, не такую высокую спину, какъ наши лещи. Также швитъ (Schwit), родъ севрюги, величиною до 2-хъ локтей, но если уже полулоктемъ больше этой мѣры, то мясо ея жестко, и такую не ѣдятъ.

Судакъ (Suggaht), особый родъ пеструшки (Lacsforen), которую они солятъ и коптятъ. Для ѣды рыбу эту приготовляютъ такъ: обвертываютъ уже копченую рыбу въ кусокъ полотна, или выбойки, кладутъ ее въ горячій очагъ, засыпаютъ горячей золой и жарятъ ее такимъ образомъ; вкусомъ она препріятная. Но за тѣмъ ни щукъ, ни угрей въ цѣлой странѣ не встрѣчается. Персіяне, увидѣвши насъ въ первый разъ въ Германіи, что мы ѣли угрей, подумали, что мы ѣдимъ змѣй.

Поелику море такъ богато рыбою, то всѣ рѣки, впадающія въ него, отдаются на откупъ и ежегодно доставляютъ Шаху невѣроятное количество денегъ. Иногда, впрочемъ, случается, что откупающіе ихъ люди такъ набьютъ цѣну, что терпятъ

потомъ очевидный убытокъ. Такъ въ наше время, въ городѣ Кескерѣ (Kesker), одинъ откупщикъ, по имени Шемси (Schemsi), долженъ былъ заплатить за 5 рѣкъ 8,000 талеровъ; а такъ какъ въ тотъ годъ былъ плохой уловъ, то онъ потерпѣлъ убытку двѣ тысячи талеровъ. Время откупа продолжается съ Сентября по Апрѣль и тогда часть рѣки запирается изгородями отъ моря, и во все это время между изгородями и моремъ никто уже не смѣетъ ловить, кромѣ откупщика; по ту же сторону изгородей, равно какъ и по прошествіи откупнаго срока, ловля дозволяется всѣмъ и каждому. Вотъ и все о Каспійскомъ морѣ.

ГЛАВА XVII.

О мѣстности, на которой мы высадились и какъ мы жили тамъ.

Страна того мѣста, къ которому мы пристали, или куда насъ выкинуло, называется Мюзкюръ (Müskür), и составляетъ край и часть области Ширванъ (Schirvan) или древней Мидіи. Она простирается вдоль Каспійскаго моря, отъ Дербента до Гилана, заключаетъ въ себѣ двѣсти селеній и управляется Дербентскимъ Султаномъ. Страна повсюду представляла отрадное зрѣлище, по тому что деревья и земля были еще въ зелени; почва въ ней жирная и плодородная, богатая рисомъ, пшеницей, ячменемъ, и прекрасными овощами, поросшая отдѣльными деревьями и немного кустарникомъ, въ которомъ весело распѣвали птицы даже въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Скотъ тамъ зимою и лѣтомъ пасется на лугахъ, по этому туземцы не имѣютъ обыкновенія запасать сѣно для своего скота, и если его собираютъ, то большею частію для путешественниковъ.

Виноградники разбросаны тамъ и сямъ дикими изгородями, безъ воздѣлыванія ихъ, нѣкоторые же красиво плетутся по высокимъ деревьямъ, отъ 8 до 10 саженъ, взбираются на верхъ,

вьются по вѣтвямъ и потомъ, ниспадая [illegible], [illegible] въ двѣ, три, сажени длиною.

Такіе виноградныя лозы мы видѣли [illegible] ны, на обратномъ пути по всему Гилану, [illegible] въ Астарѣ (Astara). Водится тамъ множество [illegible] особенно фазановъ; также и бездна зайцевъ, охота за [illegible] очень забавляла насъ. Есть тамъ еще особый родъ лисицъ, которыхъ туземцы называютъ шакалами (Schakal), величиною съ обыкновенную лисицу (которыхъ здѣсь тоже много и зовутъ ихъ Тулки, Tulki). На спинѣ у этихъ шакаловъ густая шерсть, съ жесткими длинными и торчащими волосами; брюхо бѣлое, какъ снѣгъ, уши, какъ уголь черныя, и хвостъ меньше, чѣмъ у обыкновенной лисицы. Шакалы эти по ночамъ бродятъ стаями около селеній и поднимаютъ жалобные крики, какъ бы воютъ.

Крестьяне имѣютъ у себя много буйволовъ, на которыхъ таскаютъ доски, деревья и всякія тягости; кормятъ этихъ буйволовъ шембелилемъ (Schembelile) или foenum Graecum,[1] растеніемъ, которымъ туземцы засѣваютъ цѣлыя поля, какъ у насъ чечевицей, и журавлинымъ горошкомъ, и собираютъ его, когда оно еще зеленое; за тѣмъ мѣшаютъ его съ разнымъ зельемъ и сѣмянами и даютъ ѣсть буйволамъ. Молоко буйволовыхъ самокъ такъ жирно, что съ него отстаивается слой сливокъ, толщиною болѣе чѣмъ въ два пальца, и масло изъ этого молока чрезвычайно вкусное. Сыра тамъ никогда не дѣлаютъ изъ коровьяго молока, но всегда изъ овечьяго.

Селеніе Ніазабатъ (Niasabath), въ которое мы попали, лежитъ на 41° 15' отъ равноденственника и состоитъ едва изъ 15 разбросанныхъ тамъ и сямъ хижинъ, которыя всѣ построены четырехъугольниками, изъ земли, вышиною въ два человѣка, съ гладкою крышею, обложенною дерномъ, на которой точно также можно ходить, какъ и по землѣ. Такой способъ построекъ плоскихъ крышъ существуетъ чуть ли не по всей Персіи, даже по

[1] Верблюжья трава, гуньба? О. Б.

цѣлой Азіи, и люди тамъ лѣтомъ постоянно почти живутъ на крышахъ, открыто, или подъ раскинутыми тамъ палатками, работаютъ, ѣдятъ и спятъ по ночамъ, ради болѣе свѣжаго воздуха. Сдѣсь мы только впервые уразумѣли, какъ было дѣло, когда расслабенный черезъ крышу спущенъ былъ къ ногамъ Господа Христа, а также понятны стали намъ тогда и слова Іисуса Христа, сказавшаго, что когда кто на крышѣ, тотъ не долженъ сходить съ нея для того, чтобы достать что либо. Этѣ крестьянскія жилья внутри довольно чисты и самыя комнаты сверхъ земли обложены коврами.

Въ Ніазабатѣ мы размѣстились по домамъ, и сначала хозяева каждаго дома продовольствовали всѣхъ насъ хорошо. Но какъ у насъ народу было много, и мы должны были прожить сдѣсь нѣсколько недѣль, селеніе же было небольшое, и оно не получало ни какого приказанія доставлять намъ продовольствіе, то мы стали уже держать столъ не въ домахъ, а въ палаткѣ, раскинутой подлѣ Посольскаго жилья, и, за недостаткомъ свѣжаго хлѣба и пива должны были ѣсть сухари и пить мутную воду изъ ручья, такъ какъ по близости не было ни какого источника.

Корабль, на сколько можно только было добыть его изъ воды, разобрали и употребили на топку.

19-го Ноября Правитель Дербентскій, Шахевирди (Schachewirdi) Султанъ, прислалъ съ привѣтствіемъ къ Посланникамъ двухъ почетныхъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ братъ Начальника или Кауха Ніазабатскаго. Вмѣстѣ съ письмомъ они доставили въ подарокъ: 2 лошади, 2 быка, 12 овецъ, 20 куръ, 3 большихъ кружки вина, кружку чистой воды, 2 корзины яблокъ и 5 мѣшковъ пшеничной муки, что все прислано было въ даръ Посламъ отъ самаго Султана, изъ добраго его расположенія. Но когда Посланники услыхали, что въ письмѣ Султана говорится только объ одной лошади, то они и хотѣли принять только одну изъ дареныхъ лошадей; уполномоченные же объясняли, что Султану извѣстно было только объ одномъ Посланникѣ, отъ того онъ и прислалъ только одну лошадь; когда же они, уполномоченные, узнали уже сдѣсь, что Посланникъ не

одинъ, а двое, то они прикупили и другую лошадь, зная хорошо, что это понравится Султану, и что все то, что сдѣлаютъ они, особенно одинъ изъ уполномоченныхъ, который, за отсутствіемъ Султана, обыкновенно исполняетъ его должность правителя, Султанъ приметъ за пріятное для себя. Но Бругманъ, видя, что лошадь его нетакъ хороша, какъ лошадь Крузе, рѣшительно отказался принять ее, сколько ни упрашивали его Персы и сколько ни защищались они противъ брани, разразившейся по этомъ случаю надъ Султаномъ. Ему даже не было послано и ни какого отвѣтнаго подарка, что въ обычаѣ въ Персіи и Россіи. Въ послѣдствіи мы узнали, что Султанъ за это, во время нашего путешествія, во всемъ старался болѣе мѣшать намъ, чѣмъ содѣйствовать.

22-го числа Посланники отрядили 3-хъ человѣкъ изъ сопровождавшихъ ихъ въ Шемаху, къ Хану или главному правителю всей области Ширванской, извѣстить объ ихъ пріѣздѣ и съ просьбою о доставленіи имъ средствъ къ скорѣйшему продолженію ихъ пути. Но Ханъ, знавшій уже о нашемъ прибытіи, послалъ къ намъ провожатаго, съ которымъ наши гонцы разъѣхались на дорогѣ. Проважатый этотъ пріѣхалъ къ намъ 29-го числа, въ богатой одеждѣ, на прекрасно убранной и множествомъ отличной бирюзы разукрашенной лошади, любезно привѣтствовалъ Пословъ, и сообщилъ, что Ханъ Шемахинскій назначилъ его Мегемандаремъ (Приставомъ, или провожатымъ) къ намъ, и прислалъ для того, чтобы онъ заботился объ удовлетвореніи всякаго рода потребностей Пословъ въ продовольствіи, повозкахъ и лошадяхъ, и препроводилъ бы ихъ, Пословъ, въ Шемаху. Этого Магемандаря, вмѣстѣ съ другими Персами, пріѣхавшими съ нимъ, мы довольно изрядно угостили всякого рода водкой и плодами, пальбою изъ пушекъ и музыкою, которая особенно понравилась Персамъ и о которой они даже просили, чтобы повеселить ихъ. Въ отвѣтъ на это угощеніе Мегемандарь прислалъ намъ 5 овецъ, 3 кружки вина и нѣсколько гранатъ.

30-го Ноября возвратились посланные наши изъ Шемахи съ извѣщеніемъ, что они нашли Хана не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, въ полѣ, въ раскинутыхъ палаткахъ съ

400 человѣкъ Персіянъ; что онъ принялъ ихъ радушно и объявилъ, что уже сдѣлалъ распоряженіе и послалъ на встрѣчу Посламъ Мегемандаря. Также, что Ханъ узналъ, что мы прибыли въ числѣ 300 человѣкъ, о каковомъ числѣ онъ послалъ уже донесеніе Шаху, для котораго, если бъ насъ было и вдвое болѣе, мы всѣ были бы пріятные гости. Что, далѣе, Шахъ (такъ Персы зовутъ Царя своего) давно уже слышалъ объ этомъ посольствѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его. Ханъ при этомъ подробно распрашивалъ нашего толмача, Рустама, потихоньку о нашемъ нравѣ, жизни, обычаяхъ и тому подобномъ.

Когда Мегемандаръ нашъ узналъ отъ насъ, сколько нужно было намъ лошадей и повозокъ, Дербентскій же Султанъ не хотѣлъ дать изъ своей области такого значительнаго количества того и другого, то онъ и отправился доставить недостающее изъ Шемахи. По этому мы должны были оставаться здѣсь болѣе мѣсяца.

Въ этѣ дни въ то же мѣсто, гдѣ находились мы, прибылъ благополучно и купецъ Персидскаго Шаха (Cuptzi), подвергавшійся на морѣ также большой опасности.

Еще 24-го Ноября прибыла туда же небольшая лодка съ 5-ю людьми, которые были съ Персидскаго корабля, плывшаго въ Гилянъ, и 13-го числа ночью, въ страшную бурю, затопленнаго водою и пошедшаго ко дну, вмѣстѣ съ имуществомъ и 50-ю людьми; только этѣ 5 человѣкъ одни и спаслись при этомъ крушеніи и цѣлые 10 дней носились по морю.

Какъ велика сначала была радость наша, что мы наконецъ достигли, послѣ столькихъ несчастій, давно желанной Персіи, столько же тягостна теперь была для насъ эта страна и непріятна, въ слѣдствіе великихъ препятствій и немалаго огорченія и неудовольствій, которыя возникли почти во всѣхъ сопровождавшихъ Посольство, вскорѣ по вступленіи въ эту страну, и продолжались потомъ довольно долгое время, по причинѣ своенравія одной главной особы; но объ этомъ, полагаю, приличнѣе будетъ скорѣе умолчать, чѣмъ вдаваться въ подробности.

Въ слѣдствіе такого непріятнаго настроенія, нѣкоторые изъ насъ, бывшіе изъ Мишніи и Саксоніи и постоянно находившіеся другъ съ другомъ вмѣстѣ и въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, отправились, 1-го Декабря, прогуляться въ поле, чтобы утѣшить себя и другъ друга, и тамъ, привлеченные не только отличною, словно лѣтнею, погодою, но и прекраснымъ зеленымъ кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ виноградникомъ и гранатовыми деревьями, мы взошли на веселый холмъ, около котораго съ пріятнымъ шумомъ протекала рѣка, дѣлающая этотъ холмъ какъ бы полуостровомъ, усѣлись тамъ и утѣшались воспоминаніями о своихъ добрыхъ друзьяхъ, оставленныхъ нами въ Германіи. Чтобы веселѣе провести эту прогулку, нашъ любезный другъ, Г. Гартманъ Граманъ, далъ намъ отличныя средства въ оставшемся у него запасѣ ведчины, копченаго коровьяго языка, Аликанте, Испанскаго вина и водки. Это прекрасное мѣсто, такъ какъ оно находилось недалеко отъ селенія, мы часто посѣщали послѣ того, и въ числѣ другихъ травъ, цвѣтовъ, росшихъ тамъ въ необычайномъ количествѣ, мы часто находили бѣлую буквицу и нарцизы различнѣйшихъ родовъ.

9-го числа прибылъ изъ Тарку (Tarkü) Татарскій Князь, съ своимъ братомъ, который былъ у насъ въ Теркахъ, и съ 20-ю Татарами, посѣтить Пословъ нашихъ. Такъ какъ въ Ніазабатѣ для него не оказалось помѣщенія, то онъ возвратился въ ближайшее селеніе и на слѣдующій день прислалъ въ подарокъ Посламъ: одного быка, нѣсколькихъ овецъ и двѣ большія корзины яблокъ; его отдарили мы нѣсколькими локтями сукна, атласа, водкой и табакомъ. Князь этотъ далъ намъ знать, что изъ Терки прибылъ къ нему гонецъ съ извѣстіемъ, что Дагестанскій Шафкалъ (Schaffkal), Султанъ Магмудъ, вторгся въ его владѣнія съ нѣсколькими сотнями людей, и по тому Князь просилъ, не могутъ ли Послы снабдить его хоть немного порохомъ. Мы подарили ему боченокъ пороху въ 80 фунтовъ.

Въ тотъ же день возвратился нашъ Мегемендарь и утѣшилъ насъ вѣстью о нашемъ отъѣздѣ, который долженъ былъ состояться по истеченіи 14-ти дней, когда подойдутъ въ достаточномъ числѣ верблюды, лошади и повозки, не только

изъ Шемахинской, но и изъ Дербентской, областей. Но хотя 12-го числа и прибыла было часть ожидаемаго народа и животныхъ, но въ ту же ночь всѣ они опять поразбѣжались. Бѣгство это Мегемандарь оправдывалъ тѣмъ, что въ ночь эту выпалъ порядочный снѣгъ и сдѣлалась очень холодная погода, чего уже нѣсколько лѣтъ не бывало; Персіяне же не привыкли путешествовать въ такую погоду, да и верблюды, съ своими круглыми копытами не могутъ итти по испорченной снѣгомъ и оттепелью дорогѣ. Къ тому же путь въ Шемаху, считавшійся въ 20 фарзендовъ (Farsend) или миль, лежавшій черезъ горы, гдѣ селеній мало, былъ весьма затруднителенъ; ибо часто случалось, что караваны замерзали въ горахъ, по недостатку топлива. Въ слѣдствіе всего этого мы должны были простоять здѣсь еще 10 дней. Хотя нѣсколько ночей дѣйствительно выпадалъ снѣгъ и была холодная погода, но въ слѣдъ за тѣмъ днемъ обыкновенно свѣтило ясное солнце, которое тотчасъ же сгоняло снѣгъ. По этому мы догадывались, что всѣ сказанныя отговорки были только выдумкою Персовъ, на которыя они большіе мастера, собственно для того, чтобы задержать насъ до полученія отъ Шаха повелѣнія о томъ, какъ должно принимать и продовольствовать насъ; ибо до сихъ поръ мы продовольствовались на собственныя свои деньги.

Въ этѣ дни Посланникъ Бругманъ приказалъ порубить нѣсколько толстыхъ досокъ, которыя, какъ говорили Персы, Шахъ ихъ съ громадными издержками и издалека приказалъ привезти и сложить на здѣшній берегъ, для постройки изъ нихъ корабля; Бругманъ же велѣлъ сдѣлать изъ нихъ станки или лафеты для металлическихъ пушекъ нашихъ, не смотря на то, что Персы возражали, что если мы возмемъ лучшія изъ этѣхъ досокъ, какъ это и было сдѣлано, то въ этотъ годъ нельзя уже будетъ выстроить Царскаго корабля. Но въ дѣйствіяхъ своихъ Бругманъ руководствовался слѣдующимъ, высказаннымъ имъ, правиломъ: «Нравъ этого народа, т. е., Персидскаго, таковъ, что чего не хотятъ они дать добрымъ путемъ, то слѣдуетъ взять у нихъ силою.» Но Персы и тутъ сдѣлали по своему: они доставили намъ при отъѣздѣ нашемъ меньше лошадей, чтобы станковъ нельзя было взять, и надо было ихъ оставить на мѣстѣ, пушки же положили уже на верблюдовъ.

21-го Декабря прибыли Шемахинскій и Дербентскій Мегемандари, привели съ собою 40 верблюдовъ, 30 повозокъ съ быками и до 80 лошадей, уложили кладь и съ небольшимъ числомъ прислуги пустились впередъ. Когда же хотѣли отправиться и Послы съ остальнымъ народомъ, съ стряпней и всякою постельною утварью, то оказалось, что на 94 человѣка, долженствовавшихъ ѣхать верхомъ, приходилось едва шестьдесятъ лошадей. Мегемандарь клялся головою Шаха своего, что ему не возможно въ короткое время достать больше лошадей, такъ какъ добывать ихъ нужно въ области Дербентскаго Султана, котораго мы поставили въ непріязненныя къ себѣ отношенія и который по этому всячески хочетъ показать намъ свое нерасположеніе; онъ совѣтовалъ далѣе, чтобы, не теряя времени даромъ, мы хоть какъ ни будь тронулись и отправились въ путь, обѣщая намъ, что какъ только достигнемъ области Шемахинскаго Хана, онъ достаточно восполнитъ теперешній недостатокъ въ средствахъ продолжать путь нашъ.

Такимъ образомъ, 22 Декабря, мы тронулись изъ Ніазабата, проживши тамъ цѣлыхъ 5 недѣль, и принуждены были отправляться частью верхами, частью, именно, пажи или молодежь позади верховыхъ на тѣхъ же лошадяхъ, остальные же: прислуга, тѣлохранители, солдаты и прочій простой людъ даже пѣшкомъ. Путь нашъ лежалъ вдоль Персидскаго берега на югъ, и на этомъ пути мы переправились черезъ 4 небольшія рѣки и къ вечеру прибыли въ селеніе Мордовъ (Mordow), отстоящее на 4 большія мили отъ Ніазабата и принадлежащее Шемахѣ. Простолюдины живутъ сдѣсь, какъ и Астраханскіе Татары, въ очень скверныхъ, плетеныхъ изъ тростника, или изъ гибкихъ прутьевъ, круглыхъ жилищахъ (лачужкахъ), называемыхъ туземцами Отакъ (Ottak). [a] Такъ какъ сдѣсь не было ни какого лѣсу для топки, то мы имѣли предурной ночлегъ, особенно тѣ изъ насъ, которые, переправляясь черезъ рѣки, перемокли всѣ въ водѣ.

Мордовъ по Турецки значитъ болото, по тому что вокругъ и подлѣ этого села лежатъ огромныя болота и болотистыя озера,

---

[a] Оджакъ, очагъ? О. Б.

которыя по множеству источниковъ не замерзаютъ въ самую жестокую зиму. По этому зимою тамъ ловятъ бездну лебедей, пухъ которыхъ идетъ для постели Шаха. Въ этомъ селеніи, равно какъ и въ другихъ вокругъ лежащихъ, живетъ народъ, называемый Падаръ (Padar) и говорящій особымъ языкомъ, сродственнымъ отчасти съ Турецкимъ и Персидскимъ. Вѣра у нихъ Турецкая, съ примѣсью особенныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Горячія кушанья, на примѣръ, они оставляютъ не ѣвши, пока они сами собою достаточно не остынутъ; никто не долженъ дуть на нихъ, чтобы остудить, и если какой ни будь чужестранецъ, по незнанію, сдѣлаетъ это въ ихъ домѣ, то кушанье, какъ не чистое, выбрасываютъ.

Сдѣсь Посланникъ Бругманъ потребовалъ къ себѣ Ніазабатскаго Кауха или Старшину, и выговаривалъ ему за то, какъ дурно поступилъ съ нами Дербентскій Султанъ, поставляя ему на видъ, какъ сердечно скорбѣлъ онъ, видя, что сопутствовавшіе ему, которыхъ онъ любитъ, какъ собственныя глаза свои (ибо они должны жить и умереть съ нимъ), при немъ должны были сдѣлать тягостный переходъ пѣшкомъ побезпрерывнымъ болотамъ и черезъ рѣки; что онъ, Бругманъ, не преминетъ принести за это жалобу Шаху. Кауха отвѣчалъ на это, что они, Персы, ни какъ не думали, чтобы у насъ было такъ много поклажи, потребовавшей такого множества лошадей; при томъ же, онъ, Кауха, не понимаетъ, для чего мы пожелали взять съ собою корабельные паруса, пушки и разные тяжелые деревянные станки, на которыхъ стояли пращи; или мы думали, что у Царя ихъ нѣтъ ни какого дерева въ его Царствѣ? и проч. и проч. Но Султанъ, де, на жалобу нашу, безъ сомнѣнія, дастъ и свой отвѣтъ. На слѣдующее утро Мегемандарь нашъ доставилъ намъ еще 20 лошадей. Посланники приказали простымъ слугамъ и матросамъ поразбить не цѣнныя ящики и бочки, годные же пожитки уложить другъ съ другомъ потѣснѣе, и такимъ образомъ, поубавивъ кладь, всѣ отправились далѣе, проѣхали 3 мили до селенія Тахоузи (Tachousi), которое лежитъ въ глубинѣ материка и обстроено довольно порядочными домами.

24-го числа мы опять проѣхали 3 мили до горы и высокой калы Бармахъ (Barmach), и помѣстились въ одномъ открытомъ

дворѣ, лежащемъ у подошвы этой горы. Такіе дворы или пристанища Персы зовутъ каравансераями (Carwansera), и въ Персіи ихъ построено множество тамъ и сямъ, на главныхъ дорогахъ, по причинѣ пустынь и неизвѣстности страны, въ разстояніи на день пути одинъ отъ другого. Но въ каравансераяхъ этѣхъ по большой части нѣтъ ни чего, кромѣ пустыхъ со сводами покоевъ и стойлъ, такъ что продовольствіе для себя и кормъ для скота необходимо везти съ собою. По этому, когда Дербентскіе возчики наши заявили намъ, что они съ своими верблюдами и лошадями хотятъ возвратиться домой, а насъ оставить въ этомъ каравансераѣ ожидать другихъ возчиковъ и повозокъ изъ Шемахи, то Посланники приказали ударить въ барабаны и затрубить сборъ всего нашего народа, а собравши всѣхъ, сдѣлали распоряженіе, чтобы всѣмъ итти въ Шемаху пѣшки, всѣ же пожитки оставить на отвѣтственности возчиковъ. Тогда этѣ послѣдніе измѣнили свое намѣреніе и остались при насъ.

Этотъ каравансерай было весьма старое четырехъугольное зданіе, сложенное изъ большихъ четвероугольныхъ камней и имѣвшее въ каждую сторону по 42 шага. На верху, надъ воротами, возвышались двѣ комнаты, въ которыхъ высѣчены были на камняхъ нѣкоторыя Еврейскія буквы слѣдующаго вида:

זבתבנואבךיעחקשגאתקלז

Внутри и снаружи тѣхъ же комнатъ тоже нѣкоторыя буквы, изъ которыхъ болѣе разборчивыя были высѣчены такъ:

25-го Декабря, въ свѣтлый праздникъ Рождества Христова, отслуживши тамъ, въ одномъ большомъ помѣщеніи, наше Богослуженіе и отпраздновавъ Рожденіе Христа, нѣкоторые изъ насъ отправились осмотрѣть одну высокую гору и скалу, о которыхъ Персіяне разсказывали намъ много чудеснаго и баснословнаго.

Гора эта лежитъ въ 2 добрыхъ выстрѣлахъ отъ Каспійскаго моря, видна издалека, круглая и на верху заканчивается высо-

кою, крутою скалою, которую Персы зовутъ по Турецки Бармахъ (Barmach), т. е., палецъ, по тому что она вызвышается, какъ бы выпрямленный палецъ, высоко надъ другими горами. Изъ долины на право вьется на верхъ дорога, но такъ какъ она была незнакома намъ, то мы съ большою опасностію вскарабкались на вершину. Воздухъ на верху былъ такъ холоденъ, что трава тамъ и разное зелье, довольно рослыя, покрыты были всѣ инеемъ или льдомъ, будьто сахарнымъ осадкомъ, въ то время какъ внизу, у каравансерая, была теплая и прекрасная погода. По древнимъ развалинамъ и остаткамъ каменныхъ стѣнъ на горѣ можно заключать, что на ней находились нѣкогда великолѣпное зданіе и превосходная крѣпость; ибо у подошвы высокой скалы Бармахъ есть площадка въ 50 квадратныхъ саженъ, защищаемая толстыми стѣнами и 4-мя круглыми башнями; по срединѣ ея имѣется весьма глубокій, выложенный камнемъ, колодязь, а не въ дальнемъ разстояніи отъ площадки идутъ два рва, обложенные большими круглыми камнями. За тѣмъ отдѣльно отъ этого, въ сѣверной части, у всхода на скалу, стоялъ еще большой остатокъ стѣны, съ большими высѣченными разсѣлинами, который тоже, должно быть, составлялъ особую крѣпость. Отсюда по нѣсколькимъ высѣченнымъ ступенькамъ можно было достигнуть до самой верхушки скалы, гдѣ опять находится отдѣльный высѣченный сводъ, въ которомъ въ 3-й разъ можно было скрыться. Крѣпость эта, вѣроятно, построена была Александромъ и разрушена Тамерланомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на скалу и еще разъ скрѣпили связь свою другъ съ другомъ обѣщаніями въ вѣрной и неизмѣнной дружбѣ; за тѣмъ сорвали нѣсколько фигъ, росшихъ тамъ и самъ на древнихъ стѣнахъ, въ разщелинахъ камней, и сошли внизъ уже настоящей прямой дорогой. Внизу между тѣмъ шелъ дождь въ то время, когда вверху, на горѣ, была отличная, ясная погода, и мы видѣли подъ собою только туманъ, разстилавшійся подобно облакамъ.

26 числа, при весьма тепломъ и ясномъ солнцѣ, мы пустились далѣе, поклажу всю отправивъ въ равнину, окружающую городъ Баку (Bakuje), сами же съ лошадьми направились черезъ гору, и вечеромъ, проѣхавши 5 миль, достигли селенія Ха-

неге (Chanegae), лежащаго среди голыхъ горъ, гдѣ мы нашли медъ и всякіе плоды, но гдѣ была гнилая вода.

27 числа мы сдѣлали еще пять миль до селенія Пирмарасъ (Pyrmaraas), находящагося въ 3 миляхъ отъ Шемахи, гдѣ погребенъ одинъ Персидскій святой, по имени Сеидъ Ибрагимъ (Seid Ibrahim). Персіяне говорили, что это есть древнее кладбище, оставленное неприкосновеннымъ Тамерланомъ, который, кромѣ этого мѣста, опустошилъ все кругомъ. Мѣсто это окружено каменными стѣнами и подобно замку обстроено и украшено двумя дворами. Хотя Посланникамъ нашимъ и пожелали было взглянуть на гробницу, но имъ не дозволено было итти далѣе передняго двора, на которомъ лежало множество надгробныхъ камней. Я же, желая поближе пройти и посмотрѣть гробницу, вечеромъ опять пошелъ на передній дворъ, взялъ въ руки свою записную книгу и сталъ вписывать въ нее Арабскія надписи, высѣченныя на камняхъ по стѣнамъ въ разныхъ мѣстахъ, для того, чтобы успокоить на счетъ себя встрѣчавшихся тамъ мнѣ Персіянъ. Когда я увидѣлъ, что это понравилось Персамъ, полагавшимъ, что я дѣлаю это въ честь ихъ святаго, то я ободрился и прошелъ черезъ дверь на главную площадку, откуда былъ ходъ ко гробу святаго и гдѣ всѣ стѣны также изсѣчены были надписями и молитвами. Когда пробывши тутъ съ полчаса, я ни кого не видалъ, то я подошелъ къ послѣдней двери, которая приперта была только однимъ колышкомъ, и проникъ внутрь со страхомъ и ужасомъ озираясь кругомъ; тамъ было нѣсколько покоевъ со сводами, въ которыя свѣтъ проникалъ только сквозь узкое окошко. Въ переднемъ покоѣ стоялъ высокій каменный гробъ, съ 2-мя ступеньками, прямо поперекъ двери, окруженный рѣшеткою. Влѣво, черезъ дверь же, можно было пройти въ свѣтлый, выбѣленный коридоръ или галерею, обложенную прекрасными коврами. На стѣнѣ большими черными буквами написасано было

توکلی علی الله فهو سند

что значитъ:

Дѣла мои поручаю я Богу,
Ибо Онъ помогаетъ мнѣ въ нуждѣ.

Изъ крытаго хода на правой сторонѣ находился другой покой со сводами, въ которомъ было 8 обложенныхъ камнемъ (замуравленныхъ) могилъ. Изъ этого покоя, опять на право, входишь въ третій покой, въ которомъ уже лежитъ Сеидъ Ибрагимъ. Гробъ его выведенъ въ вышину поболѣе локтя и покрытъ свѣтлымъ камчатнымъ покровомъ. Вокругъ, въ большихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, стояли восковыя свѣчи и фонари, вверху на сводѣ висѣли лампы, которыя я едва могъ различить, такъ какъ въ покоѣ было довольно темно. Когда я такимъ образомъ, не замѣченный ни кѣмъ, вышелъ оттуда, то Пасторъ нашъ тоже возымѣлъ желаніе осмотрѣть гробницу, и я въ другой разъ ходилъ туда съ нимъ, при чемъ входъ и выходъ совершили мы въ совершенной безопасности.

На разстояніи 2 ружейныхъ выстрѣловъ отъ селенія къ востоку, въ одной скалистой горѣ прекрасно устроена другая гробница еще одного святаго, котораго зовутъ Тирибабба (Tiribabba) и который былъ учителемъ Сеида Ибрагима Этотъ святой, какъ разсказывали намъ Персы, до сихъ поръ остается еще нетлѣннымъ, одѣтъ въ сѣрый кафтанъ и стоитъ на колѣняхъ, какъ бы совершая молитву; въ такомъ положеніи оставилъ будьто бы его Богъ, ради бывшаго писца его, Сеида Ибрагима, для того, чтобы всегда можно было видѣть учителя, послѣ смерти его, какъ и при жизни молящимся.

Посверхъ сѣраго кафтана на этого святаго ежегодно надѣваютъ еще бѣлый, а старый разрываютъ на части и дѣлятъ между богомольцами, приходящими сюда на поклоненіе. Богомольцы этѣ, нѣкоторые даже пѣшки, приходятъ сюда иногда издалека. Туземцы разсказываютъ объ этѣхъ двухъ святыхъ много баснословныхъ и невѣроятныхъ вещей, похожихъ на колдовство или чистую ложь, не чуждыя Персамъ; по этому я не считаю нужнымъ повторять сдѣсь этѣ разсказы. Надъ дверью этой второй гробницы были слѣдующія Арабскія слова:

الّمَدْمفتح الاب بوا

что значитъ:

О Боже, отверзи дверь эту!

Около гробницы Тирибабба въ той же самой горѣ высѣчено множество пещеръ и покоевъ, въ которыхъ помѣщаются и приносятъ жертвы богомольцы. Нѣкоторые изъ этѣхъ помѣщеній были высѣчены въ горѣ такъ высоко, что въ нихъ и забраться нельзя безъ лѣстницы. Трое изъ нашихъ, помогая и подсаживая другъ друга, не безъ опасности взобрались на одну крутую скалу, въ которой были 4 просторныя комнаты, съ постелями и ящиками или загородками, и все это высѣчено было въ самой скалѣ. Мы нашли тамъ, не безъ удивленія, что въ сводѣ, изсѣченномъ изъ этой твердой скалы, были небольшія раковины, даже самая скала, мѣстами, была какъ бы сплавлена изъ этѣхъ раковинъ и песку. Позднѣе, на обратномъ пути, мы видѣли у Каспійскаго моря такую же цѣлую гору и твердыя скалы; но подробнѣе о нихъ скажу ниже.

Въ этомъ селеніи Пирмарасъ никто изъ Персовъ не смѣетъ пить вина, и долженъ только пить воду для того, чтобы, нарушеніемъ закона, содержащагося на этотъ случай въ Алкоранѣ, не оскверпялись этѣ священныя мѣста.

Передъ селеніемъ, подлѣ Ибрагимовой гробницы, есть подъ землею очень глубокій подвалъ или сводъ, длиною въ 52 фута и шириною въ 20 футовъ, искусно выведенный и сложенный изъ четыреугольныхъ камней. Въ этотъ подвалъ туземцы собираютъ зимою снѣгъ, ледъ и воду, которыя и употребляютъ въ лѣтнее время сами и для скота, такъ какъ хорошей воды тамъ мало.

29-го Декабря мы послали нашего гонца впередъ въ Шемаху, на благоусмотрѣніе Хана, для пріисканія намъ помѣщенія. Когда же вечеромъ мы хотѣли и сами пуститься за нимъ въ путь, и совсѣмъ уже тронулись было съ мѣста, Ханъ прислалъ къ намъ гонца, съ просьбою, чтобы мы потрудились еще одну ночь остаться на нашемъ прежнемъ мѣстѣ; ибо, какъ мы узнали это позднѣе, Миначимъ (Minatzim) или Астрологъ Хана сказалъ ему, что нынѣшній день неудобенъ и несчастливъ для пріема чужестранцевъ. Для увеселенія насъ Ханъ прислалъ намъ 4 большія кружки и два полные мѣшка вина, а также гранатъ, яблокъ, грушъ, айвы и каштановъ,

Каждому же изъ Посланниковъ онъ прислалъ также въ подарокъ по прекрасной лошади, съ сѣдлами и уздечками.

На слѣдующій день, именно 30-го Декабря, въ 8 часовъ утра, мы выѣхали изъ Пирмараса и уже окончательно поднялись въ Шемаху, гдѣ мы были встрѣчены и приняты весьма великолѣпно.

ГЛАВА XVIII.

Какъ мы были приняты передъ Шемахой, и какъ были введены въ этотъ городъ.

Когда мы были въ 2-хъ миляхъ отъ города, къ намъ прибылъ на встрѣчу пѣшій гонецъ, который возвѣстилъ Посламъ нашимъ, что Ханъ ожидаетъ ихъ, какъ желанныхъ гостей, и что передъ городомъ самъ Ханъ приметъ ихъ. Пѣшеходъ этотъ послѣ того постоянно уже шелъ впереди лошадей Посланниковъ. Когда мы были уже въ одной мили отъ города, то пріѣхали посмотрѣть на насъ 30 разодѣтыхъ всадниковъ, которые, впрочемъ, тотчасъ же повернулись и поскакали назадъ во всю прыть; вскорѣ за тѣмъ, у одного селенія, имѣвшаго весьма каменистую почву, стояло 100 всадниковъ, черезъ ряды которыхъ мы и проѣхали. Проѣхавъ еще разстояніе въ два ружейные выстрѣла, встрѣтили мы цѣлую толпу конниковъ, изъ которыхъ 12 человѣкъ были въ особыхъ шапкахъ, имѣющихъ видъ остроконечныхъ башенъ и называемыхъ у нихъ такіе (Takiae); шапки этѣ носятъ только тѣ изъ нихъ, которые остались изъ роду Аали (Aaly).

Конники этѣ поклонились Посламъ, радостно закричали по Турецки: Хошкелди (Choschkeldi)! ибо они охотнѣе говорятъ по Турецки, чѣмъ по Персидски, и привѣтствовали насъ. Проѣхавши, въ сопровожденіи ихъ, съ полмили далѣе, мы увидали съ правой стороны на одномъ холмѣ войско, болѣе чѣмъ въ 500 человѣкъ. Такъ какъ мы знали, что тамъ на этомъ холмѣ поджидалъ насъ Ханъ и Калентеръ (Calenter) или Градоначальникъ, то сначала

Посланникъ Бругманъ не хотѣлъ было сворачивать съ прямой дороги, по которой мы ѣхали и которая прямо вела въ городъ, чтобы ѣхать на встрѣчу Хану, говоря, что Персы пріѣхали насъ встрѣчать, а не мы ихъ, и по этому Ханъ съ своими должны были подъѣхать къ намъ. Но такъ какъ Мегемандарь твердо настаивалъ, чтобы мы ѣхали на холмъ, поставляя на видъ и увѣряя, что дорога низомъ очень грязна, а на холмѣ горою гораздо лучше и мѣсто тамъ для пріема насъ удобнѣе, то мы повернули свой поѣздъ къ холму, на встрѣчу Хану. Когда мы приблизились нѣсколько къ холму, Ханъ выѣхалъ на встрѣчу къ Посламъ, въ сопровожденіи великолѣпныхъ спутниковъ. Прежде всего передъ Ханомъ, по правую сторону, шли пѣшки шестеро молодыхъ дюжихъ и прекрасно одѣтыхъ прислужниковъ съ золочеными луками и стрѣлами; по лѣвую сторону шестеро же тѣлохранителей съ длинными ружьями; подлѣ и позади Хана множество почетныхъ всадниковъ, въ одеждахъ изъ золотой парчи и на головѣ имѣвшихъ повязки или чалмы, вышитыя золотомъ и серебромъ. Ханъ приблизился къ Посламъ, противъ обычая Персовъ и ради удовольствія Нѣмцевъ, протянулъ имъ руку и привѣтствовалъ съ пріѣздомъ. За тѣмъ онъ приказалъ налить въ серебряную чашу вина, выпилъ за Пословъ, которые отвѣчали тѣмъ же, выпивъ изъ чаши каждый по 2 раза. При Ханѣ и Калентерѣ находился и Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, который всѣмъ намъ крѣпко жалъ руки и привѣтствовалъ съ счастливымъ прибытіемъ.

Тутъ мы увидали и услыхали чужестранную полевую музыку. Впереди насъ верхами ѣхали 4 музыканта, которые попеременно играли на духовыхъ инструментахъ, мѣдныхъ и видомъ похожихъ на свирѣль, длиною въ 4 локтя, съ расширеннымъ нижнимъ концемъ, имѣвшимъ локоть въ разрѣзѣ. Инструментъ этотъ называется керенаи (Kerrenai), и когда играютъ на немъ, то поднимаютъ нижній конецъ вверхъ, къ небу, при чемъ изъ него извлекается скорѣе ужасный ревъ, чѣмъ какой ни будь пріятный звукъ.

Кромѣ этѣхъ были и простые дудочники; также нѣсколько барабанщиковъ, у которыхъ на лошадяхъ привѣшаны были ба-

рабаны, похожіе на удлиненные горшки. Далѣе нѣсколько музыкантовъ съ длинными кривыми рогами, ручными барабанами (бубнами), проч. и проч. Проѣхавши немного въ такомъ сопровожденіи, Посланники снова должны были отвѣчать Хану и Калентеру выпивкою нѣсколькихъ чаръ вина; между тѣмъ шутъ Ханскій, называемый у нихъ Чаушъ (Tzausch), выкидывалъ разныя забавныя штуки съ трещоткою и пѣснями.

Въ четверти мили отъ города стояли болѣе 2000 человѣкъ пѣхоты (большею частію Армянскіе Христіяне), съ 5-ю знаменами на весьма длинныхъ шестахъ, такъ что самый сильный человѣкъ едва могъ нести одно такое знамя; сдѣсь опять была особая музыка, состоявшая изъ большихъ цымбаловъ, которыми, какъ бы двумя мѣдными блюдами, ударяютъ одно о другое, а также изъ дудокъ и другихъ странныхъ инструментовъ, которыхъ мы не могли разсмотрѣть всѣхъ и которыми они радостно потѣшали насъ, съ пожеланіями намъ счастливаго въѣзда.

Нѣкоторые выражали намъ свое привѣтствіе рукоплесканіями, махали шапками надъ головами, бросали вверхъ и опять ловили ихъ, кричали и ликовали такимъ образомъ впереди и вокругъ насъ. Тутъ Ханъ въ 3-й разъ пріостановился и пилъ съ Посланниками.

Когда мы приблизились къ городской стѣнѣ, то увидѣли на ней также множество барабанщиковъ, дудочниковъ и трубачей, которые, вмѣстѣ съ пѣсельниками, производили такой радостный шумъ и крикъ, что нельзя было слышать даже собственныхъ словъ своихъ.

Ханъ пригласилъ Посланниковъ, съ важнѣйшими изъ спутниковъ ихъ, въ замокъ, на верхъ, на пиршество, самъ провелъ ихъ съ собою черезъ дворъ до двери дома; насъ же дворскіе слуги пригласили сойти съ лошадей у воротъ и пройти черезъ дворъ пѣшки. Покои всѣ были устланы прекрасными коврами, и когда мы, видя, что всѣ Персы снимали башмаки и, оставивъ ихъ у двери, входили только въ чулкахъ, опасались было идти по коврамъ въ нечистыхъ сапогахъ, то насъ просили не стѣснять-

ся и войти въ сапогахъ. Насъ провели черезъ три прекрасныя комнаты въ богато убранный залъ, украшенный и увѣшанный разнаго рода соблазнительными картинами и изящно вышитыми коврами, и по срединѣ его водометъ, изъ котораго вода выбрасывалась въ видѣ круглаго стакана. Около водомета стояли серебряныя и стеклянныя фляги, полныя вина, вмѣстѣ со всевозможнаго рода конфектами. Для нашего удовольствія сдѣланы были новые стулья, на которые пригласили насъ сѣсть по порядку. Ханъ помѣстился въ серединѣ зала, у водомета, на стулѣ, и пригласилъ Посланниковъ сѣсть по правую его руку. На лѣвой сторонѣ зала, подлѣ Хана, сидѣли на полу Калентеръ, Минačимъ или Астрологъ, дворскій Лѣкарь и многіе другіе почетные мужи. На право отъ Пословъ сидѣли сопутники ихъ. Прямо передъ Ханомъ помѣщались музыканты. У входа въ залъ стояли почетные молодые люди, одѣтые въ золотые кафтаны и державшіе лукъ и стрѣлы такъ, какъ бы готовились сейчасъ на битву. Всѣ сидѣвшіе и стоявшіе были спиною къ стѣнѣ, а лицами къ серединѣ зала, и никто не находился позади другого, такъ какъ это обыкновенно дѣлается на всѣхъ Персидскихъ сходбищахъ.

Для каждыхъ двухъ человѣкъ изъ насъ принесены были небольшіе столики, уставленные всякаго рода плодами, и два мальчика разносили кругомъ свѣжее вино, переходя, по обще принятому на ихъ пиршествахъ способу, съ флягами вина и чашами отъ одного къ другому, по порядку, и подавая при этомъ чаши гостямъ, и когда они такимъ образомъ обходили рядъ до конца, тотчасъ же начинали снова разносить вино съ начала. За тѣмъ конфекты сняли, столики покрыли пестрыми камчатными покрывалами, и на нихъ разставили кушанья, которыя черезъ часъ опять смѣнили конфекты. Наконецъ столы совсѣмъ были приняты и залу начали приготовлять для главнаго пиршества, на полу. Явился стольникъ и разостлалъ, посверхъ другихъ ковровъ, длинное прекрасное пестрое покрывало, въ родѣ скатерти. За стольникомъ слѣдовалъ кравчій, съ деревяннымъ блюдомъ, полнымъ лепешекъ или блиновъ, которыя были величиною въ полтора локтя и тонкія, какъ пергаментъ (бумага). Лепешки этѣ называются юха (Jucha), и кравчій бросалъ

ихъ каждому гостю по одной, а гости развертывали, разстилали ихъ передъ собою и употребляли вмѣсто салфетокъ.

За тѣмъ нѣсколько прислужниковъ принесли кушанья въ большихъ мѣдныхъ вылуженныхъ горшкахъ (съ виду на серебрянные похожихъ), которые несли они на головахъ и поставили ихъ посреди широкаго стола, или зала. Суффречи (Suffretzi) (такъ называется у нихъ кравчій) сталъ на колѣни подлѣ этѣхъ горшковъ, для раздаванія изъ нихъ кушаній. Кромѣ того, тамъ и сямъ подлѣ гостей, разставлены были тюффтаны (Tüfftan) или плевательные горшки, величиною и видомъ похожіе на наши ночные горшки, съ узкимъ круглымъ отверстіемъ на верху; поставлены же были они для того, чтобы плевать въ нихъ, бросать кости отъ съѣденнаго мяса, кожицу, или скорлупы, отъ плодовъ и всякой другой негодный соръ, и такимъ образомъ, чтобы каждый могъ соблюсти всевозможную чистоту и опрятность во время ѣды.

Во время пиршества играли на лютняхъ, скрыпкахъ, бубнахъ и пѣли пѣсни, и эта музыка производила довольно странную и дикую гармонію; кромѣ того, два мальчика проплясали нѣсколько странныхъ какихъ-то плясокъ и выдѣлывали за тѣмъ и другія потѣшныя игры и забавы. Такимъ образомъ въ этотъ день, послѣ столькихъ тягостей, понесенныхъ нами, мы испытывали сдѣсь такое наслажденіе, что чувствовали себя будьто въ земномъ раю. Между прочими удовольствіями немаловажнѣйшее составляло удовольствіе для глазъ: въ городѣ, на всѣхъ домовыхъ крышахъ, вдоль стѣнъ, горѣли ряды лампъ, которыхъ было болѣе 20,000, и которыя, какъ потѣшные огни, горѣли до полночи, а на градскихъ стѣнахъ въ то же время барабанщики и дудочники весело гремѣли и играли свои пѣсни; а такъ какъ самый замокъ стоялъ на холмѣ, у городской стѣны, то изъ него видѣнъ былъ весь городъ и всѣ огни были у насъ передъ глазами. Ханъ, чтобъ показать свое искуство въ стрѣльбѣ, которымъ онъ владѣлъ превосходно, предложилъ Посланникамъ выбрать какую они пожелаютъ лампу, изъ стоявшихъ поближе, и онъ попадетъ въ нее изъ ружья, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, выстрѣливъ въ двѣ указанныя ему лампы и попавъ въ нихъ довольно

ловко. Просидѣвши сдѣсь до 3-го часу ночи и замѣтивъ, что воздухъ началъ холодѣть, Ханъ повелъ насъ, съ нѣкоторыми изъ почетнѣйшихъ Персіянъ, въ особый со сводами покой, къ каминному огню, и сдѣсь снова угощалъ насъ конфектами, виномъ и водкой. Персы при такомъ веселіи такъ подпили, что одинъ изъ нихъ, знатный Бекъ (или Дворянинъ), не пившій прежде никогда водки, а сдѣсь не могшій отказаться отъ нея, по просьбѣ другихъ, выпилъ ея столько, что на слѣдующій же день и умеръ.

Насладившись такимъ образомъ вдоволь удовольствіемъ, по случаю нашего прибытія, далеко за полночь, Ханъ отпустилъ наконецъ насъ отъ себя, и мы отправились въ свои помѣщенія, которыя были отведены для насъ въ домахъ Армянъ, такъ какъ они были Христіяне. Въ этѣхъ домахъ мы не нашли ни чего, кромѣ голыхъ, холодныхъ покоевъ, безъ столовъ и лавокъ, и по тому остатокъ этой ночи должны были провести на голомъ полу, въ страшномъ холодѣ, такъ какъ пожитки наши оставались позади насъ и не прибыли еще; такое положеніе, послѣ испытаннаго передъ тѣмъ только наслажденія, было намъ нѣсколько досадно.

Послѣдняго Декабря Ханъ прислалъ Посланникамъ продовольствіе и нѣсколько кружекъ вина, а Калентеръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ежедневно доставлялось намъ: по 17 овецъ, 20 куръ, 100 яицъ, извѣстное каличество соли, хлѣба, 50 кружекъ вина и 20 ослиныхъ возовъ дровъ для стряпни. Все это нѣсколько дней и доставлялось намъ въ точности. Но такъ какъ продовольствіе это Мегемандарь добывалъ изъ селеній, отъ чего случалось, что доставка его была на другой и даже на 3-й день, то порѣшено было за лучшее, чтобы Посланники сами посылали на торгъ и покупали продовольствіе на свои деньги, если только у нихъ есть на то средства, а за тѣмъ, при отъѣздѣ, имъ будетъ возвращено все, ими издержанное.

На торгу также дано приказаніе отпускать продовольствіе Франкамъ (Frenk), какъ называли Персіяне Нѣмцевъ, по возможно дешевой цѣнѣ; ибо въ Шемахѣ мы должны были про-

жить цѣлые три мѣсяца, пока не получится отъ Шаха приказаніе относительно договора и дальнѣйшаго нашего путешествія. Во все это время Ханъ и Калентеръ оказывали намъ великую честь и дружбу, задавали, для нашего удовольствія, роскошные пиры и устроивали охоту, иногда лично посѣщали Посланниковъ, и часто присылали имъ на домъ, въ подарокъ, разную дичь и вино.

V

СМѢСЬ

ПИСЬМО

ИВАНА НИКИТИЧА РОМАНОВА

ИЗЪ МОСКВЫ КЪ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ. *

(Переводъ съ Польскаго).

Миръ чинящаго, Всеобъемлющаго, Вседержащаго и Недостижимаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего; ибо Онъ, Божескою своею волею и вседѣйствующимъ Духомъ, все даетъ и даруетъ людямъ добрѣ вѣрующимъ и прибѣгающимъ къ Его обильнѣйшей Божеской милости; будучи, какъ огнемъ, палимы сильнымъ желаніемъ и жаждою, отважились мы писать къ тебѣ, Пресвѣтлѣйшему и Высокопочтенному Архипастырю, крѣпко держащему Духовный храмъ, Церковному Начальнику и Епископу благосіятельнаго церковнаго утвержденія, равноапостольному страданіемъ и мученіемъ, Православной нашей Христіянской Вѣры Греческаго закона помощнику, къ отцу отцовъ и учителю найсовершеннѣйшему, Великому Государю моему, Брату освѣщенному, Филарету, Божьею милостью Митрополиту, братъ твой, Иванъ Романовъ, отъ сердца текущими слезами и душевнымъ желаніемъ (?) будучи разлученъ и лишенъ духовнаго и тѣлеснаго общенія съ твоимъ святымъ ангелу подобнымъ ликомъ, и на будущее время обѣщаю себѣ радость, падши и низко челомъ бьючи, отдать мой поклонъ. Слышачи, Государь, о твоемъ по Бозѣ добромъ о душахъ людскихъ спасительномъ печалованіи (о) помощи и многостраданіи, крайне поражены удивленіемъ къ наймудрѣйшему Господу, Творцу Всемогущему, подающему тебѣ крѣпость переносить

---

* Находившемуся въ плѣну у Поляковъ въ продолженіе 10 лѣтъ. Иванъ Никитичъ Романовъ одинъ изъ братьевъ Θедора Никитича (въ иночествѣ Филарета), сосланъ былъ Годуновымъ въ Пелымъ, а послѣ сподвижникъ Скопина-Шуйскаго. О. Б.

такія утружденія. А о томъ твоемъ утѣсненіи въ плѣненіи, неповинномъ страданіи, великою болью и жалостью снѣдаемы; ибо не доходила до моего слуха вѣрная вѣдомость о Государѣ, и не получая письма отъ тебя, Государя моего, совершенно не имѣемъ и правдивой вѣдомости о твоемъ здоровьи, какъ и о томъ, въ какомъ положеніи пребываешь. По сему благоволи мнѣ донести о невинномъ твоемъ мученіи; ибо сердце мое въ великой печали пребываетъ, слыша тебя, Государя и роднаго моего, въ такомъ несчастіи, несправедливо приключившемся съ тобою; въ немъ самому Богу поручаю, пока они тебя не освободили. А тѣмъ временемъ, чтобы меня о своемъ здравіи и обстоятельствахъ письмомъ увѣдомилъ, чего крайне жажду и о чемъ челомъ бью. А пожелаешь Государь, высокочтимый Архипастырь, при важности сана и братской близости, вѣдать о мнѣ, я, по милости Божіей и Святѣйшей Матери Божіей, Христіанской помощницы, молитвами и милостію Великаго Государя нашего, всѣмъ Христіанскимъ народомъ избраннаго Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳедоровича, всея Руси Самодержца, по 3-й день мѣсяца Октября нахожусь во здравіи. Еще же прошу и жажду твоей высокочтимой и святой милости: молись за меня Всемогущему Богу и подай своею десницею, крестъ носящею и Христу служащею, миръ и благословеніе, дабы твоими молитвами спаслись отъ всякаго душевнаго грѣха и въ будущей жизни получили вѣчное блаженство славимаго во Св. Троицѣ Отца, и Сына, и Св. Духа, нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На томъ же листѣ слѣдующая приписка: «Второе письмо отъ его племянника, Князя Ивана Черкаскаго, въ тѣхъ же словахъ, безъ перемѣны. Третье письмо отъ Бориса и Михаила Салтыковыхъ, къ тому же Митрополиту, составленное частью изъ двухъ первыхъ, частью изъ письма сына его съ прибавкою: «Просятъ Бога и желаютъ, чтобы сынъ его и потомство его на вѣки у нихъ царствовали.»

Изъ Скуклостерскаго въ Швеціи Семейнаго Архива извлекъ и перевелъ

Сфреснев. А. Чумиковъ.

ПОВѢСТЬ

О

ПРИХОЖДЕНИИ СВѢЙСКАГО КРАЛЯ

СЪ НѢМЦЫ ПОДЪ ГРАДЪ ПСКОВЪ. *

Паки бысть Божіе попущеніе за грѣхи наша. В лѣто 7123 году, мѣсяца Августа въ 15 день, при державѣ благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя, Михаила Феодоровича, всеа Росіи Самодержца, пріиде безбожный Свѣйскій Краль, Густавъ Одольфъ, і с нимъ пять на десять тысящь Нѣмецкихъ людей на Богоспасаемый градъ Псковъ. І мня в себѣ скоро воспріяти градъ Псковъ, і пришедъ з гордостію, ста на снятой горѣ. Прежде же пришествія его, ис того монастыря принесоша во градъ образы и книги. Бысть же тогда во градѣ Псковѣ Епископъ Сели-

---

* Предлагаемая здѣсь «Повѣсть» писана полууставомъ, если не вскорѣ послѣ нашествія Густава-Адольфа, то не позже второй половины XVII столѣтія, въ тетрадкѣ, въ 4 долю листа, на 16 страницахъ. Заглавіе и первая буква изложенія писаны киноварью. Внизу первой страницы написано «Сія тетрадь города Пскова». Рукопись найдена покойнымъ Штатнымъ Смотрителемъ Псковскихъ Училищъ М. А. Васильевымъ, въ числѣ прочихъ старыхъ бумагъ, у одного монаха Спасо-Мирожскаго монастыря, одной изъ древнѣйшихъ обителей города Пскова, и отъ Г. Васильева поступила въ мою библіотеку. Въ прибавленіяхъ къ Псковскимъ Лѣтописямъ (Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей т. V, изд. 1851 г., стр. 54 и 64) приведены весьма краткія извѣстія о нашествіи Густава-Адольфа на Псковъ градъ. Настоящій же разсказъ является полнымъ и обстоятельнымъ сказаніемъ объ этомъ весьма важномъ не только въ исторіи Пскова, но и въ исторіи Россіи первой половины XVII вѣка событіи. Разсказъ видимо составленъ современникомъ, очевидцемъ осады, при томъ Псковичемъ: по крайней мѣрѣ, всѣ подробности сказанія, всѣ упоминанія о чудесахъ, наконецъ весь оттѣнокъ разсказа подтверждаютъ справедливость этого предположенія. Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ 30 Іюля, 1615 г. Воеводами сидѣли во Псковѣ Василій Петровичъ Морозовъ и Ѳедоръ Бутурлинъ. 15 Августа поведены были Шведами осадныя работы и началось обстрѣливанье города. 9 Октября сдѣланъ приступъ. Шведы были отбиты. Приводя современную «Повѣсть» о семъ событіи, мы сочли не лишнимъ сохранить правописаніе подлинника. М. С.

вестръ и Боголюбивіи Воеводы Василій Морозовъ с товарыщи и с прочими Боляры, и жители града того, молящеся Господу Богу и Пречистѣй Его Матери и всѣмъ Святымъ. І веліе попеченіе имѣяху, строяще градъ ко ополченію противъ поганыхъ Нѣмецъ, людіе же невозвратну надежду имѣяху на Господа Бога и на Пречистую Владычицу Богородицу и на Святыхъ Божіихъ Угодниковъ, Псковскихъ Чюдотворцовъ. І поидоша Псковстіи народы из града противъ поганыхъ Нѣмецъ. І в' той день близъ града Пскова снидошася обои полцы и велію брань і сѣчю сотвориша с' погаными Нѣмцы. І в' той брани убиша злаго кровопивца, отъ лутчихъ Свѣйскихъ Нѣмецъ полководца, именемъ Ивергора. І тако Божіею помощію Псковстіи вои внидоша во градъ, хранимии отъ поганыхъ. І по семъ они, безбожніи Нѣмцы, твердо обступиша Богоспасаемый градъ Псковъ, и многія пакости творяще, святыя обители и церкви огнемъ попаляюще, и людей, живущихъ около града, въ плѣнъ имаху к себѣ. По семъ они, поганіи Нѣмцы, умыслиша вражіимъ наважденіемъ, яко же татіе хотяще подкопати храмину, подъѣхавше подъ градъ Псковъ в седмый часъ нощи, подле Великія рѣки по брегу; стражіе же Псковстіи, стояще на стѣнѣ града, начаша веліимъ гласомъ окликати ихъ; они же, безстудніи, научени быша дияволомъ, і возопиша Псковскимъ стражемъ, яко Русстіи народы бѣгутъ отъ поганыхъ Нѣмецъ во градъ Псковъ. И прибѣгше........ вратомъ, которые близъ нижнихъ решетокъ, и привалиша к' тѣмъ вратомъ желѣзныя пинарвы зъ зеліемъ, и зажгоша, и выломиша врата градныя, и внидоша во градъ Псковъ немногими людми. И доидоша поганые до рогу до Званицы улицы; Псковстіи же стражіе начаша по улицамъ бѣгати и веліимъ гласомъ кричати, яко поганіи Нѣмцы вломишася во градъ. Псковстіи же народы вскорѣ сметашася со оружіемъ, и выгнаша поганыхъ Нѣмецъ вонъ изъ града. Они же, поганіи, начаша умышляти и близъ града рвы копати, и во рвѣхъ тѣхъ столбы дубовые ставиша пробиваны сквозѣ, и цѣпи желѣзные продѣша, и дванадесять пушокъ стѣнобитныхъ устроиша промежь тѣхъ столбовъ противъ града Пскова, а иные пушки поставиша за Великою рѣкою у Іоанна Предтеча. И в' третій день начаша бити по стѣнѣ и по Варлаамской уголной башни со втораго часа дни, и биша день той до вечера, и збиша уголную башню до половины, а стѣну градную пробиша

до земли. Тогда мнозіи поганіи отъ своего воинства отъѣзжаху во градъ Псковъ отъ глада, понеже бо бяше у поганыхъ Нѣмецъ в полкахъ гладъ бысть. И вси единогласно глаголюще, зряще на церковь Преподобнаго Чюдотворца Варлаама, Псковскимъ гражданомъ повѣдаху видѣніе и Божію помощь на враги; видяху бо многажды изо лба церковнаго, сирѣчь изъ главы Преподобнаго Варлаама, Хутынскаго Чюдотворца, чюдо страшно, велію стрѣлбу, бывающу изъ главы, и въ полкахъ Кралевскихъ многихъ храбрыхъ воевъ побивающихъ до смерти Богоранными стрѣлами и молитвами Преподобнаго отца Варлаама. Сице Богъ творяше, враги устрашая, да не похвалятся нечестивыи силою своею. Глаголаша бо безбожніи Нѣмцы Кралю своему, яко в три часа возмемъ градъ Псковъ. Тогда в скорѣ повелѣ Краль бити изъ наряду и ламати церковь Преподобнаго Варлаама; мняху бо они поганіи Нѣмцы, яко в той церкви много бяше храбрыхъ людей. И многи промыслы творяще надъ градомъ и церковію, седмьсотъ ядръ огненныхъ пустиша на градъ, а прочимъ чюгуннымъ и желѣзнымъ и числа нѣсть, запаленія ради граднаго на смятеніе людемъ. Милосердый Господь окрестъ людей своихъ отнынѣ и до вѣка, и благословенъ Господь, иже не дастъ насъ в ловитву зубомъ ихъ. Они же, поганіи, яко хищницы приступаху по вся дни, хотяху восхитити Богоспасаемый градъ Псковъ; граждане же, надежду имѣюще на Святую Троицу и на Преподобнаго Варлаама, с погаными брань творяху по вся дни выласками, овогда же оружіемъ пхающе с стѣны за градъ; Божія бо благодать всегда помогаше гражданомъ молитвами Преподобнаго Варлаама Чюдотворца. Бысть же видѣніе во время приступа нѣкоему благочестивому мужу, именемъ Іоанну. Пришедшу ему к церкви Святыя, и животворящія, и нераздѣлимыя Троицы помолитися отъ належащія оныя бѣды, и видѣ ясно чювственныма очима Епископа Селивестра со кресты идуща отъ церкви Преподобнаго отца Варлаама к церкви Святѣй Троицы, со множествомъ людей, и за нимъ Священницы в бѣлыхъ ризахъ идуща і поюща побѣдную пѣснь Господеви: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ», и несоша великъ котелъ крови человѣческія с собою и вѣнцы пресвѣтлыя. И дошедше того мѣста, идѣже нынѣ побіенніи положены у Святыя Троицы, и невидими быша, Епископу же тогда во градѣ велми болну

сущу в' келіи своей. Мѣсяца же Октября въ 9 день, на память Святаго Апостола Іякова Алѳеова, Нѣмецкій Краль Густавъ Одолѳъ со всѣми погаными Нѣмцы двигнушася на Богоспасаемый градъ Псковъ с' великою гордостію, ови на конехъ, ови же пѣши, ініи же, древіе сплотивше, подъѣзжаху по Великой рѣки подъ градъ къ нижнимъ решоткамъ; овіи же отъ Іоанна Предтеча з за Великія рѣки, чрезъ градную стѣну, по людямъ биюще, ядра іс пушюкъ пущаху, не дающе приходити Псковскимъ воемъ к' проломному мѣсту. Они же окаяннім, приступающе ко граду Пскову с обѣѣхъ странъ, отъ Великія рѣки и отъ Варламскихъ вратъ, мняще бо вскорѣ взяти градъ Псковъ. И бысть сѣча велика. Граждане же, возложше всю надежду на Господа Бога, и Пречистую Богородицу, и на Преподобнаго Варлаама, оружіемъ, и каменіемъ, и древіемъ на нихъ метаху с' стѣны. Ініи же калъ с водою варяху и ліяху на приступающія поганыя, и бишася с ними отъ втораго часа и до вечера. В' той же день, го время брани, Святыя Троицы весь священный соборъ и градскія Псковскія жители, в притворѣ у Преподобнаго Варлаама молебная поюще Господу Богу, и Пречисттѣй Его Матери, и Чюдотворцу Варлааму, непрестанно, безступдніи же Нѣмцы крѣпко приступающе. Во осмый же часъ дни они, поганіи, яко псп, взыдоша на стѣну града и на башню уголную, и начаша в' трубы трубити; мняще бо нечестивіи, яко уже взяша градъ Псковъ; но Божія сила возбрани имъ сіе сотворити. Божіимъ же промысломъ и молитвами Преподобнаго Варлаама, граждане, умысливше, вскорѣ принесоша зеліе и подвалиша подъ башню, і огнемъ зажгожа. И в' той часъ, яко прахъ, подняся мостъ из башни, и поганыхъ онѣхъ вмета в' рѣку; ініи же на плотахъ в' рѣки потоплени бяху; овіи же на суши прочь отъ града, посрамлени, бѣжаху, яко овцы отъ волковъ, гоними невидимою силою Божіею. Граждане же, вооружившеся, поидоша из града и видѣша ихъ бѣжаніе, и хотяху нарядъ ихъ взяти во градъ, но не возмогоша; понеже бо злохитрствомъ ихъ крѣпцѣ устроено бысть, и возвратишася во градъ здрави. И тако избави Господь градъ и люди своя отъ поганыхъ, а побиенныхъ собравше, погребоша у соборныя церкви Святыя Троицы. И тако видѣніе преждереченнаго Іоанна збысться. Граждане же воздаша веліе благодареніе Господу Богу, и Пречистѣй Его Матери, и Святымъ Псковскимъ

Чюдотворцомъ, Благовѣрнымъ Княземъ Гавріилу, и Тимоѳею, и Александру, и Преподобнымъ отцемъ Евфросину и Савѣ, и Чюдотворцу Николѣ, Преподобному Варлааму, і Николѣ Блаженному, и всѣмъ Святымъ, за избавленіе града. И паки пронесеся слово то в людехъ, яко другій приступъ ко граду паче того будетъ. Граждане же, все упованіе возлагающе на Святую Троицу, молящеся со слезами, чтобы Господь Богъ избавилъ градъ Псковъ отъ нахожденія поганыхъ. Во утріи же день той преждереченный благочестивый мужъ Іоаннъ видѣніе повѣда: бывшу ему на стражи на нижнихъ решоткахъ в третій часъ нощи, видѣ отъ соборныя церкви Святыя Троицы идуща множество людей со свѣщами, поюще, а что поютъ, того не вѣде. И пришедше к церкви Преподобнаго Варлаама, и абіе вси невидими быша. Се же Богъ творяй своею невидимою силою. На утріе же видѣвше граждане, молитвами Преподобнаго отца Варлаама, Божію помощь на враги, нарядъ весь отпрятанъ отъ стѣнъ града; граждане же радостію возрадовашася, благодареніе воздающе Святѣй Троицѣ. По семъ паки бысть видѣніе нѣкоему мужу благочестиву, именемъ Іоанну, имѣющу блаженство Господа ради, и живущу ему въ стѣнѣ града; и повѣдаша людемъ, яко сей Богоспасаемый градъ Псковъ никогда же обладанъ будетъ погаными, яко видѣхъ очима моима на небеси три креста стояща, паче солнца сіяюще и покрывающе градъ Псковъ и люди отъ поганыхъ. Другій же человѣкъ повѣда дивну повѣсть, именемъ Симеонъ, живый близъ Государева двора и при церкви Воздвиженія Честнаго Креста: многажды слыша в нощи в церкви Святыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, і бѣ же ту чюдотворный образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, принесенъ съ Завеличья, и прочія святыя иконы, гласъ прекрасенъ, вопіющъ плачевнымъ гласомъ на многъ часъ зѣло умилно; тако же и прочіи благочестивіи людіе града Пскова такожде повѣдаху, слышавше гласъ той, и многи слезы проливаху, и другъ другу повѣдаху. Овіи же бывше в полону у поганыхъ, видѣша в полкахъ Латынскихъ ѣздяща на конехъ Псковскихъ Чюдотворцовъ, Гавріила и Тимоѳеа, ужасающа Латынь и побивающа, избавляюще градъ свой и люди отъ поганыхъ, и глаголюще к нимъ: Кто вамъ повелѣ, окаянніи, подъ Богоспасаемый сей градъ нашъ Псковъ приходити и разоряти? По семъ же благочестивый Госу-

дарь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, слышавъ великое утѣсненіе граду Пскову отъ поганыхъ Нѣмецъ, велми печаленъ бысть, и собра вскорѣ ратныхъ людей, і посла во градъ Псковъ в помощь. Безбожный же Нѣмецкій Краль Густавъ Одолеъ, слыша Московскихъ ратныхъ людей, того же мѣсяца въ 26 день, скоро отъиде отъ града Пскова с великою печалію и срамомъ, яко не получи своего желанія. Тогда во градѣ Псковѣ Боголюбивый Воевода и с прочими Боляры и граждане воздаша веліе благодареніе Святѣй, и Единодущнѣй, и Животворящей, и Нераздѣлимѣй Троицы, сотворяюще всенощная бдѣнія по всѣмъ святымъ церквамъ, еще же и чюдотворному образу Пречистыя Богородицы, ис Печерскія обители принесену бывшу во градъ Псковъ на заступленіе. И тако вси Псковстіи народы прославиша Бога и Пречистую Богородицу. По семъ же лѣтѣ, умысливше окаяннін Латыни на градъ, пришедъ Краль со Свеичи к церкви Николы Чюдотворца, что в устьѣ Великія рѣки, и поставиша городокъ на горѣ с нарядомъ, и веліе утѣсненіе творяху Псковичамъ, хотяще во градѣ Псковѣ люди гладомъ поморити; граждане же, собравшеся ратію, шедше з Божіею помощью в устье, градъ взяша, а Латынь побиша, а иныхъ живыхъ поимаша, і нарядъ весь, у Латынь埋 вземше, во градъ привезоша. И тако избавленъ бысть градъ Псковъ отъ поганыхъ Нѣмецъ молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи и всѣхъ Святыхъ.

Сообщ. М. Семевскій.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОРЪ

СТЕНЬКѢ РАЗИНУ И БРАТУ ЕГО, ФРОЛКѢ.

.... (Начало оторвано) Ты жъ, воръ, забывши милостивую Великаго Государя пощаду, какъ тебѣ и товарищамъ твоимъ, вмѣсто смерти, животъ данъ, измѣнникъ ему, Великому Государю, и всему Московскому Государству, пошелъ на Волгу для своего воровства, и старыхъ Донскихъ Казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, перегграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ..... Донца Гарасима Овдокимова, который посланъ былъ на Донъ съ ево, Великаго Государя, милостивою грамотою къ Атаману Ходневу Яковлеву, и Казаковъ убилъ же и въ воду посадилъ, да и Воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова, билъ, и изувѣчилъ, и ограбилъ, и отъ тѣхъ побоевъ онъ умре. Ты жъ, воръ Степанъ, пришелъ подъ Царицынъ, говорилъ Царицынскимъ жилецкимъ и всякимъ людемъ, и вмѣстилъ воровскія лести, будьто я, Царицынскихъ жителей и разныхъ людей..... .... а которые люди по Государеву милостивому указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону, и Царицынскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали, и ты Воеводу Тимофея Тургенева и Царицынскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ и посажалъ въ воду и ходилъ противъ разныхъ......... которые шли на службу Великаго Государя на Царицынъ съ Головою Стрѣлецкимъ, Иваномъ Лопатинымъ, и съ Полголовою, Ѳедоромъ Якщинымъ, и съ иными бился, и обманулъ и побилъ, и Голову Стрѣлецкаго, Ивана Лопатина, и Сотниковъ, и Пятидесятниковъ, муча разными муками, посажалъ въ воду, и съ насадовъ Великаго Государя хлѣбные за-

пасы и промышленныхъ людей всякіе товары поималъ, и съ Царицына пошелъ на Черной Яръ, и на Черномъ Яру Воеводу, Ивана Сергѣевскаго, и Головъ Стрѣлецкихъ, и Сотниковъ, и стрѣльцовъ Московскихъ, которые посланы были для береженія, насадивъ со Княземъ Семеномъ, а ево вы побили до смерти.

А какъ ты къ Астрахани пришелъ, и ты товарищей своихъ послалъ говорить и прелыщать воровскихъ Астраханскихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ городъ сдали, и Бояриил и Воеводу выдали, и въ городъ бы тебя пустили. И Астраханскіе служилые люди своровали, измѣнили Великому Государю, похотя къ твоему воростьу пристати, на городъ воровъ пустили. Ты жъ, воръ, сложась въ Астрахани съ ворами жъ, Боярина и Воеводу, Князя Семена Ивановича Прозоровскаго, взявъ и безбожно съ роскату бросилъ, и брата его, Князя Михайла, и Дьяковъ, и Дворянъ, и Полковниковъ, и Головъ Стрѣлецкихъ, Московскихъ и Астраханскихъ, Дѣтей Боярскихъ, и Сотниковъ, и стрѣльцовъ, которые къ воровству твоему не пристали, и купецкихъ, и всякихъ чиновъ Астраханскихъ жителей......... торговыхъ людей, муча разными муками, побилъ, а иныхъ въ воду пометалъ мучителски и животы ихъ пограбилъ, и по томъ мученіи церкви Божіи, и монастыри, и Великого Государя казну въ Палатѣ и Таможнѣ, и домы всякихъ чиновъ людей пограбилъ, а въ Приказной Палатѣ дѣла Государственныя сжегъ, и такое наругательство чинилъ, чего нигдѣ не ведеца, и Священниковъ, и иноковъ обножа безо всякаго стыда, и всякихъ чиновъ людей и животовъ, мучилъ разнымъ томленіемъ и муками, и самыхъ младенцовъ не щадилъ, и Шахова Величества купчинъ и торговыхъ людей, и Невровъ, и Тезиковъ, и Армянъ, и Бухарцовъ, которые жили на время въ Астрахани, пріѣхали для торговыхъ промысловъ, многихъ побилъ и товары пограбилъ, съ Шаховымъ Величествомъ многую ссору учинилъ.

Ты жъ, воръ, не насытясь невинныхъ многихъ кровей и незлобивыхъ младенцовъ, дѣтей Боярина Князя Ивана Семеновича Прозоровскаго велѣлъ, взявъ со двора, повѣсилъ черезъ городовую стѣну за ноги, и, сверхъ того мученія, одново велѣлъ казнить смертію, а другова, по многихъ мукахъ изувѣча, отдалъ къ Митрополиту, не чая ево отъ такихъ мукъ жива.

А Подьячихъ Астраханскихъ, которые служили Великому Государю, а къ твоему воровству не пристали, а были въ Приказной Палатѣ, велѣлъ тѣхъ мучить страшными муками, за ребра вѣшать, а которые помощію Божіею отрывалися, и тѣхъ велѣлъ вѣшать за многія ребра, чтобъ скончались мучительскою томною смертію.

Ты жъ, воръ, въ Астрахани, послѣ побитія Дворянъ, и Головъ Стрѣлецкихъ, и Дѣтей Боярскихъ, и Сотниковъ, и всякихъ служилыхъ и торговыхъ людей, женъ и дочерей выдалъ на поругательство Богоотступниковъ и товарищей своихъ, такихъ же воровъ, насильствомъ, и Священникомъ велѣлъ ихъ вѣнчать по твоей печатей въ неволю, а не по Архіерейскому благословенію, ругаясь святѣй Божіей Церкви и преданію Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ, вмѣняя тое тайну святаго супружества ни во что, а которые Священники тебя не послушали, и тѣхъ сажалъ въ воду.

Учиня такое кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову, и Саратовскіе жители тебѣ городъ сдали, по твоей воровской присылкѣ.

А какъ ты, воръ, пришелъ на Саратовъ, и ты Государеву денежную казну, и хлѣбъ, и золотые, что были на Саратовѣ, и дворцоваго промыслу, всѣ пограбилъ, и Воеводу, Козьму Лутохина, и Дѣтей Боярскихъ, побилъ.

А съ Саратова пришелъ ты, воръ, къ Самарѣ, и Самарскіе жители городъ тебѣ сдали, по твоей воровской присылкѣ, и умыслу, и заводу, и ты Государеву казну пограбилъ же, и Воеводу, Ивана Ефимова, и Самарцовъ, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ же.

А отъ Самары ты, воръ и Богоотступникъ, съ товарищи, подъ Симбирской пришелъ, а пришедъ подъ Симбирскъ, съ Государевыми разными людьми бился, и къ Симбирску приступалъ, и посылалъ въ разные города и мѣста своея братія воровъ съ воровскими прелестными письмами.

И писалъ въ воровскихъ письмахъ, будьто сынъ Великаго Государя нашего, Благовѣрный нашъ Царевичъ и Великій Князь, Алексѣй Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, нынѣ живъ, и будьто, по указу Великаго Государя, ты, воръ, идешь съ нимъ съ низу Волги къ Астрахани и подъ Москву, для того чтобъ побить на Москвѣ и въ городѣхъ Бояръ, и Думныхъ, и Ближнихъ, и Приказныхъ людей, и Дворянъ, и Дѣтей Боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ, и всякаго чину служилыхъ и торговыхъ людей, и людей Боярскихъ, будьто за измѣну.

А сынъ Великаго Государя нашего, Благовѣрный Государь нашъ Царевичъ, по волѣ Всемогущаго Бога, оставя земное царство, преставися......... покой Небеснаго царствія, а преставленіе его въ Государскихъ палатѣхъ при отцѣ его, при Великомъ Государѣ нашемъ, въ 178 году, Генваря въ 17 числѣ, а тѣло погребено на Москвѣ, въ Соборной церкви Архистратига Божія Михаила, съ прочими Государскими родителями, Генваря въ 18 числѣ, а погребеніе было при отцѣ его, при Великомъ Государѣ нашемъ, въ 178 году, Генваря въ 18 числѣ; а погребеніе было при отцѣ его, Государевѣ, при Государѣ нашемъ, Царѣ, полное, а на погребеніи его были Святѣйшіе Патріархи, Паисій Александрійскій и Іоасафъ Московскій, сообче съ Освященнымъ Соборомъ; да не токмо преставленіе и погребеніе сына Великаго Государя нашего, Благовѣрнаго Государя нашего полна........ .... воръ и измѣнникъ, забывъ страхъ Божій, такое велико дѣло учинилъ, хотя народъ возмутити и кровь пролити, чего и помыслить страшно.

Да ты жъ, воръ, вмѣнилъ всякихъ людей на прелести, будьто съ тобою монахъ имѣлъ прельщать всякихъ людей. Аника монахъ, по Государеву указу, по суду Святѣйшихъ Патріарховъ и всего Освященнаго Собору, отъ Патріаршаго престола посланъ на Бѣлоозеро въ Ѳерапонтовъ монастырь, и нынѣ въ томъ монастырѣ.

Ты жъ, воръ и Богоотступникъ, и единомышленники твои, письма воровскія, многія письма, въ полки Боярина и Воеводы, Князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, съ товарищи, къ разнымъ людямъ слалъ, хотя прельстити на прелесть и на измѣну многихъ людей.

И будучи ты, воръ, съ своимъ съ воровскимъ собраніемъ противъ воли Божіей ни чего надъ Симбирскомъ не учинилъ, а милостію Божіею и Пречистыя Богородицы, надежды, Христіанской помощницы, и заступленіемъ молитвами дивнаго въ чудесѣхъ Преподобнаго Отца Сергія, Радонежскаго Чудотворца, а Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, Самодержца, и его Государскихъ благородныхъ чадъ, Благовѣрнаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя, Ѳедора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, и Благовѣрнаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя, Іоанна Алексѣевича всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, счастіемъ, и промысломъ, и службою Великаго Государя разныхъ людей, подъ Симбирскомъ и во многихъ мѣстахъ ты, воръ, израненъ, и воровское твое собранье побиты многіе, а ты съ небольшими людьми ушелъ на низъ, а по чертѣ и въ иныхъ городѣхъ, по твоимъ воровскимъ присыльнымъ письмамъ, уклонились къ воровству, и во всѣхъ городахъ и мѣстѣхъ Воеводъ и Приказныхъ людей побилъ и въ воду пометалъ.

А ты, воръ, Фролка, присталъ къ воровству брата своего, соединяся съ такими ворами, ходилъ, собрався, по разныхъ городѣхъ и въ иныя мѣста, и многое разоренье чинилъ и людей побилъ.

И въ той своей дьявольской надеждѣ ты, воръ и крестопреступникъ, Степанъ и Фролко, и со единомышленники своими, похотѣли Святую Церковь обругати, не вдася милости Великаго Бога и заступленію Пресвятыя Богородицы, Христіанскіе надежды, и Московскихъ Чудотворцевъ, къ царствующему граду Москвѣ и ко всему Московскому Государству, въ такую мерзость пришли, что...... Великаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и Пресвятыя Богородицы, Христіанскія заступницы и надежды, уловяся на дьявольскія лести, и въ томъ своемъ воровствѣ со 175 году по нынѣшней по 179 годъ, Апрѣля по 4 день, не винились, кровь проливали, не щадя и самыхъ младенцовъ............ милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, Христіанскіе надежды и заступницы, и дивнаго въ чудесѣхъ Препо-

добнаго Чудотворца Сергія молитвами, и Великаго Государя полное и его Государскихъ благородныхъ чадъ, благороднаго Государя нашего полное, и Благовѣрнаго Государя нашего Царевича полное счастіемъ, и за молитвами Великаго Господина полное, и всего Освященнаго Собору, а службою, и радѣніемъ, и промысломъ его, Великаго Государя, Бояръ, и Воеводъ, и Стольниковъ и Стряпчихъ, и Дворянъ Московскихъ, и Жильцовъ, и Полковниковъ рейтарскихъ, пѣхотныхъ Головъ и Полуголовъ, и Сотниковъ Московскихъ, стрѣльцовъ городовыхъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, и иноземцевъ, и службою Московскихъ стрѣльцовъ, и выборныхъ полковъ солдатъ, и Боярскихъ людей, а въ таможенныхъ и въ денежныхъ Палатахъ, тѣхъ его, Великаго Государя, разныхъ людяхъ на жалованой гостей и гостиныхъ, сотенъ и дворцовыхъ слободъ, и черныхъ сотенъ жилецкихъ людей, и всѣхъ Православныхъ Христіанъ, вы, воры, и крестопреступники, и измѣнники, и губители Христіанскихъ душъ, съ товарищи своими, подъ Симбирскомъ и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ побитыхъ.

А нынѣ............. къ Великому Государю полное службою и радѣніемъ войска Донскаго Атамана Ходнева Яковлева и всего, и сами вы пойманы и приведены къ Великому Государю къ Москвѣ и на Москвѣ,......... въ томъ своемъ воровствѣ винились, и за такія ваши злыя и мерзкія предъ Господомъ Богомъ дѣла и къ Великому Государю полное за измѣну, и ко всему Московскому Государству за разоренье, по указу Великаго Государя, Бояре приговорили казнить злою смертію, четвертовать, а тебѣ, Фролку, голову отсѣчь.

Сообщ. М. Владыкинъ.

Списано съ стариннаго современнаго столбца, очень ветхаго и потерпѣвшаго уже отъ времени.

О

БЫВШЕМЪ ТОБОЛЬСКОМЪ НАМѢСТНИЧЕСТВѢ

1782-1797 Г.

Городъ Тобольскъ основанъ въ 1587 году, на мысѣ Алтунъ-аргинакъ [1] Алафейской горы, [2] близъ стараго [3] устья рѣки Тобола; управлялся Воеводами, которые были военоначальниками и вмѣстѣ гражданскими правителями. Лица, занимавшія Воеводскую должность, были изъ Князей, Бояръ и Стольниковъ. Власть ихъ была обширна, и они, время отъ времени, дѣйствовали тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ пространнѣе становилась рама Сибири.

Воеводское управленіе въ Тобольскѣ продолжалось до 1708 года. По Указу Государя Петра I-го, 18 Декабря, того же года, состоявшемуся, Россія раздѣлена была на Губерніи; по сему и Тобольское Воеводство получило названіе Сибирской Губерніи.

---

[1] Алтунъ-аргинакъ по Татарски значитъ выкидывающій золотыя искры, См. Сибирской Исторіи Миллера книги I § 70. Татары имѣли обыкновеніе давать нѣкоторымъ замѣчательнымъ мѣстамъ отличныя названія.

[2] Сибирская Лѣтопись,—рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ Тобольской Семинаріи подъ $^{1581}/_{7089}$ г., отдѣл. 2. Алафейскій, какъ полагать должно, происходитъ отъ Арабско-Татарскаго слова Алафа, корона. На этой Коронной или Ханской горѣ, при Ханѣ Кучумѣ, были его городки: Искеръ—мѣстопребываніе, Бицикъ-Тура, женинъ городъ, гдѣ нынѣ Панинъ Бугоръ, Абалакъ въ 25 верстахъ отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, и въ 7 верстахъ внизъ Сузгунъ, гдѣ жила одна изъ женъ Кучума, юная красавица Сузге.

[3] Старое устье Тобола было почти прямо на горной части Тобольска, и въ этомъ мѣстѣ воды Тобола дѣлали напоръ въ р. Иртышъ. Отъ этого воды послѣдняго, ударяясь въ гору, подмывали ее до того, что большія глыбы песчаноглинистой земли обрушивались съ большимъ грохотомъ въ Иртышъ. Въ предосторожность нѣсколько разъ были устроиваемы деревянные обрубы, но сила воды ихъ разрушала. А по тому Губернаторъ, Князь Гагаринъ, воспользовавшись Шведскими военноплѣнными, изъ подъ Полтавы пришедшими въ Тобольскъ, около 1716 г. распорядился ими, выше за три версты, прорыть въ Иртышъ изъ Тобола каналъ, въ которомъ и образовалось новое настоящее устье.

Въ составъ ея входила не только вся Сибирь, но и нѣкоторая часть древняго Новгорода и мѣста, гдѣ нынѣ Вятская, Пермская и Оренбургская Губерніи, начиная отъ города Яренска до восточнаго берега Камчатки. Въ этомъ пространствѣ считалось тридцать городовъ (См. Историческое обозрѣніе Сибири, П. Словцова, т. I, стр. 295—296).

Правителемъ всей этой мѣстности былъ Губернаторъ. Правительственнымъ мѣстомъ—Сибирская Губернская Канцелярія. Первымъ Губернаторомъ въ Сибири былъ Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, славный и громкій Вельможа и наконецъ глубоко злополучный. [4] Князь Гагаринъ, воспользовавшись Шведскими военноплѣнными солдатами, изъ подъ Полтавы пришедшими въ Сибирь, построилъ, въ 1714—1716 г., на горѣ каменную крѣпость, съ зубчатою стѣною съ сѣверной стороны, начиная отъ берега Иртыша до каменнаго Гостиннаго двора, съ Троицкими и Воскресенскими воротами, а надъ спускомъ горы или на прямскомъ взвозѣ каменное зданіе, на трехъ аркахъ, съ тремя въ нихъ воротами. [5] Послѣ отбытія Губернатора Гагарина въ концѣ 1717 года въ Петербургъ, Сибирская Губернія раздѣлилась на пять провинцій: Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, Вятскую и Соликамскую, и была также, какъ и прежде, подъ властію одного Сибирскаго Губернатора. Сибирскія лѣтописи сохранили ихъ названія. За отсутствіемъ Гагарина, до казни его въ 1721 году, исправлялъ его должность Комендантъ, Семенъ Петровичъ Карповъ. Съ 21 Декабря, 1721 г., Губернаторъ, Ближній Стольникъ, Князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій. Съ 1-го Генваря,

---

[4] 1721 г., 16 Марта, Гагаринъ преданъ смерти на висѣлицѣ, въ С.-Петербургѣ устроенной, прямо оконъ Юстицъ-Коллегіи.

[5] Каменный Гостинный дворъ, построенный въ 1703—1706 г., существуетъ и по нынѣ. Онъ имѣетъ видъ крѣпости, въ длину на 50; въ ширину на 40 саженъ. На четырехъ углахъ его круглыя башни. Зданіе въ два яруса, имѣетъ двое воротъ. На западной сторонѣ надъ воротами находилась часовня, а на восточной надъ воротами таможня. Въ верхнемъ ярусѣ 30, а въ нижнемъ 35 комнатъ. Подъ каждой изъ этѣхъ послѣднихъ комнатъ каменныя въ землѣ кладовыя. Въ зданіи на трехъ аркахъ прежде помѣщалась Рентерея (Казначейство), а въ послѣдствіи и нынѣ Губернскій Архивъ.

1724 года, Князь Михайло Владимировичъ Долгорукой. Съ Февраля 1731 г. Тайный Совѣтникъ Алексѣй Львовичъ Плещеевъ. Съ Августа 1741 г. Генералъ-Маіоръ Иванъ Аѳанасьевичъ Шиповъ по Декабрь 1743 г. На мѣсто его, съ того же времени, Генералъ-Маіоръ Алексѣй Михайловичъ Сухаревъ, скончавшійся въ Тобольскѣ 16 Мая, 1752 года. Съ 28 Февраля, 1754 г., Генералъ-Лейтенантъ Василій Алексѣевичъ Мятлевъ. Съ 24 Сентября, 1757 года, Тайный Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, въ 1763 году опредѣленный Сенаторомъ. Съ этого времени Генералъ-Маіоръ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ по Май 1781 года. При Чичеринѣ, въ 1764 году, отъ Сибирской Губерніи отдѣлилась Иркутская провинція подъ именемъ второй Губерніи въ Сибири.

По учрежденію Императрицы Екатерины II, 1775 года, Ноября 7, [6] въ 1782 году повелѣно открыть въ Сибири два Намѣстничества: Тобольское и Иркутское. [7] Въ 1780—1782 г. построенъ въ Тобольскѣ Намѣстническій каменный трехъярусный домъ, длиною 32, шириною 13 саженъ, на краю горы, лицомъ къ подгорной части города. Тобольскимъ Намѣстникомъ и правящимъ должность Генералъ-Губернатора опредѣленъ Генералъ-Поручикъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ, который и прибылъ въ Тобольскъ 14 Октября, 1780 года. Въ Иркутское и Колыванское Намѣстничество опредѣленъ Генералъ-Поручикъ Иванъ Варѳоломеевичъ Якобій.

Для содѣйствія къ открытію въ Тобольскѣ Намѣстничества Императрица Екатерина удостоила Тобольскаго Епископа, Варлаама, слѣдующаго рескрипта:

«Преосвященный Епископъ Тобольскій Варлаамъ! Генералъ-Поручикъ и правящій должность Генералъ-Губернатора Пермскаго и Тобольскаго Кашкинъ, по волѣ Нашей, съ помощію Божіей, будетъ открывать правленія въ Намѣстничествѣ Тобольскомъ, въ Августѣ сего года, по образу, отъ Меня предписан-

[6] Полн. Собр. Зак., 1775 г., 7 Ноября, № 14,392.

[7] Полн. Собр. Зак., 19 Генваря, 1782 г., № 15,327.

ному. Я удостовѣрена, что Ваше Преосвященство не оставите ему въ семъ, на пользу отечества устрояемомъ, дѣлѣ пособствовать; паче же общими ко Всевышнему молитвами предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо, Нами насаждаемое, возрастятъ плодъ желанный. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 19 дня, 1782 г. [8]

Тобольское Намѣстничество состояло изъ двухъ областей: Тобольской и Томской. Къ первой принадлежали десять Уѣздовъ: Тобольскій, Тарскій, Омскій, Ишимскій, Курганскій, Ялуторовскій, Тюменскій, Туринскій, Березовскій и Сургутскій. Къ Томской: Томскій, Енисейскій, Туруханскій, Нарымскій и Каинскій. При чемъ вновь учреждены города: Омскъ, Ишимъ, Курганъ, Ялуторовскъ, Ачинскъ, Туруханскъ и Каинскъ. [9]

Въ Тобольскомъ Намѣстническомъ дворцѣ были приготовлены помѣщенія для Губернскихъ Присутственныхъ Мѣстъ и тронная зала, которой полъ устланъ былъ превосходными дорогими коврами. Тамъ находился тронъ Императрицы Екатерины II. Вотъ описаніе его, извлеченное мною, въ 1838 г., изъ дѣла Тобольскаго Стараго Губернскаго Архива. На возвышеніи, съ нѣсколькими ступенями, покрытомъ краснымъ сукномъ, стоялъ тронъ; на немъ покрывало изъ малиноваго бархата, длиною 4 аршина и 3 вершка, шириною въ три полосы бархата. По сторонамъ трона, изъ того же бархата два, на кольцахъ, занавѣса, длиною каждый 6 аршинъ и 2 вершка, шириною въ три полосы. Съ одного бока и по борту обложены въ два ряда золотымъ съ бахрамою позументомъ. При занавѣсахъ восемь золотыхъ кистей. Подзоръ къ трону изъ малиноваго же бархата, съ золотыми позументомъ и бахрамой, длиною 9 аршинъ и 7 вершковъ, въ одну полосу. Сверху трона расположены: Императорская корона, скипетръ и держава, Россійскій Государ-

---

[8] Подлинный Рескриптъ хранится въ ризницѣ Тобольскаго Каѳедральнаго собора.

[9] Полн. Собр. Зак., 19 Генваря, 1782 г., № 15,327.

ственный гербъ и прочіе гербы Губерній, вызолоченные. Большое Императорское кресло обито малиновымъ бархатомъ и обложено золотыми позументомъ и бахрамою. Заспинникъ кресла по бархату обложенъ: спереди въ два ряда золотымъ позументомъ, по срединѣ Россійскій гербъ, золотый двуглавый орелъ, подъ Императорской короною; сзади заспинникъ кресла по бархату обложенъ золотымъ позументомъ въ одинъ рядъ; вокругъ всего кресла золотой позументъ съ такою же бахрамою. Стѣны залы были украшены портретами: Императрицы Екатерины II, Наслѣдника Престола, Великаго Князя, Павла Петровича, супруги его, Великой Княгини, Маріи Ѳеодоровны, и Великихъ Князей, Александра Павловича и Константина Павловича, въ вызолоченныхъ на полиментѣ рамахъ. Тамъ же находилось бронзовыхъ, позолоченыхъ стѣнныхъ подсвѣчниковъ: двусвѣчныхъ 18, односвѣчныхъ 13 и 4 фонаря. Занавѣсы у оконъ изъ разныхъ матерій, алаго, зеленаго и голубаго цвѣтовъ съ бахрамами.

Тобольское Намѣстничество открыто 30 Августа, 1782 года, съ небывалою тамъ прежде торжественностію, какъ отзывались современники. По окончаніи литургіи и молебна, изъ каѳедральнаго собора въ домъ Намѣстничества былъ крестный ходъ съ иконами, при колокольномъ звонѣ. Тамъ Преосвященный Епископъ Варлаамъ, съ прочимъ старшимъ духовенствомъ, совершилъ молебенъ. По произнесеніи многолѣтія Императрицѣ и всему Августѣйшему Дому была произведена пушечная пальба. По окончаніи молебна Ректоръ Тобольской Семинаріи, Архимандритъ Знаменскаго монастыря, Илія Шумилевичъ говорилъ Намѣстнику замысловатую рѣчь, а отъ Семинаріи поднесена была новаго содержанія ода.[10]

Для торжества открытія Намѣстничества были вызваны въ Тобольскъ: Ханъ Средней Киргизской орды Вали, сынъ Аблай-Хана, съ нѣсколькими Султанами. Изъ Березовскаго Уѣзда Обдорскій Остяцкій Князь, Матвѣй Тайшинъ, съ нѣсколькими Старшинами. Онъ былъ въ одеждѣ, пожалованной ему Императрицею Екатериною II въ 1768 году, Генваря 14 дня. Тогда же ему по-

---

[10] Свѣдѣтельство современника сего торжества, Петра Андреевича Словцова, обучав-

жалована грамота на Княжеское достоинство; [11] изъ Туринскаго Уѣзда Старшины Вогульскіе: всѣ сказанные инородные гости, какъ представители отъ своихъ племенъ и народа.

Угощеніе народу было изобильное. На многихъ мѣстахъ стояли цѣлые зажаренные быки съ вызолоченными рогами, внутри быковъ были вложены разныя съѣстныя приготовленія. Установлены бочки простаго вина и пива. Устроены фонтаны, изъ которыхъ въ подставленныя бочки лилось виноградное вино. Вездѣ было раздолье и веселье. [12] По ночамъ было въ городѣ изящное освѣщеніе. Великолѣпная иллюминація, блиставшая разными цвѣтами огней, при Намѣстническомъ домѣ, гдѣ, между прочимъ, установлена была превосходная, величественная прозрачная картина, изображавшая Императрицу Екатерину II, съ разными приличными торжеству украшеніями и принадлежностями. [13]

Иркутское Намѣстничество открыто въ Мартѣ 1783 года. Съ этого времени Восточная Сибирь раздѣлена была на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую; въ каждую назначенъ Комендантъ, въ чинѣ Полковника, а въ Иркутскую Оберъ-Комендантъ, Маіоръ Блюмъ.

шагося тогда въ Духовномъ Училищѣ. См. Прогулки вокругъ Тобольска въ 1830 г., П. Словцова, изд. въ Москвѣ, 1834 г., стр. 132.

[11] Живя въ Березовѣ, я въ 1844 году читалъ привозимыя туда Обдорскимъ Княземъ Тайшинымъ и Куноватскимъ Артанзіевымъ грамоты Екатерины II, данныя Матвѣю Тайшину и Якову Артанзіеву, 14 Генваря, 1768 г., на Княжеское достоинство. Одежда, пожалованная Императрицею Обдорскому Князю, Матвѣю Тайшину: бархатный малиновый кафтанъ, обшитый галунами, такое же и исподнее платье, камзолъ изъ бѣлаго атласа, вышитый золотомъ съ блестками, рубаха изъ полотна, шелковый голубаго цвѣта шейный платокъ. Сапоги краснаго сафьяна, вышитые золотомъ; шапка изъ малиноваго бархата, обложенная золотыми шнурками и поясъ пестрой матеріи. На немъ виситъ кортикъ средней величины, съ изображеніемъ орлиной головы на рукояткѣ. Въ мое время жизни въ Березовѣ грамота и одежда были сохранны у Обдорскаго Князя, Ивана Тайшина.

[12] Тобольское преданіе.

[13] См. Прогулки вокругъ Тобольска въ 1830 г., П. Словцова, изд. 1834 г.

Съ открытіемъ двухъ Намѣстничествъ, Сибирь, озаренная свѣтлымъ понятіемъ о властяхъ и обрадованная человѣколюбивымъ учрежденіемъ, увидѣла для каждаго подданнаго защиту на судѣ и покровительство въ лицѣ Намѣстника. «Государевъ Намѣстникъ, сказано въ Наказѣ, есть оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и Государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Нося имя Государева Намѣстника, долженъ онъ показывать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу.» [14] Дотолѣ бывшее правосудіе Воеводское въ Уѣздныхъ городахъ, гдѣ слово Воеводы было приговоромъ обвиняемымъ, начало изрекаться въ приговорахъ, на законахъ основанныхъ, при томъ съ правомъ переноса жалобы, или подъ опасеніемъ протеста отъ особой блюстительной власти.

При Намѣстникѣ Кашкинѣ, который жилъ въ Перми, Тобольскими Губернаторами были: Генералъ-Маіоръ Григорій Михайловичъ Осиповъ. Онъ прибылъ въ Тобольскъ 1780 года, Іюня 5 дня, а отбылъ 21 Сентября, 1783 года; Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, съ 13 Декабря, 1784 г., по 18 Мая, 1785 г.; Статскій Совѣтникъ Сергѣй Ивановичъ Протопоповъ, съ 18 Мая, 1785 г., до 1787 г.; Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Васильевичъ Алябьевъ, съ 25 Марта, 1787 года.

Вторый и послѣдній Намѣстникъ былъ Генералъ-Поручикъ Алексѣй Андреевичъ Волковъ. [15] Прибылъ въ Пермь въ Мартѣ, а въ Тобольскъ 26 Іюня, 1789 года, на мѣсто Кашкина, отбывшаго изъ Сибири 1 Марта, 1788 года. При Волковѣ были Тобольскіе Губернаторы: вышесказанный Алябьевъ до 1795 года, а на мѣсто его Александръ Григорьевичъ Толстой, выбывшій въ 1797 году. Намѣстникъ Волковъ, будучи въ городѣ Тюмени, шелъ чрезъ мостъ и внезапно умеръ. Онъ жилъ какъ вельможа и чуждъ былъ корысти. [16]

---

[14] Полн. Собр. Зак., 19 Генваря, 1782 г., № 15,327.

[15] Въ Иркутскѣ вторымъ Намѣстникомъ былъ Генералъ-Поручикъ Иванъ Алферовичъ Пиль,—человѣкъ строптивый, капризный и вообще въ Иркутскѣ не любимый, допускавшій неправосудіе.

[16] Соликамскій Лѣтописецъ, изд. Вас. Берхомъ 1824 г.

Во время бывшаго въ Тобольскѣ, 27 и 28 Апрѣля, 1788 года, пожара, извѣстнаго подъ именемъ большаго, въ числѣ очень многихъ строеній, домъ Намѣстничества выгорѣлъ, [17] и тогда же вынесенъ изъ него Императорскій тронъ со всѣми принадлежностями, и хранился въ кладовыхъ нижняго яруса того дома по 21 Іюня, 1791 года, а съ этого времени переданъ въ кладовыя Казначейства.

По восшествіи на престолъ Императора Павла, съ 1797 года, высшія лица управленій въ Губерніяхъ упразднены и Намѣстничества въ Сибири уничтожены. Тобольскъ остался въ своемъ отдѣльномъ кругѣ на общемъ основаніи Губерній, безъ помысла о высшей степени посредничества у Престола.

Въ 1797 году, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, Генералъ-Прокуроръ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 9 Апрѣля, относился къ Тобольскому Гражданскому Губернатору, Александру Григорьевичу Толстому, чтобы онъ отправилъ въ С. Петербургъ, на имя его, Князя Куракина, находившійся въ Тобольскѣ Императорскій тронъ, для доставленія куда должно. Во исполненіе сего тотъ тронъ отправленъ съ нарочнымъ, Сержантомъ Тобольской штатной роты Туркинымъ, и 7 го Іюля того же года въ С. Петербургѣ полученъ. [18]

Николай Абрамовъ.

1 Марта, 1868 года.

Г. Семипалатинскъ.

---

[17] Этотъ домъ оставался въ неустройствѣ нѣсколько лѣтъ, и въ 1831 году, по исправленіи, 6 Декабря, въ него переведены Тобольскія Губернскія Присутственныя Мѣста, съ большаго пожара помѣщавшіяся въ комнатахъ съ окнами Каменнаго Гостиннаго двора.

[18] Въ 1838 году я читалъ въ Старомъ Тобольскомъ Губернскомъ Архивѣ переписку: «Объ отправленіи въ С.-Петербургъ Императорскаго трона, находившагося въ Тобольскѣ.»

Іеромонахъ Константинъ Неаполитанскій (Новогородскій), канцляинъ Русскаго Императорскаго Резидента въ Константинополѣ,

убіенный турками 26 декабря, 1742 года, и причтенный греческою константинопольскою церковію къ лику святыхъ.

Въ «Νέον μαρτυρολόγιον» (Новый мартирологій) между «новыми мучениками», то есть, Христіянами Восточной Православной Церкви, разновременно и разновидно пострадавшими за исповѣданіе Христа отъ Магометанъ, послѣ паденія Восточной Имперіи подъ власть Турокъ, помѣщенъ и одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Іеромонахъ Константинъ, названный тамъ ошибочно (что оказывается по сличенію съ Русскими о немъ источниками) Константіемъ, а въ «Собраніи Синаксарей» (Святогорца Никодима) правильно Константиномъ. Сказаніе о немъ озаглавлено такъ: «Страданіе Священномученика Христова Константія Россіянина.» Память его, какъ въ собранія Синаксарей, такъ и въ новомъ Мартирологіѣ, показана одинаково: 26 Декабря, а время страданія 1743 годъ (Сентябрскій).

Краткое сказаніе это составлено современникомъ О. Константина, Іеромонахомъ Аѳонской Лавры Свят. Аѳанасія, Іоною, который зналъ мученика лично, такъ какъ О. Константинъ прожилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ, а именно въ Лаврѣ Св. Аѳанасія, по выѣздѣ изъ Константиннополя нашего Посольства, по случаю войны съ Турками, бывшей въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, въ 1736—1739 годахъ. Вотъ что сообщаетъ объ О. Константинѣ Іеромонахъ Іона: «Треблаженный Іеро-

монахъ Константій [1] былъ Великороссіяниномъ. [2] Состоя при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ, [3] онъ

[1] Мы уже замѣтили, что, по Русскимъ источникамъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, а равно и по Греческому «Собранію Синаксарей» Святогорца Никодима, имя Священномученика не Константій, а Константинъ, по чему мы и будемъ такъ называть его и въ приводимомъ сказаніи Іоны, гдѣ онъ ошибочно наименованъ Константіемъ, очевидно, по звуковому сходству этѣхъ двухъ именъ.

[2] Изъ Русскихъ источниковъ касательно личности Іеромонаха Константина пока извѣстно лишь письмо современнаго ему Русскаго Резидента въ Константинополѣ, Алексѣя Андреевича Вишнякова, писанное имъ къ нашему извѣстному паломнику-пѣшеходу, монаху Василію Григоровичу Барскому, отъ 17-го Апрѣля, 1743 года, изъ Константинополя въ Патмосъ, гдѣ въ то время находился Барскій (см. его Путешествія т. II, стр. 487). Письмо это Г. Резидентъ начинаетъ такъ: «По письмамъ Вашимъ къ бывшему при мнѣ Іеромонаху Константину Неаполитанскому, отъ нынѣшняго моего Капеллана, Іосифа Красницкаго, я радостно увѣдомленъ» и проч. И такъ, изъ этого письма открывается (для повѣрки Греческаго сказанія Іеромонаха Іоны): а) что до 1743 года точно состоялъ при Русскомъ Резидентѣ въ Константинополѣ въ званіи Капеллана Іеромонахъ Константинъ, по прозванію Неаполитанскій; б) что Василій Барскій былъ знакомъ съ нимъ еще до посѣщенія Константинополя, куда онъ прибылъ впервые лишь въ слѣдствіе выше упомянутаго письма, а именно въ Декабрѣ, того же 1743 года, когда О. Константина уже не было въ живыхъ (такъ какъ онъ пострадалъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, 1742 года Генварскаго, въ сказаніи же Іоны означено 26 Декабря, 1743 года Сентябрскаго). Судя по знакомству Василія Барскаго съ О. Константиномъ до пріѣзда перваго въ Константинополь, можно предполагать, что О. Константинъ былъ сотоварищемъ Барскаго по Кіевскимъ школамъ, а, слѣдовательно, и соотечественникомъ, т. е., Малороссіяниномъ, а не Великороссомъ. Но такъ какъ составитель Греческаго сказанія называетъ его утвердительно Великороссіяниномъ, то слѣдуетъ заключить, что прозваніе его Неаполитанскій, есть не что иное, какъ школьный переводъ прилагательнаго, означающаго его мѣстное происхожденіе—Новгородскій; это замѣчаніе, впрочемъ, ни мало не уничтожаетъ возможности, что О. Константинъ окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской Могилянской Академіи, гдѣ, какъ извѣстно, въ XVIII столѣтіи воспитывались не одни Малороссіяне. *

[3] Сдѣсь умѣстно будетъ сказать о началѣ Константинопольской Посольской церкви. Начало ея должно бы, какъ естественно предполагать, совпадать съ началомъ водворенія въ Константинополѣ Русскаго Посольства. Извѣстно же, что первымъ Русскимъ Посланникомъ въ Константинополѣ былъ Графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Онъ прожилъ сдѣсь съ 1702 по 1714 годъ; при объявленіи Турціею войны, Россіи въ 1710 году былъ заключенъ въ Семибашенный

* Я же думаю, что Неаполитанскій есть просто переводъ Русскаго Новгородскій на Греческій имъ самимъ, или же, что вѣроятнѣе, Греками. О. Б.

тихо и мирно проводилъ жизнь свою. Въ то время, при царствованіи Императрицы Всероссійской, Елисаветы Петровны, возникли

замокъ (Еди-куле), гдѣ неоднократно былъ угрожаемъ смертію. Извѣстно также, что, въ бытность Графа въ Царьградѣ, при немъ находился Грекъ, Іерей Аѳанасій Кондоиди, который уѣхалъ, вмѣстѣ съ Графомъ, въ Россію, въ 1714 году, и при учрежденіи Св. Правительствующаго Синода, въ 1721 году, былъ назначенъ въ ономъ Ассессоромъ, а «за вѣрную Его Императорскому Величеству будущую въ Царьградѣ при Полномочномъ Послѣ, Господинѣ Толстомъ, его службу, Государь указалъ давать ему жалованье наравнѣ съ Синодальными Совѣтниками» (то есть, по 1000 руб. въ годъ). Но была ли при томъ Послѣ собственная походная церковь (какъ въ послѣдствіи), свѣдѣній нѣтъ; изъ современныхъ писемъ Графа П. А. Толстого къ его брату, И. А. Толстому, въ С.-Петербургъ, видно, что въ началѣ при немъ былъ лишь всего одинъ Подьячій, «да и тотъ плохъ, съ чернаго на бѣлое переписать не умѣетъ»; да одинъ переводчикъ. Графъ просилъ брата похлопотать у Канцлера о скорѣйшей высылкѣ другого Подьячаго, при чемъ выражался: «а о переводчикѣ (другомъ) уже и писать не смѣю.» * При такомъ ограниченномъ штатѣ врядъ ли было мѣсто помышлять о своей домовой церкви и клирѣ, содержимомъ па казенный счетъ, чѣмъ всего легче и объясняется приглашеніе для церковныхъ надобностей Священника изъ туземцевъ (Грековъ), которымъ былъ выше упомянутый Іерей, Аѳанасій Кондоиди. ** А что такая церковь уже существовала при Константинопольскомъ Посольствѣ въ 1740 годахъ, это подтверждается повѣствованіемъ О. Василія Барскаго, который, описывая свое пребываніе при Посольствѣ, въ 1743 и 1744 г., говоритъ, что когда Г. Резиденту понадобилось быть на аудіенціи у Великаго Визиря, а случилось это въ Богоявленскій сочельникъ, то его Капелланъ, Іеромонахъ Іосифъ Краспицкій, хотя и имѣлъ обязанность сопровождать, вмѣстѣ съ другими, Г. Резидента, но, готовясь къ служенію Литургіи и великому освященію воды, по сему случаю отъ сопровожденія отказался, по чему Г. Резидентъ и приказалъ, вмѣсто него, итти съ собою монаху Василію Барскому (ч. II, стр. 495). Изъ этого разсказа слѣдуетъ прямое заключеніе, что въ то время при Посольствѣ уже была собственная (какъ увидимъ ниже «походная») церковь, при которой, по свѣдѣтельству того же Барскаго, кромѣ выше упомянутаго Капеллана, Іеромонаха Іосифа Краспицкаго, находились: «другой Іеромонахъ, пѣвецъ церковный, именемъ Захарія, поучаяй опредѣленные отроки Славянскаго чтенія, и третій инокъ, монахъ, служитель церковный» (ч II,

* См. Русскій Архивъ 1864 г., стр. 488.

** Первымъ Резидентомъ нашимъ въ Турціи былъ Неплюевъ (которымъ заключенъ трактатъ съ Турціею въ 1724 году для совмѣстныхъ дѣйствій въ Персіи). При немъ-то, по всей вѣроятности, и устроена первая Русская «походная» церковь, помѣщавшаяся въ домѣ Посольства», и съ Русскимъ при ней клиромъ, во главѣ котораго стоялъ Іеромонахъ, называвшійся, какъ увидимъ ниже, Капелланомъ Г. Резидента.

непріязненныя дѣйствія между Турціею и Россію; Посольство Русское выбыло, по сему случаю, изъ предѣловъ враждебной Порты, [4] но Іеромонахъ Константинъ, какъ чуждый политической

стр. 494). Ближайшею цѣлью обученія упоминаемыхъ Барскимъ отроковъ (конечно, дѣтей туземныхъ Христіянъ-Грековъ) Славянскому чтенію было, вѣроятно, образованіе изъ нихъ церковнаго хора для пѣнія въ Посольской церкви, какъ видимъ это нынѣ въ Русской Посольской церкви въ Аѳинахъ. Существованіе при Константинопольскомъ Посольствѣ своей собственной церкви, и именно «походной», въ послѣдующее время, до самаго пожара 1808 года, истребившаго старый Посольскій домъ (стоявшій на мѣстѣ нынѣшней Консульской Канцеляріи), подтверждается сохранившимся при нынѣшней церкви старымъ антиминсомъ, выданнымъ въ 1773 году для «походной Посольской въ Константинополѣ церкви во имя Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ», изъ Кіевской Митрополіи. Изъ Кіева же, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ присланъ и первый антиминсъ для этой церкви; оттуда же назначались (судя по прозваніямъ) и первые ея предстоятели, каковы были: О. Константинъ Неаполитанскій и, его преемникъ, О. Іосифъ Красницкій. Съ 1808 г. и до 1845 года, т. е., до освященія постоянной домовой церкви въ новопостроенномъ (1838—1845) Посольскомъ каменномъ домѣ, Русское Посольство, помѣщаясь въ наемныхъ домахъ (сперва Фонтона, а потомъ Франкина), въ зимнее время (т. е., когда находилось въ Константинополѣ) посѣщало Греческую церковь въ Галатѣ Божіей Матери Кафійской, названной такъ отъ города Кафы, нынѣшней Ѳеодосіи, по взятіи которой Султанъ Магометъ, завоеватель Царьграда, выселивъ оттуда жителей (Грековъ) въ Константинополь, позволилъ имъ устроить въ Галатѣ свой особый кварталъ и церковь, для помѣщенія, принесенной ими съ собою, чудотворной древней Богородичной иконы (существуетъ и по нынѣ; ей болѣе 600 лѣтъ), по имени которой и города прозвался кварталъ и церковь—Кафійскіе, также какъ переселенцы изъ Бѣлграда, въ 1500 годахъ, построили въ Царьградѣ, у Силиврійскихъ воротъ, церковь, для принесенной ими съ собою древней иконы Богородичной, называемую и по нынѣ церковію Бѣлградской Божіей Матери, въ которой, кромѣ этой иконы, есть еще и другая древняя икона, Св. Николая, старипнаго Сербскаго письма. Первая постоянная Посольская церковь (домовая) устроена при загородномъ Посольскомъ домѣ въ Буюкдерѣ, въ 1818 году, при Посланникѣ Графѣ Строгановѣ, а въ Константинопольскомъ Посольскомъ домѣ въ 1845 году, при Посланникѣ Д. С. С. (нынѣ Д. Т. С.) Титовѣ.

[4] Судя по времени страданія О. Константина, отнесеннаго въ этомъ сказаніи къ 1743 (Сентябрскому) году, сдѣсь очевидно идетъ рѣчь о Турецкой войнѣ 1736—1739 годовъ, бывшей, какъ извѣстно, не въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны. Чужеземцу тѣмъ легче было перемѣшать имена царствующихъ лицъ, что онъ описывалъ событіе, относившееся дѣйствительно къ царствованію Елисаветы Пе

прикосновенности и отношенiй къ разрыву между сильными Державами, не захотѣлъ оставить Востока. А зная, что Святая Гора Аѳонская, какъ и всегда, была отдалена отъ смутъ и военныхъ потрясенiй, онъ отправился туда и поселился въ Лаврѣ Святаго Аѳанасiя. [5] Между тѣмъ, пока продолжались военныя дѣйствiя, [6] онъ посѣтилъ, въ видѣ простаго странника, Iерусалимъ и прочiя Святыя Мѣста, а потомъ опять возвратился на Святую Гору, въ ожиданiи окончанiя войны и вожделѣннаго мира. Былъ же и я знакомъ ему, [7] поелику служивалъ съ нимъ литургiю въ Лаврѣ, въ церкви Неофита, который очень любилъ его. [8] Ибо Константинъ былъ мужъ мудрый и добродѣтельный, съ коимъ, имѣя обращенiе, часто мы разговаривали о Россiи, а наипаче о церковныхъ нашихъ нуждахъ и о прочихъ предметахъ духовныхъ. [9]

тревны; при ней же, какъ извѣстно, миръ съ Турцiею, 1739 г., хотя и невыгодный для Россiи, не былъ нарушенъ ни съ той, ни съ другой, стороны.

[5] Является вопросъ: отъ чего О. Константинъ, какъ Русскiй, не помѣстился въ Русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, а въ одномъ изъ Греческихъ? Отвѣтомъ на это служитъ свѣдѣтельство О. Василiя Барскаго, который, при описанiи Русскаго монастыря, въ 1744 году, говоритъ: «Русскiе иноки владѣли имъ лишь до 1735 года; послѣди же, умалившимся Россiйскимъ монахамъ, егда стало невольно имъ выходить изъ своего Отечества въ чужiя страны, взяша его во владѣнiе свое Греки.» Слѣдовательно, во время прибытiя на Аѳонъ О. Константина, въ 1736 г. Русскiй монастырь уже находился въ Греческихъ рукахъ, называясь Русскимъ лишь по имени, при томъ же былъ въ крайнемъ упадкѣ, изъ котораго возсталъ лишь въ началѣ текущаго столѣтiя, по перенесенiи на новое мѣсто.

[6] Съ 1736—1739 г. окончились Бѣлградскимъ миромъ, выгоднымъ для Турцiя, по его условiямъ.

[7] Говоритъ о себѣ составитель сего сказанiя, Лаврскiй Iеромонахъ Iона.

[8] Вѣроятно, сдѣсь идетъ рѣчь объ одномъ изъ тогдашнихъ старѣйшинъ или старцевъ Лавры, имѣвшемъ, по обычаямъ Аѳонскимъ, свою особую келлiю съ церковiю.

[9] Не чѣмъ было похвалиться О. Константину, разсказывая своимъ собесѣдникамъ о Россiи, гдѣ тогда царила «Бироновщина», со всѣми ея ужасами и, по мѣткому выраженiю церковнаго нашего историка, «Русскiй металлъ плавился въ ужасающемъ огнѣ.»

Когда же, по милости Божіей, кончилась война у Турціи съ Россіею и по прежнему водворился миръ, [10] тогда Іеромонахъ Константинъ отправился со Святой Горы въ Константинополь для занятія, по прежнему, Священнической должности при Посольской церкви. Посланникъ принялъ его съ любовію, [11] и обращался съ нимъ съ чувствомъ уваженія и почтенія. Чрезъ нѣсколько же времени послѣ сего, Богъ вѣсть изъ за чего, возникли неудовольствія между Посланникомъ и Іеромонахомъ Константиномъ. [12] Никто положительно не зналъ о причинахъ непріятныхъ между ними отношеній, и хотя въ свое время говорили о семъ, но догадочно и различно. Можетъ быть, отъ страха и опасенія дурныхъ для себя послѣдствій со стороны высшаго своего Правительства, а можетъ быть и для того, чтобъ Посланника подвергнуть строгой отвѣтственности и гнѣву Царскому, Іеромонахъ Константинъ рѣшился на чрезвычайный поступокъ: тайно скрылся изъ Посольства и, явившись въ Султанскій дворецъ, въ Турецкомъ верховномъ Диванѣ объявилъ, что онъ желаетъ лично представиться Султану, [13] для того, чтобъ предъ нимъ и въ виду всѣхъ Мусульманъ отречься отъ Христа и исповѣдать Магомета истиннымъ Пророкомъ великаго Аллаха. Можно себѣ представить, какъ велико было торжество невѣрныхъ! По желанію несчастнаго Константина, его представили Султану, [14] и увы! въ слухъ всѣхъ онъ отрекся своего

---

[10] Бѣлградскій миръ, окончившій войну Турціи съ Австріею и Россіей въ 1739 г.

[11] Резидентъ А. А. Вишняковъ (отъ 1773 до 1774 года?).

[12] Любопытно было бы навести о семъ справки въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ подъ 1742 годомъ.

[13] Въ то время царствовалъ Султанъ Махмудъ I (1730—1754).

[14] Мы видѣли, что Г. Резидентъ, А. А. Вишняковъ, въ письмѣ своемъ, отъ 17-го Апрѣля, 1743 года, упоминаетъ объ О. Константинѣ, какъ о бывшемъ Капелланѣ; съ другой стороны, сочинитель сказанія говоритъ, что между его отступленіемъ и страданіемъ прошло «немного дней»; слѣдовательно, О. Константинъ пострадалъ не въ 1743, а въ 1742 году. Разность въ показаніяхъ объясняется тѣмъ, что подъ письмомъ Г. Резидента означеніе Генварскаго года, а въ сказаніи

Господа и вѣры въ него, и призналъ Мусульманство спасительнымъ, а Магомета великимъ Пророкомъ. Султанъ осыпалъ его милостями своими, и почести полились на него. Но не много протекло дней, какъ бѣдный отверженецъ пришелъ въ чувство: всеблагій Господь, не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему (Іезек. 18; 32), коснулся Своею благодатію его отступническаго сердца, и мысль Константина вдругъ озарилась Божественнымъ свѣтомъ: онъ глубоко почувствовалъ свое страшное паденіе, во всей силѣ понялъ, съ какой высоты и въ какую бездну погибели онъ палъ бѣдный. Долго, горько, чрезвычайно горько, плакалъ онъ о своемъ несчастіи и, подобно кающемуся Петру, взывалъ о помилованіи. Наконецъ, презирая стыдъ и страхъ, онъ повязалъ ветхимъ платкомъ свою главу и въ раздранной ряскѣ явился во Дворецъ Султана. Тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ и при тѣхъ самыхъ царедворцахъ Султана, онъ бросилъ на полъ Турецкое платье, которымъ одѣли его въ минуты его отступленія, попиралъ, топталъ, оное и, громогласно проклиная Магомета и его ученіе, проклиналъ и всѣхъ его послѣдователей. Такой поступокъ кающагося Константина привелъ всѣхъ Турокъ въ бѣшенство и гнѣвъ: безъ всякаго суда и допросовъ, они схватили его, и на дворцовой площади отсѣкли ему голову, въ то самое время, когда онъ, проклиная Магомета, исповѣдалъ Христа единымъ истиннымъ Богомъ. Такимъ образомъ онъ пріялъ, радуяся, мученическій вѣнецъ. Молитвами его и насъ да спасетъ Господь Богъ. Аминь. Священномученикъ Константинъ пострадалъ въ 1743 году, 26 Декабря.» Подобно Св. Апостолу Петру (съ которымъ сравнилъ О. Константина и сочинитель сказанія о немъ), отрекшись отъ Христа, страха ради человѣческаго (не забудемъ, что это было въ періодъ Бироновщины), О. Константинъ уподобился ему и горячностію Вѣры, когда вскорѣ («спустя немного дней»), сознавъ свое глубокое паденіе, не только оплакалъ оное горькими слезами раскаянія, но и запечатлѣлъ гласнымъ исповѣданіемъ истинной Вѣры, среди почитателей лжепророка, радостно принявъ отъ руки ихъ вожделѣнную смерть, въ надеждѣ вос-

---

Іеромонаха Іоны означенъ Сентябрскій годъ, начавшійся съ 1-го Сентября, 1742 Генварскаго года.

креснуть для вѣчной жизни о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Спрашиваемъ: если Греческая Константинопольская Церковь не усомнилась причесть О. Константина къ лику Святыхъ, по чему бы Русской Константинопольской церкви не праздновать мѣстно день памяти одного изъ своихъ предстоятелей (26 Декабря), призывая молитвы его, яко Священномученика, въ помощь и огражденіе себѣ и своему любезному Отечеству?

Д. Ч. Архимандритъ Леонидъ.

Константинополь.
Ноябрь 1868 года.

О

ТАТІАНИНСКОЙ ЦЕРКВИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

Въ 1755 г., въ день, когда Православная Церковь празднуетъ память Святой Мученицы Татіаны, 12 Генваря, Государыня Елисавета Петровна утвердила докладъ Графа И. И. Шувалова объ основаніи въ Москвѣ Университета. [1]

Хотя въ проектѣ, на какихъ основаніяхъ имѣетъ быть учрежденъ Университетъ съ 2 Гимназіями, и какія будутъ въ немъ преподаваемы науки, Богословскихъ наукъ въ Университетѣ не было положено, и церкви при немъ не назначено, но Начальство Московскаго Университета, на первыхъ же порахъ его существованія, заботилось уже о томъ, чтобы обучающіеся въ Университетѣ слушали Катихизическое ученіе и имѣли для себя особою церковь. Изъ дѣлъ Архива Московской Консисторіи извѣстно, что, въ 1757 г., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, Директоръ Московскаго Университета, И. И. Мелисино, представилъ Московской Святѣйшаго Синода Конторѣ, управлявшей Московскою Епархіею въ междуархіерейство послѣ Преосвященнаго Платона I до Митрополита Ти-

---

[1] Полн. Собр. Зак. Россійской Имперіи, 1755 г., Генваря 24, № 10.346. Въ проектѣ, между прочимъ, говорится: «П. 4. Хотя во всякомъ Университетѣ, кромѣ философскихъ наукъ и юриспруденціи, должны такожде предлагаемы быть Богословскія знанія, однако попеченіе о Богословіи справедливо оставляется Св. Синоду.»

моѳея (1754 — 1757), что «Московскій Университетъ у себя собственной церкви, какъ для слушанія всѣмъ ученикамъ, такъ и для истолкованія Катихизиса, не имѣетъ, а есть по близости домовъ Университетскихъ, почти у самаго двора, Грузинской Княгини Бакаровой, каменная большая церковь во имя Живоноснаго Воскресенія, и другая внизу во имя Преподобныя Параскевы, и обѣ почти пусты и церковнымъ украшеніемъ весьма небогаты,» и просилъ «оныя церкви отдать Университету на время, снабдивъ ихъ нужнѣйшими вещами.» Какія вещи нужны для церкви, Директоръ приложилъ реестръ, за подписью Іеромонаха Ефрема, обучавшаго учениковъ Катихизису.

Контора Святѣйшаго Синода 4 Іюля, того 1757 г., объявила Директору, что на исправленіе церковныхъ утварей суммы при Конторѣ не имѣется. Директоръ объявлялъ при семъ, что «въ оныхъ церквахъ Университету крайняя настоитъ надобность, и на первой случай церковною утварью, впредь до изысканія на пріуготовленіе оной вновь суммы, можно исправляться старою, только бы при оныхъ церквахъ особливо для Университета были опредѣлены Священникъ одинъ, также Дьяконъ ученый, хотя и мірской, для обученія Катихизиса въ нижней Гимназіи и прочаго служенія, да при нихъ Дьячекъ, Пономарь и два сторожа, которые содержаны будутъ на опредѣленномъ жалованьѣ и прочемъ неоскудномъ довольствіи отъ онаго Университета.» Контора потребовала отъ Московской Консисторіи свѣдѣній: 1) вышеозначенныя каменныя, большая Воскресенская и другая внизу Преподобной Параскевы, церкви, приходскія, или ружныя, и въ какомъ состояніи оныя находятся? 2) сколько при тѣхъ церквахъ церковнаго по именамъ клира, обучены ли они въ школахъ? 3) сколько какой церковной, къ употребленію въ отправленіи Божественнаго служенія годной, утвари имѣется, и въ каждой церкви разная ль, или общая, утварь? и 4) въ отдачѣ оныхъ церквей Университету на время не касается ли по Консисторіи какого препятствія? На требованіе Консисторіи Священники означенныхъ церквей показали: 1) Параскевіевской Тимоѳей Никитинъ: что оная церковь издревле имѣется приходскою; изъ клира при ней Дьячекъ; какъ онъ, Священникъ, такъ и Дьячекъ, въ школахъ не обучались. При семъ объявилъ, какая имѣется въ церкви утварь, и что не-

достатка въ потребномъ къ Священнослуженію въ той церкви не имѣется; и 2) Воскресенской, надъ показанной Параскевіевскою, Левъ Аѳанасьевъ: что церковь построена въ верхнемъ апартаментѣ, надъ приходскою Преподобной Параскевы, коштомъ Боярина Князя Василья, Княжь Васильева сына, Голицына, и всею церковною утварью имъ была снабдѣна, а при Петрѣ Великомъ церковь со всею утварью отдана въ содержаніе покойному Царю Арчилу Вахтанеевичу Меретинскому и по немъ будущимъ его фамиліи. Послѣ покойнаго Царя Арчила оную церковь и Священниковъ содержала дочь его, Дарья Арчиловна, и по прошенію ея онъ, Священникъ, къ той церкви Преосвященнымъ Христофоромъ, Митрополитомъ Грузинскимъ, изъ Дьяконовъ въ Попа произведенъ; при немъ одинъ церковникъ, который, какъ и онъ, въ школахъ не обучались. Въ бытность его, Попа, при церкви, во всемъ довольствѣ оную содержали: покойный Генералъ Царевичъ Князь Бакаръ Вахтанеевичъ Грузинскій, а послѣ него супруга его, вдова Анна Георгіевна. При чемъ подробно показалъ, какая имѣется въ Воскресенской церкви утварь.

Въ то же время управитель Княгини Анны Егоровны Грузинской, Дворянинъ Егоръ Васильевъ Зимбулидзевъ, подалъ прошеніе въ Консисторію съ объясненіемъ, что: 1) имѣющійся въ Москвѣ, въ самомъ Бѣломъ городѣ, описной бывшаго Боярина Князя Василья Васильевича Голицына домъ, съ каменнымъ строеніемъ и съ ружною церковію во имя Христова Воскресенія вверху надъ церковію Параскевы, построенія онаго жь Князя Голицына, пожалованъ Петромъ Великимъ дѣду Грузинскаго Царевича, Бакара Вахтанеевича Меретинскаго, Царю Арчилу Вахтанеевичу, а по смерти Царя дочери его, Дарьѣ Арчиловнѣ, и послѣ нея, по Указу Государыни Елисаветы Петровны, Княгинѣ Аннѣ Егоровнѣ съ дѣтьми; что 2) обѣ церкви, Воскресенская и Параскевіевская, стоятъ не впустѣ, а утварью довольно снабжены и служба Божія въ нихъ совершается повсядневно; «къ тому же и Университетскіе домы состоятъ отъ тѣхъ церквей не въ близости, но въ дальнемъ разстояніи, чрезъ разныя приходскія церкви,» и просилъ не отдавать церкви Университету. [2]

---

[2] Дѣло въ Архивѣ Консисторіи по описи Пятницкой въ Охотномъ ряду церкви, № 6; дѣло безъ конца.

Не извѣстно, чѣмъ въ Синодальной Конторѣ кончилось дѣло по ходатайству Директора Университета о назначеніи особой церкви для обучающихся въ Университетѣ. Изъ дѣлъ Архива Консисторіи видно, что Іероманахъ Ефремъ продолжалъ объяснять Катихизисъ обучавшимся въ Университетѣ. Онъ того 1759 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ, по ходатайсту Куратора Университета, И. И. Шувалова, Указомъ Святѣйшаго Синода, произведенъ во Игумена. [3] Въ томъ же 1759 г., Іюля 3, Святѣйшій Синодъ объявилъ Московскому Митрополиту Тимоѳею Указомъ, что «Московскимъ Университетомъ усмотрѣнъ быть способнымъ къ истолкованію Катихизиса обучающимся въ Университетѣ ученикамъ Священникъ при Архангельскомъ Соборѣ, Петръ Алексѣевъ, и по тому Университетъ проситъ предписать Священнику Алексѣеву читать Катихизисъ въ назначенное отъ Университета время, не лишая, впрочемъ, принадлежащихъ ему отъ Собора доходовъ, а отъ чередной проповѣди его освободить и касающіяся до него по Собору требы уменьшить;» и по тому Синодъ опредѣлилъ Священника Алексѣева въ Университетъ для преподаванія Катихизиса. Священникъ Петръ Алексѣевъ, по вступленіи на должность Катихизатора, гогорилъ рѣчь о пользѣ и достоинствѣ Катихизиса. Онъ въ послѣдствіи былъ Протоіереемъ Архангельскаго Собора и долгое время, какъ увидимъ, былъ Катихизаторомъ или Законоучителемъ въ Университетѣ.

Ближайшія церкви къ зданіямъ Университетскимъ на Моховой были: 1) съ южной стороны Святаго Великомученика Георгія на Красной Горкѣ, до нынѣ стоящая рядомъ съ лѣвымъ флигелемъ главнаго Университетскаго зданія. Въ ней верхняя церковь, во имя Архангела Михаила, принадлежала фамиліи Князей Борятинскихъ. Большой каменный домъ Борятинскихъ, какъ ниже увидимъ, находился съ сѣверной стороны Георгіевской церкви;

---

[3] См. протоколы Консисторіи за 1759 г. Февраля 9 по Указу Св. Синода «о бытіи находящемуся въ Московскомъ Университетѣ Іеромонаху Ефрему, по требованію Генералъ-Поручика, Кавалера и онаго Университета Куратора, Ивана Ивановича Шувалова, въ томъ Университетѣ по прежнему, и о произведеніи его, Ефрема, во Игумена.»

2) съ восточной стороны, къ Тверской улицѣ, церковь Святаго Пророка Иліи; 3) съ сѣверной стороны церковь Святаго Леонтія Ростовскаго, и 4) съ западной стороны, къ Никитскому монастырю, церковь Святаго Діонисія Ареопагита. При неимѣніи церкви въ Университетскихъ зданіяхъ, казеннокоштные ученики Университета, въ воскресные и праздничные дни, могли выслушивать службу Божію и Катихизическія поученія въ показанныхъ церквахъ. Изъ дѣлъ Архива Консисторіи видно, что въ Діонисіевской церкви находились два придѣла, издавна принадлежавшіе фамиліи Князей Репниныхъ. Князь Петръ Ивановичъ Репнинъ духовнымъ завѣщаніемъ отдалъ показанные придѣлы со всею церковною утварью Московскому Университету. Въ 1780 г., по осмотру Архитектора, назначеннаго отъ Университета, придѣлы въ Діонисіевской церкви оказались весьма ветхи, такъ что угрожали паденіемъ; по тому Университетъ просилъ Московскаго Архіепископа, Платона II, въ послѣдствіи Митрополита, дозволить разобрать придѣлы и матеріялъ оставить Университету, «впредь на содержаніе назначенной въ штатѣ при Университетѣ церкви, а церковную утварь съ образами хранить до времени въ церкви.» Съ разрѣшенія Преосвященнаго Платона, указомъ Консисторіи мѣстному Благочинному, 27 Марта, того 1780 г., дозволено Университету разобрать придѣлы, съ тѣмъ, чтобы утварь цековная хранилась въ Діонисіевской церкви, а ризница помѣщена была въ Чудовомъ монастырѣ. [4]

Въ 1784 г. Директоръ Московскаго Университета, П. И. Фонъ Визинъ, отношеніемъ, отъ 3 Октября, объяснялъ Преосвященному Платону, что, «для исполненія Христіянской должности учащимся, нужно Университету имѣть свою приходскую церковь съ учрежденіемъ, чтобъ Настоятель оной имѣлъ всѣ нужныя знанія и способности къ наставленію въ законѣ обучающагося юношества, бралъ къ себѣ на духъ Студентовъ и учениковъ, находящихся на казенномъ содержаніе, былъ бы всегда въ готовности къ исправленію могущихъ случиться требъ у всѣхъ, принадлежа-

[4] См. Указъ Благочинному Никитскаго сорока того 27 Марта.

щихъ къ Университету, людей,» и для сего просилъ отдать въ полное распоряженіи Университета церковь Діонисія Ареопагита, по близости ея къ Университету и по малости ея прихода, со всею церковною землею, чтобъ Университетъ могъ употребить землю подъ построеніе нужныхъ для него покоевъ, число коихъ, по многолюдству въ Университетѣ, недостаточно. На предписаніе Преосвященнаго мѣстный Благочинный донесъ, что: 1) земли церковной при Діонисіевской церкви: а) подъ церковью и кладбищемъ длиннику 24 саж., поперечнику 17 саж.; б) подъ Священническимъ дворомъ длиннику 15, поперешнику 4 саж.; 2) Дьячекъ и Пономарь домовъ не имѣли, такъ какъ способная къ построенію церковная земля большею частію состоитъ подъ строеніемъ Университета; 3) приходскихъ дворовъ 8. Преосвященный Платонъ предписалъ Консисторіи: требовать отъ Г. Директора, Фонъ Визина, объясненія въ томъ: 1) какъ церковь Діонисіевская крайне скудна и тѣсна, то обязуется ли Университетъ, оную разобравъ, устроить лучшую и пространнѣйшую, соотвѣтственно чести Университета и числу въ оном обучающихся? 2) обязуется ли Священнику, который имѣетъ отправлять должность Катихизатора и всякія требы въ Университетѣ, назначить въ годъ жалованья не меньше 300 р., да двумъ церковникамъ 120 р.; сверхъ того имъ же пристойныя квартиры? 3) нынѣшнему Діонисіевскому Священнику согласится ли за домъ заплатить, по добровольной съ нимъ сдѣлкѣ? Г. Директоръ, отношеніемъ отъ 24 Мая, 1785 г., отвѣчалъ, что «ежели Университету прикосновенная къ дому его, на Моховой улицѣ состоящему, приходская церковь Діонисія Ареопагита отдана будетъ съ предоставленіемъ навсегда полной власти на владѣніе всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, мѣстомъ, въ пользу и надобность Университета, то онъ обѣщаетъ, коль скоро главному его строенію планъ Высочайшей конфирмаціи и сумма на то потребная ассигнуется, что уповательно воспослѣдуетъ безъ отлагательства времени, вмѣсто отданной церкви, по разобраніи ея нынѣ за ветхостію, соорудитъ своимъ капиталомъ, на старомъ ли, или внутри самаго главнаго корпуса, или на иномъ по способности, мѣстѣ, сообразуясь въ томъ съ планомъ, вновь другую церковь, гораздо великолѣпнѣе прежней, такъ, чтобы оная, яко первый предметъ, при огромномъ зданіи служила лучшимъ украшеніемъ.» По резолюціи Преосвященнаго

Платона, 20 Іюня, того 1785 г., дальнѣйшее дѣйствованіе по сему дѣлу оставлено до Высочайшаго утвержденія штата Московскаго Университета. [5]

Въ 1790 г., Іюня 1, Директоръ Университета, П. И. Фонъ Визинъ, сообщилъ Митрополиту Платону, что «на конфирмованномъ планѣ строенія Университетскаго дома назначено быть во флигелѣ къ Тверской улицѣ церкви, на основаніе которой Университетъ испрашиваетъ Архипастырскаго благословенія, и, «предоставляя Митрополиту опредѣлить въ Университетъ Священника, Дьякона и Дьячка», съ тѣмъ, чтобы первые двое, сверхъ обыкновенной своей должности, могли преподавать обучающемуся сдѣсь юношеству и въ Законѣ наставленіе, увѣдомлялъ, что, «кромѣ казенной квартиры и дровъ, жалованья назначено Священнику 200 р., Дьякону 150 р., и Дьячку 50 р. въ годъ;» при семъ просилъ «прикосновенную къ Университету церковь Діонисія Ареопагита сломать, съ предоставленіемъ Университету навсегда полной власти на владѣніе всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, мѣстомъ въ пользу и надобность его,» а Священнику Діонисіевской церкви, за дворовое его на церковной землѣ строеніе, по добровольному съ нимъ соглашенію, въ уплату назначено 1000 р. О томъ же сообщалъ Митрополиту и Кураторъ Университета, И. И. Мелисино, объясняя, между прочимъ, что на отстройку дома для Университета, по Высочайшему повелѣнію, выдано 125 тысячъ рублей, и рекомендовалъ при семъ опредѣлить въ Университетъ для церкви и Катихизиса, находящагося въ Москвѣ Кіевопечерской Лавры Іеромонаха Виктора.

---

[5] Дѣло въ Архивѣ Консисторіи по Діонисіевской церкви 1784 года, Ноября 23, № 16. Приходскіе дворы при Діонисіевской церкви были: 1, Старосты церковнаго, Словеснаго Суда Канцеляриста Петра Макарова Украинцева; 2, Генералъ-Аншефа, Михайла Михайловича Измайлова; 3, Директора Генералъ-Маіора Михайла Васильевича Приклонскаго; 4, вдовы Бригадирши Софьи Ѳедоровны Воейковой; 5, Генералъ-Поручика, Графа Владиміра Григорьевича Орлова; 6, главной антики живописнаго мастера, Семена Ѳедорова Фуфаева; 7, Канцелярской жены, вдовы Екатерины Яковлевой, и 8, цирульнаго мастера, Ивана Матвѣева Кадовина.

Митрополитъ потребовалъ мнѣнія Консисторіи. Консисторія опредѣлила: 1) Дать знать Университету, что въ устроеніи церкви въ Университетѣ въ пристойномъ мѣстѣ, по обыкновенію прочихъ Православныхъ церквей, препятствія нѣтъ; 2) какъ опредѣляемый изъ ученыхъ Іеромонаховъ, или бѣлый Священникъ, имѣетъ быть Университетской церкви Настоятелемъ и главнымъ Катихизаторомъ, а Дьяконъ также изъ ученыхъ, и, кромѣ служенія, долженъ быть помощникомъ главному Катихизитору, подобно какъ при Кадетскомъ Корпусѣ и при Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Іеромонахи и Іеродіяконы таковыя должности отправляютъ, то назначаемое Университетомъ жалованье Консисторія признаетъ недостаточнымъ, а полагаетъ Іеромонаху, или Священнику, яко главному Катихизатору и Настоятелю Университетской церкви, производить жалованья въ годъ по 300 р., Дьякону, яко помощнику Катихизатора, 200 р., сверхъ покоевъ и дровъ имъ; 3) Діонисіевскую церковь дозволить разобрать, утварь и матеріялъ употребить на устроеніе новой церкви, и находящуюся подъ тою церковью, погостомъ и священно-церковно-служительскими домами землю отдать подъ строеніе Университета. Митрополитъ Платонъ утвердилъ опредѣленіе Консисторіи.

Въ томъ же 1790 г. Директоръ Университета, Фонъ Визинъ, отношеніемъ, отъ 26 Октября, увѣдомилъ Консисторію, что Университетъ согласенъ на полагаемое жалованье Настоятелю, Дьякону и церковнику Университетской церкви; при чемъ объяснилъ, что Университетъ, для обученія въ классахъ Закону Божію, имѣетъ уже прежде опредѣленнаго Святѣйшимъ Синодомъ Катихизатора, Протоіерея Алексѣева, а по тому просилъ, чтобы Священнодѣйствующій, который назначенъ будетъ къ церкви, токмо отправлялъ всѣ нужныя требы при оной, Дьякону же быть вмѣстѣ помощникомъ упомянутому Протоіерею Алексѣеву въ классическомъ ученіи Закону, безъ котораго, по многому числу учащихся, особливо своекоштныхъ, Университету ни какъ обойтись не льзя, и предлагалъ, «во уваженіе недоконченнаго главнаго строенія, для лучшей способности въ житьѣ, опредѣлить къ церкви Университетской Іеромонаха и Іеродьякона, по примѣру Кадетскаго Корпуса и Академіи Наукъ.»

Митрополитъ Платонъ къ Университетской церкви, 23 Декабря, того 1790 г., опредѣлилъ Іеромонаха Виктора, о которомъ просилъ Кураторъ, а Іеродіякономъ, обучавшагося въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, Софронія, съ тѣмъ, чтобы: 1) они, сверхъ Священнослуженія, толковали Катихизисъ въ Университетской церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ предъ Литургіею, а при томъ говорили проповѣди въ великіе праздники и высокоторжественные дни; 2) распоряженіе, когда изъ нихъ кому толковать Катихизисъ и говорить проповѣди, поручено Іеромонаху Виктору, а Іеродіякону Софронію велѣно состоять подъ руководствомъ и надзираніемъ Іеромонаха Виктора, какъ главнаго Настоятеля; 3) въ чемъ какое либо встрѣтится затрудненіе, о томъ Настоятель обязанъ докладывать Митрополиту, такъ какъ и о томъ, что все по ихъ званію происходитъ порядочно и благоуспѣшно, репортовать Митрополиту по третямъ года. [6]

Въ 1791 г., Февраля 1, Канцелярія Университета увѣдомила Консисторію, что «отданная Университету церковь Діонисія Ареопагита, что на Никитской улицѣ, съ ризницею и со всею церковною утварью, также и съ принадлежащимъ къ ней мѣстомъ, отъ бывшаго при оной церкви Священника, Родіона Никитина,

---

[6] См. то же дѣло. Объ Іеромонахѣ Викторѣ Кіевская Дикастерія увѣдомила, что онъ родомъ Кіевской Епархіи, села Погребовъ Богородице-рождественской церкви Священника Антонія сынъ, обучался въ Кіевской Академіи, опредѣленъ учителемъ 1777 г. и въ монашество постриженъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ; въ 1789 г. уволенъ отъ учительской должности и опредѣленъ соборнымъ Іеромонахомъ въ Кіевопечерскую Лавру. Въ Москву уволенъ, для излѣченія болѣзни его глазъ. Іеродіяконъ Софроній родомъ Кіевской Епархіи, города Лубенъ, Шляхты Григорія Грибовскаго сынъ, обучался въ Кіевской Академіи до Философіи, изъ коей уволенъ въ Главный Московскій Гошпиталь, для Медицинской науки; оттуда, въ 1782 г., за неспособностію къ той наукѣ, уволенъ, и опредѣленъ въ Путивльскую Молчанскую Софроніеву пустынь, гдѣ постриженъ въ монашество въ 1787 г.; оттуда переведенъ Сѣвской Епархіи въ Трубчевскій Спаскій Челнскій монастырь; а по резолюціи Митрополита Платона, въ 1787 г., дозволено ему обучаться въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, и произведенъ въ Іеродіякона къ Университетской церкви.

въ вѣдомство Университета навсегда принята по описи.» Причемъ прислана и опись. [7]

Въ томъ же 1791 г., Марта 26, Директоръ, Фонъ Визинъ, сообщилъ Митрополиту, что «Императорскій Московскій Университетъ соорудилъ въ домѣ своемъ церковь во имя Мученицы Татіаны, въ незабвенную память своего заведенія, въ которой все, принадлежащее къ священнодѣйствію, устроено, и какъ иконостасъ съ св. образами, такъ и вся прочая церковная утварь изготовлены», и просилъ «приказать, чрезъ кого угодно будетъ, все оное освѣдѣтельствовать и выдать для церкви св. антиминсъ.» Къ сему Директоръ присовокупилъ, «что Университетъ почтетъ себя счастливымъ, ежели Ваше Высокопреосвященство удостоите собственною своею особою совершить освященіе сего храма, для котораго назначено 5-е число будущаго Апрѣля мѣсяца.»

На отношеніи Директора доселѣ остается, отъ 3 Апрѣля, 1791 г., надпись Митрополита Платона: «Поминаемый храмъ нами освященъ сего году Апрѣля 5 числа. Изготовить въ Синодъ репортъ.» [8] Въ печатныхъ проповѣдяхъ Митрополита Платона находится слово его, говоренное 5 числа, при освященіи церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, на текстъ: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь.» (Притч. IX, ст. 1). [9]

---

[7] Въ томъ же дѣлѣ. По описи Діонисіевская церковь показана: каменная, ветхая, покрыта деревомъ. Колокольня каменная, на ней колоколовъ пять: 1 въ 24 п., 2 10 п., 3 7 п., 4 3 п., 5 2 п. Изъ утвари: кресты 1, серебряный, вызолоченъ, вѣсомъ 100 зол., вокругъ распятія и надписи обнизано среднимъ жемчугомъ; къ нему ковчежецъ деревянный, и 2, серебряный малый; сосуды: 1, серебряный прорѣзной вызолоченъ, потиръ, дискосъ, два блюдечка, звѣзда и лжица; 2, серебряный вызолоченъ съ финифтью, потиръ, дискосъ и звѣздица; 3, сосудъ малый серебряный съ приборомъ; 4, дароносица, въ ней ковчежецъ для Св. Таинъ, потиръ, лжица серебряные. Кадило серебряное. Означенные предметы перешли въ Университетскую церковь, а въ 1812 г. утварь ея спасена. Можетъ быть они и донынѣ въ Университетской церкви.

[8] См. то же дѣло.

[9] Поучительныя слова Митрополита Платона т. XV, 1791 г., Апрѣля 5.

Московскій Университетъ, пріобрѣтши въ пользу свою Діонисіевскую церковь, съ принадлежащею къ ней землею, пріобрѣталъ для себя земли и другихъ ближайшихъ церквей. Въ 1791 г., Мая 23, Благочинный донесъ Митрополиту Платону, что «церковь Леонтія Ростовскаго, состоящая на Вражкѣ, близъ Университета, дошла до крайняго обветшанія, такъ что въ придѣлѣ Чудотворца Николая и службу отправлять нѣтъ уже возможности, поколику кровля обвалилась и сквозь своды проходитъ течь, печь упала, надъ дверью разсѣлина, и входить въ нее не безопасно, а западная стѣна разсѣлась; въ настоящей церкви подобнымъ образомъ крышка совершенно сгнила, и какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви бываетъ течь; иконостасъ облинялъ, церковное мѣстоположеніе столь низко, что во время весеннее и дождливое церковь съ улицъ наполняется водою не менѣе аршина глубины; Священникъ служитъ рѣдко, прихода одинъ только дворъ, а вкладчиковъ ни какихъ нѣтъ» и пр. Митрополитъ самъ осмотрѣлъ церковь, и, нашедши ее въ крайнемъ обветшаніи, велѣлъ церковь приписать къ ближней церкви, куда способнѣе. Она приписана къ Ильинской церкви на Тверской. Многіе изъ Настоятелей монастырей и церквей обратились къ Митрополиту, прося себѣ изъ сей церкви, кто утвари, кто церковныхъ облаченій и пр. Въ 1792 Леонтьевская церковь, по опредѣленію Консисторіи, съ утвержденія Митрополита, совсѣмъ упразднена.

Въ 1793 г. Директоръ Университета, Фонъ Визинъ, въ отношеніи къ Митрополиту, отъ 3 Февраля, писалъ, что «церковная земля Леонтія Ростовскаго вошла во внутренность самаго Университетскаго дома и застроена съ великимъ утѣсненіемъ, деревяннымъ, въ совершенную уже ветхость дошедшимъ, строеніемъ церковниковъ, такъ что угрожаетъ публичному мѣсту, великимъ иждивеніемъ сооруженному, всегдашнею опасностію, и, сверхъ того дѣлаетъ ему безобразіе», и просилъ «позволить ветхую упраздненную Леонтьевскую церковь сломать, а матеріалъ употребить на нужное Университета, по плану Высочайше апробованному, строеніе, по недостатку отпущенной на то суммы. Мѣсто же ея, яко необходимо нужное, присоединить къ дому Университетскому съ полнымъ навсегда правомъ его владѣнія, предоставивъ церковникамъ ветхое свое деревянное строеніе употребить въ свою пользу

по ихъ изобрѣтенію.» По измѣренію Благочиннаго, церковной Леонтіевской земли оказалось, по переулку, въ длину 34 саж. 2 арш.; въ длину же въ заднемъ концѣ 26 саж.; поперекъ позади алтарей 28 саж., въ другомъ концѣ 42 саж. 2 арш. Митрополитъ, 14 Марта, того 1793 г., велѣлъ оставшуюся утварь Леонтьевской церкви и матеріялъ отдать въ другія церкви, въ коихъ нужда окажется, для строенія церковнаго, а землю церковную предоставилъ въ пользу Университета, съ тѣмъ, чтобы живущіе на оной землѣ за свое строеніе напередъ были по надлежащему удовольствованы. При семъ Митрополитъ объяснялъ, что «матеріяла въ Университетъ отдать не можно; ибо, по обыкновенію церковному, оный не можетъ употребленъ быть, развѣ на церковное же строеніе.» [10] Въ томъ же 1793 г., 26 Февраля, Священникъ Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви, Захарій Яковлевъ (Виноградовъ), съ причтомъ, въ прошеніи Митрополиту прописали, что «Московской Университетъ, распространяя строеніе своего дома, равностно печется о пріобрѣтеніи земли смежной подъ свое владѣніе. По скупленіи онымъ разныхъ обывателей домовъ, большая часть церковной ихъ Георгіевской земли вошла во внутренность Университетскаго двора, и домы ихъ близъ лежащіе стали подъ самыми стѣнами генеральнаго Университетскаго строенія. Университетъ, избѣгая опасностей, могущихъ случиться отъ пожарнаго случая, предлагаетъ имъ сломать свои домы, и за то

---

[10] Дѣло по Леонтьевской церкви началось 1791 г., Мая 23, № 31. Изъ утвари отданы, кресты: 1, серебряный съ мощами, вызолоченый, и 2, серебряный съ мощами же, и сосуды серебряные, 1, большіе, и 2, поменьше въ Заиконоспаскій монастырь; кадило серебряное въ Георгіевскую на Всполье церковь; Евангеліе, ковчегъ серебряный, образа Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ, два образа Леонтія Ростовскаго, 1, съ чудесами, 2, въ складняхъ, въ Ильеобыденскую церковь; Евангеліе небольшое и нѣсколько утвари въ Уваровскую церковь; облаченія въ разныя церкви; иконостасъ въ Николаевскую села Лямцына Подольскаго Уѣзда церковь; колокода помѣщены въ Чудовомъ монастырѣ; матеріялъ церкви, по прошенію Грузинской Царевны Анны, въ 1793 году, 25 Іюля, отданъ на достройку Георгіевской въ Грузинахъ церкви. Погребенное въ церкви Св. Леонтія тѣло Князя Маіора Абрама Михайловича Волконскаго, въ томъ 1793 г., Августа 18, по случаю разобранія церкви, дозволено дочерямъ его, Княжнамъ Екатеринѣ и Марьѣ Волконскимъ, перенесть, для погребенія, въ Донской монастырь, вмѣстѣ съ предками ихъ.

даетъ имъ 1000 р. Канцелярія Университета по сему, отношеніемъ отъ 18 Апрѣля, увѣдомила Консисторію, что «ежели вошедшая во внутренность дома дворовая земля Священно-церковнослужителей Георгіевской церкви отдана будетъ Университету въ вѣчное его владѣніе, то Университетъ отдастъ: 1) для жительства Дьячку и Пономарю каменное строеніе, которое они сами взять соглашаются, со всею подъ нимъ землею, и, сверхъ того, на поправленіе онаго строенія и на приведеніе въ порядокъ по ихъ расположенію, и 2) съ удовлетвореніемъ за Священническій домъ деньгами 500 р., съ тѣмъ вмѣстѣ 3) уступаетъ въ пользу ихъ все ветхое хоромное ихъ строеніе. Священникъ Георгіевской церкви, Захарій Яковлевъ, и причетники на предложеніе Университета согласились, съ тѣмъ: 1) чтобы Священнику изъ 500 р. получить за свой ветхій домъ 325 р.; 2) Дьячку и Пономарю по 87 р. 50 к., для употребленія оныхъ на починку отводимаго Университетомъ для житья имъ каменнаго дома вообще.

Митрополитъ потребовалъ плановъ какъ на отходящую отъ Георгіевской церкви землю, такъ и даемую отъ Университета. Священникъ представилъ специяльный планъ церковной Георгіевской земли; а изъ Канцеляріи Университетской доставленъ планъ всей мѣстности, занимаемой Университетомъ (Копія съ Университетскаго плана при семъ прилагается, съ нанесеніемъ наономъ и новаго). По представленнымъ планамъ оказалось, что: 1) земля съ ветхимъ строеніемъ Священно-и церковнослужителей, которую принималъ Университетъ, находилась за лѣвымъ флигелемъ Университетскаго зданія; 2) съ сѣверной стороны Георгіевской церкви находился пріобрѣтенныйУниверситетомъ каменный домъ Князя Борятинскаго, который состоялъ изъ трехъ зданій, первое въ 3 этажа, второе въ два этажа, и третье каменная кухня съ двумя покоями. Эту кухню, съ землею около ней, Университетъ отдавалъ причетникамъ. Священникъ Яковлевъ при семъ объяснилъ, что онъ, вмѣсто отдаваемаго Университету своего дома, купилъ себѣ домъ на Георгіевской, церковной землѣ, къ Моховой улицѣ, у Успенскаго собора Пономаря, за 750 р. Обмѣнъ земли, съ утвержденія Митрополита Платона и Куратора М. М. Хераскова, 1794 г., Сентября 16, сдѣланъ. [11]

---

[11] Дѣло по Георгіевской на Красной Горкѣ церкви, 1793 г., Февраля 28, № 19.

Катихизаторомъ или Законоучителемъ въ Московскомъ Университетѣ по прежнему находился Протоіерей Архангельскаго собора, Петръ Алексѣевъ; онъ, въ 1801 году, Іюля 33, скончался. [12] На мѣсто Протоіерея Алексѣева Катихизаторомъ въ Московскій Университетъ Митрополитъ Платонъ, въ томъ же 1801 году, опредѣлилъ выше показаннаго Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви Священника Захарія Яковлева, который преподавалъ Катихизисъ въ Гимназіи. [13]

Настоятелями Татіанинской въ Университетѣ церкви преемственно состояли: 1) Іеромонахъ Викторъ, опредѣленный въ прежнее время; онъ въ Апрѣлѣ, 1794 года, по Указу Св. Синода, произведенъ въ Архимандрита Суздальской Епархіи Константино-Еленинскаго монастыря; 2) Іеромонахъ Евграфъ, опредѣленъ Митрополитомъ Платономъ на мѣсто Іеромонаха Виктора, 4 Декабря, того 1794 г.; онъ въ 1798 г., по Указу Св. Синода, 19 Сентября поступилъ Архимандритомъ Рязанскаго Троицкаго монастыря; [14] 3) Протоіерей Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Алексѣевъ (Малиновскій), который, въ томъ 1798 г., отъ Троицкой въ Троицкой на Самотекѣ церкви переведенъ къ Благовѣщенскому Собору, съ тѣмъ, чтобы ему быть и Настоятелемъ Татіанинской въ Университетѣ церкви; [15] 4) Іеромонахъ Іона, бывшій Економъ Саввин-

---

[12] О Протоіереѣ Архангельскаго Собора Алексѣевѣ см. статью, помѣщеную въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе», 1769 г., Генварь, стр., 11—26.

[13] Захарій Яковлевъ Виноградовъ изъ окончившихъ курсъ въ Лаврской Семинаріи въ 1789 г., былъ въ оной полгода Учителемъ, потомъ произведенъ во Діякона къ Іоанно-Богословской церкви въ Бронной, а въ 1791 г., Апрѣля 21, во Священника къ Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви, съ 1791 по 1807 г. состоялъ Катихизаторомъ въ Губернской Гимназіи.

[14] Значится въ дѣлѣ, о которомъ сказано выше въ прим. 5.

[15] Дѣло по описи о Благовѣщенскомъ соборѣ 1798 г., Сентября 27, № 25. Сперва, по назначенію Митрополита Платона, опредѣленъ Священникъ Николаевской въ Покровскомъ церкви Иванъ Петровъ Полубенскій (бывшій потомъ Протоіереемъ въ Московской Единовѣрческой церкви), но по настоянію Университетскаго Начальства опредѣленъ Протоіерей Ѳеодоръ Алексѣевъ. Есть печатныя и проповѣди съ біографіею его.

скаго въ Москвѣ подворья, опредѣленный къ Татіанинской церкви на мѣсто Протоіерея Алексѣева, 10 Апрѣля, 1812 г. [16]

II.

Въ 1812 г., во время нашествія непріятельскаго, зданія Университетскія на Моховой сгорѣли, а съ тѣмъ вмѣстѣ сгорѣла и Татіанинская церковь. Для помѣщенія Университета нанятъ былъ домъ. [17]

Въ 1817 г., Апрѣля 18, Попечитель Московскаго Университета, Князь А. П. Оболенскій, сообщилъ Преосвященному Августину, управлявшему Московскою Епархіею, что Государю угодно было повелѣть возобновить зданія Императорскаго Московскаго Университета. Почитая первою и священною обязанностію, для внушенія въ сердцахъ юношей Христіянскаго благочестія, имѣть при Университетѣ особую церковь, Императорскій Московскій Университетъ, до нашествія непріятеля, имѣлъ церковь во имя Мученицы Татіаны. Церковь сія со всею ризницею, кромѣ церковной утвари, сгорѣла. Возобновить оную внутри дома Университескаго, по многимъ причинамъ, онъ, Попечитель, признаетъ неудобнымъ. А какъ къ Университетскому дому примыкаютъ двѣ приходскія церкви, одна Пророка Иліи, а другая Великомученика

---

[16] Изъ окончившихъ курсъ въ Переяславской Семинаріи, съ 1785 г., Марта 8, находился Священникомъ при сельской церкви Верейскаго Уѣзда, былъ Благочиннымъ и присутствующимъ Верейскаго Духовнаго Правленія; въ 1808 году по вдовству пострижень въ монашество при домѣ Преосвященнаго Викарія на Саввинскомъ подворьѣ, а въ 1812 году, Апрѣля 10, опредѣленъ въ Настоятеля къ Университетской церкви и награжденъ набедренникомъ. Во время нашествія непріятельскаго въ 1812 году онъ содѣйствовалъ къ сохраненію церковнаго имущества въ домѣ Преосвященнаго Викарія, а по изгнаніи непріятеля изъ Москвы первый совершилъ благодарственное Господу Богу молебствіе въ Страстномъ монастырѣ, въ присутствіи Казацкаго Генерала, Иловайскаго. См. дѣло въ 1817 г. о наградѣ Іеромонаха Іоны, вмѣстѣ съ другими, наперснымъ крестомъ.

[17] См. Полн. Собр. Зак., 1817 года, Генваря 26, № 26,638, гдѣ значится докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія, съ объясненіемъ, что «зданія Московскаго Университета въ 1812 г., во время всеобщаго пожара сгорѣли, по чему донынѣ Университетъ помѣщается въ наемномъ домѣ; осталось послѣ пожара, только два зданія, принадлежащія Университету.» По смѣтамъ 1815 года на возобновленіе Университета ассигновано 468,699 р.

Георгія; первая изъ нихъ совершенно ветха и упразднена, а вторая не токмо примыкаетъ къ Университету, но и вдалась внутрь самаго Университетскаго двора, возобновлена, имѣетъ утварь, церковнослужителей, и собственные ихъ домы на самомъ квадратѣ Университетской земли, то и просилъ Георгіевскую церковь назначить Университетскою, со всею принадлежащею къ ней утварью, ризницею и землею, и поставить въ церкви мѣстный образъ Мученицы Татіаны, для всегдашняго воспоминанія дня, въ который основанъ Императорскій Московскій Университетъ, оставя при оной церкви, до благоусмотрѣнія, и нынѣшняго Священника съ церковнослужителями, въ собственныхъ ихъ домахъ, выстроенныхъ у самаго Университета; жалованья Священнику съ причтомъ Университетъ обязуется производить то же самое, какое получалъ Іеромонахъ Іона съ Дьячкомъ, и содержать церковь на своемъ отчетѣ; прихожанъ размѣстить по другимъ ближнимъ приходамъ, или, по крайней мѣрѣ, немногихъ изъ нихъ до времени оставить при сей церкви.»

Священникъ Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви, Захарій Яковлевъ, который былъ и Катихизаторомъ въ Университетѣ, на предложеніе Университетскаго Начальства изъявилъ, вмѣстѣ съ причтомъ, согласіе; равно прихожане отозвались, что они, хотя бы Правительство и отдало церковь Университету, желаютъ остаться при ней прихожанами, по усердію и по близкому мѣстоположенію своихъ домовъ къ сей церкви. По сему Консисторія опредѣлила, а Преосвященный Августинъ, 18 Сентября, того 1817 г., утвердилъ: 1) показанной Георгіевской церкви быть Университетскою, съ имѣющеюся въ ней церковною утварью; 2) оставшуюся отъ Татіанинской Университетской церкви утварь помѣстить въ оную; 3) Георгіевскую церковную землю, кромѣ находящейся подъ домами священноцерковнослужителей, отдать Университету; 4) Священника Георгіевской церкви, Яковлева, оставить при сей церкви, съ полученіемъ назначеннаго отъ Университета жалованья; 5) Іеромонаху Іонѣ, числящемуся при Университетѣ, предоставить волю избрать какой либо, для опредѣленія себя, монастырь, а Дьячку пріискивать себѣ другое мѣсто; 6) Георгіевскихъ прихожанъ оставить при той же церкви съ правомъ, буде

не пожелаютъ оставаться въ семъ приходѣ, просить о припискѣ въ приходъ къ другимъ церквамъ. [18]

Въ 1819 г. Попечитель Московскаго Университета, Князь Оболенскій, отношеніемъ, отъ 17 Іюня, увѣдомилъ Московскаго Митрополита Серафима, что, «согласно заключенію Главнаго Правленія Училищъ, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учреждается каѳедра Богопознанія и Христіянскаго ученія,» и для занятія сей каѳедры просилъ назначить изъ духовныхъ особъ достойнаго Профессора, коему за сей трудъ опредѣляется жалованья по 1,200 руб. въ годъ. Митрополитъ для сего назначилъ Священника Покровской, въ Левшинѣ, церкви, Г. А. Левицкаго, который былъ Магистръ (въ спискѣ 4-й) С.-Петербургской Духовной Академіи перваго курса, потомъ Баккалавръ въ Московской Духовной Академіи Нравственнаго Богословія, а въ 1818 г. опредѣленъ къ показанной Покровской церкви во Священника. [19] Въ томъ же 1819 г., Августа 5, Князь Оболенскій увѣдомилъ Митрополита, что назначенный къ занятію въ Московскомъ Университетѣ каѳедры Богопознанія и Христіянскаго ученія Священникъ Левицкій Министромъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ званіи Профессора упомянутой каѳедры, съ опредѣленнымъ ему жалованьемъ.

По сему прежній Катихизаторъ или Преподаватель Закона Божія въ Московскомъ Университетѣ, Священникъ Захарій Яковлевъ, остался только Настоятелемъ Георгіевской Университетской

---

[18] Дѣло по Георгіевской, на Красной горкѣ, церкви въ показанномъ году, № 156.

[19] Григорій Александровичъ Левицкій (см. дѣло объ опредѣленіи его къ Покровской въ Левшинѣ церкви 1818 г., Іюля 15, № 173), въ прошеніи Преосвященному Августину писалъ: «Давно уже извѣстное духовному моему начальству рѣшительное мое желаніе служить церкви, нынѣ, по видимому, достигаетъ своего конца,» и просилъ «желаніе его утвердить посвященіемъ во Священника къ Покровской въ Левшинѣ церкви. Изъ формулярнаго его списка видно, что онъ изъ Малороссіянъ: окончивъ курсъ въ Кіевской Академіи, въ 1808 г., поступилъ въ новоучрежденную С.-Петербургскую Духовную Академію; въ 1814 г., Августа 13, возведенъ въ степень Магистра, и поступилъ въ Московскую Духовную Академію Баккалавромъ Богословскихъ наукъ.

церкви. Верхняя въ ней церковь, по резолюціи Митрополита Серафима, 1820, Августа 17, вмѣсто Архангельской, освящена во имя Св. мученицы Татіаны. [20]

Въ 1821 г., въ Февралѣ мѣсяцѣ, Попечитель Московскаго Университета, Князь Оболенскій, представилъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Князю А. Н. Голицыну, что опредѣленный въ Университетъ Профессоръ Богопознанія и Христіянскаго ученія, Покровскій въ Левшинѣ Священникъ Левицкій, объявилъ, что онъ не можетъ въ полной мѣрѣ удовлетворять обязанностямъ приходскаго Священника, имѣющаго обширный приходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Профессора Богословія въ Университетѣ, долженствующаго свои лекціи раздѣлять на разные классы слушателей, число коихъ простирается болѣе 300. По сему Попечитель просилъ: 1) перемѣстить Священника Левицкаго въ Университетскую церковь, Св. Георгія, а Священника Яковлева на его мѣсто, къ Покровской въ Левшинѣ церкви; 2) прихожанъ Георгіевской церкви приписать къ другимъ церквамъ, а Университетскую церковь оставить безъ прихода; 3) домы Священно-церковнослужителей дозволить купить Университету безобидно по оцѣнкѣ Консисторіи; 4) Священнику Левицкому назначить квартиру въ Университетѣ, съ полнымъ жалованьемъ по каѳедрѣ Богопознанія и Христіянскаго ученія, 2,000 руб. и, сверхъ того, 500 р., получаемые Университетскимъ Священникомъ Яковлевымъ; 5) Священнику Левицкому отправлять службу въ праздничные и табельные дни, быть отцемъ духовнымъ Студентовъ и исправлять требы по Университету. Министръ, отношеніемъ 17 Февраля, того 1821 г., просилъ по сему предмету согласія Митрополита Серафима, объясняя, что предположеніе Попечителя онъ признаетъ для Университета весьма полезнымъ и необходимымъ.

Священникъ Георгіевскій, на Красной Горкѣ, Захарій Яковлевъ, на перемѣну мѣста не согласился, объясняя, что: а) онъ служитъ въ семъ проходѣ уже болѣе 30 лѣтъ безпорочно; б)

---

[20] Дѣло по Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви за показанный годъ, № 85.

Георгіевская церковь отдѣлена отъ Университетскихъ корпусовъ особою оградою; по сему Профессорамъ и Студентамъ въ дурную погоду ходить въ церковь неспособно; и онъ, въ теченіи Великаго Поста и другіе праздники, отправлялъ службу въ главномъ корпусѣ Университета; в) Университетскій пансіонъ и другія учебныя заведенія имѣютъ свои церкви, по сему и Университету приличнѣе имѣть, какъ для учащихъ, такъ и учащихся, свою церковь въ корпусѣ, на прежнемъ мѣстѣ; г) показаніе Священника, что онъ, за обширностію своего прихода, не можетъ преподавать лекцій, несправедливо по тому что часы для преподаванія въ Университетѣ назначены три раза въ недѣлю послѣ обѣда, въ которое время, на случай требы, могутъ быть приглашаемы сосѣдніе Священники. Въ то же время и прихожане Георгіевской церкви просили не отлучать ихъ отъ своей церкви, представляя, что: а) Георгіевская ихъ церковь построена предками ихъ въ 1629 г.; б) во время нашествія непріятеля, въ 1812 г., обѣ церкви ихъ, верхняя и нижняя, выгорѣли, но стараніемъ Священника Яковлева, съ помощію ихъ, возобновлены и паче прежняго благолѣпіемъ украшены; утварь же церковная, какъ-то: священные сосуды, оклады, жемчужные убрусы въ великомъ количествѣ Священникомъ всѣ сохранены; в) Университетъ для заведеній своихъ уже двѣ церкви и съ землями ихъ получилъ въ свое владѣніе, какъ-то: Діонисія Ареопагита и Леонтія Ростовскаго, которыя и сломаны; г) Университетъ изъ получаемыхъ отъ своей Типографіи и прочихъ економическихъ доходовъ болѣе ста тысячъ рублей, можетъ, и по справедливости долженъ, въ главномъ корпусѣ устроить свою церковь, какъ и до нашествія непріятельскаго имѣлъ собственную церковь, гдѣ исправляли Богослуженіе Іеромонахи, не занимаясь мірскими требами; и д) Священникъ Яковлевъ, имѣющій собственный каменный домъ при церкви, стоющій многозначущей суммы, безъ всякой вины, въ сущее наказаніе, лишится дома, претерпѣть долженъ крайнее раззореніе, за едину неисправность Священника Левицкаго.

Консисторія по сему дѣлу, въ 1822 г., Марта 10, представила, поступившему на мѣсто Митрополита Серафима, Московскому Архіепископу Филарету слѣдующее опредѣленіе: 1) Верхней Татіанинской при Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви навсегда

быть и именоваться Университетскою, въ которой и всю утварь, сдѣланную отъ Университета, оставить, и къ оной Покровскаго въ Левшинѣ Священника перевесть и находиться ему при сей церкви въ томъ положеніи, какое отъ Университета опредѣлено, и причетниковъ къ нему опредѣлить особыхъ, по избранію Попечителя Университета; 2) нижнюю Георгіевскую церковь именовать приходскою со всею утварью и ризницею, сдѣланною прихожанами, и при ней оставить Священника Яковлева съ причетниками; 3) какая есть при Георгіевской церкви незастроенная церковная земля, быть оной при Георгіевской церкви по прежнимъ письменнымъ документамъ и планамъ. Преосвященный Филаретъ на опредѣленіи Консисторіи написалъ: «Разсматривая опредѣленіе Консисторіи, нахожу я, что оно основано на стеченіи обстоятельствъ, и по тому можетъ быть допущено, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ выбудетъ приходскій Священникъ (который и отъ преимущественно высшаго мѣста, мною ему предложеннаго, также отказался), въ каковомъ случаѣ можетъ открыться удобность къ приведенію сей церкви въ такое положеніе, чтобы она была и Университетскою и вмѣстѣ приходскою съ однимъ причетникомъ.» Но предварительно, 14 того Марта, Преосвященный о семъ сообщилъ на разсмотрѣніе Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Князя Голицына, прося увѣдомленія, будетъ ли предполагаемое Консисторіею распоряженіе удовлетворительно для Университета?

Министръ, при отношеніи, отъ 17-го Октября, того 1822 года, прислалъ Преосвященному Филарету отзывъ Попечителя Московскаго Университета, отъ 25 Мая, что Университетъ предположеніе Консисторіи находитъ неудобоисполнительнымъ, по тому что: а) въ верхней Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви можно только лѣтомъ служить, а для зимы устроить печи совсѣмъ не возможно; б) колокольня одна: между причтомъ отъ того можетъ выйти неустройство и соблазнъ; в) по высокой лѣстницѣ въ церковь, въ непогоду, ходить неудобно, а покойниковъ вносить и отпѣвать ихъ въ ней совсѣмъ не возможно; г) если не купить Университету дома нынѣшняго Священника, то ему и негдѣ у себя помѣстить Профессора Богословія съ причтомъ; и д) когда Духовное Начальство несогласно на перемѣщеніе Свя-

щенника на мѣсто другого, то проситъ, по крайней мѣрѣ, принять мѣры, чтобъ Профессоръ Богословія не отбывалъ отъ классовъ, и чрезъ то не лишалъ учащихся той неоцѣненной пользы, какую надлежитъ ожидать отъ ученья Богословія, или бы опредѣлило другого Профессора, который бы не отвлекался приходскими требами. Министръ просилъ Преосвященнаго войти въ обстоятельство сего дѣла, которое для Университета весьма важно.

Преосвященный Филаретъ, 8 Декабря, того 1822 г., предписалъ по сему: 1) «Поелику взаимнаго перемѣщенія Священниковъ требуетъ нужда службы; поелику Георгіевскому Священнику, яко безсемейному, всего менѣе представляетъ трудности перемѣщеніе; поелику тогда, какъ ему предложено было перемѣщеніе къ выгодному приходу Богоявленской церкви, что въ Елоховѣ, онъ отказался отъ того, но важныхъ сему причинъ не представилъ: то Консисторія, призвавъ его, предложитъ ему убѣжденія, чтобы онъ своимъ хотѣніемъ пожертвовалъ нуждѣ общественной и на перемѣщеніе согласился, не останавливаясь за домомъ, о продажѣ котораго приложено быть имѣетъ стараніе, чтобы она была для него нестѣснительна. 2) Профессору подтвердить, чтобы всемѣрно старался не упускать уроковъ.»

О. Захарій не принялъ убѣжденій Консисторіи, и представилъ обширное объясненіе, по чему онъ не хочетъ оставить своего мѣста. Къ прежде изложеннымъ причинамъ отказа своего онъ присовокупилъ, что: а) онъ къ Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви во Священника произведенъ въ 1791 г., когда устроена была въ Университетѣ церковь по приличію прочихъ Государственныхъ заведеній; и поименовалъ при семъ, кто были Катихизаторы въ Университетѣ и Настоятели при Университетской церкви, объясняя, что изъ Катихизаторовъ первымъ былъ каѳедральнаго Архангельскаго Собора Протоіерей Петръ Алексѣевъ, а по смерти его, въ 1801 г., на сіе мѣсто избранъ онъ, Яковлевъ, и находился до 1818 г.; что б) находясь при Университетѣ, ежедневно почти исправляетъ службу въ церкви, въ Университетскихъ больницахъ, не заимствуясь призываніемъ Священниковъ отъ другихъ приходовъ, а въ Воскресные и праздничные дни и въ торжества Университетскія говорилъ собственнаго своего сочиненія проповѣди

и рѣчи, за что получалъ отъ членовъ Университета лестные отзывы; что в) должность Священника Левицкаго въ Университетѣ состоитъ въ преподаваніи двухъ уроковъ въ недѣлю, по 2 часа послѣ обѣда, а именно: въ 3 и 4 часу, когда отправленія службы въ церкви не бываетъ; по тому нужда четырехчасовой службы его въ недѣлю по Университету не служитъ причиною, чтобъ онъ опускалъ должность свою: что г) дальность жительства его не служитъ ему оправданіемъ къ упущенію уроковъ, по тому что изъ получаемаго жалованья, тысячи рублей, онъ можетъ, истрачивая небольшую сумму, пріѣзжать въ Университетъ, по примѣру Профессоровъ, живущихъ далеко отъ Университета и, сверхъ Профессорской должности, несущихъ службу въ разныхъ казенныхъ мѣстахъ неупустительно; что д) къ желанію Священника Левицкаго поступить на его мѣсто «побуждаютъ выгоды и честолюбіе, прикрытыя подъ видомъ общественной пользы, коей въ трехлѣтнее свое служеніе Университету не оказавши, обѣщаетъ оказать въ будущее время, отъ насъ сокрытое;» что е) долговременная служба его, Яковлева, при Георгіевской церкви и при Университетѣ, сдѣлали въ немъ привычку къ занимаемому мѣсту, тѣмъ болѣе, что онъ почти всего причта и Университета духовный отецъ; что ж) съ лишеніемъ мѣста, занимаемаго болѣе 30 лѣтъ, при преклонности лѣтъ, онъ долженъ терпѣть поношеніе и за неисправность Профессора потрясти свое благосостояніе, пріобрѣтенное трудами и усердіемъ въ службѣ, и что з) исканіе его мѣста Священникомъ Левицкимъ съ духомъ любви Христіянской не сообразно и примѣровъ по Духовенству никогда не имѣло и проч.

Консисторія, отъ которой Преосвященный Филаретъ требовалъ по сему мнѣнія, представила: поелику взаимнаго перемѣщенія Священниковъ требуетъ нужда службы, и поелику каждый гражданинъ, а особливо служитель Церкви, по данной на должность присягѣ, общественную пользу предпочитать долженъ частной своей, то прописанныя причины Священника Яковлева въ его объясненіяхъ, яко не заслуживающія уваженія, оставить безъ вниманія, и обоихъ Священниковъ, Левицкаго и Яковлева, взаимно перемѣстить. Преосвященный Филаретъ съ мнѣніемъ Консисторіи согласился, присовокупивъ: 1) чтобъ приходъ, на

что и Университетъ согласенъ, оставался при Георгіевской церкви; 2) чтобы по сему обстоятельству, для безпрепятственнаго сообщенія съ приходомъ, церковь ни чѣмъ не была застраиваема и оставалась открытою; 3) чтобы домы причта проданы были Университету, согласно съ его предположеніемъ, и за симъ причту квартиры имѣть отъ Университета, и 4) чтобы по сей продажѣ землю считать уже не церковною, но собственностію Университета. О чемъ Преосвященный, 21 Мая, 1823 г., сообщилъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы на отчужденіе церковной земли въ иное вѣдомство, на основаніи закона, испрошено было Высочайшее разрѣшеніе. Въ 1824 г., отъ 17 Марта, послѣдовалъ Указъ Св. Синода о томъ, что, согласно предложенію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Синодъ утвердилъ выше изложенныя предположенія о взаимномъ перемѣщеніи Священниковъ Левицкаго и Яковлева и о прочемъ, и что предоставленіе въ собственность Университета церковной земли, занимаемой домами Георгіевскаго причта, когда оные по оцѣнкѣ Консисторіи куплены будутъ въ вѣдомство Университета, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше утверждено. [21]

Между тѣмъ обстоятельства сего дѣла совсѣмъ измѣнились. Попечитель Московскаго Университета, Князь Оболенскій, отношеніемъ, отъ 17 Сентября, 1823, собщилъ Преосвященному Филарету, что нерадѣніе Священника Левицкаго при преподаваніи лекцій охладило желаніе Начальства Университета имѣть его Профессоромъ Богословія, и просилъ на мѣсто его назначить другого. На мѣсто Священника Левицкаго наставникомъ въ Законѣ Божіемъ для Университетскихъ Студентовъ, 1824 г., Февраля 13, опредѣленъ Московскаго Богоявленскаго монастыря Архимандритъ Иннокентій. [22] Такимъ образомъ Георгіевская, на Красной Горкѣ, церковь, осталась Университетскою церковію на

---

[21] Всѣ изложенныя обстоятельства въ дѣлѣ о перемѣщеніи Священниковъ Левицкаго и Яковлева 1821 г., Февраля 22, по описи № 103.

[22] Архимандритъ Иннокентій Платоновъ прежде былъ Священникомъ при Неопалимовской въ Москвѣ церкви; мірское его имя Иванъ Васильевичъ, изъ окон-

прежнихъ отношеніяхъ, и при ней Священникомъ О. Захарій, который и послѣ при сей церкви здравствовалъ.[23] Въ 1827 г. Декабря 19, на мѣсто Архимандрита Иннокентія, Ординарнымъ Професоромъ Богословія и Церковной Исторіи опредѣленъ Священникъ и Законоучитель Университетскаго Пансіона, П. М. Терновскій, изъ Магистровъ 3-го курса (1818 — 1822) Московской Духовной Академіи, проходилъ должность Баккалавра въ оной Академіи, и въ 1827 г., Февраля 2, произведенъ къ Воздвиженской въ показанномъ Пансіонѣ церкви во Священника. По смерти Георгіевскаго, на Красной Горкѣ, Священника Захарія Яковлева, Священникъ Терновскій, въ 1832 г., Марта 2, переведенъ къ сей Георгіевской церкви въ Настоятеля, а въ 1836 г., Февраля 20, по новому образованію Московскаго Университета, онъ утвержденъ Профессоромъ Богословія, Церковной Исторіи и Церковнаго Законовѣдѣнія.[24]

По пріобрѣтеніи Московскимъ Университетомъ смежнаго чрезъ Никитскую улицу дома Гг. Пашковыхъ, и по приспособленіи сего дома къ зданіямъ Университетскимъ, Попечитель Московскаго Университета, Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, въ

чившихъ курсъ въ Троицкой Лаврской Семинаріи, былъ Учителемъ въ Перерванской Семинаріи; произведенъ во Священника къ Софійской, на Лубянкѣ, церкви 1799 г., Іюня 29; переведенъ къ Неопалимовской церкви 1806 г., Октября 26; проходилъ должности увѣщателя и депутата; въ 1818 г. награжденъ скуфьею; по Указу Св. Синода, 1819 г., Октября 24, постриженъ въ монашество и произведенъ въ Архимандрита Златоустова монастыря; Декабря 10 того же года Ректоръ Заиконоспаскихъ Училищъ; 1820 г. въ Генварѣ Ректоръ Спасо-Андроніевскаго Училища; 1821 г., Генваря, Членъ Московской Консисторіи; въ томъ же году Ректоръ Пензенской Семинаріи и Учитель Богословскихъ наукъ, и 1822 года, Генваря, 18, Архимандритъ Нижеломовскаго монастыря; въ томъ же году, Марта 27, Ректоръ Новгородской Семинаріи и Богословскихъ наукъ Учитель, и 24 Апрѣля Архимандритъ монастыря Антонія Римлянина въ Новгородѣ и Членъ Новгородской Консисторіи; 1823 г., Іюля 23, Настоятель Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ, а съ 16 Сентября Членъ Московской Консисторіи.

[23] Священникъ Захарій Яковлевъ при Георгіевской церкви умеръ 1831 г., Декабр 6, и погребенъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

[24] См. послужной списокъ Петра Матвѣевича Терновскаго по Клировой Вѣдомости.

1836 г., отношеніемъ отъ 15 Декабря, увѣдомилъ Преосвященнаго Филарета, состоявшаго уже въ санѣ Московскаго Митрополита, что, съ Высочайшаго соизволенія, въ зданіяхъ Университета устроивается собственная церковь во имя Св. Мученицы Татіаны, и по штату Университета Профессору Богословія, который есть и Настоятель Университетской церкви, положено жалованья 3000 р. и, по особому Высочайшему повелѣнію, добавочныхъ изъ економическихъ суммъ, 1000 р. и квартирныхъ 500 р., а всего 4,500 р., на содержаніе же самой церкви и причетника 1,200 р., и просилъ перемѣстить къ новоустроенной Татіанинской въ Университетѣ церкви Георгіевскаго, на Красной Горкѣ, Священника, П. Терновскаго, который состоитъ при Университетѣ Профессоромъ Богословія, и назначить къ церкви причетника, съ жалованьемъ ему до 500 р. въ годъ. Къ сему Попечитель присовокупилъ, что Настоятель Татіанинской церкви и причетникъ имѣютъ быть помѣщены въ зданіяхъ Университета, и на нихъ, по примѣру прочихъ казенныхъ заведеній, сверхъ обязанностей по церкви, возложено будетъ исправленіе требъ въ клиническихъ и повивальныхъ институтахъ и у лицъ, имѣющихъ квартиры въ зданіяхъ Университета. Митрополитъ, 3 Генваря, 1837 г., предписалъ Священника Магистра Терновскаго перевести къ новоучрежденной при Университетѣ церкви. Ему предоставлено и причетника избрать къ церкви.

Въ Сентябрѣ, того 1837 г., мѣстный Благочинный, Николохлыновскій Протоіерей Іоаннъ Русиновъ, донесъ Митрополиту, что въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по Высочайшему повелѣнію, храмъ во имя Св. Мученицы Татіаны, вновь сооруженъ и всѣмъ нужнымъ для Богослуженія снабженъ и къ освященію находится въ готовности. Митрополитъ на донесеніи Благочиннаго, Сентября 15, написалъ: «Освященіе совершено 12 дня.» [25] Освященіе храма въ Университетѣ во имя Св. Мученицы Татіаны, какъ извѣстно, совершенно самимъ Митрополитомъ Филаретомъ того 12 Сентября, и при освященіи Архипастырь произнесъ слово на текстъ: «Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ

[25] См. дѣла за показанные годы.

скорбей избави мя. Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся» (Псал. XXXII, 5, 6). [26]

Татіанинская въ Университетѣ церковь помѣщается въ новомъ его домѣ, въ зданіи, смежномъ, чрезъ Никитскую улицу, съ зданіемъ стараго Университетскаго дома. Въ 1858 г. на мѣсто Профессора Богословія въ Московскомъ Университетѣ и Настоятеля Татіанинской церкви, П. М. Терновскаго, который на службѣ возведенъ въ санъ Протоіерея и удостоенъ степени Доктора Богословія, опредѣленъ, 21 Февраля, Священникъ Петропавловской, въ Новой Басманной, церкви, Магистръ Н. А. Сергіевскій, а 11 Марта онъ перемѣщенъ въ Настоятеля Татіанинской въ Университетѣ церкви, съ помѣщеніемъ на его мѣсто къ Петропавловской церкви Протоіерея П. М. Терновскаго. Н. А. Сергіевскій, возведенный въ санъ Протоіерея въ 1865 г., Мая 9, доселѣ состоитъ Профессоромъ Богословія и Настоятелемъ Татіанинской церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. [27]

Н. Розановъ.

30 Ноября, 1868 г.

[26] См. печатныя Слова и рѣчи Филарета, Митрополита Московскаго, ч. 2.

[27] Протоіерей Николай Александровичъ Сергіевскій изъ Магистровъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1-го выпуска); былъ Баккалавромъ (Математики и Физики), сперва въ С.-Петербургской (съ Ноября 1849 г.), потомъ въ Московской, Д. Академіяхъ (съ Сентября 1850); во Священника произведенъ къ Николаевской, въ домѣ Московской Духовной Семинаріи, церкви 1854 г., Іюня 5; того же года опредѣленъ къ Знаменской, въ Зубовѣ, церкви, 23 Декабря; переведенъ къ Петропавловской, въ Басманной, церкви 1855 г., Марта 23 дня.

